

А. И. ГЕРЦЕН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ и ПИСЕМ

под редакцией М. К. ЛЕМБЕ

Том XX

Государственное Издательство

МОСКВА

1923

ПЕТРОГРАД

А. И. ГЕРЦЕНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ и ПИСЕМЪ.

Подъ редакціей М. К. Лемке

Томъ XX

1867—68 гг.

(№№ 3158—3343)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1928 ПЕТРОГРАД

Оглавленіе.

№№		СТР.
**3158.	Письмо къ Н. П. Огареву	1
**3159.	Тоже	2
**3160.	Тоже	4
**3161.	Тоже	6
**3162.	Тоже	7
*3163.	Письмо къ М. Мейзенбургъ	8
*3164.	Письмо къ сыну	9
**3165.	Письмо къ Н. П. Огареву	10
**3166.	Тоже	11
**3167.	Тоже	12
*3168.	Тоже	13
**3169.	Тоже	—
*3170.	Письмо къ сыну	14
*3171.	Письмо къ О. А. Герценъ	16
*3172.	Письмо къ Лизѣ	—
**3173.	Письмо къ Н. П. Огареву	—
*3174.	Письмо къ сыну	17
*3175.	Письмо къ Лизѣ	18
*3176.	Письмо къ О. А. Герценъ	19
**3177.	Письмо къ Н. П. Огареву	—
**3178.	Тоже	20
**3179.	Письмо къ неизвѣстному	—
*3180.	Письмо къ сыну	21
**3181.	Письмо къ Е. А. Сатиной	22
*3182.	Письмо къ М. К. Рейхель	—
*3183.	Письмо къ сыну	23
*3184.	Письмо къ С. Тхоржевскому	24
*3185.	Письмо къ сыну	25
*3186.	Письмо къ С. Тхоржевскому	26
**3187.	Письмо къ Н. П. Огареву	27
*3188.	Письмо къ М. Мейзенбургъ	28
*3189.	Письмо къ С. Тхоржевскому	—

¹⁾ *—означаетъ печатающееся здѣсь впервые; **—напечатанное гдѣ нибудь раньше, но не вошедшее ни въ женевское, ни въ петербургское (1906 г.) изданія; только ничѣмъ не отмѣченное вошло въ то и другое или въ одно изъ этихъ изданій.

**3190.	„Le Kolokol“	29
	„Колоколъ“	30
**3191.	Письмо къ Н. П. Огареву.	31
*3192.	Письмо къ сыну и О. А. Герценъ	32
**3193.	Письмо къ Н. П. Огареву	34
**3194.	Письмо къ Г. Н. Вырубову	35
**3195.	Письмо къ Н. П. Огареву	—
*3196.	Письмо къ С. Тхоржевскому	36
**3197.	Письмо къ Н. П. Огареву	37
**3198.	Письмо къ Г. Н. Вырубову	38
**3199.	Письмо къ Н. П. Огареву	39
**3200.	Тоже	40
**3201.	Тоже	41
*3202.	Письмо къ С. Тхоржевскому	42
**3203.	Письмо къ Н. П. Огареву	—
**3204.	Письмо къ Г. Н. Вырубову	43
**3205.	Письмо къ Н. П. Огареву	44
**3206.	Письмо къ Н. Н. Ге	45
**3207.	Prolegomena	68
	Пролегомена	68
**3208.	Письмо къ Г. Н. Вырубову	94
*3209.	Письмо къ сыну	—
*3210.	Письмо къ М. К. Рейхель	95
*3211.	Письмо къ Н. П. Огареву	96
**3212.	Un fait personnel	—
	Личное дѣло	8
**3213.	(О выходѣ «Колокола» на французскомъ языкѣ)	104
**3214.	В. И. Кельсиевъ	112
**3215.	Отъ редакціи	115
**3216.	Общій фондъ	—
*3217.	Письмо къ М. Мейзенбургъ	—
**3218.	Письмо къ И. С. Тургеневу	116
*3219.	Письмо къ сыну	120
**3220.	Письмо къ С. Тхоржевскому	121
**3221.	Письмо къ Н. П. Огареву	122
*3222.	Письмо къ сыну	123
**3223.	Письмо къ Н. П. Огареву	124

1868.

*3224.	Письмо къ старшимъ дочерямъ и М. Мейзенбургъ	127
**3225.	Письмо къ Н. П. Огареву	128
*3226.	Письмо къ О. А. Герценъ	129
**3227.	Письмо къ Н. П. Огареву	130
*3228.	Письмо къ С. Тхоржевскому	131

№№		СТР.
**3229.	Réponse à l'appel du centre républicain polonais aux russes	131
	Отвѣтъ на призывъ польскаго республиканскаго центра къ русскимъ	135
**3230.	La loi générale et le générale Potapoff	141
	Общій законъ и генераль Поталовъ	142
*3231.	Письмо къ С. Тхоржевскому	—
*3232.	Тоже	—
**3233.	Sommes nous pour la guerre?	144
	За войну ли мы?	145
**3234.	Les feuilles de vigne du «Nord» et les branches de bouleau de l'administration russe	149
	Фиговые листы «Le Nord» и березовые прутья русской администраціи	150
**3235.	(Примѣчаніе)	152
*3236.	Письмо къ С. Тхоржевскому	—
*3237.	Письмо къ М. Мейзенбургъ	153
*3238.	Тоже	154
*3239.	Письмо к Ж. Мишле.	155
*3240.	Тоже	158
*3241.	Письмо къ М. Мейзенбургъ	160
**3242.	Тоже	162
**3243.	Письмо къ Н. П. Огареву	163
**3244.	Тоже	164
**3245.	Moeurs russes	165
	Русскіе нравы	171
**3246.	[Примѣчаніе]	177
**3247-49.	(Faits divers)	—
	(Смѣсь)	178
*3250.	Письмо къ сыну	178
*3251.	Тоже.	180
*3252.	Письмо къ М. К. Рейхель	181
**3253.	[О выпускѣ № 6 „Kolokol“]	182
**3254.	L'imbroglio	—
	Путаница	184
**3255.	Communisme russe	186
	Русскій коммунизмъ	189
**3256.	Arthur Beni	193
	Артуръ Бени	—
**3257.	Письмо не для печати	194
*3258.	Письмо къ М. Мейзенбургъ	—
*3259.	Письмо къ Лизѣ	197
*3260.	Письмо къ старшимъ дочерямъ	—
*3261.	Письмо къ сыну	198

	СТР.
ЖМ	
*3262. Тоже	199
*3263. Письмо къ сыну	200
*3264. Изъ дневника	—
*3265. Письмо къ сыну	201
*3266. Тоже	202
*2667. Письмо къ Н. П. Огареву	203
**3268. Тоже	—
*3269. Письмо къ Лизѣ и Н. А. Огаревой	204
**3270. («La Gazette de la Bourse» de Saint-Pétersbourg)	205
Петербургскія «Биржевыя Вѣдомости»	208
**3271. Etudes historigues sur les héros de 1825 et leurs pré- décésseurs, d'après leurs mémoires	211
Историческіе очерки о герояхъ 1825 г. и ихъ пред- шественникахъ по ихъ мемуарамъ	213
**7272. La librairie en Russie	217
Книгоиздательство въ Россіи	218
**3273. Assassinat juridique	219
Юридическое убійство	220
**3274. Exemple des débats parlementaires	—
Примѣръ парламентскихъ споровъ	221
**3275. Un post-scriptum	—
Приписка	222
**3276. Un espion	—
Шпіонъ	—
**3277. Письмо къ Н. П. Огареву	223
*3278. Тоже	224
**3279. Письмо къ М. Мейзенбургъ	226
*3280. Письмо къ Н. П. Огареву	228
*3281. Письмо къ Мейзенбургъ	229
**3282. [О выходѣ «Kolokol»]	230
**3283. Frisant la question polonaise	231
Къ польскому вопросу	239
**3284. Rien n'est impossible pour le tzar	248
Для царя нѣтъ ничего невозможнаго	249
**3285. «Le Golos» est arrivé!	—
«Голосъ» прибылы	250
**3286. Письмо къ Н. П. Огареву	—
*3287. Письмо къ М. Мейзенбургъ	252
**3288. Письмо къ Н. П. Огареву	254
**3289. Тоже	255
*3290. Письмо къ сыну	256
**3291. Письмо къ Н. П. Огареву	257
**3292. Тоже	258
**3293. Тоже	260

№№		СТР.
**3294.	Тоже	262
**3295.	Тоже	263
**3296.	Тоже	265
**3297.	Тоже	267
**3298.	Тоже	269
**3299.	Тоже	270
**3300.	Тоже	271
*3301.	Тоже	273
**3302.	Тоже	274
**3303.	Тоже	288
**3304.	L'article de M. Charles Mazade	289
	Статья Шарля Мазада	291
**3305.	Un nouveau journal russe à Genève	294
	Новый русскій журналъ въ Женевѣ	—
**3306.	L'éclipse de Budberg	295
	Исчезновение Будберга	296
**3307.	Дуванъ	297
**3308.	Письмо къ Н. П. Огареву	—
**3309.	Письмо къ Н. П. Огареву	298
**3310.	Тоже	299
*3311.	Письмо къ сыну	300
*3312.	Письмо къ Н. П. Огареву	301
**3313.	Тоже	302
**3314.	Письмо къ Тхоржевскому	304
*3315.	Письмо къ Н. П. Огареву	—
**3315bis.	Тоже	305
**3316.	То же	—
*3317.	Письмо къ С. Тхоржевскому	—
*3318.	Письмо къ сыну	306
**3319.	Письмо къ Н. П. Огареву	307
**3320.	Тоже	308
**3321.	Письмо къ С. Тхоржевскому	309
**3322.	Письмо къ Н. П. Огареву	310
*3323.	Письмо къ сыну	—
*3324.	Письмо къ Н. П. Огареву	311
**3325.	Nos grands morts commencent à revenir	313
	Наши великіе покойники возвращаются	314
**3326.	Etudes historiques sur les héros de 1825 et leurs prédé- cesseurs, d'après leurs mémoires. Un conspirateur de 1825 (Jean Yakouchkine)	315
	Историческіе очерки о герояхъ 1825 г. и ихъ пред- шественникахъ по ихъ мемуарамъ. Заговорщикъ 1825 г. (Иванъ Якушкинъ)	340
**3327.	«La Démocratie» et Michel Bakounine	367
	«Демократія» и Михаилъ Бакунинъ	368

№№	СТР.
**3328. Les tchèques étonnent aussi par leur ingratitude . . .	369
Чехи также удивляютъ своей неблагодарностью . . .	—
**3329. La femme et le prêtre admis au droit de l'homme . . .	370
Женщина и священникъ, приобщенные къ правамъ чело- вѣка	372
**3330. L'ennemi vaincu	364
Побѣжденный врагъ	375
**3331. Groméka le persécuteur, Groméka l'orthodoxe et furieux byzantin	—
Громека преслѣдователь, Громека православный визан- тиецъ	376
**3332. Письмо къ Н. П. Огареву	376
*3333. Письмо къ сыну	377
*3334. Письмо къ С. Тхоржевскому	379
*3335. Письмо къ сыну	380
**3336. Письмо къ Н. П. Огареву	381
**3337. Тоже	383
*3338. Тоже	384
**3339. Тоже	385
**3340. Тоже	386
*3341. Письмо къ М. Мейзенбургъ	387
**3342. Письмо къ Н. П. Огареву	390
**3343. Тоже	—
Библиографическій комментарий	392

3158. Письмо къ Н. П. Огареву.

3 сентября (1867), вторникъ.

Итакъ, невралгія прошла. Это очень хорошо. Моя морская сыпь не проходитъ, стану ее лѣчить, какъ чесотку, сѣрой.

У насъ съ той бураски ¹⁾ совершенная тишина, были и слова раскаянія и слезы. Письмо мое испугало. Съ Татой идетъ все гладко, но тоже ничего. Лиза учится хорошо; да, и еще разъ — учителя превосходные. Я боюсь, что Н. поссорится съ учителемъ музыки за то, что онъ кричитъ на Лизу и бранится — а она дѣлаетъ большіе успѣхи.

Отъ Мейз. получилъ письмо, — въ Гапо нѣтъ холеры и около. Саша пишетъ, что и во Флоренціи пока нѣтъ, но что, если-бъ была, ѣхать нельзя. Правительство отставляетъ бѣгущихъ отъ холеры, особенно D-g ²⁾, и печатаетъ имена въ газетахъ.

Отъ Бамбергера сейчасъ получилъ письмо. Онъ на день остановивался въ Парижѣ и уѣхалъ въ Трувиль. Придется ѣхать къ нему туда. Онъ мнѣ необходимъ, и на *одной* Готшильда полагаться нельзя. Когда рѣшу, что ѣхать, напишу за 24 часа.

500 фр. пришлю изъ Парижа.

Какъ возможно Бакун. предлагать квартиру съ ѣдой? Я предлагалъ только стѣны, стулья и Тхоржевскаго бесѣды. Это былъ бы такой антецедентъ и такое бы разореніе, что упадешь.

Твое положеніе въ «писовкѣ» не изъ пріятнѣйшихъ. Если Бакун. съ тобой согласенъ — ничего, если же вы будете не одного мнѣнія, что ты сдѣлаешь публично? Если Долг. будетъ отъ имени

¹⁾ Bourgrasque — порывъ, внезапный припадокъ.

²⁾ Докторовъ.

русскихъ говорить вздоръ? (Какъ я зналъ, что Бак. испугаетъ его; напусти его хорошенько). Не занемочь ли тебѣ? Молчать нельзя, а публично собачиться ты не привыкъ. Я пишу къ Барни и влагаю письмо; ты при пакетѣ его и пошли.

Статейка моя «Prolegomena» готова (50 страницъ), но что дѣлать — потолкую съ Бамб. Я всякій день дальше отъ Запада и даже не имѣю потребности видѣть Гариб. въ Женевѣ. Зачѣмъ въ Россіи нѣтъ чистыхъ, понимающихъ людей возлѣ Гарунъ-аль-Рашида ¹⁾? Онъ не онъ, а рычагъ, т.-е. levier ²⁾, хоть и не тотъ, который былъ у тебя.

Пусть Барни читаетъ, даже, если хочетъ, печатаетъ мою эпистолу. Я бы прислалъ тебѣ § 1 моей статьи показать имъ. Можетъ, и пришлю. Боюсь, пропадетъ. Вотъ Бакунинъ могъ бы по поводу моего письма сказать слово-другое.

Кому дать поправить, не знаю. Всѣмъ имъ статья станетъ поперекъ горла. А слогъ гадить я не позволю, далѣе чистки sub-jonctif'a ничего.

Тхоржевскому доношу, что жары здѣсь хуже іюльскихъ. Въ воскресенье было гуляніе на Варѣ. Здѣсь извозчики ѣздятъ очень скоро, и жаръ былъ такъ великъ, что лошади падали мертвыми: мы сами *видѣли* трехъ.

P. S. Ты спрашиваешь, когда въ Женеву? Ну, «писовкой», Баховкой, Грузиновкой и Князевкой ³⁾ не заманишь. На «писовку» приѣду только въ случаѣ, если ты потребуешь.

У насъ ничего не рѣшено, ни о Татѣ (ей ѣхать до окончанія холеры нельзя). На-дняхъ срокъ квартиры—и тогда все рѣшится.

Мейзенбургъ посланное тобою письмо отъ Шурца получила.

 Пусть Тхоржевскій купитъ франка въ три игрушку и скажетъ, что я ее прислалъ маленькому Lancier въ Petit Lancy.

3159. Письмо къ Н. П. Огареву.

5 сентября (1867), четвергъ.

Эпиграфъ этотъ былъ употребленъ нами нѣсколько разъ. Пожалуй, второй стихъ и можно. Но когда же будетъ второй супле-

¹⁾ Александръ II.

²⁾ Levier—и фамилія доктора.

³⁾ Т.-е. А. Н. Бахомъ, Николадзе и Долгоруковымъ.

ментъ? ¹⁾ Тема твоей баллады ²⁾ больно допотопна. Отъ «Бѣдной Лизы» Карамз. до Ниобы и Шарлотты ³⁾ она была высказана во всѣхъ формахъ. Но это не резонъ, и все вмѣстѣ недурно.

Я радъ, что послалъ Барнц письмо, и если-бъ онъ отвѣчалъ, я радъ писать второе—и даже для печати. Намъ надобно себя поставить въ противоположность съ глупыми обвинителями.

Прочти статью въ «Temps» отъ 3, кажется (если цѣла, я пришлю), и всенепремѣнно статью Клячко въ «Revue des Deux-Mondes» 1 сент. о панславизмѣ, гдѣ онъ кадитъ Австріи и Турціи и зоветъ ихъ на войну противъ Россіи.

Неужели намъ все сидѣтъ между кресель—задъ на полу? Надобно просто стать противъ этихъ клочковъ старой ткани. Мѣсто въ западной публицистикѣ для насъ есть, и большое. Не напечатать ли мою статью, какъ *coup de tam-tam* ⁴⁾, особо, въ родѣ *spécimen*'а. А ты напрасно меня остановилъ отъ Эмиля Жирард. «Новую Мысль» я читалъ; мило, умно, свѣжо, но, все же, *studentmässig* ⁵⁾ и такъ же не будетъ расходиться, какъ вырубковка ⁶⁾.

Фогтъ имѣлъ колоссальный успѣхъ въ Парижѣ. Онъ тамъ за обѣдомъ восхитилъ своей рѣчью; его и Вирхова ⁷⁾ особенно фетировали ⁸⁾. «Liberté» говоритъ: если Вирховъ похожъ на Робеспьера(?), то Фогтъ—на Дантона. Скажи ему это.

Пріѣздъ Бакунина меня интересуетъ. Это очень хорошо, если онъ остановится у Клапр. ⁹⁾ (будетъ Кл. всю жизнь помнить). Онъ знакомъ со Скарятинымъ и, вообще, мнѣ хочется узнать, какъ онъ станетъ съ эллидьевкой, а главное—съ поляками. Чтò онъ мнѣ писалъ? Спроси его. Къ Гарибальди тебѣ придется сходить; скажи ему, почему меня нѣтъ.

¹⁾ Рѣчь идетъ объ эпитафій къ статьѣ Огарева «Современная за-мѣтка»:

«Б. вертитъ задомъ и передомъ,
А дѣло идетъ своимъ чередомъ».

²⁾ Первые два стиха изъ 26-ти:

«Возвышенный домъ наверху крутизны,
Въ закрытыя окна всѣ залы видны».

³⁾ Ниоба (Ниобя)—дочь Танталя, обратившаяся отъ горя въ камень и въ вѣчной тоскѣ проливавшая слезы о своемъ погибшемъ потомствѣ. Шарлотта изъ гетевскаго «Вертера».

⁴⁾ Ударъ въ гонгъ.

⁵⁾ По-студенчески.

⁶⁾ «Philosophie Positive», издание Г. Н. Вырубова.

⁷⁾ Рудольфъ, извѣстный нѣмецкій ученый и полит. дѣятель.

⁸⁾ Fête—устроить праздникъ, праздновать.

⁹⁾ Клапредъ.

Я жду отвѣтъ (второй) отъ Бамб. и, вѣроятно, скоро поѣду въ Парижъ на нѣсколько дней.

Мнѣ очень жаль, что я не видался съ Погод. Постараюсь найти Ханькова. Мы ничего не знаемъ, т.-е. ровно ничего.

Затѣмъ скажу, что жары здѣсь въ августѣ шли крѣпче, чѣмъ въ июлѣ, а теперь крѣпче, чѣмъ въ августѣ, т.-е. отъ 7 утра до 5 вечера жогомъ жжетъ.

Я не съѣдаю $\frac{1}{4}$ фунта говядины въ сутки, зато питаюсь фруктами и легкимъ медокомъ съ содовой водой безъ конца, но съ абсентомъ.

Всѣ, впрочемъ, совершенно здоровы. Лизѣ я до твоего письма прислалъ отъ тебя красивую книгу и другую небольшую отъ Тхоржевс., такъ что письмо вышло démenti'емъ ¹⁾. Но она не догадалась. Она тебѣ сообщаетъ, что у нея былъ soirée и на немъ:

5 Françaises (mél. avec des italiennes),

2 Irlandaises,

1 Anglaise ²⁾.

Старшей дамѣ—10 лѣтъ,

Самой меньшей—2 года 8 мѣсяцевъ.

Лизавета и кухарка сдѣлали иллюминацію.

Завтра ѣдемъ въ Cannes.

Сыпь не проходитъ.

Послѣ обѣда. Пятница.

Погодина статью и письмо отъ 4 получилъ. Отсутствіе на конгрессѣ—просто «рельефъ». Кланяйся Бакунину. Жду и жду вѣстей.

Новый форматъ писемъ ³⁾.

3160. Письмо къ Н. П. Огареву.

8 сентября (1867), воскресенье.

Вчерашній день былъ скученъ и неудаченъ, къ тому же Тата была не совсѣмъ здорова съ вечера. Я былъ на могилѣ одинъ. Совершенный хаосъ мѣшаетъ всему, т.-е. хаосъ въ головѣ N.... Что мы воду толчемъ, это такъ, но комплота, все же, не было; она сама не могла надивиться рѣшенію Мар. Ал., и въ особеннѣности

¹⁾ Опроверженіемъ.

²⁾ Пять французенокъ (перемѣшан. съ итальянками), 2 ирландки, 1 англичанка.

³⁾ Письмо написано на $\frac{3}{4}$ листа бумаги.

Десп.-Зеновичу. Лизу отъ Пензы я спасу, а что еще—не знаю. Я жду еще записки отъ Бамб., чтобъ ѣхать; au reste, до 15 сентября и даже 20 большой крайности нѣтъ. Въ началѣ ноября все покончится, т.-е. будетъ отвѣтъ изъ New-York.

Попроси Тхорж. присылать «Journal de Genève» (или что самое подробное будетъ о конгрессѣ),—въ журн. здѣшнихъ не все напечатается. У васъ Луи Бланъ (кланяйся ему) и Thiers. А, все же, мнѣ внутренній голосъ говорить, что мы не у мѣста. И это была бы единственная заслуга, которую могъ бы сдѣлать Бакунинъ, если-бъ онъ это сказалъ. Онъ можетъ говорить,

какъ фармазонъ,
какъ демократъ,
какъ социалистъ,
какъ богословъ невѣрія etc., etc.

Но пусть скажетъ, что, какъ русскій, онъ могъ бы только вести полемику за то, что вся Европа насъ понимаетъ по-польски. **Скажи ему.**

Кстати, если ты найдешь нужнымъ, скажи Баку. о домашнихъ дѣлахъ и, вообще, поступай со всѣми, какъ знаешь. Къ Б. ¹⁾ я буду писать. Пусть онъ въ письмахъ остороженъ. Спроси, какъ ему понравилась моя статейка объ немъ.

А пророс, зачѣмъ или за что ты посылаешь мнѣ Погодина журналъ? Я хотѣлъ только исключительно тотъ №, въ которомъ статья обо мнѣ. Онъ разсказалъ встрѣчу вѣрно, хотя и есть пропуски преднамѣренные. Далѣе я его журналъ въ руки брать не хочу. Это — бредъ въ духѣ холопской демократіи, пропущенной черезъ кишки попа и пузырь старой няньки, любящей Митрофанушку. А не забылъ сказать, злодѣй, что въ Montreux виноградъ стоитъ лучшій 50 сант. фунтъ! Какъ онъ подлъ въ описаніи обѣда у Берга! А, все же, онъ многое бы разсказалъ, и я жалѣю, что не видалъ его.

Прошу же и тебя, и Тхорж. всякія подробности и некдоты; конечно, любопытно было бы взглянуть, но... но, entre nous, я очень радъ, что я не въ Женевѣ. Даже наша жизнь врознь и все остальное лежало бы плитой на груди.

20 сент. надобно быть на другой квартирѣ, но ничего еще не рѣшено, даже того, остается ли N. въ Ниццѣ. У нея разныя фантазіи. Холера въ Италіи проходить. Дня черезъ два напишу всѣ планы.—Прощай.

Тата письмо получила.

¹⁾ М. А. Бакунинъ.

3161. Письмо къ Н. П. Огареву.

9 сентября (1867), понедѣльникъ.

Поздравляю съ открытіемъ *писовки*... Да, да и да, мнѣ нечего было дѣлать на этой *Vanity fair* ¹⁾, и есть случай объясниться, что мы не съ ними.

Я дѣйствую и по разсужденію, и по чутью. Конечно, есть демонъ подталкивающей, но—баста ошибаться:

польскій вопросъ,

раскольники

и микро-нигилисты

проучили!.. Я готовъ всю полемику вынести на своихъ плечахъ. ¹⁾

Скажи Баку., чтобъ прочелъ книгу *Тальбота* «О Европѣ и Россіи» (вѣрно, есть у Георга или кого-нибудь, не то пришло) ²⁾. И эту глупую дресню съ горохомъ перевозносятъ! Жду писемъ. Прощай.

Отъ Бамбер. письмо самое удовлетворительное съ двумя рекомендаціями къ банкирамъ.

Напишу, когда поѣду. Ищу квартиру, и весь въ чирьяхъ (четыре!) и въ сыпи. Вотъ море-то.

Прошу Тхоржевскаго—новостей, «*Journal de Genève*» и еще пусть пришлетъ 5 экз. «*Camicia rossa*» на имя *Visconti, libraire*.

◆◆ 1. На женевскомъ конгрессѣ, бывшемъ подъ предсѣдательствомъ Гарибальди, присутствовали К. Фогтъ, Ж. Фавръ, Э. Реклю, Э. Кинэ и др. Каждая національность имѣла своего вице-президента и секретаря; отъ русскихъ первымъ былъ Огаревъ, вторымъ Вырубовъ.

Послѣдній разсказываетъ, что именно въ 1867 г. «нетерпимость Герцена ко всему, что касалось Запада, и національная обидчивость особенно ярко выразились по поводу двухъ событій: парижской выставки, которою интересовался тогда весь цивилизованный міръ, и конгресса». «Хотя онъ одобрялъ мысль этого сбирца радикаловъ всѣхъ европейскихъ странъ и записался въ число сочувствующихъ (напечатавъ въ «Колоколѣ» и оповѣщеніе о записи и проч. условіяхъ—*М. Л.*), но, несмотря на всѣ мои просьбы и увѣщанія, въ Женеву не пріѣхаль. Свое намѣренное отсутствіе онъ объяснилъ въ письмѣ къ предсѣдателю учредительной комиссіи Барни и пространнѣе въ заглавной статьѣ перваго нумера французскаго «Колокола». Эти объясненія прямо истекали изъ его крайняго,

¹⁾ Ярмарка тщеславія.

²⁾ Ed. Talbot, «*L'Europe aux européens. Les russes ne sont pas des européens...*», Paris, 1867.

чрезмѣрнаго патріотизма. Онъ находилъ, что западная демократія, хотя и относилась весьма дружелюбно къ нѣкоторымъ русскимъ, слишкомъ низко цѣнить Россію, слишкомъ презрительно смотритъ на ея политическій строй и слишкомъ забываетъ собственные изъяны; онъ требовалъ не терпимости, не снисхожденія, а признанія полного равенства Россіи съ другими европейскими странами... Въ этомъ я не виню Герцена,—онъ слѣдовалъ тутъ своему темпераменту, но это только лишній разъ доказываетъ, что онъ былъ человѣкъ сентиментальнаго увлеченія, а не обдуманной политики». «Женевскій конгрессъ не удался или, вѣрнѣе сказать, не осуществилъ тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагали его организаторы... Съѣхавшись изъ самыхъ разнообразныхъ странъ свѣта, мы не подозревали, что попали въ самый разгаръ избирательной борьбы въ женевскомъ кантонѣ» («В. Европы», 1913, I).

3162. Письмо къ Н. П. Огареву.

11 сентября (1867), среда.

Жду съ яримъ нетерпѣніемъ вашъ рапортъ и фельетонъ Тх. Меня сокрушаетъ моя сыпь, и я отъ нея не поѣхалъ къ Ротш. Пять небольшихъ чирьевъ и мелкая сыпь. D-г даетъ bicarbonati di potassi для мытья. Къ утру, кажется, все кончено, а какъ только на солнце или много ходишь до поту, сыпь и красныя пятна выступаютъ. Да это бы ничего, но тогда начинается чесаться и колоть.

Кажется, окончательно рѣшено: N. остается до весны. Хотя она и грозитъ, что, если нужно, то уѣдетъ въ Дрезденъ, когда пріѣдетъ Ал. Ал., но не вѣрю въ рѣшимость. Страннѣйшій нравъ. Съ учителемъ музыки была стычка и мнѣ надобно было употребить колоссальныя усилія, чтобы смягчить дѣло. А учителя превосходные... Ну не безумство ли? «Да онъ кричитъ на Лизу, и она *можетъ* отъ этого занемочь, у нея нервы разстроены». А она бросается въ море и плаваетъ полчаса, растеть, сильна... гдѣ же болѣзнь? И еще: она любитъ и боится учителя и учится хорошо у него. «Я не хочу, чтобъ этотъ мерзавецъ училъ». — «А я—такого бессмысленнаго поступка, и долженъ буду уѣхать etc.». Кое-какъ уладилъ. Она ему написала, чтобъ «не кричалъ», онъ добродушно извинился... Вотъ и писовка ¹⁾.

Мое предисловіе готово. Я пишу теперь lettre à M. Vasounine. Въ немъ-то я хочу на свой манеръ бросить перчатку, шитую жем-

¹⁾ Т.-е. примиреніе.

-чугомъ по бархату, Западу. Благословите, отцы-святители! У меня накупѣла такая злоба, что я пишу съ мягкостью млека и меда. Тамъ я скажу in extenso ¹⁾, что́ сказалъ въ письмѣ къ Барни (ты мнѣ ничего не писалъ о его полученіи; я послалъ 3-го):

Я здѣсь дождусь послѣдняго письма о писовкѣ и тотчасъ поѣду. Въ Трувиль мнѣ ѣздить незачѣмъ. Въ П. пробуду 5 или 6 дней. Пиши сюда до перемѣны адреса.

Если нужны какія деньги на «писовку», ты не скупись и скажи Тхор., чтобъ онъ за меня вносилъ или за себя на мой счетъ.

Кланяйся Бак., жду письма отъ него.

Жара здѣсь продолжается; сегодня тучи, можетъ, будетъ легче. Въ письмахъ будьте мудры, яко зміи.

Послѣ обѣда. 5 часовъ.

Читалъ два вечера Татъ «Юморъ» ²⁾. Нѣтъ, господа Tcherni-chevsky et école ³⁾, вы не вырвете эту полосу поэтического пробужденія, этотъ юный размахъ и пр.

Писемъ нѣтъ. Если бы я не зналъ, что есть тайныя мощи; то на этотъ разъ я очень разсердился бы.

Ждалъ, ждалъ, ну, стало, прощайте.

Лиза пишетъ къ тебѣ письмо, и не показала мнѣ, — хочеть сама отправить.

Сегодня было письмо отъ Ал. Ал.—ничего.

3163. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

14 sept. 1867.

Nice.

Tata a une telle intempérance épistolaire qu'il n'y a aucun moyen de trouver une place dans les lettres pour dire «bonjour». Je ne connais que la minime partie des affaires de Genève. Dieu m'a sauvé de la participation—il me semble que tout était incohérent et a mal fini. Je ne suis pas content du «speech» de Bacounine. Je ne voulais pas y aller et je donnerai une explication in extenso.

Vers le 20 j'irai pour une semaine à Paris pour finir la transfusion de l'or de l'Amérique. Je gagnerai peut-être; dans tous les cas je ne perdrai rien sur les Un. Stats.

¹⁾ Полностью.

²⁾ Огарева.

³⁾ Чернышевскій и школа (его).

Je ne sais pas si je viendrai chez vous cette année, je ne crois pas. Peut-être au commencement de 1868.

Addio. Je ne reçois les lettres de Genève que quelques jours plus tard. Cela me soutient dans un état de fièvre.

Venez la mer suivant à Nice, il fait très beau ici.

Переводъ.

У Таты такая эпистолярная неумѣренность, что въ ея письмѣ невозможно найти свободное мѣстечко, чтобы изобразить «здравствуйте!». Мнѣ извѣстна наименьшая часть того, что происходитъ въ Женевѣ. Богъ спасъ меня отъ участія; мнѣ кажется, что все тамъ было безсвязно и плохо кончилось. Я недоволенъ бакунинскимъ спичемъ. Я не хотѣлъ туда ѣхать и объясню причину in extenso.

Около 20-го я поѣду на недѣлку въ Парижъ, чтобы покончить съ трансфузіей американскаго золота. Можетъ быть, я выгодаю малую толику на этой операціи и во всякомъ случаѣ ничего не потеряю на Сѣв.-Ам. Соед. Шт.

Не знаю, пріѣду ли я къ вамъ въ текущемъ году; думаю, что нѣтъ; развѣ, въ началѣ 1868.

До свиданія. Изъ Женевы я получаю письма съ опозданіемъ въ нѣсколько дней, что повергаетъ меня въ лихорадочное состояніе.

Пріѣзжайте, слѣдуя берегомъ моря, въ Ниццу; здѣсь прекрасно.

3164. Письмо къ сыну.

14 сентября (1867), суббота.

Женевскій конгрессъ, кажется, лопнулъ безъ пользы и чуть ли не Гар.¹⁾ виновать. Подробностей я еще не знаю (письма почти вовсе не доходятъ со времени конгресса или дня черезъ метьре). Бакун. и Огар. вице-президентами; Бак. говорилъ рѣчь; я не доволенъ ею (читалъ, впрочемъ, только сокращеніе); я написалъ Барни объяснительное письмо, почему не пріѣхалъ. Со временемъ напечатать; это будетъ черта. Я нахожу, что мы въ ложномъ положеніи съ запад. демократами, и до объясненія рабстать вмѣстѣ не можемъ.

Жду послѣднихъ вѣстей и поѣду въ Парижъ на 6 дней оканчивать амер. дѣло. Я уже тебѣ писалъ, что до окончанія (въ ноябрѣ) ничего обѣщать не могу; положиись на меня, все будетъ сдѣлано. — О рентѣ ты меня не понялъ. Надобно для того рабо-

¹⁾ Гарibaldi.

тать, что одной ренты достанетъ только про нужду; больше 10,000 ренты ты никогда не будешь имѣть, но съ работой и оборотами доведешь ее легко до 20/т., — больше 20/т. тратить не нужно и женатому.

Что ты пишешь о холерѣ, очень интересно, но къ терапіи врядь ведетъ ли. У меня вотъ что сдѣлалось: сначала отъ укусовъ комаровъ небольшія ранки; морской водой ихъ разѣло; затѣмъ сыпь на рукахъ и одинъ нарывъ подъ мышкой; потомъ сыпь на груди и пять нарывовъ поменьше. D-г далъ sol. carbon. de potasse ¹⁾ мыть, велѣлъ всякій день брать ванны простой воды съ отрубями (son)—ни малѣйшаго дѣйствія; я пересталъ пить водку и пиво, пилъ одно легкое бордо — ничего. Какъ только мнѣ жарко или потъ, начинается зудъ съ колотьемъ. Неужели и тутъ медицина несостоятельна?

Квартиру новую нашли, 20 переѣзжаемъ. Тутъ же на Promenade, возлѣ Hôtel Victoria; пиши по прежнему адресу; № не знаю.

Тата, вѣроятно, къ зимѣ воротится. Ей помѣщеніе славное и видъ. Если у васъ нѣтъ квартиры, не торопи ее. Лиза учится прекрасно (когда хочется; по счастью, хочется теперь часто).

Прощай.

Журналъ и Выруб. послалъ.

3165. Письмо къ Н. П. Огареву.

14 сент. (1867), суббота.

Я до того оставленъ безъ всякихъ вѣстей и сведенъ на здѣшнія новости, что и винить васъ не хочу. Письма опаздываютъ безобразно. До сего времени я не знаю, дошло ли мое письмо къ Барни.

Квартиры не можемъ найти. Можно пока съѣхать на недѣлю въ пансіонъ, хотя все это дорого. Въ Парижъ не могу ѣхать отъ чирьевъ, а ѣхать нужно. У васъ какой-то хаосъ. Все вмѣстѣ очень скучно.

До писемъ.

Тата, вѣроятно, въ началѣ октября возвратится во Флоренцію. Лиза все послѣднее время лучше. N. могла бы уговорить T.

¹⁾ Растворъ углекислаго калия.

остаться еще мѣсяцъ. Симъ оканчиваются всѣ мои опыты сближеній и примиреній. Наружно все спокойно.

Когда и какіе стихи о Михайловѣ? Здѣсь не получалъ, но мало ли ихъ было прежде.

Говорилъ ли ты съ Бак. о его французской тетради? Вотъ пробный камень.

Сейчасъ узналъ изъ «Temps», что ты вице, а Вырубовъ секретарь. Но что я прочелъ о рѣчи Бак., мнѣ не нравится, и я еще разъ радуюсь, что меня не было.

Вечеръ.

Домъ нашли и наняли. Тутъ же на Promenade des Anglais, № 27, третій этажъ. Это (т.-е. лѣстница)—худшее дѣло, но квартира an sich ¹⁾ хороша и помѣстительна. Разъ можешь писать по старому адресу.

Письма, стало, не будетъ; ~~его, вероятно, окончательно не-~~возможна. Я съ истиннымъ бѣшенствомъ склоняю голову подъ эти каудинскіе фуркулы.

Далѣе сказать нечего.

Было ли послано письмо послѣ 9-го?

3166. Письмо къ Н. П. Огареву.

16 сентяб. (1867), послѣ обѣда. Понедѣльникъ.

Наконецъ-то; письмо отъ 13-го. Не особенно умно, что ты не писалъ, тѣмъ не меньше, изъ совокупности газетъ видно, что конгрессъ провалился, и это можно было предвидѣть по неопредѣленности и разношерстности. Бак. письмо жду, но рѣчью его я недоволенъ. Скажи ему, — это все было хорошо при Николаѣ въ Батиньолахъ, когда цвѣлъ Служальскій. ¶Если-бъ онъ сказалъ: «мы въ томъ же положеніи, какъ вы,—у васъ и у насъ Польша и Муравьевъ»,—другое дѣло. Исторія не идетъ такими путями. Письмо къ нему (француз.) я изодралъ. У Кинэ есть мысль, онъ ходитъ возлѣ дѣла—да, имъ нужно «сознаніе паденія».

Я все еще не знаю, получено ли мое письмо Барни.

Квартира нанята порядочная, немного высоко, но видъ въ обѣ стороны удивительный и двѣ террасы. Дороговизна страшная,—въ годъ и эта стоитъ 3.000. Я полагаю, что Ольга и Мейзенб.

¹⁾ Сама по себѣ.

могутъ ее занять на лѣто. Впрочемъ, я сдѣлалъ условіе, что можно съѣхать весной. Хозяйство идетъ порядкомъ, т.-е. тратится немного.

Вотъ и еще письмо отъ 14 сент. Да развѣ Бакун. не можетъ сдѣлать процесса за квартиру? 500 фр. отъ Тхор. получишь. Если-бъ Сат. прислалъ, я бы написалъ. Буде Бак., дѣйствительно, на перехватъ нужно фр. 100, дай ему и возьми у Тхорж.

Меня очень огорчаетъ, что мало о Долгор.

Напиши о дѣлѣ Шарл. ¹⁾. Я въ Парижѣ ѣду 21-го. Если-бъ очень нужно было, я заѣхалъ бы, но не знаю, лучше потомъ.

Съ учителемъ все уладилось. Дома штиль. Лиза учится превосходно и пишетъ свои мемуары. Она очень рада была, что ты произв. въ вице-през. Она читала это сама въ «Temps».

Прощай.

Писать можешь еще разъ на старый адресъ или на новый.

Послѣ 20-го: 27, Promenade des Anglais, au 3-me.

3167. Письмо къ Н. П. Огареву.

19 сент. (1867), четвергъ.

Твою записку изъ Café de la Couronne, пропитанную пачулями и которую ты такъ свернулъ, что половина мокрая стерлась, получилъ. Чтò значить «неблагопріятные слухи» о Сатинѣ? А, съ другой стороны, зачѣмъ ты надѣешься, чтобъ онъ больше присылалъ? Круглымъ счетомъ онъ посылалъ отъ 4 до 6 т. въ годъ, прибавляя въ продолженіе *десяти лѣтъ*: «и скоро вышлю еще». Вѣроятно, тысячи три онъ пришлетъ. Саго мію, на Сат. надѣйся, а самъ не плошай, живи *на бюджетъ* 6.000 фр. и ни въ какомъ случаѣ его не переходи. Пока я не разорюсь, онъ будетъ выплаченъ, а Сат. присылки будутъ изрѣдка помогать мнѣ и тебѣ. Я держусь за одно—за бюджетъ, и знаю, что это для тебя стѣснительно, но тутъ ужъ дѣло мужества и расплаты за бывшее.

Какъ пробивается Бак.? Тхор. пишетъ, что Долг. печатаетъ противъ него артикулъ. Что тебѣ понравилось въ его рѣчи и въ дѣтскихъ тезисахъ Фанъ-Левальда! Вы всѣ были до драки Фази въ благодушіи и умиленіи ²⁾. Пяти дѣльныхъ словъ не было сказано и, кромѣ плача Кинэ, все плохо. Это — fiasco и черта; 1848 годъ схороненъ такъ же, какъ Сазоновъ въ Женевѣ. Vorwärts!

¹⁾ Гётсонъ.

²⁾ Рѣзкое выступленіе Д. Фази на конгрессѣ о ближайшемъ значеніи всеевропейскаго мира обратило тогда общее вниманіе.

Послѣ объѣда.

Читаль ли письмо Осипа Иван. ¹⁾ въ писовку? Отчего его не прочли? Умно и послѣдовательно.

Буду я 21-го, въ ¹/₂ 2-го и, стало, вечеромъ 22 буду на Ort und Stelle ²⁾. Газеты посылай сюда: 27, Promenade des Anglais au 3, а, если что нужно сообщить, пиши М-г L. Bamberger, 26, Rue de la Chaussée d'Antin, pour remettre à М-г Н.

Поѣздка эта скучна (30 часовъ къ ряду) и дорогá, но рѣшительно необходима. Можетъ, я и улажу выгодно.

Что же письмо Баку. и твоя критика?

Сейчасъ иду на новую квартиру.

Ты говоришь, что Бак. меня ждетъ, т.-е. зачѣмъ? Возвратившись, придется въ началѣ окт. везти Тату до Генуи, можетъ, заѣхать во Флоренцію? И что же я буду дѣлать собственно въ Plain-Palais ³⁾? Женева послѣ писовки еще противнѣе. Если нужно, я заѣду теперь дней на 5, но ~~нужно ли?~~ ~~Объ этомъ~~ черкни на адр. Бамберг. Всѣ свиданія съ другими (кромѣ тебя, т.-е.) до большого добра не доведуть.

А что же «Кол.» издавать по-французски или нѣтъ? Русскій бесполезенъ.

3168. Письмо къ Н. П. Огареву.

(22 сентября 1867) 7¹/₂ часовъ. Воскресенье.
Парижъ, Hôtel de Bade, Boulevard des Italiens.

Имѣю счастье донести, что въ здѣшнюю столицу прибылъ въ вождѣльнномъ здравіи часть тому назадъ. Послѣ Ниццы холодъ страшный... Пиши сюда, но помни, что я дольше субботы не останусь. Комната № 10, прямо на мое имя.

Иду завтра къ доктору Tardieu: сыпь и чирьи жить не даютъ.

3169. Письмо къ Н. П. Огареву.

24 сент. (1867).
26, Rue de la Chaussée d'Antin.

Вотъ тебѣ и Hôtel de Bade,—Бамбергеръ меня спасъ отъ него и его дороговизны и нашелъ комнату въ томъ домѣ, гдѣ живетъ.

¹⁾ Маццини.

²⁾ На мѣстѣ.

³⁾ Улица въ Женевѣ.

Вчера цѣлый день хлопоталъ. Сегодня аудіенція у Ротшильда. Гольдшмитъ совѣтуеть раздѣлить операцію на два. Нѣтъ моего Шомбурга... Hélas ¹⁾!

Никого не видалъ. Скука—толпы туристовъ овладѣли Парижемъ: ни мѣста обѣдать, ни мѣста итти по бульварамъ. Дороговизна чудовищная,—и все ѣсть, пьеть съ утра до ночи.

Слышали ли о книгѣ Мориса ²⁾ Дюфресса? Услышите, если нѣтъ.

Пойду сегодня къ Выруб. послѣ дѣль и отыщу Ханыкова для новостей.

Затѣмъ прощай.

Въ Парижѣ былъ слухъ, что мы разошлись за твою статью о Польшѣ, и что я бросилъ «Колоколь» по этой причинѣ.

Письмо твое черезъ Ниццу получилъ ужъ здѣсь.

Скажи Тхорж., что я готовъ давать статьи Брокгаузу, да и ты можешь. Пусть бы онъ печаталъ у Чернецкаго, но, вѣроятно, на это не согласится.

Пріѣхать я готовъ, но ты вовсе не пишешь, зачѣмъ. Видѣть Б. ³⁾ могу и послѣ. Ты мнѣ лучше скажи, что за мысль въ его рѣчи? Вся вещь, что русское правительство не хуже и не лучше другихъ, и тость его о Польшѣ—анахронизмъ.

Совсѣмъ секретно пріѣхать мудрено. А тутъ Долг., еще не знаю, какъ рѣшится. Къ началу октября пришлю тебѣ 1.000 фр. на два чека, для того, чтобъ одинъ оставить до ноября. Тогда посмотримъ, что Сат. Я не считаю на него.

3170. Письмо къ сыну.

26 сент. (1867), четвергъ.

Paris, 26, Chaussée d'Antin.

Ну-съ, alea jacta est! ⁴⁾ вчера подписалъ довѣренность Belmont'у въ New-York о продажѣ 60,000 doll.; сумму велѣлъ раздѣлить на двѣ: 30,000 перевести сюда, 30,000 оставить тамъ. А, признаюсь, все-таки, морозъ по кожѣ деретъ. Мало что и что можетъ быть, отъ потопленія (тогда длинный процессъ) до банкротства. 1 ноября мы будемъ отвѣтъ.

¹⁾ Увы!

²⁾ Маркъ, франц. политическій дѣятель.

³⁾ Бакунинъ.

⁴⁾ Жребій брошенъ.

Ты пресмѣшной физиологъ въ финансахъ. Пойми же окончательно, что именно теперь у меня нѣтъ капитала *свободнаго*. Послѣ 1 ноября я, если все будетъ цѣло, могу тебѣ отдѣлить *80,000 фр.*, но не торопись: 80,000 предст. въ моихъ рукахъ *5,000* дохода.

Ergo, если ты съ дачи не можешь получить эквивалента, то не покупай, а если это вѣрно, рискни съ разными разсрочками или уступками.

Я предоставляю тебѣ рѣшать. *Но до ответа изъ Америки обѣщать капиталъ не могу.* Какъ же ты этого не понимаешь?

Дача возлѣ Флоренціи въ 40,000 не можетъ быть серьезнымъ помѣщеніемъ. Ты можешь на эти деньги купить акціи lombard'ской дороги и даже австрійской черезъ Альпы. Это вѣрно и, навѣрное, дастъ процентовъ 7 (съ преміями). Если ты приѣдешь за Татой, мы сговоримся, и я могу тебя послать въ Парижъ къ Ротшильду за акціями.

А что у васъ за кутерьма съ Гаръ?

Моя сыпь и нарывы оказались *diabetis'омъ* ¹⁾... Это—ужъ начало конца. *D-r Sée* ²⁾, который знаетъ твою работу и Шиффа, разлагалъ урину и убѣдился, что въ ней сахаръ; онъ говоритъ, что эта болѣзнь—спеціальность Шиффа.

Онъ совѣтуетъ:

- 1) Замѣна содовой воды *eau de Vichy*,
- 2) Уничтоженіе пива и *minimum* водки,
- 3) Употребл. однихъ француз. винъ и нѣсколько хереса,
- 4) Мало хлѣба, ничего мучнистаго, мало...
- 5) Ну, ужъ забылъ.

Дай мнѣніе Шиффа,—пиши въ Ниццу. Я, вѣроятно, въ субботу уѣду и изъ Ліона съѣзжу къ Огареву дня на три.

Прощай; здѣсь шумъ, скука, трескъ и Савичъ ³⁾. 1,000 фр. вамъ на расходъ у меня лежитъ готова. Кошута сына встрѣтилъ у *Rotsch.*; онъ живетъ въ Туринѣ.

Лекцію твою получилъ и очень доволенъ.—Работать, работать...

Десять совѣтовъ объ америк. фондахъ теперь, когда дѣло сдѣлано. Рискъ во всемъ—и Ротш. себя выгораживаетъ отъ всякой отвѣтственности. Будемъ ждать.

Прощай.

¹⁾ Сахарная болѣзнь.

²⁾ Жермень, специалистъ по внутрен. болѣзнямъ.

³⁾ Иванъ Ивановичъ.

3171. Письмо къ О. А. Герценъ.

26 сент. (1867).
Парижъ.

Посылаю эту муху ¹⁾ Ольгѣ съ поздравленіемъ о счастливомъ приѣздѣ.

Ж-ж-ж-ж...
ж-ж-ж-ж-Ж...

Это муха поетъ, а я подъ диктантъ пишу. Итакъ, за работу!

Мальвидѣ жму руку.

Что ты совсѣмъ забыла по-русски или нѣтъ?

3172. Письмо къ Лизѣ.

(26 сент. 1867).

Милая Лиза, я не могъ никакъ прогнать мухи ¹⁾ съ бумаги; она хочеть читать, а потому я ее оставилъ. Скоро приѣду; на твой журналъ я подписался. Цѣлую тебя,—некогда.

Татѣ буду писать завтра. Поцѣлуй ее за меня и будь съ ней очень умна, а то она скоро уѣдетъ.

Прощай.

P. S. Нѣтъ мухи ²⁾.

Ж-ж-ж-ж...ж-ж-ж-Ж...

3173. Письмо къ Н. П. Огареву.

28 сентяб. (1867), суббота.
Ліонъ, Grand Hôtel.

Приѣхалъ сюда въ три часа совсѣмъ въ cold'ѣ ³⁾,—ночь была иркутская. Хочу себя поправить и для этого остаюсь до понедѣльника, а то и свиданье — не свиданье. Я пишу на всякій случай Тхорж. Нужно же ему было ѣхать теперь въ Везэ.

Я приѣду въ 3^{1/2} на станцію. Если никого не найду, велю снести чемоданъ въ «Швейцгергофъ». Пробуду дня четыре.

¹⁾ Напечатана на почтовой бумагѣ.

²⁾ На другой сторонѣ листа.

³⁾ Холодъ.

Вырубовымъ, какъ человѣкомъ, я доволенъ, но онъ — французъ и доктринеръ.

Затѣмъ до свиданія. Если cold еще остановить, я буду телегр. въ понедѣльникъ, часовъ въ 9 утра на имя Тхоржевскаго.

Говорятъ, Кавелинъ очень боленъ.

◆◆ 1. Вырубовъ былъ ошибочно увѣренъ, что Герценъ пріѣзжалъ въ Парижъ изъ-за выставки.

«Тутъ мы съ нимъ видѣлись каждый день и часто вмѣстѣ обѣдали то у меня, то въ café Foу или у Вефура, тогда знаменитыхъ ресторанахъ, въ которыхъ можно было хорошо обѣдать... Герценъ не былъ гастрономомъ: онъ слишкомъ любилъ англійскіе пикули и соусы, дающіе всему тотъ же самый вкусъ уксуса и перца, но хорошую кухню онъ умѣлъ цѣнить. По выставкѣ мы ходили много, но она Герцену сильно не понравилась. Онъ давно привыкъ жить уединенно въ окрестностяхъ большихъ городовъ, среди избраннаго круга; шумъ и гамъ разношерстной толпы его крайне утомляли» («В. Европы» 1913, I).

3174. Письмо къ сыну.

3 октября (1867), четвергъ.
Женева, 7, Boulev. Plain Palais.

Вотъ откуда пишу это письмо. Я изъ Парижа пріѣхалъ сюда на пять дней увидѣться съ Огар. и посмотрѣть, что дѣлается.

Дѣло америк. идетъ и надобно, сложа руки, ждать до начала ноября; тѣхъ выгодъ, о которыхъ писалъ Каппъ, я не получу, все останется *chemin faisant* ¹⁾ въ банкирскихъ рукахъ. Я опять очень сожалѣю, что не отправилъ тебя, но дѣло сдѣлано. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ ты за Татой пріѣхалъ тогда, когда будетъ отвѣтъ; это развяжетъ многое. Можетъ, я поѣду съ тобой, а, можетъ, тебя пошлю одного въ Парижъ для окончанія дѣла.

Теперь разные пункты, очень важные.

1-ое. Я сегодня посылаю тебѣ золотомъ 1,000 фр.; ты тотчасъ напиши въ Ниццу о полученіи черезъ *Messagerie* отъ имени *Thorzevsky*.

2-ое. Кн. Долгоруковъ уѣхалъ отсюда въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ со всѣми, напечаталъ глупую брошюру противъ Ба-

¹⁾ По дорогѣ.

кунина и, вообще, идетъ по дорогѣ примиренія съ правительствомъ. Онъ ѣдетъ во Флоренцію. Прошу и Мейзенб. и тебя не любезничать съ нимъ. Ты можешь ему сказать, что я очень недоволенъ его брошюрой, наконецъ, *tiens toi pour averti* ¹⁾, холодно-вѣжливо отдѣлайся.

3. Я хочу мнѣніе Шиффа о моей болѣзни, о діетѣ, предписанной Dr. Sée.

У васъ творятся чудеса и даже на улицѣ Maggio; тебѣ нѣтъ необходимости мѣшаться въ политику, но не забывай, что ты — сторона, сторона Гариб., а не вашихъ трусовъ министровъ.

Теперь еще слово и полусекретное. Я опять слышалъ не вовсе хорошія вещи о Доманже по части нравственности вообще. Смотри, хорошо ли Ольгу посылать къ нему. Я слышалъ о разныхъ его хвастовствахъ на мой счетъ, но на это плевать, но первое очень важно. Вспомни, что ты мнѣ говорилъ самъ объ немъ.

Прощай. Вырубовъ — человекъ хорошій, но французъ и доктринеръ. «Колок.» будетъ выходить по-французски. Видѣлъ ли ты отвѣтъ Бак. на мое письмо въ «Libertà e Giustizia».

Фрикень здѣсь *avec l'africa* ²⁾.

Когда пріѣхала Ольга и какъ ты ее нашель?

Огаревъ кланяется и цѣлуетъ.

Маленькаго ³⁾ я видаль — цвѣтеть.

Я ѣду послѣзавтра въ Ниццу.

3175. Письмо къ Лизѣ.

(3—4 октября 1867).

Милая и безграмотная Лиза (безграмотная, потому что не пишешь). По дѣламъ нашимъ насчетъ «Paris-Guide», мнѣ придется *сто* франковъ, а рѣшили мы раздѣлить ихъ такъ:

	$\frac{3}{4}$ Ольгѣ,	
	$\frac{1}{4}$ Лизѣ;	
$\frac{3}{4}$ отъ 100		75 фр.
$\frac{1}{4}$ » 100		25 фр.
		100

Стало, ты имѣешь 25 фр.

¹⁾ Намотай себѣ на усъ.

²⁾ Т.-е. съ Фрикой — женой.

³⁾ Тутць.

Какъ прикажешь: прислать ихъ по векселю на Авигдора, натурой по почтѣ? ассигнаціями или золотомъ? Не положить ли въ банкъ или привезти съ собой?

Прошу немедленно отвѣчать.

Да, кстати, пожалуйста, посоветуйся съ Татой и пересмотри мамашинъ гардеробъ и заставьте вдвоемъ купить все, что надобно. Смотри, и объ этомъ донеси мнѣ.

Цѣлую тебя.

А Татѣ самый «Guide», такой же толстый и четверугольный.

3176. Письмо къ О. А. Герценъ.

4 окт. (1867), понедѣльникъ.

Объясни Мальвидѣ, что эту страницу я отрѣзалъ, кладя письмо въ пакетъ. О частныхъ дѣлахъ я позволяю теперь, какъ и всегда, писать безъ цензуры, но объ общихъ *alia tempora* ¹⁾. Примите это къ руководству. Я взглянулъ—и это совершенно случайно—и за ножницы.

Франц. «Колоколь» выйдетъ къ 1 декаб., блестящій №:
2 листа франц., 1 русскій.

3177. Письмо къ Н. П. Огареву.

(7 октября 1867). Понедѣльникъ.
Ницца, 27, Promenade des Anglais.

Вчера пріѣхалъ весьма вождельнно сюда. Всѣ здоровы. До Тараскона было очень холодно. Оттуда—солнце грѣетъ сильно и днемъ жарко. Но холодный вѣтеръ и здѣсь.

Нашелъ здѣсь приглашеніе отъ Ротшильда, опоздавшее въ Парижъ,—это очень жаль,—и твое послѣднее письмо. Если нужно, я пришлю дополнительные 400 фр. къ тысячѣ. Но какъ же ты дотянешь до новаго года? Не понимаю. Пиши сейчасъ объ этомъ. Отъ Сатина ничего нѣтъ. Возьми какъ можно скорѣе Г. ²⁾ изъ школы. Тхоржев. поможетъ.

Вотъ и все.

Лиза здорова и весела. Бумагой очень довольна.

Прощай.

¹⁾ Времена другія.

²⁾ Генри Сутерландъ.

3178. Письмо къ Н. П. Огареву.

8 окт. (1867), вторникъ.

Второй день на морѣ страшная буря, шумъ, вьюга. Воображаю, что у васъ. Здѣсь фонъ воздуха теплый.

...Дома тихо; я нашелъ Н. въ очень кроткомъ расположеніи. На Сат. она начинаетъ сердиться крѣпко за деньги; между прочимъ, она писала въ январѣ, чтобы Мишелю ¹⁾ послали должные ей Ал. Ал. 400 фр. С—на обѣщала, не посылала и преспокойно пишетъ въ сент.: Мишелю еще не послано,—иначе, намекая: пошли, молъ, ты. Все вмѣстѣ крѣпко конфузить Н., и она начинаетъ видѣть, что злодѣй *pas si chien*, а добродѣи — *pas si ange* ²⁾. Вотъ откуда свѣтъ прорвался. Какъ мѣра, дѣйств., 400 фр. эти очень термометерны. И въ этотъ міръ Н. хотѣла упрятать Лизу!.. Это лѣченье. Лиза учится хорошо, читаетъ безпрестанно, но въ смыслѣ характера и, главное, дерзости исправленія нѣтъ, и это странно отдаляетъ. Теперь будутъ ходить три дѣвочки вмѣстѣ учиться, я этому способствую. Тата до половины ноября остается. Во Флоренціи не могутъ найти квартиру меньше 3.000. Я писалъ, чтобы брали не мебелированную, а я свою мебель пришлю,—увидимъ.

9 вечера.

Ты переслалъ письмо Мар. Касп., въ которомъ она пишетъ, что Шумахеръ съ женой ³⁾ въ Германіи. Гдѣ же лучше случай? Я ей написалъ и Сатину рѣзко. Ты бы тоже послалъ Мар. Касп.

Н. сегодня опять начинаетъ говорить о поѣздкѣ въ Россію Толгаузъ.

3179. Письмо къ неизвѣстному.

8 октября 1867.

Nice (Alp. mar.), 27, Promenade des Anglais, au 3.

Письмо, которое вы были такъ добры, что переслали мнѣ въ Женеву, я получилъ. Содержаніе вы его знаете. Пробу сдѣлать я готовъ, т.-е. прислать какую-нибудь небольшую рукопись, если Кр. ⁴⁾ напечатаетъ ее, не искаживъ, и пришлетъ гонораръ книгопродавцу

¹⁾ Братъ M-lle Michel, бывшей гувернантки Н. А. Огаревой.

²⁾ Не такъ плохъ, а добродѣи не такіе ужъ ангелы.

³⁾ Даниилъ Даниловичъ и Юлія Богдановна.

⁴⁾ Вѣроятно, Краевскій («Отечественныя Записки»).

Georgy (George, Genève, Corratierie, pour remettre à M-r V. Zagorsky). Когда и кому ее доставить и какъ? Не напишете ли объ этомъ сюда, просто на мое имя и по адресу, какъ написано.

Еще разъ благодарю, вашъ

A. Гер.

3180. Письмо къ сыну.

9 октяб. (1867).

Nice, 27, Pr. des Ang.

Письмо твое отъ 6 получилъ. 4-го я послалъ тебѣ изъ Женевы 1000 фр. зол. въ Спеколу, о полученіи ихъ жду отвѣта.

Ты пишешь очень разбѣянно, а потому мнѣ нужно болѣе дѣльное мнѣніе о болѣзни. 1-е. Если сахаръ отъ сыпи, то, все же, діета, предписанная D-г Sée, можетъ продолжиться (не ѣсть хлѣба, овощей, картоф. тѣста, мало сахару, не пить пива и пить Eau de Vichy Grande Grille), вообще, полезна ли она? 2-е. Какіе признаки настоящей diabète sucré? Не можетъ же быть, чтобъ ровно не было никакихъ,—и тогда достаточна ли діета Sée? Напиши съ той ясностью, съ которой ты писалъ о холерѣ и пр. Даже, если и некогда, все-таки, напиши.

Объ америк. дѣлѣ раньше 10—15 ноября не узнаемъ. Я не хочу ничего предпринимать до устройства этого дѣла. Мнѣ, вѣроятно, придется опять ѣхать въ Парижъ и Женеву, а потому отъ Флоренціи отказываюсь до весны; тогда ужъ и въ Римѣ.

Брокгаузъ и со мной въ сношеніи: онъ хочетъ издавать русскій сборникъ. «Колоколь» будетъ рѣшительно издаваться по-французски. За переводъ, мною просмотрѣнный, я полагаю, ты можешь спросить 15 талер. съ листа, но узнай прежде о цѣнахъ. Рукопись я долженъ необходимо просмотрѣть; если въ ноябрѣ ты пріѣдешь на сутки за Татой, то привезешь съ собой. Многое надобно выпустить.

Бакунъ, въ Женевѣ. Его жена сдѣлалась старухой, болѣзненной и чахлой; онъ тотъ же.

Маленькій ¹⁾ у Огар. процвѣтаетъ.

Я въ Парижѣ не нашелъ изд. «Nouvelle Pensée», но здѣсь я получаю и пришлю; скажи тѣмъ, кто хочетъ получать, чтобъ писали въ редакцію и выслали деньги, или напиши ты. Оно молодо, но недурно.

¹⁾ Тутцъ.

Засимъ прошу отвѣта.

Гдѣ новая квартира?

Ольгу обнимаю, Мальв. чекенсъ ¹⁾.

NB. Слѣдуетъ или нѣтъ пить содовую воду?

3181. Письмо къ Е. А. Сатиной.

Елентъ Алексѣевнѣ или супруу ея.

9 окт. 67.

Зачѣмъ ты оставляешь О. совершенно безъ средствъ? Я пишу съ его вѣдома и прошу тебя, какъ бы ни было трудно, выслать сейчасъ вексель въ Ниццу. Я дѣлаю все, что могу, но есть граница.

О. боленъ. Еще разъ говорю тебѣ—я требую этой высылки да и впредь нельзя его такъ оставлять или надобно сказать, что не можешь посылать.

3182. Письмо къ М. Н. Рейхель.

9 октяб. 1867.

Nice, Promenade des Anglais, à 3.

Здравствуйте! Очень радъ вашимъ строкамъ. Тата будетъ писать на-дняхъ; она здѣсь еще на мѣсяць. Я былъ въ Парижѣ и Женевѣ, хлопоталъ объ американскомъ капиталѣ,—пришелъ срокъ; не знаю, чѣмъ кончится, а знаю, что доходу поменьше.

Прошлое письмо ваше я получилъ. Кто же вамъ говорилъ, что я перемѣнился? Я—не Кетч. et C^{nie}.

А теперь тороплюсь вамъ отвѣчать. Прошу васъ серьезно и очень сейчасъ переслать прилагаемую записочку Сатину Юліи Богданов. Они оставляютъ Огар. въ страшномъ положеніи, и въ то же время мы слышимъ отъ Ліона и другихъ, что С. играетъ и пѣтъ; я ужасно сержусь за это и прошу непременно доставить.

Записка нарочно безъ имени. Отвѣчайте, послали ли.

Щербак. ²⁾ фр. 50 велю Тхорж. дать. Фонда нѣтъ больше. Я здѣсь еще мѣсяць.

Если Шум. ³⁾ уѣхалъ въ Россію, напишите ему сейчасъ.

¹⁾ Поклонъ.

²⁾ А. Щербаковъ.

³⁾ Д. Д. Шумахеръ.

3183. Письмо къ сыну.

13 окт. (1867), воскресенье.

Для заглавія я совѣтую лучше употребить слово «Essai d'une exposition»... или просто «Essai d'une théorie cérébrale». Заглавіе должно быть коротко. Можно: «A propos de la théorie cérébrale».

Я до окончанія америк. дѣла никуда не поѣду. Дѣло это можетъ быть выгодно и нѣтъ, можетъ увеличить доходъ и уменьшить; съ этой тревогой и необходимостью почти вѣрной поѣздки въ Парижъ я хочу сидѣть на мѣстѣ и ждать; понять это, саго mio, не трудно.

О болѣзни я писалъ въ прошломъ письмѣ. Мнѣ надобно знать только одно за глаза: *какими признаками я могу опредѣлить, догадаться, что это diabète sucrée или что другое.* Есть же здѣсь химики, которые сумѣютъ разложить урину. Чирьи проходятъ, и экзема на груди тоже; я совершенно здоровъ и только замѣчаютъ: 1-е, что ѣмъ вполовину мяса, и что тяжелое мясо мнѣ меньше нравится;

2-е, что вино часто мнѣ очень невкусно (не отъ воды ли Vichy?) Вотъ главное.

Теперь о Татѣ. Если ты хочешь пріѣхать сюда на сутки (въ случаѣ крайности, я готовъ ѣхать до Генуи), то пріѣзжай. Мнѣ хотѣлось бы знать прежде конецъ дѣла. Считаю такъ:

послано въ New-York черезъ Лондонъ—1 октября;
положимъ, что придетъ къ Belmont 14 октября,
десять дней на негоціацію—24,
обрат. путь 14—7 ноября.

Завтра 14 число и, стало, можно отвѣтъ получить черезъ 23—24 дня. До тѣхъ поръ и ваша римская сыпь кончится. Хотя, я думаю, вы тамъ отъ близости меньше видите—все идетъ на венеціанскій ладъ ¹⁾).

Въ частномъ отношеніи важно, подымутся или нѣтъ итал. бумаги. Если нѣтъ, то надобно ихъ въ Туринѣ перемѣнить на безыменные такъ, чтобъ получить процентъ во Франціи и не терять, какъ въ 1865 и 66 году.

Оторваться за серьезнымъ дѣломъ дня на четыре можно. Мнѣ слѣдовало бы самому съѣздить въ Америку.

Пріѣхалъ ли Фри V?

¹⁾ Намекъ на итальянскія политическія дѣла.

Что же *Monodus voster* ¹⁾ сплеховалъ? Видно, папенька у него съ форсомъ. Я, пожалуй, и доволенъ въ томъ смыслѣ, что эта туча миновала Ольгу, а ее натягивала сильно М. ²⁾. Онъ вовсе ей не пара и будетъ умный, честный консерваторъ.

Вырубовъ—чистый французъ.

«*Pensée Nouv.*» получишь черезъ 5 дней.

Отъ Луг. есть слухи: ему позволили остаться въ Петерб. больше мѣсяца; онъ поѣхалъ въ ссылку, къ отцу въ имѣніе, на полтора года. Говорятъ, что нашелъ настроеніе умовъ гораздо лучше и серьезнѣе, чѣмъ думалъ, и хочетъ итти въ кандидаты по земскимъ выборамъ.

В. П. Боткинъ сдѣлался пѣтистомъ и ходитъ всякій день въ церковь.

Это—страхъ передъ смертью. Экая дрянь!

«Колок.» будетъ изд. рѣшительно по-франц., но, если будетъ война, ничего не буду издавать.

Кланяйся Шиффу. Ольгѣ разрѣшается бархатная мантилья; совѣтую сдѣлать безъ рукавовъ; деньги на это ассигную съ Татой.

Что здравіе Мальвиды?

Здѣсь холодно.

¿ Какъ вашъ адресъ?

¿ Что ты думаешь о томъ,
что я писалъ о Доманже?

¿ Сколько промѣна тебѣ пришлось за золото?

3184. Письмо къ С. Тхоржевскому.

15 октября (1867).

Любезнѣйшій Тхоржевскій, пора Чернецкому прервать всѣ связи съ мошенниками; хорошо, если процессъ удастся. Кланяйтесь ему. Напечатать прежде всего слѣдуетъ объявленіе, которое я вамъ послалъ на франц.

Я не могу найти письма Dr. Sée; кажется, я его оставилъ на столѣ,—пришлите. Да вотъ что: посылайте «Голосъ» тогчасъ, какъ Огар. прочтетъ. «Москов. Вѣд.» онъ можетъ держать и присылать *особенно важные №*, пусть ихъ и даетъ Бакунину. А то это выйдетъ, какъ въ прошломъ году: я буду получать послѣдній, а мнѣ нужно же знать.

¹⁾ Вашъ Моно (Габріэль).

²⁾ Мейзенбургъ. Рѣчь идетъ о сближеніи Моно и Ольги.

Отдали ли вы m-me Bakounine портретъ Бакун. молодого и ему—благу ¹⁾?

Здѣсь опять лѣто и теплый дождь.

Ротшильдово письмо (старое, посланное въ концѣ сент.) пропало. Бѣды нѣтъ, но примѣръ опасный. Я жду окончательнаго отвѣта изъ New-York'a къ 5 ноября, т.-е. черезъ 20 дней или 25 д., жду съ нетерпѣніемъ, чтобъ знать, что могу дѣлать и чего не могу.

Брокгаузъ предлагаетъ Сашѣ купить у него француз. переводъ послѣдняго тома «Былого и думъ»; Саша издаетъ цѣлую книжку о физиологіи мозга на франц. языкѣ.

Тата нездорова.

Лиза цвѣтетъ. Н. Ал. кланяется.

Портретъ Бакунина хорошъ, но Левицкаго лучше.

3185. Письмо къ сыну.

19 окт. (1867), суббота.

Когда ты написалъ о болѣзни дѣльно, тогда я понялъ ясно; мнѣ сдается, что Sée ошибся, и что все дѣло было въ сыпи и нарывахъ. Теперь и то и другое почти совсѣмъ прошло. Анализъ урины я буду давать аптекарю и тебѣ сообщу.

Насчетъ Таты я уже писалъ; мнѣ хотѣлось бы прежде всего узнать о концѣ операціи. Сегодня въ газетахъ говорятъ, что генер. Бутлеръ снова предлагаетъ конгрессу платить долгъ бумажками; пройди это именно теперь,—и 6%о непременно падутъ. Если же Belmont ихъ уже продалъ, то я въ выгодѣ. По выгодѣ я могу судить, насколько могу что-нибудь сдѣлать extra. Отвѣтъ, вѣроятно, будетъ къ 5 нояб., а потому, если ты хочешь приѣхать за Татой прежде, до Генуи, то, назначивъ день, я могу ее довести до Генуи и встрѣтиться въ Hôtel de la Ville. Ты пробудишь сутки со мной и возвратишься съ Татой. Если же тебѣ можно доѣхать до Ниццы, тѣмъ лучше. Я тебя не задержу и *трехъ св половиной* сутокъ довольно на оба пути. Кухарку я никакъ не совѣтую,—это все старья аристократическія блажни. Во-первыхъ, она вамъ будетъ дорога, и, во-вторыхъ, при вашей Аделазиі ²⁾ вы должны имѣть дѣвочку,—этого довольно.—Какъ теперь лажъ на золото?

¹⁾ Вѣроятно, «Благо есть мѣсто».

²⁾ Горничная.

Если мнѣ вовсе ненужно будетъ ѣхать въ Парижъ, можетъ, я приѣду на короткое время, хотя ѣздить теперь довольно *непріятно*. Кстати, если ты поѣдешь, возьми свой паспортъ.

Какіе говняки ваши государственные люди. Пропустили золотое время и дали опомниться и списаться всѣмъ врагамъ. Мое мнѣніе, съ которымъ я приѣхалъ изъ Венеціи, усилилось. Я съ біеніемъ сердца жду развязки.

Книгу твою никакъ не называй «Арабесками»; это сюда не идетъ. Надобно бы что-нибудь эквивалентное «Beiträge» или просто «Zug». Я пришлю нѣсколько книгъ по Messag., чтобъ Татѣ меньше везти.

Затѣмъ прощай и работай. Шиффу поклонъ.

Отчего ты пишешь: Piazza S.-Felice, а Мальв.—Piazza Pitti? Я буду писать въ Specol'у, пока получу правильный адресъ: Piazza S.-Felice или Pitti.—Palazzo Quidi—via Maggio??.

3186. Письмо къ С. Тхоржевскому.

19 октября (1867), суббота.

Любезнѣйшій Тхоржевскій, посылаю вамъ корректуру; изъ истории я вымаралъ поправки Гея ¹⁾). Я прошу поправлять ошибки, а не приписывать.

Лучше было бы, если-бъ объявленіе было напечатано въ формѣ письма на одной страницѣ, все до подписей и кромѣ цѣны, на третьей—имена книгопродавцевъ. Можно, впрочемъ, и такъ оставить, но я попрошу прислать еще разъ, если перемѣните форматъ. Слѣдуетъ напечатать двѣсти, мнѣ прислать sous bande 50.

Скажите Чернецкому, что корректуры будетъ много (авторской) въ двухъ первыхъ статьяхъ. Что его процессъ?

Насчетъ предложеній Брокгауза вотъ мой отвѣтъ, и я васъ попрошу его передать вполнѣ:

1. Моихъ рукописей ни на ревизію, ни на оцѣнку г. Брокгауза и его русскихъ пріятелей я *не пошлю*. Если онъ хочетъ безусловно печатать, я ему дамъ и потребую за листъ 100 талеровъ. Онъ имѣетъ право отослать назадъ рукопись, но плоды «ревизіи и оцѣнки» оставить у себя. Если въ три мѣсяца нѣтъ отвѣта, я печатаю гдѣ хочу.

¹⁾?)

2. Пусть Мечниковъ или кто желаетъ изъ нашихъ близкихъ вступить прямо въ сношенія или черезъ васъ.

Мнѣ все это дѣло кажется несерьезнымъ.

Пошлите прилагаемыя строки къ *Давидову* въ Лондонъ, для Савича ¹⁾—это дѣло нужное.

Затѣмъ прощайте.

3187. Письмо къ Н. П. Огареву.

22 окт. (1867), вторникъ.

Ты новости знаешь. Признаюсь, что крестъ современнаго чело-вѣка не по плечамъ чело-вѣческимъ. Я истинно подавленъ не неожиданностью, а тѣмъ, что долженъ все это смотрѣть *zögernd* ²⁾, по каплѣ. О, *Вырубовъ* и *Latium* ³⁾! Правъ я былъ и въ 1849, и послѣ.

А ты толкуешь о «независимости мысли». Да то, что она лучше, чѣмъ зависимость, спора нѣтъ, только что она невозможна безъ отрѣшенія себя отъ всего чело-вѣческаго,—что и дѣлали схимники и монахи. Я и не жду гавани, отдыхъ потомъ.

А тутъ для диверсіи Осипъ Ив. ⁴⁾ пишетъ правительству, что теоріи шиффо-молешотовскія губятъ молодежь, что пора остано-вить зло материализма. Вотъ à propos-то, такъ à propos.

Дома спокойно. Я не двинусь до отвѣта изъ New-York'a. Можетъ, Саша заѣдетъ за Татой. Я ей разрѣшилъ ѣхать, когда хочетъ; развѣ, переждать нѣсколько дней неизвѣстности. *Les va et viens* ⁵⁾ будутъ трудны.

Тесье ускакалъ въ Парижъ,—ему новое предложеніе и очень выгодное.

Послѣ объѣда.

«Голосъ» приходитъ исправно. Отмѣть для твоей будущей статьи о проектѣ «цензуры». Это лучше теоріи «сѣченій». Мнѣ что-то не пишется объ нашихъ лужахъ въ озерахъ грязи. О, если-бъ теперь мнѣ воля да журналъ! Я бы этимъ «пишамъ» и красноюямъ задалъ перцу...—и тутъ склоняй голову и молчи.

¹⁾ Иванъ Ивановичъ.

²⁾ Медленно.

³⁾ Лаціумъ, область въ Италіи между Этруріей, Средиземнымъ моремъ и Кампаньей.

⁴⁾ Маццини.

⁵⁾ Передвиженія.

3188. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

24 oct. 1867.

Nice. 27, Promenade des Anglais.

Eh bien, chère Malvida, je vous serre aussi la main et je vous souhaite de ne pas finir l'année juivante comme vous finissez celle qui passe. Quelle histoire de petitesse, de misère—et de véritable désolation. Oui—à la fin on se fatigue.

Je félicite Olga — c'est à elle qu'appartient en partie votre fête. Dites à Alex. que j'ai reçu sa lettre. J'ai déjà écrit sur le départ de Tata. S'il veut venir—elle peut partir de suite.

Si non, il faut attendre au moins jusqu'au 5 nov. C'est à dire la réponse de l'Amérique. Tata n'a pas terminé sa lettre.—Elle peut écrire la continuation demain—je ne veux pas que celle-ci retarde.

Adieu—je Vous embrasse de tout mon coeur.

Переводъ.

24 окт. 1867.

И я вамъ, дорогая Мальвида, пожимаю руку и желаю, чтобы грядущій годъ вы закончили по-иному, не такъ, какъ текущій. Что за нагроможденіе мелочности, страданія и истиннаго отчаянія! Да, утомляешься въ концѣ концовъ.

Поздравляю Ольгу,—вѣдь, она принимала большое участіе въ вашемъ праздникѣ. Алекс. передайте, что я получилъ его письмо. Я уже писалъ объ отъѣздѣ Таты. Если онъ хочетъ ѣхать, пусть она ѣдетъ вслѣдъ за нимъ. Если нѣтъ, надо ждать, по крайней мѣрѣ, до 5 ноября, т.-е. до полученія отвѣта изъ Америки. Tata не кончила своего письма. Продолженіе она можетъ написать и завтра,—я не хочу, чтобы оно опаздывало.

Прощайте, обнимаю васъ отъ всего сердца.

3189. Письмо къ С. Тхоржевскому.

25 октября 1867, пятница.

Ницца.

Любезнѣйшій Тхоржевскій, кромѣ перестановокъ, поправки хорошо идутъ. Я получилъ Delacroix, librairie intern. ¹⁾ письмо. Онъ

¹⁾ Альбертъ, международная книгопродавческая и издательская фирма.

очень радъ взять депо «Кол.». Его имя *очень для насъ важно*. Я ему написалъ, что о дальнѣйшихъ условіяхъ онъ узнаетъ отъ васъ. Пошлите ему 5 экземп. объявленія. Сверхъ того, посылайте куда хотите какъ можно больше, напечатайте на тонкой бумагѣ.

Пришлите мнѣ 50 экземпл.

Что за вздоръ прислалъ Булевскій? Зачѣмъ это?

На журналъ мирнаго конгресса подпишусь, когда будетъ выходить. Если у Чернецкаго, то возьму больше, если нѣтъ—меньше.

Имя *libr. internat.* слѣдовало бы поставить прежде Trübner'a.

1-й листъ «Кол.» будетъ хорошъ. Я посылаю Чернецк. рукопись и еще пришлю въ концѣ недѣли. Пусть онъ отпечатаетъ № къ 15 ноября съ числомъ 1 janvier 1868. Объявленіе пришлите *sous bande* 50 экз., а коррект. въ письмѣ. Надобно о заглавіи постараться.

Въ концѣ «Колок.» надобно помѣстить всѣ русскія книги, напечатанныя у насъ.

3190.

Terre et Liberté.

Vivos voco!

„Le Kolokol“

(«*La Cloche*»).

Revue du développement social, politique et littéraire en Russie.

Le «*Kolokol*» paraîtra le 1-er janvier 1868 en français. En changeant de langue, notre feuille reste la même quant à l'esprit et au but. C'est la continuation de la feuille russe qui a paru durant *dix années* de suite, depuis 1857, à Londres et ensuite à Genève; nos lecteurs étrangers ont pu la connaître par l'édition française de Bruxelles (1863—1865).

Si nos principes restent invariables, le changement de langue nous oblige à un changement radical dans l'économie intérieure. Parlant aux russes exclusivement—amis ou ennemis—nous avons le droit de supposer qu'ils connaissent plus ou moins la Russie actuelle. En nous adressant maintenant, non-seulement à nos compatriotes, mais aux étrangers, nous avons encore plus le droit de supposer que—amis ou ennemis—ils connaissent peu la Russie.

C'est surtout la grande confusion des notions sur notre pays qui nous a déterminée à faire notre publication en une langue qui n'est pas la nôtre. Il nous semble qu'il est temps qu'on nous con-

naïsse avant que s'engage une lutte possible, que l'on provoque et qui entravera toute impartialité et arrêtera toute étude.

Pour bien poser les questions, pour ne pas être dans la nécessité de rappeler, à propos de chaque fait isolé, les origines et les éléments; pour avoir enfin une base de données, sur laquelle nous puissions nous appuyer, nous nous sommes décidés à commencer par une récapitulation de tout ce que nous avons écrit sur la Russie. Une fois la situation réelle, actuelle du pays exposée, nous suivrons les événements dans leur développement.

Le «*Kolokol*» paraîtra le 1-er et le 15 de chaque mois. Chaque numéro sera de deux feuilles et aura un supplément en langue russe, en cas de besoin.

Alexandre Herzen.

Nicolas Ogareff.

Genève, novembre 1867.

Переводъ.

Земля и Воля!

Сзываю живыхъ!

«*Колоколъ*»

Журналъ, посвященный социальному, политическому и литературному развитію Россіи.

«*Le Kolokol*» выйдетъ 1-го января 1868 по-французски. Мѣняя языкъ, журналъ нашъ остается тѣмъ же въ смыслѣ направленія и цѣли. Это — продолженіе русскаго журнала, выходившаго *десять лѣтъ* подрядъ, съ 1857, въ Лондонѣ, а затѣмъ въ Женевѣ; наши иностранные читатели могли познакомиться съ нимъ по брюссельскому изданію (1863—1865).

Если принципы наши остаются неизмѣнными, то перемѣна языка обяываетъ насъ кореннымъ образомъ измѣнить внутренній порядокъ. Обращаясь исключительно къ русскимъ, друзьямъ и недругамъ, мы имѣли право думать, что они болѣе или менѣе знаютъ современную Россію. Обращаясь теперь не только къ соотечественникамъ, но и къ иностранцамъ, мы имѣемъ еще больше права предполагать, что они — друзья или недруги — мало знаютъ Россію.

Именно путаница представленій о нашей странѣ и побудила насъ печатать наше изданіе не на родномъ языкѣ. Намъ кажется, что настало время познакомиться съ нами, прежде чѣмъ завяжется борьба, которую усердно вызываютъ и которая помѣшаетъ всякому безпристрастію и остановить всякое изученіе.

Чтобы хорошо выяснитъ вопросы, чтобы не напоминать по поводу каждаго отдѣльнаго факта его происхожденіе и составные

элементы, чтобы имѣть, наконецъ, основаніе, на которое можно опереться, мы рѣшили начать съ обзорѣнія всего, что мы написали о Россіи. Выяснивъ дѣйствительное современное положеніе страны, мы послѣдуемъ за событіями въ ихъ развитіи.

Колоколъ будетъ выходить 1-го и 15-го числа каждого мѣсяца. Каждый нумеръ будетъ состоять изъ двухъ листовъ съ приложеніемъ на русскомъ языкѣ, если будетъ нужно.

Александръ Герценов.

Николай Огаревъ.

Женева, ноябрь 1867.

3191. Письмо къ Н. П. Огареву.

25 октября (1867 г., пятница).

Твое письмо конфузно означено «18 окт. Вторникъ», на пакетѣ: Genève, 22. Ог. ¹⁾ — *вторника* въ октябрѣ 18 не было, а ошибиться *четырьмя* числами труднѣе, чѣмъ вспомнить настоящее...

Объ открытіи Тесье пишутъ въ газетахъ чудеса. Въ Парижѣ дѣлали опытъ. Онъ взялъ привилегію освѣщать кислородомъ въ New-York'ѣ, Парижѣ, Канадѣ и Петербургѣ. Онъ зашибетъ больше 300.000 фр. Вотъ работа, такъ работа!

Посылаю тебѣ одну изъ галетъ ²⁾ корректуры. Страшная перестановка. Объясни ее Чернецкому. Да знаешь ли что? По-правлять, читая про себя, недостаточно, надобно читать съ David'омъ, корректоромъ, т.-е. свѣрять по оригиналу. Ошибокъ теперь немного. Я послалъ Чернецк. третью главу, четвер. пришлю черезъ пять дней. Можно 1-ый листъ отпечатать 15 ноября, какъ specimen, съ числомъ «1 янв. 1868». Какъ будутъ бѣситься галлы,—я не нарадуюсь. Объявленіе печатать сейчасъ и разсылать направо и налево.

Будетъ ли русское прибавленіе? Вѣроятно, и начало «Situation»? ³⁾ Можеть, напишу нѣсколько строкъ о Кельсіевѣ. Онъ нать явнымъ образомъ выгораживалъ. Правда ли, что другихъ утопилъ?

Никакой Б. не былъ.

¹⁾ А, но.

²⁾ Гранка, колонка.

³⁾ Статья Огарева «La Russie actuelle et son développement» въ № 1 «Колоколъ».

Письмо Ротш. пропало при посылкѣ изъ Ниццы въ Парижъ. N. адресовала въ Hôtel Helder. Я въ перепискѣ съ bureau de réclamation.

Vorwort ¹⁾ твой ничего, но ты все, словно, пишешь наскоро, traînant. Надобно фразы круто рѣзать, швырять и, главное, сжимать.

Объявл. я послалъ на адресъ Тхорж., корректуру остальную—Чернецк. и въ другомъ пакетѣ ему же рукопись. Не худо о полученіи написать.

Ваши письма приходятъ черезъ день аккуратно.

И. Аксаковъ говоритъ о насильственномъ уничтоженіи католицизма всѣми средствами. Какая свинья!

Дома новаго ничего.

Читалъ ли ты, чтѣ Босакъ ²⁾ и Булевскій сдѣлали за вызовъ намъ?.. Жалости подобно. Хочешь; я отвѣчу съ дигнитетомъ ³⁾ и иголкой ⁴⁾?

3192. Письмо къ сыну и О. А. Герценъ.

26 октяб. (1867), суббота ⁵⁾.

Дѣла принимаютъ такой оборотъ, что я серьезно снова себя чувствую въ томъ трагически тяжеломъ состояніи, какъ въ іюньскіе дни двадцать лѣтъ тому назадъ. Тяжела жизнь современнаго человѣка, если онъ не умѣлъ ее спасти или въ наукѣ или въ эгоизмѣ.

Тесѣ уѣхалъ. Онъ обогатится: онъ имѣетъ привилегію на новое открытіе свое (освѣщать кислородомъ, который онъ отдѣляетъ за безцѣнокъ изъ воздуха) въ Парижѣ, Нью-Йоркѣ, Канадѣ и Петерб. Одно страшно, какъ бы его не надули.

Сегодня я къ тебѣ пишу по особому дѣлу и напишу по-французски для того, чтобы ты прочиталъ вмѣстѣ съ Мальвидой.

• J'ai reçu hier une lettre d'Arthur Beni (ci devant Danton en Herbe de la rue d'Alger, № 4); il est à Genève et va venir un de ces jours à Florence. Vous savez qu'il m'a boudé depuis 1861 — quoique j'ai agi comme chaque homme sérieux devait agir. Je ne l'ai jamais soup-

¹⁾ «Préface» (предисловіе) къ этой статьѣ.

²⁾ Гауке-Босакъ, см. стр. 212 т. XVIII.

³⁾ Достоинствомъ.

⁴⁾ См. № 3212.

⁵⁾ Герценъ написалъ «понедѣльникъ» и, слѣд., сдѣлалъ почти ту же ошибку, въ которой упрекнулъ Огарева.

conné—mais je n'avais non plus un trop grand désir d'endosser tout ce qu'il faisait alors en Russie. Maintenant il désire quelques lettres pour lui faciliter ses correspondances. Le «Spectator» et «Fortnightly Review»—l'ont chargé de faire une correspondance.

Je crois que vous pouvez l'aider un peu—et principalement, Malvida—moi, je ne connais presque personne ¹⁾).

Примите его учтиво, а Петра Владим. ²⁾ можете дипломатически отдалить.

Прилагаю записку къ Бени (можешь ее прочесть).

Если ты можешь и хочешь за Татой приѣхать, то напиши за два дня; ѣзды, собственно, va et vient ³⁾ 3-ое сутокъ, au plus 4 ⁴⁾. Одну ее не пошлю, особенно теперь. Самъ до отвѣта не двинусь (жду къ 5 нояб.). Но ты можешь сдѣлать прежде экскурсію до самой Ниццы—frais payés ⁵⁾.

Кельсievъ амнистированъ. Я не вѣрю, чтобъ онъ запуталъ кого. Объ немъ длинная статья въ «Голосѣ». Онъ поселился въ Петербургѣ. Французскій «Колоколъ» № 1 ужъ готовъ и очень хорошъ.

Chère Olga,

Figure toi que je viens de recevoir maintenant ta lettre de «Fano»—lorsque j'étais à Paris, Tata l'a envoyée sans écrire mon adresse à Paris avec une lettre de Rothschild.

De cette manière sans avoir reçu la lettre à Paris—j'ai écrit au bureau de la poste et hier je l'ai reçue.

Tata prendra avec elle quelques livres.

Nous avons lu tout ce dernier temps sur la révolution française—Carlyle et Michelet ⁶⁾.

¹⁾ Вчера я получилъ письмо отъ Артура Бени (бывшаго Дантона въ проектѣ, изъ Алжирской улицы, д. № 4). Онъ въ Женевѣ и на-дняхъ явится во Флоренцію. Вы знаете, что онъ дулся на меня съ 1861 г., хотя я поступалъ такъ, какъ долженъ былъ поступать серьезный человекъ. Я никогда не подозревалъ его, но также не имѣлъ слишкомъ большого желанія поручиться за все, то, что онъ дѣлалъ тогда въ Россіи. Теперь онъ желалъ бы получить нѣсколько писемъ, чтобы облегчить себѣ корреспондированіе. Дѣло въ томъ, что «Spectator» и «Fortnightly Review» предложили ему писать корреспонденціи. Я полагаю, вы могли бы немного помочь ему, Мальвида, а главное, мнѣ—вѣдь я почти никого не знаю.

²⁾ Долгоруковъ.

³⁾ Туда и обратно.

⁴⁾ Самое большое—4.

⁵⁾ Расходы будутъ оплачены.

⁶⁾ Дорогая Ольга, представь себѣ, что я только-что получилъ твое

Тебѣ совѣтую взять сначала романъ объ этомъ времени: или «Chevalier de Maison rouge» (можетъ, я пришлю) или «Barnave» Jules Janin ¹⁾.

А что по-русски ты неужели совсѣмъ забыла?

P. S. *Для Саши.* Пожалуйста, запиши, сколько денегъ М. тратить на Пановку; я, хотя и увѣренъ, что эти уроки не нужны, но заплатить слѣдуетъ.

3193. Письмо къ Н. П. Огареву.

28 окт. (1867), понедѣльникъ.

Откуда попалъ Бени къ вамъ и зачѣмъ ты объ этомъ не писалъ? Я получилъ отъ него изъ Женевы письмо,—хочетъ рекомендательныхъ писемъ въ Италію.

Тоска отъ общихъ и частныхъ дѣлъ, доходящая до сплина, до невыносимой боли. А что Гар. ²⁾? Съ своей шляпкой вдвоемъ махнулъ черезъ Средиз. море. Вотъ новая легенда.

У насъ были вещи нехорошія, и все идетъ къ дурнымъ развязкамъ. Я тебѣ писалъ въ прошломъ письмѣ о Татѣ (ты ничего не отвѣчалъ). Теперь уже ссора и со мной. Я вступился за совершенно несправедливое обругиваніе кухарки (за Лизу!). Я, дѣйствительно, видѣлъ въ этомъ развращеніе ребенка и обиду всѣмъ моимъ убѣжденіямъ. Я не долженъ былъ молчать, не могъ, не сдѣлавшись измѣнникомъ. Изъ-за этого вышли ужасы... Я ихъ остановилъ и перевелъ на другой terrain. Но тутъ вопросъ: на разрывъ и Россію? За Лизу сердце рвется на части, а дѣлать нечего. Хуже для нея ничего не можетъ быть. Тата ѣдетъ черезъ недѣлю.

Посль обѣда.

Писемъ еще не приносили. N. писала по секрету отъ меня въ Россію... Отъ Сат. ничего. Я могу 1 числа прислать 400 fr.

письмо изъ «Фано». Когда я былъ въ Парижѣ, Тата послала его вмѣстѣ съ письмомъ Ротшильда въ Парижъ, не написавши моего адреса.

Такимъ образомъ я, не получивъ этого письма въ Парижѣ, написалъ на почту и вчера получилъ его.

Тата возьметъ съ собою нѣсколько книгъ.

Въ послѣднее время мы все читали о французской революціи — Карлейля и Мишле.

¹⁾ «Рыцарь краснаго дома» и «Барнавѣ» — историческіе романы Жюля Жанена, франц. романиста и остроумнаго литературнаго критика.

²⁾ Гарибальди.

3194. Письмо къ Г. Н. Вырубову.

6 ноября 1867.

Nice, 27, Promenade des Anglais.

Посылаю вамъ, почтеннѣйшій и нагорный житель Лаціума, нашу программу ¹⁾). Хорошо, если бы объ насъ сказали въ двухъ-трехъ журналахъ. Я пошлю въ «Courrier» и въ «Liberté», даже въ «Temps»—просто. Вы знаете кой-кого изъ «Courrier».

Ну, довольны ли вы передовой страной? Или до вашихъ горныхъ селеній не доходятъ наши воздыханія?

Я полонъ ненависти до конца ногтей.

Благодарю за вашъ добрый пріемъ; можетъ, скоро придѣтся опять побывать въ П.—изъ Америки еще нѣтъ отвѣта.

Если вамъ не жаль, то пришлите книжку «Revue» вашего,—отъ Огар. не добьюсь. Да (въ силу предложенія вашего) не вышла ли 3 книжка Карлейля на франц. ²⁾)?

Весь вашъ А. Герценъ.

3195. Письмо къ Н. П. Огареву.

(7 ноября 1867). Четвергъ.

Наконецъ-то, явились «От. Зап., старый «Вѣстникъ» (одинъ, а не два, какъ ты пишешь) и письмо.

Лиза сегодня встаетъ; ея болѣзнь продолжалась не больше недѣли; сыпь прошла, опухоль железу прошла; остается немного беречь отъ страшно холодныхъ утръ и вечеровъ, что при жарѣ дня дѣлаетъ здѣшній климатъ предательскимъ.

Рейманомъ ³⁾ я очень доволенъ.

Раздѣлить «Приб.» на французскую и русскую часть можно заглавіями, но продавать врознь нельзя—никто не купитъ русской части. Да и когда же придетъ протестъ книгопродавцевъ—когда это будетъ послѣдній листъ? Въ «Figaго» было нѣсколько строкъ о прекращеніи «Колокола», и переведенъ весь анекдотъ о вел. князѣ. Замѣтъ, ни одного русскаго голоса—ни даже частнаго. «Колоколь» умеръ, какъ Клейнмихель, «никѣмъ не оплаканъ»—и мы лѣзли изъ шкуры для этой милой сволочи...

¹⁾ № 3190.

²⁾ Вѣроятно, «History of Frederick II», Londres, 1858—1865.

³⁾ Врачъ.

А прогос, «Поляр. Звѣз.», можно начать печатать тотчасъ, какъ Георгъ заплатитъ за всю прошлую. А если та не разоидется, мое мнѣніе—вовсе не начинать. Статья моя in Vakoupinem ¹⁾ кончена, но она можетъ и полежать.

Толкай, совѣтуй, подстрекай Чернецкаго... въ ассоціацію — пусть дѣлаеть уступки.

Могу себѣ представить, чтò дѣлается у васъ, когда сухой холодъ здѣшнихъ вечеровъ заставляеть дрожать, какъ въ лихорадкѣ. Гдѣ же жить? Неужели четыре-пять мѣсяцевъ зимы въ холодныхъ домахъ должны провожать всю жизнь и искупаются наслажденіемъ неподвижности? Съ Ниццей я прощаюсь—довольно, а куда изъ нея, не знаю.

Сейчасъ получилъ отъ Ротшильда счетъ. Все исправно. Американская продажа покрыла всѣ дефициты. Прощай.

3196. Письмо къ С. Тхоржевскому.

11 ноября (1867), понедѣльникъ.

Сейчасъ отправляйтесь за шампанскимъ и угощайте съ глазомъ трубнымъ и біеніемъ литавръ Огарева и Чернец. Вы — нашъ представитель, нашего дома.

Дѣло америк. вполонину кончено. Сейчасъ получилъ отъ Ротшильда письмо: бумаги (т.-е. половина) куплены и проданы очень хорошо. Вторая, вѣрно, устроится также, риску больше нѣтъ, потому что все получено въ New-York'ѣ у Бельмонъ. Я смѣло могу употребить на всѣ проекты и улучшения нѣсколько тысячъ франковъ (напр., до 10 т.); постороннимъ не говорите о послѣднемъ.

Если статья, т.-е. послѣдняя, не взойдетъ, то ее *всю* слѣдуетъ оставить до слѣдующаго листа. Но я не могу понять, чѣмъ же наполнены *два листа*?

Объявленіе о выходѣ 1 декаб. необходимо. Пусть Огар. и Давидъ напишуть коротко и слѣдуетъ напечатать *за деньги* въ «Кельнской Газетѣ», въ «Indépendance» и въ «Temps», пожалуй, въ «Siècle». Вересовъ ²⁾, вѣроятно, имѣеть агенцію. Это довольно будетъ дорого, но необходимо.

¹⁾ Противъ Бакунина.

²⁾ (Онъ же Березовъ) держалъ въ Женевѣ книжный магазинъ съ швейцарцемъ Гарригомъ.

У васъ холодно, а здѣсь лѣто. Всѣ вамъ кланяются.

Рядомъ съ барышомъ въ Америкѣ итальянскіе фонды грозятъ на это полугодіе сильно, вотъ поэтому-то я и думаю ѣхать въ Туринъ,—иду толковать съ Авигдоромъ.

Еще ничего не рѣшено. До воскресенья (17 ноября) я не двинусь и, стало, можете еще разъ написать. Вообще, помните правило, о которомъ я писалъ Огар.: пока я не перемѣню адреса, *писать по старому*.

Скажите же Чернецкому—онъ, вѣрно, порадуется да и бутылочку-то выпейте. Если нужны сейчасъ деньги, могу прислать.

Прощайте.

3197. Письмо къ Н. П. Огареву.

11 ноября (1867), понедѣльникъ.

Изъ письма къ Тхор: ты увидишь, что въ Америкѣ мы одержали викторію, и что пѣтери прошлыхъ годовъ могутъ вознаградиться такъ, что дохода въ прибавкѣ будетъ 5.000 фр. ежегодно. (Да въ убавкѣ Virginia, Ohio, Stock). Прошлогодніе дефициты симъ покроются—и свободы движенія больше. Теперь только куплены Un. St. 6 %, 1862—на половину суммы.

Для другой операціи надобно съѣздить въ Парижъ. Постороннимъ объ этомъ не толкуйте, — ни даже Бак. ¹⁾). Къ тому же на итал. фондахъ будетъ большая потеря.

Я еще не знаю, когда и куда поѣду; вѣроятно, придется съѣздить въ Туринъ, можетъ, и во Флоренцію на недѣлю; тогда я поѣду въ Парижъ послѣ.

Дома все печально; теперь Н. рѣшается ѣхать не въ Россію а въ Америку. *И юворитъ пресерьезно*. Есть, должно быть, что-нибудь противъ Сатина (Жемчуж. говоритъ, что онъ проигрываетъ кушами въ 5 и 6.000; меня это бѣситъ!). До мая я за все отвѣчаю.

Устрой объявленіе о «Колоколѣ» въ журналахъ, въ родѣ... ²⁾

Я возьму у Rot. 15.000, изъ нихъ ему долгъ 7.000, а остальное на подмазываніе колесъ — типогр., нашихъ, *дѣтскихъ*. Стало, и тебѣ могу прислать. Иду къ Авигдору.

Получилъ ли мою статью русскую? Чернецкій получилъ французскую.

¹⁾ М. А. Бакунинъ.

²⁾ Далѣе оторвано.

3198. Письмо къ Г. Н. Вырубову.

12 ноября 1867.

Nice (Alp. Mar.), 27, Promenade des Anglais.

Письмо изъ Лаціума получилъ,—cum tabellario ¹⁾, какъ расписывался Цицеронъ, получая въ Брундузіумѣ цидулки отъ своей супруги.

Карлейля только 3 книгу пришлите. У него картины хороши, а разсужденія à la Jean-Paul Richter ins Blaue hinaus ²⁾.

Взглядъ вашъ на исторію я очень дѣлю и понимаю его. Но, вѣдь, въ исторіи мы играемъ двойную игру—зрителей и актеровъ; если актеръ не будетъ страстно проникнутъ своею ролью, онъ ее играть не станетъ и останется профессоромъ исторіи, а не дѣятелемъ. Вотъ отчего одни смотрятъ на болѣзнь и изучаютъ ее, а другіе ею болѣютъ, они сами—докторъ и больной. Нельзя не знать, что сломленной ногѣ будетъ больно, а, вѣдь, все-таки, больно.

Далѣе, вашъ научный взглядъ дозволяетъ вамъ сказать, ех. gr., что Испанія въ маразмѣ, въ старости, въ величавой импотенціи, а что Сѣв. Ам. пышетъ здоровьемъ, но многое въ ней сыро и не обтерлось, но вамъ ея будущее ближе къ сердцу, чѣмъ интересная агонія въ Эскуриалѣ.

Далѣе, вы не вовсе правы въ томъ, что жожаками остались Франц. и Англія. Англія идетъ, но не ведетъ, авангардъ ея—Америка. А солдатская страна претъ назадъ, и нашла коса на камень, т.-е. на Пруссію. Она поведетъ; теперь праздникъ въ нѣмецкой слободѣ—колбасократія. Франція—твердый и мощный оплотъ всякаго консерватизма; старшая дочь церкви, она и должна была спасти святой сіежъ ³⁾.

Засимъ прощайте. Дѣло въ Америкѣ вчера кончилось (т.-е. вчера получилъ письмо) успѣшно, даже съ выгодой.

Третью книжку жду и впередъ благодарю. Можетъ, къ 15 декаб. лично явлюсь.

Объявилъ ли объ насъ во француз. болѣзни «Courcier»? Или я пошлю на съѣденіе первый листъ.

Искренно преданный А. Герценъ.

Здѣсь говорятъ, что въ финансовой нуждѣ въ Россіи заготовленъ ужасный указъ объ обязательномъ выкупѣ казенными крестьянами земель,—безобразнѣйшее дѣло.

¹⁾ Съ курьеромъ.

²⁾ Какъ у Жана-Поля Рихтера и вздорны.

³⁾ Le saint-siège—папскій престоль.

Ал. Ник. ¹⁾ сдѣлался ханжой и все толкуеть, что, если будетъ греть атентатъ ²⁾, то бѣда, и поэтому специально и усиленно молитсѣя.

Пошлите ему 3 книжку ³⁾.

3199. Письмо къ Н. П. Огареву.

14 ноября (1867), четвергъ.

Ницца.

Спѣшу увѣдомить о благополучномъ прибытіи Вормса, что не помѣшало милѣйшему Бени попасть въ тюрьму, да еще въ поповскія лапы, и получить, будучи зрителемъ, un coup de poule ⁴⁾, какъ говорила какая-то барыня. Вотъ совокъ да неловокъ. Онъ потерялъ чемоданъ и всѣ вещи. Вѣроятно, его, какъ корреспондента, пустятъ.

Далѣе, сколько я ни предупреждалъ, мои неловкіе флорентинцы, все-таки, приняли Долгор., и онъ далъ rendez-vous Фрикену у нихъ и сидѣлъ весь вечеръ. Это мнѣ ужасно непріятно; хотя и возьму всѣ мѣры, но нельзя же у себя въ домѣ дѣлать сцену. Думаю написать ему тихо и покойно, что мы не можемъ продолжать знакомства. Какъ ваша opinia ⁵⁾?)

Дома къ отѣзду все стало тише. Кажется, Н. хотѣлось бы кое-что поправить, но не сознаваясь, что вся вина съ ея стороны. До пріѣзда Ал. Ал. о Россіи не заботься, хотя съ Жемч. и были переговоры о крещеніи ⁶⁾. Тотъ увѣряетъ, что это легко.

Лиза продолжаетъ также учиться — хорошо и даже очень, но въ первую минуту досады дѣлать ужасы. Надо надѣяться, какъ ты сказалъ въ стихахъ, на здоровый умъ.

Русскій уѣхалъ (о которомъ я писалъ) и прямо въ Петербургъ, — отсюда черезъ Вѣну пять сутокъ. Это нигилистъ pur sang ⁷⁾, со всѣми ихъ достоинствами и паршами, но очень не глупъ. Самолюбіе — безъ границъ, и вялость, усталъ — ему 24 года! Насъ въ Россіи не читаютъ и не хотятъ, вообще, въ заграничную прессу не вѣрятъ. Школы внутри Россіи задавлены надзоромъ и попами.

¹⁾ Государь.

²⁾ Вѣроятно, great attentates — великое покушеніе.

³⁾ «Nouvelle Pensée», издававшася Вырубовымъ.

⁴⁾ Ударъ курицы.

⁵⁾ Opinion — мнѣніе.

⁶⁾ Лиза не была крещена тогда.

⁷⁾ Чистой крови.

Въ катковскій лицей втрое больше охотниковъ, чѣмъ мѣста. Худяковъ сосланъ на поселенье въ якутскую деревушку. Жена его въ Петерб. вела себя геройски.

Все тотъ же вопросъ: «что дѣлать и что дѣлать?». Ты обѣщаль объ этомъ писать въ твоихъ письмахъ. Мнѣ теперь хочется только ругаться съ Западомъ.

А что это за подлый «Голосъ»!

Отвѣтъ Босаку и Булев. готовъ, это для второго №. Онъ тепло-золь, —не противъ нихъ, разумѣется.

Ѣду. Ѣдемъ въ воскр., въ 5 ч. вечера, утромъ переѣзжаемъ горы (Colle di Tenda) и къ вечеру въ Туринъ. Пиши во Флоренцію, туда пошли и корректуру и все. Я непременно буду тамъ 20 или 21—рожденье Ольги. Italia, 9 Piazza san Felice (Via Maggio).

3200. Письмо къ Н. П. Огареву.

15 ноября (1867).

Началомъ твоей статьи я безконечно доволенъ. Именно такую-то *refonte* ¹⁾ я и хотѣлъ. Изложеніе ясно и дѣльно. Но какъ же вы хотите ее помѣстить прежде оканчанія «*Prolegomena*»? *Au reste*, это какъ желаешь. *Mise en page* мнѣ необходимъ. Во Флоренцію можете просто послать *sous bande* и франц. корректуры два экземпляра.

Детали шуваловскія мнѣ не нравятся ²⁾. Вся исторія кабака и добыванія бумагъ некрасива. Нужна ли она? ³⁾ Въ текстѣ есть прибавочки, *ex. gr.*, (сохрани, Боже).

Есть плохія новости изъ общихъ; ихъ сообщу изъ *Spesola*. Кельсиевъ произвелъ своей лекціей эффектъ дурной тѣмъ, что прикинулся православнымъ. Стало, статейка-то кстати.

Лиза съ *achagnement* ⁴⁾ учитъ роль изъ Амаліи и декламируетъ съ утра до ночи. Къ тебѣ писала два письма и не дописала. Прощай.

Остальную корректуру послалъ Чернецкому. Пожалуйста, прочти внимательно III «*Proleg.*», тутъ наврано много. *Mise en page* пошли Сашѣ.

¹⁾ Переплавку, полную переработку.

²⁾ Рѣчь идетъ о «Циркулярахъ III Отдѣленія» въ № 1 рус. прибавленія къ «*KoloKol*», за подписью «Русскій либераль».

³⁾ Все замѣченное Герценомъ было выкинуто Огаревымъ въ послѣдней корректурѣ.

⁴⁾ Ожесточеніемъ.

Если ничего не помѣшаетъ, послѣзавтра будемъ въ дорогѣ. Лиза благодаритъ Тхорж. за альманахъ и зоветъ его въ Ниццу непременно. Я ему буду писать скоро, Письмо его получилъ.

Напиши, достаточно ли тебѣ до новаго года 800 фр.? Я дѣлаю теперь бюджетъ. Прислать ихъ могу сейчасъ.

3201. Письмо къ Н. П. Огареву.

19 нояб. (1867), вторникъ.
Torino, Hôtel Feder.

Вотъ и въ Итали. Одна часть души отдыхаетъ... Colle di Tenda, несмотря на два дня тропическаго дождя, мы переѣхали торжественно по бѣлому снѣгу и солнцу. Здѣсь сыро, холодно,—гораздо хуже, чѣмъ въ Ниццѣ.

Ниццу оставили мирно. Was weiter ¹⁾—не знаю. О Россіи все замолкло. Я и самъ теперь не знаю, куда лѣтомъ ѣхать. Жить даже въ Ниццѣ невыносимо тяжело. Чтò за неисправимое несчастіе было въ разбродѣ изъ Буасьера. Это—второй грѣхъ, взятый Н. на душу (первый—отъѣздъ изъ Tunstal House). Ничего теперь не сладишь. Лицѣ въ Ниццѣ хорошо, много дѣтей, учителя превосходные, къ ихъ числу я прибавилъ Гулевица. Настоящаго сближенія съ Татой не было,—нѣтъ натуръ противоположныѣ,—но Тата ѣдетъ, жалѣя Н., какъ больную.

Можетъ, я Тату отправлю завтра одну впередъ во Флоренцію и кончу здѣсь банкирское дѣло.

Ненависть ко всему французскому безгранична. Пусть попробуютъ, каково было намъ при Николаѣ.

Письмо твое я получилъ и, право, не понимаю, вскую ты плачешься такъ на типографію? Куда вы торопитесь, и какъ можетъ *серьезно* быть много работы отъ трехъ листовъ корректуры? Въ двѣ недѣли (а теперь въ мѣсяцъ), полагая *по три часа* ²⁾ на листъ, выходитъ девять часовъ на пятнадцать дней. Я писалъ къ Чер. или Тхор. какъ-то *о необходимости читать корректуру* вмѣстѣ съ рукописью.

Объявленіе 2-ое о «Колоколѣ» плохо. Нельзя было позволить имъ печатать безъ твоего bon à tirer ³⁾. «Journ. redigé par M. M. H.

¹⁾ Что же дальше.

²⁾ А теперь выходитъ три листа въ пять, шесть недѣль. Въ Лондонѣ разомъ шли сборники, «Былое и думы», «Поляр. Звѣзда», «Колоколъ» etc. А. И. Г

³⁾ Подпись, соотвѣтствующая нашей «печатать».

et Og.»—я не видываль, чтобъ себя называли «Messieurs». Но это не важно. Жду во Флоренціи mise en page.

Статейка моя въ отвѣтъ Босаку готова—и зла.

Засимъ—addio.

Тата тебя обнимаетъ и дрожить отъ холода.

3202. Письмо къ С. Тхоржевскому.

22 ноября (1867).

Firenze, 9, Piazza di San Felice.

Вотъ, любезнѣйшій Тхоржевскій, я и во Флоренціи! Своихъ засталъ хорошо: Мы съ Татой прѣѣхали сюрпризомъ въ день рожденія Ольги ¹⁾. Никто не ждалъ—и у нихъ было веселье. Но снаружи не весело: все траурно и плохо; того, что было, нельзя себѣ вообразить,—ну, при свиданьи расскажу.

Кому послать «Колок.», я напишу въ слѣдующемъ письмѣ. Отправляю корректуру; поправлена она плохо, и безъ моего bon à tirer печатать я не могу позволить. Я здѣсь, во Флоренціи, до 2—3 декабря, прислать успѣете («Кол.» можетъ выйти хоть 10 дек.).

Если бы можно было соединить Чернецк. съ Пфеферомъ ²⁾, я бы сдѣлалъ все возможное. Устройте это дѣло; я и деньгами и всѣмъ готовъ помочь.

Корректуры покажите Огар.; прежде письмецо его получилъ, короткое. Долгор. не видалъ. Онъ все здѣсь насъ подхваливаетъ,—вѣроятно, для мировой, и это меня ставитъ въ скверное положеніе.

Ольга вамъ кланяется и всѣ.

Процайте.

Скажите, что я здѣсь буду до 2—3 декабря.

3203. Письмо къ Н. П. Огареву.

23 ноября (1867), суббота.

Firenze.

Посылаю корректуру. Ошибокъ много, и все умничаютъ Давидъ. Я пишу «rétrovolution», онъ — «rétrorévolution»; наконецъ,

¹⁾ 20 ноября.

²⁾ Типографъ въ Лугано.

«Prolegomena» онъ пишетъ: «Prologomènes»; франц. окончаніе ничего, но это О—уголовно. Пропущено слово «jury», и вышла безсмыслица. Если ты думаешь, что возможно печатать, печатай, а не то лучше еще разъ прислать; ко 2 или 3 декаб. можно прислать.

Далѣе. Форматъ гадкій и надпись такова же. Хоть бы на палець побольше. Да не лучше ли «Колок.» сверху по-русски? Все заглавіе слѣдуетъ разставить красивѣе, шире... Первую страницу *непремѣнно* сдѣлать *последней*. Надобно это схлопотать, потому тебѣ отдыхъ отъ коррект. до начала января.

А если-бъ Чернецк. соединился съ Пфеферомъ, я далъ бы дорого. Посовѣтуй ему дружески. Я даже часть расхода возьму на себя.

Письма Мейз. и Ольги я получилъ.

Здѣсь великая скорбь налегла на всемъ. Странно, что люди, все-таки, сердцемъ солидарны со страной. Все чувствуетъ обиду, все чувствуетъ пятно и преступленіе.

Тхор. буду писать.

Мнѣ что-то стало казаться, что мы придаемъ слишкомъ важности Долгор. Еще не видалъ его.

3204. Письмо къ Г. Н. Вырубову.

28 ноября (1867).

Florence, 9, Piazza S. Felice (Via Maggio), 3-e p-e.

Я уѣхалъ изъ Ниццы, не получивъ вашего отвѣта, и пишу къ вамъ теперь по поводу одного небольшого дѣла. Мой сынъ написалъ небольшую и очень недурную вещицу («*Conversations physiologiques*»¹⁾), довольно популярную — о нервныхъ явленіяхъ мозга, о рефlekсахъ и пр. Думаете ли вы, что вашъ издатель возьмется за изданіе, и, если да, то на какихъ условіяхъ? Книжка будетъ въ 140—150 стр. такого формата, какъ Карлейль. Я готовъ напечатать въ своей типографіи, но полагаю, что наши пути далеко не такъ хороши, какъ у Ш. Бальера²⁾ (кажется, такъ?).

Пожалуйста, черкните объ этомъ строчку.

* Далѣе, у меня есть и еще просьба. Вы меня можете сильно обязать... взглядывая сами или поручивъ кому-нибудь въ журналы между 5 и 15—20 дек., не будутъ ли насъ заушать за 1-й листь

¹⁾ «Физиологическія бесѣды».

²⁾ G.-G. Baillièrre, издатель книгъ по медицинѣ, физиологіи и т. п.

«Колокола». Я даже попросилъ бы, если что будетъ особеннаго, мнѣ прислать, послѣ сочтемся. Если и вамъ захочется пощелкать насъ въ вашемъ «Revue», пощелкайте. Я здѣсь слышалъ, что ваша статья о мир. конг. очень хороша, но за что же вы ее не прислали, т.-е. 3 книжку? Или вы ее послали только въ Женеву?

Здѣсь та тоска, которая бываетъ въ домѣ послѣ большого несчастья и притомъ некрасиваго, когда отца повѣсятъ за воровство, сына за насилье отдерутъ кошками или въ этомъ родѣ.

Меня heimweh ¹⁾ по Англїи разбираетъ. Вы ее ужъ возьмите въ милость и будьте здоровы, а, если можно, покойнѣе и веселѣе меня.

Преданный вамъ

А. Герценъ.

P. S. «Код.» вы получите, я полагаю, 5 или 6 дек. Мой переездъ его задержалъ. Слышали вы, что К. Фогта въ Аахенѣ прусскіе жандармы, съ обнаженными саблями спасали отъ набожной аудиторїи, скандализированной его вольнодумствомъ въ зоологїи?

3205. Письмо къ Н. П. Огареву.

(5—6 декабря 1867).

Я думаю гхать къ 10 декабря.

Вамъ слѣдуетъ приготовить пол-февральскаго и мартовскїй листы; leading article ²⁾ въ февр. будетъ доставленъ мною. Но почти вся «смѣсь» должна составиться въ Женевѣ.

Въ мартов. л. потребна статья de fond ³⁾.

Въ началѣ марта я приѣду.

Для этого необходимо снова приняться за газеты,

А что же non possumus?

Твоя статья о «что дѣлать?» можетъ очень быть удачна, но начать ее надобно иначе. Въ началѣ ты рѣшительно повторяешь мое введеніе, это некрасиво.

Non pis in idem какъ говорятъ нѣмцы (и что можно перевести: не надобно мочиться, когда идешь) ⁴⁾.

¹⁾ Тоска по родинѣ.

²⁾ Передовая статья.

³⁾ Основная статья.

⁴⁾ На самомъ дѣлѣ: non bis in idem—не дважды за то же.

3206. Письмо къ Н. Н. Ге.

7 декабря (1867), суббота, вечеръ.
Флоренція. 9, Piazza S. Felice (Via Maggio), 3-е р-е.

Почтеннѣйшій Николай Николаевичъ, сегодня искалъ вашъ домъ и не нашелъ. Доманже ¹⁾ взялся доставить записку. Дѣло въ томъ, что Тата нездорова, а ко мнѣ назвался скучный гость завтра. Позвольте прійти въ другой день. Я остаюсь еще недѣлю, а, можетъ, и больше. При семъ съ почтениемъ русская половина «Колокола».

Весь вашъ А. Герценъ.

3207. Prolegomena.

I.

Nous n'avons rien de nouveau à dire—une partie des essais que nous avons l'intention de publier est connue; dans les autres on ne trouvera que la récapitulation et le développement de ce que nous avons dit et répété depuis au moins vingt ans.

Quelle est donc la raison de notre apparition?

L'étonnante persistance de ne voir dans la Russie que son côté négatif et d'envelopper dans les mêmes injures et anathèmes progrès et réaction, avenir et présent, détritus et germes.

Seuls publicistes russes en Occident, nous ne voulons pas prendre sur nous la responsabilité du silence.

Le spectre russe, exploité après 1848 par Donoso Cortès en faveur du catholicisme, apparaît avec une nouvelle vigueur dans le camp opposé. On est prêt à voiler encore une fois les «droits de l'homme», que l'on a oubliés; et à suspendre la liberté que l'on n'a plus, pour veiller au «Salut de la civilisation» menacée et —refouler ces Attilas en herbe et ces Alaric futurs, au delà du Volga et de l'Oural. Le danger est si grand qu'on a hasardé de proposer à l'Autriche de donner la main qui lui reste—à la Prusse, qui a amputé l'autre... que l'on a conseillé à tous les Etats d'entrer dans une sainte ligue d'un despotisme militaire contre l'empire des tzars. On écrit des livres, des articles, des brochures en français, allemand, anglais; on

¹⁾ Раньше учитель дѣтей Герцена, а тогда—дѣтей Ге.

prononce des discours, on fourbit les armes... et la seule chose que l'on omet, c'est *l'étude sérieuse de la Russie*. On se borne au zèle, à la ferveur, à l'élévation des sentiments. On croit que, si l'on plaint la Pologne—on connaît la Russie.

Cet état de choses peut amener des conséquences graves, de grandes fautes, de grands malheurs, sans parler du malheur très-réel—d'être dans une complète erreur.

Il y a peu de spectacles plus tristes et plus navrants que celui d'une obstination sénile, qui se détourne de la vérité—par une fatigue d'esprit, par une crainte de troubler un parti pris. Goethe a remarqué que les vieux savants perdent avec les années l'instinct de la *réalité*, le talent d'observation et n'aiment pas à remonter aux bases de leur théorie. Ils se sont formés des idées arrêtées, ils ont tranché la question et ne veulent pas y revenir.

Nous disions il y a dix ans ¹⁾: «Il est difficile de s'imaginer jusqu'à quel point le cercle dans lequel se meut et se débat la généralité des hommes en Occident, est hermétiquement clos. Un fait nouveau les trouble, une pensée qui n'a pas de cadre, de rubrique, les alarme. La grande partie des journaliers de la publicité ont en réserve une provision de généralités, de générosité, d'indignation, d'enthousiasme et d'adjectifs qu'ils appliquent à tous les événements. On les change un peu, on les façonne, on les illumine de couleur locale, et tout est en ordre... Les *patrons* facilitent extrêmement le travail, et sans l'intervention d'un fait rebelle, la roue va son train; aussi avec quelle colère mal cachée on rencontre ces intrus, comme on tâche de ne pas les apercevoir, de leur montrer la porte; et s'ils ne s'en vont pas—de les calomnier»...

Depuis 1848 nous avons prêché—que, au-dessous de la Russie militaire et despotique, conquérante et agressive—sauvant l'Autriche et aidant la réaction—il y a une Russie en germination, que des courants souterrains soufflent un air—tout autre que celui du Pétersbourg officiel.

Le monde se livrait au désespoir, mais il resta inattentif à cette consolation.

Ce qui paraissait paradoxal, avant la guerre de Crimée, est devenu, bientôt après, un fait évident, irrécusable. Le «Great Eastern» du Nord se détachait de ses glaces, prenait le large—et se heurtait contre l'insurrection de la Pologne.

Les polonais ont voulu réparer la faute de leur inaction pendant la guerre de Crimée—trop hâtivement et dans des circonstances peu

¹⁾ *La Russie et le vieux monde*. Ed. russe pub. à Londres, 1858. A. H.

favorables. Ils étaient malheureux dans leur mésalliance; le gouvernement russe, dur, insolent même dans les concessions. Leur impatience héroïque se conçoit. Voyant avec tristesse que le mouvement ne pouvait être différé, nous leur dîmes, la veille de leur insurrection ¹⁾: «Frères, détachez-vous de la Russie, soyez indépendants, allez avec l'Occident, vous en avez tous les droits;—mais en rompant avec la Russie—tâchez donc de la connaître». A cela, pas de réponse. Et il faut ajouter qu'il n'y a pas un peuple voisin qui connaisse moins la Russie que la Pologne ²⁾. En Occident on ne connaît pas la Russie tout de bon. Les polonais l'ignorent avec *préméditation*. Que de malheurs auraient été évités, si les polonais n'eussent eu peur de trouver quelque chose de bon dans leur ennemi. Ils disaient bien en 1831: «Pour votre liberté et la nôtre!». Mais quelle est la liberté vers laquelle nous aspirons? Est-ce la même?.. Les polonais confondent bien souvent la liberté avec l'indépendance politique. Nous l'avons, et c'est notre dernier souci; nous ne pouvons la perdre.

La lutte s'engage. La Pologne donne son sang, l'Europe—ses articles de journaux. Tristes et pleins de noirs pressentiments, nous étions les premiers russes à saluer «ceux qui allaient à la mort». Les polonais ne représentaient pas pour nous *le nouveau principe et l'avenir*—mais ils représentaient *le droit, l'histoire;—la justice* était de leur côté.

Ce n'est pas non plus avec une aspiration vers un idéal qu'ils se mirent en marche—ils voulaient revendiquer, rétablir, ressusciter. C'est précisément là que git notre différence. Nous avons beau regarder autour de nous—nous n'avons rien à revendiquer, à exhumer, nous n'avons qu'à déblayer le champ pour nos aptitudes et nos tendances. Pourtant nous étions cœur et âme avec les polonais, et nous n'avions qu'une angoisse: nous appréhendions que leur insurrection n'entravât notre marche, sans atteindre le but. Nos prévisions se réalisèrent, et le hideux Mourawieff, après avoir fini avec la Lithuanie, fut appelé à présider une inquisition politique à Pétersbourg. L'unité de la terreur et du bourreau a confondu les martyrs des deux causes.

1) Conclusion d'une série d'articles sur la Pologne dans «le Kolokol». A. H.

2) Certainement il y a des exceptions: je citerai un livre très-remarquable, publié à Paris en 1863 par un polonais, sous le titre: *La Pologne et la cause de l'ordre*. L'auteur a prouvé que la haine ne perd rien par la connaissance intime de son ennemi. Dans beaucoup de cas nous partageons ses opinions, lui—les nôtres; nous avons puisé aux mêmes sources. Quel plus grand criterium que cette rencontre de deux sentiments opposés! Je m'empresse d'ajouter qu'en parlant des articles sur la Russie dans les journaux allemands et français, nous avons excepté les brillants et magnifiques tableaux de Ch. Mazade dans la «Revue des Deux-Mondes». A. H.

Lorsque les passions se calmèrent—on put aisément constater, à travers les sanglots et les cris de rage, *deux faits*. Vous êtes convaincus de l'un, nous n'avons aucun doute quant à l'autre. L'un, c'est que la Pologne polonaise n'a pas péri; l'autre, c'est que le *mouvement* russe n'a pas été arrêté. C'est un fait très-grave, et nous ne demandons qu'une enquête pour constater notre erreur, ou admettre que nous avons raison. Au lieu de la faire, on jette des cris d'alarme et d'exaspération, on invente des offenses ethnographiques, on accable la Russie à coups de philologie frelatée. On la chasse de l'Europe, on la chasse des iraniens. Est-ce sérieux tout cela?

Nos braves ennemis ne savent pas même que nous sommes très-peu vulnérables de ce côté; nous sommes audessus des susceptibilités zoologiques et très-indifférents à la pureté de race; ce qui ne nous empêche nullement d'être parfaitement slaves. Nous sommes contents d'avoir du sang finnois et mongol dans les veines; cela nous met en parenté, en rapport de fraternité avec ces races parias, que la démocratie humanitaire de l'Europe ne peut nommer sans dédain et offense. Aussi nous n'avons pas à nous plaindre de l'élément touranien. Nous avons poussé un peu plus loin que les purs slaves de la Bulgarie, Serbie etc.

On nous chasse de l'Europe—comme le bon Dieu a chassé Adam du Paradis. Mais est-ce qu'on est bien sûr que nous prenons l'Europe pour un Eden et le titre d'euro péen pour un titre d'honneur? On se trompe fortement de temps. Nous ne rougissons pas d'être de l'Asie, et nous n'avons aucun besoin de nous annexer à droite ou à gauche. Nous nous suffisons, nous sommes une partie *du monde entre l'Amérique et l'Europe*, et c'est assez pour nous. Peut-être les allemands de Pétersbourg se scandalisent-ils fortement de la perte de leur slavisme pur, de leur iranisme japhétique, et sont-ils profondément offensés de ce qu'on ne veut pas d'eux en Europe.—Peut-être les enragés de Moscou, pour comble de ridicule, commenceront-ils une lutte scientifique—cela ne nous regarde pas du tout.

Et c'est grâce à vous, nos maîtres de l'Occident, grâce à votre science que nous avons tant de philosophie. Arriérés en tout, nous avons été en apprentissage chez vous—et nous n'avons pas rebroussé chemin *devant les conséquences qui vous ont fait dévier*. Nous ne cachons pas le bien que nous avons reçu de vous. Nous prîmes votre lumière pour éclairer l'horreur de notre position, pour chercher une porte ouverte, pour en sortir—et nous l'avons trouvée grâce à vous. C'est assez maintenant—que nous savons marcher seuls—de fêrule du maître, et si vous nous maltraitez—adieu l'école!

Mais avant de nous quitter «en cérémonie», dites nous: Pourquoi

voulez-vous à toute force vous faire un ennemi *du jeune Ours*? — Est-ce qu'il ne vous suffit pas de guerroyer *avec le vieux*, qui nous est plus hostile qu'à vous et que nous haïssons plus que vous ne le haïssez? Pensez à cela que le vieux dépend beaucoup plus de vous que le jeune; il n'est pas fibre moralement, vous pesez sur lui par votre autorité. Il murmure, il boude, mais il s'offense de vos critiques, parce qu'il vous respecte et vous craint — non votre force physique, mais votre supériorité intellectuelle, votre morgue aristocratique. La bosse de la vénération nous manque; nous n'avons pas le même sentiment de respect pour tout ce qui est occidental. Nous vous avons vu, dans des moments, bien faibles. La seule chose que nous estimons chez vous, sans bornes, religieusement, *c'est la science*. Mais la science, c'est tout l'opposé de vos institutions, de votre intolérance, de votre état, de votre morale, de vos croyances. Vous avez l'art de couvrir, par vos aspirations généreuses, par vos sublimes inconséquences, l'abîme qui sépare la vie de la science — mais l'abîme reste.

Nous vous avons vu de trop près et nous nous connaissons — nous sommes habitués à vous aimer et à vous connaître — vous nous ignorez et vous nous niez. — Nous protestons.

Sentinelles perdues à la limite de deux mondes, que l'on excite à se ruer l'un contre l'autre, appartenant par mille liens aux deux nous ne pouvons pas nous taire et nous nous hasardons encore une fois à signaler la fausse route et à crier du haut de notre guérite: «Gare à l'erreur!»¹⁾.

¹⁾ Quelquefois, bien rarement, un esprit supérieur s'arrête, étonné, et constate un fait qui cadre peu avec le tableau stéréotypé de la Russie. Le fait paraît seul, isolé, presque monstrueux — on ne va pas à la recherche de la série — et le fait se perd de vue. Un homme célèbre me disait à Veytaux, en parlant de l'émancipation des paysans en Russie avec la terre: — «La Convention de 93 — et elle était bien audacieuse — aurait reculé devant une mesure taillant si profondément dans le droit de la propriété. Il me semble que l'obéissance passive de la noblesse entre, et pour beaucoup, dans la réussite de cette mesure socialiste». — Je ne le pense pas, dis je, d'autant plus que la noblesse était bien loin d'une soumission passive. Cette mesure a passé parce qu'elle était parfaitement conforme au génie national et que l'émancipation, sans terre, était impossible chez nous. Elle aurait provoqué certainement une jacquerie. Une révolution sociale de cette étendue ne pouvait se faire tranquillement que chez un peuple qui possède *d'autres notions sur la propriété* que celles des peuples de l'Occident.

Personne n'y a songé sérieusement.

Les *socialistes* comme les autres.

L'ensemble de ces faits nous a déterminé à paraître encore une fois à la barre, insistant pour l'admission *du témoin à décharge* dans le procès d'excommunication qu'on poursuit contre la Russie.

A. H.

II.

Nous voulons commencer par dire, le plus brièvement possible, comment l'état actuel de la civilisation occidentale se reflète dans notre intelligence d'étrangers, de spectateurs, d'hommes formés par votre science, mais qui ayant une autre origine et une autre tradition—vont leur chemin très difficile—sans admirer le vôtre. Vous êtes peu habitués à entendre les opinions qui viennent du dehors. Vous avez été si longtemps *la civilisation et toute la civilisation*, la seule grande histoire *et le seul* grand présent, que les Anacharsis intimidés n'osaient dire franchement leur opinion; et lorsque vous vous mettez vous-mêmes dans leur rôle, en écrivant des lettres persanes, turques, américaines et autres, vous ne faites que la critique des détails. Si quelquefois vous dites une vérité désagréable, gare à celui qui touche la reine, n'étant pas de la famille!

Les temps ont changé rapidement. L'aurole qui vous entourait n'offusque plus la vue. Votre règne unitaire et incontesté est troublé par une voisine peu commode et remuante. On se tourne vers sa nouvelle maison, au delà de l'Océan—on trouve qu'elle vous continue en vous *accomplissant*; vous avez beaucoup promis, elle tient beaucoup; l'idéal est à vous, la réalisation à elle.

Votre civilisation est comme une mer qui déborde, elle ne peut ni rester dans son ancien lit, ni dépasser les limites fatales. Elle se heurte de tous côtés à des rochers qu'elle ne peut ni engloutir, ni dépasser, ni entraîner; de là une étrange confusion, une agitation stérile; on attaque—on est refoulé, et *fiasco* sur *fiasco*.

Vous ne pouvez pas entrer dans un nouveau lit sans jeter au loin vos vieilles hardes, et vous voulez les garder. Vous êtes trop avares pour céder une partie de l'héritage et vous n'avez, non plus, assez d'abnégation pour vous résigner au repos honorable d'une reine douairière, qui oubliant la royauté ne s'occupe plus que de son ménage. Vous restez en conséquence dans un état de fluctuation provisoire; vous êtes, sans le savoir, sincèrement hypocrites, et vous vous contentez des mots, sans avoir la réalité.

Les formes et les bases de l'organisation actuelle de l'Etat, de la société — telles qu'elles se sont élaborées, au fur et à mesure, par l'histoire, sans unité ni plan — ne correspondent plus aux exigences de l'état rationnel qui s'est formulé dans la science et conscience d'une minorité active et développée. Tout ce que les vieilles formes avaient d'élasticité, elles l'ont prêté; toutes les combinaisons, tous les compromis ont été faits. Les réformes ne peuvent aller plus loin sans

les faire éclater, sans ébranler les bases *éternelles* de la société. Il faut que l'esprit recule et avoue, avec une humilité toute chrétienne, que son idéal «n'est pas de ce monde», ou qu'il se décide à briser les formes et à ne plus s'inquiéter du sort *des bases éternelles*.

Ces bases éternelles ne sont rien autre que les bases très-temporelles d'une organisation bicéphale, hybride — d'un Etat ex-féodal, bourgeois et militaire — d'un compromis flottant entre les extrêmes — d'une diagonale peu sûre entre la liberté et l'autorité, d'un éclectisme social et politique — neutralisant toute initiative. Vers ce juste milieu gravissent, en oscillant, les nations civilisées. Celles qui ont vaincu les forces perturbatrices, comme la Hollande, se trouvent très-bien. Il est possible que les peuples latino-germaniques n'iront pas plus loin, que c'est leur état définitif. Les rêves d'un passé, les rêves d'un avenir les troublent encore et ne leur permettent pas de s'asseoir carrément dans leur position. Ces remords platoniques se calmeront comme les douleurs des chrétiens se calmèrent à l'endroit des ~~péchés du genre humain — ils resteront comme de beaux souvenirs.~~ «*des pia desideria*», comme un romantisme généreux, comme la prière du riche pour les pauvres. Il n'y a au reste aucune nécessité absolue que l'idéal formulé se réalise dans une telle localité ou dans une autre, pourvu qu'il se réalise. Est-ce que l'Inde n'est pas restée dans le rôle de Mère et la Judée dans celui de Jean le précurseur? On ne s'arrête pas où l'on veut, mais là où les forces manquent, où la plasticité, l'énergie manquent. Nous ne voulons nullement dire que le monde latino-germanique soit exclu de la nouvelle palingénésie sociale, qu'il a lui-même révélée au monde. Tous sont invités par la nature et par l'histoire, mais il est impossible d'entrer dans le nouveau monde, en portant, comme Atlas, le vieux monde sur ses épaules. Il faut mourir «dans le vieux Adam» pour ressusciter dans le nouveau — c'est-à-dire il faut passer par *une révolution réellement radicale*.

Nous savons très-bien qu'il n'est pas facile de définir, d'une manière concrète et simple, ce que nous entendons par révolution radicale. Prenons encore une fois le seul exemple que l'histoire nous offre: *la révolution chrétienne*.

Le monde de la «ville éternelle» s'en allait, battu par les Barbares, par l'épuisement, succombant sous le fardeau trop lourd que Rome mettait sur ses épaules. Une grande partie de son idéal de conquérant était réalisée, le *restant* ne suffisait plus pour le pousser. Il possédait son passé, le prestige de la force, de la civilisation, de la richesse; il pouvait tout de même traîner longtemps, ramolli et fatigué. Mais arrive une révolution qui lui dit en face: «Tes vertus sont des vices brillants pour nous; notre sagesse est absurde pour toi, qu'avons-

nous donc de commun?» li fallait l'écraser ou tomber devant la croix et le crucifié.

Vous connaissez la légende (Heine s'en est si bien souvenu, dans son voyage de Hildoland) de ces bateliers retournant, effrayés, agités, de la Grèce en Italie. Ils racontaient (c'était du temps de Tibère) qu'une nuit, lorsqu'ils touchaient la terre du Péloponèse, un homme sinistre apparaissait sur les rochers, leur faisant signe d'approcher et leur criant à haute voix: «Pan est mort!».

Il n'était pas mort alors, le vieux Pan, mais il agonisait et il n'y avait plus de remède pour le sauver que la mort. Son extrême onction durait des siècles. Il se convertit, prit l'habit et légua tout son avoir à l'Eglise. Un moine se mit à la place des Césars, l'Olympe devint un jardin de lazaret et se remplit des moribonds, des desséchés, des sans-sexes, des exécutés; un gibet avec un cadavre prit la place de Jupiter, et celle de ses joyeux convives — deux femmes en larmes. Voilà ce que nous entendons par révolution radicale.

Les restes, les fragments, les pierres désagrégées de l'ancien édifice se conservèrent, mais furent incorporées dans le nouveau, mais ne primèrent plus.

Le monde chrétien, de son côté, a eu ses grandes crises et ses grandes évolutions, transformations, mais pas une radicale. La renaissance, la réforme ne sortent pas de l'Eglise, elles la simplifient, l'humanisent, l'ornent et l'adorent dans la nouvelle édition. La révolution même représente la sécularisation du christianisme et la canonisation du monde antique. Elle est chrétienne et romaine par son génie, sacrifiant sans pitié l'individu au «salus populi», au Moloch de l'Etat, de la république, comme l'Eglise sacrifiait l'homme vivant au «salut de l'âme, à la gloire de Dieu». La Réforme, la Révolution firent, en luttant, des pas de géant et frisèrent des principes parfaitement justes, mais irréalisables dans la condition donnée de l'Etat. Les pièces de résistance, les masses de vieilles murailles qu'elles entraînent dans leur nouvelle cité, empêchaient chaque pas. Ils perdaient toute l'énergie en contradictions insolubles, en luttes sans issue.

Droits de la personne juridique.

Droits de l'homme.

Droits de la raison.

Liberté, Egalité, Fraternité.

Arc-en-ciel plein de promesses, touchant des deux bouts la terre sans prendre racine.

L'inviolabilité de l'individu se brisait à la protection absolue de la propriété par l'Etat. Le droit de l'homme heurtait le droit romain. Le droit de la raison était niée par une religion armée. Et ainsi de

suite. La liberté était impossible avec un gouvernement fort, avec une Eglise de l'Etat et une armée aussi de l'Etat. Pas d'égalité avec l'inégalité du développement, entre les sommets inondés de lumière et les masses couvertes de ténèbres. Pas de *fraternité* entre le maître qui use et abuse de son avoir et l'ouvrier qui est usé et abusé parce qu'il n'a rien. Quel est le génie qui pourrait réunir en une formule harmonique, résoudre en une équation, énoncer d'une manière intelligible le rapport et l'action mutuelle des grandes forces contradictoires, des facteurs hétérogènes qui s'entre-déchirent et restent en même temps bases de la société moderne? Est-ce qu'il y a quelque chose de commun entre la jurisprudence et la science économique; entre le tribunal et la statistique? peuvent-elles convenablement coexister? Vous le sentez, *vous le savez*, et c'est à cause de cela que vous commettez un péché contre l'esprit. Vous êtes dans l'état d'un homme qui a levé une jambe pour passer la frontière, et saisi d'un accès de nostalgie, reste dans cette position lamentable.

Personne ne vous force de vous expatrier, mais alors il faut rester tranquillement près du foyer paternel et ôter les habits d'un révolutionnaire en voyage. Le cumul de conservatisme et de révolutionnarisme commence à révolter. Vous avez des remords, et pour vous justifier à vos yeux, vous répétez la vieille chanson des dangers de la morale, de l'ordre, de la famille, surtout de la religion. Et vous-mêmes, vous n'en avez pas, sauf un mince déisme impuissant et stérile. La religion vous apparaît seulement comme le grand frein pour les masses, la grande intimidation des simples, le grand paravent qui empêche au peuple de voir clair ce qui se passe sur *la terre*, en élevant ses yeux vers le ciel.

Morale, famille. Quelle morale? La morale de l'ordre, de l'ordre *existant*, la morale du respect de l'autorité et de la propriété; le reste—fleuritures, ornements, décors, sentimentalisme et rhétorique.

Et quand est-ce qu'une révolution s'est présentée comme immorale? Une révolution est toujours austère, vertueuse par métier, pure par nécessité; elle est toujours dévouement, parce qu'elle est toujours danger, perte des individus au nom de la généralité. Est-ce que les premiers chrétiens étaient immoraux? ou les Huguenots, ou les Puritains, ou les Jacobins? Ce sont les coups de main, les coups d'Etat qui ne sont pas excessivement immaculés, mais ce sont des *rétrorévolutions*. Quant à la religion, la révolution n'en a pas besoin, elle est elle-même religion.

Le socialisme même, dans ses phases les plus exaltées, juvéniles dans le saint-simonisme et le fouriérisme, n'est jamais allé ni à la communauté des biens des Apôtres, ni à la république d'enfants

trouvés de Platon, ni à la négation de la famille au point de créer des institutions d'infanticide anticipé et des maisons publiques de célibat et d'abstinence...

Il ne s'agit, en réalité, ni de famille, ni de morale, il s'agit de sauver *un peu de liberté et beaucoup de propriété*; le reste, c'est de l'éloquence, de la circonlocution. La propriété, c'est le plat de lentilles pour lequel vous avez vendu le grand avenir auquel vos pères ont ouvert les portes grandes en 1789. Vous préférez l'avenir sûr d'un rentier retiré des affaires, parfaitement bien — mais ne dites pas que c'est pour le bonheur de l'humanité et le salut de la civilisation que vous le faites. Vous voulez toujours entourer votre conservatisme obstiné de signes révolutionnaires; cela offense et vous outragez les autres peuples, comme si vous étiez encore à la tête du mouvement; l'offense frise le ridicule.

Proudhon disait très-inhumainement à une nation malheureuse: «Vous ne savez pas mourir». Nous voudrions vous dire: «Vous ne savez in renaître, ni vous résigner à une vieillesse verte et franche». «Notre position, à nous, est pire que la vôtre, plus grossière, mais beaucoup plus simple, et n'oublions pas que chez vous c'est *le couronnement de l'édifice*, tandis que nous sommes encore aux *pilotis de fondement*.

III.

Nous sommes à la veille de notre histoire. Nous avons végété, nous avons pris corps, nous nous sommes installés, nous avons passé un rude dressage—et nous n'apportons que la conscience de nos forces, de notre aptitude. Ce sont des symptômes plus que des faits. Nous n'avons, à proprement parler, jamais vécu; nous avons été mille ans *à la terre* et deux siècles à l'école, à l'imitation. Nous ne faisons que sortir de la germination, et bien nous en suit ¹⁾.

Toutes les richesses de l'Occident, tous les héritages nous manquent. Rien de romain, rien d'antique, rien de catholique, rien de féodal, rien de chevaleresque, presque rien de bourgeois dans nos

¹⁾ Il m'est impossible de ne pas citer encore une fois ces vers de Goethe, qu'il adresse à l'Amérique:

Dich stört nicht im Innern,
Zu lebendiger Zeit,
Unnützes Erinnern,
Und vergeblicher Streit.

souvenirs. Aussi aucun regret, aucun respect, aucune relique ne peuvent nous arrêter. Nos monuments, on les a inventés convaincu que l'on était qu'un empire comme il faut doit avoir ses monuments. La question, pour nous, ce n'est pas la conservation de nos agonisants, ni l'enterrement de nos morts, cela ne nous donne aucun embarras, mais bien de savoir où sont les vivants et combien il y en a.

Descendants de colons et non de conquérants; nous sommes un peuple de paysans, surmonté par une légère couche de *détachés*. C'est le peuple des champs qui est la base et la sève. Les torrents de Slaves, tombant dans les plaines entre le Volga et le Danube, s'assirent là, où ils se sentaient fatigués et occupèrent le sol qui leur plaisait, comme un élément qui n'appartenait à personne. Ils n'avaient pas de titres, ils avaient la faim et la charrue. Les peuplades finnoises qui vivaient dans ces forêts, dans ces déserts, étaient englobées par les Slaves. Elles continuaient leur pauvre existence, ou se fondaient avec les nouveaux venus, en laissant quelques mots dans leur langue et quelques traits dans leur figure.

Rien d'héroïque, d'épique dans ces origines — défrichement, travail et croisement avec ces pauvres Touraniens, auxquels en veulent tant les publicistes de l'Occident.

Des villes très-clairsemées surgissent, des villages fortifiés, des principautés commencent à se former en un Etat fédéral assez informe. Puis le joug des Mongols, lutte et affranchissement, unité forcée, et un Etat en croissance. Cet Etat rudimentaire se maintient à travers toutes les vicissitudes, avec une persistance obstinée qui n'est pas dans le caractère slave. C'est peut-être le premier fruit de l'assimilation de ces races cyclopéennes, immobiles et fortes par leur persistance minéralogique, par leur adhésion élémentaire, par leur longanimité endurente. S'ils ont altéré la pureté slave de notre sang, ils ont corrobore l'Etat qui a servi de noyau à la Russie moderne.

Le peuple de paysans se transformant en un Etat, *conserva*, et c'est là que gît son avenir et son originalité, la foi que la terre qu'il cultive lui appartient, qu'elle est inaliénable tant qu'il reste dans la commune, et qu'une commune nouvelle le recevant, lui doit la terre. Le gouvernement n'y comprenait rien et laissa les us et coutumes jusqu'au temps de l'introduction du servage (XVIIe siècle), donnant alors terres et paysans aux seigneurs, à la famille régnante, à l'Etat.

Le principe du droit à la terre n'est pas discutable; c'est un fait non une thèse. La notion originaire de la propriété a été très-bien éliminée de la discussion par Proudhon. C'est une donnée primordiale, un dogme «d'origine divine», c'est une *cause première* de l'histoire. On trouve un rapport de l'homme à la propriété préexistant à l'histoire.

permanent, comme celui qui s'est développé par le droit romain, les coutumes germaniques, et qui continue en Occident dans les voies de l'individualisme, jusqu'à la rencontre des idées sociales qui le nie et l'arrête. On trouve *un centre* inculte en Orient qui se développe en Russie sur une base communale, et qui va à une jonction avec le socialisme qu'il affirme *de facto*, qui lui donne des proportions tout autres, et lui ouvre un avenir immense.

Il semble que toute l'histoire sombre et lourde du peuple russe n'a été soufferte qu'en vue de ces évolutions par la science économique, de ces germes sociaux. On serait tenté d'applaudir la marche lente du développement historique chez nous.

Passant une longue série de siècles monotone et écrasante, courbé sous le joug de la pauvreté, courbé sous le fouet du servage, il conserva sa *religion de la terre*. Etrange et lugubre voie d'un développement dans lequel, très-souvent, le mal apportait le bien et «vice versa». Un des coups les plus durs qu'a subis le peuple russe était le coup de civilisation, qui tâchait de nous dénationaliser sans nous humaniser, et c'est elle qui nous fit la révélation de nous-mêmes, *par le socialisme* qu'elle abhorre.

Le peuple des champs a été laissé en dehors de la civilisation imposée. Le grand pédagogue, Pierre Ier, se contentait de river plus fortement les chaînes du servage. Le paysan, conspué, outragé, pillé, vendu, acheté, releva la tête pour un instant, versa des fleuves de sang, fit frémir Catherine II sur son trône; et, battu par les armées de la civilisation, retomba dans un désespoir morne, passif, ne tenant plus qu'à sa terre, à cette dernière mamelle qui l'empêchait de mourir de faim et que le servage même ne savait lui arracher. C'est ainsi qu'il est resté immobile et dans un état de prostration, de désespoir, presque un siècle entier; protestant quelquefois par l'assassinat du seigneur, ou de malheureuses révoltes partielles.

Pendant que le paysan armé passait les Balkans et les Alpes, remportait des victoires et élargissait les frontières de l'empire, son père, son frère mouraient sous la verge, pillés légalement par une noblesse avide, dépensière et sauvage; tout lui était ôté, sa force musculaire, sa femme, son enfant—et par un illogisme étonnant, la terre (amoindrie, écourtée, mal choisie avec intention), lui restait.

Que de larmes tombèrent sur elle faisant un nouveau lien entre elle et le pauvre patient persécuté! Personne ne saura ce qu'il a souffert pendant ces cent ans de prospérité de l'Etat. Sa plainte, son cri de douleur et d'agonie, son reproche, tout est perdu dans les archives d'une police inexorable, dans les souvenirs éparpillés de quelque servante, de quelque valet de chambre. Le Laocoon succombait avec ses

филс пар уне обскурe нуйт д'хивер, санс авуйр ун статуайре пур тeмойн де са луйте инeгалe авeк дeуx серпeнтс — ла ноблeссe ет лe гувeрнeмeнт. Ла нeйгe а тout coveрт пар сон линсeул, — ет с'eст ce crime историкe, ce crime ен дeтaйл, qui фрappait чaquе villagе, чaquе comunе, qui, ен се perpетуant, ен durant, а aidе лe paysan malheureux а faire лeгалiser сон droit а ла тeрrе.

Si l'еmancipation етait venue avant notre temps, on aurait оtе а тeрrе аu paysan sans lui donner une libertе rеelle. Un demi-siеclе de martyr ет de douleur de plus а sauvе son grand instrument de travail. *Le droit а la тeрrе* n'aurait pu rеsister а la pression des idеes еconomiques de l'Occident, appuyees non-seulement par le gouvеrnement, si indiffеrent quant au choix des moyens, mais aussi par les «eclairеs», les libeраux, les doctrinaires, les publicistes. Ce n'est qu'aprеs la formidable critique de l'ordre des choses existant par le socialisme, que le principe vital du dеveloppement russe а pu еtre sauvе.

La тeрrе а еtе presque partout oubliee par les rеvolutions еn Occident; elle етait au second plan, comme les paysans. Tout se faisait dans les villes ет par les villes, tout se faisait pour le tiers-еtat, on songeait quelquefois aprеs а l'ouvrier des villes, presque jamais au paysan. Les guerres des paysans еn Allemagne font une exception aussi demandereut-ils а hauts cris la тeрrе ет ils furent complеtement ecrasеs. Il y avait sеcularisation, confiscation, morcellement, changement de main, de classe, dеplacement de la propriete fonciere;—le tout ayant des consequences tres-graves; — il n'y avait ni une base nouvelle, ni un principe, ni une organisation gеnеrale. Nous n'avons rien entendu, ni des hauteurs de la Convention, sauf Robespierre, qui est venu а la tribune renier ses vellеitеs agraires, ni des barricades de Juin. Un des hommes les plus avances, Lassalle, trouve que la тeрrе attache trop, fixe trop, alourdit la libre individualite de l'ouvrier, retient sa marche comme un boulet attache а ses pieds; tandis que nous aimons mieux sentir sous nos pieds le sol nourricier, que de nous balancer dans l'air, au grе des vents, sans autre appui contre la misere que la double misere de la greve.

Nous ne disons pas que notre rapport au sol soit *la solution* de la question sociale, mais nous sommes persuades que c'est *une des solutions*. Les idеes sociales, dans leur incarnation, auront une varietе de formes ет d'applications comme le principe monarchique, aristocratique, constitutionnel. Notre solution n'est pas une utopie, c'est une rеalite, un fait naturel, je dirai physiologique. Les conditions gеographiques nous sont propices. Le concours des circonstances exterieures doit correspondre а la vellеite, а l'aptitude du nouvel organisme, sinon il avortera. Qu'aurait fait l'Amеrique du Nord sans ses donnees territo-

riales? De l'autre côté, les meilleures conditions extérieures ne suffisent pas. Qu'ont fait les Espagnols au delà de l'Océan?

La question, pour nous, consiste non à nier ou à affirmer le droit à la terre, mais à l'élever à la conscience, à le généraliser, à le développer, à l'appliquer, à le *corriger* par l'indépendance personnelle.

La commune patriarcale concédait la terre à l'individu au prix de sa *liberté*. L'homme restait attaché au sol, à la commune. C'est avec la terre qu'il passa au seigneur, c'est avec la terre qu'il s'émancipe. Il faut l'émanciper de la terre sans qu'il la perde. Il lui faut *la Terre et la Liberté*. Il y a une opinion bien arrêtée en Occident, que chaque pas vers les droits de l'individu sera nécessairement pris sur le droit communal. D'où est-ce qu'on sait cela? C'est pour la première fois que la commune agraire se trouve enlacée dans un développement social d'un grand Etat. Or il faut attendre à quoi aboutira ce mouvement avant de tirer les conséquences. Cette observation appartient à Stuart Mill. Les faits récents prouvent qu'il n'y a rien d'incompatible dans ces termes de possession communale et de liberté individuelle. Un spectacle immense se produit à côté du monde, qui a fait infructueusement toutes les expérimentations possibles, depuis le phalanstère et l'Icarie, jusqu'aux associations égalitaires. La commune rurale et l'individu rural ont fait des pas de géant en Russie depuis 1861. Le principe rudimentaire du *self-gouvernement* ¹⁾, écrasé par la police et le seigneur, se détache de plus en plus de ses langes et de ses liens; l'élément électif s'enracine, de lettre morte devient réalité. Le maire, les juges communaux, la police rurale, tout est électif, et déjà les droits du paysan s'étendent loin au delà de la commune. Il la représente dans le conseil général de la province, dans le jury, et il faut lire les journaux pour savoir comment il s'y prend. Il acquitte quand il peut, il acquitte dans le doute. Eh bien, sa croissance n'est pas marquée, ses pas en avant ne sont pas comptés... et, loin de là, lorsque cette poussée immense d'hommes se réveille, pleine de force, de santé, les civilisés les taxent de bétail humain, d'accord en cela avec les beaux restes de nos seigneurs.

Des humanitaires, des philanthropes, des *fraternaux*, qui ont des soupirs pour les Peaux-Rouges et des sociétés pour la protection des animaux de toutes couleurs, regardent avec dédain ou ne regardent pas du tout un peuple entier qui entre dans la possession d'un terrain immense, et dont le premier mot est une *formule sociale*, non-seu-

¹⁾ Si bien apprécié par le baron westphalien Haxthausen et le sociologue américain Carrey.—A. H.

lement réalisable, *mais réalisée!* Un peuple qui a mis à la place d'un droit vague «au travail» le droit explicite «à la terre», et qui au lieu de répéter le terrible cri du désespoir: «Qui a du plomb a du pain», est convaincu qu'il a «du pain parce qu'il a la terre».

Les renseignements ne manquaient pas, mais on ne se donnait pas la peine de se renseigner. On a entendu vaguement parler du *communisme* russe, asiatique, touranien, et l'on a fini sommairement avec lui, en disant que tous les sauvages ont *commencé* par les biens communaux pour finir avec le prolétariat civilisé; que la terre manquera un jour, que l'agronomie ne peut prospérer dans ces conditions, etc., etc. Bien avant l'émancipation des paysans, un seul homme s'aperçut de la signification de la commune rurale chez nous, c'est Haxthausen, que j'ai nommé plus haut. Rencontrant quelques vestiges d'institutions communales aux bords de l'Elbe et frappé de leur organisation, il s'en va, en 1846, explorer la Russie un peu au-dessous du pavé sur lequel roulait l'élégante calèche du marquis de Custine;—il traversa hâtivement Pétersbourg, Moscou et s'enfonça, dans la *terre noire*. Il en revint en prêchant la commune russe et montrant du doigt ses éléments socialistes et *républicains*. Par un étrange hasard, c'était la veille de la révolution de 48, la veille du premier essai, en grand, d'introduire le socialisme dans l'organisation de l'Etat. L'à-propos était admirable, mais l'essai échoua et la préoccupation des esprits était telle, que le livre de Haxthausen glissa inaperçu.

Nous avons aussi essayé d'élever notre voix au milieu de l'abattement général et de la plus sombre réaction (1850—1855), nous n'avons pas mieux réussi que le vieux baron westphalien; on fit semblant de prendre note, on passa outre. Les événements parlèrent à leur tour. Un souffle de vie traversa la Russie: le servage tombait, la noblesse tombait, le vieil édifice du tribunal inquisitorial s'écroulait des voix formidables se firent jour à travers les grilles de la censure; le gouvernement, entraîné pour un moment par le courant, était mal à son aise, et pas loin de faire des concessions. Une doctrine réaliste, forte, jeune, se formulait de plus en plus, avec une logique inexorable et une audace de concéquences et d'applications à toute épreuve. Tout cela passa comme une ombre inaperçue... L'attention était ailleurs, le monde occidental ne regardait que l'atroce tragédie qui se déroulait en Pologne. Oui, c'était une tragédie d'autant plus atroce qu'on ne s'y attendait pas. En 1861, tout le monde, en Russie, était pour la Pologne; le gouvernement n'était pas encore décidé entre une petite charte et un gibet, entre un grand-duc ou Mourawieff,—lorsqu'une main puissante lui est venue en aide, la main de la diplomatie européenne, avec ses notes pacifiquement guerrières. A la piqure de

cette intervention à main désarmée, un patriotisme farouche s'empara de la société; tout ce qui couvrait encore de sauvagerie au fond de l'âme russe, surnagea avec une insolence qui n'avait pas d'exemple dans notre histoire moderne. On se rua sur la Pologne et sur la *Jeune-Russie*. Ce n'est qu'alors que le gouvernement se sentit assez fort pour commencer le procès terrible de tendantes, procès à cent têtes, sans fin, absorbant victime sur victime, s'étendant sur tout le pays et qui continue encore.

Ce n'est pas un reproche que nous vous adressons. Nous savons que vous n'êtes pas responsables des malheurs que vos secours diplomatiques ont fait tomber sur la pauvre Pologne, nous savons très-bien que vous n'avez pas de part dans les affaires publiques. On vous passe les actes pour les discuter, comme on passe les malades des hôpitaux à la chambre de dissection,—après leur décès. Nous sommes trop dans la même position pour ne pas avoir la délicatesse du ménage. Malheureusement vous vivez dans un monde de fictions et d'illusions, comme les descendants des ci-devant familles souveraines rêvent toujours la couronne perdue sur leur tête—vous aussi, vous rêvez à émanciper les peuples, à défendre leurs libertés comme les vôtres.

Vos libertés... et où sont-elles?

Il faut monter bien haut sur les Alpes, ou traverser la mer pour en voir un petit bout.

L'orgueil d'un grand passé ne vous permet pas de voir ni votre état actuel, ni ses causes, ni le danger qui vous menace.

Votre danger n'est pas du côté de la Russie; si la Russie a été jusqu'à Paris, c'est qu'il y avait des Prussiens et autres Allemands pour l'accompagner et lui montrer le chemin. Votre danger est dans l'avortement de la Révolution.

Il est cruel de troubler les rêves d'un vieillard que nous estimons, mais pourquoi est-il si arrogant et si aveugle, si provocateur, si intolérant? On pourrait penser qu'il parle encore de la tribune «tonnante» de la Convention, fièrement appuyé sur les droits de l'homme, inviolable, libre, respecté. On pourrait penser que c'est l'Europe de Voltaire et des encyclopédistes, des jacobins et des girondins, de Kant et de Schiller.

L'Angleterre seule pourrait avoir le verbe haut, elle se tait.

La liberté est aux États-Unis et ce sont eux qui, bien loin d'une haine contre la Russie, lui tendent une main amicale en vue de son avenir.

Nous sommes tout prêts à honorer en vous votre passé. Nous ne demandons pas mieux que de couvrir vos plaies, par gratitude

pour l'enseignement que vous nous avez donné; mais un peu de justice pour ceux *que sont d'hier* (comme s'exprimait Tertullien) *et qui ont leur demain assuré.*

Malheur oblige, oblige au moins à ne pas jeter des pierres aux autres, à ne pas continuer le rôle impossible de régulateur et libérateur du monde entier, du grand horloger de l'univers.

Votre pendule s'est arrêtée.

IV.

En bas, la *commune rurale*, tranquille dans son attente, lente, mais sûre dans son développement; conservatrice comme la mère qui garde l'enfant dans son sein, souffrant beaucoup, souffrant tout, sauf la négation de sa base, de son fondement. Élément féminin et pierre angulaire de tout l'édifice, sa monade, l'alvéole du tissu énorme qu'on appelle la Russie.

En haut, à côté de l'Etat qui écrase, du gouvernement qui *pacifie*—la *pensée libre*, devient une force, une puissance reconnue par ses ennemis, signalée par l'empereur dans une épître scolastique adressée au président du Conseil d'Etat, signalée par l'Eglise myope et endormie, signalée par la police littéraire à la police chasserresse sous le nom de nihilisme.

Ce *nihilisme* n'est pourtant ni une organisation quelconque, ni un complot, c'est une conviction, une opinion. Et c'est devant cette opinion qu'Alexandre pâlit et cria à ses ministres en leur montrant *«quelques jeunes gens obscurs»* son *«Prenez garde à vous!»* Il avait raison ou ceux qui lui avaient soufflé la peur. Cette opinion trop libre, cette pensée sans entraves théologiques, sans considérations mondaines, sans idéalisme, romantisme, sentimentalisme, sans vertu de parade et rigorisme affecté,—ne relevait que de la science et ne marchait que dans ses voies. Cette nudité a fait peur, cette simplicité a glacé le cœur des autorités.

Une question se présente tout naturellement: où trouver un pont possible entre cette pensée, sans autre frein que la logique, et la commune affranchie; entre le savoir cru et scrutateur et la foi aveugle et naïve; entre la science adulte et âpre et le grand enfant profondément endormi, rêvant que le tzar est son bon père et la madone le meilleur remède contre le choléra et les incendies?

Rêvant aussi que la terre qu'il cultive lui appartient.

La minorité réaliste se rencontre avec le peuple sur le terrain des questions sociales et agraires. Le pont est donc tout donné.

La pensée, le savoir, la conviction, le dogme, ne restent jamais chez nous à l'état de théorie et d'abstraction, ne vont pas se confiner dans un couvent académique ou se cacher dans l'armoire d'un savant, parmi les poisons; au contraire, ils s'élancent sans être mûrs, avec trop de précipitation, dans la vie pratique, voulant sauter à pieds joints du vestibule à la fin de l'arène. Nous pouvons vivre, et longtemps, dans un état de torpeur morale et de somnolence intellectuelle; mais une fois la pensée réveillée, si elle ne succombe, tout d'abord, sous le fardeau du milieu lourd et écrasant, si elle résiste à l'offense et à la distraction, au danger et à la nonchalance, elle s'empresse d'aller hardiment jusqu'à la dernière conséquence, notre logique n'ayant pas de rétrécissement, suites et traces d'un passé cicatrisé, mais non effacé.

Le dualisme flottant des Allemands, qui savent que la vie «*der* *theorie nach*» ne coïncide pas avec les sphères pratiques et s'y résigne, est tout à fait antipathique au génie russe.

La société bigarrée, sans gouvernail, indifférente à la surface, blasée et naïve, corrompue et simple, a été bien loin de rester tranquille devant le nouveau creuset épuratoire de la pensée. Des femmes et des jeunes filles se jetèrent haletantes vers les nouvelles doctrines, demandant à haute voix l'indépendance personnelle et la dignité du travail. Rien de pareil ne s'est vu depuis les premiers temps du Saint-Simonisme.

Une société dans laquelle la femme est si lasse et la pensée si impitoyable, doit avoir été profondément travaillée, errante; il faut qu'elle ait été froissée, humiliée, trompée, outragée, qu'elle ait *douté* enfin, pour se jeter sans crainte ni réserve dans la mer froide et sans limites de la vérité nue. Qui connaît l'histoire de nos âmes en peine, de nos développements malades, estropiés? Nous avons essayé de tracer le drame, le roman, la souffrance de notre embryogénie intellectuelle... Qui s'en souvient?

Arrachés par un coup de tonnerre ou plutôt de tambour, au milieu d'une vie comolente et végétale, du sein de notre mère (pauvre et grossière paysanne, mais toujours mère), nous nous vîmes dépouillés de tout, à commencer par les habits et la barbe. On nous habitua à mépriser notre mère et à nous moquer de notre foyer paternel. On nous grava une tradition étrangère, on nous *flanqua* la science et on nous déclara, au sortir de l'école, que nous sommes des esclaves attachés à l'Etat et que l'Etat c'est une espèce de père Saturne qui, sous le nom d'empereur, nous avale au premier geste indépendant, au premier mot libre. On nous déclarait naïvement qu'on nous a civilisés dans un but d'utilité publique et gouvernementale et que, partant de là on ne nous reconnaît aucun droit humain.

Tout ce qui aime mieux avaler avec Saturne, qu'être avalé par lui, s'est rangé de son côté, écrasant de plus en plus le rez-de-chaussée du peuple, et jetant aux travaux forcés les récalcitrants parmi les civilisés «pour cause d'utilité publique».

Un appareil si étrange ne pouvait aller à la longue, il n'avait pas de conditions sérieuses de stabilité, aussi au premier appel, les forces vives débordèrent (1812) et le lendemain de la victoire on commençait à demander des garanties d'une existence humaine. L'essai de 1825 a échoué, mais la secousse était forte. Le trône de Pierre 1er, à peine affermi du tremblement de terre (dernières convulsions d'un peuple qui se débattait contre l'esclavage), reçut un nouvel avertissement, venant des *siens*. Ce coup n'était pas léger. Nicolas en avait à la longue crainte.

Le trouble intérieur dans lequel nous nous trouvions, pendant les trente années de ce règne, était plus douloureux que les malheurs qui tombaient sur notre tête. Nous étions dépaysés, sans racines, ignorant le peuple, détestant la maison paternelle, foyer de persécution des serfs, détestant le gouvernement comme ennemi puissant et féroce de tout développement intellectuel, de tout progrès... nous n'avions, dans notre impuissance, qu'une arme—l'étude, qu'une consolation—l'ironie.

Et c'est l'étude qui nous donna une autre patrie, une autre tradition; c'était la tradition de la grande lutte du XVIIIe siècle. Oh! que nous vous avons aimé, en puisant de toute la force de nos poumons, l'air frais soufflant pour la première fois sur le monde par la grande ouverture de 1789. Nous courbions nos têtes avec vénération devant ces figures sombres et fortes de vos saints pères du grand concile républicain, allant inaugurer l'ère *de la raison* et de la liberté.

La foi passionnée que la jeunesse russe avait pour la théorie allemande, pour *la pratique* française, semblait être justifiée et couronnée en 1848.

Vous connaissez le revers de la médaille. L'année 48 n'était pas encore terminée que nous retournâmes de la Jérusalem moderne, comme Luther retournait du Vatican. Encore une fois «heimathlos», vagabonds du monde moral, nous restâmes sans point d'appui devant la puissance de l'empereur Nicolas, qui s'était prodigieusement accrue et assombrie.

La main qui nous guidait du dehors, tremblait pour ses trésors et s'efforçait de retourner à bord. Nous l'avons lâchée. C'était notre dernière émancipation, c'était notre *nihilisme*... Laisant la main, nous nous jetâmes au large à nos risques et périls, dans la direction qu'elle nous avait désignée.

Les déportés des journées de juin étaient à peine arrivés à leur destination, lorsqu'une association socialiste était découverte à Pétersbourg. Nicolas sévit avec sa férocité ordinaire. Les individus périrent, les idées restèrent, germèrent. Le caractère dominant du mouvement était si évidemment *socialiste*, que les deux courants opposés de l'opinion, les deux écoles qui n'avaient rien de commun, l'école scientifique, analytique, réaliste, et l'école nationale, religieuse, historique, étaient d'accord sur toutes les questions de la commune rurale et de ses institutions agraires.

Bientôt arriva un troisième collègue bien étrange

Le gouvernement annonça sa ferme volonté d'émanciper les paysans. Tout le monde était d'accord que le temps de l'affranchissement personnel des paysans était venu. Là n'était pas la grande question, le fond était de savoir s'il fallait les émanciper avec la terre qu'ils cultivent, ou laisser la terre au seigneur et doter le peuple du droit de vagabondage et de la liberté de mourir de faim. Le gouvernement était indécis, oscillant, n'avait aucune conviction formée et stable. Le tzar penchait pour la dotation, ses conseillers étaient naturellement contre. Dans cet embarras, le gouvernement ouvrit—dans le pays des mystères de chancellerie et de mutisme—des débats presque publics sur cette question vitale. On permit à la presse d'y prendre part, jusqu'à un certain point. Toutes les nuances politiques et littéraires, toutes les écoles sceptiques et mystiques, socialistes et panslavistes, la propagande de Londres et les journaux de Pétersbourg et de Moscou se réunirent dans une même action pour défendre le droit du paysan à la terre, contre les prétentions d'une minorité oligarchique. La voix du peuple ne manquait pas non plus; il n'admettait *pas même la possibilité* de l'émancipation sans terre. Enfin le gouvernement, après de nouvelles oscillations, qui nous faisaient trembler d'anxiété, pencha de notre côté. L'émancipation avec la terre fut décidée en principe. C'est un grand triomphe et un immense pas en avant.

Depuis ce jour le gouvernement n'est plus le maître d'enrayer le mouvement. Pour rebrousser chemin, il faut avoir l'audace d'arracher la terre aux-paysans. Il y eut peut-être un moment où l'on pouvait en faire l'essai—heureusement il est passé.

La noblesse, trop circonspecte pour s'avancer violemment au moment brûlant et dangereux, lente à se décider, formula son opposition d'impuissance—lorsque la terre du paysan était déjà bien loin.

Les cinq années qui s'écoulèrent depuis la mort de Nicolas et l'apparition du manifeste de l'émancipation des paysans, au mois de mars 1861, forment une grande époque non-seulement dans l'histoire de la Russie, mais dans l'histoire du XIXe siècle.

Oh! que j'ai profondément regretté et regretterai toujours ce qu'il m'était impossible de voir de mes yeux, ce qui se passait alors en Russie.

Tout se tendait de plus en plus, tout se serrait, se resserrait encore davantage; une pression désolante, accablante écrasait sans relâche, avec une uniformité mécanique, et tout d'un coup une rupture—les cordes qui entrent dans les chaires se détendent, les prisonniers voient un beau matin que la porte n'était pas verrouillée; ils ne savent où aller, les uns vont au grand air et retournent dans les cellules. Tout le monde s'est émancipé de son propre gré. Le mot Liberté n'a été prononcé par personne et a été entendu par tout le monde, par l'empereur Alexandre comme par les autres. Il sentait aussi que la lourde surveillance a cessé de peser, oubliant que cette surveillance était lui-même.

La chose était mûre—les formes plièrent, les mots changèrent de sens; on a cessé de croire à la puissance d'institutions devant lesquelles on tremblait hier et qui restaient invariablement les mêmes. **La Russie peut encore passer par des phases de tyrannie affreuse, d'un arbitraire sans bornes, mais elle ne peut retourner au régime calme et accablant de Nicolas.**

Beaucoup de choses qui vinrent au jour alors, étaient précoces, quelquefois exagérées. Les jeunes forces, comprimées si longtemps, n'ayant aucune issue, aucune direction, et contenues matériellement par une discipline qui n'avait rien d'humain, débordaient; mais au milieu de cette grande orgie matinale se révélèrent des forces non soupçonnées, se conçurent des fruits, qui survivront parfaitement bien l'hiver inclément de la blanche terreur qui continue.

Un des premiers pas de la jeunesse fut l'organisation *des écoles du dimanche et des associations d'ouvriers et d'ouvrières*. L'atelier, fondé sur les bases socialistes, allait de front avec l'école et frisait naturellement la commune rurale. Le peuple des villages, vivant lui-même dans des associations agraires, avait, depuis des siècles, créé sur une très-grande échelle les associations ouvrières. **A côté de la commune fixe—l'artel, la commune mobile, l'association ouvrière.**

Ces écoles, ces associations, étaient autant de ponts jetés entre la ville et le village, entre les deux états de développements. Tout cela a été brisé, écrasé par le gouvernement en peur et fureur, après l'histoire de ces incendies, qui n'a jamais eu de clef. Tout cela renaîtra.

Mais en faisant monter demain cette pierre de Sisyphe, que le tzar se complait à rouler en bas après-demain, on peut perdre des siècles sans trop avancer. Oui, mais aussi on peut réussir demain en roulant, au lieu de la pierre, le gouvernement. Nous avons trop de chaos et d'incongruités pour nous étonner des imprévus.

Les choses les plus impossibles se réalisent chez nous avec une célérité incroyable; des changements qui, par leur importance, équivalent à des révolutions, s'accomplissent sans qu'on s'en aperçoive en Europe.

Il ne faut jamais perdre de vue que, chez nous, tout changement n'est qu'un changement de décorations: les murs sont en carton, les palais en toile peinte. Ce que l'on voit sur les tréteaux du grand théâtre impérial n'est pas *tout de bon*, à commencer par les personnes, Ce grand seigneur, c'est un laquais: ce ministre, dictateur et despote, c'est un révolutionnaire;—ce civilisé, ce raffiné—kalmouck par habitude et moeurs. Tout est d'emprunt. Nos rangs sont des rangs allemands, on ne s'est pas même donné la peine de les traduire en russe—le *collegien registrar*, le *kanzelerist*, l'*actuarius*, l'*executor*, restent encore pour faire l'étonnement des oreilles des paysans et relever la dignité de divers copistes, scribes et autres palefreniers de la bureaucratie.

Nous autres, comme les enfants trouvés dans un hospice, nous sentons—sans connaître d'autre maison paternelle—que celle-là n'est pas à nous, et nous désirons passionnément la démolir.

Dans cet empire des façades, où il n'y a rien de vrai et de réel que le peuple en bas et la lumière en haut, il n'y a que deux éléments qui font exception, deux forces de destruction: c'est le courage militaire et le courage de la négation. Or, n'oublions pas «que la négation active est une force créatrice», comme l'a dit il y a bien des années, notre ami Michel Bakounine. Il est impossible de parler sérieusement du conservatisme en Russie. Le mot même n'existait pas avant l'émancipation des paysans. Nous pouvons être stationnaires comme le saint Stylite, ou marcher à reculons comme une écrevisse, mais nous ne pouvons pas être conservateurs, car nous n'avons rien à conserver. Édifice mixte, sans architecture, sans solidarité, sans racines, sans principes, hétérogène et plein de contradictions. Camp civil, chancellerie militaire, état de siège en temps de paix, mélange de réaction et de révolution, prêt à durer longtemps et à tomber en ruine demain.

Le jour où Pierre, tzar byzantin, s'est fait empereur à l'allemande et prit un gîte à Pétersbourg—le tzarisme a perdu tout terrain conservateur. Depuis ce temps, l'empereur change comme un Protée: il est femme et homme, Romanoff et Holstein.—Civilisateur le knout à la main, le knout à la main persécuteur de toute lumière, gardant les traditions, brisant les traditions, faisant la barbe à son empire par esprit révolutionnaire et époussetant la poussière d'une vieille église à barbe, pour s'opposer à la révolution.

Aujourd'hui premier *gentilhomme*, demain *premier peuple*;—aujourd'hui l'idée peut lui venir de continuer le règne fou de Paul I-er, demain, de se proclamer Pougatchef II. J'ai toujours admiré l'adjectif hermaphrodite que Voltaire a employé en disant *Catherine le Grand*: confusion de sexe, de fonction, cumul, absorption, promiscuité.

La noblesse voudrait bien jouer un rôle de conservatistes-tories, mais heureusement elle est arrivée à cette idée le lendemain de la perte du trésor qu'elle avait à conserver. Elle n'a pas de valeur intrinsèque; sa puissance venait du tzar—il a ôté son doigt—elle n'existe que de nom. La partie saine, jeune de la noblesse, tâche de faire oublier son origine, oublie elle-même, cherche du travail et se fond avec tout le monde. L'autre partie—obstinée, irritée, se consume en colère et perd le reste de ses forces usées à faire trois oppositions stériles. Une opposition de cupidité à la commune affranchie, une opposition hypocrite et traître à la bureaucratie—dans laquelle elle comprend le gouvernement,—et une opposition acharnée, imbécile de vengeance et de rancune à la pensée libre, aux nouvelles aspirations, à la jeunesse active et lancée dans le mouvement. Hgè par le peuple, suspectée par le gouvernement et détestée par la jeunesse intelligente—elle rôde amaigrie, vieillie et furieuse, ne pouvant, comme Calypso, se consoler du départ du beau droit de servage au moins.

Ce que nous venons de dire de la noblesse *terrienne*, nous pouvons le dire à plus forte raison de la noblesse *d'encre*. La bureaucratie ne représente qu'un instrument: c'est un régiment civil qui ne raisonne pas *sous les plumes*;—elle continuera à fonctionner, avec *zèle et vol*—sous Paul I-er comme sous Pougatchef II.—Ennemie par position de la grande noblesse—elle se confond avec la petite. C'est une classe qui n'a rien à conserver, sauf les dossiers et archives.

Gouvernement, noblesse et bureaucratie se rencontrent dans une conviction qui en elle-même est tout ce qu'il y a de moins conservateur: i's sont d'accord sur la nécessité de *grandes réformes*. Une partie de la noblesse tend à obtenir une représentation parlementaire et à prendre le gouvernement sous son contrôle. Le gouvernement et la bureaucratie sont toujours à l'idée de réformer l'état par le despotisme civilisateur. Ils sont toujours dans le mode de Pierre I-er, de Joseph II: ils veulent décentraliser et donner de petites franchises, pensant que cela ôtera le goût des grandes; ils veulent céder une part de l'administration—pourvu qu'on ne touche pas aux droits sacro saints de la souveraineté absolue. Pour un temps quelconque cela pourrait aller—avec un tzar énergique et un ministre homme de génie, les deux travaillant de toutes leurs forces à se creuser au plus vite une fosse. Des hommes médiocres ne suffiront pas à cette tâche—ils

eront une réaction désordonnée, un désordre blessant, précisément ce que fait maintenant le gouvernement du Palais d'Hiver. Une constitution nobiliaire ne suffirait à personne, et le gouvernement sera toujours en mesure de l'écraser, s'appuyant sur les exclus, les mécontents et les paysans.

Reste donc la convocation du «grand concile», d'une représentation sans distinction de classes, seul moyen de constater les désirs réels du peuple et de savoir où nous en sommes. C'est aussi le seul moyen de sortir sans secousse, sans bouleversement—terreur et horreur—sans torrents de sang, de la longue introduction que l'on appelle la *période de Pétersbourg*.

La réaction aiguë qui continue n'a ni unité, ni place, ni profondeur: elle a la force en main et le sans-gêne héréditaire; elle fera des malheurs—elle ne s'arrêtera devant rien et n'arrêtera rien non plus.

Quel que soit la *première constituante, le premier parlement*— nous aurons la liberté de la parole, de la discussion et un terrain légal.

Avec ces données nous pouvons marcher. La route est difficile— et pour quel peuple était-elle jonchée de roses? Tous les obstacles sont extérieurs—rien ne nous retient dans notre conscience.

Nous n'aurons ni légitimistes, ni aristocrates, ni cléricaux, ni républicains antisociaux, ni démocrates centralisateurs, ni déistes intolérants, ni bourgeois souverains dans le camp du progrès.

Nous y reviendrons encore maintes fois. Mais dès à présent nous avons le droit de terminer notre article-vestibule en disant qu'il n'y a pas de raison suffisante ni de nous maudire—en nous craignant, ni de nous désoler—en nous plaignant. Heureusement nous ne sommes ni si forts ni si malheureux.

1-er décembre 1867.

Переводъ.

Прологомена ¹⁾.

I.

Мы не собираемся сказать что-либо новое. Часть очерковъ, которые мы намереваемся опубликовать, уже известна; въ остальныхъ читатель найдетъ лишь повтореніе и дальнѣйшее развитіе того, что мы говорили и повторяли въ теченіе по меньшей мѣрѣ двадцати лѣтъ.

¹⁾ Общее введеніе, вступленіе.

Каковъ же смыслъ нашего появленія въ печати?

Онъ—въ изумительномъ упорствѣ, съ которымъ въ Россіи не желаютъ видѣть ничего, кромѣ отрицательныхъ сторонъ, и осыпаютъ тѣми же оскорбленіями и проклятіями прогрессъ и реакцію, будущее и настоящее, то, что разлагается, и то, что нарождается.

Единственные русскіе публицисты на Западѣ, мы не хотимъ взять на себя отвѣтственности молчанія.

Страхъ передъ Россіей, использованный послѣ 1848 Доносо-Кортесомъ въ интересахъ католицизма, возрождается съ новой силой въ противоположномъ лагерѣ. Снова готовы закрыть завѣсой позабытыя «права человѣка и гражданина», пріостановить свободу, которой больше нѣтъ, — чтобы стать на стражѣ угрожаемой «цивилизаци» и отбросить этихъ будущихъ Аттилъ и Алариховъ за Волгу и Уралъ. Опасность столь велика, что рѣшились предложить Австріи протянуть оставшуюся руку той самой Пруссіи, которая одну ей уже ампутировала... что предлагаютъ всѣмъ государствамъ **образовать священную лигу** военного деспотизма противъ имперіи царей. Пишутся книги, статьи, брошюры, по-французски, по-нѣмецки, по-англійски; произносятся рѣчи, оттачиваютъ оружіе... и упускаютъ только одно: *серьезное изученіе Россіи*. Ограничиваются рвеніемъ, пыломъ, подъемомъ чувствъ. Полагаютъ, что если кто жалѣетъ Польшу, тотъ знаетъ Россію.

Такое положеніе вещей можетъ повлечь за собою серьезныя послѣдствія, великія ошибки и великія несчастія,—не говоря уже о весьма реальномъ несчастіи: находиться въ полномъ заблужденіи.

Мало зрѣлищъ болѣе печальныхъ и болѣе раздирающихъ душу, чѣмъ старческое упрямство, отворачивающееся отъ истины изъ-за умственной усталости, изъ боязни поколебать свое ранѣе составленное мнѣніе. Гете замѣтилъ, что состарившіеся ученые съ годами теряютъ чутье реальности, талантъ наблюденія и не любятъ возвращаться къ основамъ своей теоріи. Они уже составили себѣ опредѣленныя мнѣнія; они разрѣшили вопросъ и не хотятъ къ нему возвращаться.

Десять лѣтъ тому назадъ мы говорили ¹⁾: «Трудно себѣ представить, въ какомъ безвыходномъ кругѣ движется и бьется большинство людей Запада. Каждый новый фактъ сбиваетъ ихъ съ толку; мысль, не заключенная въ рамку, не внесенная въ рубрику, пугаетъ ихъ. У большинства журнальныхъ поденщиковъ для ежедневнаго обихода есть запасъ общихъ мѣствъ, благородства, него-

¹⁾ «Старый міръ и Россія», русск. изд. въ Лондонѣ, 1858. А. И. Г

дованія, восторговъ и прилагательныхъ примѣняемыхъ ко всѣмъ событіямъ; они ихъ немного варьируютъ, фасонируютъ, подкрашиваютъ въ мѣстный колоритъ, и все въ порядкѣ... трафаретъ необычайно облегчаетъ трудъ, и пока нѣтъ вмѣшательства мятежнаго факта колесо катится своей дорогою... Зато съ какимъ плохо скрытымъ гнѣвомъ встрѣчаются эти вторгшіеся мятежники, какъ стараются не замѣчать ихъ, выпроводить за дверь, а если они не уходятъ, то оклеветать».

Начиная съ 1848 мы проповѣдывали, что подъ Россіей военно-деспотической, завоевательной и агрессивной, спасающей Австрію и помогающей реакціи, есть другая Россія, въ процессѣ зарожденія, что подземныя теченія вѣютъ совсѣмъ инымъ воздухомъ, нежели воздухъ офіціального Петербурга.

Всѣ предавались отчаянію и не внимали этому слову утѣшенія.

Но то, что до Крымской войны казалось парадоксальнымъ, то тотчасъ же послѣ нея сдѣлалось очевиднымъ и неоспоримымъ фактомъ. Сѣверный «Великій Востокъ» отрывался отъ льдовъ, выходилъ въ открытое море—и натолкнулся на возстаніе Польши.

Поляки слишкомъ поспѣшно и при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ захотѣли исправить ошибку своего бездѣйствія въ теченіе Крымской войны. Они были несчастны въ своемъ мезальянсѣ съ нами; русское же правительство даже въ уступкахъ своихъ было грубо и оскорбительно. Ихъ героическое нетерпѣніе понятно. Со скорбью замѣчая, что движенія нельзя оттянуть, мы сказали имъ наканунѣ возстанія ¹⁾: «Братья, отдѣляйтесь отъ Россіи, будьте независимыми, идите съ Западомъ—это ваше полное право; но, разрывая съ Россіей, сначала попробуйте узнать ее». Отвѣта не было. И нужно прибавить, что среди сосѣднихъ народовъ нѣтъ менѣе знающаго Россію, чѣмъ Польша ²⁾. На Западѣ, въ самомъ дѣлѣ, не знаютъ Россію.

¹⁾ Въ заключеніи ряда статей о Польшѣ въ «Колоколѣ». А. И. Г.

²⁾ Есть, конечно, и исключенія; назову очень замѣчательную книгу польскаго автора, выпущенную въ Парижѣ въ 1863 году подъ названіемъ «La Pologne et la cause de l'ordre». Авторъ ея доказалъ, что ненависть ничего не теряетъ отъ болѣе интимнаго ознакомленія съ противникомъ. Во многихъ случаяхъ мы раздѣляемъ его мнѣнія, онъ—наши; мы черпали изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ. Какой еще нуженъ критерій послѣ такого совпаденія двухъ противоположныхъ чувствъ! Спѣшу добавить, что, говоря о статьяхъ про Россію въ англійскихъ и французскихъ журналахъ, мы дѣлаемъ исключеніе для блестящихъ и превосходныхъ картинъ, набросанныхъ Шарлемъ Мазадомъ въ «Revue des Deux-Mondes» А. И. Г.

Поляки *умышленно* не хотятъ ее знать. Сколько бѣдствій было бы избѣгнуто, если бы поляки не боялись найти въ своемъ врагѣ кое-что хорошее! Правда, въ 1831 г. они говорили: «за вашу и нашу свободу!». Но какова та свобода, къ которой стремимся мы? Та же самая ли?.. Поляки очень часто смѣшиваютъ свободу съ политической независимостью; послѣднюю мы имѣемъ, о ней наша послѣдняя забота—потерять ее мы не можемъ.

Борьба начинается. Польша отдаетъ свою кровь, Европа—свои газетныя статьи. Скорбные, полные мрачныхъ предчувствій, мы были первыми русскими, привѣтствовавшими «шедшихъ на смерть». Поляки не олицетворяли собою въ нашихъ глазахъ *новаго принципа*, не представляли *будущаго*, но они олицетворяли *право, исторію: справедливость* была на ихъ сторонѣ.

Ими двигало не стремленіе къ идеалу; они желали требовать обратно, возстановлять, воскрешать. Здѣсь-то и заключается вся разница между нами. Мы можемъ осматриваться кругомъ сколько угодно: намъ нечего требовать обратно, нечего выкапывать изъ могиль; у насъ нѣтъ иного дѣла, какъ расчищать поле для проявленія нашихъ способностей и стремленій. И тѣмъ не менѣе, сердцемъ и душой мы были съ поляками; мы боялись лишь одного: какъ бы ихъ возстаніе, не достигнувъ своей цѣли, вмѣстѣ съ тѣмъ не затруднило и нашъ поступательный ходъ. Наши предвидѣнія оправдались, и отвратительный Муравьевъ, покончивъ съ Литвой, былъ призванъ предсѣдательствовать въ политической инквизиціи въ Петербургѣ. Единство террора и палача смѣшало мучениковъ и съ той и съ другой стороны.

Когда страсти улеглись, сквозь рыданія и гнѣвные крики легко можно было установить *два факта*. Въ одномъ вы увѣрены, въ другомъ у насъ нѣтъ никакихъ сомнѣній. Первый фактъ—польская Польша не погибла; второй—русское *движеніе* не остановлено. Это—факты крайней важности, и мы желали бы только изслѣдованія, чтобы или констатировать наше заблужденіе, или признать нашу правоту. Вмѣсто этого поднялись крики тревоги и озлобленія, стали придумывать этнографическія оскорбленія, осыпать Россію ударами поддѣльной филологіи. Ее изгоняютъ изъ Европы, ее изгоняютъ изъ иранской семьи. И неужели все это серьезно?

Нашъ храбрый врагъ даже не знаетъ, что мы очень мало уязвимы съ этой стороны. Мы выше зоологической щепетильности и очень безразличны къ вопросу о расовой чистотѣ, чтѣ не мѣшаетъ намъ быть вполне славянами. Мы очень довольны, что въ нашихъ жилахъ есть и финская, и монгольская кровь; это ставитъ насъ въ родственныя и братскія отношенія съ тѣми расами-

паріями, о которыхъ гуманная демократія Европы не можетъ говорить иначе, какъ тономъ оскорбительнаго презрѣнія. Точно также мы не сѣтуемъ на примѣсь туранскаго элемента. Мы достигли, нѣсколько большаго, чѣмъ чистые славяне Болгаріи, Сербіи и т. д.

Насъ изгоняютъ изъ Европы, какъ Господь Богъ изгналъ изъ рая Адама. Но твердо ли вы увѣрены, что мы принимаемъ Европу за рай и титуль европейца—за почетный титуль? Въ этомъ можно иногда серьезно ошибиться. Мы не краснѣемъ отъ того, что мы изъ Азіи, и не чувствуемъ потребности присоединиться къ кому-нибудь направо или налево. Мы довлѣемъ сами себѣ, мы—часть *міра между Америкой и Европой*, и этого съ насъ довольно. Возможно, что петербургскіе нѣмцы сильно скандализированы утратой своего чистаго славизма, своего іафетова иранства и глубоко оскорблены тѣмъ, что въ Европѣ ихъ знать не хотятъ. Возможно, что ярые москвичи, для довершенія комизма, начнутъ по этому вопросу ученую войну, но намъ до этого нѣтъ никакого дѣла.

И если мы настроены такъ философски, то это благодаря вамъ, наши западные учителя, благодаря вашей *наукѣ*. Отсталые во всемъ, мы побывали въ выучкѣ у васъ—и мы не повернули вспять, *передъ выводами, заставившими васъ свернуть въ сторону*. Мы не скрываемъ цѣнностей, полученныхъ нами отъ васъ. Мы позаимствовали у васъ свѣтъ, чтобы освѣтить весь ужасъ своего положенія, чтобы искать выхода—и, благодаря вамъ, мы нашли его. И теперь, когда мы научились ходить самостоятельно, съ насъ довольно учительской фѣрулы, и если вы третируете насъ—то прощай школа.

Но прежде, чѣмъ разстаться съ нами по всѣмъ правиламъ церемоніи, скажите, зачѣмъ понадобилось вамъ, во что бы то ни стало, нажать себѣ врага въ *молодомъ медвѣдѣ*? Или вамъ недостаточно воевать со *старымъ* медвѣдемъ, который еще враждебнѣе намъ, чѣмъ вамъ, и котораго мы ненавидимъ сильнѣе, чѣмъ вы? Подумайте о томъ, что *старый* куда больше зависитъ отъ васъ, чѣмъ *молодой*: онъ морально несвободенъ, на него вы давите всѣмъ вашимъ авторитетомъ. Онъ ворчитъ, онъ дуется, но его задѣваетъ ваша критика, потому что онъ уважаетъ и боится васъ,—не физической вашей силы, а вашего умственнаго превосходства, вашей аристократической спеси. У насъ же нехватаетъ *шишки почтительности*; у насъ нѣтъ равнаго чувства уваженія ко всему, что только идетъ съ Запада. Мы изрѣдка видѣли васъ очень слабыми. Единственное, что мы почитаемъ у васъ безпредѣльно, религиозно, это—наука. Но *наука*—вѣдь, это прямая противополож-

ность вашимъ учрежденіямъ, вашей нетерпимости, вашему состоянію, вашей морали, вашимъ вѣрованіямъ. Вы владѣете искусствомъ покрывать благородными стремленіями и возвышенной непослѣдовательностью пропасть, отдѣляющую науку отъ жизни, но пропасть, все-таки, остается.

Мы видѣли васъ слишкомъ близко, и мы васъ знаемъ: мы привыкли любить и знать васъ; вы насъ не знаете и отрицаете. Мы протестуемъ.

Часовые, затерянные на границѣ двухъ міровъ, натравливаемыхъ другъ на друга, тысячу нитей кровно связанные съ обоими, мы не можемъ молчать и рѣшаемся еще разъ указать вамъ на ложный путь и съ высоты своей сторожевой вышки крикнуть: «Берегитесь ошибки!» ¹⁾.

II.

Для начала мы хотимъ изложить, насколько возможно короче, какъ современное состояніе европейской цивилизаціи преломляется въ нашемъ сознаніи, — сознаніи чужеземцевъ, зрителей, людей, которые образованы вашею наукою, но, имѣя иное происхожденіе, иныя традиции, идутъ своимъ труднымъ путемъ, не восхищаясь вашимъ. Вы мало привыкли выслушивать мнѣнія, прихо-

¹⁾ Иной разъ, очень рѣдко, выдающийся умъ въ изумленіи останавливается, констатируя фактъ, не соответствующій стереотипнымъ представленіямъ о Россіи. Фактъ кажется одинокимъ, изолированнымъ, почти чудовищнымъ, за изслѣдованіе всей серіи никто не берется, и въ концѣ концовъ, онъ теряется изъ виду. Одна знаменитость ²⁾, бесѣдуя со мною въ Вейто объ освобожденіи въ Россіи крестьянъ съ землею, сказала: «Конвентъ 1793—а онъ былъ очень смѣлъ—отступилъ бы передъ мѣрой, такъ глубоко врѣзывающейся въ право собственности. Мнѣ думается, что успѣхъ этой социалистической мѣры обязанъ, и въ большой степени, пассивной покорности дворянства».—«Не думаю, возразилъ я, тѣмъ болѣе, что отъ пассивной покорности дворянство было далеко. Мѣра эта прошла, потому что она вполне соответствовала національному духу и потому что освобожденіе безъ земли у насъ было невозможно: оно, навѣрное, вызвало бы жакерію. Соціальный переворотъ такого размаха могъ совершиться спокойно лишь у народа, придерживающагося *иныхъ понятій о собственности* сравнительно съ народами Запада».

Но объ этомъ никто серьезно не думалъ. Ни *социалисты*, ни другіе. Совокупность этихъ фактовъ и побуждаетъ насъ еще разъ предстать передъ судомъ и потребовать допущенія *свидѣтеля со стороны защиты* въ процессѣ объ отлученіи, возбужденномъ противъ Россіи. А. И. Г.

²⁾ Э. Кинэ.

дящія извнѣ. Вы такъ долго представляли собою *цивилизацию*, *всю цивилизацию*, единственную великую исторію и *единственное* великое настоящее, что робкіе Анахарсисы ¹⁾ не осмѣливались откровенно высказать свое мнѣніе; когда же вы сами пробуете поставить себя на ихъ мѣсто и пишете ваши персидскія, турецкія, американскія и другія письма, то вы занимаетесь лишь критикой частныхъ. Если иной разъ вы и выскажете непріятную истину, то горе тому, кто коснется королевы, не будучи изъ ея семьи.

Времена перемѣнились быстро. Окружавшій васъ ореолъ болѣе не ослѣпляетъ взора. Ваше монопольное и безспорное владычество поколеблено неудобной и безпокойной сосѣдкой. Взоры обращаются къ ея новому жилищу, по ту сторону океана—и находятъ, что она продолжаетъ васъ, *восполняя*; вы многое обѣщали, она многое исполняетъ; вамъ принадлежитъ идеаль, ей — осуществленіе.

Ваша цивилизація, какъ море, выступающее изъ береговъ: оно не можетъ ни оставаться въ старомъ руслѣ, ни перейти роковыя границы. Со всѣхъ сторонъ наталкивается оно на скалы, которыхъ не можетъ ни поглотить, ни миновать, ни снести; отсюда странное смятеніе и бесплодное волненіе; оно набѣгаетъ и отступаетъ, и *фіаско* слѣдуетъ за *фіаско*.

Вамъ нельзя войти въ новое русло, не отбросивъ далеко отъ себя своихъ старыхъ отрешевъ, а вы хотите ихъ сохранить. Вы слишкомъ жадны, чтобы уступить часть наслѣдства, а тѣмъ болѣе— у васъ нѣтъ достаточно самоотреченія, чтобы довольствоваться почетнымъ отдыхомъ вдовствующей королевы, которая, забывъ, что она королева, посвящаетъ себя исключительно дѣламъ своего хозяйства. Вслѣдствіе этого, вы находитесь въ состояніи временнаго колебанія; сами этого не сознавая, вы добросовѣстно лицемѣрны и довольствуетесь словами, не владѣя соотвѣтствующей имъ дѣйствительностью.

Формы и основы современной организаціи общества и государства, — какъ онѣ постепенно вырабатывались въ исторіи, безъ всякаго единства и плана,—не соотвѣтствуютъ болѣе требованіямъ раціональнаго государства, формулированнаго наукой и сознаніемъ активнаго и развитого меньшинства. Старыя формы пустили въ ходъ всю ту эластичность, какой обладали; испробованы всѣ возможныя комбинаціи и всѣ возможные компромиссы; нельзя двигать

¹⁾ Анахарсисъ — легендарный скиескій царь, долго путешествовавшій по Греціи и мечтавшій о насажденіи у себя на родинѣ греческаго просвѣщенія и греческихъ законовъ.

дальше реформы, не взрывая этихъ формъ, не расшатывая *вѣчныхъ основъ* общества. Разумъ долженъ либо отступить и съ чисто христіанскимъ смиреніемъ признать, что идеаль его «не отъ міра сего», либо рѣшиться разбить старыя формы и не заботиться болѣе о судьбѣ *«вѣчныхъ основъ»*.

На дѣлѣ эти *вѣчныя основы* суть не что иное, какъ весьма преходящія основы двуглавой, гибридной ¹⁾ организаціи,—эксъ-феодалнаго, буржуазнаго и военнаго государства, основы компромисса, колеблющагося между крайностями, основы мало надежной діагонали между свободой и властью, соціалнаго и политическаго эклектизма, нейтрализующаго всякую инициативу. Къ этой-то золотой серединѣ и тяготѣютъ, колеблясь, цивилизованныя націи. Тѣ изъ нихъ, которыя, какъ Голландія, подавили силы, вносящія смуту, чувствуютъ себя превосходно. Быть можетъ, латино-германскіе народы и не пойдутъ дальше, быть можетъ, это ихъ окончательное состояніе? Видѣнія прошлаго и видѣнія будущаго еще волнуютъ ихъ и не позволяютъ прочно осѣсть. Эти платоническія угрызенія совѣсти успокоятся, какъ успокоились печалованія христіанъ о грѣхахъ рода человѣческаго: они останутся, какъ красивыя воспоминанія, какъ благочестивыя пожеланія, какъ благородный романтизмъ, какъ молитва богатаго о бѣдныхъ. Впрочемъ, нѣтъ никакой абсолютной необходимости, чтобы сформулированный идеаль осуществился именно въ этомъ или въ томъ мѣстѣ, лишь бы онъ осуществился. Развѣ Индія не осталась въ роли матери, а Іудея—въ роли Іоанна Предтечи? Останавливаешься не тамъ гдѣ хочешь, а тамъ, гдѣ нехватаетъ силъ, гдѣ нехватаетъ пластичности и энергіи. Никоимъ образомъ не хотимъ мы сказать, что латино-германскій міръ исключенъ изъ новаго соціалнаго возрожденія, имъ же самимъ открытаго міру. У природы и исторіи всѣ—*званые*, но нельзя войти въ новый міръ, неся, какъ Атласъ, старый міръ на своихъ плечахъ. Нужно убить въ себѣ «древняго Адама», чтобы воскреснуть въ новомъ, а это значитъ, что необходимо пройти черезъ *дѣйствительно радикальную революцію*.

Мы прекрасно знаемъ, что не такъ-то легко опредѣлить просто и конкретно, что мы понимаемъ подъ радикальной революціей. Возьмемъ еще разъ единственный образецъ, который даетъ намъ исторія—*христіанскую революцію*.

Міръ «вѣчнаго города», разбитый варварами, кончался отъ истощенія, изнемогая подъ слишкомъ тяжелою ношей, взваленной

¹⁾ То же, что ублюдочной.

Римомъ на его плечи. Большая часть его завоевательнаго идеала была осуществлена; *остатка* уже нехватило для того, чтобы его подталкивать. Онъ имѣлъ свое прошлое, престижъ силы, цивилизаціи, богатства; разслабленный и усталый, онъ, все-таки, еще могъ бы долго влачить свое существованіе. Но приходитъ революція, которая говоритъ ему прямо въ лицо: «Твои добродѣтели — для насъ блестящіе пороки; наша мудрость — для тебя абсурдъ; что общаго между нами?». Нужно было либо раздавить ее, либо склониться передъ крестомъ и распятымъ на немъ.

Вы знаете легенду (Гейне такъ кстати припомнилъ ее въ своемъ путешествіи на Гельголандъ ¹⁾) о тѣхъ морякахъ, которые возвращались, испуганные и взволнованные, изъ Греціи въ Италію. Они рассказывали (то было во времена Тиверія), что однажды ночью, когда они пристали къ берегамъ Пелопонеса, на скалахъ появился мрачный человѣкъ, знаками просившій ихъ приблизиться и кричавшій имъ громкимъ голосомъ: «Панъ умеръ!»

Онъ еще не былъ мертвъ тогда, древній Панъ; но агонія уже началась, и не было иного средства спасти его, кромѣ смерти. Его предсмертное соборованіе длилось вѣка. Онъ обратился въ христіанство, принялъ постриженіе и завѣщалъ все свое имущество церкви. Монахъ сѣлъ на мѣсто цезарей, Олимпъ превратился въ лазаретный садъ и наполнился умирающими, изсохшими, безпопыми, казненными; мѣсто Зевса заняла крестообразная висѣлица съ трупомъ; мѣсто его жизнерадостныхъ сотрапезниковъ — двѣ женщины, обливающіяся слезами.

Вотъ что мы называемъ радикальной революціей.

Остатки, обрывки, разрозненные камни стараго зданія сохранились, но они вошли въ составъ новаго и уже не *первенствовали* больше.

Зналъ, съ своей стороны, и христіанскій міръ свои крупныя кризисы и крупныя эволюціи, трансформациі, но ни одной *радикальной*. Ни ренессансъ, ни реформація не порвали съ церковью; они ее упрощали, гуманизировали, украшали и въ новомъ изданіи обожали. Даже революція представляетъ собою секуляризацію христіанства и канонизацію античнаго міра. По своему духу она — римская и христіанская, безжалостно принося въ жертву индивида «народному благу», Молоху государства, республики — подобно тому, какъ церковь приносила въ жертву живого человѣка «спасенію души и славѣ божіей». Реформація и революція сдѣлали

¹⁾ Соч. Гейне, «Ludwig Börne, zweites Buch».

въ процессѣ борьбы гигантскіе шаги; онѣ дошли до принциповъ совершенно справедливыхъ, — но неосуществимыхъ при данномъ состояніи государства. Основные куски ¹⁾ старыхъ стѣнъ, цѣликомъ перенесенные въ ихъ «новый градъ», стѣсняли движеніе на каждомъ шагу. Въ неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ и безрезультатныхъ столкновеніяхъ терялась вся энергія.

Права юридической личности.

Права человѣка.

Права разума.

Свобода, Равенство, Братство.

Цѣлая радуга полная обѣщаній, обоими концами упирающаяся въ землю, не пуская въ нее корней.

Неприкосновенность личности разбивалась объ абсолютное покровительство собственности государствомъ. Право человѣка наткалось на римское право. Право разума отрицалось вооруженной религіей и такъ далѣе. Свобода была несомѣстима съ сильной властью государства, съ государственной церковью и съ государственною же арміей. Нѣтъ *равенства* при *неравенствѣ* развитія между верхами, залитыми свѣтомъ, и массами, погрязшими во мракѣ. Нѣтъ *братства* между хозяиномъ, передъ которымъ открыто «употребленіе и злоупотребленіе» своимъ имуществомъ, и рабочимъ, который самъ является объектомъ «употребленія и злоупотребленія», ибо ничего не имѣетъ. Гдѣ тотъ геній, который былъ бы способенъ объединить въ одной гармонической формулѣ, разрѣшить однимъ уравненіемъ, выразить понятнымъ образомъ соотношеніе и взаимодѣйствіе великихъ противорѣчивыхъ силъ, разнородныхъ факторовъ, другъ друга раздирающихъ и въ то же время остающихся основами современнаго общества? Развѣ есть что-либо общее между юриспруденціей и экономической наукой, судомъ и статистикой? Развѣ можно имъ прилично существовать рядомъ? Вы сами это чувствуете, *знаете это* — потому-то и свершаете грѣхъ противъ разсудка. Вы — въ позиціи человѣка, который ужъ занесъ ногу, чтобы перешагнуть черезъ границу, и вдругъ, охваченный приступомъ ностальгіи ²⁾, замеръ въ этой плачевной позѣ.

Никто не заставляетъ васъ оставить свое отечество, — но тогда уже нужно и оставаться спокойно у дѣдовскаго очага, и снять платье кочующаго революціонера. Это совмѣщеніе консер-

¹⁾ Основа, краугольный камень.

²⁾ Тоска по родинѣ, принявшая характеръ душевной болѣзни.

ватизма и революціонаризма починаєть возмуцать. Васъ грызеть совѣсть, и, чтобы оправдаться въ собственныхъ глазахъ, вы затягиваете старую пѣсенку объ опасностяхъ, грозящихъ нравственности, порядку, семьѣ и особенно религіи. И вы сами—вы ея не имѣете, если не считать крошечнаго деизма, безсильнаго и бесплоднаго. Религія въ вашихъ глазахъ, это—вѣдь, только главная узда для массъ, великое запугиваніе простаковъ, это—какія-то колоссальныхъ размѣровъ ширмы, которыя препятствуютъ народу ясно видѣть, что творится на *земль*, заставляя поднимать взоры къ небесамъ.

Мораль, семья... Какая мораль? Мораль порядка, *существующаю* порядка, мораль почтенія къ власти и собственности; остальное—орнаменты, фіоритуры, декорация, сентиментализмъ и риторика.

И когда это революція была имморальной? Образъ революціи всегда строгій, добродѣтельный по профессіи, чистый по необходимости; революція всегда—самопожертвованіе, потому что она всегда—опасность, гибель личностей во имя всѣхъ. Развѣ были имморальны первые христіане или гугеноты, пуритане, якобинцы? Вотъ нападенія врасплохъ и государственные перевороты—тѣ, подлинно, не очень непорочны, но, вѣдь, это *обратныя повороты*. Что же до религіи, то въ ней революція не нуждается: она сама религія.

Даже социализмъ въ своихъ фазахъ крайней юношеской экзальтациі, въ формѣ сенъ-симонизма и фурьеризма, никогда не доходилъ ни до общности имущества въ духѣ апостоловъ, ни до платоновской республики подкидышей, ни до *отрицанія семьи* и учрежденія преднамѣреннаго дѣтоубійства, публичныхъ домовъ, безбрачія и воздержанія.

Въ дѣйствительности дѣло вовсе не въ семьѣ и не въ морали, а въ томъ, чтобы спасти *малую толику свободы и большую—собственности*; все остальное—краснорѣчіе, описательныя выраженія. Собственность—вотъ та чечевичная похлебка, за которую продали вы великое будущее, передъ которымъ ваши отцы широко распахнули ворота въ 1789. Вы предпочитаете обезпеченное будущее удалившагося отъ дѣлъ рантье—прекрасно,—но не говорите же, что вы дѣлаете это ради счастья челоѣчества и спасенія цивилизациі. Вамъ все хочется окружить свой упорный консерватизмъ революціонными знаками, но, вѣдь, это только оскорбляетъ; ведя себя такъ, какъ будто вы все еще во главѣ движенія, вы унижаете другіе народы, а подобныя оскорбленія стоятъ на границѣ смѣшнаго.

Прудонъ какъ-то обратился къ одной злосчастной націи съ весьма негуманными словами: «вы не умѣете умереть». Мы хотѣли

бы сказать вамъ: «вы не умѣте ни возродиться, ни довольствоваться бодрой, нескрываеюмою старостью». О, наше положеніе, конечно, хуже вашего: оно грубѣе, зато оно много проще; но не станемъ забывать, что у васъ дѣло идетъ объ *увѣнчаніи зданія*, тогда какъ мы еще только при *закладкѣ фундамента*..

III.

Наша исторія еще только начнется. До сихъ поръ мы росли, входили въ тѣло, устраивались. Мы прошли черезъ суровую дрессировку и вынесли изъ нея только сознаніе своихъ силъ, своихъ способностей. Это — больше признаки, чѣмъ факты. Мы, въ сущности, еще не жили; тысячу лѣтъ мы были на *земль* и два столѣтія въ школѣ, заняты подражаніемъ. Теперь только кончается періодъ прорастанія, и благо намъ ¹⁾).

У насъ нѣтъ никакихъ богатствъ Запада, никакихъ наслѣдствъ. Ничего римскаго или античнаго, ничего католическаго, феодальнаго, рыцарскаго, почти ничего даже буржуазнаго нѣтъ въ нашихъ воспоминаніяхъ. Поэтому насъ не можетъ остановить никакое сожалѣніе, уваженіе, никакая реликвія. Наши памятники — ихъ придумали, исходя изъ убѣжденія, что каждое приличное государство должно имѣть памятники. Мы заботимся не о спасеніи умирающихъ и не о погребеніи своихъ покойниковъ, — это не затрудняетъ насъ, но мы хотимъ знать, гдѣ живые и сколько ихъ.

Происходя отъ переселенцевъ, а не отъ завоевателей, мы — народъ крестьянскій, во главѣ котораго находится тонкій слой *оторвавшихся*. Нашу основу и силу составляютъ жители полей. Потoki славянъ, побавъ на равнины между Волгой и Дунаемъ, осѣли тамъ, гдѣ почувствовали усталость, и заняли земли, которыя имъ нравились, какъ стихію, никому не принадлежавшую. У нихъ не было никакихъ правъ — ихъ основаніемъ были только голодъ и плугъ. Финскія племена, еле прозябавшія въ этихъ лѣсахъ и пустыняхъ, были поглощены славянами. Они продолжали свою жалкую жизнь или смѣшивались съ пришельцами, оставляя нѣсколько словъ въ ихъ языкѣ и нѣсколько чертъ въ ихъ внѣшности.

¹⁾ Я не могу не вспомнить еще разъ тѣ строки Гете, съ которыми онъ обращаетъ къ Америкѣ: «Безполезныя воспоминанія и напрасныя споры не тревожатъ твоего настоящаго». А. И. Г.

Въ этомъ происхожденіи нѣтъ ничего ни героическаго, ни эпическаго—только распашка, трудъ и смѣшеніе съ бѣдными туранцами, на которыхъ такъ негодуютъ западные публицисты.

Возникаютъ рѣдкіе города и укрѣпленныя деревни, княжества начинаютъ собираться въ довольно безформенное федеральное государство. Потомъ — монгольское иго, борьба и освобожденіе, сильное объединеніе и растущее государство. Это зачаточное государство выдерживаетъ всѣ превратности съ удивительной настойчивостью, вовсе не свойственной славянскому характеру. Это былъ, вѣроятно, первый плодъ ассимиляціи съ этими циклопическими расами, неподвижными и сильными своей минералогической устойчивостью, первобытнымъ сцѣпленіемъ, своимъ долготерпѣніемъ. Пусть онѣ испортили славянскую чистоту нашей крови— онѣ зато укрѣпили государство, послужившее ядромъ современной Россіи.

Превратившись въ государство, сельскій народъ *сохранилъ* — тутъ-то и скрыто его будущее, въ этомъ его оригинальность — вѣру въ то, что обрабатываемая имъ земля принадлежитъ ему, что она не можетъ быть отчуждена, пока онъ остается въ общинѣ, и что новая община, принимая его, должна надѣлать его землею. Правительство ничего не понимало въ этомъ и сохраняло обычаи и нравы до самаго введенія рабства (XVII в.), когда оно отдало земли и крестьянъ помѣщикамъ, царствующему дому, государству.

Принципъ права на землю не подлежитъ обсужденію: это — фактъ, а не тезисъ. Происхожденіе понятія о собственности было очень хорошо исключено изъ обсуждения Прудономъ. Это—фактъ первичный, догма «божественнаго происхожденія», это—*первопричина* исторіи. Между человѣкомъ и собственностью находятъ связь еще въ доисторическія времена, которая, сохраняясь, развилась въ римскомъ правѣ, въ германскихъ обычаяхъ и продолжаетъ свой путь въ западномъ индивидуализмѣ вплоть до встрѣчи съ социальными идеями, которыя ее отрицаютъ и прерываютъ. На Востокѣ оказывается некультурный *центръ*, который сталъ развиваться въ Россіи на основѣ общины; онъ идетъ къ соединенію съ социализмомъ, который утверждаетъ *на дѣль*; а социализмъ даетъ ему совсѣмъ другіе размѣры и открываетъ передъ нимъ необъятное будущее.

Начинаетъ казаться, что вся сумрачная и тяжелая исторія русскаго народа была выстрадана ради развитія, при помощи экономической науки, этихъ социальныхъ зачатковъ. Хочется даже привѣтствовать медленный у насъ ходъ историческаго развитія.

Пройдя длинный рядъ однообразныхъ и тяжелыхъ столѣтій, согбенный подъ игомъ нищеты и подъ кнутомъ рабства, народъ сбе-

регі свою *религію землі*. Странний и скорбный путь развитія, въ теченіе котораго часто отъ худа приходило добро и наоборотъ. Однимъ изъ самыхъ жестокихъ ударовъ, пережитыхъ русскимъ народомъ, былъ ударъ цивилизаціи, которая пыталась отнять у насъ національность, не давая взаменъ челоуѣчности; на дѣлѣ она-то и раскрыла намъ самихъ себя при помощи *соціализма*, котораго сама такъ страшится.

Сельскій народъ былъ оставленъ внѣ навязанной цивилизаціи. Великій педагогъ, Петръ I нашель достаточнымъ сильнѣе закрѣпить цѣли рабства. Крестьянинъ, оплеванный, оскорбленный, ограбленный, продаваемый и покупаемый приподнял на мгновение голову, пролил рѣки крови—и заставилъ Екатерину II затрепетать на ея тронѣ; но, побѣжденный арміею цивилизаціи, онъ снова впалъ въ угрюмое, пассивное отчаяніе, держась только за землю—эту спасающую его отъ голодной смерти грудь, которую не могло у него вырвать даже рабство. Такъ случилось, что онъ почти цѣлое столѣтіе оставался неподвижнымъ, въ состояніи протраціи и отчаянія, выражая по временамъ свой протестъ убійствомъ помещика или частичными неудачными бунтами.

Въ то время, какъ вооруженный крестьянинъ проходилъ Балканы и Альпы, одерживалъ побѣды и расширялъ границы государства, его отецъ, его братъ умирали подъ розгами, законнымъ образомъ ограбленные дворянами—жадными, расточительными и дикими; все было отнято у него: физическая сила, жена, дѣти, но земля, по странной непослѣдовательности, осталась у него, хотя уменьшенная, укороченная и умышленно неудобная.

Сколько слезъ падало на нее, образуя новую связь между нею и преслѣдуемымъ страдальцемъ! Никто не узнаеть, сколько претерпѣлъ онъ въ теченіе этихъ ста лѣтъ благополучія государства. Его жалобы, крики боли и агоніи, его упреки,—все это **за-терялось въ архивахъ** неумолимой полиціи, въ **разсвѣнныхъ воспо-минаніяхъ какой-нибудь служанки или лакея**. Этотъ Лаокоонъ погибалъ со **своими сыновьями во мракѣ** зимней ночи, и не было около него ваятеля, свидѣтеля его неравной борьбы съ двумя змѣями—дворянствомъ и правительствомъ. Снѣгъ покрылъ все своимъ саваномъ, и вотъ это историческое преступленіе, преступленіе по мелочамъ, которое угнетало каждую деревню, каждую общину, продаваясь и утверждаясь, помогло несчастному крестьянину узаконить свое право на землю.

Если бы освобожденіе пришло раньше, то у крестьянина отняли бы землю, не давъ ему дѣйствительной свободы. Лишнихъ полвѣка мученичества и страданій спасли его великое орудіе труда. *Право*

на землю не могло бы сопротивляться натиску экономических идей съ Запада, подкрѣпленныхъ не только правительствомъ, равнодушнымъ къ выбору средствъ, но и людьми «просвѣщенными», либералами, доктринерами, публицистами. Только послѣ жестокой критики существующаго порядка вещей, произведенной социализмомъ, могло быть спасено жизненное начало русскаго развитія.

Всѣ западныя революціи забывали о землѣ; она была на второмъ планѣ, какъ и крестьяне. Все дѣлалось въ городахъ и посредствомъ городовъ, все дѣлалось для третьяго сословія; потомъ иногда вспоминали и о городскомъ рабочемъ, но о крестьянинѣ никогда. Крестьянскія войны въ Германіи представляютъ исключеніе: зато ихъ громкія требованія земли были совершенно подавлены. Совершались секуляризаціи, конфискаціи, дробленія, перемѣны владѣльцевъ, классовъ, перемѣщеніе земельной собственности,—и все это имѣло весьма важныя послѣдствія, но не было ни новаго основанія, ни принципа, ни общей организаціи. Мы ничего не слышали ни съ высоты конвента, кромѣ Робеспьера, который взошелъ на трибуну, чтобы отрицать свои аграрныя покушенія, ни съ іюньскихъ баррикадъ. Одинъ изъ самыхъ передовыхъ людей, Лассаль, находитъ, что земля слишкомъ привязываетъ, прикрѣпляетъ, отягощаетъ свободную личность рабочаго, мѣшаетъ итти, какъ ядро, привязанное къ ногамъ; а мы любимъ ощущеніе земли-кормилицы *подъ* ногами, вмѣсто того, чтобы висѣть въ воздухѣ, во власти вѣтровъ, съ единственнымъ средствомъ противъ нищеты—двойной нищетой забастовки.

Мы не говоримъ, что наши отношенія къ землѣ являются *разрѣшеніемъ* социальнаго вопроса, но мы убѣждены, что это—*одно изъ рѣшеній*. Соціальныя идеи въ своемъ воплощеніи будутъ разнообразны по формамъ и способамъ примѣненія, какъ принципы монархической, аристократической, конституціонной. Наше рѣшеніе—не утопія; это—реальность, естественный, я скажу даже—физиологическій фактъ. Географическія условія благоприятствуютъ намъ. Содѣйствіе внѣшнихъ обстоятельствъ должно соотвѣтствовать стремленіямъ и способностямъ новаго организма, иначе онъ погибнетъ. Что дѣлала бы Сѣверная Америка безъ своихъ земельныхъ пространствъ? Съ другой стороны, самая лучшія внѣшнія условія бываютъ недостаточны. Что сдѣлали испанцы по ту сторону океана?

Вопросъ для насъ состоитъ не въ томъ, чтобы отрицать или утверждать право на землю, но поднять его въ сознаніи, обобщить, развить, примѣнить его на дѣлѣ и *исправить* его личной независимостью.

Патріархальная община уступала землю индивидууму взамѣнъ

его *свободы*. Человѣкъ былъ привязанъ къ почвѣ, къ общинѣ. Съ землей онъ перешелъ къ помѣщику, съ землей и освобождается. Надо освободить его отъ земли, но такъ, чтобы онъ не потерялъ ея. Ему нужны—*Земля и Воля*. Существуетъ на Западѣ прочно установившееся мнѣніе, что каждый шагъ къ правамъ личности будетъ неизбѣжно сдѣланъ за счетъ правъ общины. Откуда это извѣстно? Земельная община сейчасъ впервые участвуетъ въ социальномъ развитіи большого государства. Надо, слѣдовательно, ждать, къ чему приведетъ это движеніе, прежде чѣмъ указывать послѣдствія. Это замѣчаніе принадлежитъ Стюарту Миллю. Послѣднія событія доказываютъ, что между общиннымъ владѣніемъ и личной свободой нѣтъ ничего несомѣстимаго. Широкое зрѣлище открывается рядомъ съ тѣмъ міромъ, который произвелъ безъ всякой пользы всѣ возможные опыты, отъ фаланстера и Икаріи вплоть до уравнительныхъ ассоціацій. Сельская община и сельская личность сдѣлали въ Россіи гигантскіе шаги съ 1861. Первобытный принципъ *самоуправленія*¹⁾, уничтоженный полиціей и помѣщикомъ, понемногу освобождается отъ своихъ пеленокъ и свивальниковъ; избирательный элементъ пускаетъ корни, мертвая буква становится реальностью. Староста, общинные судьи, сельская полиція, — все избирается, и права крестьянина переходятъ уже границы общины. Онъ является ея представителемъ на общегубернскихъ собраніяхъ и въ судѣ, и надо читать газеты, чтобы знать, какъ онъ держитъ себя тамъ. Онъ оправдываетъ, когда возможно, даже въ сомнительныхъ случаяхъ. И вотъ, его ростъ не замѣченъ, его движеніе впередъ не учтено; болѣе того, когда эта огромная толпа просыпается, полная здоровья и силъ, культурное общество относится къ ней, какъ къ стаду, сближаясь въ этомъ съ остатками помѣщиковъ.

Человѣколюбивые филантропы. *братолюбцы*, вздыхающіе по краснокожимъ и по обществамъ покровительства животнымъ всѣхъ мастей, смотрятъ съ презрѣніемъ или совсѣмъ не смотрятъ на цѣлый народъ, который овладѣваетъ обширной областью, и первое слово котораго представляетъ *соціальную формулу*, не только осуществимую, но уже осуществленную. Народъ, который на мѣсто неопредѣленнаго права «на трудъ» поставилъ ясное право «на землю», и, вмѣсто того, чтобы съ крикомъ отчаянія повторять: «у кого пуля, у того и хлѣбъ», твердо держится убѣжденія, что у него «есть хлѣбъ, потому что есть земля».

¹⁾ Такъ хорошо оцѣненный вестфальскимъ барономъ Гакстгаузенемъ и американскимъ социологомъ Кэрри.—А. И. Г.

Свѣдѣній было достаточно, но никто не далъ себѣ труда получить эти свѣдѣнія. Распространялись неопредѣленные слухи о русскомъ *коммунизмѣ* — азіатскомъ, туранскомъ, но съ нимъ быстро покончили, объявивъ, что всѣ дикіе народы *начали* съ общиннаго владѣнія, а кончили цивилизованнымъ пролетаріатомъ; что въ одинъ прекрасный день нехватитъ земли; что агрономія не можетъ развиваться въ этихъ условіяхъ, и пр., и пр. Задолго до освобожденія одинъ только человекъ понялъ значеніе сельской общины у насъ, это — Гакстгаузенъ, котораго я назвалъ выше. Найдя кое-какіе остатки общинныхъ учреждений на берегу Эльбы и пораженный ихъ организаціей, онъ поѣхалъ въ 1846 изслѣдовать Россію немного глубже той мостовой, по которой катилась элегантная коляска маркиза де Кюстина; быстро поѣхалъ онъ Петербургъ и Москву и погрузился въ *черноземье*. Вернувшись, онъ сталъ проповѣдывать русскую общину и указывать на ея соціалистическіе и *республиканскіе* элементы. По странному совпаденію, это было наканунѣ революціи 48 года, наканунѣ **перваго, въ крупномъ масштабѣ, опыта** ввести соціализмъ въ организацію государства. Моментъ былъ прекрасный, но опытъ не удался, а направленіе умовъ было таково, что книга Гакстгаузена проскользнула незамѣченной.

Мы также пробовали поднять голосъ среди всеобщаго унынія и мрачнѣйшей реакціи (1850—1855), но такъ же неудачно, какъ старый вестфальскій баронъ; казалось, что обращаютъ вниманіе, а на самомъ дѣлѣ проходили мимо. Но событія продолжали свою повѣсть. Дыханіе жизни пронеслось по Россіи: рабство падало, дворянство падало, старое зданіе инквизиторскаго суда разрушалось; страшные голоса стали раздаваться сквозь цензурныя рѣшетки; правительство, увлеченное на минуту общимъ потокомъ, плохо себя чувствовало и почти готово было на уступки. Реалистическое ученіе, молодое и сильное, опредѣлялось все яснѣе, со своей *неумолимой логикой, смѣлостью выводовъ и примѣненія на опытѣ*. Все это прошло незамѣченной тѣнью... Вниманіе было отвлечено, западный міръ не отводилъ глазъ отъ ужасной трагедіи, разыгравшейся въ Польшѣ. Да, эта трагедія была тѣмъ ужаснѣе, что ея не ожидали. Въ 1861 всѣ въ Россіи были за Польшу; правительство еще не сдѣлало выбора между маленькой хартіей и висьлицей, между великимъ княземъ и Муравьевымъ, какъ вдругъ ему пришла на помощь могучая рука европейской дипломатіи съ ея мирно-воинственными нотами. Въ отвѣтъ на эти уколы невооруженной рукой, обществомъ овладѣлъ какой-то неистовый патріотизмъ; все дикое, что еще скрывалось въ глубинѣ русской души,

всплыло на поверхность съ дерзостью, для которой нельзя найти примѣра въ нашей новой исторіи. Ринулись на Польшу и на *молодую Россію*. Только тогда правительство почувствовало себя въ силахъ начать ужасный, стоголовый процессъ, поглощающій безъ конца жертву за жертвой, распространившійся по всей странѣ и продолжающійся и донинѣ.

Мы не упрекаемъ васъ. Мы знаемъ, что вы не отвѣтственны за бѣдствія, которыя пали на Польшу благодаря вашей дипломатической помощи; мы прекрасно знаемъ, что вы не участвуете въ общественныхъ дѣлахъ. Вамъ передаютъ акты для обсужденія, какъ передаютъ больныхъ въ лѣчебницахъ для вскрытія, — послѣ ихъ смерти. Мы сами находимся въ слишкомъ сходномъ положеніи, чтобы быть безпощадными въ отношеніи другихъ. Къ сожалѣнію, вы живете въ мірѣ воображенія и иллюзій; подобно тому, какъ потомки прежнихъ владѣтельныхъ домовъ всегда мечтаютъ о потерянной коронѣ, вы мечтаете о томъ, чтобы освободить народы, защищать ихъ свободу, какъ свою.

Ваша свобода... а гдѣ она?

Надо подняться высоко на Альпы или переплыть моря, чтобы увидѣть кончикъ ея.

Гордыня славнаго прошлаго не позволяетъ вамъ видѣть ни нынѣшняго вашего состоянія, ни его причинъ, ни угрожающей вамъ опасности.

Вамъ грозитъ опасность не со стороны Россіи; если Россія добралась до Парижа, то потому, что ее провожали и показывали ей дорогу пруссаки и другіе нѣмцы. Опасность для васъ — въ неудачѣ революціи.

Жестоко нарушать грезы уважаемаго нами старика, но почему онъ такъ высокомѣренъ и слѣпъ, такъ вызывающе нетерпимъ? Можно думать, что онъ все еще говоритъ съ громовой трибуны конвента, гордо опираясь на права человѣка, неприкосновеннаго, свободнаго, уважаемаго. Можно думать, что это говоритъ Европа Вольтера и энциклопедистовъ, якобинцевъ и жирондистовъ, Канта и Шиллера.

Одна Англія могла бы громко сказать свое слово, но она молчить.

Свобода — въ Соединенныхъ Штатахъ, и они, не питая никакой ненависти къ Россіи, протягиваютъ ей дружескую руку въ виду ея будущаго.

Мы готовы чтить ваше прошлое. Мы считали бы честью покрыть ваши раны въ благодарность за образованіе, которое вы намъ дали; но — немного справедливости къ тѣмъ, у которыхъ

есть вчера (какъ выражался Тертуллианъ) *и есть надежное завтра.*

Несчастье обязываетъ, обязываетъ, по крайней мѣрѣ, не бросать въ другихъ камнями, не продолжать невозможной роли регулятора и освободителя всего міра, роли великаго часовщика вселенной.

Ваши часы остановились.

IV.

Внизу *сельская община*, спокойная въ своемъ ожиданіи, медленная, но увѣренная въ своемъ развитіи; консервативная, какъ мать, хранящая ребенка въ своемъ чревѣ, терпящая много, все, кромѣ отрицанія своей основы, своего фундамента. Это—начало женское, краеугольный камень всего зданія, его единица, ячейка огромной ткани, которая зовется Россіей.

Наверху, рядомъ съ государствомъ, которое подавляетъ, съ правительствомъ, которое *умиротворяетъ, свободная мысль* становится силой, могущество которой признается ея врагами, указывается государемъ въ схоластическомъ посланіи предсѣдателю государственнаго совѣта, указывается близорукой и сонной церковью, указывается литературной полиціей полиціи преслѣдующей, указывается подъ именемъ нигилизма.

Однако, этотъ *нигилизмъ* не есть организація или заговоръ; это—просто убѣжденіе, мнѣніе. И вотъ передъ этимъ-то мнѣніемъ Александръ поблѣднѣлъ и закричалъ министрамъ, указывая имъ *«нѣсколько темныхъ личностей»*, свое—«Берегитесь!». Онъ былъ правъ, или правы были тѣ, кто внушилъ ему страхъ. Это—слишкомъ свободное мнѣніе; эта мысль, лишенная теологическихъ путей, свѣтскихъ приличій, идеализма, романтизма, сентиментализма, показныхъ добродѣтелей и преувеличеннаго ригоризма, признавала только науку и шла только по ея дорогѣ. Эта откровенность испугала, эта простота заледенила сердца властителей.

Естественно встаетъ вопросъ: гдѣ найти мость между этой мыслью, которую обуздываетъ только логика, и освобожденной общиной? между жестокимъ, испытующимъ знаніемъ и слѣпой вѣрой? между юной и суровой наукой и взрослымъ ребенкомъ, погруженнымъ въ глубокой сонъ и грезящимъ, что царь—его добрый отецъ, а Богородица—лучшее средство отъ холеры и пожаровъ?

Но грезящимъ также и о томъ, что земля, которую онъ обрабатываетъ, принадлежитъ ему.

Реалистическое меньшинство встрѣчается съ народомъ на почвѣ социальныхъ и аграрныхъ вопросовъ: мость налицо.

Мысль, знаніе, убѣжденіе, догма никогда не остаются у насъ въ состояніи отвлеченной теоріи, не стремятся замкнуться въ академическомъ монастырѣ или скрыться въ шкапу ученаго рядомъ съ разными ядами; наоборотъ, еще не созрѣвъ, они слишкомъ стремительно бросаются въ практическую жизнь, желая прыгнуть, съ сдвинутыми ногами, отъ vestibюля къ концу арены. Мы можемъ долго жить въ состояніи моральнаго оцѣпенѣнія и умственной спячки, но разъ мысль проснулась, если она не падетъ сейчасъ же подъ бременемъ гнетущей тяжести, если выдержитъ оскорбленіе и невниманіе раздавливающей среды, опасность и пренебреженіе,—она спѣшитъ смѣло дойти до послѣдняго вывода, потому что въ нашей логикѣ нѣтъ ограниченій, являющихся слѣдствіями и слѣдами зарубцовавшагося, но не исчезнувашаго прошлаго.

Расплывчатый дуализмъ нѣмцевъ, которые знаютъ, что жизнь въ теоріи не совпадаетъ съ практическими сферами, и мирятся на этомъ, совершенно антипатиченъ русскому духу.

Пестрое общество, лишенное руля, поверхностно-равнодушное, пресыщенное и наивное, испорченное и простое, не могло оставаться спокойнымъ передъ этимъ новымъ очистительнымъ горниломъ мысли. Женщины и молодая дѣвушка стремительно бросились къ новымъ ученіямъ, громко требуя личной независимости и уваженія къ труду. Ничего подобнаго не было со временъ сень-симонизма.

Общество, въ которомъ женщина такъ утомлена, а мысль такъ беспощадна, должно было сильно страдать и заблуждаться; нужно было его обидѣть, унижить, обмануть, оскорбить, нужно было, наконецъ, возбудить въ немъ *солнѣніе*, чтобы оно, безъ страха и оглядки, бросилось въ холодное и безграничное море голой правды. Кто знаетъ исторію нашей истерзанной души, нашего болѣзненнаго, уродливаго развитія? Мы пробовали набросать драму, романъ, картину страданія въ періодъ нашего **утробнаго умственнаго развитія**... Кто помнитъ объ этомъ?

Вырванные ударомъ грома или, вѣрнѣе, барабана изъ сонной, растительной жизни, изъ объятій матери (бѣдной и грубой крестьянки, но, все-таки, матери), мы оказались лишенными всего, начиная съ одежды и бороды. Намъ научили презирать свою мать и смѣяться надъ родительскимъ очагомъ. Намъ привили иностранныя традиціи, намъ швырнули науку и, при выходѣ изъ школы, объявили, что мы—рабы государства, и что государство, это—нѣчто въ родѣ отца Сатурна ¹⁾, который, подъ именемъ императора, проглотитъ

¹⁾ Въ греч. мифологіи отецъ Зевса, пожиравшій своихъ дѣтей.

насъ при первомъ независимомъ движеніи, при первомъ свободномъ словѣ. Намъ наивно объявили, что образованіе дано намъ для общественной и правительственной пользы, и что поэтому за нами не признаются никакія человѣческія права.

Всѣ, кто предпочитали глотать вмѣстѣ съ Сатурномъ, нежели быть имъ проглоченными, примкнули къ нему, все сильнѣе и сильнѣе подавляя низы народа и отправляя въ каторжныя работы упрямецъ, получившихъ образованіе «ради общественной пользы».

Столь странный аппаратъ не могъ долго существовать: не было достаточныхъ условій для его прочности. Поэтому при первомъ же вызовѣ, живыя силы вышли изъ береговъ (1812), и на другой день послѣ побѣды всѣ стали требовать гарантій человѣческаго существованія. Опытъ 1825 не удался, но встряска была сильная. Тронъ Петра I, едва оправившійся послѣ землетрясенія (послѣднія судороги народа, боровшагося съ рабствомъ), получилъ новое предостереженіе, идущее отъ *своихъ*. Этотъ ударъ былъ не изъ легкихъ. Николай долго боялся его.

Душевное безпокойство, въ которомъ мы жили въ продолженіе 30 лѣтъ этого царствованія, было тяжелѣе, чѣмъ всѣ несчастія, падавшія на наши головы. Мы были сбиты съ толку, безъ корней; мы не знали народа, ненавидѣли родительскій домъ, очагъ преслѣдованія рабовъ; ненавидѣли правительство, какъ могучаго и жестокаго врага всякаго умственнаго развитія, всякаго прогресса... При нашемъ безсиліи у насъ имѣлось одно оружіе—наука, одно утѣшеніе—иронія.

Наука и дала намъ другую родину, другую традицію; это была традиція великой борьбы XVIII вѣка. О, какъ мы любили васъ, вдыхая полной грудью свѣжій воздухъ, впервые повѣявшій надъ міромъ, благодаря великой бреші 1789! Мы съ благоговѣніемъ склоняли головы передъ этими скорбными и сильными фигурами вашихъ святыхъ отцовъ великаго республиканскаго совѣта, провозглашавшихъ эру *разума* и свободы.

Страстная вѣра, которую русская молодежь питала къ нѣмецкой теоріи и къ французской *практикѣ*, была, повидимому, оправдана и увѣнчана въ 1848.

Вы знаете оборотную сторону медали. 48-ой годъ ещенекончился, а мы уже вернулись изъ новаго Іерусалима, какъ Лютеръ возвращался изъ Ватикана. Опять безъ родины, моральные скитальцы, мы остались безъ всякой опоры передъ могуществомъ императора Николая, которое удивительно возросло и помрачнѣло.

Рука, которая извнѣ насъ вела, дрожала за свои сокровища и пы-

талась вернуться. Мы выпустили ее. Это было послѣднее наше освобожденіе, это былъ нашъ *нишлизмъ*... Выпустивъ руку, мы бросились въ открытое море, навстрѣчу опасностямъ и гибели, въ направленіи, которое указала намъ она.

Сосланные за іюньскіе дни едва успѣли прибыть на мѣста своего назначенія, какъ въ Петербургѣ было раскрыто социалистическое общество. Николай поступилъ согласно своей обычной жестокости. Люди погибали, но идеи оставались и росли. Господствующій характеръ движенія былъ столь опредѣленно *социалистическѣ*, что два противоположныхъ теченія, двѣ не имѣющія между собой ничего общаго школы, — школа научная, аналитическая, реалистическая и школа національная, религіозная, историческая, — сходились во всѣхъ вопросахъ о сельской общинѣ и объ ея аграрныхъ установленіяхъ.

Скоро явилась третья, и весьма оригинальная, школа.

Правительство объявило о своемъ твердомъ намѣреніи освободить крестьянъ. **Всѣ соглашались, что время личнаго освобожденія крестьянъ наступило. Вопросъ былъ не въ этомъ;** нужно было рѣшить главное: освободить ли ихъ съ землей, которую они обрабатываютъ, или оставить землю помѣщикамъ, а народу даровать право бродяжничества и свободу умирать съ голоду. Нерѣшительное правительство колебалось, у него не было никакого опредѣленнаго и твердаго убѣжденія. Царь склонялся къ тому, чтобы дать землю; его совѣтники, конечно, были противъ. Находясь въ такомъ замѣшательствѣ, правительство открыло въ странѣ канцелярскихъ тайнъ и нѣмоты почти публичныя пренія по этому животрепещущему вопросу. Печати было разрѣшено принять, въ извѣстной мѣрѣ, участіе. Политическія и литературныя партіи всѣхъ оттѣнковъ, всѣ школы — скептическія, мистическія, социалистическія и панславистскія, лондонская пропаганда и петербургскія и московскія газеты, — всѣ соединились для защиты правъ крестьянина на землю противъ притязаній олигархическаго меньшинства. Раздавался и голосъ народа: онъ не допускалъ даже *возможности* освобожденія безъ земли. Наконецъ, правительство, послѣ новыхъ повергавшихъ насъ въ трепетъ колебаній, склонилось на нашу сторону: въ принципѣ было рѣшено освобожденіе съ землею. Это — большой триумфъ и огромный шагъ впередъ.

Съ этого дня правительство не въ силахъ затормозить движеніе. Чтобы повернуть назадъ, надо имѣть смѣлость вырвать землю изъ рукъ крестьянъ. Быть, можетъ быть, одинъ моментъ, когда могли сдѣлать такой опытъ, — къ счастью, онъ прошелъ.

Дворянство, слишкомъ осмотрительное, чтобы дѣйствовать

насиліємъ въ такой горячій и опасный моментъ, медлительное въ рѣшеніяхъ, выразило свою безсильную оппозицію, когда крестьянская земля была уже далеко.

Пятилѣтіе, прошедшее послѣ смерти Николая, и появленіе манифеста объ освобожденіи крестьянъ, въ мартѣ 1861 образуютъ эпоху не только въ исторіи Россіи, но и въ исторіи всего XIX вѣка.

О, какъ глубоко я сожалѣлъ и всегда буду сожалѣть, что мнѣ нельзя было видѣть собственными глазами происходившаго тогда въ Россіи!

Все стягивалось, сжималось и суживалось; сокрушительный несносный гнетъ давилъ съ однообразіемъ механизма и вдругъ— разрывъ, веревки, вошедшія въ тѣло, ослабли, заключенные видятъ въ одно прекрасное утро, что дверь не заперта; они не знаютъ, куда итти; нѣкоторые выходятъ на воздухъ и возвращаются обратно въ камеры. Всѣ освободились по собственному желанію. Слово «свобода» никѣмъ не было произнесено, но слышали его всѣ, начиная съ императора Александра. Онъ тоже почувствовалъ, что тягостный надзоръ пересталъ давить, забывая, что надзоромъ этимъ былъ онъ самъ.

Событіе назрѣло: формы покорились, слова измѣнили значеніе; всѣ перестали вѣрить въ могущество установленій, передъ которыми дрожали еще вчера, и которыя остались неизмѣнно такими же. Россія можетъ еще пройти черезъ фазы ужасной тираніи, безграничнаго произвола, но она не можетъ вернуться къ безстрастному гнету николаевского режима.

Многое изъ того, чтó выступило тогда на свѣтъ, оказалось преждевременнымъ, преувеличеннымъ. Молодые силы, такъ долго подавлявшіяся, не имѣя выхода и направленія и физически сдерживаемые дисциплиною, въ которой не было ничего человѣческаго, выступали изъ береговъ; но посреди этой великой утренней оргіи раскрывались никому невѣдомыя силы, сѣялись плоды, которые благополучно переживутъ еще продолжающуюся жестокою зиму бѣлаго террора.

Однимъ изъ первыхъ шаговъ молодежи была организація *воскресныхъ школъ и артелей рабочихъ и работницъ*. Мастерская, построенная на социалистическихъ основаніяхъ, шла рядомъ со школой и, конечно, касалась сельской общины. Сельскій народъ, живя земельными общинами, давно уже создалъ большую лѣстницу рабочихъ артелей. Рядомъ съ *закрѣпленной* общиной — *артель*, подвижная община, рабочій союзъ.

Эти школы, эти союзы были мостами соединенія города съ деревней, двухъ состояній развитія. Все это было разбито, разда-

влено испуганнымъ и взбѣшеннымъ правительствомъ послѣ исторіи съ пожарами, которая такъ и не выяснилась. Все это возродится.

Но, поднимая завтра этотъ Сизифовъ камень для того, чтобы послѣзавтра царь скатилъ его внизъ, можно потерять цѣлыя вѣка и почти не двигаться впередъ. Да, но, можетъ, удастся завтра скатить не камень, а правительство... У насъ слишкомъ много хаоса и несообразностей, чтобы удивляться неожиданностямъ.

Самыя невозможныя вещи осуществляются у насъ съ невѣроятной быстротой; перемѣны, равныя по своему значенію революціямъ, совершаются такъ, что ихъ и не замѣчаютъ въ Европѣ.

Не надо забывать, что у насъ каждая перемѣна есть только перемѣна декорацій: стѣны — изъ картона, дворцы — изъ раскрашеннаго полотна. То, что видно на подмосткахъ большого императорскаго театра, все — *не настоящее*, начиная съ людей. Этотъ богатый помѣщикъ — лакей; этотъ министръ, диктаторъ и деспотъ, это — революціонеръ; этотъ утонченный европеецъ — калмыкъ по привычкамъ и нравамъ. Все заимствовано. Наши чины нѣмецкіе, ихъ даже не потрудились перевести на русскій языкъ: *коллежскіе регистраторы, канцеляристы, актуаріусы, экзекуторы*, — все это еще остается, чтобы поражать слухъ крестьянъ и возвеличивать достоинство разныхъ писарей и другихъ конюховъ бюрократіи.

Мы — точно дѣти, живущія въ пріютѣ: не зная другого, родительскаго дома, мы чувствуемъ, что это — не нашъ домъ, и страстно хотимъ разрушить его.

Въ этой имперіи фасадовъ, гдѣ нѣтъ ничего неподдѣльнаго и настоящаго, кромѣ народа внизу и образованія наверху, составляютъ исключеніе только два элемента, двѣ разрушительныя силы: доблесть воинская и доблесть отрицанія. Не забудемъ, что «активное отрицаніе есть творческая сила», какъ сказалъ много лѣтъ назадъ нашъ другъ Михаилъ Бакунинъ. Невозможно серьезно говорить о русскомъ консерватизмѣ. Даже слово это не существовало до освобожденія крестьянъ. Мы можемъ стоять на мѣстѣ, какъ святой Стилитъ, или пятиться назадъ, какъ ракъ, но мы не можемъ быть консерваторами, потому что намъ нечего хранить: зданіе смѣшаннаго стиля, безъ архитектуры, безъ гармоніи, безъ корней и принциповъ, разнородное и полное противорѣчій; гражданскій лагерь, военная канцелярія, осадное положеніе въ мирное время, смѣсь реакціи съ революціей, которая можетъ держаться долго, а можетъ распасться и завтра.

Въ тотъ день, когда Петръ, царь византійскій, сталъ императоромъ на нѣмецкій ладъ и поселился въ Петербургъ, царизмъ потерялъ подъ собой всякую консервативную почву. Съ этого вре-

мени императоръ мѣняется, какъ Протей ¹⁾: онъ—женщина и мужчина, Романовъ и Голштейнъ;—цивилизаторъ съ кнутомъ въ рукѣ, съ кнутомъ же въ рукѣ преслѣдующій всякій свѣтъ, хранящій традиціи, ломающій ихъ, бреющій бороду своему государству изъ революціонныхъ стремленій и сметающій пыль со старой бородатой церкви, чтобы бороться съ революціей.

Сегодня первый *джентльменъ*—завтра первый *мужикъ*; сегодня ему приходитъ въ голову мысль продолжать безумное царствованіе Павла I, а завтра—объявить себя Пугачевымъ II. Я всегда восхищался двуполымъ опредѣленіемъ Вольтера, который говорилъ «*Екатерина Великій*»: смѣсь половъ, функций, совмѣстительство должностей, поглощеніе, смѣшеніе.

Дворянство очень хотѣло бы играть роль консервативныхъ тори, но, къ счастью, оно пришло къ этой мысли на другой день послѣ потери сокровища, которое должно было хранить. У него нѣтъ внутренней цѣнности; его могущество исходило отъ царя,—онъ отнялъ свой палецъ, то оно существуетъ только на словахъ. Здоровая, молодая часть дворянства старается, чтобы забыли ея происхожденіе, забываетъ его сама, ищетъ работы и сливается со всѣми. Другая часть, упрямая, раздраженная, гибнетъ въ гнѣвѣ и теряетъ остатокъ своихъ уже израсходованныхъ силъ на три безплодныхъ оппозиціи: оппозицію жадности по отношенію къ освобожденной общинѣ, лицемѣрную и измѣнническую—противъ бюрократіи, подъ которой она разумѣетъ правительство,—и ожесточенную, тупоумную, полную мести и злобы,—противъ свободной мысли, новыхъ стремленій, противъ дѣятельной и участвующей въ движеніи молодежи. Ее ненавидитъ народъ, подозрѣваетъ правительство и презираетъ разумная молодежь, и она бродитъ, истощенная, постарѣвшая и озлобленная, не въ силахъ, какъ Калипсо, утѣшиться исчезновеніемъ прекраснаго крѣпостнаго права.

То, что мы только-что сказали о дворянствѣ *земельномъ*, мы съ еще большимъ правомъ можемъ сказать о дворянствѣ *чернильномъ*. Бюрократія—только орудіе: это—гражданскій полкъ, который не разсуждаетъ *подъ перьями*; она будетъ продолжать свою службу *со тцаніемъ* и *воровствомъ* и при Павлѣ I, и при Пугачевѣ II. По самому своему положенію враждебная крупному дворянству, она смѣшивается съ мелкимъ. Этому классу нечего хранить, кромѣ папокъ и архивовъ.

Правительство, дворянство и бюрократія сходятся въ одномъ убѣжденіи, которое само по себѣ менѣ всего консервативно: они

¹⁾ Въ греч. мифологіи морской богъ, обладавшій даромъ принимать, по желанію, всевозможные образы.

признають необходимость *большихъ реформъ*. Часть дворянства стремится къ парламентскому представительству и хочетъ взять правительство подъ свой контроль. Правительство и бюрократія постоянно мечтають реформировать государство при помощи просвѣщеннаго деспотизма. Они всегда слѣдуютъ Петру I и Юсифу II: они хотятъ децентрализовать и дать маленькія льготы, думая, что это отниметъ желаніе большихъ; они хотятъ уступить часть администраціи съ условіемъ, чтобы никто не касался священныхъ правъ абсолютной монархіи. Это могло бы продолжаться нѣкоторое время—при энергичномъ царѣ и гениальномъ министрѣ, которые работали бы изо всѣхъ силъ, чтобы какъ можно скорѣе вырыть себѣ мѣгилу. Люди средніе не годятся для этого—они проповѣдуютъ беспорядочную реакцію, разящій беспорядокъ, то самое, что дѣлаетъ теперь правительство Зимняго дворца. Дворянская конституція никого не удовлетворила бы—правительство всегда могло бы уничтожить ее, опираясь на устранившихся, на недовольныхъ и на крестьянъ.

Итакъ, остается создать «великаго собора», безъ различія классовъ, какъ единственное средство установить действительныя желанія народа и узнать, гдѣ мы. Это—вмѣстѣ съ тѣмъ единственное средство выйти безъ потрясеній и переворотовъ, ужасовъ террора, безъ потоковъ крови изъ длиннаго введенія, которое зовется *петербургскимъ періодомъ*.

Продолжающаяся острая реакція не имѣетъ ни единства, ни мѣста, ни глубины: у нея есть сила въ рукахъ и наслѣдственная безцеремонность; она надѣлаетъ бѣдствій, она ни передъ чѣмъ не остановится, но ничего и не остановитъ.

Каково бы ни было *первое учредительное собраніе, первый парламентъ*, у насъ будетъ свобода слова, обсуждения и законная почва подъ ногами.

Съ этими данными мы можемъ двинуться въ путь. **Дорога трудна, но у какихъ народовъ она была усѣяна розами? Всѣ затрудненія внѣшняго характера, ничто не останавливаетъ насъ въ нашемъ сознаніи.**

Въ лагерь **прогресса у насъ не будетъ ни легитимистовъ, ни аристократовъ, ни клерикаловъ, ни противообщественныхъ республиканцевъ, ни централизирующихъ демократовъ, ни нетерпимыхъ деистовъ, ни господствующихъ буржуа.**

Мы еще не разъ вернемся къ этому. Но теперь мы имѣемъ право кончить свою вводную статью, сказавъ, что нѣтъ достаточнаго основанія ни для того, чтобы проклинать насъ, чувствуя передъ нами страхъ, ни отчаиваться, сожалея о насъ. Къ счастью, мы не такъ сильны и не такъ несчастны.

3208. Письмо къ Г. Н. Вырубову.

9 декабря 1867.

Florence, 9, Piazza S. Felice (Via Magglo), 3-е p-е.

Виновать и виноваты! Книгу М. Дюфреса прочиталъ, оставилъ въ шкапу и уѣхалъ изъ Ниццы. Книга эта хорошая, и я ее охотно оставлю, купите друг. экземп., а я вамъ отдамъ въ Парижъ (гдѣ буду, вѣроятно, въ январѣ). Я уѣхалъ изъ Ниццы 17 ноября, и тогда вашего гевье не было.

А, вѣдь, старичка Кинэ вы упрекнули даромъ въ концѣ статьи. Одно сказать: у человѣка на сію минуту совѣсть (нравственное сознание своего отношенія къ людямъ) затмилась, и другое,—что на это есть причины. Это и не противорѣчіе, а констатація ¹⁾, съ одной стороны, и объясненіе—съ другой. Можетъ, отсутствіе совѣсти—хорошій признакъ въ теченіе историческаго катаклизма, какъ расчищеніе для новой совѣсти.

О Величк. ²⁾ узнаю.

Насчетъ рукописи Саши еще не знаю, но Мечниковъ ставитъ тотъ же вопросъ. Онъ прочелъ нѣсколько лекцій, и Огар. пишетъ—весьма не дурно. Ему хотѣлось бы ихъ издать на франц. Я говорилъ ему, чтобъ обратился къ вамъ.

«Колок». для зарекомендованія себя явится 15 декаб. (съ числомъ 1 янв. 1868). Мнѣ жаль, но за многое вы меня побраните. Журналы, если будутъ писать, оборвутъ. Жаль, если и «Курье» Ф. ³⁾ съ ними.

Иду въ камеру смотрѣть,—сегодня рѣшается вопросъ, есть совѣсть или нѣтъ у итальянцевъ.

Пожалуйста, не сердитесь за Дюфреса, это все жизнь бѣгуна или вагабонда.

Сынъ мой кланяется.

А. Герценъ.

Собираюсь 15-го ѣхать на Миланъ.

3209. Письмо къ сыну.

9 декаб. 1867.

Флоренція.

Ты долженъ на всякій случай знать, гдѣ главные документы и свидѣтельства моего состоянія. Записку эту сбереги.

¹⁾ Constatacion—утвержденіе.

²⁾ ?

³⁾ «Le Courier».

1. Въ домѣ Ротшильда и его нью-іоркскаго корреспондента Бельмонъ—свидѣтельства на 38,000 дол. займа 6% Uni. St.; у нихъ же купленные в послѣдствіи примѣрно 26,000 д. (еще нѣтъ счета).

2. У него же 175 акцій или облигацій Женевско-Ліонской дороги.

3. Документы по парижскому дому въ Женевѣ, въ деревянномъ ящикѣ.

4. У меня изъ америк. свидѣтел. Ohio-Canal Stock 20,000 dol. commonwealth of Virginia 17,000 д.

5. Бельгійскій заемъ въ 2½ пр.—*номинальный* капит. 80,000 фр.

6. Рента итальянс. въ 9,000 и свидѣтельства на нее. Вѣроятно, я ихъ депозитую у Ротшильда.

7. Внесенные въ Фрейбургскій банкъ 20,000 cautionnement ¹⁾ имѣютъ свидѣтельство, находящееся въ Banque générale Suisse въ Женевѣ.

8. Остальные документы всѣ въ желѣзномъ сундукѣ въ Женевѣ.

8. Еще у Ротшильда свидѣтельство итальянской ренты въ 3,000.

9. У меня смѣшанно хранится во всемъ капиталѣ 20,000 франковъ Бахмет. денегъ.

3210. Письмо къ М. К. Рейхель.

10 декабря 1867.

Флоренція, 9, Piazza S. Felice (Via Maggio).

Горы двигаются мало, а люди двигаются много, и я опять здѣсь. Замѣчательно, что въ 1847 я былъ при народненіи Италіи, а теперъ присутствую при ея кончинѣ; житія было двадцать лѣтъ. Убита корсиканцемъ ²⁾ середь благаго дня. Вотъ вамъ и *Rondinella pelegrina*—*Pelegrina rondinella* ³⁾.

Письмо ваше къ Татѣ весьма хорошо. Вы—эдакой гранитный осколокъ (изъ хорошаго гранита съ кварцомъ) старой гвардіи лейбъ-Московскаго батальона; только и есть на свѣтѣ, что нѣсколько людей, а остальные «буки люди, буки жлуди, буки ъ вивъ Ганри катерь» ⁴⁾.

Я ѣду отсюда 15-го, побываю въ Туринѣ и Миланѣ, потомъ въ Ниццу, потомъ въ Парижъ, потомъ въ Женеву,—очень холодно

¹⁾ Залогъ.

²⁾ Наполеонъ III.

³⁾ Странствующая ласточка.

⁴⁾ Vive Henri IV—да здравствуетъ Генрихъ IV.

у васъ, такія Вятки завели, что упадешь. Съ будущаго года начинаемъ «Кол». по-франц. и по-русски приб.,—вамъ, разумѣтся, пришлемъ.

Кланяйтесь и цѣлуйте всѣхъ вашихъ съ прибавленіемъ Ад. Фогта. Lion кажется ѣдетъ сюда. А прогос, если-бъ вамъ когда зандобилось фр. 500, пишите тотчасъ: я дѣла нѣсколько поправилъ. Прощайте.

Ал.

Львамъ ¹⁾ тоже поклонитесь.

3211. Письмо къ Н. П. Огареву.

8 часовъ.

Стало, пропала корректура. Пусть Чернец. пришлетъ еще разъ.

Явнымъ образомъ одно письмо Касатк. пропало и одинъ мой отвѣтъ. Это ему урокъ,—онъ пишетъ очень неосторожныя вещи; значитъ, не убѣдился, что Франція. Писать тебѣ нечего. ~~Посылаю~~ 50 фр. Свиридову ²⁾.

Тата пишетъ, что Долгор. безпрестанно требуетъ меня! жду телеграмму и, можетъ, поѣду завтра. Отказать умирающему гадко. По полученіи письма отъ 7-го.

3212. Un fait personnel.

La nécessité de recommencer encore une fois une série de publications sur la Russie devenait de plus en plus évidente, lorsqu'un événement extérieur mit fin à toutes les indécisions.

J'étais loin de Genève lorsque *le Congrès de la Paix* allait s'ouvrir. Mes amis m'invitaient; des personnes que j'estime désiraient ma présence—toutes mes sympathies sont pour la paix. Mon premier élan était de faire ma malle et de partir; mais après un moment de réflexion, un tout autre sentiment commença à se faire jour.

Si j'avais été à Genève, ce doute ne se serait pas produit, il n'en aurait pas eu le temps; j'aurais agi comme mes amis, sauf à me repentir après. Me trouvant par hasard loin de là, je pouvais scruter

¹⁾ Супругамъ Лионамъ.

²⁾ П. А. Свиридовъ—одинъ изъ мало пока извѣстныхъ участниковъ московскаго кружка, кончившагося Каракозовскимъ покушеніемъ (см. Е. Козлина «За полвѣка», М., 1913).

jusqu'au fond, et après un travail pénible je me suis décidé à *m'abstenir*.

L'idée du congrès était tellement juste que je m'empressai, un des premiers, de signer mon nom sur une liste d'adhésion. Je désirai au congrès tout le succès possible, et je craignais sincèrement une nonréussite matérielle ou morale; je tremblais qu'on ne constatât la faiblesse numérique des adhérents, qu'on ne s'aperçût du vague des idées des vieux partis, qui souvent se bornent au dévouement, sans formuler la marche des choses, à ces sympathies généreuses, qui ont voulu tant de bien à l'humanité et ont laissé passer tant de mal.

Ces considérations ne pouvaient que m'engager d'aller à Genève.

Un tout autre scrupule m'est venu en attendant. Je trouvais une telle recrudescence d'animosité contre la Russie dans les journaux démocratiques, dans des brochures patronnées par eux, que je m'arrêtai tout court devant une question qui me bouleversa.

Je me demandai: n'y a-t-il pas un *mensonge* involontaire, inconscient dans nos **rappports avec la démocratie occidentale, un mensonge de bienveillance, de délicatesse, de ménagements d'un côté—d'égards, d'humilité de l'autre, mais toujours un mensonge?**

Peut-être *oui*.

Après ce *peut-être* il m'était impossible d'aller à Genève, ou il fallait y aller exclusivement avec l'intention d'accuser la non-sincérité de nos rapports, et de chercher les moyens de les changer ou de les rompre. Serait-ce à propos? M'aurait-on accordé la parole sur un sujet qui sortait évidemment du programme? Si on m'invitait, ce n'est pas en qualité de Russe, mais dans la profonde conviction que je suis russe le moins possible, et c'est ce que je ne pouvais, ne voulais, ne devais accepter.

Si j'étais comme ce bon, ce brave, cet excellent vieillard russe Chamercovzoff, qui a voué une quarantaine d'années à l'émancipation **des noirs**, et qui vient chaque année, en qualité de président de la Société fondée à Londres du temps de Wilberforce, dont il était ami, faire son rapport et parler comme philanthrope en général et philonègre spécialement, je n'aurais eu aucun scrupule non plus d'aller au Congrès de Genève. Mais moi je ne suis pas si humanitaire, je n'ai aucune spécialité exotique, j'appartiens par toutes les fibres de mon coeur au peuple russe; je travaille pour lui, il travaille en moi, et cela n'est pas une réminiscence historique, un instinct aveugle, un lien de sang, mais la conséquence de ce que je vois dans le peuple russe, à travers l'écorce et le brouillard, à travers le sang et la rougeur des incendies, à travers l'ignorance du peuple et la civilisation du tzar, une grande puissance, un grand élément qui entre dans

l'histoire de front avec la révolution sociale, vers laquelle le vieux monde ira *volens nolens*, s'il ne veut périr ou s'ossifier.

Était-il possible d'accepter la position de *tolérance* individuelle, exceptionnelle, que nous fait l'hospitalité occidentale?

Il fut un temps où les russes, trop écrasés, trop malheureux, paraissaient abattus et confus devant les fiers républicains futurs de la France et les profonds libre-penseurs de l'Allemagne. Depuis, les constellations se sont fortement changées. Si nous n'avons pas eu la force et le temps de transplanter, dans notre climat âpre et dur, les frêles libertés des institutions occidentales—le despotisme militaire, le gouvernement du bon plaisir, la police souveraine et sans contrôle, l'absence de la sécurité personnelle, ont poussé de telles racines dans le sol du continent, qu'une égalité complète s'est établie entre nous, sauf la différence qui existe entre des hommes qui désirent sortir d'un enclos et d'autres qui y sont à peine entrés..

Comment donc expliquer l'acharnement redoublé avec lequel on nous jette la pierre?

Je pensai quelquefois que les anathèmes virulents qu'on fulminait exclusivement sur le despotisme russe n'étaient qu'une manière d'attaquer le monstre en général, et que n'osant s'en prendre au maître de la maison, on s'abattait sur le voisin... Mais il fallut en revenir. Les publicistes, les hommes de notre siècle, les représentants de l'opinion, les sages du temps, montrent tout indignés, au doigt, notre carcan—sans s'apercevoir que leur main porte une chaîne.

Nulle part l'aristocratie ne blesse tant que dans l'enceinte d'une prison; imitons l'égalité des condamnés devant la camisole et travaillons à nous affranchir.

Une partie de la faute, il faut l'avouer, pèse sur nous. Nous avons laissé faire, nous n'avons pas relevé des fautes criantes, nous nous sommes mollement défendus. Nous avons laissé croître les erreurs qu'ont faussé le reste des notions claires sur le sujet.

L'urgence de nouvelles publications était évidente.

Je ne voulais pas laisser ignorer à mes amis les raisons de mon absence du Congrès, et j'écrivis à ce sujet à M. Barni. Dans la grande bagarre des affaires, il a oublié de mentionner ma lettre, et il a très-bien fait. Le congrès avait bien d'autres préoccupations qui prenaient ses moments orageux et comptés.

Dans cette lettre je faisais part de l'intention de remettre, encore une fois, la question russe sur le tapis, en essayant la publication d'un recueil.

Bientôt l'idée d'un recueil nous parut insuffisante, et nous nous

sommes décidés, Ogareff et moi, à publier le Kolokol en français, avec un supplément russe.

Nous en faisons l'essai maintenant. L'accueil que trouveront nos premières feuilles décidera si nous devons continuer.

Переводъ.

Личное дѣло.

Необходимость еще разъ возобновить серію изданій о Россіи становилась все очевиднѣе, какъ одно внѣшнее событіе положило конецъ всѣмъ колебаніямъ.

Я былъ далеко отъ Женевы, когда приближалось открытіе *Конгресса мира*. Друзья приглашали меня; люди, которыхъ я уважаю, очень хотѣли, чтобы я присутствовалъ,— всѣ мои симпатіи на сторонѣ мира. Первое мое движеніе было—уложить чемоданъ и ѣхать, но, послѣ минутнаго размышленія, во мнѣ зародилось совсѣмъ другое чувство.

Если бы я былъ въ Женевѣ, это сомнѣніе не пришло бы, на него не было бы времени; я дѣйствовалъ бы такъ же, какъ мои друзья, только не сталъ бы потомъ раскаиваться. Находясь случайно далеко оттуда, я могъ продумать до конца, и, послѣ тяжелой работы ума, рѣшилъ *воздержаться*.

Идея конгресса была столь справедлива, что я, одинъ изъ первыхъ, поспѣшилъ подписаться подъ заявленіемъ. Я отъ души желалъ конгрессу возможно полнаго успѣха и искренно боялся матеріальной или моральной неудачи; меня безпокоило, что число членовъ окажется слишкомъ недостаточнымъ, что они замѣтятъ неопредѣленность идей у старыхъ партій, которыя часто ограничиваются самоотверженностью, не опредѣляя хода вещей, и этими благородными симпатіями, которыя хотѣли человѣчеству столько добра и позволили сдѣлать столько зла.

Эти размышленія должны были заставить меня ѣхать въ Женеву.

Между тѣмъ, у меня явилось совсѣмъ иное безпокойство. Я видѣлъ такое увеличеніе враждебности по отношенію къ Россіи въ демократическихъ газетахъ и въ издаваемыхъ ими брошюрахъ, что передо мной всталъ вопросъ, который потрясъ меня.

Я спросилъ себя: нѣтъ ли въ нашихъ отношеніяхъ къ западной демократіи невольной, безсознательной *лжи*,—лжи добродетельной, деликатной, щадящей, съ одной стороны, и уваженія и покорности—съ другой, но, всетаки, *лжи*?

Можетъ быть, *есть*.

Послѣ этого *можетъ быть* я не въ состояннн былъ ѣхать въ Женеву или долженъ былъ ѣхать исключительно съ цѣлью выяснитъ неискренность нашихъ отношеній и искать способовъ измѣнить ихъ или совсѣмъ порвать. Было ли бы это кстати? Разрѣшили ли бы мнѣ говорить о предметѣ, который явно выходилъ изъ программы? Если меня приглашали, то не потому, что я—русскій, а, наоборотъ, въ глубокомъ убѣжденнн, что я меньше всего—русскій; а на это я не могъ, не хотѣлъ и не долженъ былъ соглашаться.

Если бы я былъ похожъ на этого добраго, славнаго, милаго русскаго старика Шамеровцева, который лѣтъ сорокъ отдалъ на освобожденн негровъ и который ежегодно прїѣзжаетъ въ качествѣ председателя общества, основаннаго въ Лондонѣ во времена Уильберфорса ¹⁾ (онъ былъ его другомъ), чтобы сдѣлать докладъ и говорить, какъ филантропъ вообще и негрофиль въ частности, то у меня не было бы никакихъ сомнѣнн относительно поѣздки на женевскій конгрессъ. Но я не такъ всечеловѣченъ, у меня нѣтъ никакой экзотической спеціальности, я всѣми фибрами своей души принадлежу русскому народу; я работаю для него, онъ работаетъ во мнѣ, и это—вовсе не историческая реминисценція, не слѣпой инстинктъ и не кровная связь, а слѣдствіе того, что я, сквозь кору и туманъ, сквозь кровь и зарево пожаровъ, сквозь невѣжество народа и цивилизацію царя вижу огромную силу, важный элементъ, вступающій въ исторію рядомъ съ соціальною революціей, къ которой старый міръ пойдетъ волей неволей, если онъ не хочетъ погибнуть или окостенѣть.

Можно ли было согласиться на положенн личной, исключительной *терпимости*, съ которой относилось къ намъ западное гостепрнмство?

Было время, когда русскіе, слишкомъ подавленные, слишкомъ несчастные, казались убитыми и смущенными передъ лицомъ будущихъ гордыхъ республиканцевъ Франціи и передъ глубокими вольнодумцами Германіи. Съ тѣхъ поръ расположенн созвѣздій сильно измѣнилось. Если у насъ не было ни силъ, ни времени пересадить въ нашъ суровый и жестокій климатъ хрупкія свободы западныхъ учреждений, то военный деспотизмъ, самовластное управленн, всесильная и безконтрольная полиція, отсутствие личной безопасности, — все это пустило такіе корни въ материкъ, что между нами установилось полное равенство, исключая разницы,

¹⁾ Вильямъ, членъ нижней палаты, содѣйствовалъ искорененн торговли неграми и освобожденн ихъ отъ рабства въ англ. владѣнняхъ.

которая существуетъ между людьми, желающими выйти изъ огады и только-что вошедшими въ нее...

Какъ же объяснить усиленное ожесточеніе, съ которымъ въ насъ бросаютъ камнемъ?

Я думалъ иногда, что ядовитыя проклятія, которыя обращены были исключительно по адресу русскаго деспотизма, служили особымъ приемомъ общей атаки чудовища; что, не дерзая нападать на хозяина дома, бросаются на сосѣда... Но надо помнить объ этомъ. Публицисты, люди нашего вѣка, представители мнѣній, мудрецы нашихъ дней указываютъ возмущенно пальцемъ на наше ярмо, не замѣчая, что на рукѣ у нихъ цѣпь.

Нигдѣ аристократія не оскорбляетъ такъ, какъ въ тюрьмѣ; будемъ подражать равенству осужденныхъ передъ смиренной рубашкой и будемъ работать съ цѣлью освобожденія. ¹

Часть вины, надо сознаться, лежитъ на насъ. Мы не противились ходу вещей, мы не подымали вопроса о вопіющихъ ошибкахъ, мы очень вяло защищались. Мы допустили, чтобы возросли заблужденія, которыя извратили остатокъ ясныхъ возрѣній на этотъ предметъ.

Необходимость новыхъ изданій была очевидна.

Я не хотѣлъ оставлять своихъ друзей въ невѣдѣніи относительно причинъ моего отсутствія на конгрессѣ и написалъ г. Барни. Въ суетѣ онъ забылъ упомянуть о моемъ письмѣ и прекрасно сдѣлалъ: у конгресса было много другихъ занятій, на которыя еле хватило его шумныхъ и считанныхъ часов. ²

Въ этомъ письмѣ я упоминалъ о намѣреніи еще разъ поставить на очередь русскій вопросъ изданіемъ сборника.

Скоро мысль о сборникѣ показалась намъ недостаточной, и мы, Огаревъ и я, рѣшили издавать «Колоколь» по-французски съ русскимъ приложеніемъ.

Теперь мы дѣлаемъ этотъ опытъ. Приемъ, который будетъ оказанъ нашимъ первымъ листамъ, покажетъ, должны ли мы продолжать. ³

↔ 1. Одновременно съ женевскимъ конгрессомъ мира въ Лозаннѣ засѣдалъ второй конгрессъ Интернаціонала (со 2 по 8 сентября 1867 г.) въ составѣ 71 делегата, на которомъ не присутствовалъ ни одинъ представитель Россіи.

На вопросъ: «не является ли отсутствіе политическихъ свободъ препятствіемъ къ экономическому освобожденію рабочаго класса и одной изъ главныхъ причинъ соціальной неурядицы, и каковы тѣ средства, съ помощью которыхъ можно ускорить до-

стиженіе политическихъ вольностей)? Интернаціональ отвѣтилъ слѣдующей резолюціей: «Отвѣчая положительно на первую половину вопроса и принимая во вниманіе, что отсутствіе политическихъ свободъ препятствуетъ соціальному воспитанію народа и эмансипаціи пролетаріата, конгрессъ заявляетъ: 1) что соціальное освобожденіе рабочихъ неотдѣлимо отъ ихъ политическаго освобожденія; 2) что установленіе политическихъ свободъ является мѣрой первой и безусловной необходимости. По второй половинѣ вопроса конгрессъ постановляетъ: 1) ежегодно повторять предшествующее постановленіе; 2) официально сообщить его всѣмъ членамъ Интернаціонала, равно какъ и участникамъ конгресса мира, прося ихъ оказать энергическую поддержку для дарованія, наконецъ, всѣмъ народамъ неотъемлемыхъ правъ 1789 года».

Герценъ, конечно, зналъ и объ Интернаціоналѣ, и объ его конгрессахъ, въ частности и о конгрессѣ 1867 г., но не пресвялялъ, какъ видимъ, интереса къ этому движенію, потому что считалъ, что основа тогда земледѣльческой Россіи была внѣ программы нарождавшагося Международнаго общества рабочихъ; онъ выразилъ эту мысль довольно ясно, напр., въ слѣдующемъ номерѣ; упомяну, что не былъ тогда въ кругѣ интернаціональной работы и Бакунинъ, игравшій потомъ очень замѣтную въ ней роль.

Не былъ на конгрессѣ Интернаціонала и Карлъ Марксъ, выпустившій какъ разъ въ это время первый томъ своего знаменитаго «Капитала». Тамъ была одна фраза, направленная безпощаднымъ гонителемъ панславизма противъ Герцена: «Если на континентѣ Европы вліяніе капиталистическаго производства, подтачивающаго человѣческую расу,.. будетъ попрежнему развиваться рука объ руку съ конкуренціей въ увеличеніи солдатчины, государственныхъ долговъ, налоговъ, изысканнаго веденія войны и т. д., то въ концѣ концовъ, можетъ стать неизбежнымъ то обновленіе Европы посредствомъ кнута и насильственнаго смѣшенія европейской крови съ калмыцкой, которое такъ серьезно предсказывалъ полурусскій и вполнѣ москвичъ Герценъ (этотъ беллетристъ, кстати сказать, сдѣлалъ свое открытіе «русскаго коммунизма» не въ Россіи, а въ сочиненіи прусскаго имперскаго совѣтника Гакстгаузена)» («Das Kapital», В. I, Hamburg, 1867, стр. 763).

Кстати, напомню, что въ мартѣ 1870 г., два мѣсяца спустя послѣ смерти Герцена, Марксъ въ извѣстномъ конфиденціальномъ сообщеніи, посланномъ имъ руководителямъ германской социаль-демократіи заявилъ: «Лично богатый, Герценъ получалъ по 25.000 фр. въ годъ за пропаганду отъ панславистской и псевдо-соціалистиче-

ской партіи въ Россіи, съ которой онъ поддерживалъ дружественныя сношенія» («Письма къ Кугельману», 82).

При второмъ изданіи «Капитала» авторъ исключилъ приведенныя выше слова о Герценѣ, которыя некоторые марксисты въ лицѣ М. Таганскаго (М. А. Сильвина) признаютъ «недостойными», — «недостойными потому, что они говорятъ какъ бы о его неспособности въ данномъ случаѣ стать на историческую точку зрѣнія» («Памяти К. Маркса», сборникъ 1908, 394).

Богучарскій утверждалъ безъ какихъ-либо данныхъ, что Герценъ «былъ совершенно не знакомъ съ сочиненіями Маркса» («Изъ прошлаго русскаго общества», 214). Читатель увидитъ, насколько это вѣрно, а я, пока, напомнимъ, что въ отношеніи Чернышевскаго похожее замѣчаніе сдѣлалъ Плехановъ («Чернышевскій», 275—276), но и оно, конечно, такъ же невѣрно.

2. Это ядовитое замѣчаніе сдѣлано на основаніи письма Огарева отъ 14 сентября, гдѣ указано, что Барни не только не прочелъ письма, но и никому о немъ не сказалъ на конгрессѣ (Рум. музей).

3. Возобновленіе «Колокола» заставило задуматься его враговъ и людей, имѣвшихъ основаніе не сочувствовать освѣдомленію Европы о русскихъ дѣлахъ. Вотъ, напр., что высказали по этому поводу «Биржевыя Вѣдомости»:

«Теперь пока остановимся на *быломъ доброжелатель* русскаго народа, пресловутомъ *крикунѣ съ другою берега*—Герценѣ... Каково бы ни оказалось возобновляемое Герценомъ изданіе, во всякомъ случаѣ одно уже то, что вынужденный выходецъ изъ Россіи, анархическія и атеистическія тенденціи котораго извѣстны всѣмъ и каждому, который объявляетъ, что и теперь остается при нихъ, беретъ на себя великую задачу знакомить съ Россіею Европу и при этомъ имѣетъ, конечно, основанія разсчитывать на нравственную и матеріальную поддержку со стороны своихъ будущихъ читателей,—составляетъ фактъ грустный, надъ которымъ невольюно долженъ задуматься каждый русскій»... (№ 307).

П. А. Каратыгинъ написалъ тогда анонимное стихотвореніе «Герцену, по поводу изданія „Колокола“ на французскомъ языкѣ въ Парижѣ»:

Напрасно столько лѣтъ твой «Колоколь» трезвонилъ,

Напрасно билъ въ набатъ, гудѣлъ и завывалъ:

Ни старовѣровъ онъ возстать не урезонилъ,

Ни мужиковъ не взбунтовалъ...

Довольно, пономарь, покуралесилъ,

И съ колокольни бы долой, какъ отзвонилъ!

Нѣтъ, къ «Колоколу» ты другой *языкъ* привѣсилъ:

Въ Парижъ изъ Лондона его перетащилъ...

Но либеральный звонъ едва ли Наполеону

Пріятенъ будетъ для ушей;

Смотри, чтобъ самъ тебѣ не задалъ онъ трезвону—

Держи ты ухо повострѣй!

(«Петербург. Газета» Ильи Арсеньева 1868 г. № 56).

Въ названіи своего французскаго изданія Герценъ опустилъ членъ «le» и печаталъ просто «KoloKol (La Cloche)» съ тѣмъ подзаголовкомъ и эпиграфами, которые были приведены въ объявленіи; затѣмъ нумерація шла уже не по «листамъ», а по нумерамъ; въ теченіе 1868 г. «KoloKol» выпущенъ былъ въ 15 нумерахъ.

Русская часть изданія называлась «Колоколь (русское прибавленіе)», носила на себѣ тѣ же эпиграфы, что и французская, и также шла подъ №№; въ теченіе 1868 г. было выпущено 7 №№, выходящихъ одновременно съ тѣми нумерами «KoloKol», къ которымъ они являлись прибавленіемъ (последнее прибавленіе 15 іюня).

3213. (О выходѣ „Колокола“ на французскомъ языкѣ).

«Колоколь» съ 1 января 1868 года будетъ выходить на французскомъ языкѣ. Намъ кажется, что на сію минуту полезнѣе говорить о Россіи, чѣмъ говорить съ нею.

Приостанавливаясь на нашемъ десятилѣтіи, мы хотѣли не только перевести духъ, но еще разъ «спокойно, безъ развлеченій взглядѣться въ то, что дѣлается дома».

Общій выводъ вовсе не ведетъ къ тому, чтобы сложить руки, но мы сомнѣваемся, чтобы наше русское изданіе было *теперь* полезнѣе французскаго. Французскій языкъ доступенъ большей части нашихъ читателей,— то, что мы пишемъ по-русски, не существуетъ для Европы.

Ожесточеніе противъ насъ, которое улеглось, было, послѣ Крымской войны, снова усиливается и растетъ съ польскаго дѣла не по днямъ, а по часамъ. Вмѣстѣ съ ненавистью страшная смутность понятій. Наши полуофициальные защитники раздуваютъ вражду, усиливая ошибочный взглядъ, выгораживая, оправдывая всѣ дикія мѣры правительства и всѣ дикія мнѣнія общества. Ихъ свидѣтельство въ Европѣ принимается за улику, за собственное сознание. Пусть же она услышитъ голосъ другой стороны.

Что касается до нашей русской рѣчи, мы сказали почти все, что имѣли сказать, и слова наши не прошли безплодно. Мы умѣемъ узнавать ихъ эхо и отраженіе, какъ бы звуки и черты ни были искажены. Одна изъ нашихъ великихъ наградъ состоитъ именно въ томъ, *что мы меньше нужны.*

Мы считали наше дѣло необходимымъ не только тогда, когда мы первые подняли свободную русскую рѣчь и были встрѣчены общимъ рукоплесканіемъ, но и тогда, когда запутавшееся общественное мнѣніе оставило насъ. Мы не замолчали, потому что не утратили вѣру, потому что голосъ протеста былъ необходимъ для будущей очистки. Снова одинокіе и безъ перебѣжавшаго хора, мы не уступили ни іоты бѣсновавшейся реакціи и бѣсновавшемуся патріотизму; на насъ нѣтъ ни одного кроваваго пятна... мы не оскорбили ни одной падающей жертвы. За это насъ винили, это намъ поставятъ въ заслугу въ первый день полной трезвости.

Теперь надобно бороться не противъ кроваваго патріотизма, а противъ патріотизма *риторическаго* и съ нимъ не такъ нужно препинаться дома, какъ показать Европѣ, что у насъ за душою не только одна мысль о судорожномъ сохраненіи цѣлости государства, на которое никто не нападаетъ, и что вообще иконописный драконъ не въ самомъ дѣлѣ такъ страшенъ, какъ его малюютъ наши *Мараты единой и нераздѣльной имперіи*.

Пока общественное мнѣніе не можетъ переработать и обойти всѣ эти бездушныя теоріи поглощающаго государства, цѣликомъ взятыя изъ тѣхъ нѣмецкихъ источниковъ, изъ которыхъ вышелъ прусскій бонапартизмъ, сгубившій послѣднюю свободу Германіи ея единствомъ,—съ нимъ говорить трудно. Привилегированные журналисты наши похожи на уличнаго мальчишку, которому попался барабанъ: вы его ничѣмъ не остановите, пока онъ воображаетъ, что его всѣ боятся и что за нимъ цѣлая армія.

По счастью, кругомъ, вдали, вблизи идетъ другая работа, безъ шума и треска, и тамъ, въ самомъ дѣлѣ, вырабатывается ткань и матеріаль будущей исторіи.

Она вырабатывается трудно, иначе, чѣмъ ожидали, чѣмъ требуетъ здравый смыслъ,—все идетъ проселками и буераками, *но идетъ въ ту же сторону*. Къ неправильнымъ, запутаннымъ, уродливымъ развитіямъ исторія насъ приучила. Она, какъ дѣти, любитъ наступать въ грязь (жаль, что грязь ея всегда отъ дождя крови) и тамъ, гдѣ можно сухо пройти, а у насъ вездѣ грязь по колѣна и болота по поясъ. Главное, лишь бы она не останавливалась.

Дѣло нашего *соціальною развитія*, несмотря на всѣ помѣхи и ошибки, идетъ своимъ медленнымъ, но *безвозвратнымъ путемъ*. Въѣстъ съ нимъ двигаются впередъ политической смыслъ и въ особенности *смыслъ юридическій*, въ немъ приходитъ къ сознанію и выходятъ на свѣтъ такія народныя понятія и оттѣнки, которыя, выростая и окрѣпнувъ, врядъ примутъ ли за мѣру справедливости юридическое *изувѣрство* Европы.

Правительственная реакція груба, глупа, но не глубока. Она сама такъ неустроена въ убѣжденіяхъ, такъ колеблется, снявшись съ николаевского якоря, что въ ней, вообще, ничего нѣтъ ни глубокаго, ни прочнаго. Въ послѣднее время явился у нея товарищъ, который хоть кого заведетъ въ лѣсъ. Съ такимъ попутчикомъ въ реакціи, какъ дворянская партія, далеко не уѣдешь.

Остановить *общаю прозябанія* нельзя. Постѣвъ сдѣланъ, часть работы подъ землей, другая неуловима по своей повсюдности и разсыпчатости, потому что она лежитъ въ необходимости новаго положенія, къ которому Россія стремится гуломъ. Само правительство, не чувствуя, двигается, какъ лавина, по тому же склону, твердо увѣренное въ своей упругой неподвижности.

Многихъ сбиваетъ, что прогрессъ *не тамъ*, гдѣ мы привыкли его искать. Умственные и дѣятельные узлы перемѣшались, и дѣло и мысль отступили съ передовой сцены и опустились въ круги несравненно большіе, но не бросающіеся въ глаза. Изъ ежедневной газеты они переходятъ въ ежедневную жизнь, изъ книги—въ судъ, въ земскую управу, въ раскладку повинностей, въ учётъ общественнаго достоянія. Въ этихъ-то невзрачныхъ мастерскихъ и кухняхъ и заготовляются тѣ пышные царскіе обѣды, которые подаютъ потомъ въ національныхъ собраніяхъ или длинныхъ парламентахъ, и о которыхъ память, возрастая, проходитъ вѣка.

Безъ сомнѣнія, утренняя заря наша была ярче; эту величественную *увертюру* до сихъ поръ никто не оцѣнилъ во всемъ ея юномъ, поэтическомъ, широкомъ, богатомъ значеніи. Въ ней слышались зародыши всей будущей оперы, всѣ ея мотивы. Она привела къ слову нѣмую боль, она высказала наши стремленія и, если не нашла путей, то указала цѣль и поставила вѣхи. Масса идей, идеаловъ, вопросовъ, сомнѣній, фактовъ, ринутыхъ въ оборотъ, въ общее броженіе въ продолженіе семи лѣтъ, изумительна. Были промахи, но, глядя на нихъ отступя и сквозь мрачное пятилѣтіе, только и остается, что общее благословеніе свѣтлой полосѣ и людамъ утра. Тутъ нечего поправлять, торговаться—и юношескій *черезъ край* «Молодой Россіи» намъ дорогъ послѣ неистовствъ Россіи не старой, но сгнившей въ незрѣлости. Увертюра была сыграна, когда разразился пожарный терроръ. Правительство било исполнителей, звуки разнеслись, *были слышны*. Терроръ только ускорилъ перемѣщеніе центровъ дѣятельности.

Послѣ гибели сильныхъ дѣятелей и сильныхъ органовъ, у насъ не явилось ни одного замѣчательнаго литератора, ни одного рѣзкаго самобытнаго произведенія. Относитъ это исключительно къ стѣснительнымъ мѣбрамъ невозможно, стоитъ вспомнить сороковые

годы... То же въ сферахъ академическихъ. Университеты наши, послѣ короткой борьбы, поблѣднѣли, ни объ одномъ изъ нихъ не гремитъ прежняя слава, на кафедрахъ не являются проповѣдники и полемисты. Профессора теряются въ реакціи, студенты сбиты съ толку. Въ ихъ числѣ, какъ и въ числѣ доцентовъ, есть труженики науки, но они взошли въ другое русло. Литературная и студентская эпохи такъ же миновали, какъ прежде ихъ миновала эпоха гвардейскихъ офицеровъ. Книги будутъ выходить и имѣть сильное вліяніе, студенты и офицеры не переведутся, но врядъ ли они будутъ подавать тонъ.

Общее вниманіе мало-по-малу обращается въ другія сферы, интересъ сосредоточивается на судебныхъ преніяхъ, на земскихъ дѣлахъ, на уголовныхъ процессахъ, на приговорахъ присяжныхъ, потому что жизнь тамъ.

Всего этого Западъ не знаетъ. Передъ нимъ совершается убійство пограничнаго народа, передъ нимъ развѣшено выдуманное завѣщаніе Петра I, возлѣ котораго, въ родѣ старыхъ дробантовъ, стоятъ, взявши на штыки, сѣдые генералы, Катковъ и Краевскій, воспѣвающіе бранную царицу, стальную щетину и исполина послушнаго царю...

Нѣмую Россію Николая не любили, не знали и боялись, какъ какую-то неизвѣстную, дикую силу, раздавившую 14-е декабря, переѣхавшую Польшу, враждебную всему свободному, вооруженную съ ногъ до головы и злобно смотрящую на Европу двумя пулями вмѣсто глазъ. Подъ конецъ николаевской эпохи Европа узнала, что Россія не такъ сильна, какъ казалась. Ее стали меньше бояться, меньше ненавидѣть, ее хотѣли узнать. Реакція въ Европѣ еще до войны уравнила ее съ нами, хотя она и не сознавалась въ этомъ. Это было то время, когда мы громко и гордо проповѣдывали Россію, *возникающую* передъ склонявшимся въ темныя тучи солнцемъ Запада...

Дикое усмиреніе Польши, добиваніе страны побѣжденной, казнь и каторга военно-плѣнныхъ, узаконенный грабежъ, преслѣдованіе языка, преслѣдованіе религіи, насильственное обрусеніе края не-русскаго, католическаго, тянущаго всѣми силами къ Западу, везуло во второй разъ всѣ тлѣвшія ненависти.

Имѣть ли Западъ, *именно теперь*, право бросать камни въ другія, садиться судьей и продолжать свою монополію защиты угнетенныхъ и утѣшителя скорбящихъ, мы не станемъ разбирать въ этой статьѣ. Мы имѣемъ теперь возможность говорить съ нимъ не за глаза, и въ робкой, уклончивой неоткровенности онъ врядъ ли упрекнетъ насъ. Дѣло въ томъ, что обвиненія справедливы; откуда бы они ни шли, для насъ отъ этого не легче.

Возрожденную ненависть поддерживает и разжигает казенный журнализмъ. Его цинизмъ, его лицемѣріе, дѣйствительно, переходять всѣ предѣлы. Бунтуя явно, открыто австрійскихъ славянъ, турецкихъ грековъ, онъ не только оправдываетъ всѣ полицейскія насилія въ Польшѣ, но *вызываетъ, подсказываетъ* мѣры, до которыхъ правительство не дошло бы своимъ умомъ. Безъ доносовъ нѣтъ статьи, нѣтъ полемики. Принимая это полуофициальное юродство и распутство за послѣднее слово Россіи, на насъ смотрять съ ужасомъ и отвращеніемъ. Есть вещи, которыхъ старая цивилизація *не говоритъ*, и, дѣйствительно, ихъ наглое высказываніе чуть ли не хуже самага дѣла.

Какъ же не ненавидѣть страну, въ которой чуть ли не послѣдній честный издатель ¹⁾ проповѣдуетъ *истребленіе католичества*, въ которой правительство *наказываетъ* «строптивыхъ» поляковъ, дѣлая ихъ русскими, и тѣмъ же хочетъ *наградить* вѣрную *прислуу* изъ нѣмцевъ?

Конечно, насъ трудно обвинить въ любви къ папству и въ нѣжности къ балтійскимъ ритерамъ и бюргерамъ, но, читая эти православныя варварства, такъ и желалъ бы, чтобы эта чудовищная имперія раздробилась на части.

Оттого, что ненависть заслужена, что обвиненія справедливы, оттого-то мы и хотимъ поднять нашу рѣчь.

Насъ душить, намъ щемить сердце, что посторонніе насъ судятъ исключительно по патріотическому приаписму «Моск. Вѣдомостей» и ихъ переложенію на петербургскій «Голосъ» *со взморья*; намъ больно, мы краснѣемъ, думая, что въ православномъ *эбертизмѣ* видятъ не безсмыслицы прокаженного, а выраженіе общаго мнѣнія. Намъ досадно, что въ Европѣ не знаютъ, что за реакціонными сѣзжими выслуживающихся журналистовъ, за схимническими чуланами богобѣснующихся кликушъ, за зелеными столами петербургскихъ канцелярій и «ломберными» англійскихъ клубовъ *растетъ друиая Россія*,—Россія надеждъ и юныхъ силъ, которая не отвѣчаетъ за черныя дѣла, втѣсненныя ей во время ея малолѣтства опекунами, ни за черныя слова подкупленныхъ ими стряпчихъ.

Отъ имени входящихъ въ совершеннолѣтіе и не имѣющихъ ни языка дома, ни органа за границей, мы являемся съ поднятой головой и съ свободной рѣчью защитниками *нашей Россіи* передъ судьями стараго міра.

Ницца, 1 декабря 1867.

¹⁾ И. С. Аксаковъ. ¹

◆◆ 1. Газета Аксакова «Москва» претерпѣвала систематическое гоненіе со стороны министра вн. дѣлъ Валуева. Въ 1867 г. она получила шесть предостереженій, будучи пріостановлена послѣ первыхъ трехъ на три мѣсяца (съ 26 марта) и послѣ вторыхъ трехъ на четыре (29 ноября). Валуевская администрація и шува-ловская жандармерія понимали, что за Аксаковымъ стояла часть вліятельнаго дворянскаго общества, — тѣмъ болѣе интереса представляетъ ихъ секретная о ней переписка.

Письмо (французское) московскаго генераль-губернатора кн. В. А. Долгорукова министру вн. дѣлъ отъ 31 октября 1867 г.: «Имѣю честь сообщить, по желанію вашего в—ства, результаты моего свиданія съ Катковымъ и Аксаковымъ. Вернувшись изъ Петербурга, я поспѣшилъ вызвать къ себѣ этихъ господъ; они явились; изложивъ имъ по возможности логично весь вредъ, приносимый ихъ полемикой съ нѣмецкой «Рижской Газетой» въ моментъ проведенія серьезныхъ реформъ въ администраціи прибалтійскихъ провинцій, я убѣдилъ ихъ, что, несмотря на ихъ явное желаніе оказать своимъ патріотическимъ чувствомъ пользу родинѣ, они могутъ затормозить проведеніе полезныхъ, необходимыхъ со стороны нашего правительства мѣръ; я имъ далъ понять, что нашъ верховный повелитель находитъ, что московская печать должна бы воздержаться отъ всякихъ нападокъ на «Рижскую Газету», тѣмъ болѣе, что послѣдняя въ гораздо болѣе зависимости отъ правительственной цензуры и пользуется гораздо меньшей свободой, чѣмъ московскія газеты, а поэтому условія полемики ихъ неравны. Гг. Катковъ и Аксаковъ прекрасно поняли мои аргументы и обѣщали быть въ будущемъ сдержаннѣе. Однако, въ то же время они заявили мнѣ, что имъ было бы трудно оставаться пассивными, если на нихъ снова станутъ нападать заграничныя газеты, часто находящіяся въ рукахъ неспокойныхъ личностей изъ балтійскихъ провинцій. Я имъ отвѣтилъ, что нѣмецкая пресса была возбуждена ихъ же статьями. Если они воздержатся отъ разсужденій, относящихся къ этому вопросу, то и заграничная печать успокоится. Я воспользовался этимъ, чтобы убѣдить ихъ, что, вмѣсто того, чтобы дѣлать благо, какъ они воображаютъ, критикуя по своему убѣжденію распоряженія администраціи въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, они постепенно пріучаютъ общество къ неуваженію властей, что можетъ со временемъ привести къ пагубнымъ беспорядкамъ и анархіи. Всякій истинный патріотъ долженъ избѣгать наталкивать правительство на жестокую необходимость прибѣгать къ прикладу и штыку. Эти господа, какъ мнѣ кажется, были глубоко поражены моею открытой и доброжелательной манерой бесѣды. Они обѣщали

мнѣ держаться тише. Увидимъ, сдержатъ ли они свое слово. Теперь, мнѣ кажется, надо принять серьезныя мѣры къ тому, чтобы петербургскія газеты не возбудили новыхъ споровъ на эту деликатную тему въ здѣшной печати. Только при такихъ условіяхъ можно рассчитывать на спокойный и умѣренный тонъ московскихъ газетъ. Вотъ, отчетъ о моемъ свиданіи съ борцами нашей московской прессы. Я льщу себя надеждой, что вы одобрите мой образъ дѣйствій въ этомъ дѣлѣ. Все написанное вашему в—ву должно остаться тайной, иначе всѣ результаты, которыхъ я желалъ достигнуть, разобьются» (Архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канцеляріи 1864 г. № 51).

Послѣ пріостановки «Москвы» на четыре мѣсяца казанскій жандармъ донесъ своему шефу 20 декабря, что купечество выражаетъ «большое сожалѣніе и неодобреніе распоряженія министра вн. дѣлъ въ преслѣдованіи издателя г. Аксакова, коему по этому случаю собирались послать адресъ за подписями сочувствующихъ ему лицъ, къ числу коихъ главнѣйше принадлежитъ здѣшній 1-й гильдіи купецъ Крестовниковъ, богатый стеариновый заводчикъ, человѣкъ весьма развитый, имѣющій родного брата, живущаго постоянно въ Москвѣ, находящагося, какъ говорятъ—въ близкихъ отношеніяхъ съ г. Аксаковымъ». Вслѣдствіе секретныхъ негласныхъ мѣръ губернатора, адресъ не состоялся.

19 октября 1868 г. рижскій жандармъ полковникъ Андреяновъ донесъ шефу, что лифляндскій губернаторъ получилъ по почтѣ конвертъ съ № 141 «Москвы», гдѣ статья объ официальныхъ опроверженіяхъ или сообщеніяхъ была обведена краснымъ карандашомъ и сбоку было написано: «Настанетъ время, когда мы покажемъ себя подлецамъ-нѣмцамъ къ стыду правительства».

Отсюда полковникъ дѣлалъ слѣдующее заключеніе: «Это невольно заставляетъ предполагать, что въ Москвѣ образовался кружокъ или общество, до того проникнутое ненавистью къ нѣмцамъ, что, ослѣпленное этою страстью, забываетъ всѣ приличія и не разбираетъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей. Но редація или друзья газеты «Москвы» не ограничиваются такою выходкою, они заходятъ дальше начиная распространять тѣ статьи газеты, которыя исполнены вражды страстнаго увлеченія и указаній на бытовья отношенія русскихъ крестьянъ, — между простымъ народомъ, съ явною цѣлью посѣять въ немъ неудовольствіе и возбудить желаніе о надѣлѣ земли на условіяхъ великорусскихъ губерній. Въ доказательство этого предположенія привожу тотъ фактъ: что въ Венденскомъ уѣздѣ недавно полученъ одинъ номеръ «Москвы» (черезъ недѣлю жандармъ поправился—№ 149 «Москов-

скихъ Вѣдомостей» съ большой статьей о Прибалт. краѣ) на имя отпускного унтеръ-офицера Петра Дзирнекель. Подобнымъ способомъ очень легко волновать народъ и создать безпорядки, которые могутъ принять обширные размѣры,—ибо мечта о надѣлѣ не перестаетъ таиться въ душѣ каждаго лагыша и эстонца. Не оспариваю той истины, что московскія газеты иногда рисуютъ и вѣрныя картины здѣшней отсталости, здѣшней привязанности къ порядкамъ и обычаямъ уже обветшалымъ и несовременнымъ, но все сообщаемое ими дышетъ ненавистью, пропитано страстнымъ увлеченіемъ, отзывается раздражительностью и потому не читается въ Остзейскомъ краѣ, какъ полезный урокъ, а напротивъ, повсюду принимается за выраженіе вражды, зависти и озлобленія. Понятно, что нѣмцы, съ своей стороны, питаютъ къ русской печати тѣ же чувства и переносятъ ихъ на русскую публику, на все русское. Такимъ образомъ племенная ненависть, національный разрывъ между подданными одного Верховнаго Самодержавнаго Правителя постепенно обнаруживается все болѣе, поселяя въ нѣмцахъ равнодушіе и охлажденіе къ правительству, которое, по мнѣнію ихъ, не желаетъ оказывать какой-либо защиты нѣмецкому населенію края... Вредъ причиняемый русскими публицистами здѣшнему краю въ политическомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія не столько по перевороту, ими уже созданному, сколько по послѣдствіямъ въ будущемъ, ибо молодое поколѣніе, воспримчивое и пылкое, переживая настоящій періодъ національной вражды, находясь ежедневно подъ вліяніемъ толковъ и сѣтованій на нападки русскаго общественнаго мнѣнія, выражающагося путемъ газетной гласности,—естественно пропитывается чувствами нерасположенія къ русскимъ, отчуждается нравственно отъ общаго отечества нашего Россіи, обращаетъ взоры и помыслы свои на родную Германію и такимъ образомъ, сохраняя неизгладимыя впечатлѣнія юности,—не представляетъ въ будущемъ никакой гарантіи преданности правительству и Россіи».

Лифляндскій, Эстонскій и Курляндскій ген.-губ. Альбединскій приказалъ губернаторамъ «принять подъ рукою мѣры къ обнаруженію на мѣстѣ соучастниковъ въ разсылкѣ газетъ» крестьянамъ, на нихъ не подписавшимся...

2 ноября московскій жандармъ донесъ, что опять поднялся вопросъ о поднесеніи И. Аксакову, въ виду пріостановленія «Москвы» на 6 мѣсяцевъ, адреса; ген.-губ. вызвалъ городскаго голову кн. Щербатова, предложивъ ему «оказать зависящее отъ него содѣйствіе къ устраненію отъ предполагаемаго адреса всего того, что могло бы сообщить ему характеръ публичной демонстраціи въ

пользу лица, подвергшагося за дѣйствія свои въ качествѣ издателя газеты, преслѣдованію правительства». Однако, адресъ былъ составленъ, и въ срединѣ ноября шелъ уже сборъ подписей. Одновременно по Москвѣ говорили объ изданіи Крестовниковымъ новой газеты «Петроградъ» подъ фактической редакціей Аксакова. Шефъ жандармовъ предупредилъ объ этомъ министра вн. дѣлъ Тимашева (Архивъ III Отд. с. е. и. в. канц. 1 эксп. 1866 г., дѣло № 31, ч. 17).

3214. В. И. Кельсіевъ.

Одно изъ замѣчательныхъ событій прошлаго года ¹⁾, это—возвращеніе Кельсіева въ Россію. Чуть ли онъ не первый дѣятельный русскій эмигрантъ, добровольно возвратившійся и съ которымъ поступлено человѣчески. Исторію его внутренней борьбы, его сомнѣній, мученій, отчаяній мы знаемъ. Если онъ, усталый, безъ вѣры и средствъ, бездомный и одинокій, *однимъ доверіемъ* къ правительству вызвалъ небывалую льготу, мы не станемъ его осуждать. Дѣйствіе правительства относительно его не только хорошо, но умно. Такъ слѣдовало поступить съ несчастнымъ Мартыановымъ, замученнымъ и убитымъ на каторжной работѣ.

Положеніе Кельсіева трудно. У него натура увлекающаяся, онъ можетъ, какъ часто бываетъ съ людьми, переходящими отъ одного крайняго возрѣнія въ другое, уйти слишкомъ далеко, а на той сторонѣ, на которую онъ склоняется, *падать мялко и безопасно*. Тутъ не возьмешь ни умомъ, ни талантомъ; тутъ надобенъ вѣрный и сильный нравственный тактъ. Мы увѣрены, если Кельсіевъ вышель безъ угрызенія совѣсти изъ шуваловскихъ любопытствъ ²⁾, что онъ найдется въ мудреномъ положеніи. Мы ему искренно желаемъ этого и прибавимъ въ видѣ напутственнаго совѣта талейрановское: «*pas trop de zèle!*» ³⁾

Мы еще воротимся къ нему въ другомъ мѣстѣ. Теперь, когда довольно вѣрная біографія Кельсіева (въ 273 № «Голоса») въ рукахъ нашихъ русскихъ читателей, и самъ онъ налицо въ Петербургѣ, невольно спрашиваешь: гдѣ же эта черная тульчинская агенція, когорая получала черезъ насъ деньги лондонскаго банкира Т.,

¹⁾ Написано вмѣсто 1867 г., въ виду датированія прибавленія къ «Колоколу» 1-мъ января 1868 г.

²⁾ Т.-е. изъ допросовъ въ III Отдѣленіи.

³⁾ Поменьше рвенія.

агента Маццини? Где же это «гнѣздо зажигателей», чуть не фальшивыхъ монетчиковъ?... И что подумать о Катковѣ, который, обвиняя Кельсіева въ зажигательствѣ, сдѣлалъ «Русскій Вѣстникъ» его органомъ и печаталъ его статьи?

Что это за политическая продѣлка?

Катковъ зналъ, что ни Кельсіевъ, ни мы никогда ни въ какихъ пожарахъ не участвовали, что это—нелѣпость, которой можно было пугать дураковъ. Партія же *дураковъ* тогда была въ пущей силѣ. Онъ лгалъ сознательно, онъ клеветалъ преднамысленно. Онъ могъ знать истину по своимъ глубокимъ связямъ съ полиціей, но это не входило въ его интригу. Вотъ потому-то, что этотъ человекъ употреблялъ такія военныя стратегемы, мы и презираемъ его гораздо больше всѣхъ доносчиковъ III Отдѣленія.

Дѣлать фальшивыя обвиненія стоитъ фальшивыхъ бумажекъ; разица въ томъ, что за послѣднее идутъ на каторгу, а за первое допозають до попечительства, до министерскаго товарищества даже. ¹

◆◆ 1. Чтобы видѣть размахъ шуваловскаго наблюденія за русской политической мыслью, приведу извлеченіе изъ списка лицъ, состоявшихъ подъ полицейскимъ надзоромъ въ Спб. за 1867 годъ.

Феликсъ Толль—съ 1859 г., послѣ возвращенія изъ Сибири.
Федоръ Достоевскій—съ 1859 г., послѣ возвращенія изъ Твери.
Евгеній Утинъ—съ 1861 г. по университетскимъ безпорядкамъ.
Певель Мошкаловъ—тоже.

Александръ К. Рѣпинскій—тоже.

Александръ Фрязиновскій—тоже.

Николай Николадзе—тоже.

Павель Гайдебуровъ—тоже.

Варвара Глушановская (по мужу Печаткина)—съ 1862 года за сношеніе со студ. Печаткинымъ.

Эрастъ Перцовъ—съ 1862 г., при возвращеніи въ Спб.

Александръ Европеусъ—съ 1867 г., при возвращеніи въ Спб.

Иванъ Крамскоій	} съ 1863 г., за намѣреніе составить особое общество, подъ видомъ занятія художествами, въ противодѣйствіе начальству.
Константинъ Маковскій	

Алексѣй А. Головачевъ—съ 1863 г., «за что, неизвѣстно».

Аполлонъ Ф. Головачевъ
 Дмитрій Минаевъ
 Василій Курочкинъ
 Суслова
 Александра Серг. Голицына
 (урожден. Зайцева), кн.

съ 1865 г. «за заявленіе ученія
 своего о нигилизмѣ».

Владиміръ Чуйко—съ 1863 г. за сношенія съ Герценомъ.

Викторъ Ив. Rogozинъ—съ 1864 г., послѣ возвращенія изъ
 Костромской губ.

Николай Мордвиновъ—съ 1866 г., за храненіе бумагъ недоз-
 воленного содержанія.

Владиміръ Трувеллеръ—съ 1865 г., при возвращеніи изъ Нов-
 городской губ.

Аполлонія Сѣраковская—тоже.

Дмитрій Стасовъ—съ 1861 г.

Григорій Благосвѣтовъ—съ 1862 г., за прикосновенность къ
 дѣлу о распространеніи возмутительныхъ воззваній.

Василій Лобановъ

Помпей Мультановскій

Петръ Ткачевъ

съ 1863 г., по освобожденіи изъ
 крѣпости.

Константинъ Станковичъ—съ 1866 г., по неблагонадежности
 въ политическомъ отношеніи.

Александръ Кобылинъ—съ 1866 г., по прикосновенности къ
 дѣлу 4 апрѣля 1866 г.

Александръ Черкесовъ—съ 1866 г., по прикосновенности къ
 дѣлу о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропаган-
 дистами.

Дмитрій Писаревъ—съ 1866 г., послѣ освобожденія изъ крѣ-
 пости.

Владиміръ Мордвиновъ—съ 1867 г., «за неблагонадежное
 поведеніе».

Александръ Новиковъ

Степанъ Носъ

съ 1864 г., послѣ освобожденія изъ
 крѣпости.

Алексѣй Унковскій—съ 1862 г., послѣ возвращенія изъ Вятки.

Николай Альбертини—съ 1862 г., за сношенія съ Ничипо-
 ренкомъ.

Николай Вас. Соколовъ—съ 1866 г., по свѣдѣніямъ комиссіи
 гр. Муравьева.

Григорій Елисеевъ—съ 1866 г., тоже.

(«Алфавитный указатель лицъ, состоящихъ подъ полицейскимъ
 надзоромъ въ Спб. за 1867 г.»).

3215. Отъ редакціи.

Полученные весной изъ Парижа двѣсти франковъ употреблены для вспоможеній.

3216. Общій фондъ.

Изъ оставшихся 47 фр. («Кол.» л. 243) и 50 уплаченной ссуды г. С., всего 97 фр., выдано въ ссуду и ежемѣсячнаго вспоможенія 95 фр.; почтовые расходы 2 фр.; итого 97 фр. Расписки находятся въ типографіи.

3217. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

18 dezem. 1867.

Zu Mailand, im Savourisſchen Gasthaus.

Hohe Kunstgoennerin und Mäcerias! Sie allein haben ein Recht, meine Rapporte über den Dom zu fordern. Auch will ich «drastisch» (wie des schwertfahrende General Haug sich auszudrücken pflegte)—meine Ansicht über Mai—land im Dezember geben. Die Historie ¹⁾... von Kroupoff hat meinen Gusto zu Grunde gerichtet. Nach Venedig habe ich noch nie so eine steinerne Narrheit gesehen, wie der grosse marmorne Dom. So schön wahnsinnig, so unnütz erhaben, so stalaktitentoll. Ja, der Mensch ist nur im Unsinn gross. Lagen Sie nichts davon weder Kinkel, noch Althaus—Strübing—die werden mich steinigen.

Im Theater steht an der Tür ein Schweizer, ganz zierlich vergoldet, ein grosser Kerl. Man gab Wilhelm Tell—wahrscheinlich spielt er da—La Muette de Portici.

Gute Xsundheit ²⁾.

P. S. Огаревъ проситъ «Голось» сберечь не для Пановки, а для него. Прошу собрать...

Переводъ.

18 дек. 1867.

Миланъ. Гостиница Кавура.

Высокая покровительница искусствъ и меценаты! Вы одна въ правѣ требовать у меня отчета о соборѣ. Да и я желаю дать въ

¹⁾ Слово не разобрано.

²⁾ Въмѣсто «Gesundheit».

декабрѣ мѣсяцѣ «поразительно яркое» выраженіе моему мнѣнію о Миланѣ ¹⁾ (какъ говаривалъ бравый генераль Гаугъ...) Исторія . ²⁾ Крупова окончательно отравила мой вкусъ. Послѣ Венеціи мнѣ еще ни разу не довелось видѣть такую каменную глупость, какъ этотъ огромный мраморный соборъ, такой безумно-прекрасный, безцѣльно-возвышенный, сталактито-сумасшедшій. Да, человекъ великъ только въ безуміи. Ни слова объ этомъ ни Кинкелю, ни Альтгаузу, ни Стрюбингу, не то они побьютъ меня камнями.

У дверей театра стоитъ швейцаръ, высокій парень, въ раззолоченной одеждѣ. Ставили «Вильгельма Телля» ³⁾; вѣроятно, онъ исполняетъ въ немъ роль Нѣмой изъ Портичи ⁴⁾.

Добрато здоровья.

3218. Письмо къ И. С. Тургеневу. ¹

20 декабря 1867.
Milano, Hôtel Cavour.

За письмо спасибо. На этотъ разъ «Дымъ» полученъ въ Женевѣ, но какъ же онъ пропалъ въ первый?

Ты видишь, что я на старости лѣтъ все двигаюсь... а ты все осѣдаешь да еще выбралъ Бадъ-Бадъ (съ твоей собственной ванной, о которой рассказывалъ Бакстъ еще до ея построения, выйдетъ Три-Бадъ, что нехорошо). ² Я только-что изъ Флоренціи. Всѣ процѣтаютъ. Саша замѣнилъ Савонаролу и читаетъ проповѣди о желудкѣ тамъ, гдѣ тотъ читалъ о духѣ. Посылаю одну тебѣ. Ъду отсюда въ Туринъ... Геную... Ниццу; тамъ пробуду немного—и въ Парижъ, а оттуда въ Женеву. Если хочешь, пиши въ Женеву, письмо перешлютъ.

Съ конца сентября вездѣ погода страшная, я не могу отдѣлаться отъ непрерывныхъ маленькихъ простудъ. Земной шаръ необитаемъ. Нѣтъ ли какого-нибудь четвероугольника, на которомъ можно было бы жить такъ спокойно, какъ вошь на головѣ какого-нибудь пензенскаго или тамбовскаго мальчика? Если есть, сообщи,—я тамъ заведу свой трибадъ.

Полемизировать не стану. Если я слишкомъ сжалъ время и слишкомъ en gros смотрю на «новое слово», которое Россія явно громко говоритъ своимъ социальнымъ исключеніемъ пролетаріата,

¹⁾ Игра словъ: Миланъ по-нѣмецки—Mai-land, т. е. страна мая.

²⁾ Слово не разобрано.

³⁾ Опера ит. композитора Россини.

⁴⁾ Опера фр. композитора Обера, называемая и «Фенелла». Конецъ письма по-русски см. на стр. 115.

то что ты не видишь даже и послѣ совершеннаго паденія Франціи, съ которой утянулась и Италія, что это: гибель, смерть или *кризисъ*,—я этого не понимаю. Пожалуйста, замѣть: «или кризисъ»; я это говорилъ всегда: есть еще силы, которыя могутъ оплодотвориться наукой и спасти организмъ, но сама наука, не воплощаясь, не спасетъ міра такъ, какъ Плиній, Сенека не спасли его. Наукѣ дѣла нѣтъ, въ Америкѣ ли, въ Камчаткѣ ли или въ иномъ мѣстѣ ей будетъ фатера.

Praktisch ¹⁾, если нѣмцы одолѣютъ французовъ, можетъ, и выйдетъ новая эпоха довольно порядочнаго развитія и пресквернаго тона. Если же нѣтъ?

Вотъ что изъ-за тучъ и тумана поднимается—феніанизмъ. Четыре взрыва въ Лондонѣ—и капиталъ разбѣжится. Да, это варварство, самъ Луи Бланъ переполошился; ну, а не варварскія средства много сдѣлали?

Еще слово. Дай тебѣ русскую картину, эдакъ-то Гвидо, Тинторенто, д'Эрбиню: *Хорошо!* Только дай же и ты Тиціана, Мурильо изъ Америки.

Да и врядъ въ художествѣ ли выражается теперь *человѣчество*. Я смотрю на эту мраморную бѣловѣжскую чашу здѣшняго собора. Такого великаго, изящнаго вздора больше не построятъ люди.

Лучшая новая картина изъ тѣхъ, которыя я видѣлъ,—*ложь*, гениальная ложь: Фландринъ такъ поддѣлался подъ Джіото, что натянулъ дѣйствительно христіанское вдохновеніе... Даже маленькій осель возлѣ большого... святой осель...

Однако, довольно. ³

Для утѣшенія скажу на закуску, что Долг. все пакостничаетъ, а потому я прервалъ дипломатическія сношенія (только, все же, онъ не краль, какъ Некрасовъ, и не посылалъ доносами на висѣлицу, какъ Катковъ).

Что скажешь о Кельсіевѣ?

А. Г.

P. S. Представь себѣ, какое старье сдѣлало фуроръ въ небольшомъ литературно-ученомъ кругу во Флоренціи... «Докторъ Круповъ» во франц. переводѣ.

◆◆ 1. 12 декабря Тургеневъ писалъ Герцену:

«Любезный Александръ Ивановичъ, я получилъ и прочиталъ твой французскій «Колоколъ», Спасибо за память. Что касается

¹⁾ Практически.

до самой твоей статьи, то, вѣдь, это между нами старый споръ: по моему понятію, ни Европа ни такъ стара, ни Россія ни такъ молода, какъ ты ихъ представляешь: мы сидимъ въ одномъ мѣшкѣ и никакого за нами «спеціально» новаго слова не предвидится. Но дай Богъ тебѣ прожить сто лѣтъ, и ты умрешь послѣднимъ славянофиломъ и будешь писать статьи умныя, забавныя, парадоксальныя, глубокія, которыхъ нельзя будетъ *не* дочитать до конца. Сожалѣю я только о томъ, что ты почелъ нужнымъ нарядиться въ платье, не совсѣмъ тебѣ подходящее. Вѣрь мнѣ или не вѣрь, какъ угодно, но для, такъ называемаго, *воздѣйствія* на европейскую публику, всѣ твои статьи бесполезны...

«Явись, напр., великій русскій живописецъ, — его картина будетъ лучшей пропагандой, чѣмъ тысячи разсужденій о способностяхъ нашего племени къ искусству. Люди — вообще, порода грубая и нисколько не нуждающаяся ни въ справедливости, ни въ безпристрастіи; а ударъ ихъ по глазамъ или по карману... это другое дѣло. Но, впрочемъ, я, можетъ быть, ошибаюсь, а ты правъ, — посмотримъ. Во всякомъ случаѣ моментъ *ѣдва* ли хорошо выбранъ; теперь, дѣйствительно, поставленъ вопросъ о томъ, кому одолѣть: наукѣ или религіи. Съ какой тутъ стати Россія?

«Такъ какъ первый экземпляръ «Дыма» до тебя не дошелъ, то я хочу попытаться снова и посылаю тебѣ экземпляръ отдѣльнаго московскаго изданія, въ которомъ возстановлены всѣ пропуски катковской цензуры. Сама книга тебѣ, разумѣется, не понравится, но на 97-й страницѣ находится біографія генерала Ратмирова, которая, быть можетъ, заставитъ тебя улыбнуться.

«Засимъ прощай; увѣдомъ меня о себѣ и о семействѣ. Я живу здѣсь анахоретомъ и, къ сожалѣнію, не могу ходить на охоту: колѣнка болитъ, вслѣдствіе неловкаго движенія. Будь здоровъ» («Письма», 196).

2. По поводу переѣзда Тургенена въ Баденъ-Баденъ Огаревъ написалъ стихотвореніе, которое привожу съ подлинника, хранящагося въ Рум. музеѣ и очень неисправно воспроизведеннаго въ I т. его «Стихотвореній» подъ ред. Гершензона.

Новая полурыбца въ русской литературѣ.

Жиль на свѣтѣ рыцарь модный,
Литераторъ не простой,
Съ виду милый, благородный,
Духомъ робкій и пустой.

Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Умъ смутившее ему,

Что къ свободѣ направлень
Поведеть его въ тюрьму.

И въ пустынь скверно-людной
Онъ сберегъ сердечный жаръ,
Онъ возвысилъ ликъ народный,
Заклеймилъ позоромъ баръ.

Но, тревожась о пощадѣ,
Самъ къ царю онъ написалъ,
Что онъ преданности ради
Связи дружбы разорвалъ.

И, холопамъ подражая,
Онъ представился царю;
Царь сказалъ ему, кивая:
«Очень васъ благодарю».

~~И пріемъ хотъ былъ отраденъ~~
Но художникъ со стыда
Скрылся тотчасъ въ Баденъ-Баденъ,
Словно призракъ, безъ слѣда.

Полнѣе, но не исправнѣе напечатано на стр. 198—99 I кн. «Голоса Минувшаго» 1918 г.: два куплета внесены из другого стихотворенія, напечатаннаго на особомъ листѣ и сюда не относятся.

3. Тургеневъ отвѣчалъ 25 декабря: «Любезный А. И., во-первыхъ, спасибо за отвѣтъ, а во-вторыхъ, за брошюру твоего сына, которую я прочелъ съ великимъ удовольствіемъ: ясно, дѣльно, интересно. И, представь себѣ, что вычиталъ изъ нея самое сильное тебѣ опроверженіе: сынъ твой, какъ человекъ положительный и практическій, вѣритъ только въ науку, т.-е. рассчитываетъ только на нее, а ты, романтикъ и художникъ... вѣришь въ народъ, въ особую породу людей, въ извѣстную расу: вѣдь, это въ своемъ родѣ гоже троеручица! И все это по милости придуманныхъ господами и навязанныхъ этому народу совершенно чуждыхъ ему демократическихъ и соціальныхъ тенденцій въ родѣ «общины» и «артели». Отъ общины Россія не знаетъ, какъ отчураться, а что до артели—я никогда не забуду выраженія лица, съ которымъ мнѣ сказалъ въ нынѣшнемъ году одинъ мѣщанинъ: «кто артели не знавалъ, не знаетъ яетли». Не дай Богъ, чтобъ безчеловѣчно эксплуататорскія начала, на которыхъ дѣйствуютъ наши артели, когда-нибудь примѣнились

въ болѣе широкихъ размѣрахъ! «Намъ въ артель его не *надѣтъ*: человекъ онъ, хоша не воръ, безденежный и поручителевъ за себя не имѣеть, да и здоровьемъ не надеженъ—на кой его намъ лядъ!» Эти слова можно услышать сплошь да рядомъ: далеко, какъ изволишь видѣть, до *fraternité*¹⁾ или хоть до Шульце-Деличевской ассоціаціи! Ты указываешь мнѣ на Петра и говоришь «смотри: Петръ-то умираеть, едва дышетъ»;—согласенъ, да развѣ изъ этого слѣдуетъ что Иванъ здоровъ? Особенно, если принять въ соображеніе, что Иванъ точно такой же комплекціи, какъ Петръ, и тою же болѣзнью боленъ. Нѣтъ, братъ, какъ ни вертись, а старикъ Гете правъ:—*der Mensch (der europäische Mensch) ist nicht geboren frei zu sein* (человекъ (европеецъ) не рожденъ быть свободнымъ—*М. Л.*)—почему? это вопросъ физиологическій, а общество рабовъ съ подраздѣленіемъ на классы попадаетъ на каждомъ шагу въ природѣ (пчелы и т. д.), и изъ всѣхъ европейскихъ народовъ именно русскій менѣе всѣхъ другихъ нуждается въ свободѣ. Русскій человекъ, самому себѣ предоставленный, *не минуемо вырастаетъ въ старообрядца*, вотъ куда его гнетъ, его претъ, а вы сами лично достаточно обожглись на этомъ вопросѣ, чтобы не знать, какая тамъ глушь и темь и тиранія. Что же дѣлать? Я отвѣчаю, какъ Скрибъ: *prenez mon ours*—возмите науку, цивилизацію и лѣчите этой гомеопатіей мало-по-малу. А то, пожалуй, дойдешь до того, что будешь, какъ Ив. Сер. Аксаковъ, рекомендовать Европѣ для совершеннаго исцѣленія обратиться въ православіе. Вѣра въ народность есть тоже своего рода вѣра въ бога, есть религія, а ты—непоследовательный славянофилъ, чему я лично, впрочемъ, очень радъ.

«И выходитъ, что мы оба удивляемся, каждый про себя, какъ это другой *не видитъ* того, что кажется такъ ясно! Но это не мѣшаетъ, мнѣ по крайней мѣрѣ, искренно любить тебя и дружески жать тебѣ руку. Поклонись всѣмъ своимъ. Сынъ твой—молодецъ. Съ Дол. такъ и надо было покончить. А что дѣлаеть «весенняя свѣжесть» Бакунина?» («Письма», 197—198).

3219. Письмо къ сыну.

21 декаб. (1867).
Туринъ.

Все денежное дѣло кончилъ. Банкиръ слупилъ, какъ слѣдуетъ: больше 200 фр., да правительство первый семестръ выдало ассигна-

¹⁾ Братство.

ціями; поэтому ихъ везти мнѣ не приходилось; я и велѣлъ тебѣ переслать 4,435 фр. (съ вычетомъ frais); деньги эти прошу тебя положить въ банкъ и не трогать до 1 мая.

Холодно, но ясно; я много кашляю, это скучно; сегодня ѣду въ Геную. Можетъ, я тамъ останусь долѣе, чѣмъ въ Миланѣ.

Пишу у Fidel, Berné et C-nie ¹⁾). Отъ нихъ получишь и деньги. Всѣмъ кланяюсь.

3220. Письмо къ С. Тхоржевскому.

22 декабря (1867).

Генуя. Hôt. Feder.

Третьяго дня я вамъ послалъ страховое письмо изъ Милана, любезный панъ; вчера все обдѣлалъ въ Туринѣ и вчера же въ ночь пріѣхалъ въ Геную. Вотъ и опять у нашего моря.

Когда ѣду, еще не знаю. Коли бурно, поѣду въ дилижансѣ, коли тихо—на пароходѣ. А такъ какъ дилижансѣ можетъ свалиться, а пароходѣ—потонуть и документы пропасть, то прошу васъ сохранить слѣдующее.

21 декабря 1867 получены мною отъ банкирскаго дома Fidel, Berné et C-nie въ Туринѣ, Via della Providenza, 42, одиннадцать сертификатовъ на итальянскій заемъ 5⁰/₀: девять въ 1.000 фр. ренты, одинъ въ сто и одинъ въ пятьдесятъ. Всѣ выданы банкиру или подписаны 1 декабря 1867 и всѣ au porteur ²⁾:

тысячные отъ № 1,483,919 до 1,483,927.

сто » № 148,928

50 » № 1,483,929.

Если-бъ у меня украли ихъ или что-нибудь случилось бы, вы идите къ итальянскому консулу и заявите и тотчасъ пишите банкирамъ въ Туринѣ.

Само собой разумѣется, что вы эту записку припрячьте. Всего, какъ видите, выходитъ ренты ежегодной 9.150 фр. До 1 юля 1868 проценты получены. Надобно остановить, если возможно, капиталъ. Въ случаѣ потери въ морѣ, пожара, я думаю, что это возможно.

Ну вотъ и все. Второе письмо и «Голось» получилъ. Досадно, что все кашляю, а то бы ничего. Какъ же это я буду въ Женевѣ жить въ вашихъ льдахъ? Я совершенно здоровъ, хотя всѣ гово-

¹⁾ Банкирскаго дома.

²⁾ На предъявителя.

рять, что немного похудѣлъ, но безпрестанно простужень съ конца сентября. Это дѣлаеть такую тяжесть головы иногда и боль въ груди, что бѣда.

Затѣмъ желаю въ Вевѣ поспраждновать. Рейхелю поклонитесь, Бакунину, Мрчквск. ¹⁾ и проч. А «Польша польская» значить та, о которой Бакунинъ писалъ въ своей статьѣ въ «Колоколѣ», онъ пусть и объяснитъ. Кому же нравится нашъ злой взглядъ—напишите.

Усердный богомолецъ А. Г.

3221. Письмо къ Н. П. Огареву.

22 декабря (1867).
Генуя. Feder.

Почти тотъ же № и тотъ же корридоръ, въ которомъ мы жили, Тесье, Саша и я, послѣ похоронъ въ 1852... Здѣсь-то, сидя у меня на постели, теперешній проконсулъ Сициліи, генераль etc. Медичи, пришедшій, когда я ужъ легъ, поймалъ скорпіона, и мы его утопили въ маслѣ, оставшемся отъ салата... Здѣсь Энгельсонъ, Орсини, Пизакане... и странно при этихъ воспоминаіяхъ, и благородно-печально.

Когда поѣду, не знаю. Тонъ писемъ изъ Ниццы убійствененъ, ни тѣни человѣчности, пощады. Что дальше? Что я сдѣлаю, чтобъ спасти, наконецъ, даже *свое* уваженіе *къ себѣ*?—не знаю. Ночь и стѣна—перелѣзть можно, а Лиза?

Надобно было доносить трауръ 1852... какъ мечь за безхарактерность. меня преслѣдуетъ ненависть Н. къ дѣтямъ покойницы... Ну, да, вѣдь, ты все это знаешь. Выхода нѣтъ...

Работа, работа.. И тутъ загвоздка. Я свое сдѣлалъ. Платонически заниматься наукой не хочется, реально—не можется. Наше слово сказано и даже услышано. Другого у насъ нѣтъ. Мы, какъ Диккенсъ, повторяемъ одно и то же. Можетъ, я шутки ради и напишу по поводу писъма Тург. еще «Концы и начала», одно письмо, но и въ немъ будетъ та же репетиція.

А мы бранимъ или смѣемся надъ Тург., что онъ въ Бадъ-Баденъ удалился, спать на мягкой постели и моется въ мокрой ваннѣ. Что же мы нашимъ эникуро-стоицизмомъ лучше устроились?

Даже нѣтъ пріюта. Развѣ, остаться здѣсь на зиму, въ Генуѣ?

¹⁾ Валеріанъ Мрочковскій.

Письмами все будетъ отравлено... Развѣ, проситься въ Ташкентъ или въ Абиссинію?

Прощай.

23 декабря. Понедѣльникъ.—Прими къ свѣдѣнію мою промеморію къ Тхоржевскому насчетъ сертификатовъ.

3222. Письмо къ сыну.

26 декаб. 1867, четвергъ.

Al. Dottore nella Specole ¹⁾).

Сегодня я, вѣроятно, поѣду; мой грузъ итал. долга мнѣ ужасно надобль, и я очень досадую, что не остался въ Туринѣ. Здѣсь слишкомъ бойкое мѣсто, чтобъ таскать съ собой столько. Вотъ съ именными-то билетами и спи спокойно.

Вѣроятно, я спокойнѣе того доѣду, но помни всѣ мои инструкціи и прошу тебя и Тату впередъ знать, что, если бы я умеръ, Лизѣ выдѣлить четвертую часть. Если же Сат. уплатитъ весь Огар. долгъ, то и онъ долженъ быть раздѣленъ также на четыре,—такъ и Огареву я передалъ.

Мнѣ не нужно говорить, что пока Огар. живъ, ваше святая обязанность дополнять ему чего Сат. не вышлетъ; меньше 6,000 фр. онъ не можетъ имѣть въ годъ.

Далѣе великій секретъ, никому ни слова, кромѣ Таты. Чортъ знаетъ какъ, но, пришедши въ аптеку, я не нашелъ твоего письма съ рецептомъ. Кашлю лучше, но рецептъ пришли. Вчера я искалъ же не только рецептъ, но шарфъ въ Stabilimento di Concordia, и гарсоны искали до тѣхъ поръ, пока я догадался, что шарфъ на мнѣ, и отъ стыда тихонько ушелъ.

Помни еще вотъ что по дѣлу итальянс. долга. Если бы сертификаты были украдены, пропали бы, сгорѣли... или утонули—надобно сдѣлать всѣ усилія, чтобъ заявить—и, буде возможно, остановить выдачу и продажу. При сгорѣніи и потопленіи это легко. Вѣроятно, есть же законъ, что по объявленіи, если въ три года никто не явится, выдаютъ новые; для этого не мѣшаетъ и мѣть въ виду слѣд. подробности.

21 декаб. 1867 выданы банкирскимъ домомъ Fidel, Berné et C-nie въ Туринѣ, Via della Providenza, 42—одиннадцать сертификатовъ на сумму ренты 9,150—выданные 1 декаб. въ Туринѣ въ пе-

¹⁾ Доктору Спеколы.

ремѣну именного билета, положеннаго у нихъ отъ меня, банкиромъ Авигдоромъ въ Ниццѣ.

Засимъ кланяюсь.

Совѣтую и тебѣ со Степаномъ прочесть записки Орса., особенно вторую часть, т.-е. исторію побѣга.

3223. Письмо къ Н. П. Огареву.

27 декабря 1867.

Nice, 27, Promenade des Anglais.

Проспавши, какъ у себя въ постели, цѣлую ночь въ каютѣ, «мы бросили якорь» въ 6 утра въ Ниццѣ. Ergo, я здѣсь. Пишу, только чтобъ тебя успокоить насчетъ пучинъ и мглы.

Лиза умна и весела; для ея физическаго развитія Ницца превосходна. Климатъ здѣсь, все-таки, удивительный, даже послѣ Флоренціи и Милана (уже въ Генуѣ чувствуется морская влажность и мягкость). Что же я скажу о N.? Приняла она меня нехорошо.. но я съ ужасомъ вижу, что она рѣшительно не понимаетъ, въ чемъ дѣло, и самымъ страшнымъ словамъ не придаетъ значенія такихъ выраженій, какъ *fichtre* ¹⁾). Я два раза пробовалъ сказать, что если я сдѣлалъ жертву приѣздомъ, то что я знаю цѣну ей, да и что чемоданъ еще уложенъ, такъ что я могу и ѣхать. А она говоритъ: «если тебѣ скучно, то и поѣзжай,.. а сердиться *такъ долю не хорошо*»... Руки опускаются. Вотъ пока и все. Жду писемъ. Отъ Тхорж. со счетомъ b-que получилъ. За Бессоновъ слѣдуетъ заплатить и сказать, что еще за годъ будетъ заплачено, *если* и семья что-нибудь дастъ.

Вотъ пока и все. Тхоржевск. скажи, что Vichy пить не нужно, все это—вздоръ. «Cicépone» получаю.

Прощай.

1868

3224. Письмо къ старшимъ дочерямъ и М. Мейзенбургъ.

1 января 1868.

Nice.

Ну, вотъ и новый годъ. Въ общемъ онъ будетъ не легкою и черенъ. Будьте въ немъ здоровы умомъ и тѣломъ, здоровы сердцемъ, а что будетъ, то будетъ.

Вотъ Касаткинъ, напригвръ, не будетъ: онъ умеръ съ 27 дек. на 28 ночью, безъ всякой болѣзни отъ аневризма. Сообщите Фрикену.

Je vous remerci beaucoup pour votre lettre, chère Malvida, elle est si aimable et si sincère que je veux vous le dire. Mais comment êtes vous arrivée à l'idée de m'envoyer une autre lettre à Turin—j'ai écrit de m'adresser à Milan—ou à Gênes. J'ai réclamé—nous verrons. Je ne vois pas une ligne, pas un point lumineux—dans l'année dans laquelle nous entrons, tâchons de vaincre tout mit der inneren Fulle et resignons nous avec fierté. Et que la jeunesse soit jeune—Le 1 janvier 1848—j'ai été à Rome et j'ai lu le 1-er article de «Vom andern Ufer»—que j'avais terminé. Quel volume d'histoire après—et sur chaque année des lambeaux de notre chair. Um Klassisch zu sein—je citerai Ulysse, qui raconte qu'il avait ensanglanté chaque rocher en nageant vers l'Itaque.

Hier grande représentation de Cendrillon par Lise et C-nie—cela allait bien. Elle est très heureuse ici, les enfants qui viennent sont charmants—et elle est bien portante comme deux. Il y a aussi une petite russe de 11 ans—Исаева—je ne sais pas si Tata la connaît ¹⁾.

¹⁾ Очень вамъ благодаренъ, дорогая Мальвида, за ваше письмо. Оно такое милое и такое искреннее, что мнѣ хочется сказать вамъ это. Но какъ вамъ пришло въ голову послать мнѣ другое письмо въ Туринъ? Вѣдь, я писалъ, чтобы мнѣ адресовали въ Миланъ или въ Женеву. Я потребовалъ ваше письмо,—увидимъ. Я не вижу ни одной свѣтлой черты, ни одной свѣтлой точки въ томъ году, въ который мы сейчасъ вступаемъ. Поста-

Жираръ, которую ты, Тата, знаешь,—совершенная злодѣйка; она хочетъ домучить вторую дочь до монастыря. Она дѣлаетъ надъ ней ужасы. Добрая М-те Гар. ¹⁾ не хочетъ къ ней ходить. Жена Менотти ²⁾, простая женщина, за обѣдомъ у Жирара не вынесла и расплакалась до спазмъ; она вспомнить не можетъ о томъ, что мать дѣлала и говорила... Вотъ негодяи-то.

3225. Письмо къ Н. П. Огареву.

4 янв. (1868). Суббота.

Въ благонамѣренность Никол. ³⁾ и его добродушіе не вѣрю; въ томъ, что Эллидинъ нелѣпъ, согласенъ. Ты испыталъ, какъ трудно въ публикѣ встрѣчаться съ неприятными людьми. Это-то и было со мной и Долгор.

У тебя было два обморока черезъ день. Я увѣренъ, что ты паки и паки принялся за быстрѣйшее разрушеніе ⁴⁾... Но, такъ какъ въ этомъ ты непоколебимъ,—taceamus ⁵⁾.

Фогтъ пишетъ, между прочимъ, что Густавъ ⁶⁾ жалуется на интриги Бакунина по конгрессу!.. О, Бедламъ!

Мое сумасшествіе въ томъ, что не могу рѣшительно работать. Написалъ небольшую статью объ Италіи, но передъ совокупностью всего падаютъ руки. Статейка, разумѣется, въ «Колок.» не идетъ. «Полярную Звѣзду» я печатать готовъ, хоть съ марта. Надобно бы взять «Записки» декаб. у Касаткина.

раемся все побѣдить полнотою внутренней жизни и гордо смиримся. И пусть молодежь будетъ молода! 1 января 1848 года я былъ въ Римѣ и прочелъ первую главу только-что оконченнаго мною «Съ того берега». Цѣлый томъ исторіи послѣдовалъ вслѣдъ за этимъ, и каждый годъ отрывалъ клочья нашего мяса. Какъ классикъ, я процитирую Улисса, который рассказываетъ, что онъ обогрѣлъ своею кровью каждый утесъ, направляясь вплавь въ Игакъ.

Вчера состоялось грандіозное представленіе «Золушки»; ставили Лиза и К^о, все сошло хорошо. Она чувствуетъ себя здѣсь счастливой; дѣти, которыя приходятъ къ ней, очаровательны, и она здорова за двоихъ. Есть также маленькая русская, 11 лѣтъ, Исаева; я не знаю, знаетъ ли ее Тата.

¹⁾ Гарибальди.

²⁾ Сынъ Джузеппе Гарибальди.

³⁾ Николадзе.

⁴⁾ Т.-е. опять сталъ много пить.

⁵⁾ Будемъ молчать.

⁶⁾ Фогтъ.

О корреспонденціяхъ, разумѣется, отвѣчать надобно положительно: да, можно сдѣлать отдѣлъ; да, но нужно полное единство.

Программы я не понимаю. Литературнымъ произведеніямъ мѣста нѣтъ въ «Колок.», но есть же замѣчательныя вещи, не идущія ни подъ какой ранжиры. Корресп. хотятъ помѣщать во франц. или русскомъ? Платить слѣдуетъ (таж. 10 фр. съ колонны) *вз томъ случать*, когда сказано впередъ, что хотятъ платы, и, разумѣется, послѣ напечатанія.

Мнѣ все кажется, что при всѣхъ усиліяхъ «Колок.» ни фр., ни русскій не пойдутъ. Смотри на ниву: туда ли вѣтеръ дуетъ? А этотъ вѣтеръ еще будетъ дуть до конца войны. У меня несчастное чутье. Я вижу, какъ колосья клонить въ противоположную сторону. Лишь бы «Колок.» прожить.. Пусть двѣ послѣднія сграницы займутся объявленіями. Твоей книги еще хватитъ на нѣсколько листовъ ¹⁾. Это трудъ начатый и, слѣд., легкій къ продолженію.

Сегодня прочелъ, что, иностранцамъ въ Россіи стѣснены паспорта. Эти сукины дѣти! Если это въ русскихъ газетахъ, слѣдуетъ помѣстить.

Прощай.

Р. С. Дома тихо. Жемчуж. уѣхалъ. Прощаясь, онъ мнѣ рассказывалъ, что С—нъ ²⁾ въ Москвѣ продулъ до 20.000 фр. Вотъ и жалѣй его.

3226. Письмо къ О. А. Герценъ.

8-го января (1868), среда.

Письмо твое, Ольга, и письмо Саши получилъ. Жаль Доманже; кланяйтесь ему отъ меня.

Татѣ на-дняхъ пошлю исторію Кромвеля; совѣтую ей прочесть до конца,—въ этой книгѣ большое историческое поученіе.

Долгъ оставшійся пришлю итал. бумажками,—у меня остались. Здѣсь Веніери ³⁾.

Тхорж. пишетъ, что Володимірова въ Москвѣ гдѣ-то поговорила съ государемъ и съ тѣхъ поръ стала величайшей консерваторкой.

¹⁾ «La Russie actuelle et son développement».

²⁾ Н. М. Сатинъ.

³⁾ ?

Encore une étoile qui... est fille à marier ¹⁾. Мальвидѣ кланяюсь до земли. Поклонитесь Мещерскому ²⁾; я очень радъ, что онъ къ вамъ ходитъ. А рецептъ отъ кашля?

Прощай.

3237. Письмо къ Н. П. Огареву.

8 янв. (1868.). Среда. Послѣ обѣда.

Unsere Correspondenz—stockt ³⁾, лишь бы не отъ нездоровья. Вѣроятно, вы всё замерзли. Флоренція и Марсель покрыты снѣгомъ, а мы—ждемъ. На-дняхъ начали *вс первый разъ* топить. Зато и Веніери пришелъ ко мнѣ вчера цвѣтущій, какъ кринъ сельный.

Дорого бы я далъ, если-бъ ты могъ пробѣжать книгу, которая доставляетъ мнѣ перцовое наслажденіе—«Сочиненія» Писарева. Они изданы въ четырехъ частяхъ. Какъ досадно, что я порядкомъ узналъ этого Маккавея петербургскаго нигилизма такъ поздно. Вотъ собственное сознаніе и самооправданіе, сдѣланное не дуракомъ, не мошенникомъ, а умнымъ человѣкомъ. Онъ заставилъ меня иначе взглянуть на романъ Турген. и на Базарова. Можетъ, я напишу что-нибудь объ немъ. Безграничная ненависть къ Пушкину, снисходительное снисхожденіе къ Бѣлинскому и къ намъ то отношеніе, какъ къ выжившимъ изъ ума безпокойнымъ старичкамъ. Нѣтъ ли у кого хоть «Русскаго Слова»? Самыя замѣчательныя вещи: «Пушкинъ и Бѣлинскій» и «Базаровъ».

 Новая мысль: не перевести ли «Энгельсона» или «Сороку-воровку», или тому подобное для «Колок.» en français? Прошу совѣта.

9 янв., четвергъ.

Я ломаю голову и не могу придумать, что сдѣлать для франц. «Колокола». Мы фурууировались ⁴⁾,—дѣло ясное, что никто не хочетъ ни франц., ни русскаго «Колок.»... Я не могу при этихъ условіяхъ работать. Доманже хотѣлъ писать противъ моей статьи

¹⁾ Еще одна звѣзда... дочь на выданьи. (Игра слов: l'étoile—звѣзда и шансонетная пѣвица).

²⁾ Князь А. Николаевичъ.

³⁾ Наша корреспонденція приостановилась.

⁴⁾ Fourvoyer—заблудиться, ошибаться.

письмо мнѣ,—это дало бы жизнь,—такъ онъ лежитъ при смерти съ изъязвленіемъ кишокъ. Шиффъ бываетъ у него два раза въ день ¹⁾).

Я намѣренъ былъ даже перевести съ комментаріями мое письмо къ Аксакову или передѣлать что-нибудь о русской литературѣ.

Письмо твое отъ 3 сейчасъ получилъ. О Бибиковой ²⁾ ничего не знаю, кромѣ того, что у нея была хорошенькая дочь, и сынъ написалъ книгу «Опыты», за которую былъ судимъ. Она о себѣ говорила: «Дочь адмирала, жена генерала»,—вотъ и все.

О какой новой статьѣ ты говоришь?

Слѣпцовъ ³⁾ боится ходить ко мнѣ,—хорошъ! Addio.

3228. Письмо къ С. Тхоржевскому.

9 января 1868.

Пану.

Ботанъ ⁴⁾ опять съ просьбой: онъ проситъ «Колок.» 66 года отъ 1 апрѣля и 15-го. Сверхъ того, пошлите «Колок.» 1 № франц. и русскій въ Bruxelles, M-g de Cramer, rue de Luxembourg, 7. За первый нумеръ я получилъ деньги, но г. этотъ проситъ ему выслать всѣ слѣдующіе.

Въ Марсели и Флоренці снѣгъ, а у насъ только сыро и вѣтры; кашель не проходитъ. Новаго ничего нѣтъ.

Нат. Ал. и Лиза кланяются.

Жду отъ васъ недѣльный рапортъ. Пршшлое письмо писано 2 янв.

Прощайте.

3229. Réponse à l'appel du centre républicain polonais aux russes.

Il y a quelque temps, nous avons reçu du Département polonais de l'Alliance républicaine universelle, une invitation fraternelle de former un Département russe dans l'Alliance républicaine européenne.

¹⁾ 1 января Шиффу поднесли мрачорный бюстъ работы Забѣлло, очень хорошо сдѣланный по заказу всѣхъ флорентинскихъ почитателей и друзей.
А. И. Г.

²⁾ Марія Николаевна, мать писателя П. А. Бибикова.

³⁾ Александръ Александровичъ.

⁴⁾ ?

Voilà ce que nous répondons à cette offre qui nous honore, que nous apprécions pleinement, mais que nous ne pouvons que décliner.

Chers citoyens,

Nous avons reçu votre appel. C'est bien d'avoir pensé à nous. Nous vous remercions et nous voulons vous dire toute notre pensée. Les réticences, les ménagements mutuels, les points indécis, les pensées sous-entendues ne nous vont pas. Les temps sont graves; chaque erreur peut lourdement tomber sur nos têtes.

Vous nous invitez à former, avec nos amis, un *Département russe* au giron de l'Alliance républicaine européenne.

Est-ce comme profession de foi que nous devons le faire, ou pour travailler en commun?

Quant à la profession de foi, nous sommes tout prêts à dire hautement, encore une fois, qui nous sommes. Oui, citoyens, nous sommes républicains et républicains conséquents—c'est-à-dire *socialistes*. Nous le sommes, nous l'avons été depuis le commencement de notre activité. C'est dans ce sens que nous avons fait toute notre propagande. Il n'y a pas un écrit, pas un acte de notre vie publique qui ne soit conforme à nos principes. Nous avons pu varier sur l'application, sur l'opportunité ou l'intempestivité, sur les formes ou les modes. Nous *n'avons jamais varié sur le fond*. Socialistes avant tout, nous sommes profondément convaincus que le développement social n'est possible qu'avec la plénitude de la liberté républicaine, qu'avec la plénitude de l'égalité démocratique. La République qui ne mènerait pas au socialisme nous paraît absurde; une transition qui se prendrait pour un but, un socialisme qui voudrait se passer de la liberté politique, de l'égalité du droit—dégènerait vite en communisme autoritaire.

Vous voyez donc que, par rapport à la profession de foi, il ne peut y avoir de doute.

Reste la coopération. C'est plus compliqué.

L'Alliance *universelle* est bien vaste—et nous craignons qu'un grand nombre de cadres ne restent vides ou n'aient une existence illusoire.

Prenons la seule partie de l'univers que nous connaissons le mieux. Quel travail républicain peut se faire actuellement en Europe, sinon un travail historique, rétrospectif? L'Europe continentale n'a rien à faire dans une association républicaine—sauf à la dissoudre comme illicite, comme dangereuse à ses tendances prononcées; il n'y a, en Europe, qu'une république qui existe sous l'égide d'un croisement des envies opposées—et qui se fait oublier par son effacement.

Et non-seulement il n'y a pas de républiques; mais il n'y a nulle

part en Europe de tendances républicaines—viables, constituant une force, une base d'espérance. Deux essais de république s'arrêtèrent au seuil du socialisme et rebroussèrent chemin. Depuis, les peuples ont d'autres préoccupations, qui les éloignent de tout ce qui est républicain—comme liberté de conscience, autonomie locale, fédéralisme, inviolabilité de l'individu.—Ce ne sont là que des anachronismes pour l'Europe, des réminiscences. Et, certes, dans un avenir *commensurable*—l'idée républicaine n'a aucune chance dans le vieux monde.

S'il y a un pays possédant quelques éléments républicains en Europe, c'est l'Angleterre. Et, convenez-en, c'est à elle qu'on pense le moins. L'Italie peut y être jetée par le joug étranger; mais cette fois il est soutenu par une armée bien plus dangereuse que l'armée autrichienne, et qui aurait bientôt raison des aspirations républicaines. Une grande nation monarchique et militaire comme la France, ne pourra jamais souffrir une république à ses frontières—qui ne soit pas Suisse.

Quant aux républicains—il y en a partout;—il y en a toujours eu depuis Athènes et Rome. Forts de leur foi, ils espèrent, comme les Israélites, reconstruire leur temple. Grands par la vérité de leur idéal, il nous réconcilient avec les temps durs que nous passons, consolent les âmes en deuil et... passent sans influence sur la marche des choses, même s'ils prennent une part active dans les événements. Ce n'est pas dans un sens républicain que se développe, par la pression des circonstances, le résultat de leur participation. Le plus grand républicain de notre temps se proposait une république à Rome—et a créé une vice-royauté à Florence.

Les républicains en Europe me font involontairement penser à leurs amis, à ces généreux *apôtres de la paix*, qui prêchent contre le fléau sanguinaire de la guerre, le lendemain d'une bataille et la veille de deux. C'est beau comme cri de conscience, comme protestation—mais ne cherchons pas de résultat pratique. Le problème théorique de la paix a été résolu depuis des siècles; il n'y a pas matière d'investigation et d'enquête;—ce qui manque, c'est la puissance de la réalisation, c'est la possibilité de l'application.

Hors du petit groupe de nos «Saints», comme Cromwell appelait ses républicains d'alors, regardez d'un bout à l'autre de l'Europe, de l'Irlande jusqu'à Cadix,—il n'y a pas un seul élément républicain qui ait de l'avenir. Reculant devant le socialisme, on est entré dans une toute autre voie et on a perdu la trace de la *Via sacra* de 1789. La France, revenant à sa nature militaire, il était de toute nécessité que tous les autres États de l'Europe devinssent aussi militaires. L'Allemagne s'est fondue en une caserne. De nécessité on a fait vertu. On

aime le pouvoir fort, on adore la gloire, on aime l'Etat menaçant, admire les splendeurs royales, les revués militaires—et on a une aversion prononcée de la simplicité démocratique, de l'austérité républicaine. Le sens politique s'est changé en un sens national. Le patriotisme borné et exclusif—c'est la seule passion politique qui ne se soit pas éteinte.

Rien ne réussit en histoire que ce qui va avec le courant et, chemin faisant, s'en empare. Or, le courant militaire et despotique de l'Europe domine;—il l'entraîne vers les agglomérations de races, vers l'absorption monarchique. Pour atteindre ce but, tout est sacrifié: le bien-être du peuple, les droits acquis, les libertés auxquelles on tenait. L'individu, pour l'autonomie souveraine duquel ont travaillé les révolutions, se fond et disparaît dans ces empires d'alluvions, entourés de baïonnettes. Donc la route est toute tracée.

Ce n'est pas contre le principe républicain que nous parlons. L'intelligence, la vérité, la moralité—sont évidemment du côté des républicains et des missionnaires de la paix. Mais ni la vérité, ni la moralité, encore moins l'intelligence, ne sont obligatoires et ne peuvent s'imposer par la violence; elles n'ont pas de titre à une acceptation forcée, à une prise de possession contre le gré des nations.

Nous avons construit et reconstruit la société humaine, nous avons voulu la recréer d'après la raison, à priori; c'était nécessaire comme émancipation du droit divin, de l'autorité transmondaine, imposant l'obéissance *d'en haut*. Une fois la souveraineté transportée du ciel dans la raison humaine,—il est de toute nécessité d'examiner plus attentivement ce que l'on veut *en bas*. Il y a un suffrage universel que l'on ne peut ni récuser ni falsifier. Il vote par les événements; son protocole, c'est l'histoire. Eh bien, ce vote est contraire aux républicains en Europe. Vote d'ignorance, vote de corruption, de décadence—nous admettons tout cela—mais toujours *vote contre nous*.

On tâche, non de s'émanciper, mais de s'agrandir, de s'emparer des frontières ethnographiques, de se souder, de s'armer, de s'affirmer comme force—envers le voisin, c'est-à-dire *l'ennemi*. La fraternité se réalise d'une manière étrange. On ne désarme pas Caïn massacrant, mais on donne une massue à Abel massacré,—de manière qu'il y aura toujours deux Caïns en face; et, à dire vrai, ce n'est pas un désavantage pour le pauvre Abel.

Tout le monde vit sur le qui-vive, tout le monde se met en état de défense; ce fait est trop général pour qu'il n'ait pas une cause générale. Il est évident qu'il y a danger permanent, qu'on s'attend à être attaqué, et on sacrifie tout pour se trouver en mesure.

— Est-ce par crainte de la république future?

— Vous ne le pensez pas.

— Est-ce sérieusement par crainte de la Russie?

— Nous ne le croyons pas. La Russie n'est puissante que lorsqu'elle se défend. Comment peut-elle menacer toute l'Europe?

— C'est donc par crainte mutuelle qu'on s'arme?

— Peut-être; mais avant tout par une nécessité impérieuse. On s'arme devant une armée—qui est toute prête à fondre, avec sa bravoure historique, avec son obéissance aveugle—sur chaque peuple qui se meut, sur chaque armée qui s'ébranle.

C'est en vue de la France armée que l'Allemagne se changea en colonie militaire, de colonie philosophique qu'elle était. Entre ces deux armées, nous ne voyons pas de place pour une république. On ne délibère pas sous les armes.

Or, pour, que cette tension militaire aboutisse au profit du progrès et de la liberté, il faut prêcher la guerre et non la paix. Nous l'eussions fait, si nous avions votre foi.

Nous ne l'avons pas—et nous pensons que la république, le socialisme sont de grands rêves... saints, transcendants, rêvés par une minorité prenant le devant, et léguant, abandonnée des siens, son idéal à ceux qui viendront après elle.

La république *se réalise* au delà de l'océan.

Les éléments socialistes, longtemps méconnus, enfouis, foulés aux pieds dans le monde slave, fermentent en Russie.

L'Amérique, forte, rude, puissante, énergique, persistante, sans ruines d'un passé qui encombreraient la route du présent, l'Amérique *fara da se*.—Laissons-la aux américains.

Le monde slave commence à sortir du brouillard; on ne voit que quelques points lumineux, quelques contours à peine marqués; tout est informé ou faible, hors les possibilités, les aptitudes. La récolte peut être grande, mais elle n'est pas garantie par la germination; il faut soigner la poussée si l'on veut moissonner.

Laissons donc les vénérables vieux à leur vénérable vieillesse, les forts à leur force, et, slaves nous-mêmes—consacrons nos efforts et nos labeurs aux germes de nos champs.

Florence, 29 novembre 1867.

Переводъ.

Отвѣтъ на призывъ польскаго республиканскаго центра къ русскимъ.

Нѣсколько времени тому назадъ мы получили отъ Польскаго отдѣленія Всемирнаго республиканскаго союза братское приглашеніе

образовать Русское отдѣленіе въ Европейскомъ республиканскомъ союзѣ.

Вотъ нашъ отвѣтъ на это почетное предложеніе, которое мы вполне цѣнимъ, но не можемъ не отклонить.

Дорогіе граждане!

Мы получили вашъ призывъ. Хорошо, что вы подумали о насъ. Мы благодаримъ васъ и хотимъ сказать вамъ свое мнѣніе полностью. Умолчанія, взаимная пощада, невыясненныя точки зрѣнія, подразумеваемая мысль,—все это не подходитъ намъ. Время теперь важное; каждая ошибка можетъ тяжело пасть на наши головы.

Вы приглашаете насъ образовать вмѣстѣ съ нашими друзьями *Русскій отдѣлъ* въ лонѣ Европейскаго республиканскаго союза.

Должны ли мы сдѣлать это, какъ выраженіе нашихъ убѣжденій, или ради совмѣстной работы?

Что касается провозглашенія нашихъ убѣжденій, то мы совершенно готовы еще разъ громко заявить, кто мы. Да, граждане, мы—республиканцы, и республиканцы послѣдовательные, т.-е. *соціалисты*. Мы остаемся ими, какъ и были ими съ самаго начала своей дѣятельности. Именно въ этомъ направленіи и шла вся наша пропаганда. Нѣтъ ни одной строки и ни одного шага въ нашей общественной дѣятельности, которые не соответствовали бы нашимъ принципамъ. Мы могли измѣнять свои взгляды на способы примѣненія, на своевременность или несвоевременность, на формы и образы дѣйствія, но мы *никогда не лгали основѣ*. Соціалисты прежде всего, мы глубоко убѣждены, что соціальное развитіе возможно только при полной республиканской свободѣ, при полномъ демократическомъ равенствѣ. Республика, которая не вела бы къ соціализму, кажется намъ нелѣпой; переходное состояніе, которое разсматривало бы себя, какъ цѣль,—соціализмъ, который хотѣлъ бы обойтись безъ политической свободы, безъ равноправія, быстро выродился бы въ самодержавный коммунизмъ.

Вы видите изъ этого, что въ отношеніи нашихъ взглядовъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Остается сотрудничество,—это болѣе сложно.

Всемирный союзъ весьма обширенъ, и мы боимся, какъ бы многіе кадры не остались пустыми или не влачили бы призрачное существованіе.

Возьмемъ ту единственную часть міра, которую мы знаемъ лучше всего. Какая республиканская работа можетъ производиться сейчасъ въ Европѣ, кромѣ работы исторической, ретроспективной? Континентальной Европѣ нечего дѣлать въ республиканскомъ

союзъ—развѣ, только разрушать этотъ союзъ, непозволительный и опасный для ея ясно выраженныхъ тенденцій; въ Европѣ есть только одна республика, которая существуетъ, благодаря скрещенію противоположныхъ желаній и которую забываютъ вслѣдствіе ея уединенія ¹⁾).

И не только нѣтъ республикъ, но нигдѣ въ Европѣ нѣтъ даже республиканскихъ стремленій—жизненныхъ, представляющихъ силу, дающихъ основаніе для надеждъ. Два республиканскихъ опыта остановились на порогѣ социализма и повернули обратно. Съ тѣхъ поръ у народовъ есть другія занятія, которая отдаляютъ ихъ отъ всего республиканскаго—свободы совѣсти, мѣстной автономіи, федерализма, неприкосновенности личности. Это—просто анахронизмы для Европы, воспоминанія. И конечно, въ *болѣе или менѣе близкомъ* будущемъ республиканская идея не можетъ имѣть никакого шанса на успѣхъ въ Старомъ свѣтѣ.

Если есть въ Европѣ страна, которая обладаетъ нѣкоторыми республиканскими элементами, то это—Англія. И, согласитесь, о ней-то думаютъ менѣе всего. ~~Италію можетъ принудить къ этому иностранное иго; но на этотъ разъ иго это поддерживается, гораздо болѣе опасной арміей, чѣмъ австрійская,—арміей, которая скоро расправится съ республиканскими вождельніями.~~ Столь крупное монархическое и военное государство, какъ Франція, никогда не потерпитъ республики на своей границѣ, если эта республика не... Швейцарія.

Что касается республиканцевъ, то они водятся повсюду—они всегда были со временъ Аѳинъ и Рима. Сильные своей вѣрой, они, какъ евреи, надѣются возстановить свой храмъ. Великіе—правдой своего идеала, они примиряютъ насъ съ тяжелыми временами, которыя мы переживаемъ, утѣшаютъ наши облеченныя въ трауръ души и... переходятъ безъ вліянія на ходъ вещей, даже если они принимаютъ дѣятельное участіе въ событіяхъ. ~~Результатъ ихъ участія развивается, подъ давленіемъ обстоятельствъ, совсѣмъ не въ республиканскомъ смыслѣ. Самый великій республиканецъ нашего времени ²⁾ намѣревался учредить республику въ Римѣ, а устроилъ вице-королевство во Флоренціи ³⁾.~~

Европейскіе республиканцы неволью заставляють меня думать объ ихъ друзьяхъ, благородныхъ *апостолахъ* мира, проповѣдующихъ противъ кроваваго бича войны на другой день послѣ сраженія

¹⁾ Швейцарская.

²⁾ Маццини.

³⁾ Какъ извѣстно, въ 1864 г. Флоренція была объявлена столицей и резиденціей перваго короля объединенной Италіи Виктора-Эммануила.

и наканунѣ двухъ сраженій. Это красиво, какъ крикъ совѣсти, какъ протестъ, но не будемъ отъ этого ждать практическаго результата. Въ теоріи проблема мира давнымъ давно разрѣшена— нѣтъ повода для изслѣдованія и справокъ; если чего нехватаетъ, то это силъ для выполненія, возможности примѣненія.

Исключивъ маленькую кучку нашихъ «святыхъ», какъ называлъ Кромвель прежнихъ республиканцевъ, взгляните на Европу изъ конца въ конецъ, отъ Ирландіи до Кадикса: нѣтъ ни единаго республиканскаго элемента, которому принадлежало бы будущее. Отступая передъ социализмомъ, они вступили совѣмъ на другой путь и потеряли слѣды священнаго пути 1789 г. Разъ Франція вернулась къ своей воинственной природѣ, остальные государства Европы тоже неизбѣжно должны были стать воинственными. Гѣрманія превратилась въ одну казарму. Изъ необходимости сдѣлали добродѣтель. Явилась любовь къ сильной власти, стали обожать славу, любить грозное государство, стали восхищаться царскимъ блескомъ, военными смотрами и чувствовать опредѣленное отвращеніе къ демократической простотѣ, къ республиканской суровости. Политическое направленіе смѣнилось націоналистическимъ. Ограниченный и исключительный патріотизмъ—единственная политическая страсть, которая не погасла.

Въ исторіи удается только то, что идетъ вмѣстѣ съ теченіемъ и по пути овладѣваетъ имъ. Поэтому господствуетъ воинственный и деспотическій потокъ Европы; онъ влечетъ ее къ слиянію расъ, къ монархическому поглощенію. Для достиженія этой цѣли все принесено въ жертву: благосостояніе народа, пріобрѣтенныя права, свобода, за которую такъ держались. Личность, для верховнаго владычества которой трудились революціи, растворяется и исчезаетъ въ этихъ наѣносныхъ имперіяхъ, окруженныхъ штыками. Такимъ образомъ, путь намѣченъ вполнѣ.

Мы говоримъ не противъ республиканскаго принципа. Разумъ, правда, нравственность, очевидно, на сторонѣ республиканцевъ и проповѣдниковъ мира. Но ни правда, ни нравственность, ни тѣмъ болѣе разумъ не обязательны и не могутъ утверждаться насиліемъ, у нихъ нѣтъ права на вынужденный пріемъ, на владѣніе противъ желанія націй.

Мы устроили и перестроили человѣческое общество, мы захотѣли пересоздать его на основѣ разума *a priori*; это было необходимо, какъ освобожденіе стъ божественнаго права, отъ потусторонней власти, предписывающей послушаніе *сверху*. Разъ владычество было перенесено съ неба на человѣческой разумъ, необходимо было болѣе внимательно изслѣдовать, чего хотятъ *внизу*.

Существуетъ всеобщая подача голосовъ, которой нельзя ни отвергнуть, ни поддѣлать. Она подаетъ голосъ событіями; ея протоколъ—исторія. И вотъ этотъ ея вотумъ направленъ противъ европейскихъ республиканцевъ. Голосъ невѣжества, продажности, упадка—мы допускаемъ все это, но, все-таки, *голосъ противъ насъ*.

Стараются не освободиться, а расшириться, овладѣть этнографическими границами, слиться, вооружиться, укрѣпиться въ качествѣ силы противъ сосѣда, т.-е. *врага*. *Братство* осуществляется страннымъ способомъ. Каина-убійцу не разоружаютъ, но даютъ дубину избитому Авелю, такъ что всегда будетъ два Каина, одинъ противъ другого; и, правду сказать, это довольно выгодно для бѣднаго Авеля.

Всѣ живутъ насторожѣ, всѣ чуются къ оборонѣ; это слишкомъ общее явленіе, чтобы оно не имѣло общей причины. Есть, очевидно, постоянная опасность, со стороны которой ждутъ нападенія, и все приносится въ жертву, чтобы быть наготовѣ.

— Не изъ страха ли передъ будущей республикой?

— Этого вы не думаете.

— Или это, дѣйствительно, изъ страха передъ Россіей?

— Этому мы не вѣримъ. Россія сильна только тогда, когда она защищается. Какъ можетъ она угрожать всей Европѣ?

— Значить, вооружаются вслѣдствіе взаимнаго страха?

— Можетъ быть, но прежде всего, вслѣдствіе повелительной необходимости. Вооружаются въ виду арміи, готовой броситься, со всей своей исторической доблестью и слѣпымъ повиновеніемъ, на каждый народъ, который бунтуетъ, на каждую армію, которая колеблется.

Именно въ виду вооруженной Франціи Германія превратилась изъ философской колоніи, какой она была прежде, въ колонію военную. Между этими двумя арміями мы не видимъ мѣста для республики. Подъ оружіемъ не размышляютъ.

Поэтому, для того чтобы это воинственное напряженіе разрѣшилось въ пользу прогресса и свободы, надо проповѣдывать войну, а не миръ. Мы дѣлали бы это, если бы держались вашей вѣры.

У насъ нѣтъ ея, и мы думаемъ, что республика, социализмъ, это—великія грезы, святая, высокія, приснившіяся меньшинству, которое идетъ впереди и, покинутое своими, завѣщаетъ свой идеаль *тѣмъ, кто придетъ послѣ него*.

Республика осуществляется по ту сторону океана.

Социалистическіе элементы, долго непризнанные, скрытые, погранные славянскимъ міромъ, бродятъ въ Россіи.

Америка, сильная, суровая, могучая, настойчивая, энергичная,

безъ развалинъ прошлаго, которыя преграждали бы дорогу настоящему, Америка постоитъ за себя. Оставимъ ее американцамъ.

Славянскій міръ начинаетъ выступать изъ тумана; видны еще только свѣтлыя точки, едва обозначенные контуры; все безформенно или слабо, кромѣ возможностей и способностей. Жатва можетъ быть обильной, но она не гарантирована прорастаніемъ; надо заботиться о росткѣ, если хотятъ собирать жатву.

Оставимъ же почтенныхъ старцевъ ихъ почтенной старости, сильныхъ—ихъ силѣ, а сами, какъ славяне, посвятимъ свои усилія и труды росткамъ нашихъ полей.

Флоренція, 29 ноября 1867. 1

◆◆ 1. Въ № 20 «Голоза» Н. Щербань написалъ изъ Парижа:

«Въ опредѣленный срокъ вышелъ и второй номеръ «Колокола» на французскомъ языкѣ. Изъ него мы узнаёмъ, во первыхъ, что въ Европѣ существуетъ «союзъ всеобщей республики» и во вторыхъ, что «польскій отдѣлъ» этого союза приглашаетъ и Герцена организовать въ немъ русскій департаментъ. Г. Герцену очень пріятенъ такой знакъ довѣрія со стороны его ржондовыхъ друзей, однакожь, онъ отказывается содѣйствовать имъ въ замышляемомъ начинаніи. Въ Европѣ, говоритъ онъ, вовсе не замѣчается республиканскихъ и социалистскихъ стремлений. И не только теперь ихъ нѣтъ, но и въ будущемъ не предвидится никакихъ элементовъ республиканской идеи, ни малѣйшаго шанса ея успѣха. Республика, социализмъ, прибавляетъ издатель «Колокола»—мечта! Никто не станетъ противъ этого спорить, и можно лишь радоваться, что г. Герценъ пришелъ, наконецъ, къ такому благоразумному заключенію».

Въ передовой статьѣ «Бирж. Вѣдомстей» сказано:

«Не новость, конечно, этотъ таинственный *всеобщій республиканскій союзъ*, въ члены котораго напрашиваются Герценъ и Огаревъ,—союзъ, существующій, кажется, не столько въ дѣйствительности, сколько въ идеѣ.... Неинтересны и воззрѣнія Герцена на Россію и славянскій міръ и непокидающая его, повидимому, вѣра въ то, что слово его не останется гласомъ вопіющаго въ пустынь. Въ самомъ дѣлѣ, что изъ того, что какой-нибудь аристократъ или богачъ, отъ нечего дѣлать или по капризу превратившійся въ социалиста, по тому же капризу и для послѣдовательности, не перестаетъ вести бумажную пропаганду своихъ утопическихъ идей? Pour chaque baron sa fantaisie.... (№ 119).

«Современныя Извѣстія» замѣтили, что «французскій языкъ русскихъ публицистовъ города Женевы превосходитъ своимъ ниже-

городствомъ даже языкъ женеvскихъ французовъ, давно знаменитый» (№ 100).

«Вѣсть» сочувственно отнеслась къ этому замѣчанію и добавила: «Впрочемъ, по увѣренію одного изъ заграничныхъ корреспондентовъ, возобновленіе «Колокола» есть не иное что, какъ трогательная жертва дружбѣ, будто бы, по словамъ самого г. Герцена. Г. Огаревъ страдаетъ болѣзнью бумагомаранія: ему необходимо видѣть себя въ печати, какъ необходимъ воздухъ,—и вотъ г. Герценъ опять сталъ издавать «Колоколь», который звонитъ все старое, но, устарѣвъ, надтреснувъ, и съ претензіей звонитъ по другому камертону, скученъ и нескладенъ, какъ никогда» (№ 44).

Еще раньше Н. Щербань писалъ: «Г. Герценъ, безспорно, остроумнѣйшій изъ всѣхъ современныхъ полемистовъ, одаренъ громаднымъ литературнымъ талантомъ, но онъ не имѣетъ ни малѣйшихъ политическихъ качествъ, ни капли политическаго смысла... Газета г. Герцена перестала ужъ и забавлять; любопытство и холодность замѣнились простымъ равнодушіемъ, когда она ухитрилась оскорбить національное чувство въ польскомъ вопросѣ» («Голось» 1868 г. № 10).

Е. Kattner въ статьѣ по поводу этого отвѣта, который онъ привелъ полностью, упрекалъ Герцена въ цѣломъ рядѣ противорѣчій, разгадку которыхъ видитъ въ утратѣ вліянія русскаго «Колокола» послѣ его вмѣшательства въ польскія дѣла и въ желаніи Герцена вернуть потерянное положеніе («Magazin fur die Literatur des Auslandes» 1868, №№ 16, 17).

2330. La loi générale et le général Potapoff.

Le général Potapoff, très-connu en Russie comme policier sous deux espèces: comme maître de la police officielle à Moscou et chef de la police secrète à Pétersbourg — a été nommé, pour récompense de ses services occultes et manifestes,—hetman des cosaques du Don. Il a inauguré dans le pays une méthode, parfaite et très-franche, de protéger en même temps la liberté des élections et les intérêts du gouvernement. Il a notifié aux Cosaques, réunis pour élire leur chef—qu'il leur facilitera d'une manière extraordinaire le choix des candidats. Après cette introduction, il tira de sa poche une liste toute faite, et ajouta que le ministre de l'intérieur l'avait déjà approuvée... On peut s'imaginer avec quel sentiment de reconnaissance les braves cosaques ont reçu celle nouvelle marque de la sollicitude maternelle du gouvernement. Le ministre grand-électeur s'appelle Valouieff.

Переводъ.

Общій законъ и генераль Поталовъ.

Генераль Поталовъ, хорошо извѣстный въ Россіи въ качествѣ двойного полицейскаго: какъ начальникъ явной полиціи въ Москвѣ и тайной полиціи въ Петербургѣ, назначенъ въ награду за свои явныя и тайныя заслуги атаманомъ донскихъ казаковъ. Онъ примѣнилъ въ этомъ краю превосходную и весьма откровенную методу покровительствовать одновременно свободѣ выборовъ и интересамъ правительства. Онъ объявилъ казакамъ, собравшимся для выборовъ начальника, что необыкновенно облегчить имъ выборъ кандидатовъ. Послѣ этого введенія онъ вынулъ изъ кармана готовый списокъ и прибавилъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ уже одобрилъ его... Можно себя представить, съ какой признательностью молодцы-казаки приняли это новое доказательство материнской заботливости правительства. Имя министра-избирателя—Валуевъ.

3231. Письмо къ С. Тхоржевскому.

18 января (1868), суббота. Послѣ обѣда.

Передайте Огар. статью для поправки и набора.

Письмо ваше отъ 16 получилъ вчера вечеромъ. Жду Волод. Жаль, если погода переменится; дней пять у насъ чудо: совершенно лѣтомъ (только ночи свѣжи) и солнце. Бот ¹⁾, былъ боленъ, я его совсѣмъ не вижу. Не давайте моего адреса раскольнику.

Жду и вашего мнѣнія о дѣлахъ Чернецкаго.

Полина Левицкая сдѣлалась пѣвицей, поетъ въ концертахъ и поступаетъ въ оперу. Петруша ²⁾ завелъ огромную фотографію въ Петербургѣ, а Левицкій, говорятъ, разоряется. Это—последніе слухи изъ Россіи.

Прощайте.

3232. Письмо къ С. Тхоржевскому.

21 января (1868), вторникъ.

«Колоколь» пришелъ въ субботу вечеромъ; воскресенье у Visconti заперто; въ понедѣльникъ къ обѣду было куплено *все*.

¹⁾ Ботанъ.

²⁾ Захарьинъ.

Visconti прислалъ ко мнѣ, и все, что у меня было 1-го и 2-го №, я ему послалъ, и это куплено. Статья моя сильно ударила въ цѣль (отвѣтъ пол. 1)), а потому Visconti просить сейчасъ прислать ему 1-го и 2-го «Кол.» съ приб. столько, сколько вы послали, а 3 и слѣд. посылать ровно въ двойномъ числѣ. Вотъ вамъ на радость.

А вотъ на горестъ. Устиновъ 2) пріѣхалъ (еще ничего не отдалъ), но я очень ими недоволенъ. Я думалъ, что Володимірова 3) проѣдетъ по Флоренціи, какъ по Ниццѣ, и полагалъ, что она больна, предложилъ остановиться у нашихъ, а она хочетъ такъ просто у нихъ поселиться до переѣзда сестры—когда?—Уст. не знаетъ. Къ тому же она здорова и въ полнѣйшемъ православіи и реакціи. Я постараюсь задержать ее здѣсь (она остановилась у бывшаго жандармскаго полковника Бека). Для нашихъ во Флоренціи это будетъ ударъ. На нѣсколько дней Саша могъ переѣхать, а если это на три мѣсяца?... Это — чисто русская помѣщичья черта. Покажите это письмо Огар, чтобы и онъ опять своихъ поругалъ.

Послали ли вы «Колоколь» Тургеневу?

Посылаете ли вы D-r Coste въ Montpellier, 4, Rue de l'ancien Courrier?

Марья Каспаровна просить ей писать въ *Mattenheim*, а не въ *Mattenhof*.

Жду письма о дѣлѣ Чернецкаго, о полученіи чека и о высылкѣ «Колокола». Всѣ газеты молчатъ, кромѣ «Liberté»; неужели Э. Жирарденъ отлилъ пулю?

Пришлите корректуру моихъ статей въ видѣ письма.

Не можете ли вы выписать изъ моего письма, которое я писалъ о Володиміровой, насчетъ Флоренціи? Не можетъ быть, чтобы я предложилъ жить цѣлую зиму или, по крайней мѣрѣ, три мѣсяца. Мнѣ это нужно, чтобы знать степень вины моей и отвѣтственности. Со мной послѣ Россіи ничего подобнаго не случилось.

Отъ Боткина получилъ за Крыл. 4) годовую подписку въ *Bruxelles*.

Съ Устиновымъ объяснился и сказалъ, что они могутъ пріѣхать, но не оставаться. Вы объ этомъ не говорите. Волод. боится насъ.

1) № 3229.

2) Помѣщикъ, женатъ на старшей сестрѣ Е. Володиміровой.

3) Екатерина.

4) Викторъ Александровичъ Крыловъ, извѣстный драматургъ, женатъ на сестрѣ С. П. Боткина.

3233. Sommes-nous pour la guerre?

«L'allemand et le français savent que chacun d'eux désire la paix;—les voisins de la Russie peuvent-ils en dire autant des russes?» demande M. Gustave Vogt dans une des feuilles des «*Etats-Unis de l'Europe*», et continue: «A en juger par Haxthausen, on a bien le droit d'attendre d'eux que le premier usage qu'ils feraient de leur liberté, si on leur enlevait le tzar, serait de le rétablir sur le trône et de le revêtir de son ancien pouvoir absolu.»

Nous avouons que la question n'est pas tout à fait claire pour nous.—Sur quoi doivent donc répondre les voisins de la Russie? Sur le mal chronique du tzarisme ou sur les passions belliqueuses du peuple russe? Dans l'embarras du choix, nous tâcherons de répondre aux deux questions posées à nos voisins.

Le baron westphalien était ultramontain et ultramonarchique; il trouvait le défunt roi de Prusse trop libéral et était touché de l'autocratie de Nicolas. Cela explique très-bien de quel côté devait pencher, dans le cas donné, sa balance si juste, si admirable lorsqu'il s'agissait des questions agraires et communales. Pourtant, il l'a dit non comme prophète, mais comme un homme qui faisait une induction historique. Les annales de l'Occident ne lui donnaient pas d'autres exemples. Ici un Stuart incapable, déloyal, traître à sa parole, traître à sa patrie, venait triomphalement remplacer le grand homme. Là, on décapitait un roi pour couronner un empereur. N'a-t-il pas vu, la veille de la chute de Napoléon, Paris acclamer Louis XVIII, et Louis-Philippe, roi citoyen, prendre le lit tout chaud du roi chasseur et chassé? N'a-t-il pas vu enfin, après 1848, cette fièvre ardente de soumission, d'obéissance, cette abdication passionnée de tous les droits, de toutes les libertés, pourvu que l'on ait un pouvoir fort, illimité.

Il n'y a donc rien d'étonnant que le peuple russe, moins développé politiquement, soit aussi maniaque du tzarisme que les autres peuples de l'Europe, à l'exception de la Suisse.

La cause de ce désir d'une tutelle, d'un maître, a sa raison d'être assez compliquée. D'un côté, les masses prolétaires ne tiennent pas à des formes gouvernementales qui ne leur donnent rien pour alléger leurs maux. De l'autre, les gens aisés ne tiennent pas à la liberté, croyant leur *Avoir* menacé, et cherchant dans un pouvoir absolu le protecteur de leurs intérêts.

La révolution anglaise donna immensément de nourriture spirituelle, la plus grande liberté de prêcher. Quant à la nourriture matérielle, elle ne s'en soucia pas.

La révolution française commença par la proclamation solennelle des droits de l'homme, et finit par le cri lugubre de Prairial: «Du pain! du pain!», Lorsque le peuple a vu qu'il ne l'aurait pas de la Convention, le trône était rétabli.

Or, voilà notre pauvre avantage de retardataires, avantage prosaïque, presque culinaire. Notre révolution commence *par le pain*, par l'impossibilité d'un prolétariat. Une fois notre pain (la terre) mis à l'abri de toute éventualité, nous passerons aux autres questions.

Quant à la guerre, nous sommes sûrs que le peuple russe n'y pense pas, et qu'il ne désire que la paix et le travail. Il est plus que probable que son désir restera stérile, comme le désir du français et de l'allemand, cité par l'auteur. La guerre en Europe sera le signal d'une guerre en Orient. La question de l'Orient, cette longue, interminable grossesse sans accouchement, sera enfin résolue de manière ou d'autre.

Dans ce dernier acte de *l'Ours et le Pacha*, nous autres nous resterons spectateurs, mais nous n'embrasserons nullement la cause de l'islamisme. Quel intérêt sérieux peut nous posséder à soutenir cet anachronisme oriental en Europe? Un état qui se repose sur des contre-forces et soutiens venant du dehors, n'a pas de vitalité. Les trônes entretenus, comme les femmes dans la même position, n'ont pas de véritable stabilité sociale, et leur avenir est très problématique. Pape ou sultan, cela ne change rien à la chose... Ils ont toujours à craindre quelque hospice pour leur dernier refuge.

Переводъ.

За войну ли мы?

«Нѣмецъ и французъ знаютъ, что каждый изъ нихъ жаждетъ мира; могутъ ли сосѣди русскихъ сказать о нихъ то же самое?», спрашиваетъ г. Густавъ Фогтъ въ одномъ изъ номеровъ «*Etats-Unis de l'Europe*» и продолжаетъ: «Если судить во Гакстаузену, то можно думать, что первое употребленіе, которое они сдѣлали ли бы изъ своей свободы, если бы у нихъ отняли царя, было бы— снова посадить его на тронъ и облечь прежней неограниченной властью».

Мы признаемъ, что вопросъ не совсѣмъ ясенъ для насъ. По какому вопросу должны дать отвѣтъ сосѣди Россіи? По вопросу ли хроническаго зла — царизма, или по вопросу о воинственныхъ наклонностяхъ русскаго народа? Затрудняясь въ выборѣ, мы стараемся отвѣтить на оба вопроса, поставленные нашимъ сосѣдямъ.

Вестфальскій баронъ ¹⁾ былъ ультрамонтанъ и ультра-монархистъ; покойнаго прусскаго короля онъ находилъ слишкомъ либеральнымъ и былъ *тронутъ* самовластьемъ Николая. Это прекрасно объясняетъ, въ какую сторону долженъ былъ въ данномъ случаѣ склониться его умъ, столь удивительно справедливый, когда дѣло идетъ о землѣ и объ общинѣ. Однако, онъ сказалъ это не какъ пророкъ, а какъ человѣкъ, сдѣлавшій историческій выводъ. Западныя хроники не давали ему другихъ примѣровъ. Здѣсь—неспособный незаконный Стюартъ ²⁾, измѣнникъ своему слову и отечеству, становился съ торжествомъ на мѣсто великаго человѣка ³⁾. Тамъ казнили короля, чтобы короновать императора. Развѣ не былъ онъ свидѣтелемъ того, какъ *наканунъ* паденія Наполеона Парижъ привѣтствовалъ Людовика XVIII, и Луи-Филиппъ, король-гражданинъ, ложился въ постель, еще не остывшую послѣ изгнаннаго короля-охотника ⁴⁾? Развѣ не былъ онъ, наконецъ, свидѣтелемъ, послѣ 1848, пылкой горячки подчиненія, покорности, страстнаго отреченія отъ всѣхъ правъ, всѣхъ свободъ лишь бы имѣть сильную, неограниченную власть?

Нѣтъ ничего удивительнаго, что русскій народъ, политически менѣе развитой, такъ же помѣшанъ на царизмѣ, какъ и другіе народы Европы, за исключеніемъ Швейцаріи.

Причины этой жажды имѣтъ опеку господина довольно сложныя. Съ одной стороны, пролетарскія массы не держатся за формы правленія, не облегчающія ихъ положенія; съ другой—люди обезпеченные не стремятся къ свободѣ, боясь, что она грозитъ ихъ *собственности* и ища въ неограниченной власти покровителя своихъ интересовъ.

Англійская революція дала безконечно много духовнаго питанія, наибольшую свободу проповѣди. Что касается матеріальнаго питанія она не позаботилась о немъ.

Французская революція началась торжественнымъ провозглашеніемъ правъ человѣка, а кончила мрачнымъ крикомъ преріала ⁵⁾: «Хлѣба! хлѣба!». Когда народъ увидѣлъ, что конвентъ не дастъ его, тронъ былъ возстановленъ.

¹⁾ Гакстаузенъ.

²⁾ Карлъ II, король Великобританіи и Ирландіи съ 1660 г.

³⁾ Оливеръ Кромвель, протекторъ республикъ Англии, Шотландіи и Ирландіи.

⁴⁾ Въ подлинникѣ игра словъ: *chasseur*—охотникъ, *chasser*—изгонять.

⁵⁾ Весенній, десятый мѣсяцъ установленнаго конвентомъ республиканскаго календаря, обнимающій время съ 20-го мая по 18-е іюня; Герцень имѣетъ въ виду возстаніе 1-го преріала.

И вотъ наше жалкое преимущество запоздалыхъ,—преимущество прозаическое, почти кулинарное. Наша революція начинается *съ хлѣба*, съ невозможности существованія пролетаріата. Какъ только нашъ хлѣбъ (земля) будетъ защищенъ отъ всякихъ случайностей, мы перейдемъ къ другимъ вопросамъ.

Что касается войны, то мы увѣрены, что русской народъ не думаетъ о ней и жаждетъ только мира и труда. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что его желаніе останется столь же бесплоднымъ, какъ желаніе французовъ и нѣмцевъ, указанное авторомъ. Война въ Европѣ будетъ сигналомъ для войны на Востокѣ. Восточный вопросъ, эта долгая, безконечная беременность безъ родовъ, будетъ, наконецъ, такъ или иначе разрѣшенъ.

Въ этомъ послѣднемъ дѣйствии *«Медвѣдя и Паши»*¹⁾ мы останемся зрителями, но никоимъ образомъ не примемъ подъ свою защиту исламизма. Какой серьезный интересъ можетъ побудить насъ поддерживать этотъ восточный анахронизмъ въ Европѣ? Государство, которое покоится на противоположныхъ силахъ и на идущихъ извнѣ поддержкахъ, не можетъ быть живучимъ. Троны, находящіеся на содержаніи, какъ и женщины въ этомъ положеніи, не имѣютъ настоящей соціальной устойчивости, и будущее ихъ весьма проблематично. Папа или султанъ, — это не мѣняетъ дѣла... Имъ всегда приходится бояться, что богадѣльня будетъ ихъ послѣднимъ убѣжищемъ. ¹

◆◆ 1. Приведу статью Г. Фогта «Русская демократія» почти полностью.

«Опять сталъ выходить «Колоколь», органъ русскихъ демократовъ; сейчасъ у насъ въ рукахъ его первый номеръ, отпечатанный въ Женевѣ и подписанный Александромъ Герценомъ и Николаемъ Огаревымъ. Всѣмъ извѣстно, какое значеніе приобрѣлъ въ Россіи этотъ органъ, руководимый этими двумя выдающимися людьми. Несмотря на всѣ мѣры предосторожности, принимаемая императорской полиціей, разоблаченія русскихъ порядковъ доходили до «Колокола»; а его номера проникали черезъ границу и въ гостиныя министровъ и въ царскій дворецъ. «Колоколь» Герцена провозглашалъ во весь голосъ то, о чемъ шептали на ухо другъ другу въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Состоя въ непрерывныхъ сношеніяхъ со всѣми тѣми, кто въ Западной Европѣ работалъ надъ освобожденіемъ духа, «Колоколь» собралъ вокругъ себя, даже

¹⁾ То-есть, Россіи и Турціи.

внутри имперіи, большое число лицъ выдающихся, вѣрныхъ и преданныхъ сторонниковъ демократіи, которые имѣли огромное вліяніе на практическое разрѣшеніе вопросовъ, бывшихъ тогда на очереди въ Россіи.

«Какъ же могло случиться, что этотъ органъ такого прекраснаго направленія, въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ какъ будто утратилъ свое вліяніе, а число его приверженцевъ уменьшается съ каждымъ днемъ? Если мы правильно освѣдомлены, то причина этого явленія заслуживаетъ похвалы. «Колоколь» осмѣлился принять сторону Польши; еще больше: онъ сдѣлалъ это тогда, когда въ общественномъ мнѣніи Россіи произошелъ поворотъ, когда всѣ, народъ и официальный міръ, были страшно возбуждены противъ несчастной Польши. Катковъ, передававшій въ жестокой формѣ это озлобленіе на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей», сталъ тогда популярнѣе, чѣмъ Герценъ.

«Въ первой же статьѣ новаго «Колокола» Герценъ объясняетъ, по какимъ причинамъ онъ уклонился отъ участія въ женевскомъ конгрессѣ.

«...По нашему мнѣнію, враждебныя чувства не достигли тѣхъ размѣровъ, на которые указываетъ Герценъ. Ненавидѣли Россію, т.-е. Россію, воплощенную въ царѣ Николаѣ, пока боялись ея, но сейчасъ народы Западной Европы вполне убѣждены, что Россія не помѣшаетъ имъ свободно идти по ихъ собственному пути. Даже больше: оставивъ въ сторонѣ это соображеніе, не должны ли мы принять во вниманіе «смягчающія обстоятельства» и учесть вліяніе провокаціи, хотя мы и вынесли недавно суровый приговоръ самому русскому народу?»

«...Не одно правительство должно нести отвѣтственность за жестокости, которыя имѣли мѣсто въ Польшѣ; нѣтъ, она падаетъ также на русскій народъ, и даже большей частью на него, если правда, что общественное мнѣніе заставило русское правительство выйти изъ состоянія нерѣшительности. Пусть же не вмѣняютъ намъ въ вину, если мы, не можемъ смотрѣть на русскій народъ, который малѣйшая случайность можетъ толкнуть на подобныя экцессы дикаго варварства, тѣми же глазами, которыми народы Западной Европы привыкли смотрѣть другъ на друга, и если мы пожелаемъ ему немного больше нашей западной цивилизаціи.

«Нѣмецъ и французъ знаютъ, что каждый изъ нихъ желаетъ сохраненія мира, и что если они не могутъ этого добиться, то вина не въ народахъ, а въ тщеславной жадности ихъ правительствъ. Могутъ ли сосѣди сказать то же самое о русскихъ? Если судить по картинѣ, данной намъ очень талантливымъ наблюдателемъ Гакст-

гаузеномъ, надо скорѣ всего ожидать, что первое, на что русскіе употребили бы свою свободу, если бы у нихъ отняли царя и дали бы имъ право распоряжаться самими собою, было бы восстановление его на престолѣ и врученіе ему прежней самодержавной власти.

«Г. Герценъ, пожалуй, ошибается, если думаетъ, что Европа не знаетъ Россіи и не желаетъ дать себѣ трудъ узнать ее, ту Россію, которую передъ образованными русскими разоблачилъ впервые нѣмецъ Гакстгаузенъ. Не невѣжество Европы, а кровь Польши отвратила наши взоры отъ Сѣвернаго Колосса, душащаго братьевъ въ своихъ смертельныхъ объятіяхъ. Говоря такимъ образомъ, мы только констатируемъ фактъ, на который смотримъ, какъ на принадлежащій прошлому и на который желали бы набросить покровъ забвенія. Но намъ важно, чтобы между русскимъ народомъ и европейскими націями не было воздвигнуто стѣны, которая сдѣлала бы невозможными согласіе и братство между восточной и западной демократіями. Что касается русскаго нашествія, которымъ намъ угрожаетъ «Колоколъ», то мы его охотно принимаемъ.

«...Это объявленіе войны нашей западной цивилизаціи, сдѣланное во имя идеи, провозглашающее рѣшеніе вопроса не оружіемъ, а умомъ, напоминающее, что всѣ разумные люди должны склонить свою волю передъ признанною истиною, это объявленіе войны мы охотно принимаемъ.

«Но мы вѣримъ во вдохновеніе и въ даръ пророчества не больше, чѣмъ независимые умы, давшіе жизнь «Колоколу». Поэтому прежде, чѣмъ сложить оружіе, прежде чѣмъ послѣдовать, вѣрующими и убѣжденными, по тому пути, который намъ указываетъ «Колоколъ», мы позволимъ себѣ въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ проанализировать программу, съ которою русская демократія вступаетъ въ наше общество» («Etats-Unis de l'Europe» 1868 г., 12 января).

3234. Les feuilles de vigne du «Nord» et les branches de bouleau de l'administration russe.

Les paysans d'un village appartenant à un certain baron Medem, refusèrent comme illégale une partie du travail exigé par l'intendant. Les injonctions de l'autorité locale ne les firent pas changer d'opinion. De là, répression *militaire* et un procès dans lequel on a enveloppé *cinquante-quatre* paysans sous l'inculpation de *révolte*. Le

procureur concluait aux travaux forcés et à la Sibérie. Mais grâce aux défenseurs des paysans, prince Ourousoff (avocat célèbre de Moscou) et Solovieff, le jury *acquitta* tout le monde (sauf un seul qui a été condamné à 10 roub. d'amende). «Le Nord» du 15 janvier, après avoir raconté toute l'histoire, termine par une scène sentimentale et touchante: «Les paysans agenouillés, chantant, les larmes aux yeux, un *Te Deum* pour le tzar libérateur», etc., etc. Tout cela est très-beau, mais Le Nord a, par un sentiment très-compréhensible de pudeur, *omis* un petit détail caractéristique que nos journaux russes, moins pudiques, ont imprimé en toutes lettres (Ex. gr. «le Golos», n° 355): «*Le gouverneur de Riazan* (sur le refus des paysans d'obtempérer aux ordres de la police) *introduisit lui-même les troupes dans le village et commença l'exécution...*»—*Exécution* veut dire dans la langue de la jurisprudence de Pétersbourg, *faire passer par les verges* tous les récalcitrants, et c'est tellement vrai, que le correspondant du «Golos» continue: *Passés par les verges* (сѣченные), les paysans ne tinrent plus, etc.

Or, dans un procès, qui a été terminé par l'*acquittement* des accusés, il y avait eu antérieurement à toute enquête une punition féroce et arbitraire, ordonnée par un gouverneur civil et exécutée par l'*autorité* militaire. Dans ce fait, tout est ignoble, infâme, jusqu'au rôle qu'on inflige aux soldats-rosseurs.

Et dire que les punitions corporelles sont abolies, qu'il faut nécessairement être *innocent* ou non-condamné pour avoir le droit de subir une correction policière par des branches de bouleau.

Mais aussi est-ce que nous ne voyons pas des hommes fusillés d'un bout de la Russie jusqu'à l'autre? Des hommes qui n'ont rien de militaire, condamnés à cette peine *par des conseils de guerre*, comme si chaque scélérat devenait *eo ipso* militaire. Et pourquoi?—C'est que le tribunal ordinaire ne peut condamner à mort.

Pauvre malheureux peuple! — Et il remercie encore «les larmes aux yeux» pour l'*acquittement*.

P. S. Nous prions nos confrères de reproduire cet article. Nos sauvages ont une sainte frayeur de paraître sans masque devant l'opinion publique en Europe.

Переводъ.

Фиговые листы „Le Nord“ и березовые прутья русской администрации.

Крестьяне одной деревни, принадлежащей нѣкому барону Медемъ, отказались исполнять работу, которую незаконно требовалъ отъ нихъ управляющій. Приказаніе мѣстной власти не поко-

лебали ихъ убѣжденія. Послѣдовало *военное* подавленіе и процессъ, въ который впутали 54 крестьянина, обвиняя ихъ въ *бунтъ*. Прокуроръ предлагалъ каторжныя работы и Сибирь. Но, благодаря защитникамъ крестьянъ—князю Урусову (знаменитый московскій адвокатъ) и Соловьеву, судъ *оправдалъ* всѣхъ (за исключеніемъ одного, который былъ приговоренъ къ 10 руб. штрафа). «Le Nord» отъ 15 января, рассказавъ всю эту исторію, кончаетъ сентиментальной и трогательной сценой: «Колѣнопреклоненные крестьяне поютъ, со слезами на глазахъ, благодарственный молебенъ за царя-освободителя» и пр., и пр. Все это прекрасно, но «Le Nord», по весьма понятному чувству стыда, *пропустилъ* маленькую, но характерную подробность, которую наши русскія газеты, менѣе стыдливыя, напечатали полностью («Голось», № 335): «*Рязанскій губернаторъ*¹⁾ (послѣ отказа крестьянъ подчиниться приказаніямъ полиціи) *ввелъ самъ войска въ деревню и началъ экзекуцію...*» *Экзекуція*, на юридическомъ языкѣ Петербурга, значитъ *пропустить сквозь розги всѣхъ упрямецевъ*; это настолько несомнѣнно, что корреспондентъ «Голоса» продолжаетъ: «*стѣнные* крестьяне болѣе не *сопротивлялись, и т. д.*».

Итакъ, въ процессѣ, который кончился *оправданіемъ* обвиняемыхъ, еще до слѣдствія было опредѣлено гражданскимъ губернаторомъ дикое и произвольное наказаніе, приведенное въ исполненіе военной властью. Все въ этомъ дѣлѣ позорно, постыдно — вплоть до роли, которую навязали солдатамъ-экзекуторамъ.

И послѣ этого говорить, что тѣлесныя наказанія уничтожены, что нужно быть непременно или *невиннымъ* или не осужденнымъ, чтобы имѣть право подвергнуться полицейскому наказанію безоружными прутьями!

И развѣ мы не видимъ разстрѣловъ отъ одного края Россіи до другого? Развѣ не видимъ людей, не имѣющихъ въ себѣ ничего *военнаго*, и приговоренныхъ, однако, къ этому наказанію *военнымъ судомъ*, какъ будто, каждый преступникъ есть *eo ipso* военный. А почему? Потому что обыкновенный судъ не можетъ приговорить къ смерти.

Бѣдный, несчастный народъ! И онъ благодарить еще «со слезами на глазахъ» за оправданіе.

Р. С. Мы просимъ своихъ собратій перепечатать эту статью. Наши дикари боятся появленія безъ масокъ передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы.

¹⁾ Николай Аркадьевичъ Болдаревъ.

3235. [Примѣчаніе] ¹⁾.

Помѣщая эти статьи, мы не можемъ не замѣтить, что авторъ слишкомъ много занимается Катковымъ. Пора его забывать.

3236. Письмо къ С. Тхоржевскому.

3 февраля (1868), понедѣльникъ.

Любезнѣйшій Тхоржевскій, въ слѣдующемъ письмѣ пришлю письмо въ банкъ и Ротшильду. Всѣ условія остаются *безъ перемѣны*, какъ были въ письмѣ Чернец. и Огареву. Когда вамъ нужно деньги за бумагу, я пришлю, а не то вы ихъ можете теперь взять у Георга и другихъ,—какъ вы найдете удобнѣе.

Статьи посылаю, но прошу общими силами найти француза для поправки; всего лучше, если-бъ онъ поправилъ съ Огар. вмѣстѣ. Пришлите двѣ корректуры ея (одну въ письмѣ, одну *sous bande*). Французу можно заплатить, ну, 10 фр. (по франку за страницу). Объ немъ напишите. (*Секретно*. «Колок». можетъ опоздать три дня, даже пять,—я предупрежденъ).

Имѣю письмо отъ Громора. Онъ подрядился въ библиотечку *chemin de fer* ²⁾ издать нѣсколько томиковъ переводовъ съ русскаго, это очень полезно. Я ему рекомендовалъ «Дѣтство» Толстого, «Героя нашего времени», «Мертвый домъ». Онъ издаетъ «Кто виноватъ?» и «Прерванные рассказы»; скажите объ этомъ Огар.

Да печатайте же жалобу на «Голосъ»! Вѣдь, это — кража. Пишите такъ: «не получено отъ... «до»... Да это и «*Journal de Genève*» напечатаетъ.

Рукопись предварительно отдайте Огареву. А что же отрывки изъ Бакунина?

Висконти продаетъ страшно: опять почти все продалъ. Какъ у васъ? Плохо, если во Францію не будутъ пускать.

Прощайте.

Скажите Огар., что Бисмаркъ давалъ большой обѣдъ для дипломатовъ и пословъ, на который былъ приглашенъ генераль Шурцъ ³⁾. Вотъ какъ времена мѣняются.

¹⁾ Къ статьѣ «Измѣнника»: «Измѣнникъ Россіи».

²⁾ Желѣзно-дорожная.

³⁾ Карль.

3237. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

3 février 1868.

C'était au moment où vous m'écriviez votre lettre.. «Tempora mutantur».. et nous sommes les seuls, qui ne dinent pas.

Eh bien si j'ai oublié les 40 frs. je les ajouterai. Quand faut il envoyer la seconde partie?

Vous et Tata—vous serez bientôt maîtres passés en diplomatie—j'ai beau lire, relire votre lettre et la lettre de Tata—il m'est impossible de comprendre si la belle Tartare—est chez vous dans vos appartements et Alex. expulsé, ou si elle est en pension?

Si elle est chez vous—je vous prie de s'expliquer avec elle, et si vous voulez en mon nom. J'insiste qu'elle ne reste pas plus d'une quinzaine. Aidez moi. Si elle est dans une pension—«c'est un autre дѣло»—comme disait un vieux sénateur russe—cela dépasse ma juridiction.

J'ai la lèvre enflée, je tousse—pourtant c'est étrange, ce sont les meilleurs climats—et remarquez qu'en Angleterre même—je n'ai jamais souffert des hivers entiers comme en 1866—67—et cet hiver. Depuis Septembre—c'est abominable.

Pour donner «tanto poco», de gaîté aux couleurs sombres du «Kolokol» j'ai écrit un petit article qui vous fera rire jusqu'aux larmes—sous le titre «Les fleurs doubles et les fleurs de Minerve»—je crois que cela paraîtra le 15 Fev. ou peut être le 1 Mai. Lisez cela avec M-me Schiff. Dans le N. du 1 F. il y a une petite réponse à Gus. Vogt.

Et l'article de Domengé

in articulo mortis?

Pour les leçons d'anglais—je n'en sais rien. Je laisse cela à vous—certainement qq. leçons russes seraient mieux placés.

Lise va bien—fleurissante de santé. Elle est plus calme qu'elle n'a été. Il me semble que Tata ne s'est pas bien prise avec elle.

Переводъ.

3 февраля 1868.

Это было въ тотъ моментъ, когда вы писали мнѣ.. Времена мѣняются.. и только мы съ вами не обѣдаемъ.

Если я забылъ о 40 фр., я пришлю ихъ послѣдствіи. Когда надо послать вторую часть?

Вы съ Татой въ скоромъ времени заткнете за поясъ всѣхъ дипломатовъ: я читалъ и перечитывалъ ваше и ея письмо, и, все-

таки, не могъ понять, въ вашей ли квартирѣ поселилась прекрасная татарка ¹⁾, причемъ Алекс. былъ изгнанъ, или она живетъ въ пансіонѣ?

Если она у васъ, то, прошу васъ, объяснитесь съ нею, если желаете, отъ моего имени. Я настаиваю, чтобы она оставалась у васъ не долѣе двухъ недѣль. Помогите мнѣ, пожалуйста. Если она въ пансіонѣ, это другое дѣло, это превосходитъ мою юрисдикцію.

У меня распухла губа, я кашляю,—и, все-таки, это странно, вѣдь, это въ лучшемъ климатѣ. А въ Англии, замѣьте, я никогда не страдалъ сплошь цѣлую зиму, какъ 1866—67 г. и въ настоящую. Начиная съ сентября здѣсь отвратительно.

Чтобы придать немного веселости мрачнымъ краскамъ «Колокола», я написалъ статейку, которая заставитъ васъ хохотать до слезъ. Статья эта озаглавлена: «Махровые цвѣты и цвѣты Минервы»—думаю, что она пойдетъ въ номеръ отъ 15 февраля, а, можетъ быть, 1 мая. Прочтите ее вмѣстѣ съ m-me Schiff. Въ № отъ 1 февраля помѣщенъ краткій отвѣтъ Густ. Фогту.

И статья Доманже
in articulo mortis? ²⁾

Что касается уроковъ англійскаго языка, то я ничего не знаю. Предоставляю это вамъ; конечно, нѣсколько уроковъ русскаго языка были бы умѣстнѣе.

Лиза цвѣтетъ. Она спокойнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Мнѣ кажется, что Тата не знала, какъ взяться за нее.

3238. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

(3 февраля 1868). Lundi, après diner.
Café Victoria, place Masséna.

Enfin j'ai arrangé autant que j'ai pu. J'ai dit à Oustinoff que c'est impossible de rester chez vous, et que c'est un mésentendu. Il prie de recevoir cette dame seulement au commencement et chercher une pension. Soyez très affable et très ferme.

Ici M-elle Wolod. nous craint comme le feu. Oust. est meilleur.

Or le tout dépend maintenant de votre habileté collective. J'ai fait le mien ³⁾.

¹⁾ Е. Володимірова.

²⁾ Въ самый моментъ смерти (см. ком. Теренція «Adelphi»).

Понедѣльникъ, послѣ обѣда.

³⁾ Наконецъ, я уладилъ дѣло настолько, насколько могъ. Я сказалъ Усти-

Татѣ рекоментую особенно осторожность, а то жизнь ваша будетъ испорчена.

Засимъ всѣмъ
поцѣлуй.

3239. Письмо къ Ж. Мишле. ¹

3 février 1868.

Nice (Alp. Mar.), 27, Promenade des Anglais.

Cher et très cher monsieur,

Nous sommes voisins sans le savoir et je reçois votre bonne lettre d'Hyères à Nice—par Florence. Hyères est un endroit *lugubre* pour moi. C'est entre Hyères et la petite île qu'a perit ma mère, mon fils cadet et un de mes amis. Accouru de Nice—c'était en novembre 1851—je n'ai *rien* trouvé... une grande tache d'huile—surnageait seule à l'endroit du malheur... «Оцeano пох»...

Je pressentais que mes deux articles n'auront pas votre sympathie à laquelle je tiens beaucoup . et pourtant j'ai dit d'un autre *point de vue ce que Quinet* a dit à Genève (je trouve son discours sublime), ce que Marc Dufraisse a écrit à Zurich. Je suis profondément convaincu que leur thérapie est plus efficace que l'idolâtrie de V. Hugo dans son article sur Paris. Les rois perdent avec la couronne—le droit à la flatterie. Et ce n'est pas tout. Aimerez vous voir une résignation passive de la part de nous autres, frappés par la massue de Henry Martin, la philologie de Duchinsky, l'illogie de Talbot soutenues par les choristes du siècle, de l'opinion nationale? Et cela la veille et le lendemain des événements italiens... Il n'y a pas de spectacle plus triste que de voir frapper les hommes qui ne répondent pas. Ce n'est pas une lutte alors—c'est une punition.

Qu'ils nous désarçonnent—nous sommes prêts à céder—mais avant nous rompons quelques lances avec nos piques de cosaque.

On ne peut pas maltraiter un peuple de *quatre vingt millions d'hommes*—sans le connaître—et en vue d'une opinion qui est innommée.

нову, что невозможно у васъ оставаться и что это недоразумѣніе. Онъ проситъ принять эту даму только вначалѣ и поискать пансіонъ. Будьте очень любезны и очень тверды. Здѣсь дѣвица Волод. насъ боится, какъ огня. Уст. лучше ея...

Итакъ, все теперь зависитъ, отъ вашей коллективной ловкости. Я свое дѣло сдѣлалъ.

C'est exactement la même chose que je vous disai en 1852 dans ma longue lettre qui a été publiée—c'est le même point de vue que vous retrouverez dans toutes nos publications—françaises, anglaises, allemandes, russes... Ou nous sommes—mes amis et moi des maniacs—ou il y a au dessous de tout cela un brin de vérité, un germe, un «punctum saliens».

Autorisez moi d'imprimer un fragment de votre lettre—avec cette réponse dans le «Kolokol»—écrivez moi encore—peut être nous ferons un peu de lumière.

Combien de temps restez vous à Hyères?

J'ai parcouru l'Italie—oh que c'est triste! Ugo Foscolo—peut recommencer son Pianto.

Cet automne j'ai relu avec ma fille aînée *votre histoire de la révolution* depuis le 21 Janvier jusqu'à la fin.

Mon Dieu, quelles pages, quelles chapitres, c'est la plus poétique et la plus *chaste* histoire du grand cataclysme.

Ne m'en voulez pas de ce que je le dit si crôment.

J'ai pleuré lisant les dernières pages sur la fin de Danton et de ses amis.

Je viens de finir un volume de... ¹⁾ sur les derniers montagnards,—que votre passé est grand!

Je présente mes hommages à Madame Michelet et je vous serre la main avec respect et amitié.

Al. Herzen.

Переводъ.

3 февраля 1868.

Дражайшій другъ!

Мы съ вами, сами того не зная, оказались сосѣдями, и я получилъ ваше милое письмо изъ Гіера въ Ниццу черезъ Флоренцію. Для меня Гіеръ—роковой пунктъ. Здѣсь-то, между Гіеромъ и маленькимъ островкомъ, погибли: моя мать, мой младшій сынъ и одинъ изъ моихъ друзей ²⁾. Прискакавши туда изъ Ниццы—дѣло происходило въ ноябрѣ 1851 г.—я *ничего* не нашель... лишь большое масляное пятно плавало на мѣстѣ, гдѣ произошла катастрофа... «Осеано пох» ³⁾...

Я предчувствовалъ, что обѣ мои статьи не будутъ пользоваться вашей симпатіей, чѣмъ я такъ дорожу, и тѣмъ не менѣе

¹⁾ Слово (названіе) не разобрано.

²⁾ Шпильманъ.

³⁾ Т.-е. ночь на океанѣ,—названіе главы «Былого и думъ».

высказалъ *св* другой точки зрѣнія то же самое, что высказалъ Кинэ въ Женевѣ (я нахожу его рѣчь возвышенной), и что писалъ Маркъ Дюфрессъ въ Цюрихѣ. Я глубоко убѣжденъ, что ихъ терапия болѣе дѣйствительна, чѣмъ идолопоклонство Виктора Гюго въ статьѣ о Парижѣ. Короли вмѣстѣ съ короною теряютъ и право на лестъ. И это еще не все. Развѣ вы предпочли бы, чтобы мы покорно склонили головы подъ ударами палицы Анри Мартэна, филологіи Духинскаго, нелогичности Тальбо ¹⁾, поддерживаемыхъ хористами нашего вѣка, національнымъ мнѣніемъ? И все это накануне и на другой день послѣ событий въ Италиі... Не существуетъ болѣе грустнаго зрѣлища, чѣмъ видъ людей, которыхъ бьютъ и которые не возвращаютъ ударовъ. Въ такомъ случаѣ—это не борьба, это—наказаніе.

Пусть они выбьютъ насъ изъ сѣдла — мы готовы уступить,—но раньше мы, нашими казацкими пиками, переломаемъ нѣсколько копій. Нельзя ругать восьмидесятимилліонный народъ, не зная его и, притомъ, не имѣя еще опредѣлившася мнѣнія.

Это совершенно то же самое, что я вамъ говорилъ въ 1852 г. въ длинномъ письмѣ, тогда напечатанномъ; ту же точку зрѣнія вы найдете во всѣхъ нашихъ печатныхъ произведеніяхъ: французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ, русскихъ... Или я и мои друзья—маніаки, или подъ всѣмъ этимъ, все-таки, таится капля истины, зародышъ, существенный моментъ.

Уполномочьте меня напечатать въ «Колоколѣ» отрывокъ изъ вашего письма вмѣстѣ съ этимъ отвѣтомъ; напишите мнѣ еще: авось, намъ удастся пролить немного свѣта.

Какъ долго останетесь вы въ Герѣ?

Я поѣздилъ немного по Италиі—о, какъ это грустно! Ugo Foscolo ²⁾ можетъ начать сначала свой «Pianto» ³⁾.

Въ нынѣшнюю осень я перечелъ вмѣстѣ съ моей старшей дочерью *вашу исторію революціи* отъ 21 января до конца.

Боже, какія страницы, какія главы! Это самая поэтическая и самая цѣломудренная исторія великаго катаклизма!

Не сердитесь на меня, что я такъ откровенно высказываюсь.

Я плакалъ, читая послѣднія страницы о смерти Дантона и его друзей.

¹⁾ Французскій историкъ.

²⁾ Италіанскій поэтъ.

³⁾ «Плачь».

Недавно я закончила томъ...¹⁾ о послѣднихъ Монтаньярахъ— какъ ваше *прошлое* велико!

Свидѣтельствую свое почтеніе г-жѣ Мишле, а вамъ дружески и съ уваженіемъ жму руку.

Ал. Герценъ.

◆◆ 1. 27 января 1868 г. Мишле писалъ Герцену изъ Гіера:

«Пріѣхавъ сюда, я съ жадностью принялся читать васъ, дорогой другъ. Нѣтъ, Европа не придерживается республиканскаго образа мыслей. Но завтра она будетъ придерживаться! Въ 89 г. во Франціи было *только десять* республиканцевъ, говоритъ Камиллъ Демуленъ. Въ 1778 г. въ Америкѣ не было ни одного республиканца, сказалъ Т. Пэнъ²⁾ (Common sense). Это его памфлетъ, изданный Франклиномъ сначала въ количествѣ 100.000 экземпляровъ, сдѣлалъ американцевъ республиканцами.

«Въ 1854 г. я не могъ найти *италианцевъ въ Италиі*. Всѣ были федералистами; кто—флорентинцемъ, кто—римляниномъ. Въ 1859 г. всѣ были за объединеніе. Итакъ, дорогой другъ, скажемъ вслѣдъ за великимъ женевскимъ мученикомъ³⁾: «Non moriar, sed vivam. Et videbo opera Domini»⁴⁾. Проявленія электричества *безконечно медленнѣе*, чѣмъ само электричество, моральная молнія. Весь вашъ *Ж. Мишле*.

«Русская статья очень интересна» (перевожу съ подлинника, хранящагося въ архивѣ семьи Герцена; Моно напечаталъ это письмо тоже неисправно).

3240. Письмо къ Ж. Мишле.

11 février 1868.

27, Promenade des Anglais, Nice (Alp. mar.).

Très cher monsieur,

Je remercie pour votre bonne lettre, je remercie pour votre bonne invitation, et je ferai tout mon possible pour en profiter en allant à Genève au mois de Mars.

¹⁾ Название не разобрано.

²⁾ Англійскій публицистъ; въ 1776 издалъ памфлетъ «The common sense addressed to the inhabitants of America», имѣвшій вліяніе на ходъ американской революціи.

³⁾ Михаилъ Серве, за отрицаніе троичности бога и другихъ догматовъ, былъ въ 1553, по настоянію Кальвина, сожженъ въ Женевѣ.

⁴⁾ «Я не умру, но буду жить. И увижу дѣянія Господа».

Avez vous lu mon article dans le 1-eu № du «Kolokol»? (Prolégomènes).—Si non, je vous l'enverrai immédiatement. J'ai tâché d'y exposer encore une fois notre point de vue. Le second article—n'a pas cette généralité.

L'empire russe est une monstruosité, une absurdité, il doit se défaire en une fédération à l'Américaine. C'est notre voeu, notre espérance. Mais peut elle avancer dans ce sens—en face de l'Europe allant à reculons, plus absurde que Russie, armée jusqu'aux dents et trahissant le progrès avec conscience et préméditation.

Je sais très bien que vous êtes un trop grand historien pour condamner un peuple—sans avoir approfondie son état. C'est cette enquête que nous demandons, que nous provoquons. Ordinairement on se tient aux sources polonaises. Les polonais ont trop souffert pour être justes—et ils ignorent complètement la Russie. Nous sommes tout prêts à regarder beaucoup de choses à travers les doigts—pourvu qu'elles ne soient de la taille de Goliath—comme les non-sens de l'historiosophie de Duchinsky (que M. Henry Martin prend au sérieux).

Nous avons donné nos preuves à la cause polonaise—et c'est cela ce qui nous délie la langue. Nous avons mieux aimé perdre notre influence, notre popularité—que d'abandonner nos amis malheureux. Nous l'avons fait—qu'on nous permette aussi d'aimer la vérité—et de la dire. La vérité est même au dessus du martyr.

Je n'ai pas reçu de Genève «La Montagne»—je vous remercie beaucoup, je lis maintenant votre Louis XVI.

Ordonner-vous d'envoyer le Kolok. (№ 3, 4...)?

L'article d'Ogareff est le tableau le plus détaillé de la Russie actuelle—aucune exagération ni en +, ni en —. C'est très sobre—et tout basé sur des faits.

Recevez, comme toujours, l'expression de ma grande sympathie et de ma profonde vénération.

A. Herzen.

Переводъ.

11 февраля 1868.

Дражайшій другъ!

Благодарю васъ за ваше милое письмо, благодарю за любезное приглашеніе; сдѣлаю все возможное, чтобы воспользоваться имъ въ мартѣ, по пути въ Женеву.

Читали ли вы мою статью в 1 № «Kolokol» (Prolégomènes)? Если нѣтъ, я вамъ немедленно пришлю ее. Въ ней я постарался еще разъ изложить нашу точку зрѣнія. Вторая статья содержитъ болѣе частныхъ.

Русская имперія, это—нѣчто чудовищное, нелѣпое; она должна превратиться въ федерацію по образцу американской. Это—наше желаніе, въ этомъ наша надежда. Но можетъ ли она двигаться впередъ по этому пути въ виду Европы, пятащейся назадъ,—Европы, болѣе абсурдной, чѣмъ Россія, вооруженной до зубовъ, сознательно и преднамѣренно предающей прогрессъ?

Я отлично знаю, что вы—слишкомъ великій историкъ, чтобы осудить народъ, не изслѣдовавши его положенія. Это и есть то обслѣдованіе, котораго мы просимъ, которое мы вызываемъ. Обыкновенно придерживаются польскихъ источниковъ. Но поляки слишкомъ много страдали, чтобы быть справедливыми, и они совершенно не знаютъ Россіи. Мы готовы смотрѣть на многое сквозь пальцы, если только это—не явленія съ Голява величиною, какъ, напри- мѣръ, бессмысленная философія исторіи Духинскаго (къ которой г. Анри Мартэнъ относится вполне серьезно).

Мы доказали наше отношеніе къ польскому вопросу, это развязываетъ намъ языкъ. Мы предпочли лишиться нашего вліянія, потерять нашу популярность, но не покинуть друзей въ несчастіи. Мы это сдѣлали,—да будетъ намъ также позволено любить истину и высказывать ее. Истина даже выше мученичества.

Я не получилъ изъ Женевы «Горы»—очень вамъ благодаренъ; сейчасъ я читаю вашего «Людовика XVI».

Прикажете прислать вамъ «Kolokol» №№ 3, 4...? Статья Огарева—самое подробное изображеніе современной Россіи, никакого преувеличенія ни въ одну, ни въ другую сторону. Очень трезво написано, и все основано на фактахъ.

Примите, какъ всегда, выраженіе моей большой симпатіи и моего глубокаго почитанія.

А. Герценъ.

3241. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

14 févr. 1868. *Vendredi,*
Nice.

«Haben mich protegiren gewollt».

Toujours ingrat—je remercie, sans l'accepter, la protection du correspondant du Siècle. 1° Parce que le correspondant qui a été en Allemagne (si c'est le même) m'a toujours déplu. 2° Que le «Siècle» est un journal extrêmement stupide. 3° Que le tout est un mensonge—le prem.^{er} № a été envoyé, et Lacroix a pris 100 Ex. gratis pour les journaux.

Vous devenez trop Bismark. Schurz doit rester américain, il faut avoir des échantillons d'hommes purs—et étant général des Etats

Unis—il est impossible de passer par l'antichambre de Potsdam—
autrement qu'en allant dîner comme envoyé de l'Amérique.

Derniers montagnards—soyons du Mont Blanc... et comme vous
n'aimez pas la neige—soyons de Carrare.

A propos: à Pétersbourg le froid est allé de 28 à 30° Réaum.
à Moscou—de 30 à 34.

Amour sacré de la Patrie... Qu'en dites vous?

— Cela va mieux avec ma toux, les poudres Levier—m'ont fait
du bien.

Addio.

P. S. Le 1 mars paraîtra la seconde édit. du pauvre D-r Krou-
poff en français, nous avons décidé de l'imprimer dans le départ litté-
raire du Ko'okol.

Je ferai envoyer 5 ex. de plus:

- 1 pour Schiff,
- 2 » Domengè,
- 3 » Levier,
- 4 » Penisi,
- 5 » St. Sommier,
- 6,7 » etc. comme toujours.

On dit qu'il y a un docteur Veredoff qui veut répondre.

Est ce que vous vous rappelez à Richmond d'un citoyen réfugié
français qui a fait peur au D-r Picoulin par son arrogance. Je l'ai
rencontré hier ici—même extérieur, même golovinisme et je crois le
même paletot. Dejà—il m'a adressé une lettre...

O homines—

Sind doch Ominös.

Переводъ.

14 февраля 1868.

«Предлагали мнѣ свою протекцію» ¹⁾).

Будуни всегда неблагодарнымъ, я благодарю, отказываясь отъ
протекціи корреспондента «Siècle'я»: 1) Потому, что корреспондентъ
бывшій въ Германіи (если это тотъ самый), всегда не нравился
мнѣ, 2) потому, что «Siècle» очень дурацкая газета. 3) Потому,
что все вмѣстѣ взятое—ложь: первый № былъ отправленъ, и Ла-
круа взялъ для газетъ даромъ 100 экземпляровъ.

¹⁾ Изъ стихотворенія Гейне «Gaben mir Rat und gute Lehrens», см.
«Die Heimkehr», № LXIV.

Вы становитесь черезчуръ Бисмаркомъ. Шурцъ долженъ остаться американцемъ: надо же имѣть образцы людей съ чистой душою, а генералу Соединенныхъ Штатовъ никакъ не пройти Потсдамскую переднюю, не пообѣдавши въ качествѣ американскаго посланника.

Мы съ вами послѣдніе монтаньяры, давайте, будемте съ Монъ Блана или, такъ какъ вы не любите снѣга, то съ Каррары.

Кстати: въ Петербургѣ морозъ усилился съ 28° до 30° по Реомюру,

въ Москвѣ—съ 30° до 34°.

Святая любовь къ родинѣ... Что скажете по этому поводу? Кашель мой идетъ на поправку; порошки Левье помогли мнѣ.

Прощайте.

P. S. 1 марта выйдетъ на французскомъ языкѣ 2-е изд. бѣднаго «д-ра Крулова». Мы рѣшили помѣстить его въ литературномъ отдѣлѣ «Kолоколъ». Я пришлю 5 экземплярами больше:

1 для Шиффа.

2 — Доманже.

3 — Левье.

4 — Пенизи.

5 — С. Соммье.

6, 7—и т. д., какъ обыкновенно.

Говорятъ, что нѣкто д-ръ Вередовъ хочетъ отвѣчать ¹⁾.

Помните ли вы въ Ричмондѣ одного гражданина, французскаго изгнанника, пугавшаго доктора Пикулина своей наглостью? Вчера я встрѣтилъ его здѣсь: та же внѣшность, тотъ же головизмъ ²⁾ и, кажется, то же самое пальто. И онъ уже успѣлъ при-слать мнѣ письмо...

О, люди, все-таки, гнусны.

3242. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

15 fév. 1868. Mardi soir.

Carissima Malvida,

Je proteste tanto poco contre le séparatisme de M-elle Volodimiroff avec Tata, contre l'intimité d'Outine qui n'est pas probe. Il ne

¹⁾ Шутка: Вередовъ—Герценъ, страдавшій тогда вередями; отвѣтъ его см. № 3438.

²⁾ И. Г. Головинъ.

faut pat vous retirer complètement, vous êtes toujours le ministre d'état sans portefeuille mais avec l'autorité.

Mieux vaut alors pour Tata de retourner à Nice.

Totus voster

A. Her.

Переводъ.

15 фев. 1868. Вторникъ, вечеръ.

Дражайшая Мальвида!

Я немножечко протестую противъ обособленія госпожи Володиміровой съ Татою, противъ интимности съ Утинымъ, ¹⁾), по моему, не совсѣмъ честнымъ чедовѣкомъ. Вы не должны совершенно отстраняться, вы были и остаетесь министромъ безъ портфеля, но облеченнымъ властью.

Ужъ лучше, пусть Тата вернется въ Ниццу.

Весь вашъ

A. Гер.

3243. Письмо къ Н. П. Огареву.

18 февраля (1868). Вторникъ.

Очень жаль, если ты не напечаталъ, сколькихъ №№ «Голоса» нѣтъ. Зачѣмъ же знать причину и что за дѣло, что «Моск. Вѣд.» не получаютъ иностранныхъ газетъ? Твоя выноска непонятна (та, что была въ коррект.). Также я не совсѣмъ дѣлю безпокойство, чтобъ прибавл. было упечатано до послѣдняго уголка. Бросай имъ статью да прибавь объявленье; нѣтъ матеріала—одну четвертинку. Любопытно, какъ же вы напечатали письмо *не для печати*?

Изъ Флоренціи имѣю мало писемъ. Мейз. начинаетъ ревновать Ольгу къ Татѣ. Но, разумѣется, это все съ чувствительностью.

Чернецкій ничего не понялъ и хитритъ. Ему понравилась его метода брать нахрапомъ *взаимы* и платить несчастьями своего положенія. Я рѣшилъ пожертвовать изъ отлож. Бах. ²⁾ денегъ 5.000 фр., чтобъ съ нимъ *кончить*. Заплатилъ 3.000 долга, 1.000—для устройства и общалъ 1.000 при окончательномъ рѣшеніи. Чернецк. на корректурѣ написалъ, что *вс ссуду* получилъ 1.000 и что постарается ее заработать. Гдѣ же пониманіе? Я говорю, впередъ видя, что изъ этого выйдутъ будущія гадости.

¹⁾ Николай Исааковичъ.

²⁾ Бахметевъ.

Если 20 «Кол.» не будетъ посланъ, это очень безобразно. 4 № долженъ непременно быть разосланъ 1 марта. Читаль ли «Imbroglione»? ¹⁾ Каково я угостилъ «Le Temps»!

Досадно, а одинъ Эм. Жирарденъ понимаетъ. Онъ въ «Liberté» напечаталъ: «да что вы пристали къ русскимъ, что они туранцы? Монголы. Вѣдь, ужъ проучилъ васъ «Колоколь», и очень хорошо».

Слѣдилъ ли ты за дебатами о прессѣ? Если нѣтъ, это преступно. Тутъ высказалось все,—это не ниже римской элегии прошлаго года. Очень дурно, если ты пропустилъ.

Жду отвѣта насчетъ «Базарова».

Лиза совершенно здорова и мила.

Говорятъ, **Вормсъ умираетъ**. Я—завѣдомо *unsentimental*—не жалѣю (я еще все не переварилъ черный ободокъ на Касат.) ²⁾. И до завтра.

Изъ Флор. сейчасъ получилъ письмецо. Досадно. Т. безпрерывно съ этой дряннѣйшей Володиміровой да еще въ дополненіе къ нимъ таскается подъ пару ей Утинъ (сопелька... пупочка), самый лицемѣрный изъ нашихъ заклятыхъ враговъ. А *propos*, какъ это здѣсь разнесся слухъ, что **Сер.-Сол.** чуть не подрался съ Николадзе?

3244. Письмо къ Н. П. Огареву.

19 февраля (1868). Среда.

Теперь обдумай порядкомъ, что объявить 1 марта? Что «Колок.» будетъ въ одинъ листъ или въ 1½? Даже безъ объявленія можно издать въ 1½. Далѣе, что 5 № выйдетъ 1 апрѣля (послѣднее хуже)?

Сколько у насъ подписчиковъ *на годъ*? Имъ надобно послать какое-нибудь утѣшеніе.

Съ приближеніемъ весны у насъ возникаетъ вопросъ, т.-е. у Н., что дѣлать? Мой совѣтъ ей пріѣхать на жаркіе мѣсяцы (іюнь, іюль, августъ) въ Швейцарію и возвратиться въ Ниццу. Лучше она нигдѣ не устроится, какъ здѣсь. На два года здѣшнихъ учителей хватить. И гдѣ онѣ найдутъ такихъ милыхъ дѣтей, какъ случилось встрѣтить здѣсь?

¹⁾ См. № 3254.

²⁾ Замѣтка Огарева о смерти Касаткина въ № 2 «Колокола» (рус. прибав.) была напечатана въ траурной рамкѣ, что «Колоколь» дѣлалъ вообще съ очень большимъ разборомъ, а потому весьма рѣдко.

Надобно бы нанять дачу на нѣсколько лѣтъ (я увѣренъ, что въ такомъ случаѣ легко можно найти за 1.800 или 2.000, а безъ мебели за 1.500 съ usufruit ¹⁾ сада). Иногда могли бы прїѣзжать Тата и Ольга для купанья, иногда отдавать внаймы. Тутъ одинъ рискъ страшень—какъ турнуть по пряжкѣ ²⁾).

¿ Не помѣстить ли, исправивши, изъ фонтэновскаго «Колокола» ³⁾ «La Princesse Dachkoff», «V. Karasine»?

Отвѣчай подумавши.

На-дняхъ пошлю Тхорж. чекъ. Онъ тебѣ принесетъ 1 марта 500 фр.

3245. Moeurs russes.

Les fleurs doubles et les fleurs de Minerve.

(Fragment).

II.

Tout ce qui se produisait en Occident se reproduisait chez nous, dans notre Occident *oriental*, dans notre *Europe russe*, et cela en réduction quantitative et exagération qualitative. Nous avons eu des jésuites byzantinisés, des bourgeois princes, des fouriéristes grands seigneurs, des démocrates de chancellerie, des républicains de corps de garde. Nous ne pouvions donc, raisonnablement, manquer d'un demi-monde.—Eh bien! si restreint qu'il fût, je hasarderai de dire que c'était un monde et demi.

C'est que nos *traviates*, nos *camélias*—l'étaient par choix, elles étaient *honoraires* ou, si l'on veut, *dilettantes*. Elles naissaient sur un autre sol que leur prototype et florissaient dans un autre milieu. Il ne fallait pas les chercher dans les marais et les plaines, mais aux sommets, quelquefois un peu plus haut. Elles ne s'élevaient pas au soleil comme un *brouillard* des champs, elles tombaient du ciel comme la rosée.—Une *princesse traviate*, une *camélia*, *héritière* de propriétés immenses à Tamboff ou à Voroneg, est un phénomène exclusivement russe, national—et j'en suis tout fier.

Entendons-nous: j'ai dit national, mais il y a deux nationalités chez nous. La *Russie non européenne* n'y entre pour rien.

Les bonnes moeurs des paysans étaient en partie sauvegardées par le servage. L'amour était triste dans *l'isba*.—Toujours sous la

¹⁾ Правомъ пользоваться плодами.

²⁾ Т.-е. съ необходимостью немедленнаго выѣзда.

³⁾ «La Cloche».

menace d'une séparation forcée par ordre du seigneur—il s'envisageait comme un vol. Le village fournissait la maison seigneuriale de bois, de foin, de moutons et de ses propres filles. C'était bien loin de toute dépravation, c'était un genre de devoir sacré qu'on ne pouvait refuser sans enfreindre les lois de la moralité et de la justice et sans provoquer les verges du seigneur et le knout de Sa Majesté.

Ce temps est passé. Je connais peu les moeurs d'aujourd'hui, et je reste tout aristocratiquement dans les parages supérieurs.

La minorité des dames papillonnées imita admirablement les lorettes parisiennes; il faut leur rendre cette justice: elles s'assimilaient leurs manières, leurs gestes, tout leur *habitus* enfin, avec un art, une intelligence superbes. Il ne leur manquait qu'une chose pour être accomplies, et cette chose n'y étant pas, l'illusion était troublée—il ne leur manquait *que d'être lorettes* et elles ne l'étaient pas. C'est toujours Pierre 1-er, sciant, rabotant, clouant à Saardam, convaincu qu'il faisait réellement quelque chose. Nos grandes dames jouaient *au métier*, comme leurs maris se fatiguaient en faisant le tourneur.

Ce caractère de superflu, de luxe, *de fleurs doubles*, change de fond en comble l'affaire. D'un côté on admire un décor magnifique—de l'autre on sent une nécessité implacable. De là une différence tranchante. On plaint très souvent la *bona fide traviata*, et presque jamais la dame aux perles, ayant des terres peuplées par des paysans, temporairement obligés maintenant, pillés à perpétuité dans le beau temps du servage. Ayant des sommes folles à dépenser, on peut beaucoup. Faire la lionne excentrique aux eaux d'Allemagne, s'étendre avec une grâce voluptueuse dans sa calèche, faire un grand bruit et de petits scandales, faire baisser les yeux des hommes par des propos érotiques, fumer des cigares de Havane le soir, prendre du champagne le matin, mettre des rouleaux d'or et des brochures de billets de banque sur le noir et le rouge, changer chaque quinzaine d'amant et faire avec l'ami *de service* des parties fines, aller entendre des «conversations» et assister à des exercices callisthéniques, être Messaline 1-re ou Catherine II, tout est possible, praticable—excepté d'être une *lorette*. Et pourtant les lorettes ne *naissent pas*, elles se forment. Mais leur éducation est toute autre que celle de nos turbulentes compatriotes.

Ordinairement une jeune fille pauvre, sans conseil ni protection, va sans savoir où elle va et tombe dans un guetapens. Froissée, offensée, maculée, abandonnée avec la rage ou l'amour rentré, elle cherche à s'étourdir et à se venger, elle cherche le luxe pour couvrir les taches, elle cherche le bruit pour ne pas entendre une voix intérieure. Pour avoir de l'argent, il n'y a *qu'un seul* moyen—elle le

prend — et s'élançait dans une concurrence ardente. Les victoires la gâtent (celles qui n'ont pas vaincu, nous ne les connaissons pas — elles succombent, disparaissent sans traces), elles gardent le souvenir de leur Marengo, de leur pont d'Arcole; impossible de s'arrêter. La courtisane s'est créée elle-même sa position. Elle a commencé à n'avoir que son corps, elle finit par *les âmes* des richards attachés à elle et qu'elle ruine. La traviata-princesse arrive au monde avec des milliers d'âmes de pauvres paysans attachés à ses terres, les ruine aussi et finit très souvent par n'avoir que son corps.

Il n'y a pas de contraste plus fort.

La lorette, soupant dans un cabinet de la Maison d'Or, rêve à son salon futur. La traviata, grande dame chez nous, faisant les honneurs de son salon, rêve à l'estaminet.

Il serait bien intéressant de savoir d'où est venue dans le cœur des dames riches, haut placées, cette soif de ribote, d'esclandre, ce désir de faire parade de leur émancipation, de narguer l'opinion, de jeter tout voile, tout masque; — par quel escalier le demi-monde est monté au grand, en y introduisant *platoniquement* ses mœurs. Les premiers symptômes de cet envahissement du salon par le «*camélisme*» ne date presque pas au delà de 1840. Mais le revirement était si subit qu'il se faisait encore du vivant des mères et des grand-mères — de nos héroïnes — qui passaient leur existence muette dans la soumission patriarcale; qui, prudes et candides jusqu'à cinquante ans, se contentaient, et cela rarement, dans le silence le plus profond, d'un petit parasite ou d'un grand laquais.

Il y a une coïncidence étrange. Après une prostration morale qui dura plus de dix ans du règne de Nicolas, quelque chose se remua au fond de la pensée — on devint plus triste et plus vif. Une protestation non exprimée se sentait dans l'air, un frémissement fit tressaillir les intelligences; on eut peur du néant, du silence que le régime impérial faisait en Russie. Ce réveil se fit vers les premières années de 1840.

Eh bien, oui, le «*camélisme*» aristocratique était aussi une protestation et aussi un réveil. Protestation mutine et échevelée, inconsciente, mais protestation de la femme écrasée par la famille, absorbée par la famille, offensée par la dissolution dévergondée du mari. Quelle est donc cette *terra incognita* dont parlent avec enthousiasme les époux et les jeunes gens? Allons voir de près cette femme libre, qui n'appartient à personne parce qu'elle peut appartenir à tout le monde. Et les romans! les romans! Les jeunes femmes délaissées, emprisonnées sous le despotisme lourd des belles-mères, de la parenté entière, se mirent à lire. George Sand fit ravage en Russie.

Enfin la patience se rompt et la femme prend le mors aux dents. «Ah! Messieurs, vous n'aimez que des courtisanes, vous en aurez.— Vous nous aimerez et nous vous dédaignerons». Cette protestation était sauvage; mais la position de la femme l'était aussi. Son opposition n'a pas été formulée, elle fermentait dans le sang; l'humiliation de l'état de demi-serf était sentie, mais non le mode de l'émancipation. L'indépendance personnelle n'allait pas plus loin que de la irivolité à la licence. Son idéal était l'orgie et la conquête. La femme offensée protestait par sa conduite; sa révolte était capricieuse, elle gardait ses mauvaises habitudes, elle se débridait sans devenir libre. Au fond de son âme, il y avait des terreurs et des doutes; elle narguait le monde en le craignant; et, comme une fusée, elle se levait avec éclat et bruit et tombait avec bruit et étincelles, sans s'enfoncer profondément dans la terre.

Telle est l'histoire de nos dames aux perles et aux diamants, à l'écusson et à la couronne princière.

Le vieux grognard Rostoptchine avait bien raison, en disant sur son lit de mort, après avoir entendu la nouvelle de l'insurrection sur la place d'Isaak: «Tout se fait chez nous au rebours du bon sens. En France, la roture voulait monter au niveau de la noblesse, cela se conçoit. Chez nous, la noblesse veut s'encanaïller. Allez comprendre cela».

Eh bien, le grand incendiaire de Moscou doit nous excuser, nous comprenons parfaitement cette voie du développement comme conséquence d'une civilisation dont on nous a grevé, d'un dualisme artificiel avec le peuple, et de tout l'ensemble de nos aspirations—mais cela nous mènerait trop loin...

III.

Nos camélias doubles ont leur place dans l'histoire; mais elles n'en ont plus dans le mouvement actuel. Qu'elles se consolent. Goethe a dit: «Ce n'est que le passager qui est beau». C'est la première phalange de volontaires à l'avant-garde, exaltée, téméraire, qui va la première au feu en chantant (peut-être pour cacher l'émotion). La colonne qui la suit est toute autre: austère et sérieuse, elle va avec fière conscience au pas de charge remplacer les bacchantes—un peu chauves et à cheveux blancs.

Dans les nouveaux rangs, il n'y a que des enfants, les plus âgés de 18 ans; mais ces jeunes filles sont des *jeunes gens*, étudiants de l'Université et de l'Académie médicale. Les camélias ont été nos Girondins; elles nous rappellent des scènes du Faublas. Nos étudiants demoiselles, ce sont les Jacobins de l'émancipation féminine. Saint-

Just en amazone—tout est pur, tranchant, sans pitié, avec toute la férocité de la vertu et l'intolérance des sectaires. Elles ôtent la crinoline, elles se désignent par l'absence d'une pièce d'habillement, comme les Jacobins; ce sont des *sans-crinolines*; les cheveux coupés, l'éclat des yeux amorti par des lunettes bleues pour ne pas offusquer la seule lumière de la raison. Autre temps, autres moeurs, la différence de sexe presque oubliée devant la science. *Im Reiche der Wahrheit* tous sont égaux.

C'est vers l'année 1860 que s'épanouissent nos *fleurs de Minerve*: vingt ans de différence avec les *fleurs doubles*. La traviata et le camélia des salons appartenaient au temps de Nicolas. C'étaient en partie des filles de régiment, des vivandières de la grande caserne d'hiver. Elles appartenaient à son temps, comme ces généraux d'étau-lage, de devanture, qui faisaient la guerre à leurs propres soldats. La guerre de la Crimée mit fin à ces généraux «d'exhibition» et le «nihilisme» supplanta les doubles fleurs tant soit peu fanées. Le bruit des fêtes, les amours de boudoir, les salons de casino se changèrent en auditoires académiques, en salles de dissection, dans lesquels des jeunes filles étudiaient avec entraînement les arcanes de la nature.

Ce n'est plus une émeute, c'est une révolution. Ce ne sont plus des passions, des aspirations vagues, c'est la solennelle proclamation des droits de la femme. L'amour est relégué au troisième, au quatrième plan. On se livre par principe, on fait des infidélités par devoir. Aphrodite se retire, en boudant avec son écuyer tout nu, portant le carquois et les flèches. C'est le règne de Pallas-Athènes, avec sa pique, comme Théroigne de Méricourt et le hibou, l'oiseau des sages à côté.

La passion était pour les questions générales. Pour le cas privé, pour l'application, on ne mettait pas plus d'entraînement que n'en **mettant les Léontines** ¹⁾, peut-être moins. Les Léontines jouent avec le feu et en prennent souvent; alors, tout embrasées, elles se jettent dans la Seine pour éteindre l'incendie; entraînés par le tourbillon avant toutes réflexions, elles n'ont pas d'armes contre leur propre coeur. La jeunesse de Minerve, au contraire, commence par l'analyse; beaucoup de choses peuvent arriver à ces doctes enfants, mais aucune surprise: elles ont des parachutes théoriques, elles se jettent dans le fleuve avec un manuel de natation, et si elles nagent contre le courant, c'est qu'elles le désirent.

Nageront-elles longtemps à livre ouvert? Je n'en sais rien; mais

¹⁾ Héroïne du premier chapitre. — A. H.

qu'elles laisseront une trace, un sillon, il n'y a pas de doute. Les gens les moins avisés se sont aperçus de leur signification.

Nos pères et grand-pères de la patrie, nos graves et burgraves s'en émurent. Eux qui étaient si condenscendants, si paternels avec les «belles polissonnes» (pourvu qu'elles ne fussent les épouses de leurs fils), envisagèrent tout autrement les austères *nihilistes*. Ils virent audessous de leurs lunettes un danger imminent pour l'Etat.

Le coup de pistolet du 4 avril acheva la conviction, quoiqu'il n'y avait aucun rapport entre le fanatisme d'un jeune homme exalté et les sérieuses occupations de ces demoiselles. Les pères de la patrie tournèrent l'attention du souverain sur ces jeunes personnes qui ont changé les coupes et les formes des habits, ont abandonné la crinoline et adopté les lunettes, puis ont taillé les cheveux. Le monarque, indigné de ce qu'elles ont changé la *forme prescrite*, les livra aux vieillards.

L'affaire était grave. Le Conseil, le Sénat, le Synode, les ministres, l'état-major, les archevêques et toutes les autres polices se réunirent pour arrêter radicalement le mal. La première chose que l'on décida c'était d'exclure les jeunes personnes des hautes écoles et d'appliquer la loi salique aux Universités et à la science. Ensuite on ordonna, sous peine d'être arrêté par les farouches orangoutangs de la police, et traîné au violon, de porter la crinoline, d'ôter les lunettes et de se faire croître de longs cheveux en vingt-quatre heures.

Le Saint-Synode donna sa bénédiction et son consentement. Quoique le nomocanon byzantin ne dise rien des crinolines et parle très-précisément contre l'habitude «païenne» de tresser les cheveux. La police était lancée à la chasse des *nihilistes*. Les vieillards étaient convaincus qu'ils ont assuré l'existence de l'empereur contre toute tentative, jusqu'aux Champs-Élysées, mais ils ont oublié que les Champs-Élysées ont un représentant terrestre à Paris, avec un Rond-point très-dangereux.

Ces mesures extraordinaires de salut public ont fait le plus grand bien, non aux archevêques et aux pères de la patrie, mais à nos jeunes *nihilistes*.

Il leur manquait une chose, c'est de jeter bas le côté théâtral, l'uniforme, et de se développer en toute largeur et liberté. Oter un habit qu'on prenait pour un signe de ralliement, ce n'est pas chose facile. L'Etat, avec sa grossièreté habituelle, s'en chargea, en laissant, par-dessus le marché, une petite auréole de martyr sur leurs cheveux coupés.

Maintenant, débarrassées de votre costume, naviguez *au large* «nel largo Oceano».

Русскіе нравы.

Махровые цвѣты и цвѣты Минервы.

(Отрывокъ).

II.

Все, что продѣлывалось на Западѣ, воспроизводилось у насъ, на нашемъ *восточномъ* Западѣ, въ нашей *россійской Европѣ*, притомъ въ количественномъ сокращеніи и качественномъ преувеличеніи. У насъ были склонные къ византизму іезуиты, князья-мѣщане, вельможи-фурьеристы, демократы канцеляріи, гвардейскіе республиканцы. Разумѣется, мы не могли обойтись и безъ полу-свѣта. И вотъ, какъ бы ограниченъ онъ ни былъ, я осмѣлюсь сказать, что въ немъ было *полтора свѣта*.

Дѣло въ томъ, что наши *Травяты*, наши камеліи были ими по призванію; это было ихъ *почетнымъ* дѣломъ или, если угодно, *дилетантствомъ*. Онѣ родились на иной почвѣ, чѣмъ ихъ прототипъ, и возросли въ другой средѣ. Ихъ приходилось искать не среди болотъ и равнинъ, а на вершинахъ, а иногда—и немного выше. Онѣ не поднимались къ солнцу, какъ полевой туманъ, онѣ падали съ неба, какъ роса. Княгиня-Травята, камелія, наслѣдница огромныхъ имѣній въ Тамбовѣ или Воронежѣ—явленіе исключительно русское, національное, и я горжусь этимъ.

Условимся: я говорю «національное», но у насъ двѣ національности. *Россія неевропейская* не входитъ сюда.

Добронравіе крестьянъ было сохранено отчасти подъ вліяніемъ рабства. Печальна была любовь въ *избѣ*. Всегда подъ угрозой насильной разлуки по приказанію барина, она имѣла видъ кражи. Деревня поставляла въ барскій домъ дрова, сѣно, барановъ и своихъ дочерей. Это было далеко отъ разврата, это было какимъ-то священнымъ долгомъ, отъ котораго нельзя было отказаться, не нарушивъ законовъ нравственности и справедливости и не вызвавъ розогъ барина и кнута Его Величества.

Эти времена прошли. Я плохо знаю современные нравы и аристократически пребываю въ высшихъ сферахъ.

Меньшинство вѣтренныхъ дамъ изумительно подражало парижскимъ кокоткамъ; надо имъ отдать справедливость, онѣ переняли ихъ манеры, ихъ жесты, весь ихъ *habitus* ¹⁾ съ замѣчательнымъ искус-

¹⁾ Наружность.

ствомъ и умомъ. Имъ нехватало только одного, чтобы дойти до совершенства, а безъ этого иллюзія была нарушена,—имъ не хватало быть кокетками (lorettes), онѣ не были ими. Это все тотъ же Петръ I, который, пиля, строгая и вбивая гвозди въ Саардамъ, былъ убѣжденъ, что дѣлаетъ дѣло. Наши великосвѣтскія дамы играли *въ ремесло*, такъ же, какъ мужья ихъ изнуряли себя въ роли токарей.

Этотъ характеръ бесполезности, роскоши, *махровыхъ цвѣтовъ* совершенно мѣняетъ все дѣло. Съ одной стороны, удивляешься великолѣпному убранству, а съ другой—чувствуешь неумолимую необходимость. Отсюда—рѣзкая разница. Часто жалѣютъ bona fide Травиатъ, но почти никогда—даму въ жемчугахъ, владѣющую заселенною крестьянами землею, теперь временно обязанныхъ, навѣки ограбленныхъ въ добрыя времена крѣпостничества. Владѣя безумными средствами, можно многое себѣ позволить... Изображать эксцентрическую львицу на германскихъ водахъ, растянуться со сладострастной граціей въ своей коляскѣ, производить большой шумъ и маленькіе скандалы, заставлять своими эротическими намеками мужчинъ опускать глаза, курить по вечерамъ гаванскія сигары, а по утрамъ пить шампанское, ставить свертки золота или кучи банковыхъ билетовъ на «черное» и «красное», мѣнять каждая двѣ недѣли любовниковъ и совершать со своимъ очереднымъ другомъ таинственныя увеселительныя прогулки, слушать бесѣды и присутствовать на каллистеническихъ упражненіяхъ, быть Мессалиной I или Екатериной II,—все это возможно, осуществимо, за исключеніемъ одного: быть *кокеткой*. И, тѣмъ не менѣе, кокетки *не рождаются*, онѣ формируются. Но воспитаніе ихъ совсѣмъ не таково, какъ у нашихъ неугомонныхъ соотечественницъ.

Обычно, бѣдная молодая дѣвушка, лишенная совѣта и протекціи, идетъ, не зная куда, и попадаетъ въ ловушку. Разбитая, оскорбленная, запятнанная, покинутая, оставшись наединѣ со своею яростью или сдержанной любовью, она старается разсѣяться и отмстить за себя; она ищетъ роскоши, чтобы покрыть пятна, ищетъ шума, чтобы не слышать внутренняго голоса. Чтобы достать денегъ, есть *только одно* средство,—она принимаетъ его и бросается въ горячее соперничество. Побѣды портятъ ее (мы не знаемъ тѣхъ, которыя не побѣдили,—онѣ падаютъ и безслѣдно исчезаютъ), онѣ помнятъ о своихъ Маренго, о своемъ Аркольскомъ мостѣ—остановиться невозможно. Куртизанка сама создала себѣ свое положеніе. Начала она, не имѣя ничего, кромѣ своего тѣла, а кончаетъ, имѣя *души* привязанныхъ къ ней богачей, которыхъ

разоряетъ. Травиата-княгиня является въ свѣтъ съ тысячами душъ бѣдныхъ, привязанныхъ къ ея землѣ крестьянъ, тоже разоряетъ ихъ и очень часто кончаетъ тѣмъ, что у нея не остается ничего, кромѣ тѣла.

Нѣтъ большого контраста.

Кокотка, ужиная въ кабинетѣ Maison d'Or, мечтаетъ о своемъ будущемъ салонѣ. Наша же великосвѣтская Травиата, принимая въ своемъ салонѣ, мечтаетъ о кофейнѣ.

Было бы очень интересно знать, откуда явилась въ сердцахъ богатыхъ, высокопоставленныхъ дамъ эта жажда попойекъ, скандала, это желаніе хвастать своей свободой, презирать мнѣніе, отбросить всякую вуаль, всякую маску,—по какой лѣстницѣ полу-свѣтъ поднялся въ великосвѣтское общество, *платонически* вводя туда свои нравы. Первые симптомы этого наводненія салона «*камелизмъ*» не идутъ дальше 1840 годовъ. Но перемѣна эта была такъ внезапна, что живы были еще матери и бабушки нашихъ героинь, влачившія свое нѣмое существованіе въ патріархальной подчиненности; онѣ, строго-нравственныя и непорочныя до 50 лѣтъ, до-вольствовались, и то рѣдко, въ глубокой тайнѣ, маленькимъ паразитомъ или большимъ лакеемъ.

Есть странное совпаденіе. Послѣ нравственнаго паденія, которое тянулось болѣе десяти лѣтъ царствованія Николая, что-то шевельнулось въ глубинѣ мысли—люди стали болѣе грустными и болѣе живыми. Въ воздухѣ почувствовался невысказанный протестъ, дрожь пробѣгала въ умахъ, испугались небытія, молчанія, установившагося въ Россіи подъ императорскимъ режимомъ. Это пробужденіе произошло около начала 1840 годовъ.

И вотъ аристократическій «*камелизмъ*» былъ, несомнѣнно, тоже протестомъ и тоже пробужденіемъ. Протестъ своенравный и безпорядочный, бессознательный, но, все же, протестъ женщины, **раздавленной** семьей, поглощенной семьей, оскорбленной **безстыднымъ распутствомъ** мужа. Какова же эта *terra incognita*, о которой съ восторгомъ говорятъ ихъ мужья и молодежь? Посмотримъ вблизи на эту свободную женщину, которая не принадлежитъ никому, потому что можетъ принадлежать всѣмъ и каждому. А романы, романы! Молодая женщины, брошенная, отданная во власть тяжелаго деспотизма свекрови и всей родни, принимаются за чтеніе. Жоржъ Сандъ произвела опустошеніе въ Россіи. Наконецъ, терпѣніе лопається, и женщина закусываетъ удила. «А, господа, вы любите только куртизанокъ—вы будете ихъ имѣть. Вы будете насъ любить, а мы васъ—презирать». Этотъ протестъ былъ дикъ, но дико было и положеніе женщины. Ея протестъ не

былъ точно выражень, онъ бродилъ въ крови; унижительное положеніе полу-рабы было почувствовано, но не ясенъ былъ способъ освобожденія. Личная независимость не шла дальше; чѣмъ отъ легкомыслія къ распущенности. Идеаломъ ея была оргія и побѣда. Оскорбленная женщина протестовала своимъ поведеніемъ, ея бунтъ былъ капризенъ, она сохранила свои дурныя привычки, она разнузданась, не ставши свободной. Въ глубинѣ души ея былъ ужасъ и сомнѣніе; она презирала свѣтъ, боясь его, и, какъ ракета, поднималась съ блескомъ и шумомъ, падала съ шумомъ и искрами, не уходя глубоко въ землю.

Такова исторія нашихъ дамъ въ жемчугахъ и брильянтахъ, съ гербами и княжеской короной.

Старый ворчунъ Ростопчинъ былъ правъ, когда на смертномъ одрѣ, узнавъ о возстаніи на Исаакіевской площади, сказалъ: «Все у насъ дѣлается противъ здраваго смысла. Во Франціи разночинцы хотѣли стать въ уровень съ дворянствомъ, это понятно. У насъ дворянство хочетъ стать съ чернью. Вотъ и поймите».

Великій поджигатель Москвы долженъ извинить насъ, но мы прекрасно понимаемъ этотъ путь развитія. Онъ—слѣдствіе цивилизации, которую взвалили на насъ, слѣдствіе искусственной двойственности народа, слѣдствіе всего комплекса нашихъ стремленій; но это завело бы насъ слишкомъ далеко...

III.

Наши махровыя камеліи занимаютъ свое мѣсто въ исторіи, но имъ нѣтъ больше мѣста въ современномъ движеніи. Пусть онѣ утѣшатся. Гёте сказалъ: «Лишь преходящее прекрасно». Это—первая фаланга волонтеровъ авангарда, возбужденная, смѣлая; она первая идетъ въ бой съ пѣсней (можетъ быть, чтобы скрыть волненіе). Слѣдующая за ней колонна совѣмъ иная: суровая и серьезная, она идетъ съ гордымъ сознаниемъ, тяжелымъ шагомъ, чтобы замѣнить вакханокъ, немного лысыхъ и съ сѣдыми волосами.

Въ новыхъ рядахъ стоятъ только дѣти, самымъ старшимъ 18 лѣтъ; но эти молодыя дѣвушки—*молодые люди*, студенты университета и медицинской академіи. Камеліи были нашими жирондистами; онѣ напоминаютъ намъ сцены изъ Фоблаза. Наши студенты-барышни, это—якобинцы женской эмансипаціи. Сень-Жюсть въ амазонкѣ—все чисто, рѣзко, безжалостно, со всей жестокостью добродѣтели и нетерпимостью сектантовъ. Онѣ снимаютъ кринолины, онѣ, какъ якобинцы, обозначаютъ себя отсутствіемъ одной принадлежности костюма, онѣ—*безъ кринолина*; стриженные волосы, блескъ, глазъ затѣненъ синими очками, чтобы не помрачить одного лишь

свѣта разума. Другія времена—другіе нравы, разница половъ почти забыта передъ лицомъ науки. Въ царствѣ истины всѣ равны.

Около 1860 г. распускаются наши *цвѣты Минервы*—двадцать лѣтъ разницы съ *махровыми цвѣтами*. Салонныя Травіаты и камеліи принадлежали временамъ Николая. Это были, большей частью, дочери полка, маркитантки большой зимней казармы. Онѣ принадлежали своему времени, какъ эти выставочные, показные генералы, которые вели войну съ собственными солдатами. Крымская война положила конецъ этимъ «показнымъ» генераламъ, а «нигилизмъ» вытѣснилъ махровые цвѣты, хотя и мало увядшіе. Шумъ празднествъ, будуарная любовь, салоны, казино превратились въ академическія аудиторіи, анатомическіе залы, въ которыхъ молодыя дѣвушки съ увлеченіемъ изучали тайны природы.

Это болѣе не бунтъ, это—революція. Это болѣе не страсти, не неопредѣленныя стремленія, это—торжественное провозглашеніе правъ женщины. Любовь отодвинута на третій, на четвертый планъ. Отдаются изъ принципа, измѣняютъ по долгу. Афродита удаляется, надувъ губы, со своимъ нагимъ оруженосцемъ, несущимъ колчанъ и стрѣлы. Наступаетъ царство Аѳины-Паллады, вооруженной копьемъ, подобно Теруанъ де Мерикуръ¹⁾, и съ совою, птицей мудрецовъ.

Страсть перешла на общіе вопросы. Въ частные же случаи вкладывали увлеченія не болѣе, чѣмъ Леонтины²⁾, а можетъ-быть—и меньше. Леонтины играютъ съ огнемъ и часто загораются; охваченныя пламенемъ, онѣ бросаются въ Сену, чтобы потушить пожаръ; охваченныя вихремъ раньше всякихъ размышлений, онѣ не имѣютъ оружія противъ своего собственнаго сердца. Молодежь Минервы начинается, наоборотъ, съ анализа; многое можетъ случиться съ этими учеными дѣтми, но никакой неожиданности: у нихъ есть теоретическіе парашюты, онѣ бросаются въ рѣку съ руководствомъ плаванія въ рукахъ, и, если плывутъ противъ теченія, то потому, что хотятъ этого.

Долго ли онѣ будутъ плыть *съ открытой книгой*? Не знаю; но нѣтъ сомнѣнія, что онѣ оставятъ слѣдъ, борозду. Самые недогадливые люди стали догадываться объ ихъ значеніи.

¹⁾ Красавица-куртизанка, прославившаяся во время французской революціи пламенными рѣчами въ духѣ якобинцевъ. Она являлась къ народу вооруженной и, обращаясь къ нему, усаживалась въ живописной позѣ на пушкѣ.

²⁾ Героини первой главы.—А. И. Г

Наши отцы и дѣды отечества, наши графы и бурграфы взволновались. Они, бывшіе столь снисходительными и отечески ласковыми съ «прекрасными шалунями» (при условіи, чтобы онѣ не были женами ихъ сыновей), отнеслись совсѣмъ иначе къ строгимъ *нигилисткамъ*. Они увидѣли за ихъ очками опасность, неминуемую для государства.

Пистолетный выстрѣлъ 4 апрѣля укрѣпилъ это убѣжденіе, хотя не было никакой связи между экзальтированнымъ молодымъ человѣкомъ и серьезными занятіями этихъ барышень. Отцы отечества обратили вниманіе государя на этихъ молодыхъ особъ, которыя измѣнили видъ и покрой платья, сбросили кринолинъ и надѣли очки, а затѣмъ обрѣзали волосы. Монархъ, возмущенный тѣмъ, что онѣ измѣнили *предписанную форму*, предаль ихъ старикамъ.

Дѣло было серьезное. Совѣтъ, сенатъ, синодъ, министры, главный штабъ, архіепископъ и всѣ остальные полицейскіе чины объединились для того, чтобы съ корнемъ вырвать зло. Первое, что рѣшили, это—исключить молодыхъ особъ изъ высшихъ школъ и примѣнить *салическій законъ* ¹⁾ къ университетамъ и къ наукѣ. Затѣмъ приказали, подъ страхомъ быть арестованными *дикими* орангутангами полиціи и отправленными въ участокъ, носить кринолинъ, снять очки и въ 24 часа отпустить себѣ длинные волосы.

Святѣйшій синодъ далъ свое благословеніе и согласіе, хотя византійскій намоканонъ ничего не говоритъ о кринолинахъ и очень опредѣленно возстааетъ противъ «языческаго» обычая заплетать волосы. Полиція пустилась въ охоту за *нигилистами*. Старики были убѣждены, что они оберегли жизнь государя отъ всякаго покушенія, вплоть до Елисейскихъ полей, но они забыли, что Елисейскія поля имѣютъ своего земного представителя въ Парижѣ, съ весьма опасной круглой площадкой ²⁾.

Эти крайнія мѣры общественнаго спасенія принесли большую пользу, но не архіепископамъ и отцамъ отечества, а нашимъ молодымъ *нигилисткамъ*.

Имъ недоставало одного—отбросить театральную сторону «мундира» и развиваться во всю ширь съ полной свободой. Снять одежду, которая считалась знакомъ союза, это не такъ легко. *Государство* съ обычной своей грубостью взялось за это, оставивъ

¹⁾ Обычное право франковъ (V в.), одно изъ постановленій котораго лишало женщинъ права наслѣдованія.

²⁾ Намекъ на покушеніе Березовскаго въ 1867 г.

вдобавокъ маленькій ореоль мученичества на ихъ обрѣзанныхъ волосахъ.

Освобожденные нынѣ отъ своего костюма, плывите *вдаль*, «*nel largo Oceano*» ¹⁾).

3246. [Примѣчаніе].

Il y a quelques mois, j'ai lu dans une réunion d'amis, à Florence, la traduction de mon *Docteur S. Kroupoff*. Cette plaisanterie, qui a eu quelque succès en Russie, a été très-amicalement accueillie, et de tous côtés on m'en demande la réimpression.

Cela m'a décidé à reproduire, après avoir fait quelques corrections indispensables, l'excellente traduction de M. Axenfeld, qui a paru dans la Revue Française, il y a dix ans.

Переводъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и прелесть въ кругу друзей, во Флоренціи, переводъ моего «*Доктора Крупова*». Эта шутка, которая имѣла нѣкоторый успѣхъ въ Россіи, была очень дружески принята и меня съ разныхъ сторонъ просятъ о перепечаткѣ.

Это заставило меня напечатать, сдѣлавъ нѣкоторыя необходимыя исправленія, превосходный переводъ г. Аксенфельда, который появился десять лѣтъ тому назадъ въ одномъ французскомъ журналѣ.

3247—49. (Faits divers).

Vers la fin de l'année 1867, il est arrivé un cas assez extraordinaire à l'Université de Moscou. M. Tchitchérine, professeur de droit, devait quitter l'Université et prononcer son discours d'adieu le 20 décembre. Esprit éminemment conservateur, certes il a fallu une réaction insupportable pour que M. Tchitchérine se soit décidé à quitter l'Université et renoncer à sa vocation. Mais le recteur de l'Université, M. Barscheff, fit, pour deux jours, la clôture de l'Université la veille de la dernière leçon d'adieu de M. Tchitchérine, en disant tout simplement que c'était pour que cette leçon n'eût pas lieu. Le professeur paraissait trop libéral à ce recteur, plus royaliste que le roi.

¹⁾ Въ безпредѣльный океанъ.

— Nous lisons aussi dans la *Gazette de la Bourse* une opinion assez extraordinaire sur la *rapidité*. On y écrit de Kiew que la vente des propriétés foncières *aance d'une manière rapide*.—«Hier,» y est-il dit, «un Allemand, ou plutôt un juif, à fait à un propriétaire des propositions d'acheter un terrain pour y planter des choux; *mais le marché n'a pas été conclu*».

— L'empereur a fait cadeau de diverses propriétés foncières, dans le royaume de Pologne, à des généraux russe, tant de race russe que de race allemande. Sans parler de l'illégalité de la chose, de l'absence de tout droit, nous aurions bien voulu savoir le but. Est-ce encore la russification de la Pologne? Mais tous ces généraux de race russe et allemande jouiront du revenu sans jamais quitter Saint-Pétersbourg. Donc, c'est un moyen de russification impossible, et le but est manqué. Il n'y a que l'injustice de faire cadeau de ce qui ne nous appartient pas qui soit atteinte. Nous pensons que tout ce que le gouvernement a droit de faire, c'est d'accorder le droit de possession des terres inoccupées au *peuple polonais*, qui en manque, aussi bien que de lui accorder le droit d'acheter les terres confisquées ou mises en vente publique.

Переводъ.

(Смѣсь).

Въ концѣ 1867 г. въ Московскомъ университетѣ произошелъ довольно несбычный случай. Г. Чичеринъ, профессоръ права, долженъ былъ покинуть университетъ и прочесть 20 декабря свою прощальную лекцію. Нужна была невыносимая реакція, чтобы г. Чичеринъ, человекъ совершенно консервативнаго направленія, рѣшился оставить университетъ и отказаться отъ своего призванія. Но ректоръ университета, г. Баршевъ, закрылъ на два дня университетъ наканунѣ прощальной лекціи г. Чичерина, сказавъ откровенно, что это сдѣлано для того, чтобы эта лекція не состоялась. Профессоръ казался слишкомъ либеральнымъ этому ректору—большому роялисту, чѣмъ самъ король.

— Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» читаемъ довольно странное мнѣніе о *быстротѣ*. Тамъ пишутъ изъ Кіева, что продажа земельной собственности *быстро подвигается*. Вчера, сказано тамъ, «нѣмецъ или, вѣрнѣе, еврей предложилъ одному помѣщику купить землю, чтобы посадить на ней капусту; *но торгъ не былъ заключенъ*».

— Императоръ подарилъ нѣсколько имѣній въ Царствѣ Польскомъ русскимъ генераламъ, какъ русскаго, такъ и нѣмецкаго

происхожденія. Не говоря о беззаконности этого поступка, объ отсутствіи всякаго права, мы хотѣли бы знать, по крайней мѣрѣ, цѣль. Руссификація Польши? Но всѣ эти генералы русскаго и нѣмецкаго происхожденія будутъ пользоваться доходами, не покидая Санктъ-Петербурга. Такимъ образомъ, какъ руссификація, это средство не годится и цѣль не достигнута. Достигнута лишь несправедливость дарить то, что намъ, не принадлежитъ. Мы полагаемъ, что единственное, на что правительство имѣетъ право—это предоставить право приобрѣтать незанятая земли *польскому народу*, у котораго ихъ недостаетъ, а также даровать ему право покупать конфискованныя или продающіяся съ публичнаго торга земли.

3250. Письмо къ сыну.

21 февр. (1868). Пятница.

Вчера я былъ съ Лизой и Нини ¹⁾ на карнавалѣ и, когда ихъ довезъ домой, получилъ телеграмму отъ Тхорж. о томъ, что Огаревъ сломалъ себѣ сочлененіе между ступней и ногой («l'articulation entre le pied et la jambe»). Въ 7 я телеграфировалъ и въ 12 ночи получилъ отвѣтъ, что Маіоръ находитъ положеніе grave ²⁾.

Въ силу чего я сегодня въ 3, а, если не успѣю, завтра отправлюсь въ Женеву. Пишите опять: 7, Boul. Plein Palais, au 2.

Не выписать ли Levier? Если нужно, что можно ему предложить?

Всѣмъ кланяюсь. ¹

◆◆ 1. Огарева рассказала, что когда Герценъ получилъ телеграмму о несчастіи съ Огаревымъ, ея не было дома. «Возвратясь домой, я застала Герцена, сидящаго на стулѣ въ передней въ какомъ-то оцѣпенѣніи; я крайне удивилась его смущенному виду и необычному мѣсту. Онъ молча подалъ мнѣ телеграмму. Пробѣжавъ ее глазами, я сказала ему: «Что же, Герценъ, надо ѣхать поскорѣе; возьмемъ таблицу поѣздовъ да надо уложить сколько-нибудь бѣлья, надо торопиться». Но Герценъ сидѣлъ молча, какъ будто не слыша ни моихъ совѣтовъ, ни моихъ предложеній. «Я чувствую, сказалъ онъ, наконецъ, что я его больше не увижу». Однако, мнѣ удалось все уложить, убѣдить Герцена и проводить

¹⁾ Гарибальди.

²⁾ Тяжелымъ.

его на желѣзную дорогу; я чувствовала, что если можно успокоиться, то только тамъ, при видѣ самого Огарева» («Воспоминанія», стр. 239—240). Подробности объ обстоятельствахъ, при которыхъ Огаревъ сломалъ ногу (стр. 318—319), совершенно перепутаны ею съ тѣми, при которыхъ онъ въ 1865 г. упалъ въ Вевэ, и еще разъ могутъ только подтвердить, насколько осторожно нужно довѣряться Огаревой даже въ фактахъ, требовавшихъ чисто житейской памяти.

3251. Письмо къ сыну.

27 февр. (1868).

Письма ваши пришли. Дѣла идутъ долею хорошо и долею не очень. Тревожное время прошло, но теперь оказывается, что сроченіе дѣлается очень медленно, и, можетъ, отсутствіе всякой лихорадки пользы не сдѣлало. Маіоръ, какъ хирургъ, очень хорошъ. Опасности (безъ обморока) не предвидится; діэта строгая и уходъ хорошъ днемъ и ночью. Но лежать придется долго... *Еслибъ это послужило бы на пользу*, жалѣть нечего. Я сомнѣваюсь.

Пріѣзжать теперь ни тебѣ, ни Татѣ нужды нѣтъ; готовность ваша хороша, но, дѣйствительно, нужды нѣтъ. Если бы что-нибудь случилось аgravантное, я буду телеграфировать; чѣмъ дольше нѣтъ телеграфа или письма, тѣмъ лучше, значить all right ¹⁾.

Главное — его слишкомъ тормозать: Бакунинъ, Утинъ, Достоевскій ²⁾, Мерчинскій, Чернец., Даничъ, мы... и всѣ его женевскіе собутельники и petits Lanciers ³⁾.

Что въ будущемъ? вотъ вопросъ настоящей — и я передъ нимъ стою wie ein Ocks am Berg ⁴⁾. Несчастіе это перетряхнуло всѣхъ, *кромя* самого Огарева, и онъ на другой день послѣ выздоровленія начнетъ ту же жизнь. Мэри рассказываетъ чудеса объ его похожденияхъ; онъ до того привыкъ къ этой бродячей жизни по кабачкамъ, что его ничѣмъ не заарканишь. Ни слезы ея, ни брань, ни мои слова не имѣли вліянія. Тутъ у Огар. является такая жестокость и такой эгоизмъ, который въ его любящей и симпатичной душѣ нельзя предполагать.

Изъ Ланси его надобно увезти, и, вѣроятно, я это сдѣлаю

¹⁾ Все благополучно.

²⁾ Федоръ Михайловичъ.

³⁾ Юноши мѣстечка Ланси, ходившіе къ сыну Мэри, Генри.

Какъ быкъ на горѣ.

къ лѣту. Ну, съѣдимъ какъ-нибудь мѣсяца на два, на три... а тамъ непроницаемый туманъ.

Утинъ, который у васъ,—лжець, десять разъ пойманный; его братъ, все же, гораздо лучше его.

Какъ можетъ Мещ. не раскусить его? В., мнѣ кажется, ты слишкомъ бранишь, а у Мейз. тикъ. Мнѣ очень не нравятся контры, которые у васъ завелись; живите покойно, хсть въ виду такихъ несчастій.

Сколько я пробуду здѣсь, я не знаю. Разумѣется, я не уѣду, пока мое присутствіе нужно (тѣмъ, что я всѣхъ толкаю и элек-тризую).

Здѣсь одинъ господинъ до болѣзни хохоталъ надъ моимъ «Aphorismata», а они, по-моему, ужасно печальны. Увидите 1 апрѣля въ «Le Kolokol», но русскій текстъ лучше, потому что я весь его написалъ слогомъ стараго педанта, что придаетъ особую злость каждому слову. Къ тому же у меня въ русскомъ есть священникъ, помогающій мнѣ переводить латинскую тетрадь, совершенно непереводимый.

Ольгу цѣлую, Володимірову не цѣлую...

Et à vous, carissime Malvida, je serre la main—et *pax Vobiscum*—soyez recueillies et tranquilles en face d'un malheur.

Je donnerai votre lettre ce soir à Ogareff.

Il va bien, faites vous traduir les détails ¹⁾.

28 февраля.

Огаревъ очень удовлетворителенъ, всѣмъ кланяется.

Что за таинственное письмо послалъ ты черезъ Тхоржевскаго Устинову? Не дѣлайте, пожалуйста, скандаловъ.

Жду писемъ.

3252. Письмо къ М. К. Рейхель.

28 февраля (1868). Пятница.

7, Boulev. Plein Palais. Женева.

Вотъ я и въ Женевѣ съ 22-го. Меня выписали по телеграфу: Огар. сломалъ себѣ ногу. Онъ вечеромъ упалъ въ обморокъ

¹⁾ А вамъ, дражайшая Мальвида, жму руку—миръ вамъ—будьте сосредоточены и спокойны предъ лицомъ несчастья.

Я дамъ сегодня вечеромъ ваше письмо Огареву.

Онъ поправляется; велите перевести подробности.

на полѣ, сломаль ногу и остался безъ всякой помощи всю ночь до утра. Главная опасность миновала, но онъ еще мѣсяць будетъ лежать. Д-г Маюръ оказался очень хорошимъ. Несчастье это случилось съ 19-го на 20, въ два часа; 20 мнѣ телеграфировали, а 22, въ 4 часа, я былъ уже здѣсь.

Пишу вамъ только, чтобъ сказать: «вотъ, молъ, я здѣсь». Бакунинъ вчера уѣхалъ въ Вевэ; у него одна новость—послѣднія пуговицы панталонъ оборвались, такъ что они держатся по привычкѣ и симпатии.

Во Флоренціи всѣ цвѣтутъ. Тата порывается сюда,—увидимъ.

Ну что вы и Рейхель, и дѣти? напишите—по близости.

Вы «Колок.», вѣрно, получаете; читали мои «Fleurs doubles»? А главное—заставьте Адольфа Фогта прочесть «Крупова». Я получилъ отъ Д-га и Прозектора Тита Левіаѳанскаго возраженіе на Крупова; оно будетъ помѣщено 1 апрѣля. Тамъ я коснулся вопроса *o libre arbitre* ¹⁾. А писать было некогда. Густава Фогта я также *tanto raso* ²⁾ пощипалъ, но мало, постараюсь прибавить.

Прощайте.

3253. [О выпускѣ № 6 „Kolokol“].

Un accident grave, arrivé à mon collègue Ogareff, nous met dans l'impossibilité de faire paraître notre sixième feuille avant le 1-er Avril.

A. Herzen.

Genève, 1-er mars 1868.

Переводъ.

Несчастный случай, постигшій моего друга Огарева, не даетъ намъ возможности выпустить нашъ шестой номеръ ранѣе 1-го апрѣля.

A. Герценъ.

Женева, 1-го марта 1868.

3254. L'imbroglie.

Nous autres Russes, nous sommes dans une position tout à fait exceptionnelle envers nos ennemis — *les amis de la fraternité des*

¹⁾ О свободѣ воли.

²⁾ Порядочно.

peuples. Ils ont, contre nous, une arme invincible. Classiques en tout et toujours Romains, ils ferment les yeux, à l'instar des *pères conscrits* dans l'affaire Scipion, et ne *prennent* aucune connaissance des documents.

Nous autres, nous nous évertuons, avec toute la naïveté des frères cadets, à produire nos titres, nos droits. Nous écrivons des brochures, nous traduisons des articles, nous rédigeons une revue, et nous invitons humblement les *ainés* à descendre, pour un instant, de leur pinacle et à voir un peu nos affaires.

«Non, dit l'Esprit-Saint, je ne descends pas!»

La généreuse rhétorique leur suffit. S'excès de liberté et de droits dont ils jouissent chez eux les rend fiers et durs.

Un «contemporain», comme disent les Anglais, un «contemporain» sérieux, informe que le parti *communiste et invasionnaire* en Russie a une grande influence sur le gouvernement.—Voilà que nous sommes devenus militaires comme les Français, et l'empereur Alexandre—**communiste, comme Louis Blanc**. Mais cela n'est rien encore, et nous ne demandons pas mieux que d'avoir beaucoup d'influence sur la marche du gouvernement de Pétersbourg. La feuille sérieuse ajoute que le véritable chef, le père suprême, «l'incitateur» de tout le mouvement en Russie, c'est *Katkoff*—Katkoff, que nous avons fait connaître à l'Europe comme l'ennemi le plus acharné du mouvement socialiste et libéral en Russie ¹⁾; cette vessie gonflée par le sang polonais, qui se dégonfle; ce dénonciateur, ce calomniateur—qu'il soit le chef du parti d'action en Russie. Allons, donc ²⁾!

Tout ce qu'il y a en Russie de jeune, de fort, de dévoué; tout ce qui a un avenir sérieux, tout ce qui va à l'accomplissement des grandes destinées, appartient, d'une manière ou d'autre, à ce parti *communiste* auquel vous donnez ce titre *par haine pour le socialisme*, auquel vous mêlez les Mouravieff et les Kaufmann,—par haine pour la Russie; auquel vous donnez pour chef Katkoff par haine pour nous,—c'est-à-dire pour la minorité qui travaille pour l'émancipation du peuple russe, et qui ne renie pas son origine. Est qu'entendez-vous par communisme russe? Est-ce celui de Gracchus Babœuf—ou de Thomas Morus—ou du père Cabot?

Faut-il, encore une fois, vous dire qu'il n'y a rien de commun

¹⁾ Nouvelle phase de la littérature russe, par Iscander. 1864. A. H.

²⁾ L. M. Thiers—avec cette omniscience qui le distingue—pensant que Katkoff soit une «intelligence éminente»—vient en faire l'éloge dans une séance de la Chambre des députés, en France, c'est son affaire; mais faire de lui un représentant, voire même un chef du mouvement en Russie, c'est trop fort. A. H.

entre les rêves de vos utopistes et notre *droit réel à la terre*. Nous n'avons jamais nié la propriété, comme nous n'avons jamais fait un article de foi, un dogme de théologie du droit absolu, *affranchi de tout devoir*, d'en user et abuser.

Nous ne pouvons pas forcer à lire ce que nous publions, mais nous protesterons chaque fois que la haine ou le manque de savoir dépassera toutes les bornes.

Il y a quelques jours, j'ai écrit à un homme pour qui j'ai une estime sans bornes: «Il n'y a pas de spectacle plus triste que de voir frapper les hommes qui ne répondent pas. Ce n'est pas une lutte—mais une punition.»

Les temps où l'on parlait de la Russie comme d'un scélérat absent—et que l'on condamnait par contumace—sont passés.

Переводъ.

Путаница.

Мы, русскіе, находимся въ особенномъ, совершенно исключительномъ, положеніи въ отношеніи нашихъ враговъ—*друзей братства народовъ*. У нихъ имѣется противъ насъ непобѣдимое оружіе. Классики во всемъ, и, прежде всего, римляне, они, по примѣру сенаторовъ въ древнемъ Римѣ въ дѣлѣ Сципіона ¹⁾, закрываютъ глаза и *не хотятъ* знакомиться съ документами.

Мы же, напротивъ, со всей наивностью младшихъ братьевъ стараемся предъявить наши документы и указать наши права. Мы печатаемъ брошюры, переводимъ статьи, редактируемъ журналъ и смиренно просимъ *старшихъ*, чтобы они спустились на минутку съ высоты своего величія и немножко разобрали наши дѣла.

«Нѣтъ, отвѣчаетъ Св. Духъ, я не спущусь!» ²⁾

Они удовлетворяются благородной риторикой. Избытокъ свободы и правъ, которыми они пользуются, дѣлаетъ ихъ гордыми и черствыми.

Одинъ «современникъ», какъ говорятъ англичане, серьезный «современникъ» передаетъ, что *коммунистическая, наводняющая Россію новыми идеями партія* пользуется большимъ вліяніемъ на тамошнее правительство. Ну, вотъ мы и военные, какъ французы, а императоръ Александръ—коммунистъ, какъ Луи Бланъ. Но это

¹⁾ Публий Корнелій Африканскій, Старшій, знаменитый полководецъ, былъ привлеченъ къ отвѣтственности по дѣлу о т. наз. Сирійской добычѣ.

²⁾ Изъ Беранже.

еще ничто, и намъ больше ничего и не надо, какъ сильно вліять на петербургское правительство. Серьезная газета прибавляетъ, что настоящимъ вождемъ, верховнымъ творцомъ, подстрекателемъ движенія въ Россіи является *Катковъ*,—Катковъ, котораго мы отрекомендовали Европѣ, какъ самаго ожесточеннаго врага социалистическаго и либеральнаго движенія въ Россіи ¹⁾). Этотъ раздувшійся отъ польской крови пузырь, этотъ доносчикъ, клеветникъ, и онъ—глава дѣйственной партіи въ Россіи! Да, полноте! ²⁾)

Все молодое, сильное и преданное въ Россіи, все, что имѣетъ передъ собою серьезную будущность, все, что идетъ навстрѣчу великимъ судьбамъ, прикосновенно тѣмъ или другимъ образомъ къ коммунистической партіи, которой вы присваиваете этотъ титулъ *изъ ненависти къ социализму*, которой вы навязываете Муравьевыхъ и Кауфмановъ изъ ненависти къ Россіи; которой вождемъ вы называете Каткова изъ ненависти къ намъ, т.-е. къ меньшинству, работающему надъ раскрѣпощеніемъ русскаго народа и не отрицающему своего происхожденія. И что вы подразумѣваете подъ *русскимъ коммунизмомъ*? Есть ли это коммунизмъ Гракха Бабефа ³⁾), или Томаса Мора ⁴⁾), или отца Кабэ ⁵⁾).

Надо ли еще разъ повторить вамъ, что нѣтъ ничего общаго между мечтами вашихъ утопистовъ и нашимъ *реальнымъ правомъ на землю*. Мы никогда не отрицали собственности, точно такъ же, какъ никогда не возводили въ параграфъ религіи, въ теологическій догматъ абсолютное право, освобожденное отъ всѣхъ обязанностей, какъ пользоваться такъ и злоупотреблять имъ.

Мы не можемъ заставить людей читать тѣ, что мы печатаемъ, но каждый разъ, когда ненависть или невѣжество превзойдутъ всякія границы, мы будемъ протестовать.

Нѣсколько дней тому назадъ я писалъ одному человѣку, котораго безгранично уважаю: «Нѣтъ болѣе грустнаго зрѣлища,

¹⁾ «Новая фаза русской литературы». А. И. Г.

²⁾ Если г. Тьеръ, съ отличающимъ его всевѣдніемъ, предполагая въ Катковѣ «блестящій умъ», расточаетъ ему хвалу въ palatъ депутатовъ, это его дѣло, но дѣлать изъ него представителя, даже главу движенія въ Россіи,—это уже слишкомъ. А. И. Г.

³⁾ Babeuf, François Noël, глава коммунистическаго заговора во времена директоріи.

⁴⁾ Авторъ знаменитой «Утопіи», въ которой онъ изображаетъ государство будущаго, гдѣ трудъ будетъ обязателенъ для всѣхъ и личная собственность уничтожена.

⁵⁾ Французскій коммунистъ, основатель коммуны въ Техасѣ, проповѣдывавъ общность имущества и обязательность труда.

чѣмъ когда видишь, какъ бьютъ людей, которые не защищаются. Это—не борьба, это—наказаніе» ¹⁾).

Но времена, когда о Россіи говорили, какъ объ отсутствующемъ злодѣѣ, когда ее зочно осуждали, эти времена миновали.

3255. Communisme russe.

A propos de «L'imbroglio» et du communisme, nous croyons bien faire en publiant une lettre que nous avons adressée, il y a quelques mois, à un jeune ami tedesque.

Cher ami,

Je vous aime beaucoup; mais, enfin, franchement parlant, vos lettres ne me désennuient pas.

Il y a près de dix ans que vous me faites les mêmes questions, les mêmes objections. Vous recevez de moi les mêmes réponses et les mêmes réfutations. J'ai pensé que vous aliez m'oublier amicalement dans ma retraite italienne; pas du tout, vous me déterrez pour me lancer une épître sur votre *semper idem*, sur le *communisme* russe.

Parlons donc, de grâce, sur notre *thuranisme*—c'est plus récent et cela prête mieux à la poésie; Henri Martin en a fait une *Henriade*, une épopée de l'avenir, presque une croisade turque.

Votre mal périodique me fait penser à un vieux général que je connaissais à Moscou (j'ai déjà raconté cette histoire). Il avait un intendant qui, faisant une affaire pour son propre compte, eut un procès avec la couronne et le perdit. Lui, n'ayant pas d'argent, on s'en prit au général, et le Sénat décida: «Comme le général... un tel a donné une procuration à un tel, il est responsable de la perte telle, et conséquemment doit payer...» Le général répondit que, comme il n'avait pas donné de procuration pour aucune affaire pareille, il ne paierait pas. Le Sénat reçut la réponse, et, un an ou deux après, envoya, par la police, une notification au vieux général, dans laquelle il était dit: «Comme le général... un tel a donné une procuration... etc.»—Le général répondit: «Comme je n'ai pas donné de procuration..., etc.» Ce jeu durait encore lorsque j'ai quitté la Russie.

C'est le type de nos discussions avec vous et vos amis.

Voyons, encore une fois, de quoi s'agit-il?

Vous ne pouvez nous pardonner la facilité d'une solution simple,

¹⁾ См. № 3239.

venant, pour ainsi dire, tout naturellement de notre sol,— d'une des plus grandes questions de l'ordre social.

Cela ne vous va pas que la Russie, le pays classique du despotisme, possède des éléments dans son organisation rudimentaire, dans sa manière traditionnelle de vivre,—des éléments qui, légalement sanctionnés et scientifiquement développés, donnent une possibilité palpable de réduire le prolétariat à un minimum, qui se perd dans le nombre, et cela sans secousse ni cataclysme.

Eh bien! *saro mio*, accoutumez-vous à cela. On a assez cité la Russie pour le knout et le tzar, citez-la maintenant pour son *droit à la terre, pour son organisation agraire*. Comme consolation, nous vous recommandons de la nommer thuraniennne, asiatique.

Que voulez-vous? *Tempora mutantur*. Il y a vingt, trente ans de cela, tout le monde prenait encore l'Albion pour *perfide* et la France pour révolutionnaire, voire même républicaine.—Qui le pense maintenant? On se corrige d'après les événements, et voilà tout.

Personne ne nie que le prolétariat ne soit un mal,—mais **beaucoup de personnes nient que cela soit un mal curable. Ceux qui ne partagent pas leur opinion essaient deux voies de médication: la chirurgie des insurrections et la choloroformisation, ou le narcotisme des utopies.**

Comme les insurrections ne font que détruire, et que les utopies ne construisent rien, vous êtes venus tout naturellement *à la critique* de l'ordre existant, et là vous avez été grands, là vous avez été nos maîtres. La critique sociale, c'est, la grande oeuvre de notre siècle, l'expiation des temps misérables dans lesquels nous vivons.

La critique, comme de raison, ne vous suffit pas, et vous cherchez des solutions par la dialectique, la controverse, la scolastique et la métaphysique sociale, ce qui n'amène pas à grand'chose, la logique n'étant pas une institution reconnue par l'Etat et obligatoire pour lui.

L'incertitude devient encore plus grande par les habitudes historiques que vous avez. Vous restez presque toujours **fidèles à votre religion de l'Etat traditionnelle**, et vous ne **poussez que rarement** le doute au delà du **catéchisme politique**. **Précisément**, comme dans le protestantisme, on **scrutait les vérités jusqu'à une certaine profondeur**— et pas plus.

Ayant, pour ainsi dire, ces obstructions mentales, ces éléments irréduisibles, vous posez des questions qui ne peuvent se résoudre. Vous demandez, par exemple, «si l'Etat a l'obligation de pourvoir aux besoins du prolétariat, d'être le commanditaire suprême et le **nourricier**, ou non?» Et vous demandez, bien rarement, si un Etat **pareil**, avec une telle force ne serait pas un énorme danger? Cette question pourrait bien en emener une série d'autres et aboutir à celle-ci: Ne faut-il pas

commencer par se défaire de l'Etat existant pour guérir la grande plaie du prolétariat?

Votre critique est arrivée à la constatation d'un fait, qu'un Etat qui rend une classe nombreuse plus misérable que l'état sauvage—est une absurdité, un non-sens, et porte en lui-même le germe de sa destruction; qu'il y a évidemment une contradiction entre *le but* de l'Etat et la position fatale du prolétariat. Partant de là, il est évident qu'une telle organisation sociale ne peut durer—*qu'autant qu'on ne s'en aperçoit pas.*

Et ne dites pas que j'exagère en écrivant «position plus misérable» que l'état sauvage. Le sauvage fait impunément la maraude de l'animal; s'il a faim il va chercher quelque chose pour manger; mais le prolétaire doit choisir, s'il n'a pas de travail—entre le martyre de la mort et la flétrissure d'une condamnation. La jurisprudence est si peu physiologique, que je ne connais aucune législation, pour absoudre un homme mourant de faim, s'il mange un morceau de viande appartenant à un autre. On peut seulement le gracier!

Or, voilà des hommes, des thuraniens qui, au milieu de vos difficultés et de vos recherches—vous apportent un exemple, un élément pour une solution, pour une étude comparée. Cet élément est d'autant plus important qu'il est contemporain, qu'il est hors du monde que vous connaissez si bien—et pourtant assez à votre portée pour pouvoir vérifier, constater.

Il ne s'agit ni d'une utopie, ni d'une Icarie, il ne s'agit ni de métaphysique sociale, ni même de ces formules grandes et vagues «à chacun selon ses besoins;» il s'agit d'un simple fait de l'organisation communale et agraire, qui se développe, qui est déjà en fonction—et qui prétend exclure, autant que *le gouvernement ne l'en empêchera pas* l'existence du prolétariat.

Et cela, dans un pays qui, ma foi, n'est pas trop petit pour un exemple, ayant ses soixante millions de paysans. «Mais—mais ce pays c'est la Russie;—elle a égorgé la Pologne, elle a pendu des martyrs, elle a peuplé la Sibérie».

Tout cela est vrai; je pense que nous en savons quelque chose—mais tout cela ne va pas à l'affaire. Un tel est un assassin, et moi je dis qu'il a une magnifique chevelure blonde-cendrée.—Mais c'est un assassin.—Eh bien, est-ce que ses cheveux ont perdu pour cela leur couleur? Cette confusion d'idées me donne sur les nerfs. Encore un exemple. On vous dit que les fusils Chassepot ont fait merveille, que la France est fière de cette invention et de cette application. Et vous—vous nierez les merveilles homicides de ces fusils,—parce que la cause du pape ne vous plaît pas.

Cher ami, fils de la contrée qui a produit les Kant et les Hegel—soyez un meilleur dialecticien.

C'est bon, c'est généreux d'avoir le coeur plein d'indignation contre les méfaits de l'absolutisme—mais il ne faut pas que la compassion déborde. l'intelligence.

Enfin—dites-vous un peu impatienté—quelle est donc cette fautive organisation communale?

Ah? cher ami—vous voilà enfin dans le vrai, vous voulez savoir avant et après fulminer; c'est très-bien, c'est un pas en avant.

Je vous envoie, en conséquence, le premier numéro du *KoloKol* de cette année; vous y trouverez, dans l'article magnifique de mon collègue, tout ce que vous voulez savoir. Si quelque chose n'est pas clair, nous y sommes pour donner des explications.

Mais, faisons un compromis: avant d'avoir lu l'article vous pourrez m'écrire sur tous les sujets possibles, sur la loi de la double presse—sur Bismark faisant la cuisine pour Carl Schurz—mais vous ne m'écrirez pas sur le **communisme russe**.

Переводъ.

Русскій коммунизмъ.

По поводу «Путаницы» и коммунизма я думаю будетъ умѣстно напечатать письмо, съ которымъ я обратился нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ къ одному изъ моихъ молодыхъ нѣмецкихъ друзей.

Дорогой другъ!

Я васъ очень люблю, но, откровенно говоря, письма **ваши, въ концѣ концовъ, мнѣ прискучили.**

Вотъ уже скоро десять лѣтъ, какъ вы предлагаете мнѣ одни и тѣ же вопросы и дѣлаете мнѣ одни и тѣ же возраженія. Отъ меня вы получаете одни и тѣ же отвѣты, одни и тѣ же опроверженія. Я предполагалъ, что вы скоро дружески позабудете меня въ моемъ итальянскомъ уединеніи — ничуть не бывало! Вы откопали меня и пустили въ меня посланіемъ на тему о вашемъ *semper idem* — о русскомъ коммунизмѣ.

Пожалуйста, будемте говорить о нашемъ *туранизмѣ*,—это поновѣе и болѣе предрасполагаетъ къ поэзіи. Анри Мартэнъ сдѣлалъ изъ этого «Анриаду», эпопею будущаго, почти турецкій крестовый походъ.

Періодическіе приступы вашей болѣзни напоминають мнѣ стараго генерала, котораго я знавалъ въ Москвѣ. (Эту исторію я однажды уже разсказалъ). У него былъ управляющій, который затѣялъ какое-то дѣло на свой страхъ и рискъ; у него былъ процессъ съ казною, и онъ проигралъ его. Такъ какъ у него не было денегъ, то взялись за генерала и сенатъ опредѣлилъ: «Поелику генералъ такой-то выдалъ довѣренность такому-то, то онъ и отвѣтственъ за протори въ размѣрѣ такой-то суммы и, слѣдовательно, долженъ ее уплатить»... Генералъ отвѣтилъ, что, такъ какъ онъ не выдавалъ довѣренности на подобное дѣло, то онъ и не будетъ платить. Сенатъ, получивъ отвѣтъ его, черезъ годъ или два послалъ черезъ полицію старому генералу увѣдомленіе, въ которомъ было сказано: «Поелику генералъ такой-то выдалъ довѣренность такому-то... то» и т. д. Генералъ отвѣтилъ: «Такъ какъ я не выдавалъ довѣренности, то... и т. д.». Игра эта еще продолжалась, когда я покинулъ Россію.

Это — образчикъ нашихъ споровъ съ вами и съ вашими друзьями.

Разберемте-ка еще разъ, о чемъ, собственно, идетъ рѣчь.

Вы не можете простить намъ легкости и простоты, съ какими рѣшается одна изъ величайшихъ задачъ соціального строя, причемъ рѣшеніе это вытекаетъ, такъ сказать, совершенно естественно изъ нашей почвы.

Вамъ не нравится, что Россія, эта классическая страна деспотизма, обладаетъ въ своей зачаточной организаціи, въ своемъ традиціонномъ обиходѣ элементами, которые, освященные закономъ и научно развитые, дадутъ осязаемую возможность довести количество пролетаріата до минимума, который совершенно затеряется въ массѣ народонаселенія, и все это безъ потрясеній, безъ катаклизма.

Что же дѣлать, дорогой мой, приучайтесь къ этой мысли.

Достаточно уже вспоминали Россію за кнутъ и царя; теперь, упоминая о ней, говорите объ ея *правѣ на землю, объ ея аграрной организаціи*. Въ утѣшеніе позволяемъ вамъ называть ее туранской, азіатской.

Что подѣлаешь! Времена мѣняются. Двадцать-тридцать лѣтъ тому назадъ всѣ считали Англію *коварной*, а Францію — революціонной, даже республиканской. Кто думаетъ такъ въ настоящее время? Приходится поправлять самого себя согласно событіямъ, — вотъ и все.

Никто не отрицаетъ, что пролетаріатъ — зло, но большинство людей считаетъ его зломъ неизлѣчимымъ. Не раздѣляющіе этого

ми́нїя находятъ два пути лѣченїя: хирургїю, т.-е. возстанїя, и хлороформированїе, или наркотизацію утопіями.

Такъ какъ возстанїя только разрушаютъ, и такъ какъ утопіи ничего не созидаютъ, то въ естественнымъ путемъ пришли *къ критикѣ* существующаго порядка, и въ этомъ вы были велики, въ этомъ вы были нашими учителями. Критика социальнихъ отношенїй — великій подвигъ нашего вѣка, искупленїе жалкой эпохи, въ которую намъ приходится жить.

Критика, какъ и слѣдуетъ, не удовлетворяетъ васъ, и вы ищете разрѣшенїя въ діалектикѣ, въ пренїяхъ, въ схоластикѣ и въ социальной метафизикѣ, что не даетъ большихъ результатовъ, потому что логика—непризнаваемое государствомъ и необязательное для него учрежденїе.

Шаткость вашей позиціи увеличивается, благодаря вашимъ историческимъ привычкамъ. Вы почти всегда остаетесь вѣрными вашей религіи традиціоннаго государства и только въ рѣдкихъ случаяхъ доводите сомнѣнїе за предѣлы политическаго катехизиса, — **совершенно такъ же, какъ въ протестантизмѣ истины изслѣдуются только до извѣстной глубины, но не больше.**

Подъ вліяніемъ этихъ, такъ сказать, умственныхъ путей, исходя изъ этихъ неподвижныхъ основанїй, вы ставите неразрѣшимые вопросы. Вы спрашиваете, напримѣръ: «обязано ли государство помогать пролетаріату въ его нуждахъ, быть главнымъ поставщикомъ и кормильцемъ или нѣтъ?». И вы спрашиваете, правда, очень рѣдко, не представляетъ ли подобное государство, обладающее такой силой, огромной опасности? Этотъ вопросъ можетъ вызвать цѣлый рядъ другихъ вопросовъ и закончиться слѣдующимъ: «Не нужно ли для излѣченїя великой язвы пролетаріата начать съ разрушенїя существующаго государства?».

Ваша критика закончилась констатированїемъ факта, что государство, приводящее многочисленный классъ населенїя въ состоянїе болѣе жалкое, чѣмъ состоянїе дикарей, есть абсурдъ, бессмыслица и въ себѣ самомъ носитъ зародышъ разрушенїя; что, очевидно, существуетъ противорѣчіе между *целью* государства и роковымъ положенїемъ пролетаріата. Отсюда ясно, что подобная социальная организація можетъ существовать только до тѣхъ поръ, пока это *остается незамѣченнымъ*.

И не говорите, что я преувеличиваю, говоря «состоянїе болѣе жадкое, чѣмъ состоянїе дикарей». Дикарь безнаказанно по-животному грабитъ: если онъ голоденъ, онъ ищетъ чего поѣсть. Но пролетарій, если у него нѣтъ работы, долженъ выбирать между мученичествомъ смерти и позоромъ осужденїя. Юриспруденція настолько

нефизиологична, что я не знаю ни одного законодательства, которое оправдывало бы умирающего съ голоду, если онъ съѣсть кусочекъ мяса, принадлежащій другому. Его можно только помиловать!

И вотъ передъ вами народъ, туранцы, преподносящіе вамъ, среди вашихъ затрудненій и изысканій, примѣръ, *элементъ* для рѣшенія, для сравнительнаго изученія. Элементъ этотъ тѣмъ болѣе важенъ, что онъ современенъ, что онъ внѣ того міра, который вамъ такъ хорошо знакомъ, и въ то же время на такомъ отъ васъ разстояніи, что вы можете удостовѣриться въ немъ и констатировать его реальность.

Рѣчь идетъ не объ утопіи, не объ Икаріи, не о соціальной метафизикѣ и даже не о великихъ и неопредѣленныхъ формулахъ въ родѣ «каждому по его потребностямъ»,—рѣчь идетъ о простомъ фактѣ общинной и аграрной организаціи, которая развивается, которая уже функционируетъ и которая сдѣлаетъ невозможнымъ, *если только іосударство не помѣшаетъ*, самое существованіе пролетаріата.

И всё это въ странѣ, повѣрьте мнѣ, не слишкомъ маленькой для эксперимента, потому что у нея шестидесятимилліонное крестьянское населеніе. «Но.. но... вѣдь, эта страна—Россія; она задушила Польшу, она повѣсила мучениковъ, она заселила Сибирь».

Все это правда; конечно, ко всему этому мы причастны, но это не имѣетъ никакого отношенія къ данному вопросу. Такой-то—убійца; а я утверждаю, что у него великолѣпные пепельно-бѣлокурые волосы. «Но онъ—убійца». Ну что же, развѣ волосы его измѣнили свой цвѣтъ отъ этого? Подобное смѣшеніе понятій раздражаетъ меня. Еще одинъ примѣръ. Вамъ говорятъ, что ружья Шаспо дѣлаютъ чудеса, что Франція гордится этимъ изобрѣтеніемъ и его примѣненіемъ. А вы.. вы станете отрицать чудеса, человѣкоубійства, творимыя этими ружьями изъ-за того, что вамъ не по душѣ вопросъ о власти папы.

Дорогой другъ, сынъ родины Кантовъ и Гегелей, овладѣйте лучше діалектикой.

Конечно, очень хорошо и благородно пылать негодованіемъ противъ преступленій самовластья, но не годится, чтобы сочувствіе затуманивало разумъ.

Въ концѣ концовъ, вы теряете терпѣніе и спрашиваете: да что же такое, наконецъ, эта знаменитая общинная организація?

Вотъ, другъ мой, здѣсь-то вы на правильномъ пути! Вы хотите раньше знать, а потомъ уже метать молніи. Это превосходно, это—шагъ впередъ.

Вслѣдствіе этого посылаю вамъ 1-й № «Kolokol» за нынѣшній годъ. Въ немъ, въ великолѣпной статьѣ моего товарища вы найдете все, что хотите знать. Если вамъ кое-что покажется неяснымъ, мы можемъ дать разъясненія ¹⁾).

Но давайте напередъ условимся: до прочтенія этой статьи можете мнѣ писать о чемъ угодно, — о законѣ двойной прессы, о Бисмаркѣ, угощающемъ Карла Шурца... но не пишите мнѣ о русскомъ коммунизмѣ.

3256. Arthur Beni.

La *Gazette de Pétersbourg* du 7/20 février, donne la nouvelle de la mort d'Arthur Beni — tué à la bataille de Mentana dans les rangs des garibaldiens. La nouvelle n'est pas exacte — mais ce qui est malheureusement vrai, c'est qu'il a été grièvement blessé à la main.

A. Beni était, au camp de Garibaldi, en qualité de correspondant de deux feuilles de Londres. Blessé, il a été porté à Rome. Une vingtaine de jours après la bataille, il nous a envoyé une lettre à Florence; la lettre était écrite de sa main gauche, et parfaitement bien. Il nous parla d'une opération qu'il attendait. Si Beni a succombé — c'est donc après l'opération.

Vu les allusions de l'article de la *Gazette de Pétersbourg*, nous croyons de notre devoir de dire que tous les nuages qui étaient entre A. Beni et nous, se sont complètement dissipés.

Переводъ.

Артуръ Бени.

«Петербургскія Вѣдомости» отъ 7/20 февраля извѣщаютъ о смерти Артура Бени, убитаго въ сраженіи у Ментаны ²⁾ въ рядахъ гарибальдийцевъ. Извѣстіе не точное, но, что, къ несчастію, вѣрно, — онъ былъ тяжело раненъ въ руку.

A. Бени былъ въ лагерѣ Гарибальди въ качествѣ корреспондента двухъ лондонскихъ газетъ. Раненымъ онъ былъ перевезенъ

¹⁾ Статья Огарева: «La Russie actuelle et son développement».

²⁾ Въ Италіи, недалеко отъ Рима; тамъ Гарибальди потерпѣлъ поражение, нанесенное ему соединенными папскими и французскими войсками (1867).

въ Римъ. Дней двадцать *спустя* послѣ битвы, онъ прислалъ намъ письмо во Флоренцію; оно было написано имъ лѣвой рукой, и со-всѣмъ хорошо. Онъ говорилъ объ операциі, которой ждалъ. Если Бени погибъ, то, значитъ, послѣ операциі.

Въ виду намековъ статьи въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», мы считаемъ своимъ долгомъ сказать, что всѣ недоразумѣнія, которыя были между А. Бени и нами, совершенно разсѣялись.

3257. Письмо не для печати.

Съ мѣсяць тому назадъ редакція «Колокола» получила нравоучительное письмо въ томъ родѣ, какъ наши соотечественники ихъ пишутъ, т. е. въ родѣ начальническаго внушенія, и съ той наивностью въ выборѣ выраженій, которая свидѣтельствуешь о молодости образованія. Письмо авторъ назначалъ *не для печати*, а для моего назиданія, но *адресовалъ его въ редакцію*. Не имѣя никакого права на интимную переписку съ *незнакомымъ*, я сообщилъ его нашимъ друзьямъ въ Италіи (письмо мнѣ было переслано изъ Женева въ Италію). Они просили меня помѣстить ихъ отвѣтъ. Я не вижу причины отказать имъ въ этомъ, тѣмъ болѣе, что письмо и отвѣтъ присланы М. А. Бакунинымъ ¹⁾.

3258. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

1 mars 1868. Dimanche.

Chère Malvidal

J'ai reçu votre lettre—et je m'en vais vous donner pour réponse une encyclique que je vous prierai de lire avec Alex. et Tata.

J'ai été froissé au suprême degré par la lettre d'Alex. à Oustinnoff (qui me l'a montrée) il y a quelque chose de dur et de mesquin dans cette guerre à outrance à une fille, et au même moment, où vous m'écrivez (et je le sais moi-même) que le caractère de Tata est tel qu'il est impossible de lui nuire et Olga assez éloignée. Remarquez

¹⁾ Слѣдуютъ: самое письмо изъ Берлина, въ которомъ заключаются возраженія на 2-ю статью Огарева «La Russie actuelle» съ указаніемъ въ заключеніе, что «вообще всѣ статьи г. Огарева всѣ здравомыслящія находили постоянно недобросовѣстными, но, что еще хуже, преступными и онѣ роняютъ «Колоколъ»; «Отвѣтъ» У и сопровождавшая его замѣтка * * *.

qu'Alex. savait très bien que j'étais à Genève en envoyant la lettre non à moi, mais à Tchorsevsky. Pourquoi donc dans une affaire si délicate ne pas avoir pensé à un conseil de moi?

Maintenant le tout ensemble est grave. Or, ma visite qui vous a si plu au mois de Décembre a été le final d'une vie bonne et limpide à Florence. — On a mêlé tant d'éléments hétérogènes que l'ensemble sera dissonant et vive le D-r Kroupoff.

M-elle Volod. est un hasard — un mal passager — mais je vois d'ici l'impossibilité d'aucune lecture. Teres. et Linda ne comprennent que l'italien. L'impossibilité d'intérêts sérieux avec des demi enfants. Je prévoyais tout cela en vous quittant.

Autant que je puis juger, vous devez être maintenant dans une brouille. Car Tata n'est certainement pour rien dans la lettre à Oustinnoff, or, tension entre vous et elle.

Tension entre Alex. et elle.

De là ennui, atmosphère lourde. Chère amie, sono vecchio assai pour dire ces choses franchement, et je les dis par amour et amitié. **Qu'avez-vous fait de la vie qui était possible? Qu'a fait Alex. pour le repos de ses soeurs. — Rien de bon dans l'avenir. Faites un plan.** Moi, j'irai dans une quinzaine à Nice, puis, je pense qu'Ogareff pourra passer (fin Mai) avec nous un mois, six semaines. Tata pourra venir aussi (même avec M-me Kassatkine) qui va à Lugano.

Pour de l'unité vous n'en aurez pas—ou donnez moi un démenti, et je vous baiserais les deux mains.

l'Vecchio.

Le portrait d'Olga est très beau. Ogar. prie un pour lui. Il va assez bien. Figurez vous que j'ai écrit le 23 les détails d'Og., et le 1 Mars personne n'a répondu même pas un cri d'horreur. Est-ce que le télégramme était suffisant?

Addio. Montrez cette lettre à Alex. et Tata.

Переводъ.

1 марта 1868. Воскресенье.

Дорогая Мальвида!

Получилъ ваше письмо и въ отвѣтъ шлю вамъ энциклику, прочесть которую прошу васъ вмѣстѣ съ Александромъ и Татою.

Письмо Александра Устинову (оно было показано мнѣ) въ высшей степени оскорбило меня; есть нѣчто жесткое и мелочное въ этой доведенной до послѣднихъ предѣловъ войнѣ противъ молодой дѣвушки, и это въ то время, когда вы мнѣ пишете (да я

и самъ знаю), что характеръ Таты таковъ, что его ничѣмъ не испортишь, а Ольга достаточно далека отъ всѣхъ этихъ дрязгъ. Замѣтите: Алекс., адресуя письмо не мнѣ, а Тхоржевскому, прекрасно зналъ, что я былъ въ Женевѣ. Почему же въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ не подумать о томъ, чтобы обратиться за совѣтомъ ко мнѣ?

Теперь же все вмѣстѣ взятое очень серьезно. А мое посѣщеніе, столь нравившееся вамъ въ декабрѣ, оказывается, было финаломъ хорошей и безмятежной жизни во Флоренціи. Смѣшались въ одну кучу столь разнородные элементы, что получается диссонансъ, и да здравствуетъ д-ръ Круповъ! M-elle Волод., это—случайность, преходящее зло, но я отсюда вижу невозможность какого бы то ни было чтенія: Терез. и Линда ¹⁾ не знаютъ другого языка, кромѣ итальянскаго. Также невозможны какіе бы то ни было серьезные интересы съ полу-дѣтьми. Уже покидая васъ, я предвидѣлъ все это.

Насколько могу судить, среди васъ теперь должны быть раздоры. Тата, навѣрно, не причемъ въ письмѣ къ Устинову,—значить, натянутыя отношенія между вами и ею, натянутыя отношенія между Алекс. и ею.

Отсюда—скука, тяжелая атмосфера. Дорогой другъ мой, я достаточно старъ для того, чтобы откровенно высказать все это, и я говорю изъ любви и дружбы. Что вы сдѣлали изъ жизни, которая была очень сносна? Что сдѣлалъ Алекс. для отдыха своихъ сестеръ? Въ будущемъ ничего хорошаго. Составьте какой-нибудь планъ. Что касается меня, то я недѣльки черезъ двѣ уѣду въ Ниццу. Потомъ (приблизительно въ концѣ мая), я думаю, Огаревъ проведетъ съ нами мѣсяць или шесть недѣль; Тата также сумѣетъ пріѣхать, хотя бы съ г-жей Касаткиной, ѣдущей въ Лугано.

Единенія вы имѣть не будете, или изобличите меня во лжи, и я расцѣлюю объ ваши руки.

Старикъ.

Портретъ Ольги очень хорошъ. Огаревъ проситъ, ему дать одинъ. Здоровье его не дурно. Представьте себѣ, что 23-го я сообщилъ подробности объ Ог., а къ 1-му марта никто еще не отозвался хотя бы крикомъ ужаса. Развѣ телеграммы было достаточно?

Прощайте. Покажите письмо Алекс. и Татѣ.

¹⁾ Итальянская пѣвица.

3259. Письмо къ Лизѣ.

3 марта 1868.
Женева.

Дружокъ мой Лиза, папѣ Ага гораздо лучше; мы всѣ очень были рады слышать это отъ Маіора. Онъ все еще лежитъ, и вся нога перевязана. Сегодня ему позволено немного писать. Я приѣду, когда ему будетъ еще лучше, и мы будемъ собираться въ Лозанну.

Тебѣ везу книгу, которую будемъ читать вмѣстѣ—«L'histoire d'un paysan du 1788» того автора, который писалъ «Blocus»¹⁾.

А вотъ тебѣ и Шильонъ²⁾.

Скажи Лизаветѣ, что часы я нашелъ удивительные за 50 фр.; есть тоже хорошіе за 45, но за 50 такіе часы, которые прежде стоили 125 и 150, съ именовъ часовщика и его отвѣтственности.

Напиши мнѣ сейчасъ, которые покупать.

Прощай; играй, учись, но не кривляйся, а пуще всего не отвѣчай дурно ни мамѣ, ни кому.

Погода здѣсь опять поправилась. Я перешелъ отъ вѣтра въ другую комнату.

А который часъ?

Сколько минутъ?

Прощай, цѣлую тебя.

3260. Письмо къ старшимъ дочерямъ.

4—10 марта 1868).

Татъ.

Пока Ог. будетъ лежать, опасности, кромѣ обморока, нѣтъ,—встать онъ не можетъ. Присмотръ порядочный. На нынѣшней недѣлѣ можно ждать, по прошлымъ примѣрамъ, обморока. Если онъ будетъ слабый, какъ вероятно, то еще три недѣли или мѣсяцъ выиграны. Опасность начнется тогда, когда онъ встанетъ, и тутъ средство то, которое я предложилъ, а онъ принялъ: прожить мѣсяца два вмѣстѣ.

Вотъ что можетъ быть съ обмороками. Виніери, который возвратился сюда изъ Итали, лѣчитъ грудь женевскимъ тортомъ; сталъ харкать кровью; у него сдѣлался обморокъ; онъ упалъ, уро-

¹⁾ Эркманъ и Шатріанъ.

²⁾ Внизу красиваго почтового листа напечатанъ Шильонскій замокъ.

нилъ свѣчу, и гардины уже загорѣлись, когда случайно гарсонъ взошелъ и спасъ его и отель.

Твой приѣздъ ни къ чему не можетъ служить. Я думаю, что я поѣду къ 1 апрѣля и возвращусь въ маѣ. Тогда, если хочешь, приѣзжай въ Ниццу, и вмѣстѣ поѣдемъ въ Лозанну.

Je t'embrasse, chère Olga, et je pense que c'est bien plus difficile pour toi de venir faire une visite à Ogareff—l'été à Lausanne ou quelqu'autre part en Suisse. C'est dommage. Car il vous aime beaucoup.

Deux a propos — qui ne le sont pas: 1° J'ai vu ici un homme qui connaît l'affaire de Kelseff—il a refusé net de nommer les personnes en Russie avec lesquelles—il a été en rapport. Il n'a parle que de moi et Czer.—Le comte Chouvaloff a mis cela, dans le rapport à l'emp. et celui là a écrit là-dessus—«Dites lui—que je commence a l'estimer pour celal»—Quel encouragement pour les viles dénonciateurs!

2. Le grand, Ivan, Le Savitch est à Nice. . . . ich nieste Adieu!).

3261. Письмо къ сыну.

11 марта (1868).

Вотъ наскоро важный рапортъ. Вчера, когда я оставилъ Огар. въ 9 час. 20 мин., онъ былъ совсѣмъ здоровъ, только сонливъ (день электрической); въ 9—30 съ нимъ сдѣлался обморокъ (я ждалъ, потому что срокъ трехъ недѣль подходилъ).

1) Цѣлую тебя, милая Ольга, и думаю, что для тебя гораздо труднѣе посѣтить Огарева лѣтомъ въ Лозаннѣ или вообще въ Швейцарии. Жаль, ибо онъ васъ сильно любитъ.

Два некстати «кстати»,—можно, впрочемъ, ихъ иначе назвать:

1) Я здѣсь видѣлъ человѣка, знающего кельсіевское дѣло—онъ *) наотрѣз отказался назвать лицъ, находящихся въ Россіи, съ которыми былъ въ сношеніяхъ. Онъ упомянулъ только меня и Чер.—Графъ Шуваловъ включилъ это въ свой рапортъ императору, а императоръ на этомъ надписалъ: «Скажите ему, что я начинаю уважать его за это!»

Какое поощреніе для низкихъ доносчиковъ!

2) Иже великій, иже Иванъ, иже Савичъ теперь въ Ниццѣ... въ я зачихалъ **).

Прощай.

*) В. И. Кельсіевъ.

**) Игра словъ: Ницца по-французски произносится *ниссэ*; а по-нѣмецки *нисте*—я зачихалъ.

Нога осталась цѣла и невредима. М. ¹⁾ держала ее, какъ Маіоръ велѣлъ. Маіоръ былъ утромъ и нашель, что повязка въ порядкѣ. Стало, эта туча, самая страшная, прошла. Но худо одно—черезъ 24 часа онъ былъ exhausted ²⁾, какъ прежде я не видалъ. Видно, силъ много ушло.

Сегодня иду къ Маіору поговорить a parte ³⁾. Ты, если хочешь пріѣхать, то пригоняй такъ, чтобъ остаться хоть десять дней или недѣлю послѣ меня.

Послѣ Маіора я приишу.

У насъ снѣгъ на поларшина и сегодня дрова привезли мимо насъ въ саняхъ à la russe, точно въ Вяткѣ, а, впрочемъ не очень холодно. Я здоровъ и даже меньше кашляю.

Съ Lancy всѣ сношенія прерваны, извозч. не хотятъ ѣхать, пѣшкомъ нельзя итти—поларшина снѣга. Развѣ, къ вечеру перемѣна.

Я тебѣ пришлю въ Specol'у черезъ два дня корректуру «Анти-Крупова»; ты ее сначала прочти и потомъ сдѣлай сюрпризъ Мейзенб. и Татѣ, и Шиффу, и Леве, — прочти имъ громко, artistisch.

Сашъ особо.

Нужды большой нѣтъ тебѣ ѣздить, но, если хочешь, напиши обстоятельно.

Маіора видѣлъ. Ничего, онъ доволенъ. Он. оправился. Маіоръ думаетъ, что ѣхать слѣдуетъ не въ Лозанну, а на воды въ Aix или въ Baden въ Швейцаріи. Для меня все равно.

3262. Письмо къ сыну.

(11 марта 1868). Позже.

Маіоръ совѣтуетъ ѣхать въ Aix les bains или въ Baden (Argovie); Огар. не хочется, онъ хочетъ въ Лозанну (по пароходу). Спроси Шиффа, очень ли нужно въ ванны.

Я думаю, если ты хочешь пріѣхать, пріѣзжай ко второму обмороку, который будетъ между 28 и 31 марта; тогда я поѣду въ Ницу. Туда можетъ къ 1 мая пріѣхать Тата, и всѣ вмѣстѣ около 15 двинемся въ Швейцарію.

Отвѣчай о мнѣнїи Шиффа. Зачѣмъ же его мучить?

Ходить первое время онъ будетъ на костыляхъ.

¹⁾ Мэри.

²⁾ Истощенъ.

³⁾ Наединѣ.

3263. Письмо къ сыну.

(12—14 марта 1868).

Огар. послѣ болѣзни больше сталъ походить на себя, чѣмъ всѣ послѣдніе годы, ex gr., съ 1863—64. Жизненный вопросъ для меня ясенъ: будетъ онъ пить—онъ погибшій человѣкъ, не будетъ—онъ еще удивить всѣхъ васъ силой, талантомъ и поэзіей. По несчастію, я не увѣренъ въ послѣднемъ. Болѣзнь его раскрыла, какъ онъ пилъ; надобно дивиться, что онъ могъ выносить все это. Мое питье (а, вѣдь, я пью довольно и даже много) ничего не имѣетъ общаго. Что тутъ сдѣлаешь? А мнѣ кажется, что первый день, когда онъ выйдетъ, хоть съ костылемъ, такъ уйдетъ тайкомъ и напьется. Это меня буравить.

Насчетъ будущаго вотъ, что рѣшено. Майоръ говоритъ, что къ 15 мая онъ можетъ спокойно ѣхать куда-нибудь, особенно на пароходъ, а потому онъ хочетъ прожить со мной въ *Лозаннѣ*, въ пансіонѣ, 6 недѣль или 2 мѣсяца.

Тамъ хочетъ онъ очень видѣть всѣхъ васъ и Лизу, и Н. Онъ будетъ одинъ, а Тхоржевскій перевезетъ его домъ въ Паки и останется пока тамъ. Я предполагаю ѣхать *черезъ двѣ недѣли* въ Ниццу и пріѣхать совсѣмъ къ 15 мая въ *Лозанну*.

Ерго, хочешь ли ты теперь или послѣ пріѣхать, это зависитъ совершенно отъ тебя. Я на путевые издержки тебѣ ассигную 150 фр. особо. Можетъ, самое лучшее было бы тебѣ пріѣхать тогда, когда я поѣду, для того, чтобъ замѣнить меня. Остановиться можешь съ Тхоржевскимъ, а пока я тутъ—въ *Hôtel de la poste (garni)*, это въ двухъ шагахъ отъ *Plein Palais*.

Татѣ кланяюсь и Ольгѣ, и Мейз. На письма ихъ буду овѣчать немедленно. Отъ Огар. Татѣ записка.

Мальчикъ ¹⁾ уменъ и милъ. Пришелъ ли «Колок.» и какъ успѣхъ?

3264. Изъ дневника.

15 марта 1868.

Женева.

Я сталъ трусъ и боюсь, какъ огня, новыхъ потрясеній; вся сила моя потрагилась на 1851, 1852 да на декабрь 1864. Самага

¹⁾ Туць.

мучительнаго элемента никто не знаетъ; это—не ударъ, а неизвѣстность и выжиданіе.

Подъѣзжалъ къ Женевѣ 22 февраля.. Я ѣхалъ послѣдній часъ въ изнеможеніи. Отъ страха я телеграфировалъ изъ Марсели, чтобы Тхоржевскій меня ждалъ на станціи; подъѣзжая, я боялся его встрѣтить и вдвое—того, что его не будетъ на станціи. Ожиданіе, неизвѣстность точать тѣло. И такъ странно, даже нѣтъ той свѣжей радости, что не такъ дурно.. «Такъ.это только-то?»

Я невольно задумался, перечитывая эти слова; это совершенно такъ. Человѣкъ нѣмбѣтъ, слабѣтъ, становится въ дурномъ смыслѣ выносливѣе и трусливѣе. Какъ рѣзко, крѣпко раздались первые удары, которыми судьба подрубила меня; это былъ звукъ топора въ дубъ, звукъ сильнаго звѣря, неожиданно раненаго. Но ударъ за ударомъ—и дубъ звучитъ глуше, а вершина качается *больше*.

И ни на что не считаешь,—какое-то чувство недовѣрія говорить непрерывно: все это непрочно, и эгоистически становится страшно, что и ~~самъ непрочно и другимъ то становится жаль для себя, т. е. зачѣмъ ихъ у меня не будетъ.~~

Есть еще степень внизъ, послѣдняя,—она, какъ и во всемъ, состоитъ въ *быстрѣ*, въ томъ, чтобы закрыть глаза, заткнуть уши, выйти вонъ. Этого еще *не было*, но я чувствую, что можетъ быть. А, впрочемъ, и было. Я оглушаю себя въ тоскѣ виномъ. До опьяненія я никогда не пью,—это мнѣ противно, и я боюсь головной боли,—но вино укрѣпляетъ и успокаиваетъ, и я часто пью съ цѣлью бѣгства отъ боли.

Есть болѣзни, которыхъ я не могу больше видѣть, не отъ боязни заразы: этого со мной отъ роду не было,—я расскажу, отъ чего, потомъ,—я боюсь нѣкоторыхъ болѣзней, но для такого разсказа надобно собраться съ духомъ, переломить себя.

3265. Письмо къ сыну.

16 марта (1868).

Одно письмо, можетъ, и пропало; вообще, почта не безъ грѣховъ: письмо отъ Мальвиды отъ 13 пришло раньше письма твоего отъ 12; можно было бы думать, что ты забылъ отправить, такъ нѣтъ—штемпель туринской 13, а Firenze—12. Это досадно. Огаревъ сильно идетъ въ гору; если ничего не случится, онъ къ 25 спуститъ ноги. Я жду отъ тебя обстоятельнаго отвѣта насчетъ водъ. Не лучше ли тебѣ пріѣхать, когда я уѣду, и проѣхать сюда

черезъ Ниццу, а назадъ черезъ Mont Cenis въ апрѣлѣ? А то больно коротко. Вообще, жди дальнѣйшихъ вѣстей.

N. пишетъ, что она сдѣлала ошибку и дала, не подумавъ, какому-то незнакомому нѣмцу, сказавшему, что знакомъ съ Мейз., вашъ адресъ.

Да такую же ошибку сдѣлалъ и я, давши трубочку свеети Батакову,—объ немъ слухи *нехороши*.

Говорятъ положительно, что Бени умеръ въ Римѣ.

Саго mio, не ссылайся, пожалуйста, ни на Шиффа, ни на Левье—они партизаны твоего дѣла, а я его боюсь—за тебя и за общій покой. Но оставимъ это времени. Выслать изъ города Вол.—говорите, что хотите, ужасно смѣшно. Ну, еслибъ отсюда вздумали гонять всѣхъ лоретокъ?

Всѣ быстрыя переживанія и развитія очень трудны. Я съ печалью и досадою смотрю на Генри. Онъ его ведетъ самой прямой дорогой въ гибель. I am so nervous ¹⁾,—тянется, къ тому же ни таланта, ничего и вся посадка бѣднаго барича. Мое несчастье—слишкомъ простой взглядъ.

Еще вопросъ. Да вообще слѣдуетъ ли тебѣ отрываться именно теперь, когда улучшение Огар. пошло быстро впередъ? Не оставить ли до лѣта? Пиши обо всемъ скорѣе, я ранѣе 1 апрѣля не ѣду.

Прощай.

3266. Письмо къ сыну.

20 марта (1868), пятница.

У Огар. былъ еще обморокъ при мнѣ и Тх.; нога уцѣлѣла да и конвульсій было мало. Худо то, что обморокъ былъ безъ причины, безъ признака (онъ совершенно весело разговаривалъ; я пошелъ садиться въ коляску, какъ М. позвала назадъ).

Чѣмъ ближе время куда-нибудь ѣхать, тѣмъ меньше ему хочется.

Я мало предчувствую хорошаго послѣ выздоровленія.

Долго нѣтъ отъ васъ отвѣтовъ.

Туцъ, дѣйствительно, милъ и умень.

¹⁾ Я такой нервный.

3267. Письмо къ Н. П. Огареву.

(20—24 марта 1868).

Такъ какъ ты не очень любишь отвѣчать словесно, то вотъ тебѣ вопросы письменные. Думая и думая, какъ сдѣлать свиданіе всѣхъ и безъ особыхъ дурныхъ вліяній и даже сплетень, я дошелъ вотъ до чего.

Если тебѣ можно будетъ ходить, ех. гр., къ 1... 15 мая, то я приглашаю тебя *недѣль на шесть* ѣхать одного куда-нибудь въ маленькій пансіонъ, если не Женевѣ, то не дальше Лозанны. Согласенъ или нѣтъ?

Если согласенъ, то до моего приѣзда слѣдуетъ все приготовить, и я поѣду, ех. гр., до 15 мая, съ тѣмъ, чтобы въ началѣ мая ихъ привезти.

Не согласенъ, ~~такъ скажи, тогда~~ надобно совсѣмъ иначе расположить врененіе.

3268. Письмо къ Н. П. Огареву.

25 марта 1868.

Прилагаю 500 фр. на апрѣль. Чтобъ не путаться ни въ какихъ счетахъ и наладить тебя, ты начни съ того, что забудь о сатинской присылкѣ и знай вотъ что. Я дамъ Тхорж. два чека: одинъ для Маіора и расх. 500, другой для уплаты долговъ въ 500, и оставилъ у себя для твоего ремонта къ выходу 500. Это составляетъ 2.000.

Затѣмъ ты долженъ рѣшиться и свести себя на сказанные 500 фр. въ мѣсяцъ съ 1 мая—и *ganz prosaisch* ¹⁾. сдѣлать бюджетъ. Болѣзнь твоя не ввела тебя въ траты, но здоровье—очень. Сатинъ послѣ такого обильнаго кровопусканья ²⁾, навѣрное, два года ничего не пришлетъ.

Согласенъ?

Теперь одно слово, и послѣднее, о Генри. Не въ Фрейбургъ или Невшатель ему нужно, а *вонъ изъ твоего дома*, гдѣ онъ идетъ,

¹⁾ Совершенно прозаично.

²⁾ Послѣ карточного проигрыша 20000 fr.

съ правильною брегетовыхъ часовъ, къ гибели. Онъ избалованъ, баришь, peignous и празденъ. Въ успѣхахъ его я сомнѣваюсь. Виновать, разумѣется, не онъ, виновать ты. Что ты сдѣлалъ изъ него? Работникомъ онъ не будетъ, научникомъ—неспособенъ, наслѣдства не получитъ, притязанія на жизнь развиты. Да ты думалъ ли, куда это ведетъ? Это—худшее общественное положеніе. Изъ своего круга онъ подвышенъ, для нашего недоразвитъ. И это мы (я въ своей жизни бьюсь и не могу выбиться) de propos délibéré и de gaieté de coeur ¹⁾ допускаемъ передъ глазами. Мнѣ жаль будущихъ угрызений. И все-то это безъ фаталитета *выдуманно*, т. е. натянуто тобой. Я увѣренъ, что М. ²⁾ практичнѣ тебя смотритъ и отдастъ его сейчасъ.

Я долженъ былъ тебѣ сказать, засимъ объ этомъ *говорить не стану*. Поговори съ Сашей, онъ—свѣжій человекъ. Можетъ, и я ошибаюсь. Засимъ прощай.

P.-S. Помни, что послѣ 1 мая, т. е. къ 3, 4, должна быть готова твоя статья, а прежде—такъ лучше.

3269. Письмо къ Лизѣ и Н. А. Огаревой.

(25—31 марта 1868).

Милая Лиза, очень, очень радъ былъ прочесть твое милое письмо. Я очень скоро приѣду и будемъ собираться въ путь до-рогу отъ вашихъ жаровъ. Здѣсь у насъ теперь хорошо, но ночью бываетъ морозъ. Здѣсь Саша; онъ очень хочетъ тебя видѣть.

Сегодня напа Ага будетъ вставать въ первый разъ.

Прощай, будь здорова.

Сказывалъ ли Фед. Ал. ³⁾, что во время министерства Гвалтеріо русское посольство дѣлало демарши не только противъ меня, пока я былъ во Фл. ⁴⁾, но даже противъ Саши—разумѣется, по слухамъ.

Вотъ и все.

¹⁾ Умышленно и безъ причины.

²⁾ Мэри.

³⁾ Вѣроятно, Фрикенъ.

⁴⁾ Флоренція.

3270. («La Gazette de la Bourse» de Saint-Pétersbourg).

La *Gazette de la Bourse* de Saint-Pétersbourg ¹⁾ propose la création d'un nouveau journal international dévoué aux intérêts de la Russie. L'auteur de l'article met en évidence la rédaction insuffisante de la *Gazette française de Saint-Pétersbourg*, qu'il appelle, non sans raison, *feuille sans tête ni coeur*. Le nouveau journal, au contraire, aura comme l'aigle russe *deux têtes*, au moins deux buts. D'un côté, celui de faire connaître les bonnes intentions de la Russie et tranquilliser par cela les autres peuples; — de l'autre, celui d'écraser et anéantir le *Kolokol* français. Le moyen le plus sûr, et peut-être unique, de nous mater, suppose la *Gazette*, serait la création d'un organe international rédigé en français par des Russes *pur sang*, et tout à fait libre de tout soupçon d'*influence officielle* ou de quelques rapports avec le gouvernement ou l'administration. Le *Kolokol* russe, continue l'article, n'avait de l'*influence en Russie* qu'autant que les journaux russes manquaient de liberté de discussion. Le *Kolokol* français cessera d'être lu en Europe dès qu'un organe international élèvera sa voix libre et indépendante, «fera connaître les perfections et les imperfections de la vie russe, ses nobles élans, ses erreurs et ses fautes». «Aus calomnies et aux agressions du journalisme libre de l'Occident, il faut opposer la libre défense d'une feuille *absolument indépendante*. Si un journal pareil est rédigé en Occident, cette liberté lui est acquise; mais si l'on préfère le rédiger en Russie, il faudra lui donner solennellement la *liberté complète de la pensée et de la parole!*».

Excusez du peu!

Dès que le poète de la Bourse aura cette *magna charta solennellement jurée* par l'empereur de toutes les Russies, au nom de toutes les polices, il n'aura aucun besoin de nous combattre, car nous solliciterons une petite place dans sa rédaction, et nous attacherons notre cloche au grand clocher international.

L'auteur continue: «Il n'y a qu'un pareil journal qui soit capable d'acquérir la confiance des lecteurs occidentaux et de mener, avec espérance de succès, une lutte contre le *Kolokol* et d'autres feuilles occidentales, qui se font un plaisir, sans empêchement, d'imprimer des calomnies et de fausses dénonciations (oh! le jargon de la bonne

¹⁾ Il est bien dommage que, sur les trois articles qui ont paru dans l'honorable feuille de la Bourse de Saint-Pétersbourg, nous n'ayons lu que le dernier. Nous n'avons pas pu nous procurer les n-os 307 et 310. — A. H.

ville de Pétersbourg!) à l'endroit de la Russie... Mais on dira que, pour faire un journal pareil, il faut de grands moyens matériels, de grands subsides! Sans doute; mais ces subsides ne doivent, dans aucun cas, être reçus des mains du gouvernement; ils doivent être offertes, et nous sommes sûrs qu'ils le seront, par la *société russe* elle-même. Elle a fait tant de sacrifices d'argent et de sang pour la défense matérielle de la patrie, qu'elle ne refusera sans doute pas sa sympathie, ni les moyens aux personnes qui rédigeront le journal international».

Tout cela est très-bon, très-impossible et pas tout à fait nouveau. Le *Nord* est un journal puissamment international et *pas du tout hostile* à la Russie, mais il n'a pas fait grand'chose. Nous n'avons, au reste, qu'à désirer, sans crainte ni terreur, l'apparition d'une nouvelle feuille russo-française indépendante et libre... La terre est grande, les points du vue variés, il y aura assez de place pour nous deux. Mais il y a une chose contre laquelle il nous est impossible de ne pas protester.

L'auteur de l'article dit tout franchement que le but véritable auquel il vise serait la neutralisation, autant que possible, *du mal* que nous répandons en Europe *au détriment de la Russie*.

Telle est encore chez nous l'absorption d'une partie des esprits par le gouvernement, qu'ils pensent franchement que, d'être ennemi du gouvernement actuel de Russie, c'est être ennemi du peuple russe et agir «au détriment du pays».

Vu cette naïveté, sentant de loin le nègre nonaffranchi; vu cet asservissement intellectuel, nous ne pouvons augurer de grands succès internationaux à la feuille future et indépendante.

Ces gens, peu acclimatés à la liberté pénétrés de respect religieux pour leur maître, pensent toujours et pensent encore que faire de l'opposition au gouvernement c'est une trahison et un crime; et c'est au moment où ils veulent faire preuve d'indépendance que les galons de la livrée se montrent.

Pensez-vous donc, philosophe de la Bourse de Saint-Pétersbourg, qu'être de l'opposition, voire même révolutionnaire, veut dire *détester* sa patrie? En êtes-vous encore là? Pensez-vous que les *fenians* aient en aversion l'Irlande et qu'ils se font pendre *au* «détriment» de leur île d'émeraude?

C'est pardonnable lorsque quelque prêtre ivre, lâché par le sacré Synode, imprime contre nous des libelles destinés pour on ne sait quel public, et dans lesquels il nous traite en fratricides, parricides, traîtres à la patrie, voleurs et brigands. Mais la rédaction d'une feuille non cléricale, d'une feuille de la Bourse, n'a pas autant de droits qu'un serviteur de Dieu à la simplicité de l'âme et à la grossièreté du langage.

Où, quand, comment avons-nous agi *au détriment du peuple russe*? Nous ne voulons pas même parler des *fausses dénonciations* et des *calomnies*.

Est-ce en fondant la première presse russe libre à Londres?

Est-ce pendant la guerre de la Crimée, où tous vos organes *in partibus*, terrifiés par l'hostilité de l'opinion publique, se taisaient et s'effaçaient—et *nous seuls*, nous parlions en faveur du peuple russe, non-seulement dans les journaux, mais dans les meetings, à Londres?

Est-ce après la mort de Nicolas, lorsque l'*Etoile polaire* et après le *Kolokol* demandaient dans chaque feuille l'émancipation des paysans, l'abolition de la censure, des peines corporelles, et un tribunal oral et public?

Choses à demi accomplies maintenant.

Est-ce quand nous vous avons procuré un peu de liberté de la presse?—Vous le savez parfaitement bien: si on vous a permis de dire *un quart*, c'est pour détourner les yeux des *trois quarts* que nous disions.

De grâce, n'allez pas nous parler de notre rôle pendant l'insurrection polonaise. «De grâce pour vous-même», comme l'on chante dans *Robert*.

Ce rôle, c'est notre meilleur titre à la reconnaissance de la Russie. C'est parce que nous sommes restés fidèles à nos convictions, à notre foi, à la liberté, à la justice, à la vérité, qu'il y avait une *voix russe* qui protestait à chaque martyr tombé, à chaque férocité perpétrée, à chaque acte bestial de Mouravieff, à chaque article sanguinaire de la *Gazette de Moscou*.

C'est à nous que vous devez que l'Europe connaît qu'il y a en Russie des hommes qui n'ont pas applaudi les bourreaux, qui regardaient avec horreur les banquets que l'on donnait aux généraux qui se vantent d'avoir pendu le plus de Polonais ¹⁾, qu'il y a en Russie des hommes qui désirent franchement, sincèrement l'indépendance d'un peuple qui n'a rien de commun avec nous.

Et, cher orateur de la Bourse, vous appelez cela agir *au détriment du pays?*.. et cela lorsque le *Kolokol* français nous attire, par son caractère russe, par sa propagande, la colère des hommes prévenus en France et les jurons vulgaires de la scribaille allemande.

Non, vous ne voulez aucun organe indépendant, vous n'en comprenez pas les premières conditions!

¹⁾ En l'an de grâce 1868, dans une taverne qui porte le nom de London-House, dans une ville sous les Alpes, et non loin de la mer, à un diner, en présence d'une douzaine de personnes, un *général russe* se vantait, en pleine Europe, d'avoir pendu des Polonais pendant la guerre.—A. H.

Переводъ.

(Петербургскія «Биржевыя Вѣдомости»).

Петербургскія «Биржевыя Вѣдомости»¹⁾ предлагаютъ основать новый международный органъ, посвященный интересамъ Россіи. Авторъ статьи ясно доказываетъ недостаточность французскаго «Journal de Saint-Pétersbourg», который онъ, не безъ основанія называетъ *газетой безъ юловы и сердца.* Новый органъ, наоборотъ, будетъ имѣть, какъ русскій орелъ, *двѣ юловы*, по крайней мѣрѣ, двѣ цѣли. Съ одной стороны, познакомить другіе народы съ добрыми намѣреніями Россіи и этимъ успокоить ихъ, съ другой, — раздавить и уничтожить французскій «Kolokol». Самымъ вѣрнымъ и, пожалуй, единственнымъ способомъ уничтожить насъ было бы, думаютъ «Вѣдомости», созданіе международного органа, издаваемого на французскомъ языкѣ, *чистокровными* русскими, и притомъ — совершенно свободнаго отъ всякаго подозрѣнія въ *официальномъ вліяніи или въ какихъ-нибудь сношеніяхъ съ правительствомъ и администраціей.* Русскій «Колоколь», продолжаетъ статья, имѣлъ вліяніе въ Россіи только потому, что русскія газеты были лишены свободы сужденія. Французскій «Kolokol» перестанетъ читаться въ Европѣ съ той минуты, какъ международный органъ подниметъ свой свободный и независимый голосъ, «познакомитъ съ достоинствами и недостатками русской жизни, *съ ея благородными порывами*, заблужденіями и ошибками. «Нападеніямъ и клеветамъ *свободной* западной публицистики нужно противопоставить *свободную* защиту со стороны *совершенно независимаго* органа. Если такой журналъ будетъ издаваться на Западѣ, такая свобода достигнута; но если предпочитаютъ издавать его въ Россіи, то нужно было бы дать торжественно полную свободу *мысли и слова.*»

Только всего!

Какъ только биржевой *поэтъ* получитъ эту *торжественно признанную*, во имя всея пелиціи, всея Россіи государемъ *magna charta*, ему не нужно будетъ сражаться съ нами, потому что мы попросимъ тогда мѣстечка въ его редакціи и привяжемъ свой колоколь къ великой международной колокольнѣ.

¹⁾ Очень досадно, что изъ трехъ статей, появившихся въ почтенныхъ петербургскихъ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», мы прочли только послѣднюю. Мы не могли достать №№ 307 и 310. А. И. Г.

Авторъ продолжаетъ: «Только подобный журналъ способенъ приобрести довѣріе западныхъ читателей и *вести, съ надеждою на успѣхъ*, борьбу съ «Колоколомъ» и съ другими западными журналами и газетами, которые доставляютъ себѣ удовольствіе безъ всякой помѣхи печатать клевету и *ложные доносы* (о, жаргонъ милаго Петербурга!) по адресу Россіи.

Но скажутъ, что для организаціи подобнаго журнала нужны большія матеріальныя средства, большія субсидіи! Несомнѣнно; но субсидіи эти никоимъ образомъ не должны быть получены изъ рукъ правительства; онѣ должны быть предложены и *увѣрены*, что такъ и будетъ самимъ *русскимъ обществомъ*. Оно пожертвовало столько денегъ и крови на матеріальную защиту отечества, что не откажетъ, конечно, въ своей симпатіи и въ средствахъ лицамъ, которыя будутъ стоять во главѣ международнаго органа».

Все это очень хорошо, совершенно невозможно и не совсѣмъ ново. «Nord», дѣйствительно, международная и *вовсе не враждебная* Россіи газета, но она очень мало сдѣлала. Въ концѣ концовъ, намъ остается желать, ничего не боясь, появленія новой русско-французской газеты, независимой и свободной... Земля велика, точки зрѣнія—различны, будетъ довольно мѣста намъ обоимъ. Но есть одно обстоятельство, противъ котораго мы не можемъ не протестовать.

Авторъ статьи говоритъ совершенно откровенно, что дѣйствительная цѣль, которую онъ имѣетъ въ виду, была бы возможная нейтрализація того *зла*, которое мы распространяемъ по Европѣ *во вредъ Россіи*.

Такъ сильно еще у насъ поглощеніе части умовъ правительствомъ, что они искренно полагаютъ, что быть врагомъ современнаго русскаго правительства значить быть врагомъ русскаго народа и дѣйствовать «во вредъ странѣ».

При видѣ этой наивности, отъ которой даже издали пахнетъ неосвобожденнымъ негромъ, при видѣ этого умственнаго порабощенія, мы не можемъ предсказать большого международнаго успѣха будущей независимой газетѣ.

Эти люди, не привыкшіе къ свободѣ, проникнутые религиознымъ почтеніемъ къ своему господину, всегда думали и думаютъ, что итти противъ правительства значить совершить измѣну и преступленіе, и какъ разъ въ ту минуту, когда они хотятъ доказать свою независимость, показываются галуны ихъ ливреи.

Неужели вы думаете, философъ петербургской биржи, — что быть въ оппозиціи, даже быть революціонеромъ значить *не-*

навидѣть свое отечество? Неужели вы и теперь еще такъ думаете? Неужели вы думаете, что феніи ¹⁾ питаютъ отвращеніе къ Ирландіи и что они идутъ на висѣлицы во «вредъ» ихъ изумрудному острову?

Простительно, если какой-нибудь пьяный попъ, натравленный святѣйшимъ синодомъ, печатаетъ противъ насъ, неизвѣстно для какой публики назначенные, пасквили, въ которыхъ называетъ насъ братоубійцами, отцеубійцами, измѣнниками отечества, ворами и разбойниками. Но редація не клерикальной, а биржевой газеты не имѣетъ столько правъ на простоту души и грубость выраженій, сколько служитель бога.

Гдѣ, когда, какимъ образомъ дѣйствовали мы *во вредъ русскому народу? О ложныхъ доносахъ и клеветахъ* мы и говорить не хотимъ.

При основаніи ли первой русской свободной печати въ Лондонѣ?

Или во время Крымской войны, когда всѣ ваши органы *in partibus* ²⁾, устрашенные враждебностью общественнаго мнѣнія, замолчали и стушевались, и только *мы одни* говорили въ защиту русскаго народа не только въ газетахъ, но на митингахъ въ Лондонѣ?

Или, можетъ быть, послѣ смерти Николая, когда «Полярная Звѣзда», а потомъ «Колоколь» требовали въ каждомъ номерѣ освобожденія крестьянъ, уничтоженія цензуры и тѣлесныхъ наказаній и учрежденія гласнаго, публичнаго суда?

Теперь все это наполовину сдѣлано.

Или когда мы добились немного свободы печати для васъ? Вы прекрасно знаете это: если вамъ позволили сказать *одну четверть*, то для того, чтобы отвлечь вниманіе отъ *трехъ четвертей*, которыя говорили мы.

Пощадите, не говорите намъ о нашей роли во время польскаго возстанія.

«Пощадите самихъ себя», какъ поютъ въ «Робертѣ» ³⁾.

Эта роль—наше право на признательность Россіи. Именно потому, что мы остались вѣрны своимъ убѣжденіямъ, своей вѣрѣ,

¹⁾ Такъ называли членовъ основаннаго въ 1863 г. въ Америкѣ тайнаго революціоннаго союза ирландцевъ, имѣвшаго цѣлю освобожденіе Ирландіи отъ англійской зависимости.

²⁾ Подразумѣвается—*infidelium* и означаетъ: въ странѣ невѣрующихъ или язычниковъ, т.-е. за границей.

³⁾ «Робертъ-Дьяволъ»—опера Мейербера.

свободѣ, справедливости, истинѣ, именно потому раздавался *русскій юлосъ*, протестовавшій при каждомъ павшемъ мученикѣ, при каждой совершенной жесткости, при каждомъ звѣрствѣ Муравьева, при каждой кровавой статьѣ «Московскихъ Вѣдомостей».

Намъ обязаны вы тѣмъ, что Европа знаетъ о существованіи въ Россіи людей, которые не рукоплескали палачамъ, которые съ ужасомъ смотрѣли на банкеты, устраиваемые въ честь генераловъ, хваставшихъ тѣмъ, что больше всѣхъ вѣшали поляковъ ¹⁾, что она знаетъ о существованіи въ Россіи людей, которые искренно и открыто хотятъ независимости для народа, *не имѣющаю съ нами ничего общаю*.

И все это вы, милый биржевой ораторъ, называете дѣйствовать *во вредъ странѣ*?... И это въ то время, когда французскій «Колоколъ» навлекаетъ на насъ во Франціи своимъ русскимъ характеромъ, своей пропагандой негодованіе людей предубѣжденныхъ, а въ Германіи—грубую брань нѣмецкихъ борзописцевъ.

Нѣтъ, вы, не хотите никакого независимаго органа, вы не понимаете первыхъ условій его существованія!

3271. Etudes historiques sur les héros de 1825 et leurs prédécesseurs, d'après leurs mémoires.

Записки декабристовъ: И. Якушкина, князя Трубецкаго, Лондонъ, 1862, Вольная Русская Типографія.—Статьи «Полярной Звѣзды»: о Рыльцевѣ, Бестужевѣ, Н. Муравьевѣ, Императоръ Александръ I и В. Каразинѣ. (Mémoires des décembristes: de J. Yakouchkine, du prince S. Troubetzkoï, Londres, 1862, Imprimerie russe.—Mémoires et articles sur Rileeff, Bestoujeff, N. Mouravieff, l'Empereur Alexandre I-er et V. Karasine, insérés dans l'Etoile Polaire, etc., etc.).

Le mouvement politique non officiel et gouvernemental, ne date réellement, en Russie, que du règne d'Alexandre I-er, et principalement de 1812.

Les dernières années du règne de Catherine II, l'atmosphère de Saint-Petersbourg était lourde et suffocante; c'était une atmosphère

¹⁾ Въ лѣто по Р. Х. 1868, въ одной тавернѣ, носящей названіе London-House, въ одномъ альпійскомъ городкѣ и недалеко отъ моря, за обѣдомъ, въ присутствіи 12 человекъ, нѣкій *русскій генералъ* хвастался на виду у всей Европы тѣмъ, что вѣшалъ поляковъ во время войны. А. И. Г.

sénile, invalide, dans laquelle on sentait partout la vieille femme dépravée, naguère encyclopédiste, maintenant terrifiée devant la Révolution française, et trahissant toutes ses convictions, comme elle trahissait tous ses amants. Autour du trône silence complet, oriental. Ça et là il y avait des loges maçonniques, des martinistes; elle commençait déjà à les poursuivre. Ça et là quelques boutades libérales, même un livre entier, le célèbre «Voyage de Pétersbourg à Moscou», par Radistcheff, qui prêchait l'émancipation des paysans et l'horreur de l'absolutisme. Elle exila l'auteur en Sibérie. C'est tout; pas d'ensemble, pas de suite, de concentration de forces, d'organisation.

La grande folie de Paul 1-er était la haine de la révolution et la crainte que ses principes ne pénétrassent dans son empire. L'intelligence s'arrêta durant son règne, la pensée était paralysée. Le complot tramé contre lui et sa mort, ne prouvent pas le contraire. Ce complot n'avait aucune signification sérieuse ou générale. C'était une affaire personnelle ou de famille entre Paul et les amants de sa mère, destitués faute d'emploi et persécutés par rancune. C'était une affaire de conservation pour ces gens, qui tremblaient jour et nuit sous la menace d'une *kibitka* de Damoclus, toute attelée pour Irkoutsk ou Nerchinsk.

Alexandre 1-er enjamba le cadavre tout chaud encore de son père, et monta sur le trône plein de rêves et de bonnes intentions. Il avait dans une poche le projet de l'émancipation des paysans, et dans une autre le projet d'une organisation quasi-constitutionnelle de l'état. Il ne réalisa presque rien, il *ne put* presque rien réaliser.

Dès les premiers jours de son règne, le jeune empereur s'entoura de jeunes gens très-distingués; le comte Stroganoff, le prince Adam Czartoriski, le comte Cotchoubey, Novosiltzoff, *etc.* L'autocrate conspire avec eux dans un cabinet du Palais d'hiver! Il est très-content qu'on donne dans les salons le nom de «Comité de salut public» à ses conciliabules, et ne s'aperçoit pas que, de tous les Saint-Just et Couthon de son comité, il n'y a que le comte Stroganoff qui le soutient dans la question de l'émancipation des paysans.

La police, la bureaucratie veillent autrement à la *sûreté de l'empire*; elles prennent les mesures nécessaires pour neutraliser l'ardeur révolutionnaire sous la couronne de Monomach, et faire de manière que le jeu impérial reste dans le comité et ne perce pas. Il y a eu rarement une position plus tristement ridicule. Pendant les années, Alexandre ne le savait pas.

Un mur infranchissable s'élevait entre le palais et le peuple. La contrée était ensevelée dans un morne silence et dans les ténèbres obscures. En général, il n'y avait de lumière qu'aux plus hauts sommets.

Toute l'activité, tout le remue-ménage politique et réformateur partaient du Palais d'hiver et n'allaient pas plus loin que quelques salons du grand monde. Les salons étaient aussi fermés que les loges maçonniques, plus encore; aucun mérite ne les ouvrait.— Pour y être admis, il fallait une naissance aristocratique, une grande richesse et un rang au moins de général pour *le civil*. Les officiers de la garde faisaient exception.

Non-seulement le peuple des villages, peuple *hors la loi*, n'existait pas, mais tout le reste, à l'exception de la *haute société*. Ni les négociants qui roulaient des millions, ni les employés de l'état (sans naissance), qui en volaient autant. On les laissait vivre et s'engraisser, à condition de parler entre eux de leurs affaires, et cela à voix basse. Pénétrer dans les hauts parages sans être un parent éloigné, un étranger titré ou un militaire victorieux, était presque impossible.

Les exceptions sont les meilleures preuves.

La grande difficulté de la position de Speransky était son origine: il était fils d'un prêtre. L'empereur Alexandre le prit comme secrétaire lorsqu'il alla à Erfurt, apprécia ses talents et en fit son ministre sans portefeuille. S'il avait été bâtard d'un grand seigneur, il aurait eu toutes les facilités pour réaliser ses réformes. Mais, fils d'un prêtre, secrétaire d'état et ami de l'empereur, cela crevait l'œil aux grands seigneurs, et non-seulement aux vieillards arrogants et demi-sauvages du temps de Catherine II, mais à l'esprit fort du temps, au voltairien comte Rostoptchine, qui finit par le perdre en faisant une fausse dénonciation.

Il était plus facile pour le Palais d'hiver de faire une trouée d'en haut pour laisser passer quelques idées révolutionnaires dans ce monde ciauquemuré et calfeutré—que de faire une fente en bas. Aussi le premier noyau se fit à côté de l'empereur et dans les casernes de la garde impériale. Les premiers révolutionnaires appartenaient à la plus haute aristocratie. Il n'y a pourtant rien d'étrange en cela. C'était le seul milieu qui fût à l'abri de la police, qui possédât les lumières et les richesses.

Déjà vers la fin du règne de Catherine II, les grands seigneurs envoyaient leurs fils à Paris et à Londres, même dans quelques Universités d'Allemagne, comme à Göttingue, pour terminer leur éducation; d'autres faisaient venir de la France des instituteurs, des gouverneurs. Dans ce nombre, il n'y avait pas seulement des émigrés (et ceux-là même étaient très-utiles par leur inconséquence: catholiques-voltairiens et royalistes-frondeurs, ils n'éveillaient aucun soupçon et faisaient la propagande dans la gueule du lion), mais des hommes éminents et de grand mérite, des hommes historiques.

Au temps le plus beau de la Révolution, on voyait chez la célèbre Théroigne de Méricourt un de ses amis, l'austère, le grave, le grand Romme, «un des derniers Romains», d'après l'expression d'Edgar Quinet, un des sombres héros de prairial. Il venait chez elle avec un jeune élève, qu'il aimait avec tendresse. Ce jeune homme le suivait partout—dans les séances de la section que Romme présidait, et cela pendant les journées les plus orageuses.

Romme le regardait souvent avec une grande affection, et lui disait: «Cher ami, n'oublie jamais ce que tu vois ici: garde ton cœur, garde tes convictions, elles sont bonnes».

Or, cet élève, c'était le comte Stroganoff, si je ne me trompe, le seul membre du comité de salut impérial qui soutenait l'empereur dans son projet de l'émancipation des paysans.

Avec tout cela, l'empereur et son entourage, ayant une puissance sans bornes lorsqu'ils voulaient faire le mal, étaient complètement impuissants pour faire quelque chose de réellement bon. L'orage qui allait réveiller le géant en léthargie se préparait. La nouvelle Russie date de 1812.

Avant de passer aux mémoires des hommes héroïques qui firent la grande conspiration de 1825, nous arrêterons sur la figure caractéristique de *V. Karasine* ¹⁾.

Переводъ.

Историческіе очерки о герояхъ 1825 г. и ихъ предшественникахъ по ихъ мемуарамъ.

Политическое движеніе, не официальное и правительственное, началось въ Россіи, въ сущности, только съ царствованія Александра I и, главнымъ образомъ, съ 1812 г.

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II петербургская атмосфера была тяжела и удушлива; это была атмосфера старости, дряхлости, въ которой всюду чувствовалось присутствіе старой развратницы, недавней энциклопедистки, утраченной теперь французской революціей и измѣняющей всѣмъ своимъ убѣжденіямъ, какъ она измѣняла всѣмъ своимъ любовникамъ. Вокругъ трона—полное, восточное молчаніе. Кое гдѣ были масонскія ложи, мартинисты; она уже начинала преслѣдовать ихъ. Кое-гдѣ —

¹⁾ Cet article, publié dans le 7-me volume de *l'Etoile, Polaire*, a été composé sur des mémoires, notes et lettres inédits de M. Karasine. A. H.

либеральныя вспышки, даже цѣлая книга, знаменитое «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» Радищева, который проповѣдывалъ освобожденіе крестьянъ и ужасы абсолютизма. Она сослала автора въ Сибирь. И это все; не было ни общности дѣйствія, ни послѣдовательности, ни сплоченности силъ, ни организаціи.

Пунктомъ помѣшательства у Павла I была ненависть къ революціи и боязнь, какъ бы ея принципы не проникли въ его имперію. Во время его царствованія умъ замеръ, мысль была парализована. Заговоръ противъ него и его смерть не доказываютъ противоположнаго; этотъ заговоръ не имѣлъ никакого серьезнаго или общаго значенія. Это было личное или семейное дѣло между Павломъ и любовниками его матери, отставленными отъ службы и преслѣдуемыми изъ мести. Это было дѣломъ спасенія для такихъ людей, которые день и ночь дрожали отъ страха подъ угрозой Дамокловой *кибитки*, уже заложеной для поѣздки въ Иркутскъ или Нерчинскъ.

Александръ I перешагнулъ черезъ еще совсѣмъ теплый трупъ отца и вступилъ на престолъ исполненный мечтаній и добрыхъ намѣреній. Въ одномъ карманѣ у него былъ проектъ освобожденія крестьянъ, а въ другомъ—проектъ quasi-конституціоннаго устройства государства. Онъ почти ничего не осуществилъ, онъ *не могъ* почти ничего осуществить.

Съ первыхъ дней своего царствованія молодой императоръ окружилъ себя выдающимися молодыми людьми: графъ Строгановъ, князь Адамъ Чарторижскій, графъ Кочубей, Новосильцовъ и др. Самодержецъ вступаетъ съ ними въ заговоръ въ кабинетѣ Зимняго дворца! Онъ очень доволенъ, что въ салонахъ его тайнымъ собраніямъ дали прозвище «Комитета общественнаго спасенія», и не замѣчаетъ, что изъ всѣхъ Сень-Жюстовъ и Кутонъ его комитета только графъ Строгановъ поддерживаетъ его въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ.

Полиція и бюрократія совсѣмъ по другому охраняютъ *государственное спокойствіе*; онѣ принимаютъ *мѣры*, необходимыя для обезвреженія революціоннаго пыла подъ вѣнцомъ Мономаха; онѣ стараются, чтобы императорская забава оставалась въ комитетѣ и не распространялась дальше. Рѣдко встрѣчалось болѣе трагикомическое положеніе. Въ теченіе многихъ лѣтъ Александръ не зналъ этого.

Непереходимая стѣна высилась между дворцомъ и народомъ. Страна была погружена въ мрачное молчаніе и въ глубокую тьму. Свѣтъ, вообще, былъ только на вершинахъ.

Вся дѣятельность, все политическое и реформаторское движеніе исходило изъ Зимняго дворца и не шли дальше нѣсколькихъ

великосвѣтскихъ салоновъ. Салоны были такъ же закрыты, какъ масонскія ложи, еще больше; никакія заслуги не открывали доступа въ нихъ. Чтобы быть допущеннымъ туда, нужно было быть аристократическаго происхожденія, обладать большимъ богатствомъ и имѣть чинъ не менѣе генерала для *штатскихъ*. Гвардейскіе офицеры представляли исключеніе.

Не только сельскій народъ, народъ *въ закона*, не существовалъ, но и весь остальной міръ, за исключеніемъ *высшаго общества*: ни купцы, которые ворочали милліоны, ни государственные чиновники (безъ происхожденія), которые разворовывали милліоны. Имъ давали возможность жить и наживаться, но подъ условіемъ, чтобы они говорили между собой о своихъ дѣлахъ, притомъ—шопотомъ. Проникнуть въ высшія сферы, не будучи отдаленнымъ родственникомъ, титулованнымъ иностранцемъ или побѣдоноснымъ воиномъ, было почти невозможно.

Исключенія—лучшія доказательства. Великимъ затрудненіемъ въ положеніи Сперанскаго было его происхожденіе: онъ былъ сыномъ священника. Императоръ Александръ взялъ его въ секретари, когда поѣхалъ въ Эрфуртъ, оцѣнилъ его способности и сдѣлалъ его своимъ министромъ безъ портфеля. Если бы онъ былъ незаконнымъ сыномъ какого-нибудь вельможи, онъ легко могъ бы осуществить свои реформы. Но сынъ священника, государственный секретарь и другъ императора,—это кололо глаза знатнымъ вельможамъ, и не только высокоумнымъ и полудикимъ старикамъ екатерининскихъ временъ, но и вольнодумцу эпохи, вольтерянцу графу Ростопчину, который, въ концѣ концовъ, погубилъ его сдѣлавъ ложный доносъ.

Легче было Зимнему дворцу сдѣлать проломъ сверху, чтобы пропустить нѣсколько революціонныхъ идей въ этотъ замурованный законопаченный міръ, чѣмъ дать трещину снизу. Дѣйствительно, первое ядро появилось рядомъ съ императоромъ и въ казармахъ императорской гвардіи. Первые революціонеры принадлежали къ высшей аристократіи. И, однако, въ этомъ нѣтъ ничего страннаго. Это была единственная среда, забронированная отъ полиціи, просвѣщенная и владѣвшая богатствомъ.

Уже въ концѣ царствованія Екатерины II знатные вельможи посылали своихъ сыновей въ Парижъ и Лондонъ, даже въ нѣкоторые нѣмецкіе университеты, напр., въ Геттингенъ, для окончанія образованія; другіе приглашали изъ Франціи наставниковъ и гувернеровъ. Въ числѣ ихъ были не только эмигранты (и даже они были очень полезны своей непослѣдовательностью—католики-вольтерянцы и роялисты-фрондеры не внушали никакого подозрѣнія

и пропагандировали прямо въ пасти у льва), но и выдающіеся люди, съ большими достоинствами, люди историческіе.

Въ самый разгаръ революціи у знаменитой Теруань де Мерикурь ¹⁾ можно было видѣть одного изъ ея друзей, суроваго мрачнаго, великаго Ромма ²⁾, «послѣдняго изъ римлянъ», по выраженію Эдгара Кинэ, одного изъ мрачныхъ героевъ преріала ³⁾. Онъ приходилъ къ ней съ молодымъ ученикомъ, котораго нѣжно любилъ. Этотъ молодой человекъ слѣдовалъ за нимъ повсюду—и на засѣданія секціи, въ которыхъ Роммъ предсѣдательствовалъ,—и это во время самыхъ бурныхъ дней.

Часто Роммъ смотрѣлъ на него съ любовью и говорилъ ему: «Милый другъ, не забывай никогда того, что ты здѣсь видишь; храни свое сердце, свои убѣжденія, они благородны».

Этотъ ученикъ былъ графъ Строгановъ,—если не ошибаюсь, единственный членъ Комитета государственнаго спасенія, который поддерживалъ императора въ его проектѣ освобожденія крестьянъ.

При всемъ томъ, государь и окружающіе его, имѣя безграничную власть, когда они хотѣли сдѣлать зло, были совершенно безсильны сдѣлать что-нибудь дѣйствительно хорошее. Буря, которая должна была разбудить погруженнаго въ летаргическій сонъ великана, приближалась. Новая Россія начинается съ 1812 г.

Прежде, чѣмъ перейти къ воспоминаніямъ героевъ, осуществившихъ великій заговоръ 1825 г., мы остановимся на характерной фигурѣ В. Каразина ⁴⁾.

3272. La librairie en Russie.

On nous prie d'imprimer, et nous le faisons avec empressement, étant du nombre des souffre-douleurs de l'état barbare des postes et de la librairie en Russie, ce qui suit:

¹⁾ Парижская куртизанка, ярая приверженка якобинцевъ, прозванная «Амазонкой революціи»; извѣстна зажигательными рѣчами, съ которыми обращалась къ народу, принимая живописныя позы.

²⁾ Romme, Шарль-Жильберъ, математикъ, наставникъ гр. Строганова, вернулся во Францію передъ революціей, былъ избранъ депутатомъ конвента, членъ «Горы». 1-го преріала III года былъ приговоренъ къ смерти съ своими друзьями.

³⁾ Девятый мѣсяць французскаго республиканскаго календаря (отъ 20 мая до 18 июня).

⁴⁾ Эта статья, напечатанная въ VII т. «Полярной Звѣзды», была составлена по мемуарамъ, замѣткамъ и неизданнымъ письмамъ Каразина.—АИГ

«Il paraît que la librairie russe est bien mal organisée, que les libraires sont très-négligents, ou bien que les entraves officielles, directes et indirectes, sont telles, qu'il est bien difficile d'établir une communication entre les libraires de Saint-Pétersbourg et les libraires de l'étranger. — Nous avons fait demander plusieurs journaux, le *Golos*, etc., par un libraire de Genève, qui a écrit, dans l'espace de deux mois, *trois fois à son correspondant, à Saint-Pétersbourg*, sans jamais recevoir ni les journaux, ni même une réponse. A-t-on intercepté les lettres? Est-ce que le libraire de Saint-Pétersbourg a eu peur de se compromettre en envoyant un journal russe à Genève?

«Le même libraire genevois se plaint également des difficultés qu'il a rencontrées depuis deux ans pour établir des relations promptes et régulières avec la Russie.

«Il s'est donné beaucoup de peine pour y arriver, mais il n'a pas encore réussi. Il a d'abord essayé l'intermédiaire de libraires allemands, puis successivement trois libraires de Saint-Pétersbourg. Impossible. Nous regrettons vivement cet état de choses, qui ne peut être que nuisible au commerce russe, et qui doit bien ennuyer les Russes établis à Genève».

L'administration russe est inépuisable en ridicule, et lorsque vous commencez à penser qu'enfin elle est à bout des folies, elle vous étonne par quelques polissonneries nouvelles.

Où a-t-on vu des difficultés mises à l'exportation des livres et des journaux?

Est-ce que l'on craint la propagande du *Golos*? Est-ce qu'on en a honte? Cela serait une cause atténuante.

Nous attendons une explication de M. Kraïewski, directeur, rédacteur, éditeur, imprimeur, propriétaire du *Golos* et conseiller d'état actuel.

Nous lui aurions écrit directement, nous le connaissons depuis plus d'un quart de siècle; mais il aurait eu peur de notre lettre, il serait tombé malade.

Enfin, nous nous plaindrons à la police secrète de Schouvaloff; elle peut tout, beaucoup plus que l'empereur.

Переводъ.

Книгоиздательство въ Россіи.

Насъ просятъ напечатать, и мы спѣшимъ сдѣлать это, находясь въ числѣ страдающихъ отъ варварскаго состоянія почты и книго-торговли въ Россіи, слѣдующее:

«Повидимому, русская книготорговля очень плохо организована, книгопродавцы очень небрежны или, может быть, официальные пути, прямые и косвенные, таковы, что трудно установить сообщение между петербургскими и иностранными книгопродавцами. Мы, черезъ женеваго книгопродавца, запросили нѣсколько газетъ, «Голосъ» и др., и онъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ три раза писалъ своему корреспонденту въ Петербургъ, не получивъ ни разу ни газетъ, ни даже отвѣта. Перехватили ли письма? Или петербургскій книгопродавецъ побоялся скомпрометировать себя, посылая русскую газету въ Женеву?

«Тотъ же женеваскій книгопродавецъ жалуется также и на затрудненія, на которыя онъ наталкивается въ теченіе двухъ лѣтъ, пытаясь установить правильныя и быстрыя сношенія съ Россіей.

«Онъ очень много работалъ съ этой цѣлью, но пока ничего не вышло. Прежде всего онъ обратился къ посредничеству нѣмецкихъ книгопродавцевъ; затѣмъ обращался послѣдовательно къ тремъ книгопродавцамъ Петербурга. Напрасно! Мы очень сожалѣемъ объ этомъ положеніи вещей, которое должно быть вреднымъ для русской торговли и которое, вѣроятно, очень прискорбно для русскихъ, живущихъ въ Женевѣ».

Русская администрація неистощима въ курьезахъ: когда вы начинаете думать, что, наконецъ, ея безумства приходятъ къ концу, она поражаетъ васъ какими-нибудь новыми шалостями.

Гдѣ слышно о затрудненіяхъ при *экспортѣ* книгъ и газетъ?

Боятся, что-ли, пропаганды «Голоса»? Или стыдятся его? Это было бы уважительной причиной.

Мы ждемъ объясненія отъ г. Краевскаго, директора, редактора, издателя, типографа, собственника «Голоса» и дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Мы написали бы прямо ему,—мы знаемъ его болѣе четверти вѣка, но онъ испугается нашего письма и заболѣетъ.

Мы, наконецъ, пожалуемся тайной полиціи Шувалова: она все можетъ—гораздо больше, чѣмъ императоръ.

3273. Assassinat juridique.

Le 24 février, on a fusillé, à Riazan, un soldat pour insubordination.—Il y a un an, dans la même ville, on avait fusillé deux brigands. Nos lecteurs savent que la peine de mort *n'existe pas* de jure dans le code criminel russe, *qu'en faveur* des militaires. Pour tuer les

brigands, on les assimile aux militaires (l'ironie est parfaite).—La fréquence de la tuerie juridique, depuis 1862, est exorbitante. Nous voudrions bien avoir un relevé général pour le publier et l'envoyer au miséricordieux tzar Alexandre.

Au moment d'envoyer à l'imprimerie cette feuille, nous lisons une nouvelle condamnation à mort, prononcée à Moscou contre un pauvre jeune tambour «pour offense à un officier».

Переводъ.

Юридическое убійство.

24 февраля въ Рязани разстрѣляли солдата за ослушаніе. Годъ тому назадъ въ томъ же городѣ разстрѣляли двухъ разбойниковъ. Наши читатели знаютъ, что de jure смертная казнь существуетъ въ русскихъ судебныхъ уставахъ только для военныхъ. Чтобы убить разбойниковъ, ихъ приравниваютъ къ военнымъ (иронія замѣчательная). Численность юридическихъ убійствъ съ 1862 г. чудовищна. Мы очень хотѣли бы имѣть общій списокъ, чтобы напечатать его и послать добросердечному царю Александру.

Въ моментъ отправки этого листа въ типографію мы прочли о новомъ смертномъ приговорѣ въ Москвѣ бѣдному молодому барабанщику «за оскорбленіе офицера».

3274. Exemple des débats parlementaires.

La *Gazette de Pétersbourg*, № 79, raconte une discussion remarquable qui s'est élevée dans une assemblée de la noblesse d'une province que la *Gazette* ne nomme pas. Les membres trouvèrent qu'il y avait de la fumée dans la salle. Le président le nia. On mit alors aux voix cette étrange question: «Y a-t-il de la fumée dans la salle?»—La majorité vota pour la fumée.—Le Président se déclara offensé et sortit en véritable David de la chambre. — L'assemblée, restée sans président, mit sur le tapis la question: «Est-ce que notre procédé a été offensant pour le Président?»—La majorité trouva que «oui, le procédé a été offensant».—Troisième question: «Dans ce cas, ne faudrait-il pas s'excuser?»—La majorité décide: «Non, cela ne vaut pas la peine».

Quel petit chef-d'œuvre.

Переводъ.

Примѣръ парламентскихъ споровъ.

«Петербургскія Вѣдомости» въ № 79 передаютъ замѣчательныя пренія, имѣвшія мѣсто въ одномъ провинціальномъ дворянскомъ собраніи, котораго «Вѣдомости» не называютъ. Члены нашли, что въ залѣ дымъ. Предсѣдатель отрицалъ. Поставили странный вопросъ на голосованіе: «Есть ли дымъ въ залѣ?»—Большинство голосовало за дымъ. Предсѣдатель объявилъ себя оскорбленнымъ и настоящимъ Давидомъ вышелъ изъ собранія. Собраніе, оставшись безъ предсѣдателя, поставило на разсмотрѣніе вопросъ: «Быль ли нашъ поступокъ оскорбителенъ для предсѣдателя?» Большинство нашло, что «да, поступокъ былъ оскорбителенъ». Третій вопросъ: «Въ такомъ случаѣ, не нужно ли извиниться?»—Большинство рѣшаетъ: «Нѣтъ, не стоитъ».

Какой маленькій шедевръ.

3275. Un post-scriptum.

Dans notre feuille du 1-er mars nous avons dit, en parlant du *communisme russe*, «que nous ne connaissons aucune législation pour absoudre un homme mourant de faim, s'il mange un morceau de viande appartenant à un autre. On peut seulement le gracier».

Trois jours après, nous avons lu, dans le *Courrier français*, ce qui suit:

«Une malheureuse Alsacienne était prévenue de vol pour avoir ramassé dans un champ deux ou trois choux gelés. Un garde champêtre l'a arrêtée au moment où elle regagnait son logis, chargée de ce misérable butin.

Le Président lui expose le côté délictueux de son action.

Marie.—Je n'avais pas mangé la veille.

M. le Président.—Cela ne vous donnait pas le droit de prendre des choux sans la permission du propriétaire.

Marie.—Si c'était le propriétaire qui m'eût prise au lieu du garde champêtre, il m'aurait bien laissé aller.

M. le Président.—Peut-être; mais le garde champêtre a fait son devoir.

Marie.—Bien sûr, Monsieur; *mais c'est bien facile de faire son devoir quand on a de la soupe*.

La tribunal a réduit *la peine* au minimum.

Переводъ.

Приписка.

Въ номерѣ отъ 1-го марта, говоря о *русскомъ коммунизмѣ*, мы сказали, «что не знаемъ такого закона, по которому можно оправдать человѣка, если онъ, умирая съ голоду, съѣлъ кусокъ мяса, принадлежащій другому. Его можно только помиловать».

Черезъ три дня мы прочитали въ «*Courrier Francais*» слѣдующее:

«Нѣкая несчастная эльзасска была обвинена въ воровствѣ, такъ какъ подобрала на полѣ два или три замерзшихъ кочна капусты. Полевой сторожъ арестовалъ ее въ тотъ моментъ, когда она входила въ домъ, съ этой жалкой добычей.

Предсѣдатель суда объяснилъ ей преступную сторону ея поступка.

Марія.—Но я ничего не ѣла наканунѣ.

Предсѣдатель.—Это не давало вамъ права взять капусту безъ разрѣшенія владѣльца.

Марія.—Если бы меня задержалъ владѣлецъ, а не полевой сторожъ, онъ отпустилъ бы меня.

Предсѣдатель.—Возможно, но сторожъ исполнилъ свой долгъ.

Марія. Конечно. Но легко исполнять свой долгъ тому, у кою есть супъ.

Судъ приговорилъ ее къ минимальному наказанію.

3276. Un espion.

Un tribunal de jurés tirés au sort et composé de l'émigration polonaise à Zurich, a déclaré — après avoir entendu l'accusé — que l'émigré Adolphe Stepkowsky — était *un espion et correspondant du Journal de Varsovie*.

Переводъ.

Шпіонъ.

Приговоромъ присяжныхъ, избранныхъ по жребію изъ цюрихской польской эмиграціи, послѣ выслушанія обвиняемаго объявлено, что эмигрантъ Адольфъ Стемпковскій былъ *шпіономъ и корреспондентомъ* «Варшавской Газеты»¹⁾.

¹⁾ Свѣдѣнія вполне подтвержденныя въ послѣдующей литературѣ.

3277. Письмо къ Н. П. Огареву.

2 апрѣля 1868. Четвергъ, 2 часа.

Я въ какомъ-то дурномъ расположеніи и, вѣроятно, не приѣду. День испортили тѣмъ, что, вмѣсто девятаго часа, Туца привель Г.¹⁾ въ *половинѣ одиннадцатаю*. Отъ этого все пошло въ безпорядкѣ, и Саша раньше 2¹/₂ не будетъ.

Но дурное расположеніе не отъ того, а отъ разныхъ думъ, ночныхъ и дневныхъ. Я ѣду и смотрю на всѣ три стороны—на Лансу, на Ниццу и на Флоренцію,—и все туманъ, и свѣтлыхъ точекъ мало, а туманныхъ пятенъ много.

Покоя ...простого, добраго покоя!... *Sechs und fünfzig Jahre und Nichts für die Ruhe gemacht!*..²⁾ Я чувствую, добросовѣстно и *sans minauderie, coquetterie*³⁾, какъ я много виноватъ въ томъ, что все идетъ безумно, и исправить не могу. Сашина судьба⁴⁾, рѣшена, говорить съ нимъ напрасно. Его ждетъ свѣтлая полоса, а за ней чтó? *Armuth und schlechte Nahrung*⁵⁾.

Изъ Ниццы (потому я и не говорилъ о письмахъ) ничего хорошаго.

Нѣтъ брани, но постоянная попытка: «въ Россію, хочу въ Россію... должна въ Россію... здѣсь ты ничего *не хочешь* устроить, *не можешь*»... Или: «сейчасъ, сію минуту заводите пансіонъ»... На это сводится все.

Теперь еще разъ просто и *sans phrases*...⁶⁾—да хочется ли тебѣ дѣлать *villegiatur*'у (или *Lemandtur*'у)⁷⁾—или просто переѣхать изъ дурацкой трущобы въ Паки да и на бокъ? Поговори съ Сашей, обдумай и скажи.

Вѣроятно, я поѣду во вторникъ, можетъ, вмѣстѣ съ Сашей. Если нужно, останусь до среды.

До завтра.

1) Генри.

2) Пятьдесятъ шесть лѣтъ, а ничего не сдѣлано для покоя.

3) Безъ жеманства и кокетства.

4) Т.-е. женитьба.

5) Бѣдность и худая пища.

6) Безъ фразъ.

7) Обстановку на дачѣ (въ Леманѣ).

3278. Письмо къ Н. П. Огареву.

5 апрѣля (1868).

Все ладно. Прилагаю 400 фр. зол., Тхорж. даль 300, для Маюра 300, чекъ 1 мая 500.

Къ этимъ 1,500 прибавь 500 за апрѣль и истраченные Тхорж. около 200 (135 форт. и пр.). Мы, *entre nous* и внявъ совѣту М.¹⁾, заказали тебѣ рубашекъ, взявъ на свой страхъ. *Somme toute* ²⁾, у тебя къ 1 июня 8.000.

Если ты думаешь, что еще на ремонтъ будутъ тогда нужны 200 фр., т.-е. на платьѣ, дѣлай какъ знаешь, возьми ихъ у меня, но затѣмъ 500 фр. *monatlich und kein Heller* ³⁾ до сентября 1869. Итакъ, это въ порядкѣ.

Теперь, 1-ое, къ дѣлу Саши. Говорить съ нимъ поздно. Онъ обѣщаль ждать до будущаго года и не дождется до 1 августа. Твоя трансцендентальная спекуляція объ энтитетѣ ⁴⁾ и пр., *saго mio* какъ всегда, совершенно вѣрна, и въ 1843 я подписалъ бы ее тремя руками. Дьявольская практическая жизнь—уѣчный тормозъ и иронія надъ спекуляціей—говорить проще и безпощаднѣе: бракъ, именно *бракъ*, а не конкубинатъ на сѣзжей или въ киркѣ связываетъ вдвое, безъ дѣтей они бы спокойно разошлись, а теперь нѣтъ. На сію минуту С. нравится, что она не имѣетъ свѣтскаго образованія; онъ мнѣ говорилъ, что онъ доволенъ, что она не танцуетъ, и что теперь уже *никто* не танцуетъ и пр. Все это мы знаемъ, и источники этого, взгляда не новы. Я никогда не танцоваль, но никогда такой теоріи не ставилъ. Черезъ годъ онъ взглянетъ иначе, и тогда онъ покраснѣетъ за нее; это будетъ начало гоненія. Въ чемъ ресурсы ея, замѣняющіе свѣтскую жизнь? Ту свѣтскую жизнь, безъ которой нельзя жить не оригиналамъ, эксцентричностямъ или маниакамъ (какъ мы), онъ съ ней не найдеть. Для него нѣтъ сюрюсала ⁵⁾ въ кабакѣ, да нѣтъ и въ средоточенности. Ты, Огаревъ,—человѣкъ, живущій весь внутри, въ богатомъ и сильномъ внутри, и поэтому, въ сущности, если не шумять и не тормошать тебя, тебѣ все равно. Ты даешь немного

¹⁾ Мэри.

²⁾ Словомъ.

³⁾ Въ мѣсяцъ и ни гроша.

⁴⁾ *Entité* — сущность.

⁵⁾ *Succursale* — уѣжище.

окужающему и требуешь меньше. Гдѣ все это въ С.? Въ дополненіе — буржуазный коштъ. А съ дѣтми просто плохое житье,— не можетъ же онъ имѣть теперь больше $\frac{1}{5}$ моего дохода.

Предоставь онъ эту дѣвушку ¹⁾ года на два дѣльному развитію, дай ей тогда свободу выбора и взглядишь самъ,—можетъ, было бы лучше. Въ чемъ грѣшитъ моя практика, не понимаю.

Второй и вѣчный вопросъ, это—N. Теперь опять: «давай пансіонъ заводить или въ Россію». Савичъ и Благово хотятъ участвовать въ заведеніи; одинъ даетъ денегъ, другой—трудъ, но не знаютъ, ни гдѣ заводить, ни какъ. Затѣмъ: «я не хочу больше лжи», «полный разрывъ—или официальное житье вмѣстѣ»,—*in extenso*, я это сократилъ. А, по моему, десятилѣтняя ложь имѣетъ права, съ ней надобно считаться. Это—тоже послѣдствіе (наказаніе *vulgariter*) ²⁾.

Я оставилъ ее въ мирѣ и покоѣ, ничего не писалъ эксцитантнаго ³⁾, ну, что за причина? Дѣйствительная пока—она боялась, что въ Лозаннѣ будетъ и Саша (хоть это и скрыто), въ оппозицію ему—дружба съ **Володиміровой**.

Мнѣ иногда хочется просто сказать: «Ну, да я согласенъ, дѣлай, что хочешь. Хочешь въ Россію—посылай за попомъ и купелью»—и тогда N. останется покойна.

Далѣе, куда ѣхать, что дѣлать послѣ Лозанны? Согласились, что все это чего лучше оправдываетъ *mauvaise humeur* ⁴⁾.

Затѣмъ ѣду. Буду писать два раза въ недѣлю, *almeno* ⁵⁾—и ты также. И чтобъ все привести къ слову,—что, какъ ты располагаешь послѣ выздоровленія, уgomонить питье или нѣтъ? Ты только не клянись,—въ такихъ случаяхъ ты не держишь слова,—а скажи просто: будешь дѣлать опытъ или нѣтъ? Совѣтую. Ты знаешь, что ты въ Женевѣ приобрѣлъ извѣстность по этой части. Мнѣ это ужасно неприятно.

Прощай.

Лучше ждать письма, но, если что экстренное, можно писать: Paris, Grand Hôtel de Londres.

1) Рѣчь идетъ о невѣстѣ сына, Терезѣ.

2) Попросту.

3) Раздирающаго.

4) Дурное настроеніе.

5) Постоянно.

3279. Письмо къ М. Мейзенбуъгъ.

(6—8 апрѣля 1868).

Chères «Mémoires d'une contemporaine»!

Du hâut des Alpes — cinquante six ans vous contemplant avec reconnaissance.—Ceux qui ont une si bonne mémoire pour se rappeler un jour de naissance peuvent écrire des mémoires excellentissimes. Tout de suite Tchorzevsky de courir, Czerniecky de rester sur place—renseignements pris nous sommes tout prêt à imprimer vos impressions et à les vendre (quoique elles n'ont pas de prix assez haut). La feuille tout compris vous coutera de 72—75 fr. avec correction.

Quel démon vous a poussé à les écrire en français?

Tout ce qui est français est haï en Allemagne.

Vous n'avez qu'à préparer votre manuscrit et à envoyer comme essai, le commencement.

Maintenant comme cadeau du jour de naissance—quelques humbles requêtes.

1-er Ancienne histoire—dites sérieusement comment voulez vous que je croie à vos éloges d'Ol. et de Domengé, lorsque chaque petite lettre montre *qu'il n'y a aucun progrès*.

Laissez donc les Renans et les Fichte et prenez la grammaire. Je m'étonne de Dom.

Secondo. Il faut nécessairement finir la drolerie très inconvenante avec le piano et la clef.

Cela, vous me permettez d'exiger d'elle.

Terzio. Vu le printemps je vous conjure de lui permettre le grand air—même lorsqu'il est froid.

J'ai peur de la Verweichlung physique. Pardonnez, amnistiez—et donnez votre bénédiction.

Priez Levier de fuir l'asthme et l'asthmatique.

N'oubliez pas que chaque grossièreté que l'on fera à D.—est une politesse pour moi.

Ch. Vogt est, revenu de l'Allemagne plein de récits—intéressants. Bamberger élu pour le Zollverein.

Ogareff—sans être élu va bien.

Demandez à Olga ce que je lui écris sur la danse.

Переводъ.

Дорогія «Воспоминанія современницы»! ¹⁾

Съ высотъ Альпъ на васъ съ благодарностью взирають пять-десять шесть лѣтъ. Тѣ, кто обладаетъ такой великолѣпной памятью, что помнятъ однѣ рожденія, могутъ писать превосходные мемуары. Тотчасъ же Тхоржевскій засуетился, Чернецкій оставался на мѣстѣ, и, собравши справки, мы готовы печатать ваши впечатлѣнія и продавать ихъ (хотя онѣ и не имѣють особенно высокой цѣны). Листъ вамъ обойдется, включая и корректуру, отъ 72 до 75 франковъ. Какой чортъ дернулъ васъ написать ихъ по-французски? Все французское ненавистно въ Германіи. Вамъ остается только приготовить рукопись и прислать, въ видѣ опыта, начало. Теперь, какъ подарокъ ко дню рожденія, нѣсколько смиренныхъ челобитныхъ:

1) Вѣчная исторія—неужели вы серьезно хотите заставить меня повѣрить похваламъ, расточаемымъ вами О. и Доманже, когда каждое письмо доказываетъ, что *нѣтъ ни малѣйшаго устаха?*

Оставьте Ренановъ и Фихте и примитесь за грамматику. Я удивляюсь Дом.

Во-вторыхъ, надо непременно положить конецъ неприличной глупости съ фортепіано и ключомъ. Разрѣшите мнѣ потребовать этого отъ нея.

Въ третьихъ, въ виду весны умоляю васъ, разрѣшите ей вполнѣ пользоваться воздухомъ, даже въ холодную погоду. Я боюсь физической изнѣженности. Простите, амнистируйте и благословите.

Попросите Левье избѣгать астмы и астматика ²⁾. Не забудьте, что каждая грубость по отношенію къ Д. есть вѣжливость по отношенію ко мнѣ.

К. Фогтъ вернулся изъ Германіи, полный интересныхъ разсказовъ.

Бамбергеръ избранъ въ Германскій Таможенный Союзъ. Огаревъ, не будучи избраннымъ, чувствуетъ себя хорошо.

Спросите Ольгу, чтѣ я ей пишу о танцахъ.

¹⁾ Въ концѣ 1868 г. вышелъ въ свѣтъ первый томъ ея «Mémoires d'une idéaliste» (1830—1848) безъ указанія имени автора.

²⁾ Кн. П. В. Долгоруковъ страдалъ астмой.

3280. Письмо къ Н. П. Огареву.

11 апрѣля (1868), суббота.

(Paris) 184 № Grand Hôtel du Louvre.

Всѣ дѣла привелъ въ величайшій порядокъ,—на этотъ разъ у Ротшильда всѣ были очень любезны, и даже его секретарь меня утащилъ къ какому-то доктору, который пріѣхалъ изъ Египта. Вообще, вѣтеръ попутный, и это сдѣлалъ французскій «Колоколъ» Оба Араги ¹⁾ и Гартманъ, Маврикій ²⁾, и Бамбергеръ—бисмаркующій и всѣ etc. любезны до бесконечности—даже Рубинштейнъ ³⁾ безбоязненно, увидѣвъ меня въ Café de l'Орега, сію минуту (въ Россіи нравы не перемѣнились) потребовалъ бутылку редерера—figar. и съ вѣнскимъ издателемъ музыки пилъ за счастливую встрѣчу. Я ему замѣтилъ, что она можетъ превратиться не въ особенно счастливую (кафэ былъ полонъ). Но онъ разгеройствовался: «мнѣ, говорить, ни по чемъ, говоритъ». Въ понедѣльникъ онъ даетъ огромный концертъ, онъ имѣетъ успѣхъ; оперы Кашпер. не хвалить.

Въ дополненіе къ мелочамъ, завтракаю я у Вефура и нахожу, что цѣны снова сдѣлались естественнѣе, а достоинство всего, что даютъ, необыкновенно. Entrecôte съ картофелемъ 2 фр., но кусокъ вдвое больше, чѣмъ у Визіоза ⁴⁾—и этого совершенно достаточно отъ 12 до 7 часовъ. Обѣдалъ я, наконецъ, по Жирардену—не стоитъ ни похвалъ въ «Liberté» ⁵⁾, ни цѣны. Вообще, я обѣды ненавижу...

Посылаю Мерчинскому въ подарокъ книжку о Роммѣ, съ которымъ его сравнивали. Я ее послалъ на имя Тхоржев.—забылъ адресъ Мерчинскаго.

Письмо Тхорж. получилъ. Скажи ему, что у его знакомаго я былъ самъ, но не засталъ, а онъ былъ у меня и тоже не засталъ.

Lacroix немного продаетъ «Колокола», отъ 20 до 25 экз. ностоянныхъ.

Что d-g Herz. здѣсь еще, т.-е. у васъ, или нѣтъ?

¹⁾ Въмѣсто Араго; братья Франсуа-Эмманюель, франц. политическій дѣятель и адвокатъ (по дѣлу Березовскаго), и Альфредъ, историческій живописецъ.

²⁾ Морисъ Гартманъ, нѣмецкій писатель и поэтъ.

³⁾ Антонъ Григорьевичъ.

⁴⁾ Vizioz—рестораторъ въ Женевѣ.

⁵⁾ Газету эту редактировалъ Эмиль Жирарденъ.

Forcade ¹⁾ (изъ «Revue des Deux-Mondes») сошелъ совсѣмъ съ ума, его хотятъ посадить. Ламартинъ написалъ статью о Тургеневѣ, въ которой воспѣлъ его до небесъ.

Я ѣду сегодня въ ночь или завтра утромъ: отдохну въ Марсели и во всякомъ случаѣ буду во вторникъ въ Ниццѣ. Не жду ничего хорошаго—буду писать и—addio...

Если Саша еще въ Женевѣ, скажи ему, что я ему пришлю обѣщанный вексель, что онъ получитъ золотомъ деньги, но что за это Rot. у меня взялъ 100 фр. на 5000, но, всетаки, Сашѣ будетъ барышъ въ 400 фр.

P. S. На почтѣ не взяли книгу Мерч., потому что я въ ней надписаль,—написанное запрещено!

3281. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

13 av. (1868). Lundi
Marseille.

Chère Malvīda,

J'ai parlé à Paris avec deux libraires (La Croix et Dentu) pour donner en commission vos mémoires—c'est à dire une partie—ils acceptent volontièrement.

J'ai passé—les 3 jours à Paris très bien. Nous sortons un peu de l'oubli de 1864—et savez vous qui m'a fait un immense service—c'est le D-r Kroupoff. Il n'y a pas deux opinions sur ce pauvre diable—tout le monde en est content—les plus foux—plus que les autres. Envoyez moi à Nice la traduction de Penisl.

J'ai parcouru le dernier ouvrage de Renan (Questions contemporaines)—il y a une vingtaine de pages sur 200—qui sont bonnes. Quand est ce que vous abandonnez ce savant, doctrinaire—ennyeux, ni libre—ni esclave idéaliste plus que Vous? Si Kinkel avait des talents—Renan lui ressemblerait.

Donnez donc qq. chose de plus mangeable à Olga.

Secret et à propos en toute confidence—vous ne m'en voulez pas (ni à moi, ni aux autres) de vous avoir écrit dans ma lettre de Genève—sur la clef musicale—et l'orthographe sans clef? Alex. m'a donné une savonade (ne le dites pas)—mais je veux être franc—lorsqu'il y (a) utilité de l'être. De grâce, ne montrez pas de dépit. Si les enfants—commencent à peser les mots lorsqu'ils parlent avec leur père—cela sera un malheur.

Je vous serre la main.

¹⁾ Эжень. франц. литераторъ.

Переводъ.

13 апрѣля (1868), понедѣльникъ.

Дорогая Мальвида!

Въ Парижѣ я говорилъ съ двумя книгопродавцами (Лакруа и Дантю), о томъ, чтобы сдать имъ часть вашихъ «Мемуаровъ» на комиссію; они охотно согласились.

Я прекрасно провелъ три дня въ Парижѣ. Понемногу мы выходимъ изъ забвенія 1864 г., и, знаете, кто оказалъ мнѣ колоссальную услугу? «Докторъ Круповъ». О немъ нѣтъ двухъ мнѣній—всѣ имъ довольны, и больше всѣхъ—наиболѣе сумасшедшіе. Пошлите мнѣ въ Ниццу переводъ Пенизи.

Я пробѣжалъ послѣднее произведеніе Ренана («Современные вопросы»). На двѣсти страницъ наберется страницъ двадцать хорошихъ. Когда вы отвернетесь отъ этого ученаго, скучнаго доктринара, ни раба, ни свободаго... и идеалиста еще большаго, чѣмъ вы? Если бы Кинкель обладалъ талантами, Ренанъ былъ бы похожъ на Кинкеля. Давайте Ольгѣ что-нибудь болѣе удобоваримое.

Секретно и вполнѣ конфиденціально: вы не сердитесь (ни на меня, ни на другихъ) за то, я написалъ вамъ изъ Женевы о музыкальномъ ключѣ и объ орфографіи безъ ключа? Алекс. задаль мнѣ головомойку (не передавайте ему), но я хочу быть откровеннымъ, если есть польза отъ этого. Ради бога, не выказывайте неудовольствія. Если дѣти, обращаясь къ отцу, должны взвѣшивать свои слова, то это несчастіе.

Жму вашу руку.

3282. О выходѣ «Kolokol».

Nous nous voyons obligés de faire un changement notable dans la périodicité du «*Kolokol*». Dorénavant il ne paraîtra *qu'une fois par mois* au lieu de deux. Nous offrons aux abonnés qui ont payé d'avance pour une année, une prolongation de huit mois dans le terme de l'abonnement. Si quelques-uns veulent, au lieu de cet arrangement, recevoir vers la fin de l'année *L'Etoile Polaire* pour 1869 ¹⁾ en langue russe—nous serons enchantés de la leur faire parvenir.

Alexandre Herzen.

15 avril 1868.

Nicolas Ogareff.

P. S. Nous prions messieurs les libraires de prendre en considération ces lignes.

¹⁾ Voir aux annonces. A. H.

Переводъ.

Считаемъ себя вынужденными значительно измѣнить сроки появленія нумеровъ «Kolokol». Отнынѣ онъ будетъ выходить *только разъ въ мѣсяцъ*, вмѣсто двухъ разъ. Мы предлагаемъ тѣмъ подписчикамъ, которые заплатили впередъ за годъ, продлить на восемь мѣсяцевъ срокъ подписки. Если нѣкоторые желаютъ, вмѣсто этого, получить въ концѣ года «Полярную Звѣзду» за 1869 г. ¹⁾ на русскомъ языкѣ, мы съ радостью вышлемъ имъ ее.

Александръ Герценъ.

Николай Огаревъ.

15 апрѣля 1868.

P. S. Просимъ г.г. книгопродавцевъ принять эти строки къ свѣдѣнію.

3283. Frisant la question polonaise.

Article premier.

Il y a des douleurs qu'on n'aime pas à traduire en paroles—sans nécessité. J'ai profondément désiré ensevelir les réminiscences de 1863—64 jusqu'à d'autres temps et d'autres circonstances. J'ai noté, pour moi seul, quelques souvenirs que je relisais comme une messe de morts. Harcelé par des ennemis, forcé de parler ²⁾, je ne sortais jamais des généralités et d'une extrême réserve. C'est ce que je me propose de faire aussi maintenant, en soulevant un peu plus le linceul.

Le silence, malheureusement, n'est pas toujours possible—il laisse se consolider, s'enraciner des représentations erronées.

Il m'a été très-difficile de prendre la parole; mais, comme cela arrive fréquemment, un rien qui déborde, une ironie mal placée, *un mot mal pesé*, nous font lever notre propre consigne, pour ~~appeler~~ aux adversaires et aux loustics—qu'on n'est pas tout à fait mort pour se taire.

Cette fois, la goutte qui a débordé—goutte martiale, pourrais-je dire, car elle est tombée d'un général à un major—est la lettre de M. Mieroslawski, publiée à Genève.

On y trouve des passages dans ce genre: «Le Comité *varsovien*—Padiewski, Giller, Milowicz—composé à Paris, partit en corps et en pompe, au mois de novembre 1862, offrir *la direction suprême*

¹⁾ См. объявленія.—А. И. Г

²⁾ Lettres à la rédaction du «Den»,—*Kolokol* russe, 1864. Lettres à un adversaire, id. 1865. Lettre à M. J. Aksakoff—1866. А. Н.

de l'insurrection polonaise à MM. Herzen, Ogareff et Bakounine, en acceptant, au nom de la Pologne, si mal démembrée par le congrès de Vienne, le soudémembrement qui lui était offert par le dernier de ces patriotes moscovites. MM. Herzen et Ogareff eurent le mauvais goût de se réserver».—Et après, en parlant de la mise en liberté de deux Polonais arrêtés par la police française, à Paris, l'auteur ajoute: «Tous les deux furent renvoyés à Londres; j'hésite à dire chassés ou bannis, puisque leur gouvernement officiel résidait à Londres, depuis leur inféodation publique et volontaire à la rédaction du Kolokol».

Ceux du comité qui ne sont pas tombés en martyrs, fusillés—comme S. Padlewski,—peuvent répondre eux-mêmes; plus encore notre ami Bakounine—athlète formidable avec lequel il n'est pas facile de lutter. Moi, je ne désire que de mettre en évidence, par quelques pages de mes mémoires, le rapport réel qu'a eu la rédaction du Kolokol à l'insurrection de la Pologne. En même temps, ces fragments montreront notre plus parfaite unité morale dans la question polonaise, depuis le commencement de notre propagande jusqu'à ce jour—pendant le temps de la plus ardente amitié, pour nous, de la part de nos frères polonais, de même que durant les accusations furibondes de quelques possédés.

J'ajouterai à cela quelques pièces justificatives qui ont déjà été imprimées dans le Kolokol russe.

Un seul mot tout personnel.

Alfred de Vigny a admirablement raconté avec quelle jouissance tacite Robespierre savourait, tout en se montrant contrarié et outragé, les expressions de «Robespierre's troops, Robespierre's army» dans les journaux de Londres.

C'est qu'il brigait la dictature.

Quant à la rédaction du Kolokol, qui est composée de nous deux, Ogareff et moi, jamais l'idée de jouer au gouvernement clandestin, de diriger le soulèvement de la Pologne, ne traversa notre tête. Ces assertions, humiliantes pour les Polonais, nous montrent, à nous, qu'après tout les généraux des deux camps opposés, Mieroslowski et Schouvaloff, sont également mal renseignés sur notre compte, l'un comme l'autre.

Je suis prêt à croire que l'erreur est sincère de la part de M. Mieroslowski; il ne peut y avoir aucune cause personnelle; je n'ai jamais eu l'avantage d'être présenté à M. Mieroslowski, Ogareff non plus—et tous nos rapports se limitent à une lettre très courtoise qu'il m'a adressée après mes articles «Vivat Polonia!» et «Mater dolorosa»,—lettre à laquelle j'ai répondu par quelques mots de sympathie et d'estime. Voilà tout.

Et pourtant il pourrait nous connaître: il y a bientôt vingt ans que je travaille en Europe; il y en a plus de dix que nous travaillons à deux.

Nous avons à nous reprocher beaucoup de fautes, beaucoup d'erreurs; mais si nous sommes innocents d'une des faiblesses des émigrations—*c'est que nous n'avons jamais posé*—ni comme conspirateurs, ni comme dictateurs, révélateurs, ambassadeurs et autres *fonctionneurs* de la révolution. Nous avons dit et répété que nous n'étions que des représentants fortuits du mouvement souterrain qui, du temps de Nicolas, se faisait en Russie—*sa voix libre*, son cri d'indignation, de souffrance, d'espérance, lorsque d'occulte le mouvement devint manifeste. *Vivos vocare*, d'après notre épigraphe, pour leur montrer le même chemin, le même but et les mêmes entraves. *Vivos vocare*, pour leur dire *qu'il est temps*—telle était la base de notre propagande; et, comme notre chronomètre allait juste, telle était *aussi la base de notre force*.

Exposer encore une fois notre profession de foi socialiste et russe, serait inutile. Toutes nos publications, chaque feuille de notre journal, ne contiennent que cela.

Nous avons prêché, nous avons réveillé des hommes qui étaient encore à demi endormis, sans jamais briguer le titre d'archevêque général de la propagande, ni de tambour-major de l'insurrection.

C'est aux journaux les plus réactionnaires de la Russie qu'apparurent la primeur de nous faire jouer un rôle de gouvernement occulte, et de nous affubler de titres qui n'ont aucune valeur pour nous.

Au moins ceux-là ont pour eux une cause atténuante—c'est qu'ils savent très-bien qu'ils mentent. Ils savent très-bien que notre nom nous suffit, et qu'il restera vierge de tout titre, de toute estampille, comme notre poitrine de toute croix ou de toute légion d'honneur.

Peut-être est-ce là que niche notre amour-propre; mais il nous semble que de se nommer tout simplement Ogareff et Herzen, vaut un peu mieux que de s'appeler Chancelier *in partibus* ou Gonfalonnier *in spe*. Chaque petite marque de sympathie de nos amis nous fait tressaillir, le cœur de joie et de reconnaissance, nous rend fiers et heureux. Mais nous ne reconnaissons à personne le droit de nous affubler d'un titre, de nous donner un pourboire à la boutonnière, de nous *distinguer et décorer*.

Que voulez-vous—grattez un Russe—vous trouverez toujours quelque chose de barbare en lui.

Cela dit, je passe à mon cahier écrit vers la fin de 1865.

Le 5 février 1857, on enterrait, à Londres, Stanislas Worcell.

Trois Russes ¹⁾ aidèrent à porter le cercueil, de sa pauvre demeure, à Huntley-street, au cimetière de High-Gate.

Le dernier groupe d'amis s'écoulait lentement et en silence; j'étais du nombre, je m'éloignais accablé de tristesse. J'aimais ce vieillard. Il avait aussi de l'amitié pour moi; mais le dernier temps «un chat noir» traversa entre nous: Il était entouré d'hommes qui ne m'étaient pas aussi sympathiques que lui, ils l'éloignèrent de moi. Quelque temps avant sa mort, Worcell revint à d'autres sentiments.

Un jeune Polonais prononça un discours après Ledru-Rollin; il avait des larmes dans la voix, mais il ne me tendit pas la main—alors j'aurais tout oublié. Après, mon cœur se referma aussi.

Une fois dans ma chambre, je me jetai sur le sofa, complètement anéanti de douleur et d'amertume; une question se dressait de plus en plus noire devant moi. Je me demandai: n'avons-nous pas enterré *avec ce juste*, ce pur, tous nos rapports sérieux avec l'émigratiou polonaise? Les circonstances compliquaient étrangement notre position.

La douce tête du malade, ornée de ses cheveux blancs, qui apparaissait, pacificatrice et aimante, pour finir les malentendus et faire taire les dissonances, disparaissait. *Les dissonances restaient*. Nous ne nous entendions pas. Personnellement, individuellement, nous avons eu, alors et après, de bien proches amis parmi les Polonais; mais, en général, notre manière de voir différait profondément de la leur. Cela introduisait, nécessairement, une certaine tension dans nos rapports; étant très-sincères, ils manquaient d'une certaine franchise supérieure. Nous faisons les uns aux autres des concessions tacites.

Les compromis amoindrissent, effacent, neutralisent, mutilent. On perd par les concessions les aspérités, les points saillants de son individualité; on sacrifie le côté le plus énergique, le plus original.

Parvenir à une entente commune n'était pas facile. Nous partions de deux côtés opposés, et nos routes ne se rencontraient ne se confondaient que dans un point d'intersection—à l'endroit de notre haine contre le despotisme impérial de Pétersbourg ²⁾.

Les Polonais allaient à la restauration d'un passé qu'ils aiment et qui a été violemment brisé; ils devaient commencer par *y retourner* pour continuer leur chemin. La Pologne, suivant l'expression d'un

¹⁾ Ogareff, moi et mon fils. A. H.

²⁾ Je dis exprès de Pétersbourg—car une partie de nos amis polonais ne le haïssaient que sous le 59-e degré de long. et. trouvaient moyen de lui passer beaucoup de choses dans d'autres climats. A. H.

pape, est «terre de reliques», la Russie, terre de berceaux vides. Dans toutes les créations poétiques des Polonais, on voit le crêpe du deuil à côté de la foi ardente, le désespoir à côté de l'abnégation.

Les formes même de notre pensée, de notre compréhension, de notre intelligence, de nos tendances théoriques et pratiques, sont autres. Le pli de nos idées, leur physionomie ne sont pas les mêmes. Religieux et mystiques, les Polonais n'aiment pas notre esprit scrutateur, analytique, positiviste, sceptique et plein d'une ironie amère. S'ils ont quelquefois la force de ne pas nous haïr, l'alliance avec nous leur paraît toujours une *mésalliance*, au moins un mariage de raison. En nous donnant la main ils faisaient un effort; en s'approchant de nous, ils ne cachaient pas que c'étaient des exceptions personnelles. Au contraire, de notre côté nous apportions le sentiment humble et douloureux de la culpabilité, de la participation involontaire au crime et une admiration sans bornes pour leur persistance, pour leur élan, pour leur protestation fougueuse et fière.

Compagnons de prison, nous sympathisions sans trop nous connaître. Mais, lorsqu'après la mort de Nicolas on ouvrit un peu la lucarne de la geôle, nous nous aperçûmes qu'on nous avait amenés dans la prison par des chemins opposés, et qu'une fois libres chacun irait de son côté.

Les premières années qui suivirent la guerre de Crimée, c'était notre réveil; c'est alors, pour la première fois, que nous respirâmes librement; cela nous grisa un peu. Nos espérances bruyantes et exagérées blessèrent nos compagnons de malheur, elles leur rappelèrent *leurs pertes*. Le nouveau temps commença chez nous par des exigences téméraires, exagérées. Chez nos voisins on n'entendait que des messes de morts, des prières pour le salut de leur âme, des hymnes épiques, des condoléances.

Le gouvernement nous rapprocha encore une fois. Devant les mitrillades des prêtres et des enfants, devant les balles sifflant, frappant les crucifix, frappant les femmes en deuil; devant les prières et les litanies chargées par la cavalerie—toutes les questions et discussions étaient oubliées. J'ai écrit, les larmes aux yeux, la série d'articles qui m'a valu tant de sympathies de la part des Polonais et même des adresses signées par plus de quatre cents réfugiés polonais, que j'ai eu le bonheur de recevoir à Paris.

Le 16 juin 1862, trois jeunes officiers russes tombèrent fusillés, à Modline—pour avoir fait la propagande parmi les soldats et les officiers, pour avoir eu en leur possession et fait circuler des livres et des écrits défendus par la censure. C'était le commencement de la tyrannie peureuse et sanguinaire de l'Empereur actuel.

Les amis de ces premiers martyrs, indignés, étonnés, cherchant vengeance contre ces premiers actes du régime veau-chacal qui s'inaugurait, s'adressèrent à nous, en vue de l'orage qui se préparait en Pologne. Ils nous demandaient un conseil d'amis, de frères aînés; leur conscience protestait contre le devoir, qui les poussait à devenir bourreaux et défenseurs du gouvernement qu'ils détestaient et qui s'empirait de plus en plus après le *grand mensonge* de l'incendie, à Pétersbourg. Les jeunes gens étaient décidés à ne pas prendre les armes contre les Polonais.

Beaucoup de Polonais venaient à Londres. On voyait très-bien que l'idée de l'insurrection donnait de plus en plus racine, qu'ils étaient décidés d'agir et qu'il serait bien difficile de les en détourner. On pouvait facilement prévoir qu'ils se dévouaient à un holocauste sanglant et que par ricochet nous recevions un coup terrible. Nous en parlions constamment sans les convaincre. Voyant cela, nous leur disions: «Au moins ne mettez pas le peuple russe contre vous, n'effarouchez pas l'opinion publique, elle ne vous sera pas hostile à condition de céder aux paysans la terre cultivée par eux et de laisser la complète autonomie des provinces hors du royaume».

Nous avons tant et tant répété cela, qu'à la fin Padlewski, Giller et Milowitch vinrent nous voir et nous apportèrent une lettre du Comité central de Varsovie ¹⁾, qui le promettait d'une manière vague, par rapport aux provinces.

Dans les pourparlers avec eux, j'ai cru remarquer qu'ils nous prenaient pour des chefs d'une *organisation toute faite*, -en Russie et je m'empressai de les détromper. «Vous pensez, leur dis-je, à ce qu'il me paraît, que nous avons une force dictatoriale; vous êtes dans une erreur profonde ²⁾. Nous avons notre puissance à nous, puissance active et assez grande, mais elle n'est basée que sur l'opinion publique, sur la sympathie entre nous et nos lecteurs; nous exprimons leurs aspirations, ils retrouvent dans nos paroles les mots qu'ils ne peuvent dire librement à la maison. Le jour où cet *unisson*, cette harmonie manqueraient, notre puissance s'évaporerait. Nous n'avons personne à qui nous pourrions dire d'aller de ce côté ou de l'autre. Nous insistons fortement sur cela, *car nous vous le répétons*, si en Russie on ne voit pas sur votre drapeau, tout grand développé, le droit à la terre et l'autonomie des provinces—*notre aide, notre sympathie ne vous*

¹⁾ Que nous reproduisons à la fin du fragment. A. H.

²⁾ M. Giller, étant vivant, se rappellera peut-être de notre conversation. A. H.

avanceront en rien et entraîneront nécessairement la perte de toutes les forces que nous avons. Notre lien intime avec les nôtres ne consiste pas dans un rapport de service, mais dans la conformité du battement de nos cœurs; peut-être le nôtre bat-il un peu plus fort, avance d'une seconde—mais malheur s'il s'écartait du rythme!

Ils partirent, et un de leurs amis me dit avec une franchise que j'ai parfaitement apprécié: «Moi je suis d'accord avec vous; mais pensez-vous que je me retirerai d'affaire, dans le cas où la majorité du parti, qui aura le dessus, agirait autrement? La première chose, la grande, c'est l'indépendance de la Pologne, et je ne m'arrêterais devant aucun scrupule».

— Mais, vous ne l'aurez pas sans ces conditions, lui disais-je.

— C'est ce que nous verrons.

La lettre du Comité et notre réponse aux officiers, furent imprimées dans le *Kolokol*.

Le jour où parurent les documents, un homme étrange vint me voir le soir. C'était le paysan ci-devant serf *Martianoff*. Enthousiaste, ascète, fanatique, nerveux: c'était l'étoffe d'un Jean de Leide, d'un prophète agitateur, d'un chef taborite, d'un chancelier de Pougatcheff. Il était plus pâle qu'à l'ordinaire, pensif et bouleversé. Il se taisait depuis longtemps, puis se leva, s'approcha de moi, et tenant le *Kolokol* à la main, me dit d'une voix triste et sombre: «Ne vous fâchez pas, il m'est impossible de ne pas vous le dire: dès ce jour, vous avez coulé le *Kolokol*. Vous vous êtes mêlé à des affaires qui ne vous regardent pas. Les Polonais ont peut-être raison d'aller par ce chemin, ce n'est pas le nôtre. Vous n'avez pas pensé à nous lorsque vous faisiez ce pas.—Que Dieu vous pardonne!—Rappelez-vous de mes paroles; le temps vous prouvera qui de nous connaît mieux où le vent souffle;—moi, je ne le verrai pas, je suis fatigué, je me meurs ici et je retourne à la maison».

— Cher *Martianoff*, lui dis-je, vous n'irez pas en Russie, et le *Kolokol* n'est pas coulé; j'ai agi d'après ma conscience.

Il secoua la tête et sortit sans rien dire, me laissant sous le poids lourd de la seconde ¹⁾ prophétie que l'on me faisait.

Martianoff tint sa parole, il alla se livrer lui-même à ses bêtes féroces. Son *zemski* tzar le fit juger par le sénat pour avoir imprimé dans le *Kolokol* une lettre qu'il adressait à l'Empereur. Ces brigands, contents d'avoir entre leurs griffes le ci-devant serf indomptable et

¹⁾ Elle a été racontée par moi dans le *Kolokol* russe — 1-er juillet 1867.
A. H.

turbulent, le condamnèrent à cinq années de travaux forcés; il voulut s'enfuir, on le fit *passer par les verges à la mort*.

C'est le nouveau martyrologe qui se remplissait.

Le jeune petit-russien Potebnia, l'âme de la société des officiers vint encore une fois à Londres pour demander notre avis, et, quel qu'il fût, suivre invariablement sa route. Il s'était livré sans réserve à l'ouragan. Pur, simple, héroïque, triste, il portait déjà sur son front l'onction fatale de la mort. Il allait être tué, j'en étais sûr, et pour une cause qui n'était pas proprement la sienne.

— Oui, me disait un ami, elle est aussi sienne. On ne peut pas toujours attendre, les bras croisés, jusqu'à ce que le vent souffle comme nous le voulons. Il faut prendre l'histoire comme elle se présente, il faut louvoyer avec elle, autrement on reste toujours en arrière ou en avant.

Peut-être avait-il raison, mais mon cœur était si rempli de larmes et de mauvaises appréhensions, qu'il m'était impossible de regarder sans frissonner ces *morituri* qui s'en allaient une phalange après l'autre...

Padlewski traversa Londres comme une flèche; il alla à Kovno, par *Petersbourg*.

— Donc, c'est décidé?

— «La loi ignoble sur le recrutement n'a pas été révoquée, c'est elle qui a décidé. Il n'y a pas de force humaine pour arrêter le mouvement, mieux vaut s'en emparer».

Deux mois après, l'un tombait à la bataille de la Pescova Scala, l'autre était fusillé; tous les deux si jeunes, si beaux, si pleins de force.

Non, je ne suis pas militaire, j'abhorre les voies du sang.

Un des membres du gouvernement polonais a eu la généreuse, la touchante attention de nous avertir de la mort de Potebnia. Après quelque temps, on me remit un petit portefeuille qui lui appartenait. J'ouvris d'une main tremblante la relique, et j'y trouvai une lettre adressée aux officiers russes par Ogareff, pendant une absence de quelques jours que j'ai passés à Torquay.

Cette lettre commence par ces lignes:

Amis,

C'est avec un amour profond et une profonde tristesse que nous prenons congé de votre ami, qui va vous rejoindre. Il n'y a qu'une espérance secrète qui nous tranquillise tant soit peu sur votre sort et le sort de *notre cause* — c'est que le soulèvement peut être différé!

Nous comprenons très-bien qu'il vous est impossible de ne pas prendre part à l'insurrection, vous le devez comme expiation. Vous ne pouvez pas laisser écraser la Pologne sans protester; une participa-

tion muette et soumise serait immorale et aurait pour la Russie un côté pernicieux.

Votre position est tragique et sans issue. *Nous ne voyons pas une chance de succès*; même si Varsovie pouvait être libre, pour quelque temps, vous ne pourriez rien faire qu'acquitter une ancienne dette—en prenant part au mouvement de l'indépendance nationale. Car ce n'est pas la Pologne qui élèvera notre drapeau social—notre drapeau de *la terre et de la liberté*; et vous, chers amis, vous êtes encore beaucoup trop faibles pour le faire!

La Pologne succombera si elle se lève avant le temps—*et le mouvement russe sera pour longtemps noyé dans la haine nationale, qui ira bras dessus bras dessous avec le dévouement au tzar*, et ne pourra surnager qu'après votre mort, lorsque votre exemple héroïque—devenu tradition, agitera une nouvelle génération, comme le grand souvenir du 14e 26 décembre 1825 nous a agités!.

Je n'ai rien à ajouter à ces lignes.

Et je crois que c'est assez pour la première fois.

25 mars 1868.

Переводъ.

Къ польскому вопросу.

Статья первая.

Бываютъ скорби, которыя неохотно выражаешь словами безъ крайней необходимости. Я глубоко желалъ похоронить воспоминанія о 1863—64 г.г. до другихъ временъ и другихъ обстоятельствъ. Я записалъ лично для себя нѣкоторыя воспоминанія, которыя перечитывалъ, какъ ванихиды. Враги иногда вынуждали меня прервать молчаніе ¹⁾, но я никогда не выходилъ за предѣлы общихъ мѣстъ и крайней сдержанности. Такъ я намѣренъ поступить и **сейчасъ**, приподымая немного больше саванъ.

Къ несчастью, молчаніе не всегда возможно: оно помогаетъ укрѣпленію, укорененію ложныхъ представленій.

Очень трудно было для меня заговорить; но, какъ это часто случается, капля, переполняющая чашу, неумѣстная иронія, *недостаточно взвышенное слово* заставляютъ насъ отмѣнить наше собственное рѣшеніе и напомнить противникамъ и шутамъ, что мы еще не совсѣмъ умерли, чтобы молчать.

¹⁾ Письма въ редакцію «Дня», русскій «Колоколь» 1864 г. «Письма къ противнику» id. 1865 г., «Письмо И. Аксакову» 1866 г. А. И. Г.

На этотъ разъ каплею, переполнившю чашу,—каплею военною, можно сказать, потому что она *пролилась отъ генерала и адресована была майору*, — явилось письмо г. Мѣрославскаго, опубликованное въ Женевѣ.

Тамъ встрѣчаются мѣста въ такомъ родѣ: «*Варшавскій комитетъ* — Падлевскій, Гиллеръ и Миловичъ — организованный въ Парижѣ, уѣхалъ въ полномъ составѣ и съ помпою въ ноябрѣ 1862 г. въ Лондонъ, чтобы предложить г.г. Герцену, Огареву и Бакунину *верховное руководство польскимъ возстаніемъ*; вмѣстѣ съ тѣмъ, ксмитетъ, отъ имени Польши, столь дурно раздѣленной Вѣнскимъ конгрессомъ, принялъ новый раздѣлъ, предложенный ей послѣднимъ изъ этихъ трехъ московскихъ патріотовъ. Г. г. Герценъ и Огаревъ, устранили себя отъ этого вопроса». И далѣе, рассказывая о возвращеніи свободы двумъ арестованнымъ въ Парижѣ французской полиціей полякамъ, авторъ прибавляетъ: «Оба они были отправлены въ Лондонъ; я не рѣшаюсь сказать «изгнаны» или «сосланы», потому что *со времени ихъ открытаго и добровольнаго присоединенія къ редакціи «Колокола» ихъ офиціальное правительство находится въ Лондонѣ*».

Члены комитета, не павшіе мучениками, не разстрѣлянные, какъ, напр., С. Падлевскій, сами могутъ отвѣтить; тѣмъ болѣе можетъ отвѣтить нашъ другъ Бакунинъ, гигантъ, борьба съ которымъ—дѣло не легкое. Что касается меня, то я желаю только съ полной очевидностью показать нѣсколькими страницами изъ моихъ воспоминаній дѣйствительное отношеніе *редакціи «Колокола» къ возстанію въ Польшѣ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти отрывки докажутъ наше полное моральное *единеніе* въ польскомъ вопросѣ за время отъ начала нашей пропаганды до нынѣшняго дня, какъ въ періодъ самой горячей дружбы къ намъ со стороны нашихъ польскихъ братьевъ, такъ и въ періодъ самыхъ яростныхъ обвиненій со стороны нѣсколькихъ одержимыхъ.

Къ этому я присоединю нѣсколько оправдательныхъ документовъ, которые были раньше помѣщены въ русскомъ *Колоколѣ*.

Одно только слово лично о себѣ.

Альфредъ де-Виньи удивительно рассказываетъ, какъ Робеспьеръ, представляясь недовольнымъ и оскорбленнымъ, въ то же время, радуясь про себя, съ наслажденіемъ смаковалъ попадавшія въ англійскихъ газетахъ фразы: «*Robespierre's troops*», «*Robespierre's army*» ¹⁾).

¹⁾ «Войска Робеспьера», «Армія Робеспьера».

Это потому, что онъ добивался диктатуры.

Что касается *редакціи* «Колокола», состоящей только изъ двухъ лицъ, Огарева и меня, то ни одному изъ насъ никогда не приходила въ голову мысль играть въ тайное правительство и руководить возстаніемъ въ Польшѣ. Эти увѣренія, унижительныя для поляковъ, доказываютъ намъ, что генералы обоихъ враждебныхъ лагерей, Мѣрославскій и Шуваловъ, оба одинаково плохо освѣдомлены на нашъ счетъ.

Я готовъ вѣрить, что со стороны г. Мѣрославскаго заблужденіе совершенно искренно; здѣсь не можетъ быть личнаго повода; я никогда не имѣлъ счастья быть представленнымъ г. Мѣрославскому такъ же, какъ и Огаревъ, и всѣ наши отношенія исчерпываются очень любезнымъ письмомъ, съ которымъ онъ обратился ко мнѣ послѣ моихъ статей: «Vivat Polonia!» и «Mater dolorosa». На письмо это я отвѣтилъ нѣсколькими словами, въ которыхъ выразилъ свою симпатію и уваженіе. Вотъ и все.

И, тѣмъ не менѣе, онъ долженъ былъ бы знать насъ: вотъ уже скоро двадцать лѣтъ, какъ я работаю въ Европѣ, и десять лѣтъ слышимъ, какъ мы работаемъ вдвоемъ.

Мы можемъ упрекать себя во многихъ ошибкахъ, во многихъ заблужденіяхъ, но если мы неповинны въ одномъ изъ грѣховъ эмиграціи, то именно въ томъ, что *никогда не позировали*, ни какъ заговорщики, ни какъ диктаторы, ни какъ разоблачители, посланники или какіе бы то ни было *сановники* отъ революціи. Мы говорили и повтсряли, что мы только случайные представители подпольнаго движенія, существующаго въ Россіи со времени Николая, что мы—*его вольный юлосъ*, его крикъ негодованія, страданія, надежды, когда изъ тайнаго движеніе стало явнымъ. *Vivos vocare*¹⁾, чтобы, согласно нашему эпитафю, указать имъ тотъ же путь, ту же цѣль и тѣ же помѣхи. *Vivos vocare*, чтобы сказать имъ, что *время настало*—вотъ основа нашей пропаганды; и такъ какъ часы наши шли правильно, то это служило *также основаніемъ нашей силы*.

Излагать еще разъ наши русскія и социалистическія убѣжденія было бы бесполезно. Все, что мы печатали, каждый нумеръ нашей газеты говорятъ только о томъ же.

Мы проповѣдывали, мы будили наполовину уснувшихъ людей, никогда не добиваясь званія ни главнаго архіепископа пропаганды, ни барабанщика возстанія.

¹⁾ Звать живыхъ.

Именно наиболѣе реакціонныя русскія газеты первыя написали намъ роль тайнаго правительства и осыпали насъ не имѣющими для насъ никакого значенія титулами.

Газеты эти, по крайней мѣрѣ, имѣютъ для самихъ себя смягчающее вину обстоятельство: онѣ отлично знаютъ, что лгутъ. Онѣ отлично знаютъ, что намъ вполнѣ достаточно нашего имени и что оно никогда не будетъ запятнано никакимъ титуломъ, никакимъ штемпелемъ, также же какъ и грудь наша—крестомъ или орденомъ Почетнаго легіона.

Въ этомъ, можетъ быть, заключается наше самолюбие; но намъ кажется, что называться просто «Огаревъ» или «Герценъ» значитъ больше, чѣмъ называться канцлеромъ *in partibus* ¹⁾ или гонфалоньеромъ ²⁾ *in spe* ³⁾. Малѣйшій знакъ расположенія со стороны нашихъ друзей заставляетъ сердце наше трепетать отъ радости и благодарности и исполняетъ насъ гордостью и счастьемъ. Но мы ни за кѣмъ не признаемъ права даровать намъ титулъ или подарить намъ «на чай» бутоньерку въ петлицу, *отличить насъ и разукрасить орденомъ* ⁴⁾.

Что подѣлаешь: стоитъ лишь поскрести русскаго, чтобы найти варвара.

Послѣ этого перехожу къ тетради, писанной мной въ концѣ 1865 г.

5-го февраля 1857 г. въ Лондонѣ хоронили Станислава Ворцеля.

Трое русскихъ ⁵⁾ помогали нести гробъ отъ его бѣдной квартиры на Huntley street до кладбища на High-Gate.

Послѣдняя кучка друзей медленно и молча расходилась. Я былъ въ ихъ числѣ; я удалялся, подавленный печалью. Я любилъ этого старика, и онъ питалъ ко мнѣ дружбу; но послѣднее время между нами «пробѣжала черная кошка». Онъ окруженъ былъ людьми, не бывшими мнѣ столь симпатичными, какъ онъ, и они

¹⁾ *In partibus (infidelium)*—буквально: въ странахъ, занятыхъ невѣрными—приписка къ титулу епископа, проповѣдующаго въ нехристіанскихъ земляхъ, преимущественно на Востокѣ; употребляется въ ироническомъ смыслѣ о чиновникахъ, не исполняющихъ опредѣленныхъ функций. Здѣсь можно было бы перевести: канцлеръ безъ портфеля.

²⁾ Гонфалоньеръ—военачальникъ въ итальянскихъ средне вѣковыхъ республикахъ.

³⁾ Въ будущемъ.

⁴⁾ Все это намеки на самого Мѣрославскаго въ отношеніи къ правительству Франціи.

⁵⁾ Огаревъ, я и мой сынъ. А. И. Г

отдалили его отъ меня. Незадолго до смерти Ворцель отдался инымъ чувствамъ.

Молодой полякъ произнесъ рѣчь послѣ Ледрю-Роллена; у него слышались слезы въ голосѣ, но онъ не протянулъ мнѣ руки,— *тогда* я все простилъ бы. Послѣ этого сердце мое также ожесточилось.

Придя къ себѣ, уничтоженный печалью и горечью, я бросился на диванъ; одинъ вопросъ, становясь все мрачнѣе и мрачнѣе, выступалъ передо мною. Я спрашивалъ себя: не похоронили-ли мы *власть съ этимъ праведникомъ*, съ этимъ кристально-чистымъ человѣкомъ всѣ наши серьезныя отношенія къ польской эмиграціи? Обстоятельства страннымъ образомъ осложняли наше положеніе.

Исчезла кроткая, украшенная сѣдыми волосами, умиротворяющая и любящая голова больного, казалось, созданная для того, чтобы покончить съ недоразумѣніями и заставить умолкнуть разногласія. Но *разногласія остались*. Мы не понимали другъ друга. Лично у насъ среди поляковъ были и тогда и послѣ близкіе друзья; но въ общемъ между нашимъ и ихъ взглядомъ на вещи лежало глубокое различіе. Понятно, это вносило извѣстную натянутость въ наши отношенія: при всей искренности, имъ не хватало нѣкоторой высшей откровенности, и мы, молча, шли на уступки другъ другу.

Компромиссы уменьшаютъ, сглаживаютъ, нейтрализуютъ, увѣчатъ. Благодаря уступкамъ, теряются шероховатости, индивидуальныя особенности, приносится въ жертву наиболѣе энергичная, наиболѣе оригинальная сторона личности.

Прійти къ общему согласію было не легко. Мы исходили изъ противоположныхъ точекъ зрѣнія, и наши дороги встрѣтились и сливались только въ одной точкѣ пересѣченія: въ ненависти къ императорскому петербургскому деспотизму ¹⁾.

Поляки стремились къ восстановленію любимаго ими и насильственно разрушеннаго прошлаго; они должны были *вернуться къ нему*, чтобы продолжать свой путь. Польша, по выраженію одного папы — «страна реликвій»; Россія — страна пустыхъ колыбелей. Во всѣхъ поэтическихъ твореніяхъ поляковъ проглядываетъ траурный крѣпъ рядомъ съ горячей вѣрой, отчаяніе рядомъ съ отеченіемъ.

¹⁾ Я умышленно сказалъ «петербургскому», потому что часть нашихъ польскихъ друзей ненавидитъ его только подъ 59° долготы и считаетъ возможнымъ прощать ему многое въ другихъ поясахъ. ²⁾ А. И. Г.

³⁾ Очень ядовитая стрѣла за любезности и заигрыванія хотя бы съ Наполеономъ III.

Даже формы нашей мысли, наша воспримчивость, нашъ умъ, наши теоретическія и практическія стремленія, — все у насъ иное. Складъ нашихъ идей, ихъ фізіономія различны. Преданные религіи и мистики, поляки не любятъ нашего ума, испытующаго, анализирующаго, положительнаго, скептическаго и исполненнаго горькой ироніи. Если они и обнаруживаютъ иной разъ силу не ненавидѣть насъ, то ужъ союзъ съ нами всегда кажется имъ мезальянсомъ или, по меньшей мѣрѣ, бракомъ по разсудку. Они дѣлали усиліе надъ собою, протягивая намъ руку; сближаясь съ нами, они не скрывали, что это были личныя исключенія. Мы, напротивъ, приносили со своей стороны смиренное и горестное чувство виновности, невольнаго соучастія въ преступленіи и безграничнаго восхищенія передъ ихъ настойчивостью, передъ ихъ порывомъ, передъ ихъ бурнымъ и гордымъ протестомъ.

Будучи товарищами по заключенію, мы чувствовали взаимную симпатію, не зная хорошенько другъ друга. Но когда, по смерти Николая, дверь темницы немного пріоткрыли, мы замѣтили, что насъ привели въ тюрьму противоположными дорогами, и что, разъ мы будемъ свободны, каждый пойдетъ своимъ путемъ.

Первые годы, послѣдовашіе за Крымской войной, были годами нашего пробужденія; тогда-то мы въ первый разъ вздохнули посвободнѣе, и это немного насъ опьянило. Наши бурныя и преувеличенныя надежды оскорбили нашихъ товарищей по несчастію, напомнивъ имъ объ *ихъ потеряхъ*. Новое время началось у насъ дерзкими, преувеличенными требованіями. А у нашихъ сосѣдей лишь цанихиды, моленія о спасеніи души, эпическіе гимны, соболѣзнованія.

Правительство еще разъ сблизило насъ. Разстрѣлъ священниковъ и дѣтей, свистъ пуль, попадавшихъ въ распятія, пораженныхъ женщинъ въ траурѣ, моленія и крестные ходы, атакующая кавалеріей, заставили насъ забыть всѣ споры и всѣ вопросы. Я написалъ, со слезами на глазахъ, цѣлый рядъ статей, привлечшихъ ко мнѣ столько симпатій со стороны поляковъ и даже адреса, подписанные болѣе, чѣмъ четырьмястами польскихъ изгнанниковъ, которые я имѣлъ счастье получить въ Парижѣ.

.....16 іюня 1862 г. три молодыхъ русскихъ офицера были разстрѣляны въ Модлинѣ за пропаганду среди солдатъ и офицеровъ и за храненіе и распространеніе запрещенныхъ цензурою сочиненій. То было начало робкой и кровавой тираніи нынѣ царствующаго императора.

Возмущенные, удивленные, ищущіе мести противъ этихъ первыхъ проявленій вновь устанавливающаго волчьяго ре-

жима, друзья этихъ первыхъ мучениковъ, въ виду бури, приготовлявшейся въ Польшѣ, обратились къ намъ. Они спрашивали у насъ дружескаго совѣта, совѣта старшихъ братьевъ; совѣсть ихъ протестовала противъ долга, толкавшего ихъ стать палачами и защитниками ненавидимаго ими правительства, все болѣе и болѣе ухудшавшагося послѣ *грандіозной лжи* о пожарахъ въ Петербургѣ. Молодежь рѣшила не подымать оружія противъ поляковъ.

Много поляковъ пріѣхало въ Лондонъ. Стало ясно, что мысль о возстаніи все болѣе и болѣе укореняется, что они рѣшились дѣйствовать и что было бы очень трудно сбить ихъ съ этого пути. Легко было предвидѣть, что они принесутъ себя въ кровавую жертву и что рикошетомъ и мы можемъ получить страшный ударъ. Мы постоянно повторяли имъ это, но не могли ихъ убѣдить. Наконецъ, мы имъ сказали: «но, по крайней мѣрѣ, не возстановляйте противъ себя русской народъ, не раздражайте общественное мнѣніе; оно не будетъ враждебно вамъ, если вы согласитесь уступить крестьянамъ обрабатываемую ими землю и дать полную автономію губерніямъ, лежащимъ за предѣлами королевства».

Мы столько разъ повторяли имъ это, что въ концѣ концовъ Падлевскій, Гиллеръ и Миловичъ привезли намъ письмо Варшавскаго Центральнаго Комитета ¹⁾, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ обѣщавшаго выполнить то, что касалось губерній.

Во время переговоровъ съ ними, я замѣтилъ, что они какъ будто принимаютъ насъ за вождей *совершенно готовой организаціи* въ Россіи, и поспѣшилъ разочаровать ихъ. «Вы, кажется, предполагаете, сказалъ я имъ, что мы облечены диктаторскою властью. Это—глубокое заблужденіе ²⁾. Мы обладаемъ властью, властью дѣйственной и довольно большою, но она основана только на общественномъ мнѣніи, на симпатіи, существующей между нами и нашими читателями; мы выражаемъ ихъ чаянія; они находятъ въ нашихъ словахъ то, что не могутъ свободно высказать у себя на родинѣ. Въ тотъ день, когда этого согласія, этой гармоніи не станеть, улетучится и наша власть. У насъ нѣтъ никого, кому мы могли бы приказать итти тою или другою дорогою. Мы особенно настаиваемъ на этомъ, *потому что, повторяемъ вамъ, если въ Россіи не увидятъ на нашемъ развернутомъ знамени:*

¹⁾ Которое мы воспроизводимъ въ концѣ отрывка. А. И. Г.

²⁾ Г. Гиллеръ еще живъ; не вспомнить ли онъ содержаніе нашей бесѣды? А. И. Г.

Право на землю и автономіа губерніямъ, наша помощь, наша симпатія ни въ чемъ не помогутъ вамъ и неизбежно повлекутъ за собою шбель всей силы, которою мы обладаемъ. Интимная связь съ нашими не заключается въ служебныхъ отношеніяхъ, но въ согласномъ біеніи нашихъ сердець; наше сердце, быть можетъ, бьется немного сильнѣе, на секунду впередъ, но горе намъ, если оно собьется съ ритма!»

Они удалились, и одинъ изъ ихъ друзей сказалъ мнѣ съ откровенностью, которую я вполнѣ оцѣнилъ: «Я согласенъ съ вами, но не думайте, что я устранюсь отъ дѣла, въ случаѣ, если большинство партіи, которое одержитъ верхъ, будетъ дѣйствовать по иному. Первое, самое важное дѣло, это—независимость Польши, на этомъ пути меня не остановятъ никакія колебанія».

— Но безъ этихъ условій вы не завоюете независимости,—сказалъ я ему.

— «Увидимъ».

Письмо Комитета и нашъ отвѣтъ офицерамъ были напечатаны въ «Колоколь».

Вечеромъ того дня, когда документы эти появились въ печати, меня навѣстилъ странный субъектъ. То былъ крестьянинъ, бывший крѣпостной, Мартьяновъ. Энтузіастъ, аскетъ, фанатикъ, нервный, онъ былъ готовымъ матеріаломъ для Іоанна Лейденскаго ¹⁾, пророка - агитатора, для вождя таборитовъ ²⁾ или для судьи при особѣ Пугачева. Онъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго, задумчивъ и совершенно разстроень. Сначала онъ долго молчалъ, потомъ поднялся, подошелъ ко мнѣ и, держа «Колоколь» въ рукѣ, сказалъ мнѣ печальнымъ и мрачнымъ голосомъ: «Не сердитесь, но я не могу не сказать вамъ этого: съ сегодняшняго дня вы утопили «Колоколь». Вы вмѣшались въ дѣло, васъ совсѣмъ не касающееся. Поляки, можетъ быть, и правы, что пошли этой дорогой; но намъ не по пути. Вы не подумали о насъ, когда сдѣлали этотъ шагъ. Да проститъ вамъ богъ! Запомните мои слова; время покажетъ, кто изъ насъ лучше знаетъ, откуда дуетъ вѣтеръ. Я этого не увижу, я слишкомъ усталъ, я умираю здѣсь и вернусь домой».

«Но, дорогой Мартьяновъ,—сказалъ я ему,—вы не поѣдете въ Россію, и «Колоколь» не потопленъ; я дѣйствовалъ въ согласіи со своей совѣстью».

Онъ покачалъ головою и вышелъ, ничего не сказавши, оста-

¹⁾ Глава мюнстерскихъ анабаптистовъ.

²⁾ Гусситы, предводительствуемые Жижкой, лагерь которыхъ находился у г. Табора въ Богеміи.

вивъ меня подъ бременемъ второго пророчества ¹⁾, которымъ меня предупреждали.

Мартьяновъ сдержалъ слово, онъ предалъ себя въ руки этихъ свирѣлыхъ животныхъ. Его *земскій* царь приказалъ сенату судить его за помѣщеніе въ «Колоколѣ» письма, адресованнаго императору. Разбойники эти, довольные тѣмъ, что къ нимъ въ когти попался бывший рабъ, неукротимый и буйный, приговорили его къ пяти годамъ каторжныхъ работъ; онъ попытался бѣжать; *его застыкли до смерти.*

То было пополненіе новаго списка мучениковъ.

Молодой малороссъ Потеня, душа общества офицеровъ, еще разъ пріѣхалъ въ Лондонъ, чтобы спросить наше мнѣніе и, каково бы оно ни было, пойти неизмѣнно по своей дорогѣ. Онъ далъ урагану всецѣло увлечь себя. Чистый душою, скромный, героическій, печальный, онъ уже носилъ на челѣ своемъ роковую печать смерти. Я былъ увѣренъ, что онъ будетъ убитъ, и притомъ, не за свое дѣло.

«Нѣтъ, дѣло это также и его,—сказалъ одинъ изъ моихъ друзей. Нельзя стоять, сложа руки, и ждать, пока вѣтеръ подуетъ такъ, какъ мы хотимъ. Надо принимать исторію такъ, какъ она намъ представляется, надо лавировать, иначе всегда очутишься или впереди или позади ея».

Можетъ быть, онъ и былъ правъ, но сердце мое такъ полно было слезъ и дурныхъ предчувствій, что я не могъ безъ содроганія смотрѣть на этихъ обреченныхъ, уходящихъ фаланга за фалангою...

Падлевскій, какъ стрѣла, промчался черезъ Лондонъ; онъ направлялся въ Ковно *черезъ Петербургъ.*

— Значить, рѣшено?

— «Подлый приказъ о рекрутчинѣ не былъ отмѣненъ, и онъ рѣшилъ дѣло. Нѣтъ человѣческихъ силъ, которыя могли бы поддержать движеніе, ужъ лучше овладѣть имъ».

Два мѣсяца спустя одинъ изъ нихъ палъ въ бою у Песковой Скалы, а второй былъ разстрѣлянъ; оба такіе молодые, такіе прекрасные, полные силъ!

Нѣтъ, я—не воинъ, я ненавижу кровавые пути.

Одинъ изъ членовъ польскаго правительства съ трогательнымъ вниманіемъ извѣстилъ насъ о смерти Потенни. Нѣсколько

¹⁾ Я рассказалъ о немъ въ русскомъ «Колоколѣ» отъ 1-го іюля 1867 г. А. И. Г

времени спустя мнѣ вручили маленькій принадлежавшій ему бумажникъ. Дрожащею рукою раскрылъ я эту реликвию и нашель тамъ письмо Огарева русскимъ офицерамъ, писанное, когда я на нѣсколько дней отлучился въ Торквэй.

Письмо это начинается слѣдующими строками:

«Друзья!

«Съ глубокой любовью и съ глубокой грустью прощаемся мы съ вашимъ другомъ, который скоро присоединится къ вамъ. Намъ успокаиваетъ, хотя и очень мало, и на вашъ счетъ и на *счетъ нашего дѣла* только тайная надежда на то, что возстаніе, можетъ быть, будетъ отсрочено. Мы отлично понимаемъ, что для васъ невозможно не принять участія въ возстаніи, вы должны это сдѣлать съ нѣлюю искупленія. Вы не можете, не протестуя, позволить раздавить Польшу; молчаливая сопричастность была бы безнравственна и гибельна для Россіи.

«Положеніе ваше трагичное и безвыходное. *Мы не предвидимъ ни одного шанса на успѣхъ.* Если бы даже Варшава была свободна нѣкоторое время, то и тогда вы не могли бы сдѣлать ничего больше, какъ уплатить старый долгъ, принявъ участіе въ движеніи за національную независимость. Ибо не Польша подыметъ наше социалистическое знамя, наше знамя *земли и воли*, а вы, дорогие друзья, вы еще слишкомъ слабы, чтобы сдѣлать это!

«Польша будетъ побѣждена, если она возстанетъ раньше времени, *а русское движеніе надолго будетъ потоплено въ національной ненависти, которая пойдетъ рука объ руку съ преданностью царю*, и всплыветъ только послѣ вашей смерти, когда вашъ героическій примѣръ, превратившись въ традицію, приведетъ въ движеніе новое поколѣніе, подобно тому, какъ великое воспоминаніе о 14/26 декабря 1825 г. привело насъ въ движеніе!....»

Мнѣ нечего прибавить къ этимъ строкамъ.

И я думаю, что этого на первый разъ достаточно.

3284. Rien n'est impossible pour le tzar.

Vous savez comment Boileau répondit à Louis XIV, qui demandait son opinion sur une pièce de vers qu'il daigna rimer. «Sire—lui dit le poëte en s'inclinant—rien n'est impossible pour Votre Majesté, vous avez voulu faire de mauvais vers et vous avez parfaitement réussi». L'omnipotence du tzar n'est pas moindre; lorsque le bruit s'était répandu qu'il allait ordonner une maladie à Valouieff, ministre de l'intérieur, et une maladie assez grave pour être obligé de quitter

le ministère—nous nous sommes creusés la tête, en nous demandant: Y a-t-il dans toutes les Russies un homme plus nuisible pour le remplacer? N'en trouvant pas, nous étions très-content que ce sabot allait être enlevé à notre roue historique. Eh bien, l'empereur nous a vaincu, il a trouvé un homme plus nuisible et sous tous les rapports inférieur à Valouieff, le ci-devant chef de la police secrète, *Timacheff*, et l'a nommé ministre!

On connaît le rôle qu'il a joué au commencement du règne actuel. On n'a pas oublié par quels dons de la nature il a percé sa carrière du temps de Nicolas et par quoi il s'est mis en évidence.

Переводъ.

Для царя нѣтъ ничего невозможнаго.

Вамъ извѣстно, что отвѣтилъ Буало Людовику XIV, спросившему его, какого онъ мнѣнія о сочиненномъ имъ стихотвореніи. «Государь», склонившись, отвѣтилъ поэтъ, «нѣтъ ничего невозможнаго для в. в. Вамъ угодно было сочинить плохіе стихи, это вамъ великолѣпно удалось». Всемогущество царя нисколько не меньше. Когда распространился слухъ, что онъ приказалъ министру внутреннихъ дѣлъ Валуеву заболѣть и притомъ серьезной болѣзнью, чтобы онъ вынужденъ былъ покинуть министерство, мы ломали себѣ голову, размышляя, найдется ли во всей Руси человекъ еще болѣе вредный для того, чтобы замѣстить его. Не найдя такового, мы радовались, что этотъ сапогъ будетъ, наконецъ, убранъ съ нашего историческаго колеса. Но императоръ побѣдилъ насъ: онъ нашелъ человека, еще болѣе вреднаго и стоящаго во всѣхъ отношеніяхъ ниже Валуева. Это—бывшій начальникъ тайной полиціи — *Тимашевъ*, и его-то онъ назначилъ министромъ!

Всѣмъ извѣстна роль, которую онъ игралъ въ началѣ нынѣшняго царствованія. Никто не забылъ, благодаря какимъ природнымъ талантамъ онъ сдѣлалъ свою карьеру во время Николая и благодаря чему онъ выдвинулся.

3285. Le «Golos» est arrivé!

Oui, le 6 du mois d'Avril, après un travail de trois mois, après des efforts inouis, une correspondance brûlante — nous l'avons enfin

Переводъ.

«Голосъ» прибылъ!

Да, 6 апрѣля, послѣ трехъ мѣсяцевъ работы, послѣ неслыханныхъ усилій, жаркой переписки, онъ, наконецъ, у насъ!

3286. Письмо къ Н. П. Огареву.

15 апрѣля (1868), вторникъ ¹⁾

Ницца, 27, Prom. des Anglais.

Длинное письмо твое получилъ вчера вечеромъ и хочу на него отвѣчать подробно. Я нашель N. нездоровую и совершенно по своей винѣ. Что я тебѣ расскажу, невѣроятно. Д-ръ ей прописалъ мазь, производящую прыщи на спинѣ, и велѣлъ продержатъ ее около 5 минутъ. N. продержала нѣсколько часовъ, отъ чего мазь разъѣла спину. А Володимірова, вмѣсто спуска, посовѣтовала приложить медь съ чѣмъ-то,—сдѣлались чирьи. Но замѣчательнѣе еще, что, намазывая мазь на холстину, N. не вымыла рукъ и такъ легла, въ силу чего сдѣлалась сыпь на рукахъ и на щекѣ. Старикъ д-ръ Бернацкій только смѣется отъ удивленія. Прыщи прошли, но чирій остался. Послѣ этого предисловія можно ли серьезно говорить о перепискѣ, вновь поставившей на краю пропасти Лизу? За переписку ей стыдно; она говоритъ, что это писано подъ вліяніемъ болѣзни и скуки. «Но, вѣдь, и Ог. боленъ и скучаетъ, однако...» Ну, и раскаяніе и пр., а въ фондѣ ²⁾ то же и то же. Мѣсяць пройдетъ, вѣроятно, тихо, а тамъ опять *аки*.

Вліяніе Вол. ³⁾ прескверное; она въ отместку Флоренціи насплетничала и наврала съ три короба. А сама говоритъ: «Я не могу удержаться, чтобъ не лгать, когда рассказываю». Она представила Сашинъ бракъ, какъ казнь ему, и пуще всего разбранила его, Мейзенбургъ и Терезу. Все, разумѣется, принято. Самое несчастное то, что я не могу не сказать, что мнѣніе ея о бракѣ Саши не въ возраженіи, а въ сущности невѣрно. И тутъ невольнo перехожу ко второму вопросу. Нѣтъ, тутъ мы никакъ *вполнѣ* не можемъ согласиться и, если ты не сдѣлалъ своего *effort suprême* ⁴⁾ на Сашу, то жаль. Видѣтъ молодого, дѣятельнаго

¹⁾ 15 апрѣля была среда.

²⁾ Фонд—основа.

³⁾ Володимірова.

⁴⁾ Послѣднее усиліе.

человѣка, идущаго на пустую и глупую гибель,—превосходить толеранцію и апатию.

Ты, Огаревъ, во всемъ *durch und durch* ¹⁾ неправъ, даже въ твоёмъ униженіи себя. Но, оставляя все, я говорю, что ты живешь жизнью *своей*, что ты вѣчно занятъ (положимъ, апокалипсисомъ и безъ толку) и въ минуты протраціи или устали ищешь силъ и освѣженья не на людяхъ, а въ винѣ. Да и при этомъ ты въ 28 лѣтъ не вынесъ бы 28 дней твою лансійскую обитель. У тебя, сверхъ того, бездна кротости и снисхожденія. Теперь я спрашиваю: гдѣ же у Саши хоть одинъ элементъ, годный на борьбу, на борьбу жизни при такой обстановкѣ, да еще изъ-за дѣвочки выйдутъ ея родители. Все твое разсужденіе о сестрахъ мужа въ противоположность сестрамъ замужней сестры мнѣ кажется неосновательнымъ, и тутъ равно можно рѣшать вопросы по + и по —. Но что строй всей ихъ жизни испорченъ вводомъ гетерогеннаго элемента, это ясно. Я тебя также спрошу, гдѣ ты нашель «естественное простодушіе» и находилъ ли его? А соглашеніе *inter pares* ²⁾, эквилибрація, какъ ты называешь, при извѣстномъ развитіи есть. *Inter pares* не значитъ по происхожденію, даже по состоянію, а значитъ — имѣть общую историческую базу и что-нибудь *общее* во внутренней жизни. Искалъ ли ты ее *серьезно* въ обоихъ случаяхъ твоей жизни, въ 1837 и въ 1850 г. и въ 1857 г. ³⁾? Когда есть *это общее*, можетъ выйти трагедія, какъ у меня, а не драка, не перемежающееся обругиваніе и не та психическая даль, въ которой ты живешь. Я Сашѣ говорилъ, я Сашѣ писалъ надняхъ. Затѣмъ съ стѣсненнымъ сердцемъ мѣю себѣ, какъ Пилатъ, руки. Бракъ его опаснѣе перехода черезъ *Montcenis*.

Еще потерянная баталія! И контузія, отъ которой боль будетъ чувствоваться десятки лѣтъ.

Насчетъ твоего желанья видѣть всѣхъ я никогда не сомнѣвался и не такъ ставилъ вопросъ. Перечитай, а я перейду къ другому. Что къ концу мая я Н. и Лизу отсюда увезу, это вѣрно, Но надолго ли и легкокъ ли будетъ визитъ или съѣздъ *Camp d'ог*, между Женевою и Лозанной, не знаю. Сдѣлаю, что могу. Лучше всего, если-бъ Тхоржевскій нашель что-нибудь путное въ Пранжэнъ, Нуоц, даже Сорретъ. Лозанну боюсь,—и еще въ Вевѣ ѣдетъ Жемчужниковъ съ своей чахоткой. Кромѣ Швейцаріи, жизнь, все же, невозможна.

¹⁾ Совершенно, рѣшительно.

²⁾ Между равными.

³⁾ Рѣшающіе годы въ семейной жизни Огарева.

Какъ же ты могъ вообразить, что письмо отъ малоросса? Ничего общаго, ни малороссійскихъ оборотовъ, ни украинскихъ вопросовъ,—Петербургъ и Петербургъ. Печатать необходимо, можно оговориться. Если въ самомъ дѣлѣ малороссъ придетъ, то я готовъ издать русское прибавленіе *1 мая* одно безъ франц., если ты того же мнѣнія. Пожалуй, даже одно это письмо. Онъ общается продолженіе ¹⁾).

«Гулевичъ, вѣроятно, въ Женевѣ это—страшнѣйшая шваль, какъ вся банда, находимая тобой милыми юношами—венерики ²⁾), Элпидики, Касатики, Мечники. Мое непреодолимое отвращеніе оправдывается ежедневно.

Прощай.

Мечникову передай, что я прошу его *о четырехъ* листахъ, но что невозможно же впередъ сказать и потому можно, если нужно, прибавить *нѣсколько страницъ*, два листа къ 1 іюня, два листа къ 1 іюля ³⁾).

3287. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

(Середина апрѣля 1868).

Chère Malvida,

Vous êtes comme Guizot, vous assommez par la réplique et comme Guizot — vous y mettez cette force d'intolérance qui emporte par la partialité même.

Moi—vieux Gorgias d'Athènes j'accepte en murmurant entre les dents (qui restent): «S'il fallait fermer le piano—certes cette affaire éversive n'incombait pas à Olga—mais au Vice Roi lui même (c'est vous, Sire)».

Si vous voulez apprivoiser à la lecture une personne qui ne l'aime pas—commencez par ôter Renan—et donnez Chatrian, Schiller, les mémoires des femmes célèbres.

Et lorsqu'on parle du soleil on en voit les rayons.

Comment osez-vous parler du paiement—payez lorsque vous voulez ou ne payez pas du tout, payez par les exemplaires vendus. Moi j'avance ordinairement à *Czerniezky*, et envoyez à Genève le com-

¹⁾ Рѣчь идетъ о двухъ письмахъ «Къ издателямъ «Колокола» ***», помещенныхъ въ № 6 русск. приб. «Колокола».

²⁾ Багаковъ, заболѣвшій венерически.

³⁾ Статья Л. Мечникова «Les antagonistes de l'état en Russie» въ №№ 8—13 «Kolokol».

наченіе. *Uraca-Uraca!* Oui le mariage d'Alex. est un grand malheur, tant va le D-r aux fiançailles qu'à la fin il se marie et où la nécessité où la raison?

Je ne prévois rien de bon.

Et Metch. Vous vous plaignez seulement du doigté qu'il a dur au piano.

Je suis d'une humeur massacrantе, le temps est lourd à la pluie— mieux vaut se taire. L'art. Mazade et bon mais oberflächlich et à la fin esclavagiste et le mien Mieroslasky. A. H.

P. S. 1° Je vous envoie le «Темпс» et «le Siècle» pour Alex Lisez donc à haute voix la magnifique plaisanterie de «Villemot».

2° Après avoir fait l'inspection et une étude de la belle tartare je suis resté de mon opinion.

Forme des billets de 1789 jusqu'à. 1805.

Переводъ.

Дорогая Мальвида!

Вы совсѣмъ, какъ Гизо: убиваете возраженіями, и, подобно Гизо, вкладываете въ свои возраженія всю силу нетерпимости, которая увлекаетъ даже своимъ пристрастіемъ.

Я же, старый аѳинскій Горгій ¹⁾, соглашаюсь, бормоча сквозь еще оставшіеся зубы: «Если нужно было закрыть фортепіано, то, понятно, разрушительное дѣло это должно было быть возложено не на Ольгу, но совершенно самимъ вице-королемъ (т.-е. вами, Ваше Величество)».

Если вы желаете пріохотить къ чтенію особу, не любящую это занятіе, то начните съ того, что уберете Ренана, а дайте Шатобріана, Шиллера и воспоминанія знаменитыхъ женщинъ.

А когда вспоминаешь солнце, то видишь его лучи. Какъ вы смѣете говорить о платѣ? Платите, если хотите, или не платите совсѣмъ, платите проданными экземплярами (я выдаю обыкновенно авансъ Чернецкому) и пошлите начало въ Женеву ²⁾.

Uraca-Uraca! ³⁾ Да, женитьба Александра большое несчастіе.

¹⁾ Горгій—знам. греческій софистъ, предшественникъ Сократа; умеръ въ глубокой старости.

²⁾ Мейзенбургъ хотѣла платить Герцену за печатаніе ея «Мемуаровъ»; онъ предлагаетъ ей кредитъ, покрываемый изъ продажи книги.

³⁾ Угаса—имя старой колдуньи въ поэмѣ Гейне «Атта Тролля», обладавшей даромъ превращать челоуѣка въ животное.

Докторъ нашъ такъ охотно идетъ на обрученіе, что, наконецъ, женится, а какая въ этомъ надобность, гдѣ смыслъ? Я не предвижу ничего хорошаго.

А Меч? 1) Вы жалуетесь только на то, что у него жесткій ударъ на фортепіано.

Я въ убійственномъ настроеніи, атмосфера тяжелая, къ дождю—лучше замолчать.

Статья Мазада хороша, но поверхностна и, въ концѣ концовъ, онъ оказывается защитникомъ невольничества и Мѣрославскимъ.

А. Г.

P. S. 1) Посылаю вамъ для Александра «Le Temps» и «Le Siècle». Прочтите вслухъ остроумную шутку Виллемота.

2) Осмотрѣвши и изучивши прекрасную татарку 2), я остался при своемъ мнѣніи.

Форма записочекъ отъ 1789 до 1805 г. 3)

3288. Письмо къ Н. П. Огареву.

17 апрѣля (1868), пятница.

Журналы необыкновенно интересны. Какъ-то пульсъ старушки поднялся, и даже «Голось» буянить не въ свою голову. Въ немъ двѣ рѣзкія статьи. Далѣе, поручи Тхорж. достать «Revue des Deux-Mondes» 1 апрѣля и прочти статью Мазада о Россіи; несмотря на пошлое, шляхетски «вѣстовое» 4) окончаніе, статья очень интересна. Мнѣ теперь лафа—все уѣхало или уѣзжаетъ, и въ casino человекъ пять и сотня журналовъ. Охъ, слѣдовало бы теперь поработать гдѣнибудь на виду. Въ Парижѣ, я увидѣлъ, вновь быто бы легко поставить барку по теченію... но... частныя дѣла, можетъ, больше всего мѣшаютъ всему. Вчера Тата писала Н. письмо, очень умное; для нея начинается совершеннѣйшее въ самомъ дѣлѣ, она оглядывается кругомъ и говоритъ чуть ли не сквозь слезы: «выхода для всѣхъ насъ я не вижу и потому не дѣлаю ни плановъ, ни проектовъ». Вотъ куда мы привели молодежь нашу. Ей бракъ Саша противенъ, я это чутьемъ флерирую. Она недовольна отношеніемъ Ольги и Мейзенбургъ; она боится Н

1) Мечниковъ.

2) Володимірова.

3) Сложено уголкомъ и потому сдѣлана эта помѣтка.

4) Похожее на «Вѣсть».

безъ малѣйшаго чувства ненависти, ея письмо rather ¹⁾ теплое. Пусть хоть ее спасеть *разумъ*—въ немъ-то и выходъ.

У Н. сильнѣйшій флюсъ. Стало, важныхъ разговоровъ быть не можетъ, но все то же. Иногда мнѣ кажется, что очень было бы хорошо всѣхъ устроить и отпроситься года на два въ Америку одному, если нельзя воротиться въ Россію. Война мало ли какіе пути раскрываетъ. Безъ этихъ двухъ супапъ, право, не знаю, что дѣлать; Женева невозможна, Лозанна глупа, отъ нѣмецкой Швейцаріи Н. и руками и ногами (я говорю не о шести недѣляхъ свиданія, а потомъ).

Прощай. Погода здѣсь нехороша, съ 9-ти утра до вечера солнце палить ужасно, просто жжетъ,—въ тѣни холодъ, вѣтеръ рѣзкій, и вечера совершенно холодные. Это—сборъ всѣхъ условій для простудъ.

3289. Письмо къ Н. П. Огареву.

19 апрѣля (1868), воскресенье.

Записочку отъ 16 получилъ. Пожалуйста, повнимательнѣе разбери рукопись Мечникова,—въ началѣ легче поправить и на- править, да и на его галльскій языкъ посмотри. Буде ладно, то я за полученное готовъ ему заплатить полцѣны до расчета послѣ печати (разумѣется, если онъ будетъ просить).

Неужели нѣтъ никакого слуха о моей статьѣ по польскому дѣлу? Хоть бы отъ Михаила Вевэйскаго ²⁾? Книгу Мерчинск. послалъ съ Володиміровой. Скажи ему, чтобъ онъ ее окурить, а то нимфоманія пристанетъ, пожалуй. Я напишу нѣсколько строкъ о статьѣ Мазада. Если устанешь, работай меньше. Скажи, сколько примѣрно можешь дать «Колок.» къ 5 мая. Я дополню.

Н. все еще больна и зубами и спиной; несмотря на ея желаніе на первый случай мира, я рѣшительно нахожу, что она нравственно хуже, чѣмъ я оставилъ. Отыскивая причину, я нахожу только двѣ: отсутствіе дѣтей, которые ходили учиться, и одиночество, наводящее тоже на володиміровскую дорогу. Вотъ что называется недостаткомъ всякаго внутренняго наполненія (о которомъ я столько писалъ).

Теперь Н. очень хочется ѣхать прежде въ Эльзась, посмо-

¹⁾ Скорѣе.

²⁾ Бакунинъ.

трѣтъ школы въ Страсбургѣ, потомъ въ Швейцарію. Такъ какъ это важности не имѣеть, я готовъ. Къ Татѣ не писалъ еще, жду ея письма. Саша, разумѣется, пріѣхаль.

Что Давидъ остается или нѣтъ? Я былъ у Громора въ Парижѣ. Съ нимъ сладить можно. Работать на свой кулакъ онъ не можетъ, но дѣлать черную работу—очень. «Кто виновать?» у него готовъ, и какое счастье, что онъ похвастался измѣненіемъ заглавія: онъ хотѣлъ назвать, пользуясь модой на «Крупова», «Случай изъ практики Крупова». «Я вамъ сдѣлаю процессъ en faux», сказалъ я ему шутя. Но слушаться меня онъ будетъ, какъ негръ. У меня носится въ головѣ проектъ переводныхъ изданій. Я въ Парижѣ видѣлъ разныя возможности.

20 апрѣля, понедѣльникъ.

Получилъ отписки изъ флорентійской вотчины; все хорошо, но врядъ Тата пріѣдетъ ли прежде іюля, по крайней мѣрѣ, Н. не сдѣлаеть ничего.

Что костыли? Лиза цѣлуетъ тебя.

Нѣсколько словъ о Мазадѣ и 1-ая статья о Якушкинѣ готовы, но «Якушкинъ», вѣроятно, пойдетъ въ іюньскій №.

3290. Письмо къ сыну.

20 апрѣля (1868), понедѣльникъ.

Вчера вечеромъ получилъ твое письмо. Тата писала какъ-то *vaguement* ¹⁾ поклонъ. Кажется, проще было бы написать на другой сторонѣ два слова, какъ дѣлаю я, но врядъ научишь ли вась этому.

Посылаю вексель въ 5,000 фр.; ты его получишь *sans frais* ²⁾, иначе не бери, и золотомъ, но я Ротш. за него заплатилъ 100 фр. и ихъ поставлю тебѣ въ счетъ. Положи ихъ у банкира за какіе-нибудь проценты и не касайся до послѣдней минуты.

По части вашего расхода вамъ приходится *en gros* 5,500, *плюс* форгепяно и Пановка, минусъ Тата, если она уѣдетъ, и за Туца. О Панов. и форт. напиши. Ихъ я пришлю русскими бан-

¹⁾ Неопредѣленно.

²⁾ Безъ вычета за издержки.

ковыми свидѣтельствами. У Ротшильда я заказалъ, не плативши, на 14.000 акцій Ломбардо-Австрійской желѣзной дороги; стоятъ онѣ 12.000 (вотъ 2/т. барыша) и дадутъ не меньше 6%. Это лучше всякихъ пересылокъ. Русскія деньги до десятаго іюня брать нельзя.

Аминь.

Володим. я видѣлъ разъ, говорилъ съ ней и остался при своемъ мнѣніи, т. е., что все съ ея и твоей стороны было глупо. Если бѣ Мейз., какъ старшая, умѣла взять вліяніе, то она съ Татой спасли бы ее, натолкнули бы на дѣло. Она уѣхала въ Женеву.

Отгадать вещь не берусь. Въ 8 фр. ничего нѣтъ, кромѣ бюста Пушкина. Если ты его взялъ, то я его дарю Татѣ; но если что другое, напиши.

Когда устрою домъ, Тата привезетъ съ собой.

Прошай.

Батаковъ лежитъ въ Вѣнѣ въ венерической больницѣ; за просрочку мѣста лишился,—вотъ наказанье-то быстро хватило.

3291. Письмо къ Н. П. Огареву.

22 (апрѣля 1868), среда.

Очень радъ, что квартиру Тхор. нашель. Мѣсто немного бойкое и близко къ городу, но опасаться нечего, и, если окажется неудобнымъ, я ее черезъ 6 мѣсяцевъ сниму у тебя для этапа, Тхорж. и склада «Кол.» и книгъ. Жаль, что ты не могъ видѣть прежде. А твой Dupouet—мерзавецъ: черезъ два года больного постояльца не гонять въ срокъ. Не нѣжничай съ нимъ при отъѣздѣ.

Подумай теперь о помѣщеніи внѣ дома Генри. Я совѣтовалъ Сашѣ и Туца черезъ годъ отдать въ правильную школу. Учреди около себя тотъ «отрицательный покой», о которомъ ты пишешь, и не теряй изъ виду, что съ Г. ты *ничего* дома не сдѣлаешь.

Сашино дѣло я похерилъ и писать не стану больше. Отъ Таты довольно длинное письмо. Сквозь строки я вижу, что она раздѣляетъ мое мнѣніе насчетъ его брака. И, не въ гнѣвъ тебѣ, я увѣренъ, что настало время, когда *разумъ* дѣятельнѣе вступить въ устройство частной жизни, и «амуръ проклятый» не будетъ играть первую роль.

О «дуванѣ» польскихъ земель я послалъ; ты можешь не пропускать. Я торопился съ приб. для корреспонд.—надобно ихъ заманивать. Элдырина «Современность» жду. Если она хороша,

надобно объ ней въ «La Cloche» сказать. Юморъ Мечникова будетъ хромать.

Если ничего другого нѣтъ въ leading-article, возьми мое entrefilet ¹⁾ о Мазадѣ, я его пришлю на-дняхъ. Меня ужасно интересуеть отвѣтъ Мѣрославскаго. Тутъ можно и далѣе пощекотать вопросъ. Ну, а отвѣтъ Бакунина? Мечник. статья не можетъ и не должна итти въ 15 мая, а въ 15 юня. Если много мѣста, я пришлю «Якушкина» (гл. II, отдѣлъ 1).

Что за милѣйшій необыкновенникъ Чернецкій, der edle Exploïtator ²⁾. Въ чувствительномъ объясненіи въ день отъѣзда онъ просилъ къ 1 мая 500 фр. *впередъ*. Я сказалъ, что это невозможно, но что я готовъ дать ему—*во всю сторону*—500 изъ послѣдней 1.000, подаренной мною или отложенной для него. Онъ помялся и согласился. Работой заваленъ. Дѣлаеть мало. Вчера отъ него письмо,—просить къ 1 мая не 500, а 1.000. Я рѣшительно не дамъ больше 500. Онъ оборветъ меня. А гоноръ туда же и безкорыстіе...

3292. Письмо къ Н. П. Огареву.

24 апрѣля 1868, пятница.

Письмо твое я проштудировалъ; матеріаловъ и на отвѣтъ, и на иное у меня бездна. Начну съ отвѣта. Не жить въ Парижѣ, а пожить было бы очень недурно; мы получили бы тамъ легко такой вѣсъ, котораго Вырубовъ никогда не получить и который составляетъ мертвый капиталъ для Тургенева. Печатать «Колоколь», разумѣется, слѣдуетъ въ Женевѣ. По спорамъ, бывшимъ у Бамб. ³⁾, съ его гостями, я понялъ, что у одной части jastance ⁴⁾ посбился, что овладѣть мнѣніемъ двухъ-трехъ журналовъ легко, но лично подталкивая, повторяя. Все вмѣстѣ удвоило бы силу вліянія дома. Я пишу только отчасти. Не занимаясь вовсе французскими дѣлами, какъ мы это дѣлаемъ, каждому жить тамъ можно. Но тебѣ передвигаться не стѣдуетъ. Можетъ, я и въ самомъ дѣлѣ поѣду въ Берлинъ и даже въ Вѣну; тебѣ покидать Женеву никакъ не совѣтую. Ты вездѣ останешься слишкомъ одинокъ и безпомощенъ, — да и

¹⁾ Междуфилейная часть. См. № 3304.

²⁾ Благородный эксплуататоръ.

³⁾ Бамбергеръ.

⁴⁾ Чванство, хвастовство.

что же мнѣ Женева? я ее ненавижу за нее самое и за шайку русских негодяевъ (сейчасъ будетъ тебѣ новый примѣръ).

Какъ не найти мнѣ мѣста, гдѣ жить и гдѣ устроить уголь для N. съ Лизой,—внутренняго устройства нѣтъ, а безъ него я парализованъ. Зачѣмъ же мнѣ ѣхать на житье именно въ тотъ городъ, въ который нельзя по нашимъ сложнымъ обстоятельствамъ? И, сверхъ всего, не будетъ ли верхомъ смѣшного мой приѣздъ и твой уѣздъ въ Nyon? (Я говорю не о свиданіи на мѣсяцъ, а о постоянной жизни). Можетъ, N. въ своемъ retrospectiv'номъ гоненіи и права, но тутъ ничего не поправишь. Ты свою жизнь теперь сдѣлалъ, официальной; разумѣется, твоя болѣзнь и присутствіе дѣтей, т. е. Генри и Туца, запутало еще больше или раскрыло всѣмъ безъ нужды, въ чемъ дѣло. 1) Выхода нѣтъ, будемъ нести рядомъ съ другими и этотъ крестъ. Нести его N. не поможетъ. Но вызывать на свою голову смѣхъ даже дураковъ я не могу. Мало ли что есть, кромѣ Женева, отъ Лугано до Страсбурга, хотъ бы chemin faisant. Татѣ сдѣлать чело-вѣческую жизнь одинъ я не могу, а на N. не надѣюсь. Ну, вотъ отъ того-то (при всемъ прочемъ) иной разъ и хочется въ Америку, лишь бы года два отдохнуть.

К Далѣе, вотъ тебѣ на обсужденіе случай. Съ тѣхъ поръ, какъ я воротился, я не видалъ ни одного русскаго, кромѣ Жемчуж., имени сопли Вормса не произносилъ и не думалъ о немъ. Мѣсяца три тому назадъ я его встрѣтилъ у Благово и спросилъ Б., какъ онъ знакомъ съ нимъ? Далѣе, сказалъ, что онъ умираетъ,—сказалъ это и Гулевичъ у др.—и это все чортъ знаетъ когда. Третьяго дня я получилъ отъ этого негодяя ругательное письмо, въ которомъ онъ говоритъ, что я его компрометирую, рассказывая, что знакомъ съ нимъ, и совѣтуетъ доносить прямо въ III Отдѣленіе,—все это съ свойственнымъ этой сволочи тономъ. Я ему не отвѣчалъ. Если я его встрѣчу, и близко, я его изругаю по-матерно. Но, вѣдь, онъ можетъ написать и второе письмо... Какъ же съ вашей точки Христа Спасителя слѣдуетъ поступить? Вѣрь мнѣ, что до тѣхъ поръ, пока я этихъ господъ разомъ подъ именемъ Базарова или иначе не хлысну въ рыло, они меня не оставятъ въ покоѣ, ихъ зависть душитъ и пьянитъ; jeder Zoll 2) ихъ—квинтъ-эссенція русскихъ подлецовъ.

1) Намекъ на отношенія Огарева съ Сутерландъ, больше ни отъ кого не скрываемыя.

2) Каждый дюймъ.

Я не отвѣчаю за то, что ихъ не натравливаетъ какой-нибудь шуваловецъ.

Журналъ Эл. просто посредственный,—одна статья о Тимашевѣ хороша. Цѣна очень дорога. Выходить онъ не будетъ. Можетъ, я напишу нѣсколько строкъ для французскаго «Колокола».—Гулев. (одинъ изъ худшихъ) говорилъ, что наша монополія мѣшаетъ имъ писать,—ну, вотъ, монополія снята,—увидимъ.

Отъ Ал. Ал. есть письмо; онъ очень жалѣлъ о тебѣ. На годъ долгъ отсроченъ. Опять говорить, что прїѣдетъ въ продолженіе года. N. сердится на Сат. за то, что мало тревожились о тебѣ,—не странно ли?

Что Фогтъ вретъ о Бакунъ? Какой журналъ и гдѣ же будетъ издаваться, развѣ, въ Элпидовкѣ (статья о Европѣ, можетъ, его)? А моя статья о Польшѣ провела между нами ту черту, которую я давно хотѣлъ обозначить.

Жду твоего отвѣта.

Ты спрашиваешь о поднятомъ тонѣ газетъ; да читай ты бой съ клерикальной партіей и во Франціи, и въ Австріи, рядомъ съ бряцаніемъ оружія и ирландскими дѣлами. Это не летаргія. Статью о Мазадѣ пошлю завтра пану,—поправляй, урѣзывать самодержавно. На это немедленный отвѣтъ.

3293. Письмо къ Н. П. Огареву.

27 апрѣля (1868), понедѣльникъ.

Перечитывая въ «Современности» статью о Европѣ, я нахожу еще больше признаковъ «бакунонности». Узналъ ты? Зачѣмъ же это дѣлается тайкомъ отъ насъ? Не журналъ противъ насъ, а *тайка* противъ насъ. Я очень радъ, что не былъ въ Вевэ.

Читалъ ли ты рѣчь Ж. Фавра при вступленіи въ академію? Чтѣ это за махровые краснобаи и что за узколобые риторы! Какое спасенье отъ такой оппозиціи!

Насчетъ Туцовыхъ обѣдовъ у Мерч. я писалъ Тхорж. Смотри, чтобъ не вышло какой-нибудь чудовищной сплетни, не отъ Мерч., а отъ его однокорытниковъ. Ну, какъ вы разсудили дѣло Вормса? Я думаю, что со временемъ мнѣ придется носить дощечку съ

надписью: «Прохожій, ты можешь этого человѣка оскорблять безнаказанно». А все скрюпили ¹⁾, напечатать по второму письму *все*, а тамъ хоть бы его въ Нерчинскъ послали. У насъ на это куражу нѣтъ, а эти подлецы пользуются этимъ.

У N. сильное разстройство желудка; болѣзнь отъ пластыря продолжается. У Лизы маленькій насморкъ. На дворѣ теплый дождь и—прощай.

А зачѣмъ ты не читалъ въ «Вѣст.» «машкараду» Кукольника ²⁾?

Лиза поручаетъ сказать два казуса: 1-ое, что у насъ на дворѣ убили бѣшеную собаку, 2, что у насъ передъ окнами было кораблекрушеніе, но что пароходъ спасъ.

Позже.

Лиза благоухаетъ и процвѣтаетъ, какъ кринь $\frac{3}{c}$ ельный. Ей физически ницскій климатъ сдѣлалъ большую пользу. Только глаза красны,—это отъ злодѣйской яркости солнца. Она шалитъ много, учится вяло (потому что олять одна), но умна и по-прежнему говоритъ сентенціями и отборнымъ слогомъ, но, hélas³⁾, не по-русски. Завтра она получаетъ на гимнастикѣ призъ за успѣхи. Къ 1 мая здѣсь все закрывается: школы, $\frac{3}{4}$ лавокъ, театры, рестораны. Къ концу мая и мы выѣдемъ; настоящаго плана нѣтъ, и хотя N. угомонилась, но я, главный промоторъ длиннаго свиданья на Леманѣ, начинаю уступать скептическимъ мыслямъ. Къ тому же и Пранжэнъ дорогъ. Я сдѣлалъ имъ предложеніе.

Затѣмъ вотъ какую новость я тебѣ сообщу. Пустая записка Бамбергера подала мнѣ мысль спросить его, не беретъ ли онъ официально узнать, имѣю ли я право циркулировать по Германіи въ качествѣ швейцарскаго гражданина и защищаетъ ли меня натурализація отъ экстрадиціи ⁴⁾? Если да, то я потребую schriftlich ⁵⁾. Я съ большимъ любопытствомъ взглянулъ бы на нѣмецкое движеніе (вижу твое изумленіе передъ удободвижимостью и буддаистическій ужасъ).

Насчетъ митинга въ S. James Hall и рѣчи Росселя ты,

¹⁾ Сомнѣнія, совѣстливость.

²⁾ Въ III кн. «Рус. Вѣстника» 1868 г. «Гатчинская машкарада» Нестора Кукольника.

³⁾ Увы!

⁴⁾ Extradition—выдача преступника.

⁵⁾ Письменно.

вѣроятно, все знаешь. Въ «Голосѣ» два плохонькихъ фельетъ. Кельсиева. Благово пишетъ изъ Парижа. Онъ тоже не знаетъ, куда склонить путь.

Кажется, довольно.

P.-S. Скажи Мерчинскому, что я теперь читаю большое сочиненіе Дрэпера и, несмотря на его отзывъ, не совсѣмъ доволенъ. Планъ хорошъ и есть превосходныя мѣста, но широкой боклевской рѣчки нѣтъ, и онъ иногда просто завирается по части религіознаго консерватизма и американскаго лицемѣрія.

Получилъ ли онъ «Romn'a?»

А «Базарова» бросить не могу. Я его передѣлаю въ письма и оставлю на годъ въ портфель. Я изъ нея откинулъ *aspérité* ¹⁾, и долженъ присягнуть, что это не только истинная статья, но полезная. Жаль, что я *не ее* читалъ Мерчинскому.

Addio.

3294. Письмо къ Н. П. Огареву.

28 апрѣля (1868), вторникъ.

Неужели ты по второй корреспонд. не отгадалъ, отъ кого онъ? Я тотчасъ послалъ Чернецк. Печатать необходимо, но къ 1-му или къ 10-му—это вы, локальныя власти, должны велѣть. Пожалуй, можно ко мнѣ и не посылать, если ты очень внимательно будешь поправлять.

«Якушкина» мнѣ бы не хотѣлось въ этотъ листъ, это только въ крайности. Для наполненія переведи изъ русскаго прибавл. изъ 1-й корреспонденціи подъ заглавіемъ: «Les incorruptibles!» анекдотъ о Тимашевѣ, просящемъ 45 т. на подъемъ, и объ отвѣтѣ Алекс. дать столько, сколько Pahlen'у. У меня нѣтъ оригинала ²⁾.

Посылаю Чернец. 500 фр. Онъ мнѣ отвѣчалъ не грубо, но кисло. Уморительный человѣкъ! Да двиньте вы общими силами его на дѣятельность. Тхорж. расскажетъ подробности. Онъ заваленъ работой и не работаетъ, а ждетъ «запаснаго капитала».

Съ Prangins сладить можно, онъ уступаетъ много. Но до половины іюля N. не пріѣдетъ и, вѣроятно, Тата тоже. Теперь все тихо. Писалъ къ Стеллѣ и къ d-g Kufff о подробностяхъ Страсбурга. Видѣтъ Эльзась я не прочь. Можетъ, оттуда до Женевы

¹⁾ Жесткость.

²⁾ Такъ и было сдѣлано.

сѣзжу въ Парижъ. Попробую взять въ услуженіе Громора—у меня все бродить проектъ переводной библіотеки.

Сейчасъ получилъ письма изъ Флоренціи,—все ладно, всѣ кланяются тебѣ. Долгор. втесался-таки къ нимъ. Придется мнѣ писать къ нему.

Прощай.

3295. Письмо къ Н. П. Огареву.

29 апрѣля (1868).

Жаль, что ты не прочелъ письмо изъ Парижа, которое мнѣ прислалъ: ты бы могъ вполонину сдѣлать то, что нужно. Письмо это отъ секретаря Джемса Ротшильда—Майрарга. Онъ проситъ отъ имени Пенюза и Трипье добыть свидѣтельство о смерти Сазонова для *его сына*, живущаго въ Парижѣ. Я полагаю, что это можно узнать черезъ Ralsin или Duchosalі, —спроси Маіора. А я, съ своей стороны, писалъ Майраргу, чтобъ онъ сообщилъ, что это, кто это сей сынъ. Если они не знаютъ, передай просьбу Тхоржевскому. Помнится, онъ умеръ въ 1861 году, какъ же не найти въ *état civil* 1)?

Прибавленіе выдавай, какъ хочешь, я спорить и прекословить не буду. Вѣроятно, съ малор. наберется цѣлый листъ. Можно разослать $\frac{1}{2}$ листа 1 мая и $\frac{1}{2}$ —15. Можно соединить, малороссъ—Комаровъ 2); дамы, у которой живетъ Вальцъ, у Тхор. есть адресъ. А тотъ корреспондентъ, бывший въ Женевѣ,—помнится, Венюковъ 3), писавшій о Кавказѣ и Сибири.

Если твоя статья не готова, не торопись, а помѣсти Мечникова. Только сообщи, какое заглавіе, и вели прислать не рукопись, а корректуру. «Якушкинъ» не можетъ итти рядомъ съ заключеніемъ статьи о Каразинѣ въ одномъ №: или онъ убьетъ Каразина, или Каразинъ убьетъ его, оба—люди хорошіе:

Чѣмъ же Бакун. недоволенъ? Это очень интересно. Да ты спроси у него, участвуетъ ли въ журналъ? А журналъ, мнѣ кажется, все-таки, не пойдетъ. Какое же впечатлѣніе на тебя дѣлаетъ перечитываніе Чернышевскаго? Я годъ и день умолялъ тебя перечитать «Что дѣлать?». Ты все прочелъ,—Достоевскаго и Ергу-

1) Registres de l'état civil—реестръ актовъ гражданскаго состоянія.

2) Авторъ статей, подписанныхъ «Чаплия» и Ч. въ №№ 4—6. «Колокола» (рус. прибавл.).

3) Михаилъ Ивановичъ, географъ и публицистъ

нова, но «Что дѣлать?» не развернулъ. Это не даромъ,—мнѣ кажется, что ты боишься разочарованія.

Вормсу я не отвѣчалъ. Но, мнѣ кажется, это лицемеріе—говорить, что не оскорбился, когда человекъ *права не имѣетъ не оскорбляться*. Безъ вызова въ меня бросаютъ говномъ, а я буду величественно отвѣчать: я тебя до того призираю, что не признаю за твоимъ говномъ дурного запаха?! Какъ же не раздавить всю эту мошенническую шайку, позорящую молодое поколѣніе? Найди ты мнѣ въ какомъ-нибудь народѣ, отъ Исландіи до Абиссиніи, гдѣ бы *на сценѣ* была *au grand jour* 1) такая трактирная голь и съ такими нравами? Тург. съ ними только пошутилъ. Ихъ надобно выставить къ позорному столбу во всей наготѣ, во всемъ халуйствѣ и наглости, въ невѣжествѣ и трусости, въ воровствѣ и доносничествѣ. И, можетъ, если силы не ослабѣютъ, я еще и буду ихъ палачомъ и положу имъ клеймо глупости на лобъ. Передняя, казарма, застѣнокъ полицейскій и дьячки могли только развести этотъ испанскій воротникъ на шеѣ Россіи. Тутъ всѣ—и Бакстъ, отпирающійся отъ своихъ словъ, сладкоглаголивый, семитическій «муранъ» Виніери и пердословый Элпидинъ, сопля Вормсъ и гной Серно-Солов, жиденята, утяты 2) и гуляты 3).

Ну, и довольно съ нихъ.

Насчетъ частныхъ дѣлъ новаго сказать нечего.

Я писалъ, что смотрю на свиданіе общее не такъ радостно, потому что ни серьезной гармоніи съ тобой, ни серьезнаго примиренія съ Татой не вижу, несмотря на то, что N., дѣйствительно, жалѣетъ о твоей болѣзни и теперь со мной опять въ миру. Благо Prangins очень учтиво согласился, то чего же лучше; но не жди раньше половины юля (а не июня). Тутъ нѣтъ затрудненій за Татой; я съѣзжу за ней въ Dome d'Ossole или въ Лугано, а отъ Флоренціи до горъ желѣзная дорога,—пріѣдетъ одна.

Я Татѣ писалъ опять длинное письмо; мы съ ней ближе понимаемъ другъ друга, чѣмъ съ другими.

Какой ты, Огаревъ, упорный, когда понимать не хочешь или непріятно. Что же особеннаго въ томъ, что твоя болѣзнь дала окончательную офиціальность отношенію, остававшемуся за завѣсой?

1). Среди бѣла дня.

2) Н. Утинъ.

3) Гулевичъ.

Я не говорю, худо ли, хорошо ли; я говорю: это—фактъ. Тихая жизнь въ удаленіи не даетъ на тебя ни малѣйшаго приза, и кто о чемъ догадывался, до этого дѣла нѣтъ. Ты былъ для постороннихъ *одинъ*. Теперь ты являешься съ семьей дѣтей, гусбандомъ и патерфамиліасомъ ¹⁾. Это надобно принять безъ пансіона, который ты выдумалъ; конечно, посторонніе смотрѣли бы проще, имъ *не нужно* было бы знать, что за кулисами. Я ничего не хочу скрывать,—поздно и глупо. Но какъ же можно жить въ одномъ городѣ? Не Эллидина я боюсь (это только поднимаетъ насъ въ его глазахъ), но Лизы. Какъ я объясню ей? Я же всегда радовался, что она носить твое имя. Научи,—можетъ, и въ самомъ дѣлѣ я не понимаю. Неужели ты думаешь, что мнѣ легко носить этотъ капканъ лжи да еще упреки за это отъ N.? Мы не умѣли устроить нашу жизнь *доблестно*, съ тѣмъ дигнитетомъ ²⁾, на который имѣли бы право *и ты, и я*. Я страдаю отъ этого, — вотъ и вся исторія.

Да еще,—развѣ разбродъ семьи и положеніе Таты зависитъ отъ неофициальности положеній? Помилуй, это—несчастное послѣдствіе характеровъ.

3296. Письмо къ Н. П. Огареву.

1 мая 1868, пятница.

Саго тію, ты весь «въ обломкахъ древней истины», какъ называлъ Боратынскій предразсудокъ. Ну, какъ можешь ты вообразить, что на *официальный* запросъ Бисмаркъ или другой поставитъ ловушку? Нельзя же теперь выдумывать исторію Іоанна Гусса или Войнаровскаго. Гдѣ же примѣръ за 50 лѣтъ?

Не легче ли имъ, не гадясь, сказать «нельзя»? Если бояться *несбыточныхъ бѣдъ*, то вдвое надобно бояться *желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ*.

Рѣшено ѣхать 25 мая. Отчего не взглянуть на Эльзась,—къ тому же Мюлюзъ отъ Базеля часахъ въ двухъ,—стало, это у вашихъ у воротъ. Вѣроятно, я съѣзжу въ Парижъ—мнѣ все мерещится, что тамъ можно многое сдѣлать для насъ.

А Мерчинскій при всемъ знаніи мейендорфики—видно, дѣло плохо зналъ. Если бы было просто сумасшествіе, Будбергъ не сле-

¹⁾ Husband—мужъ, супругъ, paterfamilias—отецъ семейства.

²⁾ Dignité—достоинство.

тѣля бы. А видѣлъ ли ты, что братъ Мейзенб. будто бы назначенъ посломъ въ Римъ отъ Австрій? Это—гнусный клерикаль.

¿Что ты поправилъ или переписалъ твое посмертное письмо?
¿И о чемъ ты именно пишешь? Какая мысль или работа тебя занимаетъ? Скажи только предметъ...

2 мая, суббота.

Шестнадцать лѣтъ тому назадъ здѣсь, въ ста шагахъ сѣнчалась Н. Вчера я съ Лизой шель недалеко отъ того дома и теперь только замѣтилъ, что наслѣдникъ умеръ возлѣ. Что за странная случайность. Съ тѣхъ поръ и пошла жизнь неправильно. Вѣра въ нее и въ себя были потрясены...

А тухлая грязь своимъ чередомъ. Вчера я встрѣтилъ Вормса одного, пошелъ прямо на него и сказалъ:

— Зачѣмъ вы пишете мнѣ глупыя и наглыя письма?

— Да вы меня компрометировали и сказали, что знаете меня... и бранили мои стихи, отзываясь обо мнѣ, какъ о потухшемъ факелѣ.

— Я этимъ слогомъ не выражаюсь и до сихъ поръ не встрѣчалъ человѣка, который бы такъ боялся меня. Я дивлюсь вамъ, у васъ совѣсти нѣтъ стыдно вамъ, и говорю откровенно—не отвѣчалъ вамъ изъ *лубочайшаго презрѣнiя*.

— Ну, да что тутъ толковать,—и онъ пошелъ, сказавши имя русскаго, который ему говорилъ. Совсѣмъ лицо неизвѣстное. Вотъ главное слово въ слово. Вѣроятно, онъ сходить на меня опять письмомъ. Аристократъ ли я, дуракъ ли я, не знаю, но съ Долгоруковымъ у меня есть общій языкъ, и Долгоруковъ никогда не оскорблялъ ни меня, ни тебя такимъ образомъ, а его мы отлучили отъ воды и огня. А эти плащицы не съ Аполлоновыхъ—а съ м...й «Современника» — ходятъ подъ какой-то амнистіей. Что они меня потащили бы на висѣлицу, въ этомъ я убѣжденъ. Что они еще сдѣлаютъ засаду, это ты увидишь. Поэтому надобно предупредить ихъ и стать на военную ногу статьей или убить на дуэли какую-нибудь возгрю,—тогда, если не убьютъ, можно спокойно вѣкъ дожить.

Здѣсь одинъ изъ юношей—Базаровыхъ—*колотила* свою мать. Они развиваются... Катковы и Чичерины, Горчаковы ~~пьяные~~ и Ба-

рятинскіе трезвые,—всѣ лучше и нравственнѣ этихъ негодяевъ, этого сифилиса нашей революціонной блудни. Да что ты, въ самомъ дѣлѣ, не раскусишь съ 1861 года тургеневскаго Базарова,—нельзя же всю жизнь на него смотрѣть съ утячей точки зрѣнія, какъ капелька и жукъ. Онъ слабъ, поверхностенъ, дурно задуманъ, но онъ богъ передъ этими свиньями. Иногда подумай и объ этомъ.

На-дняхъ забѣжалъ ко мнѣ Утинъ проститься (здороваться не пріѣзжалъ), ѣдетъ въ Парижъ, красить волосы и возвращается въ Россію. Плохъ до безконечности.

Итакъ, въ пятницу перенесеніе нетлѣнныхъ—въ Rue des petits philosophes. Я Татѣ писалъ уже. Ce n'est pas mal pour la rue d'avoir un grand—et très bien pour Og. d'être si modeste ¹⁾. Вѣрю въ Тхоржевскаго и помощь неустанную и неусыпную. Тотчасъ рапортую—и прощай.

Ѣдемъ на кладбище. Вчера былъ длинный разговоръ, серьезный и не выродившійся въ бойню, но до результата далеко. Все, все лежитъ въ непониманіи и характерѣ да еще въ несправедливомъ желаніи, чтобъ всѣ признали свою вину, кромѣ виноватаго.

Лиза ничего, даже и дурныя шалости оставила бы скоро, если-бъ искра таланта или вниманія была приложена. Она учится хуже (жарко и тяжело), но умна и развязна. Выросла очень.

3297. Письмо къ Н. П. Огареву.

4 (мая 1868), понедѣльникъ.

Посылаю тебѣ швейнерей о Будбергѣ, пропечатай и поправь. Да полученъ ли «Мазадъ»? Статейка и Будб. заставить хохотать и сердиться.

Жду рапорта о твоёмъ переѣздѣ. Сильно надѣюсь на Тхоржевскаго и плацъ-Маіора ²⁾. А прогос, такъ какъ Тхорж. не имѣлъ никакого блезирю и не тормозитъ честностью, какъ Чернецкій, я предлагаю ему villeggiatur'у ³⁾, то-есть пріѣхать, ex gr., къ 20-му числу сюда, пробыть недѣлю и потомъ ѣхать съ нами до Ліона Разумѣтся, если этого ему хочется,—wenn es Spass macht ⁴⁾.

¹⁾ Недурно для улицы (малыхъ философовъ) имѣть великаго философа и весьма хорошо для Og. быть столь скромнымъ.

²⁾ Докторъ Маіоръ.

³⁾ Дачу.

⁴⁾ Если это забавляетъ.

Въ статьѣ Бакун. (въ шассэновской «Демокраціи»¹⁾) ни слова о Россіи—sehr gut. Зачѣмъ ты гадаешь и клятвословишь о его неучастіи въ Элпидинкѣ²⁾,—проще спросить. Чтобъ не забыть: я не думалъ скрывать Туца, но зачѣмъ же ему ежедневно себя напоминать Виніери, Сер.-Сол. и Якобію? Они доберутся до исторіи матери и ее вздуютъ. Они налгутъ, они его будутъ спрашивать и пустантъ въ циркуляцію ужасы: зачѣмъ онъ не у меня? зачѣмъ и почему онъ называется Генри братомъ, когда тотъ сгубилъ его мать? Почему Г. тебя называетъ отцомъ etc., etc., etc.?.. И во всемъ обвинять *меня*,—ты ихъ не знаешь. Мерчинс. *ихъ знаетъ* и живетъ съ ними. Это кусъ жука къ навозу. Лучше дальше отъ нихъ, вотъ и все.

Тата сама желала остаться долѣе во Флоренц. Я ея письмами очень доволенъ. Ты говоришь, что настоящій разумъ значить *сыскать выходъ*—въ безвыходномъ-то положеніи? Да не въ томъ ли, чтобъ *выхода не искать?*

Итакъ, Георгу покажется дорого 1.000 фр. Это 50 фр. съ листа. Громоръ больше беретъ за переводъ. Опять,
людей и лошадей знобя,
мы тѣшимъ—Чернецкаго³⁾.

Сталь жерновъ! Воды нѣтъ, а мы надрываемся вертѣть. Аминь, аминь глаголю: еще французскій «Кол.» поидетъ,—русскаго ничего. Но теперь ужъ не польскому дѣлу мы обязаны, а Базаровымъ, которые проповѣдуютъ, отъ Гейдельберга до Сольвычегодска, отъ Флоренціи до Корчевы, всему молодому поколѣнію ненависть къ намъ. Тата мнѣ пишетъ объ удивленіи молодыхъ русскихъ дѣвухекъ, познакомившихся съ нею. «Въ Россіи, говорили, васъ считаютъ за аристократокъ, какъ вашъ отецъ, а про Ольгу говорятъ, что она давно католичка».—Это échantillon⁴⁾.

Прощай. Есть у Мечникова статьи предисловіе? Есть подпись его? Тогда печатай съ плеча и вели прислать корректуру, *какъ письмо*.

Статья о Якушкинѣ кончена.

1) «La Démocratie», издавалъ Ch.-L. Chassin.

2) Т. е. въ «Современности».

3) Рѣчь идетъ о продажѣ Георгу подготовлявшейся VIII кн. «Полярной Звѣзды», печатаемой въ типографіи Чернецкаго.

4) Образецъ.

3298. Письмо къ Н. П. Огареву.

7 мая (1868), четвергъ.

○Писывая всякія подробности о квартирѣ, ты забылъ одну довольно важную для переписки—*адресъ*. Rue des petits ph. ничего еще не значитъ. А потому опять адресую Тхорж.

Если тебѣ теперь трудно работать, то для чего же ты работаешь? Есть Мечник.—ну, и печатать его. Въ будущей №—«Якушкинъ» (выйдетъ almeno 22—23 колонны)—Adda¹⁾ Мечникова. Пришли свидѣт. о Саз. просто мнѣ. Что же ты Боткина увидишь или нѣтъ? (ты о его приѣздѣ какъ то пишешь таинственно—«другъ Мерч. d-g...» это все принадлежитъ къ другой эпохѣ и къ другой ипохондріи,—къ той, въ которой можно думать, что Бисмаркъ покроеся грязью для телячьихъ глазъ союзника). Его совѣтъ былъ бы недурень.

Насчетъ Базар. позабудь ты существованіе Тургенева и отрѣшись отъ нашихъ популярничаній,—тогда ты поймешь слабую и нагую вѣрность типа Базаровъ нравственно выше послѣдующихъ базарондовъ. Онъ у Тургенева храбръ, уменъ, не воръ, не доносчикъ, не вонючій клопъ. Ты напрасно стираешь нюансы, и чело-вѣкъ, который изъ ревности хватилъ въ зубы жену и прогналъ, ничего не похожъ на сына, который колотитъ мать-старуху и живетъ съ ней на ея счетъ. Эта защита гнилого помета—у тебя игра. Оттого-то я и не могу оставить безъ отвѣта. Долгор. и Катковъ при страшнѣй наглости, въ душѣ признаютъ за нами кое-что, и это кое-что ставитъ границы. Тѣ ничего не признаютъ—и vogelfrey²⁾). Я смотрѣлъ прямо въ глаза Вор., я видѣлъ одну злобу, смѣшанную съ вопросомъ: «Ну, а какъ хватить въ зубы?»—Ничего,—ни одного движенья сердца, души. Оттого, что ты этого не понимаешь, оттого ты не понимаешь, почему ихъ сплетни страшны, и почему я, не скрывая Туца, думаю, что не надобно его ежедневно дѣлать вызывающимъ средствомъ для негодьявъ.

Долгор. объявилъ d. Levier, что онъ ѣздитъ къ нашимъ во Флоренцію не будетъ, ибо Саша визита не заплатилъ. Вотъ и финаль.

Изъ Россіи письма и, какъ всегда, все тотчасъ пошло вверхъ дномъ. Все шло мирно, теперь все опять sur le tapis³⁾). С—нъ и его жена зовутъ въ Россію N. съ Лизой непременно. С—нъ, между прочимъ, пишетъ: «пора имъ убѣдиться, что эмиграція теперь потеряла смыслъ». Что это: приглашеніе?.. намеки?.. Далѣе, Ал. Ал.

1) Рѣка въ Италіи; намекъ на многописаніе Мечникова.

2) Свободный какъ птица.

3) Стало предметомъ споровъ.

на годъ вывернулся. Ел. пишетъ, что она предлагаетъ ему взять его имѣніе и платить ему около 4.000 руб. ренты. Это хорошо, но, мнѣ кажется, не совсѣмъ справедливо относительно Лизы; если имѣніе представляетъ доходу до 12.000 фр., то оно достанется все даромъ послѣ смерти Ал. Ал. Сатиньмъ. Я замѣтилъ это и навлекъ на себя безконечный гнѣвъ. Что, я ошибаюсь или нѣтъ?

Ал. Ал. удивленъ, что N. не съ тобой послѣ перелома ноги. С—нъ пишетъ, что онъ догадывается. Это окончательно привело въ смущеніе. Предлагаетъ оставить ее въ Эльзасѣ при пансіонѣ, туда выпишетъ N. Ал. Ал.—или требуетъ совершенно *официальную* признанія; но, сколькоя ни спрашивалъ, *что такое*, одинъ отвѣтъ: «стало, ѣхать въ Россію»¹⁾. Все это очень невесело и я торопиться въ Prangins, все же, не буду. Ёдемъ отсюда 28—29. Что Тхорж. пріѣдетъ? Мнѣ это не нужно для дѣла,—чисто для него хотѣлось мнѣ сдѣлать удовольствіе. Онъ можетъ пріѣхать хоть 20...21...22 или совсѣмъ не ѣздить.

Вдаль я не смотрю. Конечно, Тату всѣхъ больше жаль, да и она, при маленькихъ недостаточкахъ, всѣхъ больше симпатична. Мещер. положительно уѣзжаетъ въ Германію и Россію.—Прощай.

Ницца опустѣла и во всей пышности цвѣтовъ, тѣпла etc. Жаль ее покидать, все же, это лучшее мѣсто.

P. S. Видѣлъ ли ты, какъ Бамбергеръ въ Берлинѣ прусситъ? Да онъ прямо идетъ въ министры или послы.

О Юмѣ читалъ.

Бога ради, не опаздывайте съ «Le Колок.». 15 онъ долженъ быть разосланъ.

Передайте, Панъ, Огареву эту записку. Да напишите его адресъ съ № и вашъ новый.

Mr. Levier 50 фр. послать можно²⁾.

3299. Письмо къ Н. П. Огареву.

10 мая (1868), воскресенье.

Вчера получилъ рапортъ о торжественномъ шествіи изъ Лансу въ Философьевку. Тхорж: пишетъ, что переѣздъ былъ такъ

¹⁾ Ты называешь—«случайно оступиться», когда люди, очертя голову, *иды шли по льду*. Эта казуистика недурна. А. И. Г.

²⁾ Конецъ написанъ для С. Тхоржевскаго.

хорошъ, что «Н. П. спокойно *отдыхалъ маявмъ* воздухомъ». Ну-съ, въ добрый, въ архангельскій часть.

Черезъ двадцать дней и мы будемъ въ торжественномъ шествіи. Куда и какъ, не знаю. Одно вѣрно, что увижу Стеллу-полковника. Ёхать, пожалуй, отсюда и не дурно,—жары начались тяжеля. Послѣ письма изъ Рос. длинная бесѣды. Н. показывала часть отвѣта своего Сатиной,—я имъ ужасно недоволенъ; она представляетъ себя какими-то мрачными красками, опять мортюманія и жалобы на Тату, что она не любитъ Лизы. Я сказалъ, что письмо надобно бросить, и потомъ спросилъ не о Лизѣ, а объ ея отношеніяхъ. «За что же, наконецъ, дѣтямъ ее любить?»... Были порывы и слезы, и злобы, но я заключилъ тѣмъ, что «всѣ будущія бѣдствія падуть на ея совѣсть, и что она отстранить ихъ только тогда, когда пойметъ, что и прошлыя съ Park Hous'a—всѣ по ея винѣ».

Я полагаю, что Эльзась въ мѣсяцъ надоѣстъ. Но, все же, въ Prangins поѣду, когда будутъ другія созвѣздія. Можетъ, пріѣду прежде одинъ. Тату я не стану торопить.

Авророс, Лиза стала купаться въ морѣ. Когда она первый разъ пришла, то купальщики очень обрадовались и говорятъ: «Voilà que la petite Tata vient déjà!»¹⁾ Они лучше Н. понимаютъ ихъ отношенія. Довольно.

Напиши о полученіи письма на новой квартирѣ.

Послѣ обѣда.

Далѣе сказать нечего. Сегодня все тихо, говорили много, все перемежающаяся лихорадка. Прощай.

Въ публичномъ саду.

Письмо твое получилъ на дорогѣ. На душѣ легче, что квартира хороша. Цѣлую Тхорж. за это. Музыка гремитъ,—толпы гуляющихъ и жаръ.

Слѣдующую страницу отдай Тхорж.

3300. Письмо къ Н. П. Огареву.

12 мая (1868), вторникъ.

Получилъ ли ты мое письмо отъ 10-го съ наклеенной бумажкой? Я его бросилъ въ казино. Боюсь немного дерзостей

¹⁾ А вотъ идетъ маленькая Тата!

хохла ¹⁾, да будто ты не знаешь, что можно и чего нельзя пропустить въ печати? Это, вѣдь, просто лѣнь. А что же вы опоздаете или нѣтъ? Статья о Якушкинѣ готова, ее хватить на $\frac{3}{4}$ № или около. Что будетъ еще?

Видѣлся ли ты съ Ботк. ²⁾? Я думаю, что это для ноги да и для прочаго недурно. А его въ «Голосѣ» Шипулинскій ³⁾ за Дубовицкаго ⁴⁾ пощелкалъ. «Виноватъ»,—скажетъ Мерч.

О какомъ ты *другомъ* источникѣ сплетней говоришь по поводу сообщеній Таты, рѣшительно не понимаю. У насъ есть противники, но *ненавидящихъ и дѣятельныхъ враговъ*, кромѣ нашихъ личныхъ поросятъ, нѣтъ. Поясни.

Насчетъ «поднятаго пульса» при свиданьи. Поднятый пульсъ не всегда означаетъ прибавку здоровья, а иногда прибавку лихорадки. Пора бы отъ этихъ лихорадокъ домой,—я согласенъ съ Сагинымъ. А львомъ сдѣлаться сенскимъ, если это для Руси полезно, легко. Это-то и важно для «Колокола».

Вотъ тебѣ философія Лизы. Она вчера читала со мной очень внимательно въ переводѣ «Былое и думы» объ Ив. Ал. и потомъ, подумавъ, говорить: «*Mais ton père était un fou*». Далѣе, о жизни толкуеть: «*Moi je pense qu'il faut faire quelque chose d'utile—et s'amuser beaucoup. Car vois-tu, personne ne sait quant il mourra—et alors c'est fini*» ⁵⁾. Вотъ поди и разсуди!

Какъ плохи проспекты «Демокраціи»,—все старое. Философія Лизы свѣжѣе.

Жду письмо и иду гулять.

Отъ Таты превосходное письмо.

Попроси отъ меня Маіора о свидѣтельствѣ Сазонова.

— 13, среда.

Корректуры всѣ получилъ и сейчасъ ихъ отошлю. Итакъ, опять *опоздали*. Этотъ разъ надобно было особенно стараться, чтобъ опоздать. Статьи были главныя двѣ недѣли тому назадъ готовы. Это очень печально.

¹⁾ Т. е. «Чап्ली» (Комарова).

²⁾ Сергѣй Петровичъ.

³⁾ Павелъ Дмитріевичъ, врачъ-практикъ.

⁴⁾ Петръ Александровичъ, президентъ медико-хирургической академіи.

⁵⁾ Твой отѣцъ былъ сумасшедшимъ.. Я думаю, что надо дѣлать, что либо полезное и много веселиться. Потому что, видишь ли, никто не знаетъ, когда онъ помретъ, а тогда все кончено.

Мечникова статья хороша, но еслибъ онъ меньше полемизировалъ и отвѣчалъ Костомарову, было бы лучше. *Разсказъ* нуженъ для Европы, *изложеніе фактовъ*, а до Костомар. ей дѣла нѣтъ.

Основную мысль я не понялъ ясно. Вѣроятно, подъ словомъ national онъ разумѣетъ что-нибудь въ родѣ «народный».

Почему казаки-воры вышли казаками-скупцами? Ladre значить «скупой» по-французски, что не мѣшаетъ ladro быть воромъ по-итальянски. Или я ошибаюсь? Просмотри въ mise en page или и прежде. Но, все же, статья хороша и интересна. Русскихъ приемовъ много, всё ходячіе, битые обороты употреблены, даже ех impue leonem ¹⁾ не забыть, персифляжъ надъ Костом. съ illustre... Ты это уевангиль и посовѣтуй ему. Какая-нибудь подпись была бы лучше, какъ свидѣтельство новаго сотрудника.

Еще—? Можно ли сказать:

hasarda a une nouvelle batoile?

¿ Есть рѣка Ферекъ? Или это Терекъ?

Въ твоей статьѣ рѣчь о *принципахъ* мин. ви. дѣль. Да тамъ взятки, палки и тому подобныя ягоды только, — какъ-то неловко.

Макаронъ ²⁾ гадитъ въ тазъ, т. е. въ Каткова,—это лѣзя.

Получилъ изъ Эльзаса письмо отъ d-r Куфа. Не утѣшительно. Вѣроятно, и тамъ клерикалы пакостятъ въ воспитаніи. Онъ завелъ вольную гимназію близъ Страсб., но все бросилъ.

Программа Бакун, здѣсь очень нравится въ «Демокраціи».

Прощай.

3301. Письмо къ Н. П. Огареву.

(15—16 мая 1868).

Видѣлъ ли ты рѣчь Чарторижскаго въ Лондонѣ и посланіе *парижскихъ* поляковъ къ пражскимъ славянамъ по поводу приглашенія на открытіе славянск. университета? И тамъ и тутъ вовсе не одно правительство, еп jeu ³⁾, а народъ, мы всё, и опять мы—туранцы, а они—рыцари, хранящіе просвѣщеніе. Что же Бакун. имѣетъ съ ними общаго (кромѣ стола, квартиры etc)? Гнусно наше нравит., особенно деталями гоненій, местей, но хороши и эти гуси.

¹⁾ По когтямъ (узнаютъ) льва.

²⁾ Прозвище Комарова.

³⁾ Въ ходу.

О смерти Сазонова всего лучше долженъ знать Резинъ,—къ нему приходила утромъ жена Саз. въ испугѣ сказать о его смерти (если онъ не сморозилъ). Да не достанетъ ли справку Тхорж. франковъ за 10-ть отъ какого-нибудь писаришки?

Не давай призу Долгор., чтобъ онъ сталъ дерзокъ; обдѣлай тихо и отклони его «благумудро»; если нужно, напиши учтиво, что, вѣдь, общаго у насъ нѣтъ съ нимъ, что рядъ размолвокъ долженъ былъ привести къ охлажденію, и что Бак. исторія довершилась; наконецъ, что ни ты, ни я ничего не хотимъ, кромѣ тихой рюптюры ¹⁾.

А впрочемъ, видя и тѣхъ и другихъ, право, не бѣда, если онъ забѣжитъ къ тебѣ, прими его какъ²⁾ — и къ чорту, а, всетаки, подробности напиши.....³⁾

Къ слѣдующ. «La Cloch» ⁴⁾ готовь «Якушкинъ» и двѣ колонны «смѣси». «Якуш.» 50 стр. (слишкомъ) моихъ, можно раздѣлить на два №. Ты Мечникова отъ меня поблагодари за устойку, спроси о комплотѣ противъ насъ, о вевэйской вольницѣ и объ атаманѣ Михаилѣ ⁵⁾. Пусть поразскажетъ. Тебѣ, вѣроятно, не житье, а патока въ пти-неверахъ à философахъ ⁶⁾, тамъ съ утра до ночи жужжать Гулевичи, Псевичи и пр... А гранитная скала, «одна безпристрастная къ добру и злу, Мерчинскій, виноватъ!»

Планъ у насъ вотъ ужъ какой идетъ: изъ Эльзаса въ Пранжэнъ, изъ Пранжэна тянуть къ Комо, ну, а оттуда и Генуя и Ницца два шага. Вѣроятно, Тата пріѣдетъ прямо въ Пранжэнъ. (Изъ Флор. черезъ мѣсяцъ ѣдутъ Фрика съ Африканкой, Сомье съ дочерью, стало, окказій много).

Засимъ здравія желаемъ.

Слѣдовало бы Туца показать Лизѣ.

3302. Письмо къ Н. П. Огареву.

15 (мая 1868), пятница.

Твои консультаціи и Тхор. рапорты получилъ. Хотя Prangins и дорогъ, но одинъ мѣсяцъ villegiat'уры куда ни шло. Только во

¹⁾ Разрывъ.

²⁾ Два слова не разобраны.

³⁾ Три иностранныхъ слова не разобраны.

⁴⁾ «KoloKol».

⁵⁾ Бакунинъ.

⁶⁾ Огаревъ жилъ на Rue des petits Philosophes. Petit-neveu—двоюродный внукъ.

всемъ этомъ нѣтъ салона. Я писалъ Тхор., что за салонъ можно уступить luncheon ¹⁾. Потолкуй съ нимъ о ѣдѣ.

Тебѣ рѣшительно нечего прятаться отъ Ал. Ал. (хотя ты его, кажется, напрасно ждешь скоро, я этого не писалъ)—ты безусловно правъ. Да и я боюсь въ немъ только скучной болтовни его и безсонницы. Вопросъ не тутъ, а, все-таки, въ безумной фантази и постоянномъ метаньи изъ одной крайности въ другую. Н. Я знаю, напр., во всякомъ случаѣ, какъ ты поступишь, даже какъ Тата, а съ Н. не знаю. Ты поставилъ какую-то схоластику. Чье право инициативы, кто спрашиваетъ, кто только отвѣчаетъ,—эта казуистика не идетъ къ капризамъ. Насчетъ официальности Natalie рѣшительно не знаетъ, чего хочетъ. Если-бъ была сила, надобно passer outre ²⁾ и деспотически итти и вести своей дорогой.

Мое присутствіе *рѣшительно полезно* для Лизы; при мнѣ онѣ живутъ въ одной атмосферѣ. До какой степени она умна, ты увидишь, только ее надобно разговорить. Одна она глохнетъ. Объ ней я представлялъ всѣ резоны—не Соловецкій монастырь страшень, а Смольный ³⁾. На первый случай опять побѣдилъ. Что дальше, и гадать не умѣю.

Запятавши грузинскіе когти, Никол. ⁴⁾ въ предисловіи къ Черныш. зацѣпилъ насъ и совершенно съ той точки зрѣнія, съ которой Писаревъ въ «Базаровѣ» (видно, я не ошибся). Тебѣ богъ попрыскалъ очи такой водой, что ты розы видишь, а шиповъ не можешь видѣть ⁵⁾. Замѣть, что, какъ истые подлецы, они о насъ не упоминаютъ и бьютъ намеками, отъ которыхъ отпереться легко, а нападать на которые трудно. ¹

Вѣроятно, больше мѣсяца въ Эльзасѣ не застрянемъ и къ июлю можемъ и приѣхать. Я тебя приглашаю на мѣсяць съ празномъ уѣхать на другой или третій день.

Насчетъ отзыва поляка-аристократа не полагайся. «Колоколь» въ Россіи не идетъ, а одна причина и есть для изданія—удержать *вживѣ* органъ. Теперь, можетъ, пошелъ бы ежедневный листъ, такой, какъ предлагалъ Панаевъ (въ Брюсселѣ воскресло «Эхо», подъ именемъ «Polyglotte» ⁶⁾)—плохо). Сдѣлаемъ вызовъ печатно и посмотримъ.

¹⁾ Завтракъ.

²⁾ Не обращать вниманія.

³⁾ Т.-е. отдача въ Смольный институтъ Петербурга.

⁴⁾ Николадзе.

⁵⁾ Эту самую фразу Т. Пассекъ адресовала отъ Герцена къ себѣ (т. II, стр. 353).

⁶⁾ Переименованъ изъ «Отголосковъ Русской Печати»; редактировалъ также Шедо-Ферроти.

Въ «Голосѣ» много путнаго и рѣзкаго. Читаешь ли ты его хоть изрѣдка? Между новыми книгами въ Петербургѣ вышла: «Радищевъ и его путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Если ты не читалъ статью изъ Смоленска о голодѣ, я пришлю.²

◆◆ 1. Сначала русская типографія въ Женевѣ М. Элпидина выпустила «Что дѣлать?», а въ мартѣ 1868 г.—I томъ «Сочиненій», въ изданіи «М. Элпидина и К^о». Въ составъ его вошли научные и литературные работы Чернышевскаго изъ «Отечеств. Записокъ» и «Современника» 1853—55 г.г.

Въ анонимномъ предисловіи сказано, между прочимъ: «Въ концѣ сороковыхъ годовъ, послѣ минутнаго пробужденія мысли. благодаря Бѣлинскому и его сотрудникамъ, и послѣ неоправдавшихся надеждъ того времени, русское передовое общество перестало надѣяться на возможность какого-нибудь исхода и впало въ совершеннѣйшую апатію, плохо скрывавшуюся подъ подогрѣтыми патетическими возгласами о гнусности деспотизма и благахъ свободы... Первые неудачи въ общественной жизни и дѣятельности загнали тогдашнюю молодежь, упавшую духомъ, въ область личной жизни, гдѣ она давала полный просторъ своимъ грубоватымъ, а иногда и просто грубымъ инстинктамъ. Личные «интересы», понимавшіеся въ самомъ узкомъ смыслѣ, потеря всякой надежды на что-нибудь лучшее, боязнь лишиться кое-какъ добытаго спокойствія и комфорта и желаніе, все-таки, казаться дѣятелемъ, не упавшимъ духомъ и попрежнему ненавидящимъ дикій гнетъ и пр.,—доканчивали нравственное паденіе тогдашняго общества».

Это—первое мѣсто, которое Герценъ и Огаревъ, какъ люди 40-хъ годовъ, могли относить къ себѣ. Второе является частью разсказа, какъ книгопродавецъ Бенда принялъ участіе въ изданіи, оказавъ кредитъ подъ бумагу и пр., но при условіи полученія скидки въ размѣрѣ 50%. «Мы охотно приняли предложеніе и условія г. Бенды и ничуть не ставимъ этихъ требованій въ упрекъ ему. Напротивъ того, мы никогда не забудемъ услугъ, оказанныхъ намъ человѣкомъ, которому сочиненія Чернышевскаго извѣстны только по нашимъ объясненіямъ, тогда какъ другіе, сознающіе пользу изданія этихъ сочиненій, ограничиваютъ свое содѣйствіе бесплодными пожеланіями или же препятствуютъ нашему дѣлу недоброжелательствомъ и интригой».

Врядъ ли, однако, это второе мѣсто могло касаться Герцена, тѣмъ болѣе, что, ссылаясь на Базарова, онъ ясно даетъ понять объ оцѣнкѣ молодежью людей его поколѣнія.

Изъ опубликованнаго Элпидинымъ «Отчета полученнымъ и

израсходованнымъ деньгамъ» (выпущенъ въ свѣтъ и отдѣльно) видно, что при приходѣ въ 1214 фр. 80 с. расходъ по изданію романа былъ 1828 фр. 75 с., который покрылся изъ одновременной продажи всего завода изданія за 3000 фр. На I т. собрано было пожертвованій 1483 фр. 5 с., а расходъ—1777 фр. 80 с.

2. 29 апрѣля 1868 г. начальникъ новгородскаго губ. жандармскаго управления донесъ III Отдѣленію, что изъ Женевы въ Черешовцѣ получены два письма съ приглашеніемъ выписывать заграничные изданія Чернышевскаго черезъ мѣстнаго мѣщанина Ивана Глѣбовича Розанова, пока находящагося за границей для излѣченія отъ сифилиса. Началась обычная въ такихъ случаяхъ переписка. 22 іюня Розановъ, задержанный въ Вержболовѣ, былъ доставленъ въ Ковно. Арестованіе его произведено было послѣ обнаруженія при немъ фальшиваго кредитнаго билета. Тогда же Розановъ показалъ о составленномъ за границею заговорѣ на жизнь одного изъ членовъ императорской фамилии. «Объ извѣстномъ обстоятельстве могу пояснить, что приведеніе въ исполненіе рассказаннаго плана должно, по извѣстнымъ мнѣ даннымъ, совершиться «въ послѣднихъ числахъ іюня послѣ 25-го». Это подлинныя слова говорившей со мною особы». Въ болѣе подробномъ показаніи Розановъ заявилъ, что, узнавъ о заговорѣ, спѣшилъ въ Россію, чтобы предупредить злоумышленіе, но можетъ лично доложить обо всемъ только или Спб. оберъ-полицейстеру, или одному изъ министровъ или же одному изъ членовъ III Отдѣленія, почему просилъ направить его въ Спб. немедленно, а не по этапу. «Болѣе я ничего не могу и не хочу заявить, несмотря ни на какія вынужденія, и повторяю, что всякая медленность въ этомъ столь важномъ государственномъ дѣлѣ остается отнынѣ на отвѣтственности начальства, держащаго въ своихъ рукахъ мою свободу. Прошу еще, до разрѣшенія моего заявленія, обращаться со мною по-человѣчески, такъ какъ обо всемъ я донесу высшему правительству». Ковенскія власти не рѣшились задержать его отъѣздъ и 22 же іюня направили Розанова къ виленскому ген.-губернатору въ сопровожденіи майора Баженова. 24 іюня оба были уже въ III Отдѣленіи.

Первое показаніе тамъ Розанова, какъ это ни странно, въ дѣлѣ отсутствуетъ.

Въ Парижѣ Розановъ жилъ у поляка Ольшевскаго ¹⁾, гдѣ

¹⁾ Иеронимъ Ольшевскій, прусскій подданный, былъ задержанъ въ Ц. Польскомъ и, какъ находившійся въ мятежной шайкѣ, высланъ въ иж-

собирались очень многие его соотечественники. Тамъ бывалъ русскій офицеръ Жуженицкій, оставившій службу въ 1863 г. Впослѣдствіи Розановъ слышалъ отъ Эллидина такую характеристику Жуженицкаго: «Это—дрянь, хвастунишка; онъ говоритъ, что былъ жандармомъ-вѣшателемъ, да вретъ; гдѣ ему, дураку, съ его мозгами». Переѣхавъ въ Женеву, Розановъ чаще всего бывалъ у Эллидина; изъ числа посѣщавшихъ его русскихъ по фамиліи знаетъ только Н. Утина, генеральшу Бибикову и Ивановскаго. «Этихъ трехъ лицъ онъ не считалъ важными, допуская ихъ видѣть другимъ. Важныхъ лицъ онъ принималъ у себя секретно, и во время аудіенціи всѣ двери его квартиры были наглухо заперты. На каждый звонокъ онъ выбѣгалъ всегда самъ и нерѣдко случалось мнѣ самому приходиться во время такой аудіенціи. Тогда Эллидинъ вставывалъ голову за дверь и кричалъ: «Убирайтесь! у меня чело-вѣкъ есть!». Если же важное лицо приходило въ то время, когда я сидѣлъ у него въ комнатѣ, то онъ впускалъ особу на время въ кухню и выгонялъ всѣхъ изъ типографіи въ сѣни». Въ Cafe du Nord Эллидинъ шептался при Розановѣ съ молодымъ человѣкомъ высокаго роста и потомъ сказалъ о немъ: «это эмигрантъ Якобій, дрянь!». Эллидинъ показывалъ также ему А. Серно-Соловьевича, говоря, что и онъ дрянь, и притомъ съ нимъ въ ссорѣ по поводу какой-то брошюры,

Въ дополненіе къ сказанному наканунѣ намъ такимъ образомъ неизвѣстному Розановъ показалъ о заговорѣ слѣдующее.

«Думали, говорилъ Эллидинъ, захватить какого-нибудь посла, странствующаго вельможу, министра, но это не будетъ вѣрно: они (правительство) откажутся отъ этихъ простыхъ халуевъ, они Чернышевскаго дороже цѣнятъ. Нужно поймать птицу изъ царской крови да и засадить въ клѣтку. Разумѣется, въ случаѣ погони, въ случаѣ неминуемой, въ живыхъ оставлять птичку нельзя, нужно приколоть или пристрѣлить,—это ужъ само собой разумѣется... А когда она (птица-то) будетъ въ нашихъ рукахъ, въ приличномъ мѣстѣ, то можемъ требовать все, что захотимъ. Прежде всего, разумѣется, свободу Чернышевскаго. А когда получимъ Ч, то потребуемъ еще и еще, да потребуемъ такимъ образомъ, что ужъ

перію, а по суду въ г. Владимірѣ приговоренъ къ заключенію въ воронежской арестантской ротѣ на 3 года съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія; въ 1867 г., по ходатайству прусскихъ дипломатовъ. онъ отправленъ въ Варшаву для высылки за границу.

вилять нельзя будетъ послѣ. Если будетъ реформа какая, то она должна быть объявлена всенародно торжественнымъ царскимъ указомъ, что она дается навсегда, на вѣчныя времена... Забрать постараемся прежде всего, если можно, то, что всего ближе къ царю и потому дороже, а если трудно или слишкомъ рискованно, то можно и подальше... только непременно изъ царской крови... У насъ ужъ есть люди вездѣ... теперь наблюдаютъ, готовятъ, узнаютъ дороги, ищутъ необходимыя мѣста, сводятъ знакомства съ нужными людьми, съ извозчиками, съ трактирщиками, съ харчевниками, съ кучерами, съ поварами, съ лакеями... Знаешь что? ¹⁾ У насъ есть лакей во дворцѣ, вѣрный, изъ нашихъ. Можно будетъ заполучить нянекъ, мамокъ, только больно трудно. Съ этими людьми нужно очень осторожно: одинъ спакостилъ, и все пропало надолго, а время-то бѣжить, молодежь-то глупѣетъ, и нашъ учитель, талантъ, который бы одинъ разбудилъ и расшевелилъ всѣхъ, гниетъ въ рудникахъ... Но на этотъ разъ можно надѣяться: дѣло идетъ давно, и до сихъ поръ никто нигдѣ еще не прорвался, а во главѣ управляютъ дѣломъ вѣрные, надежные люди, знатоки своего дѣла... Дѣйствовать начнутъ быстро, потому что теперь самое удачное время: вся царская дворня въ разъѣздѣ по дачамъ, по купальнямъ, по охотамъ, безъ большого надзора, такъ что захватить кого-нибудь будетъ легко... А скрыть? скрыть еще проще: черезъ Россію провезутъ въ закрытой каретѣ, черезъ границу перескачутъ на верховыхъ лошадахъ... У насъ есть люди и на границахъ... А то еще проще: въ Финляндіи можно посадить на маленькую лодочку и довести до большого судна... не пароходъ, а просто на парусное: на пароходѣ дорого, парохода нельзя достать. Если трудно или опасно провозить Россіей, тамъ оставляютъ; есть мѣста такія... Мало ли у насъ тамъ раскольничьихъ скитовъ въ лѣсахъ, подъ землей! Да обо всемъ этомъ обсудить подробно комитетъ въ Питерѣ. Въ комитетѣ будутъ нѣсколько самыхъ главныхъ дѣятелей; они соберутся гдѣ-нибудь на гуляньѣ, въ гостиницѣ, въ трактирѣ, все равно, подъ видомъ попойки... Это нужно для того, чтобы провести шпионовъ: пьянство у насъ, вѣдь, не запрещается, а поощряется. Они рѣшатъ тамъ все, кого, какъ, гдѣ и когда слѣдуетъ ловить, и назначать роли для каждого изъ второстепенныхъ... Комитетъ соберется какъ разъ въ то время, когда

¹⁾ «Я всегда говорилъ Элпидину „вы“, онъ мнѣ—также, но по временамъ, когда онъ увлекался, то говорилъ иногда „ты“». *И. Р.*

вы еще намѣрены пробывать въ Спб. Вы прїѣдете туда 17 или 18 июня... Смотрите, сейчасъ же написать мнѣ! Адресъ вашъ, гдѣ васъ искать, и больше ничего. Если успѣю, передамъ въ комитетъ; если не успѣю, то имя ваше будетъ въ списокѣ и васъ спросятъ тамъ, гдѣ вы сказали (т.-е. въ канцеляріи мир. судьи 5 уч. или въ Александровкѣ у Ляпунова). Только вы непременно оставьте тамъ записку или хорошенько накажите на словахъ часъ и мѣсто, гдѣ васъ найти. Васъ узнають по бѣлому пальто, по диковинной шляпѣ и по карточкѣ, которую я передамъ въ комитетъ (карточку эту Элпидинъ сначала просилъ у меня, а потомъ укралъ потихоньку изъ моей шкатулки, сказавъ послѣ, что это нужно ему). Да, можетъ быть, вы встрѣтитесь съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ, а если пошлютъ незнакомаго, то лозунгомъ будетъ слово «воля», сказанное съ особеннымъ удареніемъ... Для вѣрности вы получите записку моей руки съ моею печатью... вы знаете, и съ надписью: «отъ тирана къ нигилисту»... Всѣмъ дѣятелямъ будутъ наложены клейма особымъ составомъ, которые выступятъ наружу, когда согнешь руку вотъ такъ (указавъ), кровяными литерами «Д. и Ч.» Первое означаетъ дѣятель, послѣднее—имя Чернышевскаго. Но я думаю, что эту систему отмѣнять, потому, въ самомъ дѣлѣ, какъ яопалъ человѣкъ съ такимъ клеймомъ, такъ и пропаль... По нашимъ расчетамъ, комитетъ соберется въ послѣднихъ числахъ іюня, послѣ 25 и раньше 1-го по русскому счету. Около этого времени спросятъ и васъ по вашимъ адресамъ и когда вамъ предъявятъ доказательства, то ужъ забудьте, что вы человѣкъ, что у васъ и мозги и еще что-нибудь въ головѣ и въ тѣлѣ,—дѣйствуйте, какъ безмолвная, немслящая машина... Ни разсуждать, ни отступить тогда уже нельзя будетъ и за каждую попытку измѣнить или навредить васъ положить на мѣстѣ. Но не бойтесь! Васъ не пошлютъ за границу или вглубь Россіи: я противъ васъ выставилъ отмѣтку: «для Спб. и Новгорода съ окрестностями». Если васъ, шаче чаянія, заберутъ за это паскудное письмо отъ вашего бывшего наставника-дурака, то очень жаль,—лишній вѣрный человѣкъ пропаль... Но я не думаю, чтобы забрали, потому я получилъ извѣстіе, что въ большемъ списокѣ васъ нѣтъ, а въ маленькій вы не могли попасть: рыломъ не вышли. Да и заберутъ, такъ сейчасъ же выпустятъ: вы, разумѣется, во всемъ запретесь; увидятъ, что человѣкъ не изъ бойкихъ, да и прогонятъ шемелой».

Принимали ли въ этомъ заговорѣ участіе Жемановъ и Николадзе, Розановъ не зналъ. Въ Лозаннѣ останавливался у Жеманова на ночь. Позже Розановъ добавилъ, что Жемановъ объявилъ ему о своемъ намѣреніи съѣздить въ Женеву, куда прибылъ ка-

кой-то нѣмецъ изъ Сибири и привезъ словесные инструкціи и письмо отъ Чернышевскаго ¹⁾).

Запрошенный III Отдѣленіемъ, комендантъ Нерчинскихъ заводовъ полк. Кноблохъ не отвергалъ вполнѣ факта возможности Чернышевскому имѣть сношенія съ преступниками изъ иностранныхъ поданныхъ, съ нѣкоторыми изъ которыхъ онъ содержался, но предположеніе о передачѣ письма врядъ ли правдоподобно, потому что послѣ освобожденія отъ каторжныхъ работъ каждый осматривается «довольно строго», а въ случаѣ подозрѣнія—еще и по дорогѣ. Вся жизнь Ч. «отличается крайнею осторожностью». Во время проживанія на частной квартирѣ противъ дома коменданта онъ почти никуда не отлучался, никого къ себѣ не принималъ и «видимо чуждался какъ политическихъ, такъ и государственныхъ преступниковъ». «Подобное поведеніе, какъ можно думать, вызывается у Ч. надеждой, что высоч. дарованные 28 ок-

¹⁾ 23 октября 1867 г. Жемановъ обратился изъ Женевы съ письмомъ къ шефу жандармовъ, прося представить государю приложенное прошеніе о разрѣшеніи ему воспользоваться, наравнѣ съ его товарищами, уже воспользовавшимися, высоч. повелѣніемъ 17 мая 1867 г., даннымъ на имя шефа въ Вержоловѣ о прекращеніи судебного и слѣдственнаго преслѣдованія тѣхъ изъ политическихъ преступниковъ, дѣла которыхъ находились еще нерѣшенными; въ сущности, онъ просилъ дать ему право свободного возвращенія въ Россію и слушанія курса техническихъ наукъ по инженерному отдѣлу въ Цюрихскомъ или Парижскомъ политехническомъ институтѣ. Такъ какъ повелѣніе 17 мая касалось прекращенія дѣлъ о мятежникахъ въ Западномъ краѣ, сенатъ испросилъ дарованія этой же милости и всѣмъ участникамъ казанскаго дѣла, вслѣдствіе чего всѣ заключенные въ мѣстной тюрьмѣ были освобождены. Манифестъ 28 октября 1866 г. и повелѣніе 17 мая 1867 г., по рѣшенію комитета министровъ, однако, не распространялись на лицъ, принимавшихъ участіе въ мятежѣ и бѣжавшихъ затѣмъ за границу Резолюціи царя 23 апрѣля 1868 г.—«по временити» (Архивъ III Отд. с. е. и. в. канц. 1 эксп. 1863 г. дѣло № 23, ч. 85). Приведу еще свѣдѣнія о Жемановѣ изъ десятой главы „Исторіи соц.-революц. движенія“: „Въ Швейцаріи, Женевѣ и Цюрихѣ онъ участвовалъ въ общей дѣятельности эмиграціи, былъ въ засѣданіи русскихъ эмигрантовъ 7 мая 1870 г., вербовалъ пріѣзжихъ русскихъ въ лагерь социалистовъ, написалъ поэму „Стенька Разинъ“, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Утинымъ, обѣщалъ 2000 руб. за убійство русскихъ агентовъ и пр. Позднѣе прибылъ (въ ноябрѣ 1880 г.) въ Парижъ и въ 1881 г. проживалъ тамъ, работая въ типографіи Поля Дюпона подъ именемъ Эллинова, участвуя также лично въ органѣ Рошфора «L'Intransigeant». Кромѣ того, были получены свѣдѣнія, что въ означенное время Жемановъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ мѣстными представителями русской социальнo-революціонной эмиграціи и принималъ участіе въ изготовленіи возмутительныхъ прокламацій, предназначавшихся къ отправленію въ Россію“.

тября 1866 г. милости будутъ распространены и на госуд. преступниковъ, вслѣдствіе чего, срокъ нахождения ему въ работахъ долженъ окончиться въ самомъ непродолжительномъ времени. При мысли о переходѣ на поселеніе Ч. неоднократно обнаруживалъ самую непритворную радость». Вслѣдствіе всего этого, врядъ ли онъ будетъ рисковать участіемъ въ новомъ преступленіи.

Въ Берлинѣ въ какой-то гостиницѣ Розанову дали въ сдачу фальшивый билетъ.

На слѣдующій день, 27 іюня, онъ добавилъ, что въ Женевѣ встрѣтилъ Щербакова, жившаго въ Бернѣ и бывшаго въ перепискѣ съ Элпидинымъ. Николадзе называлъ умнымъ **человѣкомъ** Чернявскаго, автора драмы «Гражданскій бракъ» и редактора «Петерб. Листка».

Изъ позднѣйшей справки III Отдѣленія видно, что Николай Николадзе, замѣшанный въ университетскихъ безпорядкахъ 1861 г., въ іюлѣ 1864 г. выѣхалъ за границу для лѣченія. Упоминавшаяся позже Марія Григорьевна Пейкеръ, урожд. Лошкарева, проживала въ Вевѣ съ 18-лѣтнею дочерью и извѣстна, какъ эмансипированная и гуманно либеральная женщина.

Элпидинъ выучился въ женевской типографіи Пуки и Пфелера типографскому дѣлу, прибрѣлъ русскій шрифтъ и открылъ небольшую свою типографію, въ которой вмѣстѣ съ Мечниковымъ, Николадзе и Ивановскимъ печаталъ впервые «разные пасквили, грязнаго содержанія брошюрки, а затѣмъ революціоннаго направленія листки «Подпольное Слово» и «Современность»; изданіе послѣдняго взялъ на себя потомъ Николадзе, переѣхавшій вскорѣ послѣ того въ Цюрихъ. «Элпидинъ ярый нигилистъ-коммунистъ, для него нѣтъ ничего святого. Съ Герценомъ, Огаревымъ и ихъ компаніей онъ не имѣетъ ничего общаго, и эти господа не хотятъ съ нимъ быть знакомы. Недавно (справка отъ ноября 1868 г.) Э. пытался записаться въ граждане г. Женевы и для этой цѣли онъ долженъ былъ представить 7 чел. свидѣтелей. Онъ набралъ все поляковъ, которые и явились съ нимъ въ ратушу, объявивъ, что Э.—полякъ, но польскій эмигрантъ Ченсновичъ, постоянно враждующій съ Э., явился къ мѣстному начальству съ доносомъ, что онъ вовсе не полякъ, а русскій, и притомъ человѣкъ вредный, и это побудило мѣстные власти приостановить приписку Э. въ число гражданъ г. Женевы». Николадзе, «слыветъ за человѣка умнаго и дѣльнаго, способнаго, какъ отзываются его друзья, провести наше правительство». Ему принадлежитъ брошюра «Никифора Г.»: «Правительство и молодое поколѣніе» по поводу выстрѣла 4 апрѣля 1866 г. Утинъ, живя въ Женевѣ съ женою,

«пользовался тамъ любовью и уваженіемъ и политическими дѣлами, повидимому, мало занимался. У него устраивались обыкновенно концерты, которые привлекали много слушателей». Весною 1868 г. онъ переѣхалъ въ Вѣну, лѣто провелъ въ Карлсбадѣ и осенью вернулся въ Женеву, гдѣ сошелся съ Бакунинымъ. Александръ Серно-Соловьевичъ выѣхалъ въ Парижъ. «Такъ какъ у него были достаточные средства къ жизни, то онъ постоянно былъ осаждаемъ разными личностями, выманивавшими у него деньги. Обозлившись на всѣхъ и на все, его окружавшее, онъ покинулъ Женеву. Впрочемъ, его всегда считали немного помѣшаннымъ».

Павель Ивановичъ Якобій окончилъ Михайловское артил. училище въ началѣ 60-хъ годовъ и уѣхалъ за границу. Курсъ медицины окончилъ въ Вюрцбургѣ; имѣлъ въ Ментонѣ порядочную практику, благодаря покровительству лейбъ-медика Байкина.

Въ № «Спб. Вѣд.» отъ 12 августа 1868 г. онъ помѣстилъ слѣдующее объявленіе: «Д-ръ мед. г. Якобій, русскій; переселяясь на жительство въ Сѣв. Италію, желаетъ взять на воспитаніе одного или двухъ дѣтей не моложе 8 лѣтъ, преимущественно больныхъ и вообще требующихъ лѣченія и медицинскаго ухода. Дѣти будутъ имѣть всѣ нужные уроки и могутъ быть приготовляемы въ высшія русскія или иностранныя учеб. заведенія».

Якобій былъ женатъ на Голицыной (урожд. Зайцевой, сестрѣ Варфоломея); въ надеждѣ исправить ея слабое здоровье, хотѣлъ ѣхать въ Константинополь, но потомъ отправился въ Сѣв. Италію, гдѣ поступилъ въ лѣчебницу умалишенныхъ. Въ январѣ 1867 г. онъ присутствовалъ на собраніи поляковъ въ Женевѣ, праздновавшихъ память послѣдняго мятежа. «Пользуясь неурядицей, возникшей между различными партіями польской эмиграции, Якобій составилъ вмѣстѣ съ Ченсновичемъ особую партію, которая поставила себѣ задачею дѣйствовать противъ Герцена, Долгорукова и даже противъ поляковъ».

28 іюня гр. Шуваловъ приказалъ Розанову извѣстить о своемъ приѣздѣ Элпидина и указать ему условленный адресъ, вызвавъ его этимъ на переписку...

Розановъ написалъ два письма; первое, довольно неумѣло и глупо спровоцированное, осталось въ «дѣлѣ», второе было послано по назначенію 2 іюля. Вотъ его текстъ:

«Къ Тирану. Послѣ разнообразныхъ приключеній, послѣ двухдневной остановки въ Германіи, гдѣ я ожидалъ мой чемоданъ, забытый въ Базелѣ, я, наконецъ, добрался до Петербурга, гдѣ и намѣренъ пробыть долгонько. Хотя здоровье мое остается

въ томъ же положеніи, но ѣхать въ деревню, какъ предполагалъ раньшее, я уже раздумалъ. Если вы желаете что-нибудь сообщить мнѣ, то вѣрнѣй всего можно писать прямо на мое имя по одному изъ адресовъ, которые вы записали въ своей памятной книжкѣ, именно чрезъ канцелярію мирового судьи; а на царско-сельскую станцію я уже не стану ѣздить. Кланяюсь вамъ и всѣмъ знакомымъ. *Нишлицъ».*

На конвертѣ было написано:

«A Genève, Croix d'or № 14, au premierà Madame Grange pour remettre à Mr Russe».

Розановъ писалъ въ тотъ же день генералу Мезенцову:

«Я написалъ такъ, какъ вамъ угодно было сказать. Вы совершенно правы: это письмо самое безопасное, какое только можно послать изъ III Отд., но я умываю руки. Чѣмъ болѣе я думаю объ этомъ средствѣ, тѣмъ болѣе оно мнѣ кажется *рискомъ, не обещающимъ никакой выгоды*. По одной своей обычной осторожности, Эллидинъ предпочтетъ извѣстить меня чрезъ своего стараго знакомаго тѣмъ путемъ, который уже имъ не однажды испытанъ; потомъ онъ слишкомъ мелочно подозрителенъ для того, чтобы пропустить безъ объясненія болѣе 10 дней моего молчанія; наконецъ, какъ ни осторожно это письмо, но, все-таки, оно будетъ для него фактомъ, что III Отд. ловитъ его, вызываетъ на переписку, и вся разница въ скандалѣ, могущемъ произойти, будетъ только та, что первое письмо было глупѣе, а послѣднее темнѣе, хитрѣе. Затѣмъ всѣ средства къ тому, чтобы добиться чего-нибудь отъ Эллидина посредствомъ моихъ писемъ, окажутся невозможными: онъ будетъ считать меня или измѣнщикомъ, или дрянью, неумѣвшимъ твердо выдержать пытки III Отд. Убѣждаю васъ прежде отправленія письма еще разъ подумать, стоитъ ли рисковать многимъ для того, чтобы не получить ничего. Не признаете ли вы возможнымъ употребить слѣдующее средство: выпустить меня, хотя временно, и затѣмъ тотчасъ же написать Эллидину, что я сидѣлъ въ III Отд. по поводу письма отъ Ляпунова, но по неимѣнію фактовъ и по моему упорному заперательству и т. д. меня выпустили; что арестъ еще болѣе укрѣпилъ меня въ моемъ намѣреніи дѣйствовать противъ правительства; что я съ нетерпѣніемъ жду минуты дѣйствія и т. д. Этимъ способомъ были бы, по моему мнѣнію, разсѣяны всѣ подозрѣнія какъ въ Эллидинѣ, такъ и въ остальныхъ; его отвѣтъ, такъ или иначе посланный, раскрылъ бы все, а арестъ лица, которое передало бы мнѣ отъ него извѣстіе, вмѣстѣ съ обыскомъ довершили бы успѣхъ дѣла. Таковое мое крайнее убѣжденіе, но вы, разумѣется, можете

думать и рѣшать по-своему; только умоляю васъ обдумать этотъ важный шагъ».

Почтамтская перлюстраціонная выдержала экзаменъ: 5 іюля она возвратила шефу жандармовъ отправленное письмо Розанова, какъ подозрительное... Немедленно было написано министру видѣль, чтобы письмо послали по назначенію.

Въ тотъ же день, 5 іюля, гр. Шуваловъ представилъ лирической всеподданнѣйшей докладъ, по всей вѣроятности, основанный на несохранившемся первомъ показаніи арестованного: «Дѣло Розанова, какъ показываетъ первоначальный разборъ бумагъ сего послѣдняго, представляется настолько важнымъ, что требуетъ, по крайней мѣрѣ, самаго тщательнаго разбора. Самого Розанова, сколько можно теперь судить о немъ, едва ли можно считать совершенно ничтожною личностью, подобною тѣмъ, которыя увлекаются, не думая ни о чемъ и которыя отрѣшаются отъ своихъ убѣжденій при первомъ случаѣ».

«Розановъ—сынъ солдата 5 зап. баталіона б. 1-го учебнаго карабинернаго полка и въ малолѣтствѣ лишился отца, послѣ чего и отданъ былъ на воспитаніе матери своей, которая обязана была жить съ нимъ въ г. Череповцѣ Новгородской губ., а по достиженіи имъ 14-лѣтняго возраста представить его въ неранжированный баталіонъ означеннаго полка. Въ маѣ 1858 г., когда Р было еще 12 лѣтъ, онъ уволенъ былъ, на основ. высоч. указа 25 декабря 1856 г., изъ военнаго званія и отданъ матери, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ приписанъ къ свободному податному сословію. Такимъ образомъ Р. попалъ въ общество мѣщанъ. Мать, какъ видно, заботилась о воспитаніи сына и потому отдала его въ уѣздное училище, но тамъ, какъ сознается самъ Р. въ своихъ замѣткахъ, онъ усвоилъ только пороки онанизма и потому безпрестанно подвергался наказаніямъ; но ничто его такъ не оскорбляло, какъ названіе его «кантонистомъ»,—названіе которое повторяли ему безпрестанно и учителя и товарищи. Случайнымъ образомъ ему попался въ руки документъ его; онъ увидѣлъ, что онъ дѣйствительно кантонистъ; любопытство подстрекало узнать, что такое «кантонистъ» и почему это слово считается браннымъ. Онъ рѣшился спросить о томъ мать, и простая женщина, со слезами на глазахъ отвѣчала: «худое это мѣсто; тамъ бьютъ и мучатъ маленькихъ кантонистовъ чужіе, злые солдаты». «Послѣ этой сцены, продолжаетъ въ своихъ запискахъ Р., у меня даже въ груди почувствовалась какая-то гадость, точно прилегло что-то къ легкимъ. Дома злая нищета, въ училищѣ злая обиды,—все это рано озлобило меня, заключаетъ онъ тамъ же, и положило вѣчную, кровавую печать».

«У Р. былъ дѣдъ, охотникъ до чтенія. Разъ какъ-то въ отсутствіе старика онъ успѣлъ прочесть тѣ книги, которые отъ него прятались; то были произведенія Дюма, Поль де-Кока и множество древнихъ забытыхъ авторовъ. Въ двѣ недѣли 11-лѣтній кантонистъ преобразился; новыя невѣдомыя мысли начали мучить голову: Результатъ былъ тотъ, что мальчикъ пристрастился къ чтенію. Добывалъ разными способами книги и свѣчи для чтенія; этимъ были довольны всѣ домашніе: и дѣдъ, охотникъ до чтенія, и сестры, которыя работали уже тяжелую сидячую работу. 12 лѣтъ Р. вышелъ изъ уѣзднаго училища и сразу же поступилъ въ земскій судъ, сначала бесплатно, пользуясь лишь 3-хъ копѣечными доходами за рукоприкладство. Съ того времени началась уже жизнь Р., и онъ, будучи еще ребенкомъ, помогаль уже семьѣ.

«Послѣ нѣсколькихъ переходовъ, Р. попалъ, наконецъ, въ письмоводители къ б. мир. судѣ 5 уч. Баумгартену, въ которомъ успѣлъ снискать полное довѣріе къ себѣ и дружеское расположеніе. Въ свою очередь, какъ видно изъ переписки, и Р. былъ совершенно откровененъ съ Баумгартеномъ. Въ письмѣ своемъ къ Р. отъ 1-го м. іюня г. Баумгартенъ, между прочимъ, выражается: «Надѣюсь, что ваша побѣдка отбила вамъ охоту уѣзжать ни съ того, ни съ сего in terras incognitas, для либеральничанія». Но убѣжденія Р. сложились ранѣе; въ бумагахъ его есть письмо какого-то пріятели его изъ Череповца отъ 14 октября 1866 г. Въ письмѣ этомъ другъ Розанова пишетъ, между прочимъ, ему: «..веди себя прилично, трезво и благопристойно, какъ физически, такъ и морально, а не проповѣдуй своихъ *сознательныхъ* убѣжденій—убѣжденій Каракозова...» Бывшій правитель канцеляріи новгородскаго губернатора Андогскій отъ 27 декабря (вѣроятно, 1867 г.) писалъ Р. за границу:... «Вы знаете, что ваши убѣжденія и взглядъ на жизнь не согласны съ убѣжденіями большинства и въ особенности противны религіи»... Тотъ же упоминаемый выше череповскій пріятель Р., въ письмѣ отъ 24 апрѣля с. г., рассказывая о прелестяхъ свободы американскаго гражданина въ сравненіи съ русскимъ и совѣтуя ему поскорѣе сдѣлаться гражданиномъ Соед. Штатовъ, заключаетъ свое наставленіе такою фразою: «Свобода! свобода! вотъ высшая поэзія, какою можетъ пользоваться, какую можетъ любить всѣмъ сердцемъ каждый изъ насъ dvoихъ».

«Р. не имѣетъ денегъ, по нѣсколькимъ суткамъ ничего почти не ѣсть, а между тѣмъ онъ записался за границую членомъ въ двѣ ассоціаціи: гимнастиковъ и международныхъ работниковъ, на что, по всей вѣроятности, нужны же были какія-ни-

будь средства. Р. говорить, что онъ поѣхалъ за границу лѣчиться, а между тѣмъ онъ прежде всего началъ слѣдить за движеніями рабочихъ въ Женевѣ; онъ восторгается «побѣдѣ труда надъ капиталомъ», собираетъ по этому предмету подробныя свѣдѣнія и пишетъ Ляпунову, что онъ много интереснаго привезетъ. Въ одной изъ книжекъ («Règlement de la Société de gymnastique») рукою Р. написано франц. стихотвореніе въ формѣ разговора государей разныхъ странъ со своими подданными. Русскіе, между прочимъ, упрекаютъ императора за то, что будто бы онъ не исполнилъ всего того, что обѣщалъ, и заключаютъ свой упрекъ обращеніями къ богу, чтобы онъ избавилъ ихъ отъ ихъ императора; а его величество отвѣчаетъ, что онъ пренебрегаетъ ихъ наставленіемъ, такъ какъ имѣетъ миллионъ фанатическихъ казаковъ, ружья и пушки.

«Уже однѣ эти данныя достаточно, кажется, доказываютъ, съ одной стороны, что Р.—не неумышленно впавшая въ проступокъ личность, а съ другой,—что и самая поѣздка его за границу не была дѣломъ случайности. Поэтому-то и казалось бы необходимымъ настоящее дѣло обслѣдовать со всею строгостью и въ какой-либо комиссіи; то въ особенности необходимо потому еще, что бумаги Р. по большей части писаны такъ, что требуютъ специальныхъ на то людей и лупу, безъ которой нѣкоторыя письма его не разберетъ никакой глазъ».

6 іюля, послѣ доклада, Шуваловъ помѣтилъ: «Высочайше повелѣно передать дѣло въ выс. утвержд. ком., подѣ предсѣдательствомъ г.-ад. Ланского».

Розановъ былъ переведенъ въ военный госпиталь, а въ іюль возвращенъ въ III Отдѣленіе; въ концѣ августа комиссія Ланского нашла возможнымъ освободить его отъ ареста съ тѣмъ, чтобы до окончанія слѣдствія за нимъ былъ учрежденъ строгій полицейскій надзоръ съ отобраніемъ подписки о невыѣздѣ изъ Спб. На бумагѣ Ланского, изложившаго III Отдѣленію всѣ уже извѣстныя послѣднему показанія Розанова о бесѣдѣ съ Элпидинымъ, Мезенцовъ написалъ: «Дѣйствительно, трудно что-нибудь сдѣлать. Розановъ все домогался освобожденія; не въ видахъ ли скорѣйшаго достиженія цѣли онъ вывелъ всю эту мистификацію, въ которой, конечно, онъ одинъ только и можетъ дѣйствовать?». Въ концѣ концовъ, въ январѣ 1869 г. рѣшено было выслать Розанова на родину по этапу; на его просьбу остаться въ Спб. на двѣ недѣли и выѣхать на свой счетъ комиссія и III Отдѣленіе не возражали (архивъ III Отд. с. е. и. в. канц. Эксп. 1868 г., дѣло № 161, ч. 1 и 2).

Я думаю, что выставленный сразу въ Ковно доносъ на Эллидина, какъ тайна, былъ ловкимъ шагомъ смѣтливаго Розанова, предполагавшаго, что его арестовали вовсе не за фальшивый кредитный билетъ, какъ было на самомъ дѣлѣ. Онъ рѣшилъ предать всѣхъ, лишь бы высвободиться, и, на допредполагать, въ его показанiяхъ много правды. Эллидинъ нарисованъ, какъ живой, онъ именно такъ и велъ свою «революционную» работу.

13 iюля иркутскому воен. ген.-губернатору К. Н. Шелашникову была дана гр. Шуваловымъ шифрованная телеграмма: «Цѣль эмиграціи высвободить Чернышевскаго. Прошу принять всевозможныя мѣры относительно его».

3303. Письмо къ Н. П. Огареву.

17 (мая 1868), воскресенье, afternoon 1).

Досадно, что Чернецкій помѣшалъ армяшкѣ 2) высказаться. Жду съ нетерпѣніемъ, но они теперь сглядятъ его *aspérité* 3). Честь инициативы будетъ принадлежать имъ. Я радъ и всегда готовъ съ милосердіемъ за зубъ вышибить два. Пока эта сыпь, этотъ саръ не сойдетъ съ Россіи, ничего не будетъ. Теперь и мой «Базаровъ» пойдетъ въ ходъ Экая досада, что имъ помѣшали.

Къ чему печатать письмо Шувалова и Вольтера? *Cui prodest?* 4) Развѣ, Фрерону, заклятому врагу Вольтера, надъ которымъ ты поставилъ вопросительный знакъ. Этимъ путемъ не попадешь въ дѣвство на Сенъ...

18, понедѣльникъ.

Письмо Коста d-г получилъ. Экъ, онъ за Робеспьера меня, расчелъ, а, все же, милѣйшій изъ докторовъ Монпелье. Что Свириловъ тамъ или нѣтъ? И—прошай.

Черныш. 2-ой томъ одолѣлъ (кромѣ диссертациі). Одна первая статья хороша, да и то вздоръ о наукѣ, какъ о дойной коровѣ. Корова доитъ, но помимо еще она корова *an sich*. Вѣдь, это скудный утилитаризмъ. Остальное плохо.

1) Пополудни.

2) Николадзе.

3) Рѣзкость.

4) Кому впрокъ?

Пишу въ маленькомъ кабацкѣ на Corso въ $\frac{1}{2}$ 7 утра. Въ 5 я отправился въ шато (т.-е. на кладбище). Что это за чудо—и море, и деревья, но теперь жаръ солнца такъ великъ, что итти невозможно, и я ѣмъ холодную телятину. Вотъ послѣд. новость.

3304. L'article de M. Charles Mazade.

La Revue des Deux-Mondes donne (1-er avril 1868) un nouvel article sur la Russie sous l'empereur Alexandre II, écrit par la plume habile de M. Mazade. Nous avons dit dans notre première feuille de cette année que nous n'avons jamais confondu les articles de M. Mazade, sur la Russie, avec la généralité des diatribes, contre elle, qui étonnent par l'étendue de leur ignorance du sujet et la petitesse de l'entendement. M. Mazade a des sources évidemment authentiques, est bien informé, il n'a pas de parti pris d'avance.

Ses articles—et le dernier, plus que les autres, ne vont pas au delà du monde politique et économique, au delà des sphères officielles et de l'opinion publique telle qu'elle se fait jour dans les assemblées provinciales et dans les journaux plus ou moins officieux.

Les pages intéressantes de M. Mazade nous font penser aux travaux importants du Dr Rayer sur les maladies cutanées. M. Mazade, lui aussi, ne va pas au delà de l'épiderme; mais, décrivant parfaitement les éruptions et les ulcères qui le couvrent, il nous fait involontairement penser aux agents intérieurs qui travaillent avec une telle violence ce sang, fiévreux maintenant, et si tranquille il y a vingt ans.

M. Mazade, comme la sainte reine de Hongrie, ne recule devant aucune de ces pustules putrides, de ces tumeurs hideuses qui se forment et se développent avec une telle richesse et un tel luxe sur l'écorce de l'Empire entre Kurakosoff et Berézovsky (seul temps qu'a pris l'auteur).

Il décrit avec courage et exactitude les furoncles, comme Valouieff, et les cancers béants, comme Katkoff. Il les agrandit et beaucoup—mais c'est pour mieux faire saisir leur portée.

Dès son premier article, l'auteur a très-bien compris que la débâcle avait commencé, qu'un ferment travaillait l'intérieur de l'Empire. Sans aller prendre le sang des veines pour l'analyser, il le constate dans les manifestations extérieures. Il ne se hasarde pas à plonger dans les abîmes sombres et inconnus d'une embryogénie difficile et douloureuse, qui cherche elle-même à sortir de son état informe, tantôt par un coup de pistolet, tantôt par un patriotisme frénétique, tantôt par une négation absolue, à côté d'une idolâtrie réchauffée. M. Ma-

zade ne fait que constater le mouvement, l'agitation, l'équilibre rompu, le pouls accéléré. Il montre plastiquement la quantité de matière en putréfaction que le torrent remue et porte à la surface.

Ce n'est pas cela que nous lui reprocherons, nous avons assez longtemps pataugé dans ces beaux marais nous-mêmes. Nous aurons un tout autre grief. Pourquoi, avec son talent et son intelligence, accepte-t-il les opinions toutes faites des hommes hostiles au mouvement russe et surtout des *esclavagistes*? Comment peut-il penser, par exemple, que les assemblées provinciales soient passées de mode et la réforme judiciaire avortée et illusoire? Sommes nous donc si loin de 1861, de l'année de l'émancipation des paysans? La France tend, non depuis six ans, mais bien depuis soixante et dix pour arriver à son programme de 1789—sans succès—et pourtant on prétend que son état actuel n'est qu'une migraine passagère du grand peuple.

La famine qui désole une vingtaine de gouvernements du nord de la Russie est un immense malheur et un grand acte d'accusation contre un gouvernement qui s'occupe de tout, des coiffures des demoiselles et de leurs lunettes bleues, des enseignes des boutiques et des boutons d'uniformes, et qui ne sait *ni prévoir, ni savoir, ni aider* ¹⁾. Mais faire peser une partie de la responsabilité sur le compte de l'émancipation des paysans est injuste. Nous connaissons trop bien de quel camp viennent ces flèches blasonnées. «Il y avait *autrefois* des approvisionnements que les propriétaires (c'est-à-dire les seigneurs) étaient chargés d'entretenir; ces dépôts n'existent plus depuis que les paysans, comme citoyens de la commune, ont à s'en occuper». Les neuf dixièmes de ces fameux magasins de réserve ou de provision n'existaient pas, ou, s'ils existaient, ils étaient vides. De temps en temps le gouvernement local envoyait un pauvre diable de *stanovoï* faire le relevé. Le *starosta* du village ou l'intendant lui montrait, *par écrit*, la quantité du blé; s'il voulait pousser plus loin et en constater la réalité, on le chassait, si le seigneur était haut placé et très-riche; dans le cas contraire, on lui donnait quelques roubles avec force *pommes de terre, avoine, blé*; il acceptait cette preuve manifeste de l'abondance et s'en allait après s'être grisé avec le *starosta*.

¹⁾ «Et ce qu'il y a de plus étrange, dit M. Mazade d'après la *Correspondance du Nord-Est*—c'est que le gouvernement est resté, jusqu'au dernier moment, dans une complète ignorance de cette situation. *C'est le consul anglais, à Arkangel, qui a donné le premier signal de détresse, et c'est, à ce qu'il paraît, par l'ambassade britannique à Saint-Petersbourg que le gouvernement russe a appris cette effroyable détresse.* *Revue des Deux-Mondes.*—1-er avril, page 756. A. H.

Et comment faisaient donc les paysans *de la couronne*, qui avaient quelquefois des magasins, mais jamais de seigneurs?

Est-ce que M. Mazade pense que la famine est une nouveauté en Russie? Chaque génération en a éprouvé une ou deux, au Nord ou au Midi, vers l'Asie ou vers l'Europe. Que faisaient donc les seigneurs avec leurs magasins et leurs provisions? Nous ne connaissons qu'un cas notable. C'était en 1821: quelques Décembristes se trouvant, par hasard, dans le gouvernement de Smolensk, lors d'une famine, donnèrent tant et remuèrent tant la société, que les paysans ont été réellement soulagés. C'était si étonnant, si exorbitant, que l'empereur Alexandre 1-er, voulant faire comprendre au prince Pierre Volkonsky la grande puissance de la société secrète, qu'il commençait alors à flairer et à craindre, lui dit: «Tu n'as pas d'idée ce que sont ces gens; figure toi, ils ont nourri, pendant la famine, des districts entiers du gouvernement de Smolensk».

«L'émancipation est assurément un bienfait, seulement elle a commencé par une immense diminution du travail et un développement outré de l'ivrognerie».

Ah! qu'à ce langage nous reconnaissons bien nos vieux amis, les aimables «boyards», sablant le champagne, dissipant leur fortune, passant les nuits aux cartes et les jours à ne rien faire... Que le bon Dieu préserve M. Mazade de la voix de ces sirènes à barbe grise!

Leurs cris déchirants et plaintifs sont sincères, ils ont aussi faim. Pauvres gens, habitués dès l'âge le plus tendre à l'anthropophagie tempérée qu'ils exerçaient tout patriarcalement, tout doucement; ils ne peuvent se retrouver dans la nouvelle situation, et tendent par tous les moyens à ressusciter le temps heureux pendant lequel le paysan buvait moins et le seigneur dix fois plus.

Переводъ.

Статья Шарля Мазата.

«La Revue des Deux-Mondes» напечатало (1-го апрѣля 1868) новую статью о Россіи въ царствованіе Александра II, написанную искуснымъ перомъ г. Мазата. Мы сказали въ первомъ номерѣ нашей газеты текущаго года, что никогда не смѣшивали статей г. Мазата о Россіи съ обычными нападками на нее, которыя поражаютъ размѣрами незнакомства съ предметомъ, о которомъ толкуютъ, и ограниченностью разумѣнія. Г. Мазадъ владѣеть, очевидно, подлинными источниками, онъ хорошо освѣдомленъ, у него нѣтъ предвзятой точки зрѣнія.

Его статьи, и послѣдняя особенно, не идутъ дальше политическаго и административнаго міра, дальше официальныхъ сферъ и общественнаго мнѣнія, какъ оно объясняется на губернскихъ собраніяхъ и въ болѣе или менѣе официозныхъ газетахъ.

Интересныя страницы г. Мазада напоминаютъ намъ научныя изслѣдованія д-ра Рейера о накожныхъ болѣзняхъ. Г. Мазадъ тоже не идетъ глубже эпидермиса ¹⁾; но, превосходно описывая покрывающія его сыпи и язвы, онъ невольно заставляетъ насъ думать о внутреннихъ силахъ, такъ сильно волнующихъ эту, нынѣ лихорадящую, а двадцать лѣтъ тому назадъ столь спокойную кровь.

Г. Мазадъ, какъ святая королева Венгріи ²⁾, не отступаетъ передъ этими гнойными нарывами, передъ этими отвратительными опухолями, которыя образовались и развились съ такимъ богатствомъ и роскошью на поверхности имперіи въ промежутокъ между Каракозовымъ и Березовскимъ (только это время и беретъ авторъ).

Онъ смѣло и отчетливо описываетъ такіе вереда, какъ Валувъ, и такія зіяющія язвы, какъ Катковъ. Онъ преувеличиваетъ ихъ, и даже очень, но для того, чтобы дать лучшее представленіе объ ихъ значеніи.

Съ первой своей статьи авторъ прекрасно понялъ, что начался ледоходъ, что разлагающее бродило работаетъ внутри имперіи. Не беря крови для изслѣдованія, онъ устанавливаетъ это по внѣшнимъ проявленіямъ. Онъ не рѣшается окунуться въ мрачныя и невѣдомыя бездны тяжелаго и мучительнаго развитія зародыша, который самъ старается выйти изъ своего безформеннаго состоянія то пистолетнымъ выстрѣломъ, то бѣшенымъ патріотизмомъ, то абсолютнымъ отрицаніемъ рядомъ съ подогрѣтымъ идолопоклонствомъ. Г. Мазадъ только констатируетъ наличность движенія, агитаціи, нарушеннаго равновѣсія, ускореннаго пульса. Онъ ярко изображаетъ количество гніющей матеріи, которую потокъ ворочаетъ и несетъ на поверхность.

Не въ этомъ упрекаемъ мы его—мы сами досаточно долго шлепали по этимъ прекраснымъ болотамъ. Нашъ укоръ будетъ совѣмъ другой. Почему со своимъ талантомъ и вдумчивостью онъ принимаетъ готовыя мнѣнія людей, враждебныхъ русскому движенію и, особенно, *кряпостниковъ*? Какъ онъ можетъ думать, что, напр., губернскія собранія вышли изъ моды и что судебная реформа не удалась и призрачна? Развѣ мы такъ отдалены отъ

¹⁾ Верхній слой кожи.

²⁾ Маргарита, дочь короля Бѣлы IV.

1861 г., года освободенія крестьянъ? Франція стремится въ теченіе не шести, а семидесяти лѣтъ привести въ исполненіе программу 1789, и безуспѣшно, но, тѣмъ не менѣе, утверждаютъ, что современное ея состояніе есть только временная мигрень великаго народа.

Голодъ, который обездоливаетъ двадцать сѣверныхъ губерній Россіи—огромное несчастье и великій обвинительный актъ противъ правительства, которое занимается всѣмъ—прическами дѣвицъ и ихъ синими очками, лавочными вывѣсками и форменными пуговицами, но ничего не предвидитъ, ничего не знаетъ и ничему не умѣетъ помочь ¹⁾. Но возлагать часть отвѣтственности на освобожденіе крестьянъ несправедливо. Мы слишкомъ хорошо знаемъ откуда идутъ эти хулящія стрѣлы. «Прежде были запасы хлѣба которые хозяева (т.-е. помѣщики) обязаны были сохранять; такихъ складовъ больше *не существуетъ* съ тѣхъ поръ, какъ крестьяне, въ качествѣ гражданъ общины, должны заботиться объ этомъ сами». Девять десятыхъ этихъ запасныхъ или продовольственныхъ складовъ *не существовало или, если они и существовали, то были пусты. Отъ времени до времени мѣстные власти посылали несчастнаго становою* для ревизіи. *Староста* села или управляющій показывалъ ему, *на бумагу*, количество ржи; если онъ хотѣлъ пойти дальше и убѣдиться въ наличности таковой, его выгоняли, если хозяинъ былъ изъ высокопоставленныхъ и очень богатъ; въ противномъ случаѣ ему давали насильно нѣсколько рублей, картофеля, овса, ржи; онъ принималъ это явное доказательство изобилія и уходилъ, напившись предварительно со *старостою*.

А какъ дѣлали *государственные* крестьяне, у которыхъ иногда бывали склады, но никогда не было господъ?

Неужели г. Мазадъ думаетъ, что голодъ—новость въ Россіи? Каждое поколѣніе переживало его раза два, на сѣверѣ или югѣ, *вблизи Азии или вблизи Европы*. Что же дѣлали *господа со своими складами и запасами*? Мы знаемъ только одинъ достойный упоминанія случай. Это было въ 1821 г.; нѣсколько декабристовъ, находясь случайно въ Смоленской губерніи, гдѣ былъ голодъ, столько

¹⁾ «Страннѣ всего то, говоритъ г. Мазадъ, основываясь на корреспонденціи «Nord-Est'a», что правительство, до послѣдняго времени, оставалось въ полной неизвѣстности относительно этого положенія. *Англійскій консулъ* въ Архангельскѣ подалъ первый сигналъ о бѣдствіи, а британское посольство въ С.-Петербургѣ, повидимому, дало знать объ этомъ ужасномъ положеніи русскому правительству». «Revue des Deux-Mondes» 1 апр., стр. 756.

давали денегъ и такъ будоражили общество, что оказали дѣйствительную помощь крестьянамъ. Это было такъ удивительно, такъ чудовищно, что Александръ I, желая дать понять князю Петру Волконскому огромное могущество тайнаго общества, которое онъ чуялъ и котораго тогда начиналъ бояться, сказалъ ему: «Ты не имѣешь понятія объ этихъ людяхъ; представь себѣ, они кормили, во время голода, цѣлые уѣзды Смоленской губерніи».

«Освобожденіе, конечно,—благодѣяніе, но оно началось съ ужаснаго упадка труда и безграничнаго развитія пьянства».

Какъ хорошо мы узнаемъ, по этому языку, нашихъ старыхъ друзей, милыхъ «бояръ», поглощающихъ стаканами шампанское, проматывающихъ состоянія, проводящихъ ночи за картами, и дни—въ полномъ бездѣйствіи... Да сохранить богъ г. Мазада отъ голоса этихъ сиренъ съ сѣдыми бородами.

Ихъ раздирающіе, жалобные крики искренни, они тоже голодны. Бѣдные люди, они съ самаго нѣжнаго возраста привыкли къ умѣренному лѣдодѣству, которымъ занимались патриархально, потихоньку,—они не могутъ найтись въ новомъ своемъ положеніи и стараются всѣми средствами воскресить счастливыя времена, когда крестьянинъ пилъ меньше, а помѣщикъ—вдесятеро больше.

3305. Un nouveau journal russe, à Genève.

Nous avons reçu la feuille d'essai d'un nouveau journal russe. «*L'Actualité*» («*Современность*»), qu'une rédaction, qui ne s'est pas nommée, a l'intention de faire paraître. La tendance est tout à fait radicale et socialiste. Nous n'avons qu'à nous féliciter de l'apparition d'un nouvel organe du parti d'action en Russie. Cette division du travail sera très utile. Elle ôtera au *Kolokol* son caractère de monopole, que beaucoup de personnes lui prêtent, pour avoir une excuse de ne pas avoir publié leurs importants travaux. Nous nous réjouissons d'avance de pouvoir les étudier au grand jour.

Переводъ.

Новый русскій журналъ въ Женевѣ.

Мы получили пробный номеръ новаго русскаго журнала «*Современность*» («*L'Actualité*»), который будетъ издаваться подъ не назвавшей себя редакціей. Направленіе—вполнѣ радикальное и

соціалистическое. Намъ остается только привѣтствовать появленіе новаго органа дѣйствующей въ Россіи партіи. Это раздѣленіе труда будетъ очень полезно. Оно отниметъ у «Колокола» его монопольный характеръ, который многіе ему приписываютъ и который служитъ извиненіемъ въ томъ, что ихъ важныя работы не были напечатаны. Мы заранѣе радуемся, что сможемъ открыто изучать ихъ.¹

↔ 1. № 1 «Современности» вышелъ 20 апрѣля 1868 г. и отпечатанъ, какъ и № 2, въ типографіи Элпидина; № 2—въ маѣ 1868 г., № 3—въ іюнѣ 1868 г., № 4—1 августа 1868 г.; послѣдніе два нумера отпечатаны въ «Русской Типографіи»; каждый нумеръ въ 16 страницъ.

№ 231 «Спб. Вѣд.» 1868 г. М. Элпидинъ категорически отвергалъ свою прикосновенность къ этому журналу, кромѣ чисто типографской.

3306. L'éclipse de Budberg.

Budberg, disparaissant derrière la poussière d'une rixe et d'un duel dans le genre des étudiants de Dorpat, ne produira, nous en sommes sûrs, aucun sentiment pénible en Russie; d'autant plus qu'en plongeur consommé et aimé par la cour impériale, il nous arrivera à la surface, rafraîchi, bien lavé et guéri du froid qu'il a pris à Nice. Il était un bon Allemand; le meilleur c'était Brunoff; celui-là ne faisait rien, et c'est la chose la plus importante dans ces positions;—ne rien faire avec dignité—c'est la moitié de la besogne. Or, Budberg était un bon Allemand de la vieille *Staats-Schule* école de la diplomatie doctrinaire—immobile, avec l'apparence d'un mouvement accéléré, ciselant **des notes** filigranes, s'opposant à toute liberté par amour du progrès, et, **somme toute**, laissant aller le monde comme il va. Budberg était à Nesselrode ce que Nesselrode était à Metternich. Il n'a pas été supérieur à l'homme qu'il avait remplacé, au général Kisseleff (plaise à Dieu que vous ne le confondiez avec le Kisseleff Romain de Florence!)—mais il est décidément, et de beaucoup, inférieur à l'homme d'état qui est maintenant à la tête du ministère des affaires étrangères, place que le parti allemand convoite tant pour Budberg. Le seul défaut du vieux prince Gortschakoff, c'est qu'il a l'hyménomanie; cela n'empêche pas d'être ministre très-viril.

Un autre Allemand va représenter la Russie en France; nous sommes très-riches en barons baltiques. On dit qu'ils sont mécontents

(la chose n'est pas si absolument incompréhensible que leur contentement antérieur). Le gouvernement les tracasse, leur mord les mollets par Katkoff le bouledogue, et la meute (anonyme) du *Golos*. Les barons veulent devenir d'allemands-russes, allemands-prusses.

Pour ne pas perdre la Livonie, l'Esthonie, la Courlande, la moitié des généraux, les trois quarts des amis du Palais d'Hiver et tous les pharmaciens—ne vaudrait-il pas mieux, pour la Russie, de s'annexer franchement à Bismark?

Переводъ.

Исчезновеніе Будберга.

Исчезновеніе Будберга въ облакъ пыли, образовавшемся отъ драки и дуэли въ стилѣ дерптскихъ студентовъ, не вызоветъ, мы увѣрены, тяжелаго чувства въ Россіи; тѣмъ болѣе, что, какъ превосходный пловецъ и любимецъ императорскаго двора, онъ вынырнетъ на поверхность освѣженнымъ, хорошо вымытымъ и выздоровѣвшимъ отъ простуды, которую захватилъ въ Ниццѣ. Онъ былъ хорошимъ нѣмцемъ—самымъ лучшимъ былъ Брунновъ: онъ ничего не дѣлалъ, а это-самое важное въ подобномъ положеніи; ничего не дѣлать съ достоинствомъ, это — половина работы. Итакъ, Будбергъ былъ хорошимъ нѣмцемъ старой государственной школы, доктринерской школы дипломатовъ, недвижимыхъ, но дѣлающихъ видъ, будто они работаютъ ускореннымъ темпомъ, отчеканивая филигранныя ноты, противясь всякой свободѣ изъ любви къ прогрессу, а въ сущности предоставляющихъ міру итти такъ, какъ онъ идетъ. Будбергъ по отношенію къ Нессельроде былъ тѣмъ, чѣмъ Нессельроде былъ по отношенію къ Меттерниху. Онъ не былъ выше человѣка, котораго замѣстилъ,—генерала Киселева (ради бога, не смѣшивайте его съ Киселевымъ римскимъ, изъ Флоренціи); но онъ, несомнѣнно, гораздо ниже государственнаго человѣка, стоящаго теперь во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ—мѣста, котораго нѣмецкая партія такъ добивается для Будберга. Единственный недостатокъ стараго князя Горчакова—его гименоманія; но это не мѣшаетъ быть весьма мужественнымъ министромъ.

Другой нѣмецъ будетъ представителемъ Россіи во Франціи,—мы очень богаты балтійскими баронами. Говорятъ, они недовольны (это не такъ ужъ непонятно, какъ ихъ прежнее довольство). Правительство беспокоитъ ихъ, кусаетъ имъ икры посредствомъ бульдога-Каткова и анонимной своры изъ «Голоса». Бароны хотятъ сдѣлаться изъ русскихъ нѣмцевъ прусскими нѣмцами.

Чтобы не потерять Лифляндіи, Эстляндіи, Курляндіи, половины генераловъ, трехъ четвертей друзей Зимняго двorca и всѣхъ аптекарей, не было ли бы лучше для Россіи открыто присоединиться къ Бисмарку?

3307. Дуванъ.

Французскія газеты говорятъ, что Бергу варшавскому велѣно заготовить пятьсотъ паевъ земли въ Царствѣ Польскомъ, которые пойдутъ *на дуванъ* русскимъ генераламъ, отличившимся въ томъ краю. Приятно такому тароватому атаману и службу служить. Сдолѣли страну, ограбили, языкъ подрѣзали, имя отняли, — надобно же и подѣлиться, того честь и камрадство требуютъ. Только земли-то жаль. Выкупать ее надобно, крестьянамъ оставить, а не дуванить, не губить въ частное владѣніе. Ни Стенька Разинъ, ни Пугачевъ не дуванили земель; они, какъ русскіе; понимали, что земля завѣтная, что она народная. Ясно, что Пугачевъ не въ самомъ дѣлѣ былъ Петръ Алексѣевичъ и только надгаль на себя голштейнъ-готторпское происхожденіе.

3308. Письмо къ Н. П. Огареву.

20 мая (1868), среда.

Я посылаю первую часть «Якушкина» и часть «смѣси» Чернецкому. Лучше было бы тебѣ прочесть прежде набора. Главная небрежность въ томъ, что имена собственные не всѣ, т.-е. не всякій разъ, одинакимъ образомъ писаны и печатаны. Вторая часть готова. Но для Мечникова надобно больше мѣста. Если увидишь ~~его~~, то попроси, чтобъ онъ не забылъ *о рыбномъ промыслѣ* на Уралѣ изъ офицерской книги. За 500 экз. пусть онъ разсчитывается съ Чернецк., а я готовъ по его приказу Чернец. отдать деньги. Я считаю, что іюньскій листъ готовъ, пусть же Чернец. доставить *mise en page* не позже 10 іюня.

А мы посылали манускрипты, *какъ письма*, въ то время, какъ ихъ позволено посылать *sous bande*. О полученіи рукописи *премногу* прошу увѣдомить.

Жду вѣстей о прибытіи Перда Владиміровича ¹⁾.

¹⁾ Долгоруковъ.

Обрати особенное внимание на «*с. мтсь*», выбрось все, что не нравится, добавь все, что нравится, но не переписываясь объ этомъ и не совѣщаясь,—съ деспотизмомъ негуса Теодороса ¹⁾. А видѣлъ ли ты, какъ казнили японскаго полковника (невиноватаго), по требованію европейцевъ? Народъ ропталъ. А послѣ казни жепонской Шуваловъ подносилъ ко всѣмъ представителямъ западн. державъ голову на блюдѣ и спрашивалъ, кланяясь: «Довольны ли вы?».

«Колоколь» полученъ, но статьи польской еще не получилъ. Читалъ ты отвѣтъ Бамбергера? Министръ юстиціи сказалъ секретарю Бисмарка, Kende'ю, что никакого затрудненія нѣтъ, и что картеля насчетъ полит. преступл. вовсе нѣтъ (что я зналъ, впрочемъ). Ну, вотъ, дорога открыта. Бамбергеръ совѣтуетъ списать официально у посланника, сославшись на его письмо.

Вторую мазадницу (15 мая «R. des Deux - M.») читалъ? Начало недурно.

Мерчинскому 1 + 1 + 1 + 1 + 1 + 1 + 1 + 1 + 1 благодарности.

3309. Письмо къ Н. П. Огареву.

23 мая (1868), суббота.

Вѣроятно, ты учиталъ статью Шенковича ²⁾. Я удивился, послѣ нашихъ поросятъ, ея учтивости, хотя она и дерзка. Отвѣчать нечего—для нихъ существуютъ только личные вопросы.—поэтому Шенковичъ и удивляется, чѣмъ я обидѣлся, а то, что у меня на душѣ было сказать, въ какомъ *мы отношеніи были* къ польскому вопросу, объ этомъ онъ и не помянулъ. Досадно, что онъ выѣхалъ на Бакунинѣ, хотя и это межеваніе черезполосицы было необходимо. Ему ³⁾ хочется мнѣ за то (не безъ вашего архипастырскаго благословенія) поднести конфектъ: я желалъ бы перепечатать ^{3/4} его статьи въ «La Démocratie» съ пріятною introduction). Вѣроятно, мѣсто найдется, да и можно пробратъ бревьеромъ ⁴⁾.

¹⁾ Абиссинскій негусъ Теодоръ II (1818—1867) былъ извѣстенъ своей жестокостью.

²⁾ Передѣлка фамиліи Ченсновича.

³⁾ Бакунину.

⁴⁾ Мелкій шрифтъ.

Коррект. «Полярн. Звѣзды» я еще не получалъ. А «Якушкина» третьяго дня рукопись отправилъ,—жду вѣсти о полученіи.

Здѣсь до такой степени хорошо, несмотря на такой жаръ (одна Лиза посягаетъ днемъ выходить), что слѣдовало бы не очень торопиться въ разные Кольмары. Но пусть идетъ, какъ идетъ.

Плетн. не забыли, какъ вы супонуете, по поводу старика въ «Колок.»,—*а вспомнили* и оставили для наказанія «Каторжныхъ и бѣглыхъ изъ Сибири», а несчастный богословъ именно въ *этомъ* положеніи и былъ.

 Если у тебя малѣйшій скрупулъ насчетъ бакуніады, то оставь и не печатай.

Мысль-св?

Можно написать рядъ драматическихъ сценъ, начинающихся въ Парижѣ 1814 году и кончающихся въ Петербургѣ въ 1826 на гласисѣ крѣпости. Гдѣ надобно стихнуть—стихни, гдѣ надобно прозвѣстовать—постарайся. Кадры—кадры. Will you? ¹⁾ Да что же Устиновъ романъ Толстого—спроси Пана.

6 часовъ вечера.

Сейчасъ получилъ корректуру «Пол. Зв.» и письмо *св. Нич. Мв.* О какой статьѣ рѣчь? «Гранклемана», -- что это изъ Абиссиніи?

3310. Письмо къ Н. П. Огареву.

26 мая (1868), вторникъ, вечеръ.

Что за машину еще тебѣ надобно на ногу? Не понимаю. Кость предлагаетъ еще для тебя лѣкарство,—*посылаю*.

Изъ письма къ Тхор. ты увидишь, какъ Барановская виновата, что я ее не видалъ.

Если въ «Газетѣ Народовой» ²⁾ была «Леонтина», а не «Fleurs doubles», то слѣдуетъ сдѣлать слѣдствие: я рукописи *никому* не *навалъ*.

¹⁾ Угодно ли вамъ?

²⁾ «Gazeta Narodowa».

Въ слѣдующемъ письмѣ ты получишь премилый и похожій портретъ Лизы. Она много перемѣнилась, и ей слѣдуетъ воротиться въ теплый климатъ. Она полтора года, въ самомъ дѣлѣ, не была больна.

Ѣдемъ мы 2-го, но вѣроятно 3-го утромъ. Въ Лионѣ я остановлюсь на недѣлю. Вчера старикъ d-g Bernacki отправился во Флоренцію и прїѣдетъ назадъ въ субботу со свѣжими вѣстями отъ Таты. А Мейзенбургъ вдругъ прорвало ѣхать въ Крейцнахъ съ Ольгой отъ 15 іюня до августа. Стало, Татѣ во Флор. дѣлать будетъ нечего.

Читалъ ли ты «Летучіе листы», изд. въ Женевѣ? Мысли хороши, форма подлая и со всей торбой «ерунды» и прочихъ выраженій de ces messieurs. Кто это драчитъ?

Что за нелѣпость, что Бакунинъ заводитъ станокъ? Или деньги откуда-нибудь свалились? да и въ такомъ случаѣ безобразно: за что же онъ подрываетъ Чернецкаго?

Вотъ и твое письмо. Чернец. брани и ругай. Съ молоканомъ безобразіе, съ коррес.—два. Что за мерзость такая!

Совѣтую послѣ 31 мая писать (если не будетъ contre-ordr'a) въ Лионъ: Lyon, poste-restante.

Я пришлю тебѣ 500 іюньскихъ, 100 туцовскихъ и про запасъ Тхорж., 400 для Маіора.

Деньги Сат. размѣнялъ, франк. 70 потери. Но было 10.320, стало, 70—20=50.

Затѣмъ счастливо оставаться.

Неужели Бакун. ни слова не говорилъ о моей статьѣ Мѣросл.? Насчетъ типографіи напиши ему. ¹

♦♦ 1. 14 іюня Бакунинъ писалъ Огареву: «Я радъ, что мой отпоръ противъ генерала вамъ понравился. А такъ какъ Герценъ—хорошій судья, то, вслѣдствіе его поощренія, я рѣшился напечатать памфлетъ въ 1000 экз.» («Письма», 215). Дѣйствительно, была выпущена брошюра: «Un dernier mot sur M. L. Mieroslawski», Geneva, 1868.

3311. Письмо къ сыну.

27 мая (1868), среда.

Вчера поѣхалъ къ вамъ Бернацкій на два дня; надѣюсь, что вы его приняли хорошо. Вчера же я послалъ на твое имя черезъ

«Compagnie Lyonnaise des chemins de fer de Paris à Lyon et à la Méditerranée» 2,500 фр. въ счетъ общаго оклада въ 15,000. Ты тотчасъ меня извѣсти и напиши, чтѣ взяли. *Деньги французскимъ золотомъ*. Прежде было послано $9,600 + 2,500 = 12,100$. При этомъ помни, что 500 за фортеп. Когда узнаю, что съ Татой, тогда увидимъ, что еще прислать изъ остальныхъ 3,000. Далѣе: а) твои деньги 5,000 я записалъ полученными тобой изъ капитала, б) за тебя еще записаны 100—за Левье, Ог. за Туца 300 съ 1 янв. и взятые Rots. 100 фр., что составляетъ 500. Не допускай, чтобы Мальвида везла Ольгу на свой счетъ и, вообще, устройте поѣздку въ Крейцнахъ умно. Зачѣмъ ни ты, ни Тата не написали ни слова объ этомъ проектѣ?

Я ничего не имѣю противъ, но Ольгѣ будутъ большія искушенія въ Крейцахъ; это—притокъ русской празднои аристократіи и на одну Волод. тамъ она найдетъ сто и одну. Ты знаешь, что Мальв. съ открытыми глазами ничего не видитъ.

Отъ Таты жду письма. Она основательнѣе и глубже вась всѣхъ начинатъ ~~привыкать~~ жизнь. Я думаю, что къ концу Іюня надобно идъ-нибудь съѣхаться. Мы ѣдемъ 3 утромъ. Пиши: Lyon (я въ прош. письмѣ нап. Lion), post rest.

и затѣмъ будьте здоровы.

Съ величайшей жалостью оставляю я этотъ край, но весьма вѣроятно, что послѣ Kreislauff'a—выйдетъ на то же. Изъ Ahraca въ Prangins, изъ Prangins черезъ Симплонъ въ Лугано, Комо... и т. далѣе къ югу.

P. S. Татѣ ты выдай до 1 іюля ея 500 фр. и Ольгѣ 250, какъ было сказано, разумѣется, за вычетомъ того, что уже отдалъ.

3312. Письмо къ Н. П. Огареву.

28 мая (1868), четвергъ.

И 28...29...30° жары въ тѣни по стоградуснику, а, все-таки, мнѣ чѣмъ ближе отъѣздъ, тѣмъ больше кажется, что и тебя слѣдуетъ и всѣхъ перетасить въ эти благодатныя полосы. Долго здѣсь живши, трудно привыкнуть къ вашимъ Сибирямъ.

Я писалъ, что мы ѣдемъ 2 или даже 3. Стало, всѣмъ безпокойства, съ которыми ты писалъ 26, нераціональны. Люди часто опаздываютъ, но никогда до срока не ѣздить. Ко мнѣ можно было писать до 30 утра.

Статья скучна въ «Рус. В.», слишкомъ между подрясникомъ

и рясой. Ал. Ал. таковъ и былъ ¹⁾. Онъ послѣ этихъ неудачъ сталъ извергомъ. А какъ онъ сбиваетъ на нашего князь-Перда... (а что—гипертрофія тебя примирила?). Я зналъ и оберъ-суперинтенда, о которомъ идетъ рѣчь ²⁾. Онъ былъ въ Вятку сосланъ 76 лѣтъ за *attentat' à la pudeur* ³⁾. Я его въ Вяткѣ дразнилъ вольными сужденіями *sur la «кестіонъ релижіюсъ»* ⁴⁾. Похабство ему не мѣшало быть піэтистомъ.

Скажи Тхор., что я отослалъ прямо въ Парижъ біографическія поправки, о которыхъ просили Трюбнеръ и Георгъ.

29, пятница.

Вдемъ во вторникъ, въ 3^{1/2}, и въ 6 утра въ среду будемъ въ Ліонѣ. Оттуда буду еще писать и останусь тамъ съ недѣлю.

Туда показать Лизѣ не хитро. Тх: его привезетъ *sans phrases* въ Prangins. Ты его поручаешь Татъ, все это ладно, но какой же онъ сирота? онъ, какъ Гоголевъ нѣмецъ, можетъ сказать: «у меня въ Швабіи свой отецъ есть».

А что еще будетъ въ «Поляр. Звѣздѣ»? Что твоя статья? Нельзя же ее фаршировать однимъ снабдьемъ.

Лиза писала тебѣ по секрету, не хочетъ показатъ, и посылаетъ портретъ, который очень удался.

Сегодня день грозный. Въ морѣ я купаюсь.

Если ты сбилъ съ толку и Тхорж., то я писемъ не буду получать до Ліона. Охъ, молодость, молодость!

Пишите: Lyon, poste-restante.

Телеграфировать можно.

3313. Письмо къ Н. П. Огареву.

31 мая (1868).

Пантекоть.

Ахъ вы, мой милѣйшій шутъ,—ты не повѣришь, что я искренно смѣюсь надъ тобой и надо мной безъ тѣни злобы или чего такого. Я зналъ и тебѣ писалъ въ Женевѣ, что Лозанна ли, Пранжэнь ли—тебѣ это ножъ острый ⁵⁾,—ты такъ хорошо улежался и усно-

¹⁾ Въ IV кн. статья П. М. «Изъ прошлаго», гдѣ, повѣствуя о синодскихъ кругахъ, говорится и о дядѣ А. А. Яковлевѣ, оберъ-прокурорѣ синода.

²⁾ Бетингеръ,—см. стр. 394 т. XII.

³⁾ Посвятельство не цѣломудріе.

⁴⁾ О религіозномъ вопросѣ.

⁵⁾ Ты сгоряча принялъ, а я сгоряча предложилъ.

коился въ норкѣ своей, что всякое движеніе, прогулка тебя пугаетъ. Ну, и слава богу, только зачѣмъ же ты ждалъ, когда чемоданы уложены и все готово, чтобъ написать, въ какое трудное положеніе тебя поставилъ Туцъ (какъ будто, онъ долженъ тоже думать, что люди живутъ, какъ Симеоны Столпники) своимъ *why* ¹⁾?

Не ѣхать поздно, выдумай же какой-нибудь планъ. Твое *крипто* ²⁾ желаніе, чтобъ пріѣхать въ Женеву. Научи какъ, и я сдѣлаю. Одно затрудненіе *въ Лизъ* (которая поэтически тебя любить и помнить)—неужели ты рискнешь, чтобы ей сразу сказать не только всю подноготную, но двѣ подноготныя?... Поэтому я тебѣ предлагаю: изъ Ліона пріѣхать мнѣ одному сначала, а остальное уладимъ и устранимъ. Я же не могу ручаться, чтобъ все было хорошо въ Prangins. Изъ-за мира иногда бываютъ очень дурные признаки. Одно мнѣ объясни, зачѣмъ же ты мнѣ говорилъ, что я неправъ, что ты въ самомъ дѣлѣ хочешь въ Лозанну и куда угодно, чтобъ видѣться со всѣми и немного провѣтриться отъ твоей монотонной жизни, тяжелой для меня? Я все это такъ и устроилъ. Но и теперь ~~были быть. И теперь даже жертва съ твоей стороны легко не примется~~, потому что жертва чувствуется. Вѣрь только, что я устрою все, до оскорбленія Лизы и до ридикуля ³⁾ включительно. Ридикуля, какъ оскорбленія, я выносить не могу,—остальное можно уладить, и вѣрь, что я сдѣлаю все для того, чтобъ было и хорошо, и не бросилось въ глаза. Ну, и аминь.

Текстъ у Чернецкаго для «Пол. Зв.» есть, но нельзя же все набирать мои статьи; надобны: а) твои стихи, б) твоя проза, γ) что-нибудь чье-нибудь, ну хоть Мечникова (листа 2) или Бакунина.—Я буду платить по 80 фр. съ листа.

Туцу положено на платье, ученье, ѣду 500 въ годъ; надобно было не 100, а 80 прислать, это немного. Деньги теперь есть и у всѣхъ довольно. А если Тхорж. заплатилъ, отдай ему, чтобъ не мѣшать счетовъ.

Анекдота о NN я не нашель, можно и напечатать, хотя важности въ немъ нѣтъ.

Есть длинная статья «Кельсіевъ» и еще лучше повѣсть о Громокѣ, который стрѣляетъ въ мужиковъ, усмиряетъ волости и пр. Я донесу на него.

Отчего Тхоржевскій и ты такъ скупы вѣстями о Долгоруковѣ? Гранклемана я помню, но не могъ прочесть его имя.

¹⁾ Для чего? почему?

²⁾ Тайное.

³⁾ Смѣшного.

3314. Письмо къ С. Тхоржевскому.

(31 мая 1868).

Пану,

- 1) Получены ли 1.000 фр.?
 - 2) Уговорите Чернецкаго не посылать мнѣ непоправленныя корректуры, пусть онъ прежде посылаетъ Огареву.
 - 3) У него должно быть много матеріала для «Полярной Звѣзды» («Эмигранты»).
 - 4) Отчего не пишете о Долгоруковѣ?
- Прощайте.

P. S. Когда придется посылать «La belle France», слѣдуетъ зъ письмѣ,—да и то врядь дойдетъ ли.

Ѣдемъ послѣзавтра. Жаль Ниццу, несмотря на то, что жаръ 32—33°. Морская биза ужасно облегчаетъ.

4 чемоданчика отправлены. Будутъ завтра къ вамъ 50 N Savony.

3315. Письмо къ Н. П. Огареву.

1 июня (1868).

Здѣсь готовится намъ непріятность, хотя и не скоро: административная чесотка не можетъ уняться—хотять черезъ годъ или два кладбище переносить съ горы Шато на долину Вара. Разумѣется, они мѣста дадутъ, но это рѣшительно оскорбляетъ.

Вотъ и все. Привыкаешь ли ты къ новому дому и такъ же ли выходить у М. ¹⁾ бульонъ? А мнѣ смертельно жаль покидать Ниццу (изъ эликурейства naturgenoss'a).

У «Поляр. Звѣзды» можно поставить «Revue... ²⁾).

У меня со вчерашняго вечера сильный поносъ, должно быть, простудилъ животъ.

Прощай.

Тхоржев. письмо получилъ; я ему отправлю на-дняхъ три или четыре ящичка и буду писать послѣ получения Бразевича съ чеснокомъ. Мой совѣтъ, чтобы Тхор. не очень заѣдался съ Пердомъ; пусть только дѣлаетъ его горячія порученія froidement ³⁾.

¹⁾ Мэри.

²⁾ Слово не разобрано.

³⁾ Поспокойнѣе.

Отъѣздъ пока назначень incertainement ¹⁾).

«Понятное дѣло, разумѣющееся дѣло», что если 1-й главы «Якушкина» достаточно, то тѣмъ лучше, матеріаль затрачивать не надо. Что насчетъ † Сазонова?

Корр. «Поляр. Зв.» не получалъ.

3315 bis. Письмо къ Н. П. Огареву.

(3 іюня 1868), 8 час. вечера.
Lyon.

Имѣю счастье доложить о совершенно благополучномъ пребытіи въ Богородицей хранимый градъ. Лиза была очень весела—я ихъ засталъ въ столовой. Nat. уже разлюбила Ліонь.

Покорный слуга А. Г

Думаю, что до вторника не уѣдемъ. Пиши сюда.

3316. Письмо къ Н. П. Огареву.

3 іюня (1868), 7 час. утра.
Городъ Левъ. Hôtel de l'Europe

Съ грозой и жаромъ, въ сопровожденіи Бернацкаго, который возвратился изъ Флоренціи и на пароходѣ ѣхалъ съ Барановской (спавшей въ каютѣ, пока я ее ждалъ), прибыли мы въ 10 вечера въ Марсель и сегодня, въ 6 съ ¹/₄ въ вагонѣ, наполненномъ до противности, приѣхали въ Ліонь.

Всѣ здоровы. И я радъ отчасти избавленію отъ ужаснаго жара—я разъ пять выкупался въ морѣ, и опять есть прыщи. Видно, слѣдуетъ отказаться. Пойду на почту. Кланяюсь вамъ.

3317. Письмо къ С. Тхоржевскому.

4 іюня (1868), четвергъ.
Lyon. Hôtel de l'Europe.

Письмо ваше и «Голосъ» получилъ. «Polyglotte» не получилъ. Вотъ вамъ еще «смѣсь». Я остаюсь въ Ліонѣ до 9 или 10. Усти-

¹⁾ Некриливо.

нова попросите: 5-й томъ «Войны и мира» посылать сюда не надобно. Здѣсь хорошо и, наконецъ, не жарко. Я подъ конецъ въ Ниццѣ испугался. Такое раздраженіе съ приливомъ къ головѣ, такая нервнось (я вздрагивалъ отъ всего, скверно спалъ), несмотря на діету, пива не пилъ, пилъ только бордо и *sarafon frapé* съ каплями коньяку. Мяса не ѣлъ $\frac{1}{4}$ фунта. Но жаръ доходилъ до 32 въ тѣни и съ электричествомъ.

Не пріѣхать ли мнѣ отсюда дня на два къ вамъ въ Женеву (останов. въ *Hôtel de la poste*)?

У Чернецк., навѣрное, есть еще матеріаль—«о рефюжье» и т. подобное; неужели я забылъ ему отдать? онъ возвращалъ мнѣ при Сашѣ.

Звать васъ сюда или нѣтъ, не знаю. Дайте срокъ присмотрѣться. Ну, что нога Огаръ?

Прощайте.

Что молокане?

У Касатк. ¹⁾ рукопись достать необходимо. Пусть она мнѣ продасть и вамъ вручить деньги—она такъ хотѣла этого.

3318. Письмо къ сыну.

4 іюня (1868).

Lyon, *Hôtel de l'Europe*.

Вчера мы пріѣхали сюда и вчера получилъ твое письмо, посланное, не понимаю зачѣмъ, въ Женеву (я писалъ, чтобы писать въ Lyon).

26 іюня ²⁾ послалъ я черезъ *Messagerie* 2,500 фр. *золотомъ*; о полученіи ихъ еще нѣтъ (а письмо отъ 29 го); вѣроятно, пришло; жду сегодня извѣщенія. Могу еще прислать 1,000, остальные всѣ помѣщены у Ротшильда.

Отчего мнѣ одному ты не прислалъ брошюры?

На предложеніе Шиффа и Матеуччи слѣдуетъ согласиться. Поѣздка твоя въ Германію хороша, но врядъ будетъ ли полезна, потому что она слишкомъ коротка и для пользы надобно быть одному. Пріѣзжать, конечно, очень можно, но, пока Т. ³⁾ не говоритъ по-французски, это будетъ тяжело и потому лучше на обратномъ пути.

¹⁾ Касаткиной.

²⁾ Мая.

³⁾ Тереза.

Статья въ «Le Peuple Polonais» не такъ дурна, она скорѣе дерзка и обходитъ вопросъ, впрочемъ, Бакунъ пишетъ отвѣтъ. Писалъ ее Ченсновичъ съ Сер.-Сол.

Скажи Мальвидѣ, что и поднесъ ея рукопись *не приходила* въ Женеву.

Тата можетъ ѣхать, когда захочетъ; я прошу только подробно списаться, чтобы не вышло вздору. Я намѣренъ здѣсь остаться до вторника или среды (9, 10 іюня). Дня черезъ три напишу, куда писать, разсчитывать не трудно; если письмо опоздаетъ, пришлютъ за мной.

Жаръ и электрическая погода въ Ниццѣ въ послѣднее время были изъ рукъ вонъ. Нѣсколько купаній въ морѣ были достаточны, чтобы вызвать два-три прыща опять. Въ Ліонѣ насъ застала гроза, и съ тѣмъ вмѣстѣ все пошло лучше, потому что холоднѣе.

Портретъ посылаю.

Мнѣ кажется, что Ог. смертельно не хочется двѣтаться до Prangins. Ходить онъ не можетъ, жары его тоже разварили, и я не знаю, какъ и что уладить; думаю отдалить поѣздку туда; съѣзжу, можетъ, одинъ въ Женеву дня на три.

Какъ Ольга принимаетъ свою поѣздку въ Крейцнахъ? Лишь бы Мальвидѣ не повредила эта сѣверная прогулка. Пользы она не сдѣлаетъ. Что Levier думаетъ объ Болдорукомъ¹⁾?

Тату и всѣхъ обнимаю.

P. S. Съ деньгами, т. е. съ 5,000, будь остороженъ; употребляй больше на обзаведеніе; помни, что они изъ твоего капитала.

3319. Письмо къ Н. П. Огареву.

5 іюня (1868), пятница.

Hôtel de l'Europe, ch. № 59.

Я всегда имѣлъ слабость къ Ліону и теперь тоже; печально-большой, серьезно-занятой и необычайно красивый городъ. Всѣ удобства жизни, все, что нужно для воспитанія, и ширь, какой въ Швейцаріи нѣтъ, въ Италіи нѣтъ, въ Ниццѣ нѣтъ. Зима, вѣроятно, женевская, но кто же заставляетъ нормальныхъ людей не уѣзжать на четыре мѣсяца? Вся Англія такъ живетъ. Если-бъ Франція на нѣкоторую долю предоставила покой, не задумавшись, нанялъ бы

¹⁾ П. В. Долгоруковъ.

здѣсь домъ съ садомъ—5 часовъ отъ Женевы, 13 — отъ Парижа, и еще на улицахъ чистый воздухъ.

Статья Шедо-Ферроти въ «Polyglott'ѣ» глупа; пошли набрать придаваемую отмѣтку бревьеромъ, какъ подстрочное примѣчаніе къ статьѣ Бакунина ¹⁾. «Голосъ» и все пришло. Писемъ отъ тебя здѣсь еще не было. Отъ Тхор. подучилъ. Вѣроятно, 10-го поѣду, т. е. поѣдемъ, въ Мюлюзъ, но объ этомъ еще напишу.

А прогос, къ выгодамъ Лиона—*ни одного русскаго*—ни мерзкихъ генеральскихъ харь нашихъ туристовъ, ни безобразныхъ, исхудалыхъ Каиновъ нашей золотой юности... Итти по улицъ и знать, что не встрѣтишь чижичка, урыльничка, капельку, жопку и жука ²⁾—одно увлекаетъ уже.

Тхоржев. прошу мнѣ «Колок.» не посылать больше 5 экз., да и то пусть подождетъ адреса, а mise en page можно сюда прислать. Русскій mise en page я получилъ; веди печатать, я разъ читаль.

Былъ вчера съ Лизой въ театрѣ.

3320. Письмо къ Н. П. Сгареву.

6 іюня (1868), суббота.

Lyon. Hôt. de l'Europe, Quai des Célestins.

Часъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что одно письмо, и очень важное, пропало, именно то, въ которомъ я хотѣлъ узнать твое послѣднее мнѣніе о Prangins. Напиши еще разъ, а я здѣсь похлопочу на почтѣ.

Ты пишешь (вслѣд. моей описки) «Lion» (это—Ольга Ив.), а не «Lyon». Можетъ, не разобрали.

Съ чего ты взялъ, что я именно въ воскресенье собирался ѣхать въ Женеву, и панъ тоже? Я вообще писалъ вопросительно и дубитативно ³⁾. Во всякомъ случаѣ, ничего не рѣшалъ. Конечно, извѣщу Тхор. за 12 часовъ. Можетъ, пріѣду изъ Мюлюза или Кольмара. Теперь прошу написать письмо (въ понедѣльникъ могу получить) для того, чтобъ сказать, что же ты писалъ насчетъ Prangins.

А что портретъ Лизы?

¹⁾ См. № 3327.

²⁾ Прозвища женевскихъ эмигрантовъ.

³⁾ Колебясь.

Ліоновичъ ¹⁾ доволенъ, а Нефталь—Шурцомъ и Каппомъ, благодарить меня за него. Письмо его свѣтлости и Манда императивъ не помѣшалъ.

Брошюру Саши прочиталъ и напишу нѣсколько «соображеній». Это то же, что было по-французски, и возраженія остались тѣ же. Что будетъ въ «Поляр. Звѣздѣ» послѣ моей статьи?

Иду на почту справляться о письмѣ.

Прощай.

Изъ Ниццы все прислано аккуратно съ почты. Кто носилъ твое письмо? Можно справиться. Въ «Монитѣрѣ» панегирикъ И. Тургеневу.

Еще слово: зачѣмъ ты пишешь на адресѣ фамилію микроскопическими буквами?

3 часа.

Письма нѣтъ. Не послалъ ли въ Sion? Справьтесь тамъ. Г.г. здѣшніе говорятъ, что, можетъ, отослано въ Парижъ, если не было posterest.,—и тамъ рекламировать.

3321. Письмо къ С. Тхоржѣвскому.

(7 іюня 1868), воскресенье.

Тхор—му.

А ужъ вы, ясновельможный, и въ воскресенье и часть назначили... Нѣтъ, и я сталъ двигаться медленно. Это одинъ Нефталь у насъ по бурямъ и чудесамъ носится себѣ за океанъ.

Я не на шутку думаю, что въ Ліонѣ можно жить до зимы и имѣть постоянную квартиру. Всѣ условія есть и жизнь недорого; отсутствіе живущихъ туристовъ замѣтно на человѣческомъ обращеніи народа, лавочниковъ. Вотъ кто бы думалъ?

Послѣ обѣда. Сейчасъ получилъ письмо отъ Meysenbug—она отправляется 12-го въ Крейцнахъ, будетъ съ Ольгой въ Мюнхенъ и Тиролъ и осенью черезъ Бреннеръ въ Италію. Тата ѣдетъ съ какими-то англичанами черезъ Splügen и Baden (нѣтъ ли порученій Тургеневу?), въ Baden'ѣ будетъ ждать назначенія rendez-vous. Саша отправл. въ Берлинъ.

Паки Огареву. Ты видишь, что партія движущихся гораздо богаче столпниковъ байбаковъ (не по болѣзни, а по форлибъ ²⁾).

Жду Сазонова панихиду.

Манускриптъ Мейзенбургъ вамъ отдастъ Сомье.

¹⁾ Ліонъ, знакомый.

²⁾ Vorliebe—предпочтеніе, пристрастіе.

3322. Письмо къ Н. П. Огареву.

(8 іюня 1868), понедѣльникъ.

Ну, не понялъ, такъ тѣмъ лучше. Только, я думаю, ни Контъ, ни Франкѣръ, ни самъ Брашманъ (я все набираю математиковъ) иначе не развернули бы скобки тобою предложеннаго уравненія. Но, все же, авантажъ съ моей стороны, и мнѣ очень досадно, что не понялъ. Еслибъ тебя можно было хоть къ августу, вмѣстѣ Prangins, перетащить сюда (т.-е. въ Ліонъ), тутъ прожили бы свободно мѣсяць.

Въ Эльзасъ, очевидно, ѣздить не нужно, но этого не посадишь въ голову.

Что же ты ждешь отъ Туца и Лизы? Они встрѣтятся, какъ дѣти; съ ними, вѣроятно, N. будетъ хороша.

Портретъ Плаутиной отошли твой, тѣмъ больше, что Лиза тебѣ готовить другой въ сюрпризъ, съ рамкой, которую она купила на свои деньги.

Засимъ до свиданья.

Въ среду или четвергъ буду.

Зачѣмъ ты не прочелъ письмо Булевскаго? У меня голова тяжела и работать не могу.

3323. Письмо къ сыну.

(8 іюня 1868), понедѣльникъ.

Lyon. Hôtel de l'Europe, Quai des Célestins.

Письмо твое получилъ и брошюру отъ Тхоржевскаго. Я ее перечиталъ внимательно и могу сдѣлать кой какія замѣчанія; пока скажу, что заглавіе sulla volontà ¹⁾ не совсѣмъ идетъ. Это—диссертация о развитіи разныхъ фізіологическихъ функцій, причѣмъ есть рѣчь и о volontà. Замѣтно вліяніе Пенизи въ разныхъ итальянскихъ цитатахъ. Вопросъ этотъ разбирать такъ нельзя, и Контъ его отнесъ къ соціологіи. Ты лучше доказалъ, что нѣтъ души, чѣмъ уяснилъ функцію того, что называется *волей*. Остальное потомъ.

Ліонъ мнѣ очень нравится; здѣсь я остался бы до зимы, т. е. до ноября. Городъ этотъ мнѣ всегда былъ симпатиченъ. Онъ великъ, изященъ по положенію, серьезенъ и тихъ.

¹⁾ О волѣ.

Жить не можетъ быть дорого; отъ Женевы пять часовъ, всѣ средства есть.—Несмотря на мой faible ¹⁾ къ Ниццѣ, я радъ, что выѣхалъ изъ ея жара; онъ былъ этотъ годъ свирѣпъ, и я началъ побаиваться кондрашки. Нога Огар. идетъ плохо; я ѣду на два дня въ Женеву и, слѣдственно, врядъ ли уѣдемъ отсюда ранѣе 15-го, а, впрочемъ, до новыхъ распоряженій послѣ 12-го пиши по адресу Тхоржевскаго.

Пришли мнѣ отъ 3 до 4 экз. брошюры, хоть со Степаномъ, хоть по почтѣ въ Женеву, да пошли одинъ по слѣдующему адресу: France, M-r le docteur Coste, Montpellier, Rue du vieux Courier, № 4. Напиши въ ней «de la part du fils d'A. H.» и что хочешь; можешь прибавить вторую лекцію.

Итакъ, всѣ въ разъѣздѣ; это почти забавно. Мнѣ жаль, что ты именно теперь ѣдешь въ Германію; мнѣ жаль, что ты не сдержалъ добровольно даннаго слова, но времена такія и ошибки такія со стороны старшихъ и меньшихъ, что я невесело склоняю голову. Скажи Татѣ, что о Prangins прежде 15 іюля и думать нечего; Ог. не можетъ, но она можетъ приѣхать, когда хочетъ по Эльзасу и проживемъ въ Ліонѣ. Пусть за два дня сообщитъ черезъ Тхорж. (504, Route de Carouge), можетъ и телеграфировать. Скажи ей еще, что, если она побѣдетъ съ англичанами, чтобъ была ужасно осторожна насчетъ финансовъ и не позволяла бы за себя платить. Въ Ліонѣ ей будетъ весело.

Сегодня получилъ письмо отъ Булевскаго, разумѣется, съ выговоромъ за статью.

Затѣмъ прощай.

3324. Письмо къ Н. П. Огареву.

8 іюня (1868), воскресенье.

Доискался-таки твоего письма въ здѣшнемъ постофісѣ. Штемпель Gêlève былъ на фамиліи, написанной мельчайшимъ и тончайшимъ шрифтомъ.

Но, карѣйшій ²⁾, фондъ, или фонъ, дѣла не измѣнился—вотъ въ апѣпряхъ ³⁾ что ты писалъ: «Итакъ, вы ѣдете во вторникъ. Признаюсь, что происходящее передвиженіе меня настраиваетъ.

¹⁾ Слабость.

²⁾ Дражайшій.

³⁾ A peu près—приблизительно.

грустно... тѣмъ паче, что Туцъ безпрестанно спрашиваетъ Why?.. и я не знаю... etc., etc.». Если ты забылъ или написалъ сгоряча, то, все же, оно остается schwarz auf weiss... ¹⁾). Я тутъ требую только нелицеприятной и безпощадной *правды* и самъ ею плачу. **Вопросъ** такъ выразится: взглянуть на Лизу, Тату и N., не говоря обо мнѣ, доставить тебѣ *n* удовольствія, а съѣздить за городъ и провести мѣсяцъ вдали отъ привычекъ—*p* горестей. Ну, и надобно себѣ на духу сказать, что $n > p$ или $p > n$? Я смѣло говорю, что $p > n$... Ясно, что, если-бъ ты могъ видѣть всѣхъ въ Женевѣ, $p = 0$ и *n* въ *тахиитиѣ*. Чтобъ сдѣлаться понятнѣе, я даже принялъ исковерканный языкъ Дм. Мат. Перевошикова ²⁾). Я тебя и спрашиваю: дай мнѣ намекъ, какъ пріѣхать съ Лизой и N. въ Женеву *не безобразно* или отложимъ всю поѣздку на неопредѣленное время, а я на-дняхъ пріѣду на двое сутокъ. Всего жалче при этомъ Лизу, — она, дѣйствительно, тебя любить и хочетъ видѣть, и я не думаю, чтобъ ей можно было въ 9 дѣтъ внести сумбуръ нашей жизни безнаказанно въ голову. Она очень умна и страшно смѣтлива. Вотъ и все.

Чѣмъ больше я смотрю на Лионъ,—вотъ городъ, въ которомъ можно жить à l'abri ³⁾ сплетенъ (онъ слишкомъ великъ и занятъ; въ немъ нѣтъ русскихъ), и пріѣзжать изъ него мнѣ очень легко. Оставимъ Prangins до августа или до сентября. Въ антрактѣ мы съѣздимъ (безъ всякой пользы) въ Эльзась. Тата, вѣроятно, пріѣдетъ къ концу іюня въ Mülhouse или Colmar. Саша собирается (Why тутъ на мѣстѣ) въ Германію женившись и хочетъ заѣхать въ Швейцарію. А pгopos, Тата мнѣ писала, что ты Сашѣ проповѣдывалъ, что «бракъ—вообще несчастіе, а ужъ тамъ все равно—на Терезинѣ или на Акулинѣ жениться». Его остановить было нельзя. Не такой аксіомой можно было подстрекнуть. Коли все равно—why not ⁴⁾? Это совершенно противоположно моему воззрѣнію; жениться на ребенкѣ безъ состоянія, безъ развитія, безъ образованія, изъ чуждой среды—показываетъ, что на *Акулинѣ* жениться лучше: меньше черныхъ шансовъ. Его ждетъ опущеніе, обдѣнненіе, тѣснота и дѣти,—все вещи, легко побѣждаемыя влюбленными, пока длится любовь. Чтобы кончить семейныя идилліи, N. пытается обуздывать себя, и когда все тихо, идетъ жизнь такъ

1) Чернымъ по бѣлому.

2) Профессоръ московскаго университета.

3) Въ безопасности.

4) Почему нѣтъ.

себѣ, но при малѣйшемъ поводѣ воскресаетъ снова «старая Ева» и всѣ первыя движенія анти-гуманныя.

Не мѣшаетъ прислать *mise en page* франц. «Колокола».

Я подожду еще отъ тебя письма или двухъ и, можетъ, въ среду (или четвергъ) приѣду; заранѣе пана увѣдомляю. Вообще, я изъ Лиона тороплюсь медленно, а потому разечеть присылку *mise en page* не трудно. Корректуру «Полярной Звѣзды» (о Франціи) могу сдѣлать въ Женевѣ. И затѣмъ прощайте.

3325. Nos grands morts commencent à revenir.

Triste histoire et toujours la même. Nos saints, nos prophètes, nos premiers semeurs, nos premiers lutteurs — tombés dans une lutte inégale — commencent à relever la tête du fond de leur tombe, où ils ont été sous scellées de la police impériale. Il y a là à méditer... mais enfin c'est le sort de tous les précurseurs.

Galilée expia par trois ans de prison

L'inexcusable tort d'avoir trop tôt raison.

C'est le tour de *Novikoff* et de *Radistcheff* maintenant — quand celui des autres?

Il y aura cinquante ans, le 31 juillet, que *Novikoff*, né en 1744, est mort. On se prépare, en Russie, à faire une fête de commémoration pour cet homme, jeté en prison par Catherine II, et qui était comme rayé de l'histoire du développement intellectuel de la Russie. Un auteur, J. Kiréjevsky, ayant osé en parler dans un recueil, le recueil fut supprimé, le censeur S. Glinka fut mis aux arrêts. C'était du temps de Nicolas.

Novikoff fut une grande et sainte individualité de la fin du XVIII-e siècle. Nous en parlerons dans une de nos feuilles. Propagandiste infatigable de la civilisation, il organisait des imprimeries, des librairies au fond de la Russie; il faisait traduire les œuvres des encyclopédistes, le *Contrat social* de Rousseau; il travaillait à la publication des livres pour l'éducation primaire, et avec cela il était le grand maître de la Loge maçonnique de Moscou. L'impératrice Catherine le fit arrêter sous l'inculpation vague de *martinisme* et l'enferma dans une casemate. Elle soupçonnait qu'il avait des relations secrètes avec son fils Paul, qu'il fit entrer dans sa loge. Paul le fit sortir de sa prison après la mort de sa mère. Mais il était mal vu, paralysé; vingt ans après sa mort on n'osait dire du bien de lui.

Le second, c'est *Radistcheff*.

Въ нашей страницѣ, мы говорили о Радистчѣвѣ и о его знаменитомъ *Вояжѣ въ Петербургъ и Москву*, которую онъ опубликовалъ въ 1790. Наши читатели вспоминаютъ съ какою жестокостью императрица Катерина осудила его за это сочиненіе на изгнаніе въ Ілимскъ, въ Сибирію.

Теперь, послѣ 78 лѣтъ, сочиненіе «болѣе опасно, чѣмъ Пугачевъ», какъ говорилъ Сѣмирамисъ Іберійская въ Северѣ, вышло въ свѣтъ. Въ Петербургѣ (за исключеніемъ трехъ главъ)

Оно появилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Мы издали полное сочиненіе *Вояжъ* въ Лондонъ. Служившій *Голосъ*, въ своей статьѣ о Радистчѣвѣ, не упоминаетъ даже о немъ. Намъ сказали, что *Литературный листокъ* получилъ инсинуацию, что мы не знаемъ.

Статья въ *Голосѣ* добавляетъ очень важное къ біографіи несчастнаго Радистчѣва: *онъ былъ мучимъ во время дознанія, и его отвѣты были вырваны изъ него насильственно. Охъ, великая подруга Вольтера и Дидера, какъ ты насъ обманула!*

Переводъ.

Наши великіе покойники возвращаются.

Печальная и старая исторія! Наши святые, наши пророки, наши первые святые, первые борцы, погибшіе въ неравной борьбѣ, начинаютъ поднимать головы изъ глубины своихъ могилъ, гдѣ они лежали подъ печатями императорской полиціи. Это наводитъ на размышленія; но такая, въ концѣ концовъ, участь всѣхъ предтечъ. «Галилей искупилъ тремя годами тюрьмы непрощаемый грѣхъ: онъ слишкомъ рано высказалъ истину».

Теперь очередь за Новиковымъ и Радищевымъ. Когда придетъ очередь до другихъ?

31 іюля исполнится 50 лѣтъ со дня смерти Новикова, родившагося въ 1744 г. Въ Россіи готовятся устроить празднество въ память этого человѣка, брошеннаго Екатериной II въ тюрьму и какъ бы вычеркнутаго изъ исторіи умственнаго развитія Россіи. Когда одинъ писатель, И. Кирѣевскій, осмѣлился рассказать о немъ въ сборникѣ, то сборникъ былъ уничтоженъ, а цензоръ С. Глинка посаженъ подъ арестъ. Это было во времена Николая.

Новиковъ былъ великимъ и святымъ человѣкомъ конца XVIII вѣка. Мы расскажем о немъ въ одномъ изъ нашихъ листковъ. Неустанный пропагандистъ цивилизаціи, онъ устраивалъ въ глубинѣ Россіи типографіи и книжныя лавки; онъ заставлялъ пе-

реводитъ сочиненія энциклопедистовъ, «Общественный договоръ» Руссо; онъ работаль надъ изданіями книгъ для первоначальнаго обученія и, при этомъ, былъ предсѣдателемъ масонской логи въ Москвѣ. Императрица Екатерина, на основаніи неопредѣленнаго обвиненія въ *мартинизмъ*, приказала арестовать его и заключить въ казематъ. Она подозрѣвала его въ тайныхъ сношеніяхъ съ ея сыномъ Павломъ, котораго онъ ввелъ въ свою ложу. Павелъ, послѣ смерти матери, освободилъ его изъ тюрьмы. Но онъ былъ боленъ, въ параличѣ; двадцать лѣтъ послѣ его смерти еще не смѣли говорить о немъ ничего хорошаго.

Второй—Радищевъ.

Въ предыдущемъ номерѣ мы говорили о Радищевѣ и о его знаменитомъ *Путешествіи изъ Петербурга въ Москву*, которое онъ напечаталъ въ 1790 г. Читатели наши помнятъ, какъ жестоко осудила его за это сочиненіе императрица Екатерина на ссылку въ Ишимскъ, въ Сибирь,

Теперь, спустя 78 лѣтъ, сочиненіе это, «болѣе опасное, чемъ Пугачевъ», какъ говорила либеральная Семирамида Сѣвера, отпечатано въ Петербургѣ (*за исключеніемъ трехъ главъ*!).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы издали въ Лондонѣ «Путешествіе» это полностью. Раболѣпный «Голосъ», въ статьѣ своей о Радищевѣ, даже не упоминаетъ объ этомъ. Намъ сказали что литературной *дворнѣ* приказано игнорировать насъ.

Статья въ «Голосѣ» прибавляетъ весьма важный фактъ къ біографіи несчастнаго Радищева: *его пытали во время допроса, и отвѣты его были вынуждены страданіями*. О, великая подруга Вольтера и Дидро, какъ ты обманула ихъ!

3326. Études historiques sur les héros

de 1825

et leurs prédécesseurs, d'après leurs mémoires.

UN CONSPIRATEUR DE 1825

(Jean Yakouchkine).

Nous prions nos lecteurs de bien se rappeler que ces études ne sont nullement une *histoire* de la grande conspiration de 1825. Ce ne sont que des fragments, des traits isolés, des esquisses, des pages

détachées des mémoires et des notes écrites par J. Yakouchkine, Bestoujeff, les princes Troubetzkoï, Obolensky, etc. Nous n'avons fait qu'ajouter quelques détails et quelques généralités. Autant que possible, nous avons tâché de conserver les propres paroles de ces hommes héroïques, qui les écrivaient, d'une main enchaînée, au fond de la Sibérie orientale.

C'est dans ce but que nous n'avons pas fondu en une monographie les divers mémoires; au contraire, nous leur avons conservé leur individualité, quoique cela nous entraînaît parfois à des répétitions.

Le chapitre présent est *extrait de la première partie* des mémoires de Jean Yakouchkine. Nous ne sommes jamais parvenus à avoir la *seconde*, qui nous a été positivement promise par nos amis, plus riches en amitié qu'en exactitude.

Il y a d'étranges accapareurs, qui pensent naïvement que des mémoires pareils peuvent être une *propriété privée*. Non-seulement des parents et des héritiers, mais des personnes qui ont obtenu, par un hasard heureux, une copie, la mettent sous clé, jouant ainsi le rôle peu généreux du caniche qui gardait avec une avarice jalouse le foin dont il ne se servait pas.

I.

Les destinées de l'Empire russe s'accomplirent le jour de l'entrée triomphale d'Alexandre 1-er à Paris, escorté par une escouade de princes, parmi lesquels il y avait un empereur d'Autriche et un roi de Prusse.

Nec plus ultra!

Dès ce jour, *l'empire pour l'empire* était fini, il fallait chercher d'autres bases pour le soutenir, d'autres éléments pour le développer, et ils commençaient à poindre.

L'Empire russe, habillé à l'allemande par Pierre 1-er, heurta longtemps aux portes de l'Europe, en demandant une place au banquet de ses souverains, avant de les voir s'ouvrir. Les Bourbons regardaient avec dédain l'*hyperboréen* parvenu. Cent ans après, les mêmes Bourbons allaient être remis sur leur trône par un Tzar russe et une armée russe. L'empire ne voulait que s'affirmer, être reconnu, s'imposait maintenant comme force majeure et protectrice.

L'œuvre de Pierre 1-er était consommée. L'autocratie de Pétersbourg avait encore une chose à accomplir, elle l'a accomplie à demi beaucoup plus tard. Sa tâche est épuisée, elle ne peut continuer à exister qu'en se métamorphosant. La guerre même ne serait qu'un palliatif.

Immédiatement après la victoire, un vide accablant, inquiétant se fit sentir autour du trône. L'âme était tourmentée. Alexandre le sentit le premier; il était loin d'être seul. Il devenait rêveur et triste, un remords, des mécomptes, un pressentiment le troublaient. Il abandonnait furtivement l'armée, le conseil des rois, les fêtes du congrès, et courait s'agenouiller en une prière d'extase avec la baronne Krüdner, qui d'amie de Mme Tallien, devint illuminée, exaltée, fanatique.

La jeunesse militaire devenait pensive et préoccupée au milieu des lauriers et des ovations. Il y avait quelque chose de douloureux dans le contraste de la patrie victorieuse au dehors et écrasée au dedans. La comparaison de la Russie avec la France et les autres pays se présentait tout naturellement. En deux ans de guerre, l'éducation des jeunes officiers fit un progrès immense; ils grandirent d'une tête et revenaient plus sérieux que leurs vieux pères, courtisans frivoles et serviles, qui ne les comprenaient pas et les regardaient avec étonnement. C'est qu'ils étaient non-seulement plus sérieux, mais plus susceptibles, plus irascibles et moins endurants — bien loin de cet esprit d'obéissance passive et d'adoration perpétuelle du pouvoir qui distinguait si bien la noblesse russe.

Ils n'avaient pas oublié leur patrie, ils ne lui avaient pas préféré d'autres pays; au contraire, ce sont eux qui aimaient la Russie... «mais d'un étrange amour», comme dit le poète. Ils ont appris sur les champs de bataille à reconnaître l'homme dans le soldat; ils rougissaient de lui appliquer la bastonnade, ils rougissaient d'avoir des serfs, ils frémissaient d'indignation qu'eux-mêmes n'avaient absolument aucun droit humain à opposer à la toute-puissance du pouvoir.

La même secousse qui réveilla et grandit les officiers agit d'une manière funeste sur l'empereur. Plus sombre et plus méfiant que jamais, son cœur se gâta; son mysticisme noir tournait à la manie et n'empêchait en rien les mauvais penchants de son cœur. Un mépris profond, une haine prononcée pour tout ce qui était russe s'empara de lui. Libéral, humain en Europe, en Pologne, il devenait en Russie un despote implacable, mesquin et fatigué. «Il était dépaysé à la maison, il était hors de son élément». Il ne comprenait pas la Russie et commençait à s'en apercevoir. Il voulait jadis sincèrement le bien de son peuple et ne put rien faire. Pour se venger, il l'humiliait de toutes les manières, sans cacher son dépit.

Le duc de Wellington, à la revue sur la plaine des Vertus, ayant fait un compliment au tzar sur la tenue irréprochable des troupes russes, Alexandre lui répondit: «J'ai beaucoup d'étrangers à mon service, je leur dois cela».

L'aide de camp comte Ogerovsky racontait avec étonnement à ses

collègues qu'en présence de quelques personnes l'empereur s'était écrié: «Lorsqu'un Russe n'est pas un imbécile, c'est un coquin». Et cela à Paris, en 1814.

Voyant que tout ce qu'il faisait ne laissait pas de racines, que la seule chose qui lui avait réussi c'était la guerre, Alexandre avait une rancune profonde, non contre la bureaucratie cupide, corrompue, non contre la noblesse ignare, avide et puissante, qui paralysaient tout ce qu'il voulait faire, mais contre le peuple, le *grand inconnu*, muet, malheureux, inerte, passif, qui n'acceptait rien des *Danaos dona ferentes*. Dégoûté de tout cela, Alexandre se détourna des affaires et se jeta avec frénésie dans la *marsomanie* des parades, uniformes, évolutions, exercices militaires à pas accéléré et à pas de cigogne,—maladie héréditaire dans la famille Holstein-Gottorp depuis le «*gamaschen*» caporal et empereur Pierre III.

Nous allons voir dans le récit d'un jeune officier de la garde, rentrant en Russie après la campagne de 1814, où en était déjà l'empereur.

Cet officier, c'est l'excellent, l'énergique *Jean Yakouchkine* lui-même.

La première chose qui le frappe à son retour en Russie, c'est qu'au moment du débarquement des troupes à Oranienbaum, la police, pour faire place aux bataillons, donne des coups de poing à droite et à gauche aux hommes accourus pour souhaiter la bienvenue aux soldats. Le cœur de jeune homme se *serra*. Tel était—*le premier accueil*.

Le *second* ne tarda pas à arriver. Yakouchkine alla en habit civil avec le comte Tolstoï voir l'entrée triomphale de la neuvième division de la garde impériale. L'impératrice mère attendait dans une voiture de parade avec une des grandes-duchesses près d'un arc, expressément construit pour cette solennité. L'empereur sortit lui-même à la rencontre des troupes pour se mettre à leur tête. Yakouchkine était à deux pas de la voiture impériale, des flots du peuple couvraient la route et les abords. L'empereur parut enfin devant les régiments, monté sur un cheval magnifique; il s'approchait, beau et rayonnant, l'épée nue à la main. Mais au moment où il voulait saluer sa mère en baissant l'épée, un malheureux paysan, poussé par derrière et voulant mieux voir, rompit la haie et traversa en courant la rue à quelque distance devant l'empereur. Alors celui-ci, hors de lui, piqua son cheval et s'élança *l'épée levée* sur le paysan; la police, comme de raison, se rua sur le pauvre diable, faisant pleuvoir sur lui des coups.

«Nous ne pouvions croire nos propres yeux et nous nous détournâmes tout honteux, continue Yakouchkine; c'était le commence-

ment de mon désillusionnement sur le compte de l'empereur, et je pensais involontairement à la chatte métamorphosée en belle femme, qui ne pouvait pourtant voir une souris sans se jeter dessus».

Encore un fait: en 1817, les dernières troupes rentrèrent de la France. Alexandre alla à la rencontre de ces hommes, qui endurèrent plus de cinq ans les fatigues d'une campagne éloignée; les voyant *en mauvaise tenue*, il les chassa de la place d'armes et cassa un des régiments de chasseurs.

Sur une dénonciation faite par un mauvais drôle, les colone d'artillerie Taube, que les officiers ne *sont pas polis*, lui, Alexandre, sans enquête, sans avoir demandé ni les motifs ni les excuses, punit tout le corps des officiers de l'artillerie de la garde et en renvoya cinq des meilleurs de l'armée.

La jeunesse murmurait, était exaspérée. Des hommes sérieux commencèrent à réfléchir non-seulement sur la triste position du pays, mais à l'urgence de trouver les moyens d'en sortir.

Un soir, c'était en 1816, quatre officiers étaient réunis dans la chambre des Mouravieff-Apostol. On discutait de la position difficile dans laquelle on entraît, de l'état malheureux du pays. Survinrent encore deux Mouravieff. L'un de ces derniers proposa de se liguier contre le parti allemand. Yakouchkine refusa sa participation, déclarant qu'il était tout prêt d'entrer dans une société ayant pour but, non de contrecarrer quelques Allemands, mais l'amélioration générale du sort de la Russie. Les Mouravieff-Apostol étaient de son avis. Alors les Mouravieff avouèrent que la ligue contre les Allemands n'était qu'un essai et que c'est une toute autre société qu'ils voulaient proposer. Ils tombèrent de suite d'accord sur les bases de l'association.

Voilà le point de départ, le *punctum saliens* de la grande lutte, du travail souterrain pendant les trente années qui suivirent 1825 et du réveil qui se fit après la mort de Nicolas.

Ces six noms appartiennent à l'histoire. Les voici: *Serge* ¹⁾ *et Mathieu Mouravieff-Apostol, Alexandre et Nikita Mouravieff, le prince Serge Troubetzkoi et Yakouchkine.*

Les six décidèrent de n'affilier aucun membre sans le consentement unanime de tous.

La vie de Pétersbourg paraît insupportable à Yakouchkine, il quitte la garde et va servir dans un simple régiment de chasseurs. Chemin faisant, il va voir son oncle, qui gérait son patrimoine, situé

1) Celui qui a été pendu. Les autres, à l'exception d'Alexandre Mouravieff, tous furent envoyés aux travaux forcés. Mathieu Mouravieff, Troubetzkoi et Yakouchkine revinrent en 1856. A. H.

dans le gouvernement de Smolensk, et lui annonce qu'il est fermement décidé à émanciper ses paysans. L'oncle l'écoute triste et silencieux, mais sans faire la moindre objection. Le vieux était convaincu que son neveu était fou. A peine arrivé dans le 37-e chasseurs, il fait une infraction flagrante au règlement des six et une acquisition superbe pour la société: il y affine le colonel de son régiment, *Von Wiesen*, homme d'un haut mérite.

Un an après, nous voyons déjà parmi les membres de la société le célèbre colonel Pestel, écrivant le premier règlement de la société qu'il nomma «*Alliance du bien-être*». En même temps, une association de propagande parmi les militaires s'organise autour de *Von Wiesen*.

Pendant que ce groupe d'hommes énergiques et généreux se vouait à une perte presque inévitable, sachant leur sort, il se couvait au Palais d'Hiver un autre complot.

La création des colonies militaires devint une manie chez l'empereur; il ne lui manquait que l'exécuteur de ce plus grand crime de son règne, il le trouva bientôt dans l'homme dur et violent, implacable et borné, âpre et féroce, dans son *aller ego*, le comte Araktcheef, général d'artillerie, connu par sa lâcheté sur le champ de bataille, haï et détesté par toute la Russie. C'est sur ses ignobles épaules que l'empereur fatigué jetait peu à peu le fardeau de la souveraineté, et c'est à lui aussi qu'il confia la réalisation de son rêve monstrueux.

L'histoire moderne n'a rien vu de pareil, l'abomination des moyens surpasse l'absurdité du projet.

Prendre une large bande de terrain au nord et la dérouler jusqu'à la mer Noire. En transformant les paysans en militaires et colonisant les régiments de soldats dans les villages ainsi transformés—les colonies devaient former une *Russie militaire*, divisant comme un torrent la Russie civile en deux. Dans l'imagination de l'empereur, les colonies devaient être une pépinière constante de l'armée, lieu de cantonnement de toute la cavalerie, de toute l'infanterie avec leurs états-majors et leur administration; tous se nourrissant, s'entretenant de leur propre travail, par leurs propres moyens. A mesure que le monstre descendait en commençant à Staraja-Roussa près de Novgorod, tout devait être écrasé, emporté, brisé, fait soldat à perpétuité, soldat héréditaire sans ménagement aucun, avec une célérité fiévreuse et un pédantisme frisant la folie. Dès le premier essai, les paysans se révoltèrent, *Araktcheef* les mitrailla à coups de canon, les tailla en pièces par des charges de cavalerie, prit les villages à la baïonnette. Les restes du massacre passèrent par les verges et l'ordre prit le dessus. Après quoi on annonça à ces malheureux que leur maison et

leur avoir ne leur appartenait plus, que dorénavant ils seraient soldats-cultivateurs et qu'ils travailleraient non pour eux-mêmes, mais pour le régiment. On leur rasa la barbe, on les affubla de la capote militaire, puis on les divisa en brigades et en compagnies. Jamais les terreurs, les horreurs révolutionnaires, les essais de communisme, depuis les Anabaptistes jusqu'à Eabœuf, n'ont fait quelque chose qui se rapprochât de loin à cette œuvre de l'utopiste couronné qui jouait au comité de salut public en 1801, du piétiste mélancolique des salons de M-me Krüdner, du coryphée des libéraux, de la sainte-alliancel

Il y a des faits, des détails qui sont gravés dans la mémoire du peuple et qui font dresser les cheveux, des faits que la plume refuse d'inscrire, mais qui restent comme un levain qui remue et travaille pour la haine et la vengeance future.

Le soulèvement des colonies de la Staraja Roussa, en 1831, par son caractère implacable a montré que les germes ne sont pas perdus ¹⁾).

~~Des familles entières abandonnaient leurs maisons et erraient dans les forêts, des femmes se noyaient, des hommes se mutilaient, se pendaient. Les punitions étaient tellement exorbitantes qu'elles finissaient souvent sur des cadavres.~~

Lorsqu'on vint aux cosaques petits-russiens, on trouva une résistance désespérée. Ces gens se souvenant des franchises qu'on leur avait octroyées, se souvenant de Stenka Razine et de Pougatcheff, reculèrent avec horreur devant l'introduction des colonies militaires. On passa sur leurs corps. Pour bien apprécier toute l'absurdité de ce dernier crime, il faut se rappeler que les cosaques formaient des colonies militaires toutes faites et qui fonctionnaient parfaitement, comme ils l'ont prouvé pendant la guerre de 1812 à 1814. Mais la furie de l'uniformité et de la réglementation ne voulut rien entendre d'une organisation traditionnelle et tout à fait populaire.

Un cosaque ¹⁾, sommé de donner son adhésion et menacé de passer par quelques mille (on allait jusqu'à six, huit et même dix mille) coups de verges en cas d'obstination, demande un moment de réflexion. C'était un homme considéré dans le village, on tenait à son adhésion libre.

On lui donne quelques minutes. Il revient, portant un sac, l'ouvre, pose devant les bourreaux en épauettes les deux cadavres de ses

¹⁾ Dans une des feuilles suivantes nous donnerons le récit d'un témoin e cette insurrection, récit qui a été imprimé dans le *KoloKol* russe. A. H.

¹⁾ Je tiens ce fait du célèbre artiste Michel Stechepkine, Petit-Russien lui-même; il pouvait avoir alors de vingt à vingt-cinq ans. A. H.

deux enfants qu'il venait de tuer, et après avoir dit: «Ceux-là ne seront pas soldats», ajoute: «Quant à moi, je ne le *veux pas*!» Après cela, il se déshabille et dit: «Je suis prêt!»

Il est impossible de continuer ¹⁾.

II.

Devant la démente de l'empereur et la féroce tyrannie de son *alter ego*, les esprits s'envenimaient de plus en plus. Outré des nouvelles que l'on recevait à Moscou de Pétersbourg, Yakouchkine proposa, en 1817, à ses amis de tuer Alexandre 1-er; il s'offrait lui-même pour l'exécuter. Les membres de la société n'y consentirent pas, et Yakouchkine, froissé et mécontent, rompit avec l'Alliance. Un an après, comme il fallait s'y attendre, il revint.

Pendant cette année, la société avait marché. En 1819, nous voyons dans son sein, outre les fondateurs, des hommes éminents, haut placés, énergiques, influents, tels que les colonels Grabbe, Narischkine, le secrétaire d'Etat N. Tourguénéff, les princes Obolensky, Lopouchine, Chahovsky, Elias Dolgorouky, etc ²⁾.

¹⁾ A la manie furieuse des colonies militaires vint se joindre, dans le cerveau malade de l'empereur, la manie des bâtiments et des grands chemins. Sans aucune connaissance technique, sans égards aux moyens, aux nécessités, même aux saisons, il fit du bienfait populaire de la construction des chaussées—un malheur des paysans, les faisant travailler hâtivement par un genre de corvée forcée. Dans son inquiétude nerveuse, il parcourait l'empire d'un bout à l'autre, partout mécontent, précipitant le travail, harcelant les autorités, qui se servaient de tous les moyens les plus onéreux pour se vanter de leur zèle. Le prince Repnine, réprimandé par lui en qualité de gouverneur général, pour le mauvais état de la chaussée de Tchernigoff à Poltava, hasarda de faire observer que ces provinces, étant frappées par la famine, il n'avait pas cru possible d'employer trop de paysans sur la grande route. «Ce qu'ils mâchent à la maison, répondit avec dureté l'empereur, ils peuvent bien le mâcher sur la chaussée». Что они дома сосутъ, то могутъ сосать и на большой дорогѣ!

On est vraiment tenté de demander si c'est le même homme que nous avons vu après l'assassinat de Paul, que nous avons connu pendant les guerres, le même enfin de qui parlent Napoléon et Châteaubriand, M-me de Staël et Stein?

Un auteur allemand prétend que les dernières années de son règne il était atteint d'aliénation mentale. C'est très-possible! A. H.

²⁾ Nous voyons à côté de ces hommes qui, presque tous, sont allés expier leur dévouement aux travaux forcés, des noms qui sonnent étrangement avec les leurs, vu leur position postérieure, comme les deux frères Perovski,

Et il ne faut pas perdre de vue que nous ne parlons que de la société de Pétersbourg et de Moscou. Dans l'état major de la seconde armée, il y avait un autre centre, dirigé par le célèbre colonel Pestel, qui avait à côté de lui des amis comme le général prince S. Wolkonski et le général Youschnevsky, comme les colonels Davidoff, Serge Mouravieff, des hommes fanatiques comme Bestoujeff, Borissoff, etc.

Les cadres de l'Alliance de Pétersbourg devenaient trop serrés, le plan semblait vague, timide, lent. On se sentait fort et beaucoup plus près de l'action qu'on ne le supposait, l'audace s'accrut avec cette conscience. De là un désir naturel d'une réorganisation radicale, d'une épuration dans le but d'éliminer les tièdes et indécis.

On résolut—sous prétexte que le gouvernement était sur les traces de la société — de la dissoudre et de la reformer immédiatement après dans le silence le plus profond. Dans ce but, on envoya Yakouchkine à l'état-major de l'armée qui était à Toulchine, et on invita la société de Pestel d'envoyer un délégué de sa société à Pétersbourg.

Pestel voulait y aller lui-même. On craignait son énergie, sa force irrésistible, on le dissuada. Le colonel Bourtzoff vint à sa place, accepta tout, même le nouveau règlement écrit par Nikita Mouravieff, qui s'occupa de la formation d'une nouvelle société. Pestel et les siens n'étaient pas trop contents des nouvelles que leur apportait le colonel Bourtzoff. Ils pensèrent avec raison que la société des capitales n'avait aucun droit de dissoudre *sua sponte* toute l'Alliance. On se mit d'accord enfin; mais depuis ce temps les sociétés prirent divers noms: Société du Nord et Société du Sud, et ne se confondirent plus. Pestel réforma aussi sa société; elle était beaucoup plus avancée, tranchée et décidée que celle de Pétersbourg. Pestel allait droit au renversement du gouvernement impérial; il était persuadé que la forme républicaine était possible pour la Russie. Homme aux idées vastes, aux convictions inébranlables—«il n'a jamais faibli ni dévié d'une ligne—dit Yakouchkine, pendant les dix années», qu'il était véritable dictateur de la Société du Sud. C'est lui qui parlait de la nécessité d'intro-

l'un ministre de l'intérieur, l'autre gouverneur général d'Orenbourg; Bibikoff, général, gouverneur de Kiew et ministre après; Kaveline, général-gouverneur de St.-Petersbourg; et enfin faut-il le nommer? — Le monstrueux proconsul de Vilna et inquisiteur Michel Mouravieff.

Le prince Toubetzkoï mentionne encore dans ses mémoires les noms du prince Michel Gortchakoff, chef d'état-major de l'armée active; de l'amiral Litke; de Nicolas Mouravieff (de Kars) général en chef d'un corps d'armée; du général Gourko, chef de l'état-major au Caucase. A. H.

duire l'élément fédéral, qui regardait au delà des frontières, entrant en communication avec la Société des Slaves-Unis, qui envoyait le prince Wolkonski et Bestoujeff — faire une entente avec les Polonais; enfin c'est Pestel qui le premier montrait «la terre», la possession foncière et l'expropriation de la noblesse comme la base la plus sûre pour asseoir et enraciner la révolution. Les hommes du Nord, même Ryléjeff, ne sont jamais allés si loin.

L'empereur était très-alarmé, il ne savait rien de positif, mais il présumait beaucoup, lorsqu'un coup inattendu acheva de le troubler. En 1821, il était à Leybach, c'était le temps du congrès; là il jouait encore son rôle de libéral. Metternich voyait bien qu'il en était déjà fatigué et voulait l'entraîner à la réaction pure et franche (1821), il cherchait quelque chose pour frapper l'imagination de l'empereur. Le hasard le servit admirablement. Un jour le prince se présente chez l'empereur, le matin, lui parle, tout consterné, sur l'envahissement de tous les Etats par l'esprit révolutionnaire, sur la négligence des gouvernements; et voyant un sourire sur les lèvres d'Alexandre 1-er, lui dit: «Sire, ne pensez pas que votre pays soit à l'abri des idées révolutionnaires; au moment où j'ai l'honneur de vous parler, le régiment de la garde Séménovsky est en révolte à Saint-Pétersbourg».

L'empereur pâlit.

— D'où savez-vous cela? Moi je n'ai rien entendu.

— Un courrier du comte Lebzeltern vient d'arriver avec cette dépêche.

Alexandre était anéanti. Le prince Metternich se retira rayonnant. Le coup avait porté.

Le régiment qui a acclamé le premier Alexandre dans la célèbre nuit de mars 1801, le régiment qu'il aimait le plus, un des meilleurs de la garde, peut-être le meilleur — en état de mutinerie. Et le ministre autrichien en est informé, et lui, empereur de toutes les russies ne l'est pas.

Le courrier russe, envoyé par le commandant de garde quelques heures après le courrier de Lebzeltern, arriva enfin. C'était Pierre Tchaadajeff, si célèbre après. L'empereur le reçut mal. Après il voulut lui attacher les aiguillettes d'aide de camp. Tchaadajeff ne voulait ni être gourmandé pour la faute d'un autre, ni être récompensé à la suite d'une histoire malheureuse comme l'affaire du régiment Séménovsky, il donna sa démission.

Quelle était donc cette histoire du régiment Séménovsky? Nous avons publié dans *l'Etoile polaire* un récit fait par un contemporain ¹⁾.

¹⁾ «Полярная Звезда», т. III, стр. 303 и проч. А. Н.

Le régiment Séménovsky était en effet un des meilleurs de la garde; couvert de gloire, ayant à sa tête un homme distingué, le général aide de camp, comte Potémkine, et dans son sein des officiers excellents, éclairés, quelques-uns membres de la «Société», comme les deux Mouravieff-Apostol, etc.; ils déploraient le système barbare des vexations et punitions qu'on infligeait aux soldats, et prirent la résolution d'abolir complètement la bastonnade, les verges et toute punition corporelle dans le régiment. En même temps il tâchèrent d'améliorer le sort des soldats, de veiller sur leur nourriture, de faire croître leurs épargnes. Le colonel les aidait, les protégeait; les vieux militaires regardaient de travers ces innovations.

En 1821, Araktcheeff faisait je ne sais quelle collecte pour les colonies militaires. Les invitations étaient des ordres, tout le monde s'empressait de porter son denier. Pas un officier du régiment Séménovsky ne souscrit. C'était assez. Il fallait les perdre. Il parla à l'empereur du relâchement de discipline, de l'esprit des officiers, conseilla d'éloigner le comte Potemkine du commandement; et l'empereur donna au comte Potemkine une division entière de la garde et désigna un certain *Schwarz*, Allemand ou juif allemand, comme colonel de ce brillant régiment Séménovsky. C'était un de ces tyrans mesquins et sans pitié, ignorant, irascible, pédant et Allemand, pédant dans le service, pédant dans la discipline, comme on en voyait et on en voit encore des centaines dans l'armée russe. Il comprit pourquoi on l'avait désigné et se mit à *corriger* le régiment. Dès les premiers jours il était détesté par les officiers. Mais ceux qui souffraient le plus étaient les soldats; nuit et jour il ne leur laissait de repos; il continuait à la clarté des chandelles les exercices militaires pour les reprendre avant le jour, punissant la moindre négligence, la moindre contravention avec une sévérité froide et féroce. La patience des soldats, déshabitués d'être maltraités, devait se briser.

Un soir, après l'appel, la compagnie de Sa Majesté refusa de se retirer, déclarant qu'il était impossible de continuer un service pareil et demandant à haute voix son capitaine. Le capitaine Koschkaroff tâcha de les apaiser, et promit de porter leur plainte au général en chef: les soldats se retirèrent. Il tint sa parole, mais le comte Wasiltchikoff donna une autre tournure à l'affaire. Le lendemain soir il ordonna à la compagnie de se réunir au manège; là elle était déjà attendue par un bataillon du régiment des grenadiers avec des fusils chargés. Ils avaient l'ordre de mener la compagnie à la forteresse. Les soldats obéirent. Lorsqu'on apprit cela, une grande agitation s'empara de tout le régiment. Les soldats disaient à haute voix que la compagnie de Sa Majesté était seule punie, parce qu'elle s'était dé-

vouée pour eux tous; qu'ils voulaient, comme ils ont partagé la protestation, partager le sort de la compagnie et se rendre à la forteresse.

Les officiers tâchèrent de les dissuader, les soldats répondirent qu'ils ne voulaient pas abandonner leurs frères: alors les officiers se mirent dans leurs rangs. C'était grand et beau.

Le ci-devant colonel, le général aide de camp Potemkine, vint lui-même les conjurer, les haranger; mais voyant qu'ils étaient inébranlables, in fondit en larmes et ne put continuer. Il prévoyait les suites funestes. Le chef du corps vint aussi. Il demanda aux soldats pourquoi ils ne s'étaient pas plaints par les moyens légaux. Les soldats répondirent qu'il y avait un mois, un de leurs compagnons sortit des rangs pendant l'inspection pour porter une plainte, et qu'il avait été durement puni pour cela par lui-même.

«Mais enfin que voulez-vous donc?» demanda le comte Wassilitchikoff.

— «Que l'on mette en liberté la compagnie de Sa Majesté, ou qu'on mène tout le régiment à la forteresse.

Le général leur répondit que s'ils voulaient se mettre en rangs il les mènerait à la forteresse. Les soldats obéirent, les officiers (à l'exception de deux) se mirent à leur place et le régiment alla silencieux et tranquille à la forteresse. Pas un désordre la nuit. On cassa seulement quelques carreaux et glaces dans la maison de Schwarz, qui avait disparu dès le matin.

Le régiment fut dissous. On relégua provisoirement les soldats dans diverses forteresses de la Finlande. Après un jugement sommaire, quelques sous-officiers furent *condamnés au knout* et à l'exil à Nerchinsk; les subalternes étaient incorporés dans des régiments des garnisons éloignées, où ils restèrent jusqu'en 1840. Les officiers étaient renvoyés de la garde à l'armée. Le colonel Watkovsky, le commandant de la compagnie Koschkaroff, et le colonel *démissionnaire* Ermolaëff, exilés au Caucase; le prince Tcherbatoff, *qui se trouvait à Moscou* et ne prit aucune part à toute l'affaire, fut le plus puni. On trouva, nous ne savons quelle phrase dans une lettre qu'il avait écrite. On l'envoya comme soldat au Caucase, où il mourut en 1829 ¹⁾.

L'enquête avait été dirigée par les généraux Orloff et Lévaschoff, deux noms lugubres qui se répéteront bien souvent pendant nos études sur ce temps.

¹⁾ Remarquons que Nicolas n'amnistia personne à son avènement au trône. A. H.

Wassiltchikoff perdit le commandement de la garde; Schwarz, démissionné, alla se perdre et se faire oublier dans son village de Novgorod.

L'empereur revint à Pétersbourg tout bouleversé. Le fantôme d'une conspiration militaire le poursuivait jour et nuit. Soupçonneux, méfiant et ne pouvant rien découvrir positivement, il prenait des mesures, qui décelaient ses préoccupations.

En 1822, il fit brusquement fermer les loges maçonniques, qu'il protégeait lui-même. Immédiatement après, ordre de faire souscrire à tous les employés de l'Etat une déclaration qu'ils n'appartiennent à aucune société secrète, et un engagement pour l'avenir de s'en abstenir.

Yakouchkine raconte une anecdote très-remarquable. Elle prouve jusqu'à quel point l'empereur était attentif. Se trouvant dans le gouvernement de Smolensk en 1821, pendant une terrible famine, Yakouchkine se rencontra là avec Von Wiesen, Passek et autres. Ils firent des quêtes pour les paysans qui mouraient de faim. Ils donnèrent leur propre argent et firent tant, à Moscou et à Pétersbourg, que le gouvernement s'émut et envoya à Smolensk un vieux sénateur, Mertvaho, qui ne faisait rien, n'aidait personne. Des sommes considérables furent réunies par eux, et ce qui était beaucoup plus insolite en Russie, elles parvinrent à leur destination.

Un an après, l'empereur parlait un jour à son chef d'état-major, le prince Pierre Volkonsky, de cette maudite société secrète, insaisissable et pourtant active, minant l'opinion publique et la dominant. Le prince, qui était un ami du tzar, hasarda de manifester quelque doute sur la puissance de cette charbonnerie.

«Tu ne comprends rien, lui dit l'empereur, et tu ne connais ni ces gens ni leurs forces. Sais-tu que l'année passée ils ont nourri quelques districts du gouvernement de Smolensk pendant la famine?»

Et il nomma Yakouchkine, les généraux Passek et Von Wiesen. Le temps s'assombrissait.

Bientôt ce même prince Volkonsky devint suspect et tomba en disgrâce. Il ne voulait pas aller faire la cour à Araktchéef à sa campagne, l'empereur l'éloigna du commandement de l'état major.

Un seul homme indépendant, lié avec l'empereur depuis sa jeunesse, restait debout, c'était le prince Alexandre Galitzine, ministre de l'instruction et des cultes. L'évincer n'était pas facile, Araktchéef concentra toutes ses forces et l'écrasa avec éclat et une mise en scène hors ligne.

Le prince Galitzine était un homme médiocre, corrompu et piétiste, courtisan et illuminé; c'est lui qui avait introduit les sociétés

bibliques en Russie et la théologie dans l'enseignement universitaire. Devenu ministre de l'instruction publique, il commença une guerre acharnée, une persécution insensée contre la science *laïque*, les professeurs indépendants, les livres non piétistes. Il trouva un renégat du voltairianisme en Russie, un homme qui voulait faire à tout prix sa carrière, et l'associa à ses travaux. Le ministère de l'instruction se changea en inquisition. Magnitzky dénonçait non-seulement des professeurs qu'on démissionnait, mais des branches entières de science. Le *Droit naturel* fut supprimé, *l'Histoire moderne* mise à l'index. La médecine était *obligée* d'être chrétienne et d'enseigner que la maladie n'était qu'une conséquence nécessaire du péché originel.

On faisait des perquisitions, des arrestations de professeurs, non-seulement des gymnases et des universités, mais des écoles militaires, des lycées, sous les yeux de l'empereur, qui avec ses frères en était le chef nominal.

L'Université de Cazan était complètement minée par Magnitzky. L'Université de Pétersbourg attendait le même sort de son curateur Rounitch.

Et c'est ce moment de la terreur que choisit Araktchéf pour agir. Ne pensez pas qu'il allait arrêter cette folle main frappant la science, qu'il allait ouvrir les yeux de l'empereur; tout le contraire, il le poussa dans un abîme encore plus profond, et l'arrachant de l'influence des semi-luthériens, il le passa dans les mains calleuses d'un clergé national, sauvage, grossier et ignare.

Il prit trois associés pour son coup de théâtre.

Un moine fourbe, rongé d'ambition, astucieux, audacieux, comédien consommé, dominicain par le cœur, intrigant par envie, et deux vieillards demi-fous et fanatiques sincères. L'un était le vieil amiral *Chichkoff*, l'adversaire de Karamzine, l'adversaire de toutes les innovations, slavophile un quart de siècle avant l'invention du panslavisme; honnête homme capable de faire des dénonciations sans trop de scrupule et de tremper naïvement dans les scélératesses, toujours en vue de la gloire de l'Eglise grecque et des races slaves. L'autre était le métropolitain de Pétersbourg lui-même, *Séraphin*. C'était un véritable évêque byzantin, une de ces têtes vénérables à cheveux blancs qu'on voit sur les vieux tableaux et sur le mont Athos, qui imposent et qui cachent sous leur crâne épais une incapacité parfaite, un fanatisme incurable et stationnaire. Après avoir officié toute la vie, ces gens prennent la lithurgie pour la réalité et le rituel pour le sacrosaint de la religion; ils poussent la religion vers le fétichisme et la foi jusqu'à l'idolâtrie. L'intelligence devient complètement impuissante à saisir quelque chose qui ne porte pas le cachet de l'Esprit Saint.

Et dans le cas donné, non-seulement le cachet de l'Esprit Saint en général, mais spécialement celui du paraclète grec. Le métropolitain de Pétersbourg et l'amiral philologue, ces deux «enfants» de soixante-dix et quelques années, guidés, poussés et galvanisés par le jeune Loyola de Novgorod, dans les mains d'Araktchéef formaient une force énorme.

Galitzine inonde la Russie de traductions de l'Evangile du vieux slave en russe moderne. Les vieux orthodoxes virent dans cette vulgarisation de la parole divine une profanation sacrilège. Ils flairèrent du protestantisme dans les bibles, dans la société biblique et dans le piétisme tout allemand du prince-ministre.

Photius, choyé et entouré de dames aristocratiques, prêchait contre l'invasion de l'esprit moderne dans les salons. L'amiral Chichkoff pérorait dans les académies et les sociétés littéraires, envoyant des mémoires fulminants à l'empereur. Le métropolitain se taisait et préparait pour coup de grâce un bélier d'une autre force.

Les choses vinrent au point que le saint énergumène de Novgorod, rencontrant le prince Galitzine chez la comtesse Orloff¹⁾, célèbre par sa bigoterie et les dons immenses qu'elle fit au couvent de Photius, commença directement à l'attaquer. Le prince ne ce rendit pas et répliqua. Alors le moine se leva, pâle, tremblant, il arrêta ses yeux étincelants sous un front bas et petit, et lui dit: «Tu ne veux pas écouter l'appel... tu veux la lutte, nous verrons qui de nous est le plus fort... et dès ce moment, sois maudit, je prononce l'anathème contre toi». Le prince, terrifié, ne fit rien.

Il était perdu. Dans ces cas, il faut immédiatement frapper ou recevoir le coup.

Quelques jours après, à une heure insolite pour des audiences officielles, à six heures après le diner, Pétersbourg vit avec étonnement la voiture de parade du métropolitain parcourir la ville et s'arrêter devant la grande entrée du Palais d'Hiver. Sa sainteté demandait à être introduite chez l'empereur, d'urgence et à l'instant même. Tout le palais ébahi, en émoi, la foule se rassemblant sur la place, et le vieillard à cheveux blancs donnant à droite et à gauche sa bénédiction. L'empereur, qui ne se doutait de rien, étonné, effrayé, le reçut dans son cabinet de travail. Le vieux prêtre, tenant un livre à la main, fléchit les genoux devant l'empereur et se prosterna à ses pieds; d'une voix pleine de larmes il lui dit que: «le temps est venu, pour

¹⁾ Fille du comte Alexis, l'assassin de Pierre III. A. H.

lui tzar orthodoxe, de sauver l'orthodoxie; l'Eglise est en danger! Il faut immédiatement éloigner l'apostat.»

L'empereur, alarmé, promit tout.

Le livre était l'œuvre la plus inoffensive et la plus ennuyeuse du monde: s'était la traduction d'un recueil d'articles pieux du pasteur anglican Gasser, qui se trouvait à Pétersbourg.

Ce recueil était imprimé par la société biblique, d'après l'ordre du ministre. Magnitzky, trahissant son chef et son bienfaiteur, vola par l'intermédiaire d'un prote, qu'il avait suborné, des feuilles de l'ouvrage et les porta chez le vieux fanatique comme preuves de propagande luthérienne.

Galitzine, de persécuteur devint persécuté. Alexandre tombait complètement sous l'influence d'un clergé idolâtre, grossier et ignorant. C'était déjà l'aube de l'Eglise *nationale*, l'Eglise de l'empereur Nicolas, intronisée par lui, sanctifiée par les slavophiles de Moscou, et qui projette maintenant les ombres noires de ses cinq coupoles byzantines sur toute la Russie.

Chichkoff fut nommé ministre de l'instruction publique.

Alexandre resta deux heures en tête à tête, enfermé dans son cabinet, avec Photius. Le moine en sortit impassible, comme il était entré. Nul ne saura de quoi les deux hommes ont parlé...

Depuis cette crise commence l'agonie d'Alexandre 1er.

Il s'éclipse, devient presque invisible, s'éloigne du monde, fuit les fêtes et les réceptions, visite seul des couvents, tourne les grandes villes par des traverses, et *s'il n'y en a pas, les laisse faire ad hoc*. En 1824, il apparaît pour un instant à Moscou¹⁾, et s'en va mourir à Taganrog... Comme nous en avons parlé dans le chapitre précédent.

Les coups de canon du 14/26 décembre étaient son *requiem* mélancolique et étrange.

III.

Yakouchkine ne parle pas du 14/25 décembre 1825. Il n'était pas à Pétersbourg ce jour grand et tragique.

Nous verrons dans les mémoires du prince Serge Troubetzkoï que la journée était parfaitement motivée, quoique elle soit venue

1) C'est alors que je l'ai vu pour la première fois; j'avais douze ans, je me rappelle très-bien sa figure voûtée, ses sourcils froncés, son regard triste. Il allait lentement à cheval avec le prince Dmitri Galitzine. Rien de dur dans l'expression. Ce n'est pas la nature qui a fait de cet homme un tyran, ce n'est pas par goût qu'il a commis toutes les scélératesses qu'on lui reproche. *Il était dépaycé. A. H.*

comme par surprise. Nous verrons quelque détails donnés par J. Poustchine et Nicolas Bestoujeff.

Maintenant nous suivrons le récit de notre auteur.

Après une tentative échouée pour soulever les troupes à Moscou, profitant de la confusion du second serment, Yakouchkine resta tranquille à Moscou, et ce n'est que le 10/22 janvier qu'il fut arrêté, immédiatement envoyé à Pétersbourg et enfermé au rez-de-chaussée du Palais d'Hiver. — «Le lendemain soir on me mena, dit Yakouchkine, à l'Hermitage. Dans un coin de la grande salle des tableaux, sous le portrait de Clément IX, se trouvait le général Levachoff, assis devant une table de jeu. Il me montra une chaise vis-à-vis de lui et commença par la question: «Avez-vous appartenu à la société secrète?» Je répondis affirmativement.

— Quels *actes* connaissez-vous de la société? — Des *actes*... je n'en connais aucun.

— Monsieur, vous ne devez pas présumer que nous ne savons rien. L'événement du 14/26 décembre n'était qu'une explosion prématurée. Vous savez très-bien qu'en 1818 ~~encore~~ vous deviez tuer l'empereur Alexandre.

Cela me donna à penser. Je ne croyais pas que la discussion dans notre petit comité fût connue.

— J'ajouterai quelques détails, continua Levachoff. Parmi les personnes qui étaient présentes et qui projetaient le régicide, c'est votre nom que le sort désigna comme exécuteur.

— Pardon, général, je me suis offert moi-même pour porter le coup.

Levachoff inscrivit mes paroles.

— Maintenant, je vous prie de me nommer ceux de vos complices qui étaient présents à ce conciliabule.

— Il m'est impossible de le faire; en entrant dans la société secrète, j'ai donné ma parole de ne jamais nommer les personnes.

— On vous forcera. Je dois vous dire que nous avons en Russie la torture.

— Je suis très-reconnaissant à Votre Excellence de la confiance que vous me faites, et je sens, dans ce cas, plus que jamais le devoir de ne nommer personne.

— Pour cette fois, dit le général, en français, je ne vous parle pas comme votre juge, mais comme un gentilhomme, votre égal, et je ne conçois pas pourquoi vous voulez être martyr pour des gens qui vous ont trahi et vous ont nommé.

— Je ne suis pas ici pour juger la conduite de mes camarades,

et je ne dois penser qu'à remplir les engagements que j'ai pris en entrant dans la société.

— Tous vos collègues ont déposé que le but de la société était le changement du gouvernement autocratique en gouvernement représentatif.

— Cela peut bien être.

— Mais quelle est donc la constitution qu'on voulait introduire?

— Je ne saurais vous trop préciser, général.

— De quoi vous êtes-vous donc occupé dans la société?

— Je m'occupais spécialement de la **recherche des moyens d'émancipation des paysans.**

— Eh bien, que dites-vous à ce sujet?

— Je dirai que c'est un noeud que le gouvernement doit dénouer nécessairement, et s'il ne le fait pas, il se dénouera de lui-même d'une manière terrible et violente.

— Que peut faire le gouvernement dans ce cas?

— Le rachat des terres.

— Impossible, vous connaissez vous-même l'état de nos finances.

Encore quelques questions et une seconde invitation de nommer les membres de l'association, encore un refus de ma part. Levachoff me donna la feuille sur laquelle il griffonnait pendant notre conversation, et me demanda: «Voulez-vous signer?» Je la signai sans avoir lu; il me congédia, je sortis. Pendant la conversation avec Levachoff je me sentais à mon aise, et je ne cessai de contempler la sainte famille de Dominiquin. Me trouvant seul avec une ordonnance, je commençai à réfléchir sur le mot torture prononcé par le général. La porte s'ouvrit et Levachoff me fit signe de rentrer. Près de la table se tenait debout l'empereur. Il me dit d'approcher, et après: «Avez-vous pensé à ce que vous attend dans l'autre monde? La damnation éternelle! Vous pouvez mépriser l'opinion des hommes, mais les punitions du ciel pour avoir trahi le serment! Je ne veux pas votre perte irrévocable, je vous enverrai un prêtre». Une pause.

— Pourquoi ne me répondez-vous pas?

— Je ne sais pas ce que Votre Majesté daigne me demander.

— Il me semble que je parle assez clairement. Si vous ne voulez pas traîner à l'abîme votre famille, *si vous ne voulez pas qu'on vous traite comme un cochon* vous devez tout m'avouer.

— J'ai donné ma parole de ne nommer personne. Ce que j'ai pu dire sur mon compte, je l'ai tout dit à Son Excellence, répondis-je en montrant Levachoff, qui se tenait éloigné dans une position respectueuse.

— *Que me ferez-vous — Son Excellence et votre dégoûtante parole d'honneur!*

— Je ne puis nommer personne.

Nicolas recula de trois pas et dit en me montrant:—*Lui mettre des fers l'enchaîner de manière qu'il ne puisse se mouvoir.*

En voyant le tzar, je craignais fortement qu'il ne m'humiliât en parlant avec calme et modération, en relevant les côtés faibles de la société; je craignais qu'il ne m'accablât par sa générosité. Mais dès le premier instant j'étais rassuré. Je me sentis plus fort que lui, et tel je suis resté pendant toute la conversation.

On me transféra à la forteresse. Le commandant général, Soukine, qui avait une jambe de bois, me reçut; il prit la petite feuille de papier qu'on lui présenta, l'approcha de la bougie et dit lentement: «Ordre de l'enchaîner!»

Sur cela, on lui mit les fers aux bras et aux pieds, on lui banda les yeux et on le mena dans «les oubliettes de Pétersbourg,» dans le fameux ravelin d'Alexis, où l'on entrait quelquefois, mais d'où l'on ne sortait presque jamais. C'est là que le féroce Pierre Ier fit périr son fils Alexis (de là le nom du ravelin); c'est là que périt la pauvre princesse Tarakanoff, noyée dans sa casemate.

Un vieillard septuagénaire, chef du ravelin, mena Yakouchkine dans la casemate n° 1. On lui ôta ses habits, on lui donna une chemise grossière tout en loques et un pantalon pareil. «Après quoi le vieillard se mit à genoux pour remettre les fers, enveloppa dans un chiffon les menottes et me demanda si je pouvais écrire. Je lui répondis affirmativement. Sur cela il me souhaita une bonne nuit, et, disant: «La miséricorde de Dieu nous sauvera tous», il sortit avec sa suite. La porte se ferma sur eux, et j'entendis le bruit deux fois répété de la serrure.

La chambre dans laquelle j'étais avait six pas de longueur sur quatre de largeur; les murs portaient encore des traces de l'inondation de 1824, les carreaux étaient enduits d'une couleur blanche; la fenêtre barrée par une forte grille de fer. Un lit, un poêle, une petite table, une cruche d'eau, une veilleuse, une chaise de nuit et deux chaises, tel était l'ameublement. A neuf heures du soir un soldat m'apporta un potage aux choux; il y avait deux jours que je n'avais mangé, je me mis non sans plaisir au *stchi*. La marche était peu commode avec les chaînes (elles pesaient près de douze kilogr.), qui faisaient un tel bruit que j'avais conscience d'ennuyer mes voisins. Je me couchai et j'aurais tranquillement dormi, si les menottes ne m'eussent réveillé à chaque instant.

Le lendemain j'étais encore au lit lorsque la porte s'ouvrit,

et un vieux prêtre, haut de taille et tout blanc de cheveux, entra. Il prit une chaise, se mit à côté de mon lit et me dit que l'empereur l'avait envoyé chez moi.

— Est-ce que vous faites chaque année vos dévotions? me dit-il.

— Il y a plus de quinze ans que je n'en fais pas.

— Vous étiez peut-être empêché par le service?

— J'ai quitté le service depuis huit ans. Je ne faisais pas mes dévotions parce que je ne suis pas chrétien.

Le prêtre me parla alors de l'autre monde, des châtimens.

— Si vous croyez en la miséricorde de Dieu, dit Yakouchkine, vous devez être convaincu que nous tous serons pardonnés — vous, moi et mes juges.

C'était un brave homme. Il se retira les larmes aux yeux, en disant qu'il était désolé de ne pouvoir rien faire pour moi. Après lui, un sergent m'apporta, au lieu du dîner, un *morceau de pain de caserne*. (C'était par la faim que le profond Nicolas voulait convertir à la religion cet homme de fer!) Un officier m'apporta ma pipe et le tabac *pour me tenter* (encore mieux!), je dis qu'ils ne m'appartenaient pas et qu'il n'avait qu'à les emporter. Le soir du lendemain un autre prêtre, encore plus haut de taille, entra chez moi; c'était l'archiprêtre de la cathédrale de Kazan. Ses allures étaient tout autres; il m'embrassa avec tendresse et me parla de la patience avec laquelle les apôtres et les premiers pères souffraient leur terrible position.

— Saint père, lui dis-je, vous êtes venu ici par ordre du gouvernement.

Il resta interdit un instant, puis il me répondit:

— Certainement, sans une autorisation du gouvernement il me serait impossible de venir chez vous; mais, dans votre position, il me semble que vous devriez être content si un chien entra chez vous. Voilà pourquoi je pensais que ma visite ne vous serait pas désagréable.

— Certainement, chaque visite me ferait un plaisir extrême, mais vous êtes prêtre, et je vous demande la permission de commencer notre connaissance par une entière franchise. Comme prêtre, vous ne m'apporterez pas de grandes consolations. Au contraire... il y a parmi mes collègues des croyants qui seraient peut-être heureux de vous voir.

— Je ne veux rien savoir de vos croyances, dit l'archiprêtre Mislovski. Vous souffrez et je serai heureux si les visites non du prêtre, mais de l'homme, peuvent vous être agréables.

Je lui tendis ma main.

Il venait tous les jours et se conduisait avec un grand tact; il parlait de tout, à l'exception de la religion.

...Un soir j'entendis un grand bruit: un des détenus, Boulatoff, se démenait dans un accès de rage. Pendant huit jours il avait refusé toute nourriture. Ni prières ni menaces ne pouvaient le contraindre. Il devint fou furieux, on l'envoya à l'hôpital, où il mourut dix jours après. Avant sa mort on amena ses deux petites filles, qu'il aimait tendrement. Elles ne reconnurent pas leur père et prirent la fuite par horreur de lui.

Le même jour un caporal apporta, le soir, un pain blanc, me l'offrit *de la part de l'officier de service* et me pria de manger tout le pain, pour qu'il ne restât pas de miettes comme pièce d'accusation contre l'officier.

Le lendemain le commandant de la forteresse vint lui-même me voir. Il me conjura de nommer les membres de la société pour adoucir mon sort, et fit un long panégyrique du nouveau tzar, allant jusqu'à dire qu'il était un *ange de bonté*.

— Dieu veuille qu'il en soit ainsi, lui répondis-je.

— Eh bien, sans prendre note de votre obstination, j'ordonnerai qu'on vous apporte un dîner; mais comme vous n'avez depuis longtemps rien mangé que du pain, je vous enverrai avant du thé.

Je le remerciai, en disant qu'au bout du compte je ne tenais pas trop à ces choses. Pourtant il m'envoya du thé et un potage.

Je racontai le fait à l'archiprêtre et lui dis que le vieux général me semblait être, somme toute, un brave homme. Sur cela, Mislovski fit observer que la bonté du commandant était principalement fondée sur le désir sincère que je n'aie pas mourir comme Boulatoff à la suite de la nourriture insuffisante et mauvaise. Car, dit-il, la Commission de l'enquête tient énormément que personne ne meure avant la fin du procès ¹⁾.

... Les premiers jours de février un officier d'ordonnance apporta à Yakouchkine une lettre de sa femme, dans laquelle elle lui communiquait la naissance d'un fils. Cette lettre a été délivrée à Yakouchkine par ordre de l'empereur. Sa joie était immense. Il voulut même

¹⁾ L'archiprêtre Mislovski était un homme très-intelligent. Sa position était difficile, mais il s'en tirait non-seulement avec adresse, mais *cum grano salis*. Une fois Yakouchkine lui dit que pourtant en matière d'orthodoxie le gouvernement russe était assez tolérant et n'exigeait pas beaucoup. «Il n'exige rien, dit le prêtre, c'est bien vrai, seulement il envoie quelquefois les personnes qui ont abandonné l'orthodoxie à Solowetsk, ou les enferme dans des couvents.» A. H.

écrire une lettre de remerciement à l'empereur, heureusement l'officier était déjà parti, et la lettre ne fut pas écrite. Le même jour, après le souper, l'aide de camp de la place lui ordonna de mettre ses habits et de le suivre. Il lui apprit la manière de soutenir un peu les chaînes aux pieds par un mouchoir, lui banda les yeux, lui jeta sur les épaules une pelisse, et le mena en traîneau dans la maison du commandant. Là, après une assez longue attente, on introduisit Yakouchkine dans un grand salon fortement éclairé et on ôta le mouchoir de ses yeux.

«Je me trouvais au milieu d'une vaste pièce, à dix pas d'une table couverte de drap rouge. La première place était occupée par le président de la Commission, Tatistcheff; à côté de lui était le grand-duc Michel, ensuite le prince Alexandre Galitzine, le général Diebitch; entre lui et le prince Tchernicheff il y avait une place vide, celle de Levachoff. De l'autre côté du président étaient: le général gouverneur Koutouzoff, le comte Benkendorff, le général Potapoff et l'aide de camp colonel Adlerberg, qui sans être membre de la Commission y assistait pour faire ses rapports à l'empereur.

Après un moment de silence, le comte Tchernicheff me dit d'un ton solennel: «Approchez!» Me fers retentirent dans la salle.

— Avez-vous, me dit-il, prêté serment à l'empereur actuel?

— Non.

— Et pourquoi cela?

— Je n'ai pas prêté le serment parce que le serment est entouré de tant de formalités et de promesses que je n'ai pas cru convenable de le faire sans y croire.

Ce n'est qu'alors que l'idée m'est venue que la lettre de ma femme avait été employée comme guet-apens. Je regardai dès ce moment avec un dégoût profond et un mépris sans bornes mes juges.

— Vous voulez sauver vos complices, me dit Tchernicheff, vous ne réussirez pas.

— Si je voulais sauver quelqu'un, j'aurais commencé par moi-même, et dans ce cas je n'aurais pas dit ce que j'ai dit au général Levachoff.

— Quant à vous, vous ne pouvez pas vous sauver. Si le comité vous demande les noms, c'est dans le but unique de soulager votre sort. Comme vous persistez dans votre refus, nous vous nommerons tous les membres qui étaient présents lorsqu'on a pris la décision de tuer l'empereur défunt. Il y avait Alexandre, Nikita, Serge et Mathieu Mouraviëff, *Lounin*, von Viesen et *Chahofskoy*. Les uns affirment que le sort vous a désigné, d'autres que vous vous êtes proposé vous-même.

— Les derniers ont raison.

— Quelle affreuse position, dit le prince A. Galitzine, d'avoir l'âme chargée d'un tel crimel Est-ce que le prêtre a été chez vous?

— Oui, il a été chez moi.

— Koutouzoff, qui dormait, se réveilla et, sans bien comprendre de quoi il s'agissait, s'écria: «Comment, il n'a pas laissé entrer chez lui le prêtre!»

Galitzine le calma en disant que le prêtre y avait été.

— Est-ce qu'il n'y avait personne qui s'opposât dès le commencement à votre affreux projet?

— Von Viesen.

Tchernicheff sourit au grand-duc, et me dit avec une certaine douceur qu'on m'enverrait des questions par écrit.

Un jour après on m'apporta les mêmes questions par écrit.

«Ici, dit Yakouchkine avec une sainte franchise, ici commence l'action délétère, corruptrice de la prison, des fers, de la fatigue, du soin de sa famille, etc. Je commençai à tergiverser. Il me semblait que je jouais le rôle n'un Don Quichotte qui se présente, l'épée à la main, devant un lion qui, en le voyant, bâille, détourne la tête et s'endort.»

Yakouchkine écrivit les noms de tous les membres *nommés* en sa présence par la Commission et il en ajouta deux: le général Passek, qui s'était suicidé, et Tchaadaeff, qui n'était pas en Russie.

Vers la fin du grand carême, Yakouchkine consentit—et il désigne cela comme seconde chute—à communier. Le soir du même jour on ôta, sur l'ordre de l'empereur, les fers de ses pieds. Les premiers temps cela l'embarrassait; il était si faible que les fers qui restèrent sur les bras l'emportaient par leur poids. Une semaine après, le jour de Pâques, on ôta aussi les fers des bras.

...Le 15/27 juillet, vers une heure, on le mena dans la maison du commandant. «On me fit entrer dans une chambre dans laquelle je trouvai Nikita et Mathieu Mouravieff, le prince Wolkonski, Alexandre Bestoujeff et Guillaume Küchelbecker. J'ai été très-heureux de revoir les amis, principalement les Mouravieff, et pourtant j'ai été frappé du grand changement que je trouvai en eux; il étaient amaigris et exténués par la prison.

...Le prêtre apparut un instant, pour me glisser ces mots: «Vous entendrez parler de la sentence de mort, ne croyez pas à l'exécution.»

Enfin on les fit entrer tous les six dans la salle de la haute Cour criminelle. Des métropolitains, des archevêques, des membres du Conseil d'Etat, des généraux étaient assis devant une table; der-

rière eux se trouvait le Sénat. On leur lut la sentence de mort ¹⁾, et on les renvoya aux casemates,

«A minuit on vint me réveiller, on m'apporta mes habits et on me mena sur le pont qui réunit le ravelin à la forteresse. De tous les côtés, de toutes les casemates on menait des condamnés que l'on dirigeait vers la forteresse. Une fois réunis, nous traversâmes sans escorte la grande porte; nous passâmes à côté d'un échafaudage surmonté de deux poutres et d'une solive; des cordes descendaient de la solive. L'idée ne nous vint pas que c'était un gibet. Nous étions convaincus que personne ne serait exécuté.

Sur le couronnement de la forteresse il y avait quelques spectateurs, en grande partie des employés d'ambassade. Ils étaient étonnés que les condamnés, qui devaient dans un instant perdre fortune et position, allaient la tête haute, parlant gaiement entre eux, entendre la sentence.

On fit halte devant la forteresse, on lut encore une fois la sentence; après quoi on ordonna de mettre à genoux les militaires, de leur ôter leur uniformes et de briser leur épée au-dessus de la tête. «J'étais le dernier du côté droit, et c'est par moi que devait commencer l'exécution. Le soldat du train qui faisait la besogne me frappa de toute sa force avec mon épée sur la tête. On l'avait mal sciée au milieu. Je tombai, et en me relevant je lui dis: Tu m'assommeras si tu me frappes encore une fois avec cette force. Le général gouverneur Koutouzoff était à côté, à cheval, et j'ai très-bien vu *qu'il riait* en voyant cette déplorable scène. A une centaine de pas on jetait sur des bûchers nos uniformes, décorations, etc.»

Après cette cérémonie on les ramena dans les casemates... Le sergent qui apporta le dîner à Yakouchkine était pâle et abattu, il hasarda quelques mots: «Des horreurs ont été commises, cinq des vôtres ont été pendus». Yakouchkine ne pouvait le croire. Enfin le prêtre entra, le ciboire en main. «Est-ce vrai?» lui dit Yakouchkine. Le prêtre se jeta sur une chaise et serra en sanglotant le ciboire avec ses dents...

Il était présent à l'exécution. «Ils se préparaient tous à la mort avec un calme sublime, dit-il, et une grandeur d'âme à toute épreuve. Seul, Michel Bestoujeff avait des moments de faiblesse; il était si jeune (vingt-trois ans) et désirait tant de vivre encore». A deux heures du matin, l'archiprêtre les accompagna, donnant le bras au jeune Bestou-

¹⁾ On la commua après pour cette catégorie en *vingt années* de travaux forcés. A. H.

jeff. Au pied du gibet, Serge Mouravieff s'agenouilla et d'une voix forte, prononça: «Que Dieu sauve la Russie et qu'il sauve le Tzar».

«Profondément religieux, ajoute Yakouchkine, Mouravieff était sincère, il priait en mourant pour le tzar, comme le Christ priait sur la croix pour ses ennemis».

Le prêtre, en descendant les degrés de l'échafaud, entendit un bruit, tourna encore une fois les yeux vers les martyrs, il vit Pestel et Bestoujeff pendus, et les trois autres gisant, blessés, sur les planches, leurs têtes ayant passé par les noeuds des cordes, mouillées par la pluie.

Serge Mouravieff s'était grièvement blessé, une jambe était fracturée. «Pauvre Russie, dit-il, on ne sait pas même pendre un homme». Kahovsky prononça quelques imprécations. Ryleieff ne dit pas un mot¹⁾. Le général Tchernicheff ne perdit pas la tête, il ordonna de les pendre encore une fois.

Mislovsky bénit leurs cadavres²⁾.

Le 15 juillet, sur la place de Pierre, il y avait un *Te Deum expiatoire*, le métropolitain y assistait avec tout le clergé. L'archiprêtre Mislovsky n'y alla pas, il resta seul dans la cathédrale. Puis prenant le costume de deuil, il officia une messe de mort pour les cinq martyrs... Une femme éplorée entre dans la cathédrale et voit le vieux prêtre prosterné devant l'autel, priant pour le repos de l'âme de *Serge, Paul, Pierre, Michel et Conrad*. -

Cette dame était la soeur de Serge Mouravieff³⁾.

P. S. Il y a un point de rapprochement entre ce grand martyr et moi, qui m'est trop cher pour ne pas le communiquer à nos lecteurs.

¹⁾ Alexandre Bestoujeff et plusieurs autres disent au contraire que c'est Ryleieff qui a prononcé les paroles que Mislovsky attribue à Mouravieff. *A. H.*

²⁾ Ajoutons un mot sur Nicolas. De quelle trempe était cet individu, très-jeune encore en 1826, vous dira, non un révolutionnaire, mais le général très-connu et très-féal *Denis Davidoff*. La veille de l'exécution, des conspirateurs, dit-il dans ses mémoires, l'empereur, qui avait ordonné de *pendre* les condamnés au lieu de les décapiter, s'occupait tout le soir à trouver quelque chose de lugubre et d'offensant pour ajouter à l'horreur de la mise en scène. Il en avait réglé les moindres détails et n'était pas encore content. La nuit arrivée, il alla se coucher; tout à coup il demande une ordonnance et l'envoie à la forteresse: c'était l'ordre de faire battre le tambour pendant tout le temps de l'exécution, *comme on le bat lorsqu'on fait passer un soldat par les verges*. *A. H.*

³⁾ Madame Bibikoff. *A. H.*

Yakouchkine mourut à Moscou en 1856. Il revint de la Sibérie orientale après l'amnistie donnée par l'empereur actuel. Les mesquineries policières rendaient dure et blessante cette amnistie pour les vieillards. On refusa à Yakouchkine le permis de séjour à Moscou, et on ne revint sur cette décision que lorsqu'il tomba grièvement malade. Une nouvelle offense attendait le moribond à Moscou. Un factum semi-officiel sur l'avènement au trône de Nicolas fut imprimé par ordre de l'empereur. Après trente années, les vieilles injures, fardées à neuf, sa dressaient comme un *Ave* sinistre et immonde à la rencontre des ressuscités.

Des amis de Yakouchkine m'ont dit que le vieillard mourant, après avoir lu la brochure, dit en me désignant: «*je suis sûr qu'il vengera notre mémoire*»¹⁾).

Переводъ.

Историческіе очерки о герояхъ 1825 г. и ихъ предшественникахъ, по ихъ воспоминаніямъ.

Заговорщикъ 1825 г

(Иванъ Якушкинъ).

Мы просимъ читателей помнить, что эти *очерки* никоимъ образомъ не представляютъ *исторію* великаго заговора 1825 г. Это—только отрывки, отдѣльныя черты, наброски, отдѣльныя страницы, взятая изъ мемуаровъ и замѣтокъ И. Якушкина, Бестужева, князей Трубецкого, Оболенскаго и пр. Мы прибавили отъ себя только нѣсколько подробностей и обобщеній и старались, насколько возможно, сохранить собственныя слова этихъ героическихъ людей, которые писали ихъ закованными руками, въ глубинѣ восточной Сибири.

Вотъ почему мы не слили разные мемуары въ одну монографію, а, наоборотъ, сохранили ихъ индивидуальность, хотя иногда это заставляло насъ повторяться.

Настоящая глава есть отрывокъ изъ *первой части* мемуаровъ Ивана Якушкина. Мы такъ и не добились *второй*, которая была

¹⁾ Bien avant d'avoir entendu ces paroles, Ogareff et moi nous publiâmes à Londres une réfutation de la brochure sous le titre: *14/26 Decembre et l'empereur Nicolas*, Londres, 1858. A. H.

положительно обѣщана намъ нашими друзьями, болѣе щедрыми въ дружбѣ, чѣмъ въ исправности.

Есть такіе странные владѣльцы, которые наивно думаютъ, что подобные мемуары могутъ быть *частной собственностью*. Не только родственники и наслѣдники, но лица, получившія, по счастливой случайности, копію, запираютъ ее подъ замокъ, играя, такимъ образомъ, мало благородную роль собаки, которая съ ревнивой скупостью стерегла сѣно, не нужное ей самой.

15 іюня 1868 г.

I.

Судьбы русской имперіи свершились въ день триумфальнаго вѣзда Александра I въ Парижъ, въ сопровожденіи цѣлаго отряда монарховъ, среди которыхъ были австрійскій императоръ и прусскій король.

Nec plus ultra.¹⁾

Съ этого дня *имперія для имперіи* кончилась; надо было искать новыхъ основаній для ея поддержки, другихъ элементовъ для ея развитія, и они понемногу стали появляться.

Русская имперія, одѣтая на нѣмецкій ладъ Петромъ I, долго стучалась въ двери Европы, прося себѣ мѣста на пиру государей, пока эти двери открылись. Бурбоны съ презрѣніемъ смотрѣли на гиперборейскаго выскочку. Черезъ сто лѣтъ тѣ же Бурбоны были возстановлены на своемъ престолѣ русскимъ царемъ и русской арміей. Имперія хотѣла только утвердиться, быть признанной; теперь она выступала въ качествѣ непреодолимой, покровительствующей силы.

Задача Петра I была выполнена. Петербургское самовластье должно было завершить еще одно дѣло, которое было завершено наполовину и значительно позже. Когда задача была исчерпана, оно могло существовать только въ *измѣненномъ видѣ*. Даже война была бы только полумѣрой.

Сейчасъ же послѣ побѣды, около трона стала чувствоваться тягостная, жуткая пустота. Душа страдала. Александръ почувствовалъ это первый, но далеко не онъ одинъ. Онъ сдѣлался мечтательнымъ и грустнымъ; его смущали угрызенія совѣсти, разочарованія, предчувствія. Онъ тайкомъ уѣзжалъ изъ арміи, изъ совѣта

¹⁾ Дальше этого некуда было итти.

королей, отъ празднествъ конгресса и спѣшили преклонить колѣна въ горячей молитвѣ съ баронессой Крюднеръ, которая, послѣ дружбы съ м-мъ Таліенъ ¹⁾, стала экзальтированной фанатичкой.

Военная молодежь становилась задумчивой и сосредоточенной среди лавровъ и овацій. Было что-то болѣзненное въ этомъ контрастѣ родины, побѣдоносной вовнѣ и раздавленной внутри. Естественно напрашивалось сравненіе Россіи съ Франціей и другими странами. Въ два года войны образованіе молодыхъ офицеровъ сдѣлало огромный шагъ впередъ; они стали на голову выше и вернулись болѣе серьезными, чѣмъ ихъ старики-отцы, легкомысленные и низкопоклонные придворные, которые не понимали ихъ и смотрѣли на нихъ съ удивленіемъ. Дѣло въ томъ, что они стали не только болѣе серьезными, но и болѣе впечатлительными, болѣе вспыльчивыми и менѣе терпѣливыми, далекіе отъ духа пассивной покорности и вѣчнаго обожанія власти, которымъ такъ отличалось русское дворянство.

Они не забыли своей родины, не предпочли ей другія страны; наоборотъ, именно они-то и любили Россію, «но странною любовью», какъ говоритъ поэтъ ²⁾. На поляхъ битвы они научились видѣть въ солдатѣ человѣка; они стѣснялись употреблять палочные удары, стыдились имѣть рабовъ и трепетали отъ негодованія, что сами не могутъ противопоставить могуществу власти никакого человѣческаго права.

Тотъ самый толчокъ, который разбудилъ и развилъ офицеровъ, подѣйствовалъ удручающимъ образомъ на императора. Его сердце, болѣе мрачное и недовѣрчивое, чѣмъ когда бы то ни было, стало портиться; его черный мистицизмъ переходилъ въ манію и ничѣмъ не мѣшалъ дурнымъ душевнымъ наклонностямъ. Глубокое презрѣніе, явная ненависть ко всему русскому овладѣли имъ. Либеральный и гуманный въ Европѣ, въ Польшѣ, онъ становился въ Россіи беспощаднымъ, мелочнымъ и утомленнымъ деспотомъ. «Онъ былъ чужимъ на родинѣ, онъ былъ внѣ своей стихіи». Онъ не понималъ Россіи и *начиналъ замѣчать это*. Когда-то онъ искренно желалъ добра своему народу, но не могъ ничего сдѣлать. Чтобы отомстить, онъ всячески унижалъ его, не скрывая своей злобности.

¹⁾ Жена дѣятеля франц. революціи, члена національнаго конвента Таліена. Имѣла смягчающее вліяніе на мужа, примкнувшаго къ партіи Горы, чѣмъ спасла много жертвъ.

²⁾ Лермонтовъ „Отчизна“.

Когда герцогъ Веллингтонъ, во время смотра на равнинѣ des Vertus, сдѣлалъ царю комплиментъ по поводу безупречной выправки русскихъ войскъ, Александръ отвѣтилъ ему: «У меня на службѣ много иностранцевъ, имъ я обязанъ этимъ».

Адъютантъ графъ Ожеровскій рассказывалъ съ удивленіемъ своимъ товарищамъ, что государь въ присутствіи нѣсколькихъ чело­вѣкъ воскликнулъ: «Русскій, если онъ не дуракъ, то плутъ». И это—въ Парижѣ, въ 1814 г.!

Видя, что все сдѣланное имъ не пускаетъ корней, что единственная удавшаяся ему вещь была война, Александръ затаилъ глубокую злобу—не противъ жадной, испорченной бюрократіи, не противъ невѣжественнаго, алчнаго и могущественнаго дворянства, парализовавшихъ всё его начинанія, а противъ народа, *великаю неизвѣстнаю*, нѣмого, несчастнаго, инертнаго, бездѣйственнаго, который не принималъ ничего отъ *Danaos dona ferentes* ¹⁾. Утомленный всѣмъ этимъ, Александръ отвернулся отъ дѣлъ и съ ожесточеніемъ бросился въ *марсоманію* парадовъ, мундировъ, эволюцій, военныхъ упражненій шагомъ ускореннымъ и журавлинымъ шагомъ, наслѣдственную болѣзнь въ фамиліи Голштейнъ-Готторпъ со времени капрала въ *ламашахъ* и императора Петра III.

Мы увидимъ изъ разсказа одного молодого гвардейскаго офицера, возвратившагося въ Россію послѣ кампаніи 1814 г., какъ далеко уже зашелъ императоръ.

Этотъ офицеръ—и есть самъ превосходный, энергичный *Иванъ Якушкинъ*.

Первое, что поражаетъ его при возвращеніи въ Россію, это то, что во время высадки войскъ въ Ораніенбаумъ, полиція, чтобы очистить мѣсто для батальоновъ, била кулаками направо и налево людей, сбѣжавшихся привѣтствовать благополучное возвращеніе солдатъ. Сердце молодого чело­вѣка *сжалось*. Таковъ былъ *первый приемъ*.

Второй не замедлилъ. Якушкинъ, въ статскомъ платьѣ, пошелъ съ графомъ Толстымъ смотрѣть на триумфальное вступленіе девятой дивизіи императорской гвардіи. Императрица-мать ожидала въ парадномъ экипажѣ, съ одной изъ великихъ княгинь, около арки, специально воздвигнутой для сего торжества. Императоръ самъ вышелъ навстрѣчу войскамъ, чтобы стать во главѣ ихъ. Якушкинъ былъ въ двухъ шагахъ отъ императорскаго экипажа; море народа покрывало дорогу и проѣзды.

¹⁾ Данайцевъ, приносящихъ дары.

Императоръ, наконецъ, явился передъ войсками, верхомъ на великолѣпномъ конѣ; онъ приближался, прекрасный и лучезарный, съ обнаженной шпагой въ рукѣ. Но въ ту минуту, какъ онъ, опуская шпагу, хотѣлъ поздороваться съ матерью, какой-то несчастный мужикъ, подталкиваемый сзади и желая лучше видѣть, сломалъ заборъ и перебѣжалъ улицу въ нѣкоторомъ разстояніи отъ государя. Тогда тотъ, внѣ себя, далъ шпоры лошади и *съ обнаженной шпагой* бросился на мужика; полиція, разумѣется, бросилась на бѣднягу и стала осыпать его ударами.

«Мы не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ и отвернулись со стыдомъ, продолжаетъ Якушкинъ; это было началомъ моего разочарованія въ отношеніи государя, и я невольно подумалъ о кошкѣ, превращенной въ прекрасную женщину, которая, однако, не могла видѣть мышъ, чтобы не броситься на нее».

Еще фактъ: въ 1817 г. послѣднія войска вернулись изъ Франціи. Александръ вышелъ навстрѣчу людямъ, которые больше пяти лѣтъ терпѣли всѣ тяготы отдаленной кампаніи; увидѣвъ, *что они плохо держали строй*, онъ прогналъ ихъ съ площади и раскассировалъ одинъ изъ стрѣлковыхъ полковъ.

По доносу, сдѣланному злымъ шуткомъ, полковникомъ артиллеріи Таубе, будто бы офицеры *невѣжливы*, Александръ, не разслѣдовавъ дѣла, не разспросивъ о мотивахъ и не желая слушать извиненій, наказалъ весь офицерскій корпусъ гвардейской артиллеріи и пять лучшихъ удалилъ изъ арміи.

Молодежь роптала и была въ отчаяніи. Люди серьезные стали размышлять не только о печальномъ положеніи страны, но о необходимости найти средства для выхода изъ него.

Разъ вечеромъ, это было въ 1816 г., четыре офицера собрались въ комнатѣ у Муравьевыхъ-Апостоловъ. Говорили о трудномъ положеніи, въ которомъ всѣ очутились, и о жалкомъ состояніи страны. Подошли еще двое Муравьевыхъ. Одинъ изъ послѣднихъ предложилъ соединиться противъ нѣмецкой партіи. Якушкинъ отказался участвовать, объявивъ, что онъ готовъ вступить въ такое общество, цѣлью котораго было бы не оттѣсненіе нѣсколькихъ нѣмцевъ, но общее улучшеніе судебъ Россіи. Муравьевы-Апостолы держались его мнѣнія. Тогда Муравьевы признались, что лига противъ нѣмцевъ была только пробой, и что они хотѣли бы предложить совсѣмъ другое общество. Они сейчасъ же сговорились относительно его основаній.

Вотъ отправная точка, *punctum saliens* великой борьбы, подпольной работы въ теченіе тридцати лѣтъ послѣ 1825 г. и пробужденія, послѣдовавшаго послѣ смерти Николая.

Эти *шесть именов* принадлежатъ исторіи. Вотъ они: *Сергій*¹⁾ и *Матвѣй Муравьевы-Апостолы*, *Александръ и Никита Муравьевы*, князь *Сергій Трубецкой* и *Якушкинъ*.

Они *вшестеромъ* рѣшили не принимать ни одного члена безъ единодушнаго согласія всѣхъ.

Петербургская жизнь казалась Якушкину невыносимой; онъ покинулъ гвардію и перешелъ на службу въ простой стрѣлковый полкъ. По дорогѣ онъ заѣхалъ повидаться со своимъ дядей, который управлялъ его родовымъ имѣніемъ, расположеннымъ въ Смоленской губерніи, и объявилъ ему, что твердо рѣшилъ освободить своихъ крестьянъ. Дядя выслушалъ его молча, съ грустнымъ видомъ, но не дѣлая никакихъ возраженій. Старикъ былъ убѣжденъ, что его племянникъ сошелъ съ ума. Едва прибывъ въ 37-ой стрѣлковый полкъ, онъ совершаетъ явное нарушеніе постановленія *шести* и дѣлаетъ замѣчательное пріобрѣтеніе для общества: привлекаетъ къ нему своего полковника, *Фонъ-Визина*, человѣка съ большими достоинствами.

Годъ спустя, мы видимъ уже среди членовъ общества знаменитаго полковника Пестеля, который пишетъ первый уставъ общества, названнаго имъ «*Союзомъ благодѣствія*». Въ то же время, около Фонъ-Визина организуется общество пропаганды среди военныхъ.

Въ то время, какъ эта группа энергичныхъ и благородныхъ людей обрекала себя, зная свой жребій, почти на вѣрную гибель, въ Зимнемъ дворцѣ замышлялся другой заговоръ.

Образованіе военныхъ поселеній сдѣлалось маніей императора; ему нехватало только исполнителя этого величайшаго преступленія его царствованія; онъ скоро нашелъ его въ человѣкѣ суровомъ и жестокомъ, безпощадномъ и ограниченномъ, алчномъ и свирѣпомъ, въ своемъ *друломъ* я, графѣ Аракчеевѣ, генералѣ-отъ артиллеріи, извѣстномъ своей трусостью на полѣ битвы, котораго *ненавидѣла* и презирала вся Россія. На его-то *гнусныя плечи* утомленный императоръ набрасывалъ постепенно бремя верховной власти и ему же поручилъ осуществленіе своей чудовищной мечты.

Новая исторія не видѣла ничего подобнаго; гнусность средствъ превосходитъ нелѣпость проекта.

¹⁾ Тотъ, который былъ повѣшенъ. Остальные, за исключеніемъ Александра Муравьева, были всѣ сосланы въ каторжныя работы. Матвѣй Муравьевъ, Трубецкой и Якушкинъ вернулись въ 1856 г. А. И. Г

Предполагалось использовать широкую полосу земли, начиная съ ѳѣвера, и довести ее до Чернаго моря. Превращая крестьянъ въ солдатъ и расселяя полки въ передѣланныхъ такимъ образомъ деревняхъ, думали, при помощи поселеній, образовать *военную Россію*, раздѣляя на-двое, какъ потокомъ, гражданскую Россію. Поселенія, въ воображеніи императора, должны были быть постояннымъ разсадникомъ арміи, мѣстомъ расквартированія всей кавалеріи и всей пѣхоты съ ихъ главными штабами и управленіемъ. Всѣ они должны были кормиться и содержать себя собственной работой, собственными средствами. По мѣрѣ того, какъ чудовище спускалось отъ Старой Руссы близъ Новгорода, все должно было быть раздавлено, унесено, сломано, сдѣлано навѣки солдатомъ, солдатомъ наследственнымъ, безъ всякой пощады, съ лихорадочной поспѣшностью и съ педантизмомъ, граничащимъ съ сумашествіемъ. При первыхъ же попыткахъ крестьяне взбунтовались; *Аракчеевъ стрѣлялъ въ нихъ изъ пушекъ, рубилъ ихъ на куски съ кавалерійскими атаками, бралъ деревни въ штыки*. Оставшіеся отъ кровопролитія перенесли розги, и *порядокъ восторжествовалъ*. Затѣмъ несчастнымъ объявили, что *ихъ дома и имущества* больше не принадлежать имъ, что отнынѣ они становятся солдатами-земледѣльцами и будутъ работать не для себя самихъ, а для полка. Имъ обрили бороды, ихъ обрядили въ военные мундиры и раздѣлили на бригады и роты. Никогда революціонный терроръ и ужасъ, ни попытки коммунизма, со временъ анабаптистовъ вплоть до Бабѣфа, не сдѣлали ничего хоть отдаленно похожаго на произведеніе этого коронованнаго утописта, игравшаго въ 1801 г. въ комитетъ общественнаго спасенія, этого меланхолическаго плѣтиста салоновъ г-жи Крюденеръ и корифея либераловъ въ Священномъ союзѣ.

Есть факты, есть детали, которые на-вѣки остались врѣзанными въ народной памяти, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ, перо отказывается описывать; но они остаются въ качествѣ закраски для будущаго подъема ненависти и мести.

Бунтъ старо-русскихъ поселеній въ 1831 г. показалъ своей безпощадностью, что зародыши не погибли ¹⁾.

Цѣлыя семьи покидали свои дома и бродили по лѣсамъ, женщины топились, мужчины калѣчили себя, вѣшались. Наказанія были такъ чудовищны, что *часто заканчивались уже на трупахъ*.

¹⁾ Въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ мы дадимъ рассказъ свидѣтеля этого возстанія, который былъ напечатанъ въ русскомъ «Колоколѣ».

Когда пришли къ малороссійскимъ казакамъ, натолкнулись на отчаянное сопротивление. Эти люди помнили о льготахъ, которыя имъ когда-то даровали, помнили Стеньку Разина и Пугачева и съ ужасомъ отступили передъ введеніемъ военныхъ поселеній. Тогда прошли по ихъ тѣламъ. Чтобы оцѣнить всю нелѣпность этого послѣдняго преступленія, надо вспомнить, что казаки представляли собой совершенно готовые военныя поселенія, которыя превосходно дѣйствовали, какъ это было ими доказано во время войны 1812—1814 г.г. Но страсть къ единообразію и регламентаціи не хотѣла слышать о традиціонной и вполне народной формѣ организаціи.

Одинъ казакъ ¹⁾, отъ котораго требовалось согласіе и которому угрожали, что въ случаѣ сопротивленія, прогонять его сквозъ нѣсколько тысячъ розогъ (доходили до шести, восьми и даже десяти тысячъ), попросилъ нѣсколько минутъ на размышленіе. Это былъ человѣкъ уважаемый въ деревнѣ, его *свободному* согласію придавали значеніе.

Ему даютъ нѣсколько минутъ. Онъ возвращается съ мѣшкой, открываетъ его, кладетъ передъ палачами въ эполетахъ два трупъ своихъ дѣтей, которыхъ онъ только-что убилъ, и, сказавъ: «Они не будутъ солдатами», прибавляетъ: «А я не хочу». Затѣмъ снимаетъ одежду и говоритъ: «Я готовъ».

Продолжать невозможно ²⁾.

¹⁾ Я узналъ это отъ знаменитаго артиста Михаила Щепкина, малоросса; ему тогда было, значитъ, лѣтъ 20—25. А. И. Г.

²⁾ Къ сумасшедшей маніи военныхъ поселеній въ больномъ мозгу императора присоединилась манія построекъ и большихъ дорогъ. Безъ всякихъ техническихъ знаній, не обращая вниманія на средства, нужды, даже на время года, онъ изъ блага народнаго превращаетъ постройку шоссе-ныхъ дорогъ въ горе для крестьянъ, которые должны были спѣшно отбывать эту работу, какъ насильно навязанную барщину. Въ своей нервной тревогѣ онъ метался по имперіи изъ конца въ конецъ, всюду недовольный, ускоряя работу, изводя власти, которыя всѣми, даже самыми тягостными средствами, старались выказать передъ нимъ свое рвеніе. Губернаторъ князь Репнинъ, котораго онъ упрекалъ за плохое состояніе дороги между Черниговомъ и Полтавой, осмѣлился замѣтить, что такъ какъ эти губерніи были поражены голодомъ, онъ не считалъ возможнымъ употреблять большое количество крестьянъ на исправленіе дороги. «Что они дома сосутъ, то могутъ сосать и на большой дорогѣ», сурово отвѣтилъ государь.

Право, хочется спросить, тотъ ли это человѣкъ, котораго мы видѣли послѣ убійства Павла, котораго мы знали во время войны? тотъ ли, нако-

II.

Вслѣдствіе безумія государя и свирѣпой тираніи его «другого я», умы все болѣе и болѣе возбуждались. Возмущенный извѣстіями, которыя получались въ Москвѣ изъ Петербурга, Якушкинъ предложилъ въ 1817 г. своимъ друзьямъ убить Александра I и предлагалъ самого себя для исполненія этого. Члены общества не согласились, и Якушкинъ, обиженный и недовольный, порвалъ съ союзомъ. Черезъ годъ, какъ и слѣдовало ожидать, онъ вернулся.

Въ теченіе этого года общество подвигалось впередъ. Въ 1819 г. мы видимъ въ составѣ его, кромѣ основателей, людей выдающихся, высокопоставленныхъ, энергичныхъ, вліятельныхъ, какъ полковники Граббе, Нарышкинъ, государственный секретарь Н. Тургеневъ, князь Оболенскій, Лопухинъ, Шаховской, Илья Долгоруковъ и др. ¹⁾.

Не надо забывать что мы говоримъ только о петербургскомъ и московскомъ обществѣ. Въ штабѣ второй арміи былъ другой центръ, во главѣ котораго стоялъ знаменитый полковникъ Пестель; на его сторонѣ были такіе друзья, какъ генераль князь С. Волконскій и генераль Юшневскій, какъ полковникъ Давыдовъ, Сергѣй Муравьевъ, фанатики, какъ Бестужевъ, Борисовъ и др.

Рамки петербургскаго союза становились слишкомъ тѣсными, планъ казался неопредѣленнымъ, робкимъ, медленнымъ.

нець, о которомъ говорятъ Наполеонъ и Шатобрианъ, м-мъ де Сталь Штейнъ?

Одинъ нѣмецкій авторъ утверждаетъ, что онъ, въ концѣ своего царствованія, впалъ въ слабоуміе; весьма возможно. А. И. Г.

¹⁾ Рядомъ съ этими людьми, которые, почти безъ исключеній пошли за свою самоотверженность на каторгу, мы видимъ имена лицъ, которыя странно звучатъ въ виду ихъ послѣдующаго положенія, какъ два брата Перовскихъ—одинъ министръ внутр. дѣлъ, другой военный губернаторъ въ Оренбургѣ; Бибииковъ, кievскій генераль-губернаторъ и затѣмъ министръ; Кавелинъ, петербургскій генераль-губернаторъ и, наконецъ, называть ли?... чудовищный проконсулъ виленскій и инквизиторъ Михаилъ Муравьевъ.

Кн. Трубецкой называетъ въ своихъ мемуарахъ еще князя Михаила Горчакова, начальника главнаго штаба дѣйствующей арміи, адмирала Литке, Николая Муравьева (Карсскаго), главнокомандующаго отрядомъ арміи генерала Гурко, начальника кавказскаго главнаго штаба. А. И. Г.

Всѣ чувствовали себя бодро и гораздо ближе къ дѣйствию, чѣмъ предполагалось; смѣлость росла вмѣстѣ съ этимъ сознаниемъ. Отсюда — естественное желаніе рѣшительнаго переустройства, очистки въ цѣляхъ исключенія робкихъ и колеблющихся.

Рѣшено было, погъ предлогомъ, что правительство напало на слѣды общества, распустить его и немедленно же реформировать въ глубочайшей тайнѣ. Съ этой цѣлью Якушкина послали въ штабъ арміи, въ Тульчинъ, и предложили обществу Пестеля прислать делегата отъ его общества въ Петербургъ.

Пестель самъ хотѣлъ поѣхать. Боялись его энергіи, его неокрушимой силы и отговорили. Вмѣсто него прибылъ полковникъ Бурцевъ и все принялъ, — даже новый уставъ, написанный Никитой Муравьевымъ, который занялся образованіемъ новаго общества. Пестель и его близкіе были не очень довольны извѣстіями, которыя имъ привезъ полковникъ Бурцевъ. Они вполне правильно находили, что столицы не имѣли права самовольно распускать весь союзъ. Наконецъ, всѣ сговорились, но съ тѣхъ поръ общества стали носить различныя имена: Сѣверный Союзъ и Южный Союзъ, и болѣе не смѣшивались. Пестель тоже реформировалъ свое общество; оно было гораздо болѣе передовымъ, рѣзкимъ и рѣшительнымъ, чѣмъ петербургское. Пестель шелъ прямо къ ниспроверженію императорскаго правительства; онъ былъ убѣжденъ, что республиканская форма была возможна для Россіи. Человѣкъ широкихъ взглядовъ и непоколебимыхъ убѣжденій «онъ говоритъ Якушкинъ, никогда на волосъ не отклонился и не паль духомъ въ теченіе десяти лѣтъ», когда былъ настоящимъ диктаторомъ Южнаго общества. Это онъ говорилъ о необходимости ввести федеральный элементъ, обращался за границу, входя въ сношеніе съ обществомъ Соединенныхъ славянъ, послалъ князя Волконскаго и Бестужева заключить союзъ съ поляками; онъ первый, наконецъ, указалъ на «землю», на поземельную собственность и экспропріацію дворянства, какъ на самую вѣрную базу для того, чтобы утвердиться и пустить корни революціи. Сѣверные дѣятели, даже Рылѣевъ, никогда не шли такъ далеко.

Государь былъ очень встревоженъ; онъ не зналъ ничего положительнаго, но о многомъ догадывался, какъ вдругъ неожиданный ударъ окончательно смутилъ его. Въ 1821 г. онъ былъ въ Лайбахѣ, во время конгресса; онъ все еще игралъ тамъ роль либерала. Меттернихъ прекрасно видѣлъ, что онъ уже усталъ, и, желая вовлечь его въ открытую и откровенную реакцію (1821), искалъ чего-нибудь, что могло бы поразить воображеніе государя. Случай удивительно помогъ ему.

Однажды утромъ князь является къ государю, рассказываетъ ему съ ужасомъ о революціонномъ духѣ, овладѣвшемъ всѣми государствами, о небрежности правительства и, видя улыбку на губахъ Александра, говоритъ: «Государь, не думайте, что ваша страна избавлена отъ революціонныхъ идей; сейчасъ, когда я имѣю честь говорить съ вами, Семеновскій гвардейскій полкъ бунтуетъ въ Петербургѣ».

Государь поблѣднѣлъ.

— Откуда вы знаете это? Я ничего не слыхалъ.

— Только-что прибылъ съ этой депешей курьеръ графа Лебцельтерна.

Александръ былъ уничтоженъ. Князь Меттернихъ ушелъ. Ударъ былъ нанесенъ.

Полкъ, первый провозгласившій Александра въ знаменитую нѣчь 1801 г., самый любимый его полкъ, одинъ изъ лучшихъ въ гвардіи, можетъ быть лучшій, устраиваетъ мятежъ. И австрійскій министръ освѣдомленъ объ этомъ, а онъ, всея Руси самодержецъ,— нѣтъ.

Русскій курьеръ, посланный командиромъ гвардіи черезъ нѣсколько часовъ послѣ курьера Лебцельтерна, наконецъ, прибылъ. Это былъ Петръ Чаадаевъ, столь извѣстный впоследствии. Государь плохо принялъ его. Потомъ онъ хотѣлъ привѣсить ему адъютантскіе аксельбанты. Чаадаевъ, не пожелавъ ни быть обруганнымъ за ошибку другого, ни вознагражденнымъ по такому печальному поводу, какъ дѣло Семеновскаго полка, подалъ въ отставку.

Что же это была за исторія съ Семеновскимъ полкомъ? Мы напечатали въ «Полярной Звѣздѣ» рассказъ современника ¹⁾.

Семеновскій полкъ былъ, дѣйствительно, одинъ изъ лучшихъ гвардейскихъ полковъ; онъ былъ покрытъ славой и имѣлъ во главѣ выдающагося человѣка, генераль-адъютанта гр. Потемкина, а въ составѣ своемъ—много прекрасныхъ, образованныхъ офицеровъ, въ числѣ которыхъ были и члены Общества, какъ двое Муравьевыхъ - Апостоловъ и др.; они оплакивали варварскую систему мученій и наказаній, которую примѣняли къ солдатамъ, и рѣшили совершенно уничтожить въ полку битье палками, розгами и всякое тѣлесное наказаніе. Въ то же время они старались улучшить судьбу солдатъ, слѣдить за ихъ пищей, увеличивать ихъ сбереженія. Полковникъ помогалъ имъ, покровительствовалъ; старые военные косились на эти новшества.

¹⁾ «Полярная Звѣзда», т. II, стр. 303 и проч. А. И. Г.

Въ 1821 г. Аракчеевъ дѣлалъ какой-то сборъ на военныя поселенія. Приглашенія служили приказаніемъ, всѣ спѣшили внести свою лепту. Ни одинъ офицеръ Семеновскаго полка не подписался. Этого было достаточно. Надо было ихъ погубить. Онъ сталъ говорить государю объ упадкѣ дисциплины и офицерскаго духа, совѣтовалъ удалить гр. Потемкина; государь далъ гр. Потемкину цѣлую гвардейскую дивизію и назначилъ командиромъ этого блестящаго Семеновскаго полка нѣкоего *Шварца*, нѣмца или нѣмецкаго еврея. Это былъ одинъ изъ мелочныхъ и безжалостныхъ тирановъ, какихъ было и есть теперь много въ русской арміи—невѣжественный, злой педантъ и нѣмецъ, педантъ въ службѣ, педантъ въ дисциплинѣ. Онъ понялъ, зачѣмъ его назначили, и сталъ *исправлять* полкъ; офицеры съ первыхъ же дней возненавидѣли его. Но больше всѣхъ страдали солдаты; онъ не давалъ имъ покоя ни днемъ, ни ночью; онъ продолжалъ, при свѣчахъ, военныя упражненія съ тѣмъ, чтобы утромъ начать ихъ снова, наказывая за малѣйшую небрежность, за малѣйшее упущеніе съ холодной и дикой суровостью. Терпѣніе солдатъ, отвыкшихъ отъ мучительства, должно было истощиться.

Разъ вечеромъ, послѣ повѣрки, рота его величества отказалась уйти, объявивъ, что подобную службу продолжать невозможно, и громко требуя своего капитана.—Капитанъ Кошкарровъ старался ихъ успокоить и обѣщалъ передать ихъ жалобу главнокомандующему; солдаты удалились. Онъ сдержалъ свое слово, но гр. Васильчиковъ далъ всему дѣлу иной оборотъ. На слѣдующій вечеръ онъ приказалъ ротѣ собраться въ манежъ; тамъ ее уже ожидалъ батальонъ Гренадерскаго полка съ заряженными ружьями. Имъ было приказано отвести роту въ крѣпость. Солдаты повиновались. Когда узнали объ этомъ, сильное волненіе охватило полкъ. Солдаты громко говорили, что рота его величества наказана одна за то, что пожертвовала собой для всѣхъ; что они, дѣлившіе протестъ, хотятъ раздѣлить и участь роты и идти въ крѣпость.

Офицеры старались переубѣдить ихъ, но солдаты отвѣчали, что не желаютъ покинуть своихъ братьевъ. Тогда офицеры стали въ ихъ ряды. Это было величественно и красиво.

Прежній командиръ, генералъ-адъютантъ Потемкинъ, самъ пришелъ заклинять ихъ, увѣщевать; но, видя ихъ непоколебимость, разрыдался и не могъ продолжать. Онъ предвидѣлъ печальныя послѣдствія. Командиръ корпуса тоже пришелъ. Онъ спросилъ солдатъ, почему они не жаловались законными путями. Солдаты отвѣчали, что мѣсяць назадъ одинъ изъ ихъ товарищей вышелъ во

время смотра изъ строя, чтобы подать жалобу, и былъ за это самимъ корпуснымъ командиромъ жестоко наказанъ.

— Чего же, наконецъ, вы хотите?—спросилъ гр. Васильчиковъ.

— Чтобы освободили роту его величества или чтобы вели въ крѣпость весь полкъ.

Генераль отвѣтилъ имъ, что если они станутъ въ ряды, онъ отведетъ ихъ туда. Солдаты повиновались, офицеры (за исключеніемъ двухъ) стали на свои мѣста, и полкъ, молча и спокойно, двинулся въ крѣпость. Ночью не было никакихъ беспорядковъ. Разбили только нѣсколько стеколъ въ домѣ Шварца, который съ утра исчезъ.

Полкъ былъ раскассированъ. Солдаты временно были разосланы въ разныя финляндскія крѣпости. Послѣ краткаго судилища нѣсколько унтеръ-офицеровъ были приговорны *къ ударамъ кнута* и ссылкѣ въ Нерчинскъ; оберъ-офицеры были причислены къ полкамъ отдаленныхъ гарнизоновъ, гдѣ они оставались вплоть до 1840 г. Офицеры были переведены изъ гвардіи въ армію. Полковникъ Вадковскій, командующій ротой Кошкаровъ, и *отставной* полковникъ Ермолаевъ были высланы на Кавказъ; больше всего былъ наказанъ кн. Щербатовъ, *который находился въ Москвѣ* и не принималъ никакого участія во всемъ дѣлѣ. Нашли какую-то фразу въ его письмѣ и послали солдатомъ на Кавказъ, гдѣ онъ умеръ въ 1829 г. ¹⁾.

Слѣдствіе вели генералы Орловъ и Левашовъ—два мрачныхъ имени, которыя будутъ часто повторяться въ нашихъ статьяхъ объ этомъ времени.

Васильчиковъ потерялъ командованіе гвардіей; отставленный Шварцъ скрылся и былъ забытъ въ своей новгородской деревнѣ.

Государь вернулъся въ Петербургъ совершенно разстроеннымъ. Призракъ военнаго заговора преслѣдовалъ его день и ночь. Подозрительный, недоувѣрчивый, онъ не могъ открыть ничего положительнаго и принималъ мѣры, которыя выдавали его тревогу.

Въ 1822 г. онъ внезапно приказалъ закрыть масонскія ложи, которымъ самъ покровительствовалъ. Сейчасъ же послѣ этого—приказъ о томъ, чтобы всѣ состоящіе на государственной службѣ дали подписку о непринадлежности къ какому бы то ни было тайному обществу, а также и впредь обѣщали бы избѣгать ихъ.

¹⁾ Замѣтимъ, что Николай никого не простилъ при своемъ вступленіи на престолъ.

Якушкинъ приводитъ замѣчательный анекдотъ. Онъ доказываетъ, до какой степени государь былъ насторожѣ. Находясь, во время ужаснаго голода 1821 года въ Смоленской губерніи, Якушкинъ встрѣтился тамъ съ Фонъ-Визиньмъ, Пассекомъ и другими. Они дѣлали сборы для умиравшихъ съ голоду крестьянъ, жертвовали собственныя деньги и столько сдѣлали въ Москвѣ и Петербургѣ, что правительство взволновалось и послало въ Смоленскъ стараго сенатора Мертваго, который ничего не дѣлалъ, никому не помогалъ. Ими были собраны порядочныя суммы, и, что было совсѣмъ необычно для Россіи, суммы эти достигли своего назначенія.

Годъ спустя, государь рассказывалъ какъ-то своему начальнику штаба кн. Петру Волконскому объ этомъ проклятомъ тайномъ обществѣ, неуловимомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельномъ, которое возбуждаетъ общественное мнѣніе и владѣетъ имъ. Князь, бывшій другомъ царя, осмѣлился высказать нѣкоторое сомнѣніе относительно могущества этой шайки.

«Ты ничего не понимаешь,—сказалъ ему государь,—и не знаешь ми этихъ людей, ни ихъ силъ. Знаешь ли, что въ прошломъ году они, во время голода, прокормили нѣсколько уѣздовъ Смоленской губерніи?»

И онъ назвалъ Якушкина и генераловъ Пассека и Фонъ-Визина. Времена становились мрачныя.

Скоро этотъ самый кн. Волконскій былъ заподозрѣнъ и впалъ въ нѣмилость. Онъ не хотѣлъ прислуживаться Аракчееву, государь отставилъ его отъ управленія главнымъ штабомъ.

Единственный независимый человѣкъ, который былъ съ юности друженъ съ государемъ и продолжалъ оставаться на мѣстѣ, былъ кн. Александръ Голицынъ, министръ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Вытѣснить его было не легко; Аракчеевъ собралъ всѣ свои силы и раздавилъ его съ блескомъ, при великолѣпной обстановкѣ.

Князь Голицынъ былъ человѣкъ ограниченный, развращенный и ханжа, царедворецъ и иллюминатъ⁴⁾: онъ основалъ въ Россіи библейскія общества и ввелъ богословіе въ программу университетовъ. Сдѣлавшись министромъ народнаго просвѣщенія, онъ началъ вести ожесточенную войну и сталъ бессмысленно преслѣдовать *святскую* науку, независимыхъ профессоровъ, не ханжескія книги. Онъ нашелъ отступника вольтерьянства въ Россіи, человѣка, ко-

⁴⁾ Иллюминаты—послѣдователи возникшихъ въ Германіи во второй половинѣ XVIII в. религиозныхъ обществъ, проповѣдывавшихъ деизмъ.

торый хотѣлъ какой бы то ни было цѣной сдѣлать карьеру, и привлекъ его къ своимъ трудамъ. Министерство просвѣщенія превратилось въ инквизицію. Магницкій доносилъ не только на профессоровъ, которыхъ и смѣщали, но даже на цѣлыя отрасли знанія. *Естественное право* было уничтожено, *новая исторія* была запрещена. *Обязали* медицину быть христіанской и учить, что болѣзнь есть только необходимое слѣдствіе первороднаго грѣха.

Преслѣдовали и арестовывали преподавателей не только гимназій и университетовъ, но и военныхъ школъ, лицеевъ, на глазахъ у государя, который былъ, со своими братьями, ихъ номинальнымъ главой.

Казанскій университетъ былъ совершенно разгромленъ, благодаря Магницкому; той же участи ждалъ Петербургскій отъ своего попечителя Рунича.

Именно этотъ моментъ террора выбралъ Аракчеевъ для своихъ дѣйствій. Не подумайте, что онъ старался задержать эту обезумѣвшую, нападавшую на образованіе руку, что онъ хотѣлъ открыть глаза государю; какъ разъ наоборотъ, онъ толкалъ его въ еще болѣе глубокую пропасть и, удаляя отъ него вліяніе полулютеранъ, передалъ его въ грубыя руки національнаго духовенства, дикаго, тупого и невѣжественнаго.

Онъ взялъ себѣ трехъ товарищей для этой продѣлки.

Одного монаха, мошеника, снѣдаемаго честолюбіемъ, лукаваго, смѣлаго, способнаго комедіанта, доминиканца въ душѣ, истригана ¹⁾, и двухъ полусумасшедшихъ и искренно-фанатичныхъ стариковъ. Одинъ былъ старый адмиралъ Шишковъ, противникъ Карамзина и всѣхъ новшествъ, бывшій славянофиломъ за четверть вѣка до изобрѣтенія панславизма; человекъ честный, способный сдѣлать доносъ безъ излишнихъ угрызений совѣсти и глупо участвовать въ преступленіяхъ,—все во славу греческой церкви и славянскихъ племенъ. Другой былъ самъ петербургскій архіепископъ Серафимъ. Это былъ настоящій византійскій епископъ, одна изъ тѣхъ почтенныхъ, убѣленныхъ сѣдинами головъ, которыя мы видимъ на старыхъ картинахъ и на Аѳонѣ, которыя внушаютъ уваженіе и скрываютъ подъ своимъ толстымъ черепомъ полную неспособность, неизлѣчимый и неподвижный фанатизмъ. Священнодѣйствуя всю свою жизнь, эти люди принимаютъ литургію за реальность и обрядъ—за святая святыхъ религіи; они ведутъ религію къ фетишизму и вѣру—къ идолопоклонству. Умъ становится рѣшительно

¹⁾ Настоятеля Юрьевского новгородскаго монастыря архимандрита Фотія.

неспособнымъ охватить ничего такого, на чемъ нѣтъ печати святаго духа. А въ данномъ случаѣ—не только печать святаго духа въ общемъ смыслѣ, но спеціально печать греческаго параклета ¹⁾). Петербургскій архіепископъ и адмираль-филологъ, эти «дѣти» по семи-десяти слишкомъ лѣтъ, которыхъ велъ, направлялъ и возбуждалъ молодой новгородскій Лойола, стали въ рукахъ Аракчеева огромной силой.

Голицынъ наводнялъ Россію переводами Евангелія съ церковно-славянскаго на современный русскій языкъ. Правовѣрные старики увидѣли въ этой популяризаціи божественнаго слова кощунство. Они пронюхали протестантизмъ въ библии, въ библейскомъ обществѣ и въ совершенно нѣмецкой набожности князя-министра.

Фотій, взлелѣянный и окруженный аристократическими дамами, проповѣдывалъ противъ вторженія новаго духа въ салоны. Адмираль Шишковъ разглагольствовалъ въ академіяхъ и литературныхъ обществахъ, посылая молніеносныя записки государю. Архіепископъ молчалъ и готовилъ для послѣдняго удара таранъ иной силы.

Дѣла дошли до того, что святой бѣсноватый изъ Новгорода, встрѣтивъ кн. Голицына у графини Орловой ²⁾, прославившейся своимъ ханжествомъ и огромными пожертвованіями, которыя она дѣлала въ его монастырь, началъ прямо нападать на него. Князь не сдавался и возражалъ. Тогда монахъ всталъ, блѣдный, дрожащій; глаза его засверкали подъ низкимъ, маленькимъ лбомъ. «Ты не хочешь слушать предупрежденія,—сказалъ онъ,—ты хочешь борьбы; посмотримъ, кто изъ насъ сильнѣе... А теперь будь проклятъ, я предаю тебя анафемѣ». Князь, пораженный ужасомъ, молчалъ.

Онъ погибъ. Въ такихъ случаяхъ надо или немедленно бить, или принимать ударъ.

Нѣсколько дней спустя, въ необычное для официальныхъ аудіенцій время, въ 6 часовъ пополудни, Петербургъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что парадный экипажъ архіепископа ѣдетъ по городу и останавливается передъ главнымъ подъѣздомъ Зимняго дворца. Его преосвященство просилъ допустить себя къ государю сейчасъ же, по неотложному дѣлу. Весь дворецъ былъ изумленъ, взволнованъ, толпа собралась на площади, и сѣдой старецъ давалъ благословенія направо и налево. Государь, ничего не подозрѣвавшій, удив-

¹⁾ Греческое названіе св. духа, встрѣчающееся въ евангеліи отъ Іоанна.

²⁾ Дочь графа Алексѣя, убійцы Петра III. *А. И. Г.*

ленный, испуганный, принялъ его въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Старый священнослужитель, держа въ рукѣ книгу, склонилъ колѣни передъ государемъ и простерся къ его ногамъ; голосомъ, полнымъ слезъ, онъ сказалъ, что «пришло время ему, православному царю, спасать православіе; церковь въ опасности, надо немедленно удалить отступника».

Встревоженный государь обѣщаль все.

Книга эта была самая безобидная и самая скучная въ мірѣ: это былъ переводъ сборника религиозныхъ статей англиканскаго пастыря Гассера, который жилъ въ Петербургѣ.

Сборникъ этотъ былъ напечатанъ библейскимъ обществомъ по приказанію министра. Магницкій, предавая своего начальника и благодѣтеля, укралъ, при посредствѣ подкупленнаго имъ ректора, листы этой книги и отнесъ ихъ къ старому фанатику, какъ доказательство лютеранской пропаганды.

Изъ преслѣдователя Голицынъ превратился въ преслѣдуемаго. Александръ совершенно подпалъ вліянію идолопоклонническаго, грубаго и невежественнаго духовенства. Это—была уже заря *національной* церкви, церкви императора Николая, имъ установленной и освященной московскими славянофилами; черная тѣнь отъ ея пяти византійскихъ куполовъ ложится теперь на всю Россію.

Шишковъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Александръ, запершись въ своемъ кабинетѣ, провелъ два часа съ глазу на глазъ съ Фотіемъ. Монахъ вышелъ такимъ же безстрастнымъ, какимъ вошелъ. Никто не узнаеть, о чемъ говорили эти два человѣка...

Послѣ этого кризиса начинается агонія Александра I.

Онъ скрывается, становится почти невидимымъ, удаляется отъ людей, избѣгаетъ праздниковъ и пріемовъ, одинъ ѣздитъ по монастырямъ, объѣзжаетъ большіе города проселками, *а если ихъ нѣтъ, велитъ сдѣлать ихъ* для даннаго случая. Въ 1824 г. онъ на минуту показывается въ Москвѣ ¹⁾ и ѣдетъ умирать въ Таганрогъ, какъ мы уже говорили въ предыдущей главѣ ²⁾.

Пушечные выстрѣлы 14/26 декабря 1825 г. были его печальнымъ и своеобразнымъ *реквіемомъ*.

¹⁾ Тогда я видѣлъ его впервые; мнѣ было 12 лѣтъ, но я хорошо помню его сутулую фигуру, сдвинутыя брови, грустный взглядъ. Онъ медленно ѣхалъ на конѣ рядомъ съ княземъ Дмитріемъ Голицынымъ. Не было ничего жестокаго въ выраженіи лица. Не природа сдѣлала этого человѣка тираномъ, и не для удовольствія совершилъ онъ столько преступленій, въ которыхъ его упрекаютъ. *Онъ былъ сбита съ толку.* А. И. Г.

²⁾ Въ переводѣ статьи о Карязинѣ.

III.

Якушкинъ не говоритъ о 14/26 декабря 1825 г. Его не было въ Петербургѣ въ этотъ великій и трагическій день.

Мы увидимъ изъ мемуаровъ кн. Сергѣя Трубецкого, что этотъ день былъ вполне подготовленъ, хотя наступилъ какъ бы неожиданно. Мы узнаемъ нѣкоторыя подробности, сообщенныя И. Пущинымъ и Николаемъ Бестужевымъ.

Теперь же послѣдуемъ за рассказомъ нашего автора.

Послѣ неудавшейся попытки поднять войска въ Москвѣ, пользуясь замѣшательствомъ при второй присягѣ, Якушкинъ спокойно остался тамъ и только 10/22 января былъ арестованъ, немедленно отвезенъ въ Петербургъ и запертъ въ нижнемъ этажѣ Зимняго дворца,—«на другой день вечеромъ, говоритъ Якушкинъ, меня повели въ Эрмитажъ». Въ углу большой картинной залы, подъ портретомъ Климента IX, сидѣлъ генераль Левашовъ за ломбернымъ столомъ.

Онъ указалъ мнѣ на стулъ противъ себя и началъ вопросомъ: «Вы принадлежали къ тайному обществу?». Я отвѣчала утвердительно.

— Какія дѣйствія общества извѣстны вамъ?

— *Дѣйствія...* я не знаю ни одного.

— Милостивый государь, вы не должны думать, что мы ничего не знаемъ.

Происшествіе 14-го числа было только преждевременною вспышкою. Вы отлично знаете, что еще въ 1818 году вы должны были убить императора Александра.

Это заставило меня призадуматься; я не полагалъ, чтобы совѣщаніе, происходившее въ тѣсномъ нашемъ кружкѣ, могло быть извѣстно.

— Я даже вамъ расскажу,—продолжалъ Левашовъ,—подробности: изъ числа бывшихъ тогда на совѣщаніи и проектировавшихъ цареубійство лицъ на васъ палъ жребій.

— Ваше превосходительство, это не совсѣмъ справедливо: я вызвался самъ нанести ударъ.

Левашовъ записалъ мои слова.

— Теперь не угодно ли будетъ вамъ назвать тѣхъ изъ вашихъ товарищей, которые были на этомъ совѣщаніи.

— Этого я никакъ не могу сдѣлать, потому что, вступая въ тайное общество, я далъ обѣщаніе никогда никого не называть.

— Такъ васъ заставятъ назвать ихъ. Я долженъ вамъ сказать, что въ Россіи примѣняется пытка.

— Очень благодаренъ вашему превосходительству за оказываемое мнѣ довѣріе, но долженъ вамъ сказать, что теперь еще болѣе, нежели прежде, я считаю моею обязанностію никого не называть.

— Наэтотъ разъ,—сказалъ по-французски генераль,—я говорю съ вами не какъ судья, но какъ равный вамъ дворянинъ, и не понимаю, почему вы хотите быть мученикомъ за тѣхъ людей, которые васъ предали и назвали.

— Я здѣсь не для того, чтобы судить поведеніе своихъ товарищей, и долженъ заботиться только о выполненіи обязательствъ, которыя принялъ на себя при вступленіи въ общество.

— Всѣ ваши товарищи показываютъ, что цѣль общества была замѣнить самодержавіе представительнымъ правленіемъ.

— Это можетъ быть,—отвѣчалъ я.

— Какова же конституція, которую предполагалось ввести въ Россію?

— Про это я рѣшительно ничего не знаю.

— Но чѣмъ же вы занимались въ обществѣ?—продолжалъ Левашовъ.

— Я занимался спеціально отысканіемъ способа освобожденія крестьянъ.

— Что же вы можете сказать объ этомъ?

— То, что это такой узелъ, который непремѣнно долженъ быть развязанъ правительствомъ; а если оно этого не сдѣлаетъ, узелъ самъ собою развяжется, и это будетъ сопровождаться ужасами и насиліемъ.

— Но что же можетъ сдѣлать тутъ правительство?

— Оно можетъ выкупить землю.

— Это невозможно. Вы сами знаете состояніе нашихъ финансовъ.

Затѣмъ онъ задалъ мнѣ еще нѣсколько вопросовъ, и опять послѣдовало приглашеніе назвать членовъ тайнаго общества—и опять отказъ съ моей стороны. Во время нашей бесѣды Левашовъ шарпалъ что-то на листкѣ бумаги; онъ протянулъ его мнѣ и спросилъ: «Угодно вамъ подписать?». Я подписалъ его, не читая.

Левашовъ протиснулся со мною; я выпелъ. Во время бесѣды съ Левашовымъ мнѣ было довольно легко, и я во все время допроса любовался «святымъ семействомъ» Доминикина ¹⁾. Но когда я остался вдвоемъ съ ординарцемъ, я принялся размышлять о словѣ «пытка», произнесенномъ генераломъ. Дверь отворилась, и Левашовъ сдѣлалъ мнѣ знакъ вернуться. Возлѣ ломбернаго стола стоялъ императоръ. Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я подошелъ ближе, и началъ такимъ образомъ:

— Думали ли вы о томъ, что ожидаетъ васъ на томъ свѣтѣ? Проклятіе на вѣки. Мнѣніе людей вы можете презирать, но не наказаніе за гробомъ за нарушеніе присяги. Впрочемъ, я не хочу васъ окончательно губить: я пришлю къ вамъ священника. Пауза. Что же вы мнѣ ничего не отвѣчаете?

— Я не знаю,—о чемъ вашему величеству угодно меня спрашивать?

— Я, кажется, говорю достаточно ясно; если вы не хотите губить ваше семейство и *если вы не хотите, чтобы съ вами обращались, какъ со свиньей*, то вы должны во всемъ мнѣ признаться.

— Я далъ слово не называть никого; все же, что я могъ сказать про себя, я уже сказалъ его превосходительству,— отвѣтилъ я, указывая на Левашова, стоявшаго поодаль въ почтительной позѣ.

— Что вы мнѣ суете его превосходительство и ваше мерзкое честное слово!

— Назвать, я никого не могу.

Николай отскочилъ три шага назадъ и сказалъ, указывая на меня: «Въ кандалы его... чтобы онъ не могъ пошевелиться».

Увидѣвъ царя, я испугался сначала, что онъ унизитъ меня, говоря умѣренно и спокойно, что онъ нападетъ на слабые стороны нашего общества,— я боялся, что онъ меня побѣдитъ великодушіемъ. Но съ перваго же момента я успокоился. Я чувствовалъ, что я спокойнѣе его, и такимъ и оставался во все время нашей бесѣды.

Меня перевели въ крѣпость. Принялъ меня комендантъ, генералъ Сукинъ, у котораго была деревянная нога; онъ подошелъ къ свѣчкѣ, поднесъ къ ней поданный ему листокъ бумаги и сказалъ съ разстановкой: «Государь приказалъ заковать тебя».

¹⁾ Итальянскій художникъ (1581—1641).

Затѣмъ ему заковали руки и ноги, завязали глаза и отвели въ «петербургское подземелье», въ знаменитый Алексѣевскій равелинъ, куда иногда входили, но откуда почти никогда не выходили. Тамъ жестокой Петръ I погубилъ своего сына Алексѣя (отсюда названіе равелина); тамъ погибла бѣдная княжна Тараканова, утонувъ въ своемъ казематѣ.

Начальникъ равелина, семидесятилѣтній старикъ, отвелъ Якушкина въ камеру № 1. Съ него сняли одежду и дали ему грубую рубаху, всю въ заплатяхъ, и такіе же штаны.

«Потомъ старикъ сталъ на колѣни, вновь надѣлъ на меня снятые оковы, обернулъ наручники тряпкой и спросилъ, могу ли я такъ писать. Я отвѣтилъ утвердительно. Послѣ этого комендантъ пожелалъ мнѣ доброй ночи, сказавъ: «Божья милость всѣхъ насъ спасетъ». Всѣ вышли, дверь затворилась, и замокъ щелкнулъ два раза.

«Комната, въ которую посадили меня, имѣла 6 шаговъ длины и 4 ширины. Стѣны, еще носили слѣды наводненія 1824 года, стекла были выкрашены бѣлой краской, въ окно была вдѣлана крѣпкая желѣзная рѣшетка. Кровать, печка, маленькій столикъ, кружка съ водою, ночникъ, стульчакъ и два стула составляли всю мебелировку.

«Въ 9 часовъ вечера солдатъ принесъ мнѣ щи. Не ѣвши болѣе двухъ сутокъ, я поѣлъ щей съ оольшимъ удовольствіемъ. Ходить по комнатѣ въ цѣпяхъ мнѣ было не совсѣмъ удобно (въ нихъ было около 12 килограммъ вѣсу) и они производили такой шумъ, что я опасался, какъ бы звукъ моихъ кандаловъ не беспокоилъ сосѣдей. Я легъ спать и спалъ бы очень спокойно, ежели бы поминутно меня не будили наручники.

«На другой день я былъ еще въ постели, дверь растворилась, и вошелъ рослый, старый и бѣлый, какъ лунь, священникъ. Онъ взялъ стулъ, сѣлъ у моей кровати и сказалъ, что его прислалъ государь.

— Всякій ли годъ бываете у исповѣди и святаго причастія?

— Я не исповѣдывался и не причащался 15 лѣтъ.

— Можеть быть, вы были заняты обязанностями службы?

— Я уже восемь лѣтъ, какъ въ отставкѣ, и не исповѣдывался и не причащался потому, что я не христіанинъ.

«Священникъ сталъ мнѣ говорить о другомъ мірѣ и о наказаніяхъ.

— Если вы вѣрите въ божественное милосердіе,—сказалъ я ему,—то вы должны быть увѣрены, что мы всѣ будемъ прощены: и вы, и я, и мои судьи.

«Этотъ старикъ былъ добрый человекъ; онъ ушелъ отъ меня со слезами на глазахъ и сказалъ мнѣ, что онъ въ отчаяніи отъ того, что не можетъ быть мнѣ полезенъ. Послѣ его ухода, ефрейторъ принесъ мнѣ, вмѣсто обѣда, кусокъ чернаго хлѣба. (Глубокомысленный Николай хотѣлъ голодомъ обратить этого желѣзнаго человека къ религіи!)..... Офицеръ принесъ мнѣ трубку и табакъ съ цѣлью искушенія. (Еще умнѣе!). Я сказалъ, что они не принадлежать ко мнѣ и что онъ можетъ ихъ унести. На слѣдующій день вечеромъ ко мнѣ вошелъ другой священникъ еще болѣе рослый; это былъ протопопъ Казанскаго собора П. Н. Мысловскій. Приемы его были совсѣмъ другіе; онъ обнялъ меня съ нѣжностью и сталъ рассказывать, съ какимъ терпѣніемъ переносили свое ужасное положеніе апостолы и первые отцы церкви.

— Баткшка,—спросилъ я его,—вы пришли ко мнѣ по порученію правительства?

«Это его нѣсколько озадачило, затѣмъ онъ сказалъ:

— Конечно, безъ позволенія правительства я не могъ бы посѣтить васъ, но въ вашемъ положеніи вы бы, вѣроятно, обрадовались, ежели бы какимъ-нибудь образомъ забѣжала къ вамъ даже собака, и потому я полагаю, что мое посѣщеніе не можетъ быть вамъ непріятнымъ.

— Конечно, каждое посѣщеніе для меня очень пріятно; но вы священникъ, и поэтому я прошу вашего разрѣшенія начать наше знакомство полной откровенностью. Какъ священникъ, вы не можете доставить мнѣ никакого утѣшенія, даже напротивъ... А для нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей, людей вѣрующихъ, посѣщенія ваши могутъ быть очень утѣшительны, и они были бы счастливы видѣть васъ.

— Мнѣ нѣтъ дѣла,—отвѣчалъ Мысловскій,—какой вы вѣры; я знаю только, что вы страдаете, и очень буду счастливъ, ежели мои посѣщенія не какъ священника, а какъ человека, могутъ быть для васъ хоть сколько-нибудь пріятны.

«Я протянулъ ему руку.

«Онъ являлся ко мнѣ потомъ всякій день, велъ себя очень тактично; онъ говорилъ обо всемъ, только не о религіи...

«Однажды вечеромъ я услыхалъ сильный шумъ...

«Одинъ изъ заключенныхъ, Булатовъ, бился въ припадкѣ бѣшенства. Въ продолженіе 8 дней онъ отказывался отъ пищи. Ни ласки, ни угрозы не могли заставить его съѣсть что-нибудь. Съ нимъ сдѣлался припадокъ буйнаго помѣшательства. Его отвезли въ госпиталь, гдѣ онъ умеръ десять дней спустя. Передъ смертію ему было дозволено свиданіе съ двумя малолѣтними дочерьми, страстно имъ

любимыми. Дочери не узнали его и убѣжали отъ него съ ужасомъ.

«Въ тотъ же день вечеромъ ефрейторъ принесъ мнѣ бѣлую булку отъ имени несшаго караулъ офицера и просилъ меня непременно съѣсть ее всю, чтобы не осталось ни крошки, которая могла бы служить уликою противъ офицера.

«На слѣдующій день вошелъ ко мнѣ самъ петропавловскій комендантъ... Онъ умолялъ меня назвать членовъ общества, чтобы смягчить мою судьбу... Онъ много распространился о томъ, какой у насъ добрый царь, и назвалъ его даже ангеломъ доброты. Я отвѣчалъ ему: дай Богъ, чтобы это было правда.

— Ну, несмотря на ваше упорство, я велю вамъ дать обѣдать. А такъ какъ вы давно ничего, кромѣ хлѣба, не ѣли, то я велю прежде напоить васъ чаемъ. Я поблагодарилъ его, сказавъ, что въ концѣ концовъ всѣ эти вещи не играютъ у меня большой роли. Тѣмъ не менѣе онъ прислалъ мнѣ чай и супъ. Я рассказалъ все священнику, сказалъ ему, что старый генераль кажется мнѣ, въ концѣ концовъ, добрымъ человѣкомъ. На это Мысловскій замѣтилъ, что доброта коменданта состоитъ главнымъ образомъ въ искреннемъ желаніи, чтобы я не умеръ, какъ Булатовъ, отъ недостаточной и плохой пищи, потому что вообще члены слѣдственной комиссіи очень хлопочутъ о томъ, чтобы никто не умеръ до окончанія дѣла¹⁾».

Въ первыхъ числахъ февраля фельдъегерь принесъ Якушкину письмо отъ его жены, въ которомъ она сообщала ему о рожденіи сына. Письмо это было передано Якушкину по приказанію императора. Радость его была безмѣрна. Онъ хотѣлъ даже написать благодарственное письмо государю,—къ счастью, фельдъегерь уже ушелъ, и письмо не было написано. Въ тотъ же день послѣ ужина плацъ-адъютантъ приказалъ ему одѣться въ свое платье и слѣдовать за нимъ. Онъ научилъ его поддерживать ножныя оковы носовымъ платкомъ, завязалъ ему глаза, накинулъ ему на плечи шубу и повезъ въ саняхъ въ домъ коменданта. Тамъ, послѣ долгаго ожиданія, Якушкина ввели въ большой залъ, сильно освѣщенный, и сняли повязку съ глазъ.

¹⁾ Протопопъ Мысловскій былъ очень умный человѣкъ. Его положеніе было трудное, но онъ выходилъ изъ него не только съ ловкостью, но и «со щепоткою соли», то есть съ юморомъ. Однажды Якушкинъ сказалъ ему, что къ вопросу о православіи русское правительство относится все-таки, довольно терпимо и требуетъ немногаго. «Оно ничего не требуетъ, отвѣтилъ священникъ, это правда, но зато оно отправляетъ иногда лицъ, отпавшихъ отъ православія, въ Соловки или заключаетъ ихъ въ монастыри».

«Я стоялъ посреди комнаты, шагахъ въ 10 отъ стола, покрытаго краснымъ сукномъ. Посрединѣ сидѣлъ предсѣдатель слѣдственной комиссіи Татищевъ, рядомъ съ нимъ великій князь Михаилъ Павловичъ; далѣе сидѣли князь Голицынъ (Александръ Николаевичъ) и генералъ Дибичъ; между нимъ и княземъ Чернышевымъ былъ незанятый стулъ Левашова. По другую сторону предсѣдателя сидѣли: генералъ-губернаторъ Голенищевъ-Кутузовъ, графъ Бенкендорфъ, генералъ Потаповъ и полковникъ флигель-адъютантъ Адлербергъ, который, не будучи членомъ комиссіи, присутствовалъ въ ней, чтобы доставлять свѣдѣнія императору. Послѣ минуты молчанія Чернышевъ сказалъ торжественнымъ голосомъ: «Приблизьтесь!». Кандалы мои загремѣли въ залѣ.

— Присягали ли вы императору Николаю Павловичу?

— Нѣтъ, не присягалъ.

— Почему же вы не присягали?

— Я не присягалъ потому, что присяга сопровождается такими формальностями и общаніями, что я считалъ неприличнымъ присягать не въруя.

Только тутъ мнѣ пришло въ голову, что, доставивши мнѣ письмо отъ жены, меня хотѣли поймать въ ловушку; съ этого момента я смотрѣлъ на своихъ судей съ омерзениемъ и съ безграничнымъ презрѣніемъ.

— Вы хотите спасти своихъ соучастниковъ (сказалъ Чернышевъ), но это вамъ не удастся.

— Если-бъ я думалъ о спасеніи кого-нибудь, то, вѣроятно, жостарался бы спасти себя и не рассказалъ бы того, что рассказалъ генералу Левашову.

— Себя, милостивый государь, вы спасти не можете. Комитетъ долженъ вамъ объявить, что ежели онъ спрашиваетъ у васъ имена вашихъ товарищей, то единственно потому, что желаетъ доставить вамъ возможность облегчить свою судьбу. И такъ какъ вы упорствуете, то комитетъ назоветъ вамъ всѣхъ членовъ тайнаго общества, бывшихъ въ 1818 году на совѣщаніи, на которомъ рѣшено было убить покойнаго императора. Тамъ были: Александръ, Никита, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы, Лунинъ, Фонтъ-Визинъ и Шаховской. Иные изъ вашихъ товарищей показываютъ, что на васъ палъ жребій, а другіе—что вы сами вызвались на это.

— Послѣдніе показали правду.

— Какой ужасъ—сказалъ князь Голицынъ,— имѣть такой грѣхъ на душѣ! Былъ у васъ священникъ?

— Да, священникъ приходилъ ко мнѣ.

Въ это время, дремавшій прежде Кутузовъ проснулся и, спросонья не разобравъ въ чемъ дѣло, воскликнулъ: «Какъ, онъ не хотѣлъ пустить къ себѣ священника?».

Голицынъ успокоилъ его, сказавши, что у меня былъ священникъ.

— Неужели съ самаго начала не было никого, кто протестовалъ противъ этого ужаснаго плана?

— Фонтъ-Визинъ.

Чернышевъ улыбнулся великому князю и сказалъ мнѣ съ нѣкоторою кротостью, что мнѣ пришлютъ вопросы въ письменной формѣ.

Нѣсколько дней спустя, мнѣ принесли тѣ же вопросы на бумагѣ.

«Тогда, со святой искренностью говорить Якушкинъ, начало проявляться вредное, развращающее вліяніе тюрьмы, кандаловъ, усталости, безпокойства о семьѣ и проч. Я началъ вліять... Мнѣ представилось, что я разыгрываю роль Донъ-Кихота, вышедшаго съ обнаженной шпагою противъ льва, который, увидавши его, зѣвнулъ, отвернулъ голову и заснулъ».

Якушкинъ написалъ имена всѣхъ членовъ, *названныхъ* въ его присутствіи въ комиссіи, и прибавилъ къ нимъ еще двоихъ: генерала Пассека, который покончилъ самоубійствомъ, и Чаадаева, котораго не было въ Россіи.

Въ концѣ великаго поста Якушкинъ согласился—онъ считаетъ это вторымъ паденіемъ—исповѣдываться. Въ тотъ же вечеръ, по приказанію государя, были сняты кандалы съ его ногъ. Первое время это мѣшало ему; онъ былъ такъ слабъ, что оковы, оставшіяся на рукахъ, перевѣшивали своей тяжестью. Черезъ недѣлю, въ день Пасхи, сняли оковы и съ рукъ.

^{15/27} июля, около часа дня, его повезли въ домъ коменданта. «Меня ввели въ комнату, въ которой я очутился съ Никитой и Матвѣемъ Муравьевыми, княземъ Волконскимъ, Александромъ Бестужевымъ и Вильгельмомъ Кюхельбекеромъ... Свиданіе съ друзьями доставило мнѣ истинное счастье, особенно съ Муравьевыми. Но я былъ истинно пораженъ перемѣной, которую нашелъ въ нихъ: они исхудали и были истощены пребываніемъ въ тюрьмѣ. Явился на минуту священникъ для того, чтобы шепнуть мнѣ слѣдующіе слова: «Вы услышите о смертномъ приговорѣ—не вѣрьте, чтобы совершилась казнь».

Наконецъ, всѣхъ ихъ шестерыхъ ввели въ залъ верховнаго уголовнаго суда. Митрополиты, архіереи, члены государственнаго

совѣта и генералы сидѣли за столомъ; за ними стоялъ сенатъ. Имъ прочитали смертный приговоръ ¹⁾ и отвели въ казематы.

«Въ полночь меня разбудили, принесли платье, одѣли меня и вывели на мостъ, который соединяетъ равелинъ съ крѣпостью. Изъ всѣхъ концовъ, изъ всѣхъ казематовъ вели приговоренныхъ въ крѣпость. Когда мы всѣ собрались, то безъ конвоя прошли въ большія ворота. Мы прошли мимо страннаго сооруженія, на которомъ высились два столба съ перекладиной; съ перекладины свисали веревки, но никому въ эту минуту въ голову не приходило, что это—висѣлица. Мы были убѣждены, что никого не казнятъ.

«На кронверкѣ стояло нѣсколько десятковъ лицъ; большею частью, это были лица, принадлежавшія къ иностраннымъ посольствамъ; они были, говорятъ, удивлены, что люди, которые сейчасъ будутъ лишены состоянія и положенія *въ жизни*, шли для выслушанія приговора съ высоко поднятою головою и весело разговаривая между собою. Передъ крѣпостью всѣхъ остановили и еще разъ прочли приговоръ, послѣ чего приказано было поставить военныхъ на колѣни, снять съ нихъ мундиры и переломить шпаги надъ ихъ головами. Я стоялъ на правомъ флангѣ, и съ меня началась экзекуція. Обозный солдатъ, которому приказано было продѣлать это, ударилъ меня шпагою со всего маху по головѣ. Она была плохо перепилена по срединѣ: я упалъ. «Бжели ты повторишь еще разъ такой ударъ,—сказалъ я ему—ты убьешь меня до смерти». Въ эту минуту я взглянулъ на Кутузова, который сѣлъ на лошади, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, и видѣлъ, что онъ смѣялся при видѣ этой прискорбной сцены.

Шагахъ въ 100 впереди наши мундиры, ордена и пр. были брошены въ разведенные для этого костры.

Послѣ этой церемоніи ихъ отвели обратно въ казематы.. Ефрейторъ, который принесъ Якушкину обѣдать, былъ блѣденъ и разстроенъ; онъ осмѣлился шепнуть нѣсколько словъ: «Ужасъ случился, пятеро изъ вашихъ повѣшены». Якушкинъ не вѣрилъ. Наконецъ, вошелъ священникъ съ дароносицей въ рукѣ. «Это правда?» спросилъ Якушкинъ. Священникъ опустилсѣ на стулъ и, рыдая, сжималъ зубами дароносицу..

Онъ присутствовалъ при казни. «Они готовились къ смерти совершенно покойно, съ душевнымъ величіемъ, готовымъ на всякое испытаніе. Только у Михаила Бестужева были минуты, когда онъ

¹⁾ Потомъ для этой категоріи смертный приговоръ замѣнили категоріей на 20 лѣтъ. А. И. Г.

слабѣлъ: онъ былъ очень молодъ, ему было всего 23 года и ему такъ хотѣлось еще жить». Въ два часа утра священникъ повелъ ихъ, подавъ руку молодому Бестужеву. Сергѣй Муравьевъ опустился передъ висѣлицей на колѣни и громкимъ голосомъ произнесъ: «Боже, спаси Россію и царя!».

«Глубоко религіозный Сергѣй Муравьевъ, прибавляетъ Якушкинъ, искренно молился, умирая, за царя, какъ молился Иисусъ на крестѣ за враговъ своихъ».

Сходя со ступеней эшафота, священникъ услышалъ шумъ, обернулся еще разъ къ мученикамъ и увидѣлъ, что Пестель и Бестужевъ висѣли, а остальные трое лежали, раненные, на помостѣ—голова ихъ выскользнули изъ веревокъ, смоченныхъ дождемъ.

Сергѣй Муравьевъ былъ тяжело раненъ, одна нога была сломана. «Бѣдная Россія!—проговорилъ онъ,—и повѣсится-то порядочно у насъ не умѣютъ». Каховскій выругался. Рылѣевъ не сказалъ ни слова ¹⁾. Генераль Чернышевъ не потерялъ голову и велѣлъ повѣсить ихъ еще разъ.

Мысловскій благословилъ ихъ трупы ²⁾.

15 іюля на Петровской площади происходило очистительное молебствіе, былъ митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ. Протоіерей Мысловскій не пошелъ; онъ остался одинъ въ соборѣ. Надѣвъ траурную ризу, онъ отслужилъ панихиду по пяти мученикамъ... Какая то заплаканная дама вошла въ соборъ и увидѣла стараго священника простершимся передъ алтаремъ, молясь за упокой душъ *Сергія, Павла, Петра, Михаила и Кондратія*.

Эта дама была сестра Сергѣя Муравьева ³⁾.

¹⁾ Александръ Бестужевъ и многіе другіе говорятъ, наоборотъ, что именно Рылѣевъ произнесъ эти слова, которыя Мысловскій приписываетъ Муравьеву. А. И. Г.

²⁾ Скажемъ еще о Николаѣ. Какой нравъ былъ у этого человѣка, еще совсѣмъ молодого въ 1826 г., расскажем вамъ не революціонеръ, а очень извѣстный и очень вѣрный престолу генераль *Денисъ Давыдовъ*. Наканунѣ казни заговорщиковъ, говоритъ онъ въ своихъ мемуарахъ, государь, приказавъ *повѣсить* осужденныхъ, а не рубить имъ головы, занимался весь вечеръ тѣмъ, что искалъ чего-нибудь мрачнаго и оскорбительнаго, чтобы увеличить ужасъ обстановки. Онъ установилъ мельчайшія подробности, но былъ, всетаки, недоволенъ. Пришла ночь, онъ пошелъ спать; вдругъ онъ зоветъ фельдъегеря и посылаетъ его въ крѣпость: это былъ приказъ бить въ барабанъ во время казни, *какъ бьютъ, когда воняетъ солдатъ сквозь строй*. А. И. Г.

³⁾ Г-жа Бибикова. А. И. Г.

Р. С. Есть точка сближенія между этимъ великимъ мученикомъ и мною, которая слишкомъ дорога мнѣ, чтобы не сообщить ее читателямъ.

Якушкинъ умеръ въ Москвѣ, въ 1856 г. Онъ вернулся изъ восточной Сибири по амнистіи, дарованной теперешнимъ государемъ. Полицейскія мѣры дѣлали эту амнистію тяжелой и оскорбительной для стариковъ. Якушкину не разрѣшили жить въ Москвѣ и позволили это только тогда, когда онъ тяжело захворалъ. Новое оскорбленіе ожидало умирающаго Якушкина въ Москвѣ. По приказанію государя, была напечатана полуофициальная записка о восшествіи на тронъ Николая. Черезъ 30 лѣтъ старыя оскорбленія, по новому подкрашенные, встали навстрѣчу воскресшимъ, какъ зловѣщее и грубое ave ¹⁾.

Друзья Якушкина говорили мнѣ, что умирающій старикъ прочитавъ эту брошюру, сказалъ, назвавъ меня: «я увѣренъ, что онъ отмститъ за нашу память» ²⁾.

3327. «La Démocratie» et Michel Bakounine ¹⁾.

Une grande feuille démocratique va paraître à Paris sous la rédaction de *Ch. Chassin*, avec le concours de la majeure partie des

¹⁾ Привѣтстіе древнихъ римлянъ.

²⁾ Раньше, чѣмъ я узналъ объ этихъ словахъ, мы съ Огаревымъ напечатали въ Лондонѣ опроверженіе этой брошюры подъ названіемъ: *24/26 декабря и императора Николай*, Лондонъ, 1858.

A. И. Г.

¹⁾ Pour donner une idée de l'exactitude des renseignements envoyés au *Golos* par ses correspondants et de la pureté des mares où ils puisent leur *sarcelle*, citons un fait: Un de ces employés, le plus frappé de fécondité, féroce ennemi des Polonais et admirateur inconséquent de Garibaldi, raconte avec force de phrases l'émotion qu'a produite sur Florence l'arrivée supposée de Bakounine en qualité d'agent de Mazzini, La police le cherche, les esprits sont préoccupés... il a déjà eu une entrevue avec Garibaldi, etc., etc... Or, Bakounine n'a pas quitté la Suisse pour un seul jour depuis l'automne dernier. Le fait pourrait être ignoré par l'employé de la *Voix* officieuse, mais Bakounine est une personne assez marquante pour savoir avant d'écrire que grand ami du créateur de l'Italie, qui va à l'indépendance et à l'unité, *il ne partage pas ses vues*. Il ne suffit pas d'injurier les hommes comme Bakounine, il faut les connaître, même dans les intérêts de la cause commune de la rédaction du *Golos* et du gouvernement de Saint-Pétersbourg. A. H.

démocrates français. Dans le spécimen, nous trouvons un très-bel article de notre ami Bakounine, qui, en donnant son adhésion, a cru nécessaire de dire encore une fois dans quel sens il accepte et la *Démocratie* et la collaboration dans ce journal.

Etant parfaitement d'accord avec lui, nous donnons presque entièrement l'article de M. Bakounine, admirable de clarté et de logique.

Переводъ.

„Демократія“ и Михаилъ Бакунинъ ¹⁾).

Большая демократическая газета будетъ выходить въ Парижѣ подъ ред. Ш. Шассэнъ, при участіи большей части французскихъ демократовъ. Въ пробномъ номерѣ мы находимъ прекрасную статью нашего друга Бакунина, который, давая свое согласіе, счелъ нужнымъ сказать еще разъ, въ какомъ смыслѣ онъ приметъ и «Демократію» и свое сотрудничество въ этой газетѣ.

Будучи совершенно согласны съ нимъ, мы даемъ почти цѣликомъ статью М. Бакунина, замѣчательную по своей ясности и логичности ²⁾).

¹⁾ Чтобы дать понятіе о точности свѣдѣній, посылаемыхъ въ «Голосъ» его корреспондентами и о чистотѣ тѣхъ болотъ, гдѣ они выуживаютъ своихъ *утокъ*, расскажем одинъ фактъ. Одинъ изъ этихъ чиновниковъ наиболѣе плодовитый, свирѣпый врагъ поляковъ и непослѣдовательный поклонникъ Гарибальди, рассказываетъ въ сильныхъ выраженіяхъ о впечатлѣніи, какое произвелъ на Флоренцію предполагаемый пріѣздъ Бакунина въ качествѣ агента Маццини. Полиція его ищетъ, умы заняты имъ... Онъ имѣлъ свиданіе съ Гарибальди и пр., и пр... На самомъ дѣлѣ, Бакунинъ не покидалъ Швейцаріи ни на день съ послѣдней осени. Это могло быть неизвѣстно чиновнику офиціознаго «Голоса», но Бакунинъ — личность достаточно замѣчательная, чтобы знать, прежде чѣмъ писать о немъ, что, будучи большимъ другомъ освободителя Италіи, который стремится къ независимости и единству, Бакунинъ *не раздѣляетъ его взглядовъ*. Недостаточно ругать такихъ людей, какъ Бакунинъ, надо ихъ знать—даже въ интересахъ общаго дѣла редакціи «Голоса» и петербургскаго правительства.

А. И. Г.

²⁾ Слѣдовала статья Бакунина.

3328. Les tchèques étonnent aussi par leur ingratitude.

Les tchèques préparent une grande fête nationale pour l'ouverture d'un théâtre slave à Prague. Ils envoient des invitations à tout le monde, aux amis et aux ennemis, pourvu qu'il y ait une goutte de sang slave dans leurs veines. Nous n'avons rien contre cela, le mouvement slave est très-prononcé, très-fort et à l'ordre du jour. C'est le servilisme inutile qui nous dégoûte dans une initiative qui pourrait avoir non-seulement un avenir puissant, mais avenir noble.

Ont-ils envoyé par ex. une invitation au Russe— qui seul est plus digne de cette invitation que toute la cohorte des professeurs, littérateurs, beaux parleurs nommés dans la liste de leurs invités? Au Russe qui a posé, un des premiers avec eux, les bases du mouvement—qui prend maintenant ces énormes proportions, qui a traîné la chaîne dans les prisons de Cracovie, et qui a passé des années dans les casernes d'Olmütz et des années en Sibérie—à *Michel Bakounin* enfin?.. Non.

Il n'aurait pas accepté l'invitation—peut-être; mais les tchèques savent très-bien que, par exemple, les Czartoryski et d'autres Polonais n'iront pas s'attabler avec le pourvoyeur du bourreau — Katkoff, le rédacteur du *Golos* et ses semblables, et pourtant il leur a été envoyé des invitations. On est tenté de croire que ces invitations ont été faites pour donner aux aboyeurs des journaux russes une nouvelle occasion de s'acharmer sur un peuple blessé à mort.

Quel fruit attendre d'une oeuvre qui commence par servilisme, l'ingratitude et l'oubli volontaire de ses anciens amis?

Переводъ.

Чехи также удивляютъ своей неблагодарностью.

Чехи готовятъ большое національное торжество къ открытію въ Прагѣ славянскаго театра. Они рассылаютъ приглашенія всему міру, друзьямъ такъ же, какъ и недругамъ, лишь бы въ ихъ жилахъ текла хоть капля славянской крови. Мы ничего противъ этого не имѣемъ, славянское движеніе выражено очень рѣзко, очень сильно и стоитъ на очереди. Но во всемъ этомъ дѣлѣ, которому, бытъ можетъ, предстоитъ будущность не только могущественная, но и благородная, намъ претитъ ненужный сервиллизмъ.

Было ли послано приглашенiе русскому, который одинъ болѣе достоинъ его, чѣмъ вся шайка профессоровъ, литераторовъ и краснобаевъ, поименованныхъ въ списокѣ приглашенныхъ? Русскому, который, одинъ изъ первыхъ вмѣстѣ съ чехами заложилъ фундаментъ движенiя, принявшаго въ настоящее время такiе громадныя размѣры, который влачилъ цѣпи въ тюрьмахъ Градчины, цѣлые годы провелъ въ казематахъ Ольмуца и въ Сибири... Однимъ словомъ, *Михаилу Бакунину?*... Нѣтъ.

Онъ не принялъ бы приглашенiя, быть можетъ, но чехи очень хорошо знаютъ, что, напримѣръ, Чарторижскiй и другiе поляки не согласятся сѣсть за одинъ столъ съ подручнымъ палача Катковымъ, съ редакторомъ «Голоса» и съ подобными ему господами, и, все-таки, ими приглашенiя были посланы. Хочется думать, что эти приглашенiя были сдѣланы только для того, чтобы дать крикунамъ изъ русскихъ газетъ еще одинъ поводъ потѣшить свою звѣриную свирѣпость на смертельно раненомъ народѣ.

Чего же можно ждать отъ дѣла, которое началось сервиллизмомъ, неблагодарностью и добровольнымъ забвенiемъ старыхъ друзей?

3329. La femme et le prêtre admis au droit de l'homme.

Mademoiselle Sousloff, qui a terminé d'une manière brillante ses études médicales à Zurich et a obtenu le diplôme de docteur, vient de terminer ses examens à Pétersbourg. Le succès n'était pas douteux. On craignait un autre danger, le sexe de mademoiselle Sousloff. La Faculté passa outre d'une manière assez ingénieuse. Elle l'envisagea comme *docteur* diplômé par une université étrangère. Et comme les porteurs de diplômes étrangers ont le droit d'obtenir le doctorat russe, après examen, les professeurs ont reconnu mademoiselle Sousloff docteur en médecine.

Un prêtre Gortchakoff a défendu avec succès dans l'université de Pétersbourg une dissertation sur «l'ancienne juridiction des couvents» pour obtenir le grade de maître en droit (Magister juris).

Nous rapportons avec le plus grand plaisir ces deux faits. Malheureusement, le vieux proverbe russe qui dit: «Chez-nous sur une cuillerée de miel il y a toujours un tonneau de fiel» est encore parfaitement exact, et les mêmes feuilles nous fournissent un exemple frappant de ce que le gouvernement continue avec obstination à prétendre:

...*Que chaque scélérat soit un militaire.* — Il y a un mois on a pendu à Kiew un assassin Nikiforov. Son crime ne nous intéresse pas le moins du monde, mais sa condamnation et la manière dont il a été jugé, extrêmement. Cela devient une règle générale de faire juger par deux, trois officiers premiers venus, les personnes que l'administration veut tuer, et les officiers tuent toujours. L'assassinat juridique est un appât irrésistible pour les autorités russes, la nouveauté de la chose les entraîne; les capitaines et lieutenants qui condamnent se croient les égaux des juges des pays civilisés, où la peine de mort est une institution nationale, chère aux moeurs, aimée comme grand spectacle—tandis que chez nous le peuple abhorre les exécutions.

Après avoir fusillé un nombre assez rond de condamnés, c'est-à-dire au moins le nombre carré de tous les exécutés depuis le commencement du règne d'Elisabeth jusqu'à la mort de Nicolas, pour varier le plaisir on commence à pendre. Un tribunal militaire condamna un non militaire à être pendu, et le gouverneur général confirma la sentence et le fit pendre. Général-gouverneur et grand juge, grand juge et grand exécuteur! Qu'en diront les jurisconsultes, les docteurs en droit, les légistes?

Et pourtant la nécessité de détourner l'accusé de ses juges naturels, de son tribunal légal, est évidente. Ils ne *pourraient pas* condamner l'assassin à la mort (cette peine n'existant dans notre législation que comme exception, pour les utopistes en politique et les métaphysiciens qui ont le malheur de ne pas être totalement d'accord avec l'ontologie de l'Eglise byzantine). Et c'est pourtant le *sacrifice humain* que desirent l'Empereur si bon et les administrateurs si doux.

Pour faciliter le rôle de vengeur par le sang le gouvernement prétend que tout ce qui est criminel, féroce, sanguinaire, incendiaire et pollard, doit *nécessairement être militaire*; et comme les militaires, chez nous, ne sont pas jugés par les lois humaines et divines, mais par une mauvaise traduction de l'ancienne loi militaire de Brandebourg, dans laquelle la mort durch Blei est la peine la plus douce, quelque chose comme une correction paternelle pour les fautes disciplinaires. Vous voyez par là qu'avec le code militaire en main, on peut tuer n'importe qui, pourvu qu'on lui reconnaisse le droit d'être militaire.

Comme l'Empereur au fond a le coeur bon et n'aime pas à confirmer les sentences, comme le faisaient ses prédécesseurs, il a donné le droit aux généraux, commandant les troupes dans l'endroit du tribunal. Le coeur humain est faible. Où peut-on trouver un général qui voudra, en temps de paix armée, se refuser le plaisir de faire fusiller un pauvre diable?

On nous demandait si une femme criminelle peut aussi être fusillée? Mais certainement, elle sera reconnue d'abord femme militaire, et puis fusillée à côté du tribunal avec ses juges, avocats, jurés, sténographes et procureurs.

La nouvelle amélioration introduite par le général-gouverneur de Kiew qui a remplacé les coups de fusil à la Nicolas par la strangulation, est aussi à remarquer. Le gibet est non-seulement contre la loi criminelle, mais aussi contre la loi militaire...

Переводъ.

Женщина и священникъ, пріобщенные къ правамъ челоуѣка.

Госпожа Суслова ¹⁾, которая блестящимъ образомъ закончила въ Цюрихѣ изученіе медицины и получила дипломъ доктора, только-что сдала экзамень въ Петербургѣ. Успѣхъ былъ внѣ сомнѣнія; опасность угрожала съ другой стороны—со стороны пола Сусловой. Факультетъ прибѣгнулъ къ довольно остроумному выходу. Онъ взглянулъ на Суслову, какъ на *доктора*, дипломированного иностраннымъ университетомъ, и такъ какъ лица, владѣющія иностранными дипломами, пользуются въ Россіи правомъ, послѣ испытанія, получить званіе доктора, профессора признали Суслову докторомъ медицины.

Священникъ Горчаковъ ²⁾ съ успѣхомъ защитилъ въ Петербургскомъ университетѣ диссертацию на тему о «монастырскомъ приказѣ» на полученіе степени магистра правъ (*magister juris*).

Мы съ большимъ удовольствіемъ отмѣчаемъ эти два факта. Къ сожалѣнію, старинная русская пословица о ложкѣ меда и бочкѣ дегтя не утратила еще своего значенія, и тѣ же самыя газеты принесли поразительныя доказательства того, что правительство упрямо продолжаетъ утверждать:

Что каждый преступникъ—военный. Съ мѣсяцъ тому назадъ въ Кіевѣ былъ повѣшенъ убійца, нѣкто Никифоровъ. Намъ меньше всего интересуется само преступленіе Никифорова, но осужденіе его, а также способъ, которымъ онъ былъ судимъ, представляютъ чрезвычайный интересъ. Стало общимъ правиломъ: лицъ, которыхъ администрація желаетъ убить, предавать суду двухъ-трехъ первыхъ

¹⁾ Надежда.

²⁾ Михаилъ Ивановичъ, потомъ профессоръ церковнаго права Спб. университета.

встрѣчныхъ офицеровъ, которые ихъ и убиваютъ. Юридическое убійство представляеть для русскихъ властей соблазнъ, противъ котораго они безсильны; ихъ увлекаеть новизна дѣла. Произносящіе смертный приговоръ капитаны и лейтенанты считаютъ себя равными судьямъ зъ культурныхъ государствахъ, гдѣ смертная казнь есть установленіе національное, милое народу, обожаемое, какъ великолѣпное зрѣлище, въ то время, какъ у насъ народъ гнушается казней.

Разстрѣлявши кругленькое число осужденныхъ, по крайней мѣрѣ возведенное въ квадратъ число всѣхъ казенныхъ, начиная съ царствованія Елизаветы и кончая смертью Николая, придумали для разнообразія смертную казнь черезъ повѣшеніе. Военный судъ приговорилъ невоеннаго къ повѣшенію, а генераль-губернаторъ утвердилъ приговоръ и велѣлъ его повѣсить. Какъ вамъ нравится совмѣщеніе въ одномъ лицѣ генераль-губернатора и высшей судебной инстанціи и высшей инстанціи власти исполнительной! Что скажутъ на это юрисконсульты, доктора правъ, законовѣды!

И, все-таки, необходимость вырвать обвиняемаго изъ рукъ его естественныхъ судей, изъ власти его законнаго суда очевидна. Иначе они *не могли бы* приговорить убійцу *къ смерти* (такъ какъ это наказаніе упоминается въ нашемъ уложеніи только какъ исключеніе въ примѣненіи лишь къ политическимъ утопистамъ и къ мечтателямъ, имѣющимъ несчастіе расхотѣться съ православной церковью во взглядѣ на происхожденіе власти) И, все же, это— *человѣческое жертвоприношеніе*, котораго желаютъ добрый царь и мягкіе администраторы.

Чтобы облегчить себѣ исполненіе этой кровавой мести, правительство утверждаетъ, что всякій уголовный преступникъ, всякій поджигатель, всякій грабитель *по необходимости* долженъ *быть военнымъ*. И такъ какъ у насъ военныхъ судятъ не по законамъ человѣческимъ и божественнымъ, а на основаніи сквернаго перевода стараго военнаго закона Бранденбурга, въ которомъ смерть durch Blei ³⁾ представляеть еще наиболѣе мягкое наказаніе, нѣчто въ родѣ отеческаго внушенія за служебный проступокъ, то вы видите, что съ военнымъ кодексомъ въ рукахъ можно убить кого угодно, лишь бы за ними было признано право на званіе военнаго.

Но такъ какъ царь въ глубинѣ души человѣкъ добрый и не охотно утверждаетъ смертные приговоры, какъ это дѣлали его

³⁾ По-нѣмецки буквально: свинцомъ.

предшественники, то онъ передалъ это право генераламъ, командующимъ войсками въ томъ округѣ, гдѣ засѣдаетъ судъ. Сердце чело-
вѣческое слабо. Гдѣ въ наше время вооруженнаго мира встрѣтите
вы генерала, который откажетъ себѣ въ удовольствіи послать на
казнь какого-нибудь бѣдняка?

Насъ спросятъ, можетъ ли быть разстрѣляна также и жен-
щина? Безъ сомнѣнія. Сначала ее признаютъ военной, а затѣмъ
разстрѣляютъ бокъ-о-бокъ съ судомъ, съ его судьями, адвокатами,
присяжными, стенографистами и прокурорами.

Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ послѣднее усовершенство-
ваніе, внесенное кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, который
замѣнилъ казнь посредствомъ разстрѣла à la Николай повѣшеніемъ.
Висѣлица противорѣчитъ не только уголовнымъ законамъ, но и
военнымъ.

3330. L'ennemi vaincu.

Il y a du Caton en nous, la cause des vaincus nous plaît, nous
attendrit. Nous avons entendu parler avec un sentiment pénible de
découragement profond, de la démoralisation complète, de la prostra-
tion effrayante, du désespoir inquiétant — dans lequel se trouve l'ex-
ministre Walouieff, après l'amputation du portefeuille.

Nous ne voulons pas le consoler à l'antique, comme faisaient
Sénèque et Lucrèce, en lui montrant le baron Rudberg disponible,
le roi de Hanovre mis à la demi-solde; au contraire, nous voulons
lui donner des forces, réveiller en lui des espérances. A-t-il donc
oublié, homme faible et de peu de foi, que son protecteur Pierre IV,
dit Chouvaloff, reste encore debout au gouvernail de la police secrète?
Il tient dans ses mains les peurs du tzar, et il peut lui obtenir sinon
un portefeuille de suite, au moins un buvard...

Eh, mon Dieu, voilà les suites du zèle irréfléchi, des impru-
dences de la jeunesse! Quel besoin avait-on de décacheter les lettres
du grand-duc à Aksakoff et les lettres d'Aksakoff au grand-duc?
Et s'il y avait un besoin, pourquoi les montrer à l'Empereur? Le père
de soixante millions de sujets doit, par profession, être un père
tendre pour ses propres enfants.

Переводъ.

Побѣжденный врагъ.

Въ насъ есть нѣчто катоновское—дѣло побѣжденныхъ нравится намъ, трогаетъ насъ. Мы съ тяжелымъ чувствомъ глубокаго унынія слушали разсказъ о полной деморализации, объ ужасной простраціи и тревожномъ отчаяніи, въ которомъ находится эксъ-министръ Валуевъ послѣ отнятія у него портфеля.

Мы не собираемся утѣшать его по старинному, какъ дѣлали Сенека и Лукрецій, показывая ему на оставленнаго за штатомъ барона Будберга и на ганноверскаго короля, получающаго половинное содержаніе; наоборотъ, мы хотимъ дать ему силы, пробудить въ немъ надежду. Развѣ онъ, слабый и маловѣрный человѣкъ, забылъ, что его покровитель Петръ IV, называемый Шуваловымъ, стоитъ еще во главѣ управленія тайной полиціей? У него въ рукахъ страхъ царя, и онъ можетъ опять выхлопотать ему, если не портфель, то, по крайней мѣрѣ, бюваръ....

Боже мой! вотъ—слѣдствіе необдуманнаго рвенія, юнаго неразумія! Кому нужно было распечатывать письма великаго князя къ Аксакову и Аксакова къ великому князю? А если было нужно, зачѣмъ показывать ихъ государю? Отецъ шестидесяти милліоновъ подданныхъ долженъ по своей профессіи быть нѣжнымъ отцомъ своихъ собственныхъ дѣтей.

3331. Groméka le persécuteur, Groméka l'orthodoxe et furieux byzantin.

Les journaux français parlent d'un certain lansquenet féroce, qui fait tirer des coups de fusil sur les paysans appartenant au culte uni, qui charge les villages, envoie des centaines de prisonniers de Doubno à Sedletz. Quel est donc ce Groméka?—Cousin, frère, fils—du Groméka ci-devant gendarme, ci-devant littérateur; esprit fort—qui écrivait contre la police, qui écrivait des lettres admirables qui ne sont pas encore imprimées, etc., etc. On nous obligera beaucoup en nous écrivant quelques détails sur ce Groméka—Domitien—exterminateur des uniates.

Переводъ.

Громека преслѣдователь, Громека православный и яростный византіецъ.

Французскія газеты говорятъ объ одномъ свирѣпомъ ландскнехтѣ, который заставляетъ стрѣлять изъ ружей *во крестьянъ-уніатовъ*, атакуеть деревни и пересылаетъ сотнями узниковъ изъ Дубно въ Сѣдлецъ. Кто же этотъ Громека? ¹⁾ Дворянский ли, или родной братъ, или сынъ, Громеки, бывшаго жандарма, бывшаго литератора; вольнодумецъ, писавшій противъ полиціи удивительныя, еще не опубликованныя письма и пр. и пр.? Мы будемъ очень признательны за нѣкоторыя подробности объ этомъ Громекѣ-Домиціанѣ ²⁾, истребитель уніатовъ.

3332. Письмо къ Н. П. Огареву.

16 іюня (1868). Вторникъ.

Corpus Dei... Ну, вотъ тутъ и пиши Бакунинъ о рѣшительномъ уничтоженіи государства, а ты—о рациональныхъ законахъ математическихъ и Мерчинскихъ въ экономическихъ отношеніяхъ. Круповъ стоитъ, хохочетъ и говоритъ à la Noscoff—«медите кривые—грошъ на полкѣ».

Мимо нашихъ оконъ тянулась впередъ и назадъ процессія—драгуны, пѣхота, генералитетъ, попетъ, епископетъ и пр., сотни дамъ, дѣтей, съ разными игрушками и пѣніями, все это въ волнахъ народа. Сочетаніе ~~фр~~йска и поповъ очень хорошо пышность etc., etc., на два вѣка всего этого станетъ. 1792 и 1840-ой годъ для Ліона такъ же прошли, какъ для его сосѣдей, и кучка студентовъ по Конту и по не Конту остается ново-мандаиинской кастой. Что же искать законовъ логики у поврежденнаго?

Вѣроятно, послѣзавтра, въ четвергъ, мы поѣдемъ прямо въ Кольмаръ, а потому до перемѣны можно писать на мое имя: *Colmar* (Haut Rhin), poste restante. Въ Colmar'ѣ, вѣроятно, останемся до 1-го іюля. Погода превосходная. Я еще разъ пишу, что Ліономъ совершенно доволенъ.

¹⁾ Степанъ Стелановичъ, въ 1859—61 г.г. пріятель Герцена.

²⁾ Римскій императоръ, прославившійся особенной жестокостью въ преслѣдованіи своихъ политическихъ противниковъ.

Часть «Записокъ» Мейз. прочелъ; чтобъ ихъ печатать, я меньше вижу препятствій, чѣмъ на то, чтобъ ихъ читать (не по дружбѣ, а просто). Мнѣ кажется, что ты очень дурно знаешь современное *мылбе*, оттого тебя и Барни дивить. Отшельничество и дума ставять человѣка внѣ торговой бани и рынка... Въ одиночествѣ душа съ богомъ говоритъ, а на рынкѣ: «та... та... та... тра... тра... тратата... и она ему сказала «плевать мнѣ на тебя», и онъ, матушка, такъ и заиндевлѣ... а злодѣйка-то Аленка смотреть изъ-за угла и смѣется... а зубиши-то черные, все отъ румянъ... та... та..., та...»—а мудрый ишетъ формулу, и другой мудрый ее пойметъ черезъ сто лѣтъ, а *chemin faisant* всѣхъ *habebit humus* ¹⁾.

Дома тихо, хотя былъ и мирно-бурный разговоръ, который показываетъ, что тутъ ничего не поправишь. Разговоръ заставиль о многомъ подумать, но еще не стану писать.

«Колокола» нѣтъ. Если быстро отвѣтите и пошлете на почту до 2-хъ часовъ, письмо придетъ въ 8 утра, въ четвергъ. А, впрочемъ, пожалуй, посылайте въ Colmar, туда же и «Голось».

P. S. Тхорж. былъ правъ; я очень скверно провелъ ту ночь. Посылаю тебѣ 1-ю часть «Базарова», я ее промыль и забыль отдать. Попробуй хладнокровно прочитать и отдай Чернецкому или дашь *imprimatur* ²⁾.

3333. Письмо къ сыну.

16 іюня (1868). Вторникъ.

Lyon, Hôtel de l'Europe.

Пишу эту записочку для взаимнаго ориентированія или рекогносцировки. Всѣ *membra disjecta* ³⁾ должны теперь перекликаться.

18-го, въ четвергъ мы ѣдемъ въ Colmar (Haut Rhin) и 19 будемъ тамъ и навѣрное пробудемъ до 1 іюля. Я могу ѣхать навстрѣчу Татѣ, могу ее подождать въ Страсбургѣ, въ Базелѣ... это ваше дѣло. Главное—писать въ Colmar, N. R., *poste restante* до іюля (съ расчетомъ дней дороги).

¹⁾ А по пути всѣхъ поглотить земля.

²⁾ Приказъ печатать—для «Полярной Звѣзды».

³⁾ Разрозненные члены.

Ну что Мейзенбургъ и Крейснахъ? «Записками» ея я не совершенно доволенъ; она очень ярко обдѣлала свою семью—папашу и мамашу; «Былое и думы» такъ сильно дѣйствовали оттого, что краски вѣрны. Много идеализма. Кто переписывалъ вторую часть? Почеркъ хорошій, но съ ошибками. Неужели Берта?

Я былъ три дня въ Женевѣ. Огар. живет à la lettre ¹⁾ въ цвѣтникахъ: трельяжи, виноградъ, цвѣты. Это только океанидъ Тхоржевскій могъ чутьемъ найти такую дешевую прелесть. Я Огаревымъ доволенъ: у него видъ покойнѣе, глаза чище, и онъ говоритъ ясно и охотно.

Отсутствiе вина сдѣлало много пользы, но зато съ ногой мало подвигается. Майоръ запретилъ становиться на больную ногу, онъ становился, и маленькая кость, не сросшаяся, дала въ сторону,—опять лубки. Майоръ велѣлъ ногу подвязывать, когда на костыляхъ. Огар. это не нравится. Его неловкость и потерянности въ мелочахъ доходятъ до трагически смѣшного. Каждый изъ насъ, поджавши ногу, на костыляхъ поидеть вдсятеро лучше. Онъ, принимаясь за костыли, дѣлаетъ лицо чловѣка, котораго заставляютъ итти по битому стеклу, — я боюсь всякій разъ обморока. (Обмороки очень часты; но легки). Онъ собирается къ 15 iюля въ Prangins. Его положить въ коляску и изъ коляски вынуть въ Prangins, можетъ, и попозже—это зависитъ отъ ноги. Я пришелъ къ тому, что больше *двухъ недѣль* ему не слѣдуетъ быть внѣ дома и что лучше отдалить до 1 августа—не слѣдуетъ быть по его совершенной безпомощности и привычкѣ къ уходу.

Въ Женевѣ я встрѣтился съ Мечниковымъ-натуралистомъ ²⁾; онъ очень поумнѣлъ, и очень дѣленъ. Напиши мнѣ, зачѣмъ ты съ нимъ сухо встрѣтился и Шиффъ тоже, какъ мнѣ показалось изъ его словъ? Фогтъ, хваля его Клапареду, сказалъ: «*Нѣмцы ея не любятъ*». Мнѣ кажется, что это не *causa sufficiens* ³⁾ для тебя. Объ этомъ напиши Colmar, poste restante ⁴⁾.

Бакун. заводитъ журналъ и весь въ Элпидинѣ и к—ни.

1) Буквально.

2) Илья Ильичъ.

3) Достаточная причина.

4) Опущено нѣсколько словъ, по желанiю семьи Герцена.

3334. Письмо къ С. Тхоржевскому.

17 iюня (1868).

Lyон.

Что день, то новость. Сегодня получилъ отъ Таты письмо: она собралась ѣхать съ какими-то англичанами черезъ Montcenis въ Кюлозъ и Женеву, гдѣ намѣрена ждать, куда ѣхать. Ни числа, ни какихъ подробностей и опасная дорога черезъ Montcenis... Какъ будто, она не могла прежде списаться. Я ей написалъ, но застанетъ ли письмо. Да еще, какъ вы будете въ Интерлакенѣ?

Я васъ прошу принять всѣ мѣры и тотчасъ мнѣ написать. Не лучше ли ей остановиться у Вол. (да стыдно послѣ ея ссылки)? У Огар. тѣсно и неудобно.

Все это отнимаетъ послѣднiй покой и еще съ проклят. Montcenis.

Ѣдемъ, какъ сказали, пишите въ Colmar.

Вчера я купался въ Ронѣ—отлично. Лиза робѣетъ въ рѣкѣ, ей кажется очень мудрено, что вода сильно несетъ.

Писать больше нечего. Покажите Огар. записку. Читалъ ли онъ въ газетахъ, какъ *Тургеневъ* представлялъ буфона королевы прусской на сценѣ своей виллы, окруженный нѣмецкими князьями со старушкой Вiардо? Весь Баденъ-Еаденъ восхищается отъ его «Ogre»¹⁾... Онъ левъ, да и только. Жаль мнѣ, что онъ не на дѣло, а для роли шута треплетъ свое влiяніе.¹

Прощайте.

Извѣстите о полученiи Огар. рукописи: часть Мейз. и часть моей; тогда я пришлю еще.

Тата могла бы, если поѣдетъ въ Кольмаръ, заѣхать къ Мари Каспар. на сутки,—скажите ей.

«Колоколь» получилъ. Онъ отпечатанъ на другой бумагѣ—мятой и которая въ нѣсколько дней изотрется. Ошибки есть, но это наша вина, однако, и Давыдова.

◆◆ 1. О фигурированiи Тургенева въ качествѣ режиссера опереточныхъ постановокъ П. Вiардо сказано достаточно въ его письмахъ, разбросанныхъ по различнымъ изданiямъ, и далеко не полностью указанныхъ въ «Хронологической канвѣ» Гутьяромъ. Веймарская королевская семья неоднократно посѣщала его домъ, чтобы присутствовать на интимныхъ парадныхъ спектакляхъ.

¹⁾ «Людодѣдъ» оперетка, музыка П. Вiардо.

3335. Письмо къ сыну.

20 (іюня 1868).

Colmar (Haut Rhin). Hôtel des deux clefs.

Письмо твое получилъ, съ поразительно скверной фотографіей. Что же Тата дѣлала, когда ты принялъ такую карточку? и это въ городѣ, гдѣ есть Алинари и др. Побѣдка Таты очень нелѣпа. Почему она сама назначила пріѣхать въ концѣ іюня? Я такъ все и рассчитывалъ.—Что за безобразіе жить въ Hôtel de la Poste,— у Устиновой лучше. Къ тому же мы въ Ліонѣ до 3, 4 іюля не будемъ. И что за проба одной ѣхать черезъ М. Сеніс?

Насчетъ денегъ не лучше. Остаются у меня, по вашему счету, 3,000 (по-моему, немного меньше, но объ этомъ говорить не стоитъ), но, вѣдь эти 3 000 до 1 января 1869 года. Чѣмъ же вы будете жить, если я въ іюнѣ долженъ ихъ отдать... Стало, вы прожили уже около 12.000 въ 6 мѣсяцевъ? Ну, эго тяжело, если и полныхъ 15 000, мало... Это сойдетъ опять на такой же дефицитъ, какъ въ 1867 году; ergo, денегъ впередъ давать вамъ нельзя. Я въ окладъ больше не прибавлю—и не могу, и не долженъ.

Въ Германію ѣхать хорошо для серьезныхъ занятій, на другой день послѣ женитьбы занятія не пойдутъ,—ты это увидишь.

Сложныя *междудичныя* функціи и явленія потому-то и имѣютъ важность соціологическую и требуютъ изслѣдованія, что ими фізіологія не занимается и не можетъ заниматься. Соціологическіе законы, законы музыки, фізіологическіе законы относятся къ сотрясенію каждой струны—и то и другое вѣрно и то и другое anders potenziert¹⁾.

Негачія можетъ быть вѣрна, но бѣдна, не обхватывая всего, что отрицаетъ.

По вставкамъ П., открытымъ мною, ты видишь, что я читалъ внимательно.

Ногн²⁾ съ тѣхъ поръ ужъ написалъ вторую статью въ отвѣтъ на нападки; постарайся взять №№ «Liberté» (это дней за пятнадцать и №№ пять, шесть), гдѣ Жирандъ говоритъ о наказаніяхъ; онъ головой выше французовъ.

¹⁾ По разному осложняется.

²⁾ Окулистъ.

Жаръ страшный—я на дорогѣ изнемогъ—и страшныя головныя боли и приливы. До 29 пиши въ Кольмаръ.

Кельсиевъ издалъ томъ «Пережитое и передуманное».

3336. Письмо къ Н. П. Огареву.

20 іюня (1868).

Colmar. Hôtel des deux clefs.

Ну, батюшка, Николай Пл., путь сюда—это стоить абиссинской кампаніи. Я нѣсколько разъ думалъ, чтѣ еслибъ ты до преломленія былъ въ этомъ положеніи? Жаръ доходилъ до 30° цент. въ тѣни, вагоны накалены,—у меня повторилась головная боль, какъ въ Женевѣ, да къ тому же насморкъ. Мы раздѣлили путь на двѣ части и въ Безансонѣ ночевали. Франція во всѣхъ нутрахъ своихъ,—не на самыхъ главныхъ артеріяхъ,—еще находится въ состояніи времени Тюрго. Приѣхали въ 11 часовъ (опоздавши часомъ). Въ отелѣ заставили ждать.... Здѣсь Лиза посоловѣла, ночь... Наконецъ, рѣшились признаться, что у нихъ утромъ выгорѣло полдома и что мѣста нѣтъ. Насъ повели въ какой-то Саранскій постоялый дворъ, въ которомъ даже кофею нельзя было достать въ 12 ч. ночи. Выспались кое-какъ, утромъ опять въ вагоны; жаръ еще ужаснѣе, я началъ серьезно бояться прилива. А тутъ въ Бельфорѣ — ждать на станціи 2½ часа, въ Мююзѣ 2 часа,—разныя дороги, не умѣвшія согласоваться. Наконецъ, вчера, приѣхавши въ 9 вечеромъ въ Colmar, я въ десять бросился въ постель, — всю ночь въ какомъ-то полубреду (серьезно); утромъ у меня пошла кровь изъ носу, чего не бывало лѣтъ сорокъ. ¹

Вчера и третьяго дня была кровь, но сегодня нѣсколько капель. Пойду взять холодную ванну и приму Glaubersalz ¹⁾. — Сошло съ рукъ. Но аминь,—впредь, кромѣ въ ночныхъ train, я въ жары ѣздить не буду. Лиза вынесла геройски и теперь еще спитъ. Nat., разумѣется, не безъ акцесцовъ.

Я писалъ къ Шофуру, чтобъ прислалъ сюда рекомендательное письмо къ J. Масé. Школа знаменитая отсюда недалеко (кажется, двѣ станціи). До 30, вѣроятно, останемся здѣсь. Иду на почту.

¹⁾ Глауберовой соли.

Ты знаешь, что Тата вдругъ написала, что ѣдетъ съ кѣмъ-то черезъ Montcenis и Culoz въ Женеву и оттуда къ намъ въ Lyon. Я писалъ, чтобъ остановить недѣли на двѣ. О Prangins еще ничего не знаю,—я на тотъ счетъ имѣлъ дурной разговоръ, хотя *summa summarum* ¹⁾ все идетъ тихо.

Прощай.

Тхоржевскому препоклоны. Корректуру и все посылать на *мое* имя, а не на имя Natalie—такъ я распорядюсь на почтѣ.

По тому, что я вижу здѣсь вездѣ Kleinstädchen'ы ²⁾—и аминь, аминь глаголю вамъ:

Es ist nur ein Löwe,
Es ist nur eine Stadt Lyon ³⁾.

И я предлагаю до Ниццы жить тамъ. Къ тому же въ Hôtel de l'Europe хозяйка влюблена въ Лизу, и насъ носятъ всѣ на рукахъ.

Предлагаю на адресахъ къ близкимъ знакомымъ не писать Monsieur и M.-г.

12 часовъ.

Жаръ опять страшный, голова болитъ. Аптекарь совѣтуетъ пить кремортартаръ.

Ворохъ писемъ: отъ Шофура, ваши и проч. Еслибъ Тата внимательнѣе читала мои письма, она не поѣхала бы теперь; что она будетъ дѣлать три недѣли или almeno 2? Я совѣтую остановиться у Володиміровой—и съѣхать потомъ, по общему условію, ну, хоть въ Базелъ или въ Ліонъ, не ближе 5-го іюля.

Книгу Кельсіева!.. полцарства за книгу Кельсіева! Я пишу иммедіатно ⁴⁾ разборъ.

О «Базаровѣ» опять-таки я не настаиваю; второе письмо готово, я его пришлю на-дняхъ. Выписка: «она въ глубинѣ души...» очень ясно по смыслу идетъ въ продолженіе другой выписки.

¹⁾ Въ концѣ концовъ.

²⁾ Маленькіе городишки.

³⁾ Это только левъ, это только городъ Ліонъ.

⁴⁾ Немедленно.

3337. Письмо къ Н. П. Огареву.

23 іюня (1868). Вторникъ.
Colmar. Deux Clefs.

Осматривали Бебленгеймъ. Приняли насъ чудесно. Много хорошаго, много такъ себѣ. Но такъ какъ серьезной цѣли при этомъ не было, то и all right. J. Масé—замѣчательный дѣятель, простой, но умный человѣкъ, живущій 16 лѣтъ въ Бебленгеймѣ и дѣлающій чудеса пропагандой сельскихъ библиотекъ и Ligu'ой первоначальнаго образованія. У него тысяча адгерентовъ во всей Франціи. Я тебѣ пришлю бюллетени презамѣчательные. Религія и политика формально исключены (положительно и отрицательно). При свиданьи расскажу много. ¹

Все время былъ боленъ: приливы, насморкъ и головныя боли безъ перерыва. Сегодня лучше. Имѣлъ lacheté ¹⁾ сходить въ военный госпиталь и посоветоваться... съ тамошнимъ докторомъ.

Онъ велѣлъ пить ежедневно по порошку

Bicarb. de soude 19 gr.
Carbonate de lithine 0,5.

Что это *литинъ*? ты, какъ D-г, долженъ объяснить. Пива пью мало, водка совсѣмъ исключена, вина—бутылка въ день.

25 вечеромъ ѣдемъ въ Мюлюзъ (если будутъ письма, перешлютъ за мной). Здѣсь братъ Шофура—у того Ш., котораго ты видѣлъ, отнялись ноги, но надѣются исправить. Я поѣду къ нему въ Танъ. Радущіе вездѣ большое, и Шофуръ правъ; онъ въ отвѣтъ на мою просьбу о рекомендаціи Масé написалъ: «вотъ вамъ записка, mais je m'en garde bien de me donner le ridicule de vous recommander—votre nom suffit en France» ²⁾, и безъ хвастовства, оно выходитъ такъ.

Листъ «Полярной Звѣзды» (ужасно дурно поправленный тобой; замѣть, что ты все меня винишь, а я тебя; мелкихъ ошибокъ 50 almeno) посылаю Чер.

¹⁾ Малодушіе.

²⁾ „Но я остерегусь ставить себя въ смѣшное положеніе, давая вамъ рекомендаціи—во Франціи достаточно Вашего имени“.

Одно письмо я нашель здѣсь, затѣмъ ни слова. Что же Тата? Лучшее, что она можетъ сдѣлать, это ѣхать: а) къ Марьѣ Каспаровнѣ дня на два и потомъ прямо въ Мюлюзь, но, все же, разъ впередъ написать; а, когда я напишу объ отелѣ, если нужно, телеграфировать.

Засимъ прощай.

Адресъ: Mülhouse, poste restante.

◆◆ 1. Огарева подробно рассказала, какъ ихъ привѣтливо встрѣтила директрисса пансіона, вызвала Ж. Массе, какъ послѣдній былъ въ восторгѣ отъ посѣщенія Герцена и говорилъ при немъ своей помощницѣ: «Вѣдь, вы знаете, m-g Herzen не только принадлежитъ Россіи, онъ принадлежитъ Европѣ, всему мыслящему міру, это—звѣзда! Боже мой, да какое счастье, что вамъ вздумалось заглянуть въ Бебленгеймъ! Вотъ сюрпризъ!». Тамъ Герценъ завтракалъ и обѣдалъ и только поздно вечеромъ отправился обратно въ Кольмаръ («Воспоминанія», 248—253).

Въ Кольмарѣ онъ зашелъ въ музей. «Когда привратникъ подалъ Герцену книгу, гдѣ посѣтителѣ записывали свои имена, Герценъ написалъ свое имя. Привратникъ машинально слѣдилъ за перомъ и читалъ имя и, вѣроятно, ожидалъ какую-нибудь невозможную для французскаго произношенія русскую фамилію; вдругъ онъ взглянулъ на Герцена и сказалъ: «Какъ? неужели я вижу г-на Герцена, того, который занимался изданіемъ русской газеты въ Лондонѣ? Изгнанника? Неужели?» — Да, это я, — отвѣчалъ Герценъ съ своей обычной привѣтливостью.—«Такъ позвольте мнѣ пожать вашу руку,—я такъ счастливъ!» говорилъ привратникъ съ одушевленіемъ» (тамъ же, 248).

3238. Письмо къ Н. П. Огареву.

• 24 іюня (1868). Среда.
Colmar (Haut Rhin), N. des 2 clefs.

Твою приписку и приписку Таты получилъ. Что сдѣлано, то сдѣлано, и, если Тата не провалилась на Montcenis, то сбережется и въ Женевѣ, хотя все вмѣстѣ было безмозгло.

Мы ѣдемъ завтра или послѣзавтра въ Мюлюзь, 25 вечеромъ или 26. Оттуда я поѣду въ гости къ Шофүру и тамъ стануждать вашихъ рѣшеній, т. е. въ Mulhous'ѣ.

Я Татѣ писалъ подробно. Она можетъ ѣхать, *увѣдомивши* сейчасъ въ Мюлюзъ черезъ Бернъ, гдѣ остановится у Рейхель. Я могу ей ѣхать навстрѣчу въ Базель (часъ и десять минутъ) или мы можемъ сами черезъ недѣлю ѣхать въ Базель и ждать ее. Я требую только аракчеевской точности и никакихъ извиненій (кромѣ такихъ, о которыхъ телеграфировано или писано) не принимаю. И мои нервы, наконецъ, требуютъ покоя.

Къ неизлѣчимасти лицъ. Вотъ что было вчера вечеромъ. Я прихожу въ девятомъ часу съ Шофуромъ (презанимательный человекъ, съ огромнымъ образованіемъ и взглядомъ). Оставилъ его въ своей комнатѣ и пошелъ къ N. спросить, хочетъ ли она съ нимъ познакомиться. Нахожу N. въ трансахъ и ужъ совсѣмъ раздраженную: приготовляетъ горчичникъ Лизѣ на шею... Отъ Шофура и руками и ногами. «Да что случилось?»—«У Лизы кашель и горло болитъ».—«Помилуй, часъ тому назадъ она была здорова»... — «О нѣтъ, нѣтъ, она таетъ, она сонная, она въ ослабленіи»... Спрашиваю Лизу, которая уже въ постели ждетъ *напизма*... Лиза говоритъ, что она здорова и что она кашляла и дѣлала усилія горломъ оттого, *что муха ей попала, когда онъ гуляли, въ ротъ.* Тѣмъ не менѣе горчичникъ ей привязала. На другой день N. совѣтовалась со мной, можно ли Лизу оставлять въ этихъ комнатахъ... etc, etc. А Лиза совершенно здорова и была только вареная въ эти ужасные жары.

P. S. Я выздоравливаю. Ошибокъ мелкихъ ты оставляешь бездну въ корр. Тхорж. скажи, что если Долг. въ самомъ дѣлѣ умираетъ, я ему грѣхи отпускаю á la condition ¹⁾, чтобъ онъ взаправду умеръ.

3339. Письмо къ Н. П. Огареву.

(25 іюня 1868). Четвергъ.

Передай записку Тхор. Писать нечего, многое я здѣсь изучилъ и не раскаиваюсь, что проѣхалъ миль. Приѣмъ все лучше и лучше. Пиши, какъ сказано, въ Mulhouse. Я тамъ жду рѣшеній Таты и всѣхъ. Вѣроятно, оттуда двинемся въ сѣверную часть Швейцаріи.

¹⁾ Съ условіемъ.

Лиза здорова. Вчера Шофуръ ее водилъ въ музей и закормилъ конфетами.

Colmar.— Не хочешь ли и ты Тхор. поручить то же объявить или эквивалентное Долгор? Увидишь, *что* въ письмѣ къ Тхорж.

Долг. долженъ бы былъ отпи сазу что-нибудь сдѣлать для Тхорж.

Татѣ кланяюсь и жду ея отвѣта на мое вчерашнее письмо.

3340. Письмо къ Н. П. Огареву.

(27 іюня 1868).

Mülhouse. «Hôtel Romain».

Итакъ, христѣйшій Ник. Плат., и ты сталъ догадываться, что Бакун. за спиной... конспиратничаетъ съ Элдыринимъ?... А я тебѣ изъ Ниццы писалъ объ этомъ въ апрѣлѣ.

Познай людскую злобу ты
И вѣроломства вкусь отвѣдай,—

могъ бы написать Сумароковъ. *Le sublime est à un pas du vil*, ¹⁾— могъ бы сказать Наполеонъ etc. Однако, при свиданьи ты не обо всемъ помолчи.

Съ 1-го іюля мы въ Базелѣ. Съѣздимъ по окрестностямъ, въ Шафгаузенъ и пр. Здѣсь будемъ ждать: 1-е, Тату, если хочеть, 2 — твой приказъ о Prangins, хоть къ 1 августа, если раньше не можешь. Что за Prangins—не знаю. Лиза рвется къ тебѣ, это истинно безъ увеличенія. Съ Н. были хсрошіе и дурные разговоры по этой части; она все хочеть какихъ-то невозможностей.

Къ «Колок.» ²⁾ нѣтъ leading articl'я. Глупую статью изъ Дрездена не слѣдуетъ помѣщать; глупую статью поляка о Громекѣ просто выбросить. Да, вѣдь, пожалуй, можно и безъ leading articl'я?

Здѣсь самое замѣчательное дѣло—*cités ouvrières* ³⁾. Это—цѣлый городъ маленькихъ домиковъ, каждый съ садикомъ, подъ общимъ управленіемъ. Тутъ есть все свое: большіе рестораны, по 75 сант. обѣдъ, передъ входомъ ванны теплой и холодной воды,

¹⁾ От возвышеннаго до низкаго одинъ шагъ.

²⁾ № 10.

³⁾ Рабочіе города.

чтобъ работ. могли послѣ работы и до обѣда вымыться, etc. Все дѣло частное, а не правительственное. Странный городъ,—почти все населеніе изъ работниковъ. У нихъ свои школы и высшія, въ которыхъ химія и физика преподаются въ большомъ объемѣ и въ совершенно современномъ видѣ.

Засимъ прощай.

Отдай поскорѣе прилагаемую записку Татѣ. 31 ѣдемъ въ Базель, ergo, пиши: Bâle, poste restante.

Вотъ и въ Швейцаріи.

Ну, что принцъ?

«Записки» Meys. одолѣлъ. Я скажу, какъ апостоль Павелъ: лучше не печатать, но если нѣтъ воздержанія, то пусть печатаеть у Чернецкаго.

Если Тхор. воротился, попроси его узнать, можно ли послать въ Женеву изъ Ліона готовыя рубашки, не платя пошлины, а также и ящикъ—и, наконецъ, пришли ли вещи изъ Ниццы въ Женеву?

Амен.

P. S. Всѣ письма изъ Colmar'a пришли. Ради Аллаха не заботься о письмахъ, когда адресъ писалъ, какъ сказано.

3341. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

27 juin 1868.

Mulhouse (Haut Rhin) Hôtel Romain.

Très chère Arista.

J'ai attendu en vain de vos lettres, enfin Og. m'écrit que vous lui avez écrit de Munich et Tata m'envoïé une lettre pour Olga.

Tata est seule à Genève; elle fait pratiquement l'émancipation. Lorsque vous êtes dans le doute sur mon adresse, écrivez par Tchor, ou Og.

Maintenant pourquoi *arista*? Mais parce que j'ai lu les memoires. Je pourrais dire que c'est plus qu'*arista* dans le sens européen, mais c'est juste dans le sens du céleste empire. Vous savez que les chinois donnent les titres aux ancêtres et non aux descendants. Vous rayonnez sur tout une splendeur si forte qu'il n'y a pas d'ombre. Le reconnaiss trait pour trait votre caractère idéalisant. Vous l'avez conservé et c'est parfait—pour dorer cette pillule de la vie. je veux voir ce que vous, avez fait de 48 et comment vous avez illuminé ces tristes événements.

Il me semble qu'il y a des pages où la langue française n'est pas suffisamment soignée. Est ce que Domengé a lu? Pour les simples fautes M-r David vous corrigera—le style non.

J'ai vu le grand pensionnat de Beblenheim et j'ai passé une journée avec J. Macé—C'est bon, mais sa ligne de l'instruction populaire est meilleure s'est un nouveau chemin. L'Alsace est très provincial, mais il me plait, il y a plus de vigueur, plus de nerfs—le mélange latino—tudesque est bon pour tout—à l'exception de la prononciation française.

Nous vous peut—être à Bâle pour rencontrer Tata. En attendant adressez les lettres à Tchorsevsky 504 Route de Carouge.

Il principe Ippopotamo se meurt—quel farceur, qui a pu penser.

Adieu.

Chère Olga. Voilà une relation du voyage de Tata, j'attends la tienne, écris à tête reposée. N'écris pas d'emblée, mais fais un brouillon—laisse le deux trois jours, et reviens avec un désir féroce de réduire par moitié et de corriger. En suite envoie à moi. Tata est devenue emancipatissime—traverse les montagnes, vit avec les sauvages comme Livingstone toute seule—et me demande des conseils deux jours trop tard—pour ne pas être contrecarrée. Je t'embrasse.

Adieu.

J'ai été indisposé pendant une semaine, c'est la chaleur qui m'a accablé. N. et Lise saluent.

Переводъ.

27 июня (1868).

Дрожайшая Ариста ¹⁾.

Напрасно ждалъ я писемъ отъ васъ. Наконецъ, Огаревъ общилъ мнѣ, что вы писали ему изъ Мюнхена, и Tata прислала письмо для Ольги.

Tata одна въ Женевѣ; она практически продѣлываетъ эмансипацию. Если вы не увѣрены, что хорошо знаете мой адресъ, пишите черезъ Тхорж. или Ог.

Теперь объясню, почему вы *arista*. Да потому, что я прочелъ ваши мемуары. Я сказалъ бы даже, что это больше, чѣмъ *arista*

¹⁾ Греческое слово *arista*, означаетъ—наилучшая.

въ смыслѣ европейскомъ, но что это справедливо въ смыслѣ царства небеснаго. Вы знаете, что китайцы награждаютъ титулами предковъ, а не потомковъ. Вы озаряете все такими яркими лучами, что совсѣмъ нѣтъ тѣней. Я узнаю, черту за чертою, вашъ идеализирующій характеръ. Вы его сохранили, и это великолѣпно, чтобы позолотить пилюли жизни. Я хотѣлъ бы видѣть, что вы сдѣлали изъ 48-го года и какъ вы освѣтили эти печальныя событія.

По-моему, тамъ встрѣчаются страницы, гдѣ французскій языкъ недостаточно тщательно разработанъ. Прочель-ли ваши мемуары Доманже? Простыя ошибки можетъ вамъ исправить Давидъ, но не стиль.

Я видѣлъ большой пансіонъ Бебленгейма и провелъ одинъ день съ Ж. Массе. Это хорошо, но его направленіе въ дѣлѣ народнаго обученія лучше. Это—новый путь. Эльзась—совершенная провинція, но онъ мнѣ нравится, тамъ больше твердости, больше нервовъ—латино—германская смѣсь годится для всего, за исключеніемъ французскаго произношенія.

Мы, можетъ быть, поѣдемъ въ Базель, навстрѣчу Татѣ. Пока адресуйте письма Тхоржевскому, 504, Route de Carouge.

Князь Гиппопотамъ ¹⁾ умираетъ—каковъ шутникъ, кто бы могъ это думать!

Прощайте.

Дорогая Ольга! Вотъ описаніе путешествія, сдѣланное Татою: жду твоего; напиши, отдохнувши. Не пиши сразу, сдѣлай черновую, затѣмъ пропусти два-три дня и возьми опять за дѣло съ сильнымъ желаніемъ сократить наполовину и исправить. Затѣмъ пошли мнѣ. Тата сдѣлалась *emancipatissime* переправляется одна черезъ горы, живетъ одна съ дикарями, какъ Ливингстонъ, и спрашиваетъ у меня совѣтовъ съ опозданіемъ на два дня, не желая, чтобы ей мѣшали. Целую тебя. Прощай.

Я былъ нездоровъ въ теченіе недѣли—жара доняла меня. И и Лиза кланяются.

¹⁾ Долгорукій.

3342. Письмо къ Н. П. Огареву.

28 іюня (1868). Воскресенье.
Hôtel Romaine.

Пользуясь тѣмъ, что пишу Тхорж., чтобъ онъ телеграфировалъ Долгор.-сыну, извѣщаю, что письмо твое (и всѣ остальные) пришло.

Я твердо убѣжденъ, что ты никогда не былъ дальше отъ всякой апоплексіи, какъ теперь. Тату такъ же удивило твое лицо, какъ и меня, въ послѣдній пріѣздъ. Твоя апоплексія, какъ «истина», *in vino* ¹⁾: ты не пьешь.

Жалѣю, что ты думаешь, что я на Тату сердился. Еслибъ ты прочелъ къ ней записки мои, ты не думалъ бы это; а что она пустилась очертя голову черезъ Montcenis, я пожурилъ. Тата мнѣ ближе по всему. Затѣмъ прощай.

Чернец. посылаю коррект. Статью о пуляхъ, какъ глупую и мерзкую, бросилъ.

Мальвиду пришлю изъ Базеля. Пиши въ Базель: *Bdle, poste rest.* Я тамъ буду во вторникъ. Ёду на весь день къ Шофуру.

3343. Письмо къ Н. П. Огареву.

30 іюня (1868). Вторникъ.
Mülhouse. H-I Romain.

Вѣсть о смерти Матеуччи поразила меня не только потому, что это—ударъ для всей Італіи и для Саши—онъ былъ сторожъ свободы преподаванія,—но еще потому, что я его видѣлъ въ декабрѣ сильнымъ, полнымъ жизни и дѣятельности, безпрестанно двигающимся и говорящимъ обо всемъ. Долг. при всей силѣ былъ какой-то *fungus bestialis* ²⁾, уродство, а это — гуманное явленіе. Да-съ... *Memento mori.* Довольно.

У Шофура я провелъ превосходно день; они живутъ богатыми помѣщиками, и вся семья удивительно образованные люди; одинъ изъ семьи (Шереръ) химикъ и натуралистъ, поклонникъ

¹⁾ Въ винѣ.

²⁾ Наростъ.

Шиффа. Старикъ Кестнеръ—глава дома, хромой, энергическій, и тотъ Шофуръ, котораго ты видѣлъ—очень больной, у него начало онѣмѣнія позвоночнаго мозга; Шереръ говоритъ, что онъ на плохой дорогѣ. Приемъ былъ самый горячій, больной самъ пріѣхалъ меня встрѣтить на желѣз. дорогу—остальное при свиданіи.

Сегодня вечеромъ ѣдемъ въ Basel Тамъ, вѣроятно, дождусь Тату, а не то въ Люцернѣ, гдѣ буду ждать пранжэнской гисторіи. Люцернъ очень красивъ, я готовъ тамъ жить хоть мѣсяць.

А хотѣлось бы и мнѣ гдѣ-нибудь пріютиться, но ничего не предвижу. Смотри, какъ богъ-то иронію загибаетъ. Ты проповѣдывалъ неподвижность—вотъ и ходить не можешь; я, напротивъ, движеніе—и въ 56 лѣтъ не имѣю столько оспѣлости, какъ панъ Цверцякевичъ или Жихоня. Не знаю, какъ выработаться изъ этого положенія. Не посовѣтоваться ли съ Грезингеромъ? это по его части.

Особенно хорошаго отъ свиданія съ Татой не жду.

Прощай.

У N. сильный былъ поносъ и теперь продолжается. Лиза здорова, но N. убѣждена, что она больна, и хочетъ совѣтоваться съ Ад. Фогтомъ.

Библиографическій комментарий.

(Сокращенія: Наталія Александровна Захарыина, потомъ Герценъ=Н. А—на; «Сочиненія А. И. Герцена», Женева, 1875—1879 гг.=Жен. изд.; «Собраніе сочиненій А. И. Герцена», СПб., 1906 г.=Спб. изд.; сборникъ «Колоколъ», избранныя статьи А. И. Герцена, составл. Л. Тихомировымъ=Тих.; Румянцовскій музей въ Москвѣ=Рум. муз.; архивъ семьи Герцена=АСГ.; Пушкинскій домъ при Академіи наукъ=Пушк. д.; «Колоколъ»=«Кол.»; «Полярная Звѣзда»=«П. З.»).

3158. Напечатано неполно и неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3159. Тоже.

3160. Тоже.

3161. Тоже.

3162. Тоже.

3163. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3164. Тоже.

3165. Напечатано неполно и неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3166. Напечатано неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3167. Напечатано неполно и неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3168. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3169. Напечатано неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3170. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3171. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3172. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3173. Напечатано неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3174. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3175. Тоже.

3176. Тоже.

3177. Напечатано во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3178. Напечатано вполонину и неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3179. Напечатано фотографіей съ подлинника въ № 13 «Искръ» 1912 г.; подлинникъ не найденъ.

3180. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3181. Напечатано въ VII кн. «Голоса Минувшаго» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3182. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3183. Тоже.

3184. Тоже.

3185. Тоже.

3186. Тоже.

3187. Напечатано неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3188. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3189. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.; написано на корректурѣ слѣдующаго №.

3190. Напечатано отдѣльнымъ листомъ, въ № 1 «Кол.» (1 января 1868 г.) и у Тих.; подлинникъ не найденъ; выправленная Герценомъ корректура хранится въ Рум. муз.; текстъ данъ съ орфографическими исправленіями, введенными въ «Kolokol», но безъ удаленія даты и мѣста, неданныхъ въ «Kolokol».

3191. Напечатано неисправно въ II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3192. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3193. Напечатано вполонину и неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3194. Напечатано въ I кн. «В. Европы» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

3195. Напечатано неполно и неисправно на стр. 142—143 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3196. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3197. Напечатано неисправно въ III т. «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3198. Напечатано въ I кн. «В. Европы» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

3199. Напечатано неполно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3200. Тоже.

3201. Напечатано неполно и неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3202. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3203. Напечатано неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3204. Напечатано во I кн. «В. Европы» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

3205. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3206. Напечатано въ III кн. «Сѣв. Вѣстника» 1894 г.; подлинникъ не найденъ.

3207. Напечатано по-французски въ № 1 «Kolokol» съ подписью «Iskander» и у Тих; по-русски I и II гл. переведены въ I кн. «Завѣтовъ» 1912 г. въ общемъ плохо, съ массою неточностей, пропусковъ и т. п.

3208. Напечатано неисправно въ I кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

3209. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3210. Тоже.

3211. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3212. Напечатано въ № 1 «Kolokol» отъ 1 января 1868 г. (фактически выходъ 15 декабря 1867 г., а былъ отпечатанъ къ 5—6 декабря, когда и посланъ Тургеневу); подпись «Alexandre Herzen»; подлинникъ хранится въ Рум. муз.; свѣрено по измѣненному печатному тексту.

3213. Напечатано въ № 1 «Кол.» (русское прибавленіе) съ подписью «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

3214. Тоже.

3215. Напечатано въ № 1 «Кол.» (русское прибавленіе); подлинникъ не найденъ.

3216. Напечатано въ № 1 «Кол.» (русское прибавленіе); принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

3217. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3218. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. «Рус. Обзорнія» 1895 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

3219. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3220. Напечатано неполно и неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3221. Напечатано неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3222. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3223. Напечатано вполнину и неисправно, во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3224. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3225. Напечатано неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3226. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3227. Напечатано неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3228. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3229. Напечатано въ № 2 «Kolokol», переведено по-нѣмецки въ № 16 (18 апрѣля 1868) «Magazin für die Literatur des Auslandes»; принадлежность ясна изъ № 3199; подлинникъ не найденъ.

3230. Напечатано въ № 2 «Kol.»; принадлежность ясна изъ помѣтки Чернецкаго на готовомъ экземплярѣ, хранящемся въ АСГ.

3231. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3232. Тоже.

3233. Напечатано въ № 3 «Kol.» съ подписью «Iskander»; подлинникъ не найденъ.

3234. Напечатано въ № 3 «Kol.»; принадлежность устанавливается по указанію А. А. Герцена.

3235. Напечатано въ № 2 «Kol.» (русское прибавленіе) съ подписью «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

3236. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3237. Тоже.

3238. Тоже.

3239. Тоже.

3240. Тоже.

3241. Тоже.

3242. Тоже.

3243. Напечатано неполно и неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3244. Напечатано неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3245. Напечатано въ № 4 «Le Kolokol» (15 февраля 1868 г., фактически вышелъ 20 февраля) съ подписью «Iscander»; во многомъ совпадаетъ съ главками 2—3 главы II «Съ того и этого свѣта» ч. VII «Былого и думъ», но, опубликованное раньше по-французски, а потомъ уже данное по-русски въ VIII кн «Полярной Звѣзды» на 1869 г., отличается отъ русскаго текста такими нюансами, которые побуждаютъ дать эти двѣ главки въ качествѣ самостоятельнаго произведенія.

3246. Напечатано въ № 4 «Kol.» (съ поправками въ № 5), съ подписью «Iscander»; подлинникъ не найденъ.

3247. Напечатано въ № 4 «Kol.»; принадлежность устанавливается по замѣткѣ Чернецкаго, хранящей въ АСГ.

3248. Тоже.

3249. Тоже.

3250. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3251. Тоже.

3252. Тоже.

3253. Напечатано въ № 5 «Kol.» отъ 1 марта; подлинникъ не найденъ.

3254. Напечатано въ № 5 «Le Kol.», подпись «Iscander»; подлинникъ не найденъ.

3255. Напечатано въ № 5 «Le Kol.», подпись «I—г»; подлинникъ не найденъ.

3256. Напечатано въ № 5 «Kol.» съ подписью «A. Herzen», подлинникъ не найденъ.

3257. Напечатано въ № 3 «Kol.» (русское прибавленіе) отъ 1 марта; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

3258. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3259. Тоже

3260. Тоже.

3261. Тоже.

3262. Тоже.

3263. Тоже.

3264. Тоже.

3265. Тоже.

3266. Тоже.

3267. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3268. Напечатано во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3269. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3270. Напечатано въ № 6 «Kol.», подпись «I—г»; подлинникъ не найденъ.

3271. Напечатано въ № 6 «Кол.» 1868 г.; послѣ статьи слѣдоваль переводъ статьи о Каразинѣ; принадлежность ясна изъ содержанія. Въ Рум. муз. хранится черновикъ; привожу его, какъ вариантъ.

«Девятнадцатое столѣтіе у насъ началось оригинально. Павелъ былъ убитъ, Александръ либеральничалъ. Входя на престолъ черезъ трупъ своего отца, онъ явился съ двумя проектами въ карманѣ: съ проектомъ личнаго освобожденія крестьянъ и съ проектомъ введенія какихъ-то представительныхъ формъ.

Тяжелую, старушечью, удушливую атмосферу, какъ послѣдствіе екатерининскаго времени, разсчистилъ Павелъ. Александръ окружилъ себя молодыми помощниками, но ничего путнаго сдѣлать не могъ. Непроницаемая стѣна стояла между ними и народомъ. Темная ночь покрывала всю землю, едва на вершинахъ показывался свѣтъ. Все движеніе лѣпилось около трона и находило своими центрами нѣсколько свѣтскихъ гостиныхъ да нѣсколько разрозненныхъ отдѣльныхъ людей въ родѣ Новикова. Дальше официально-аристократическаго круга свѣтъ не проникалъ. Вся умственная и общественная жизнь сосредоточивалась въ столбовомъ дворянствѣ и въ нѣсколькихъ, какъ мы сказали, литераторахъ, масонахъ, картинастахъ. Круги эти были замкнуты на меньше масонскихъ ложъ, больше, пожалуй, потому что въ нихъ принимались люди по рожденію, по чину и по богатству, соединенному съ рожд-ніемъ.

Не только народъ, поставленный внѣ закона, не существовалъ, но не существовало ни купечество, торговавшее милліонами, ни чиновничество незнатнаго происхожденія, грабившее милліоны. Проникнуть собственно въ барскіе круги изъ чужихъ могли дальніе родственники и военные въ высшихъ чинахъ. Трудность положенія Сперанскаго состояла въ его семинарскомъ происхожденіи. Будь онъ побочный сынъ какого-нибудь вельможи, ему были бы легче всѣ реформы. Поповичъ, статсъ-секретарь и довѣренное лицо у государя былъ бѣльмомъ на глазу у всѣхъ,—его равно не могли переваривать ни одинъ изъ умнѣйшихъ сановниковъ того времени да еще вольтерянецъ Ростопчинъ, ни дикіе екатерининскіе тузы. Трудно, кажется, было проникнуть въ эти парники искусственно вытянутаго образованія, больше яркаго и махроваго, чѣмъ серьезнаго, свѣжему воздуху, который тогда несся изъ Франціи и еще не весь прапахъ пороховъ. Заговоръ противъ Павла ничего не значилъ. Это было личное дѣло между имъ и любовникомъ его матери, личное дѣло самосохраненія олигарховъ, обиженныхъ и вѣчно дрожавшихъ подъ угрозой Дамокловой тройки и Сибири.

А щели, все-таки, оказались. Революцію въ барскіе дома несли намъ на подошвахъ своихъ заклятѣйшіе враги ея—эмигранты, книги, путешественники. Они нашли людей подготовленными. Екатерининское чернильное кокетство съ Вольтеромъ и Дидро, ея литературное *la veine* у Монтескье и Филанжіери не совсѣмъ прошло даромъ. Эпикурейскій...¹⁾ былъ теперь въ модѣ, какъ французскій языкъ. Вельможи посылали своихъ дѣтей въ Парижъ, другіе выписывали оттуда гувернеровъ. Гувернерами были не только

1) Слово не разобрано.

эмигранты (хотя и ихъ вліяніе было очень полезно; эмигранты были тѣ же дѣти XVIII столѣтія, роялисты и вольтеріанцы, деисты-католики и пуще всего фрондеры), но якобинцы въ лучшемъ, самомъ энергическомъ и чистомъ смыслѣ слова.

Во время пущей славы Теруанъ де Мерикуръ и пуцаго разгара революціи, еще не совсѣмъ заступившей въ кровь, ходилъ суровый Роммъ, одинъ изъ «послѣднихъ римлянъ», какъ его назвалъ Кинэ, святой самоубійца, котораго образъ и двухъ-трехъ товарищей печально стоятъ при выходѣ изъ революціи, и съ ними юноши, его воспитанники. Съ нимъ же видали Ромма въ своей section предсѣдательствовавшего въ самые бурные дни трагедіи. Роммъ сильно любилъ юношу и говаривалъ ему часто: «не забывайте дома, что вы видите здѣсь, храните ваше сердце и ваши убѣжденія».

Это былъ графъ Строгановъ.

Графъ Строгановъ былъ въ 1801 г. однимъ изъ совѣтниковъ государя, который ободрялъ его мысль объ освобожденіи. Онъ и писалъ проектъ, забракованный Кочубеемъ, Чарторижскимъ и всѣми тогдашними comitè du salut public».

3272. Напечатано въ № 6 «Kol.»; принадлежность ясна изъ содержанія.

3273. Напечатано въ № 6 «Kol.»; принадлежность ясна изъ помѣтки, хранящейся въ АСГ.

3274. Тоже.

3275. Напечатано въ 6 «Kol.»; принадлежность ясна изъ указанія А. А. Герцена; подлинникъ не найденъ.

3276. Напечатано въ № 6 «Kol.»; принадлежность устанавливается помѣткой Чернецкаго.

3277. Напечатано неполно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3278. Напечатано небольшою частью во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3279. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3280. Напечатано неполно и неисправно на стр. 197—198 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3281. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3282. Напечатано въ № 7 «Kol.» (15 avril).

3283. Напечатано въ № 7 «Kol.», подпись «Isclander»; подлинникъ не найденъ.

3284. Напечатано въ № 7 «Kol.», принадлежность устанавливается по письму А. А. Герцена, хранящемуся въ АСГ.

3285. Тоже.

3286. Напечатано неполно и очень неисправно на стр. 136—38 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

- 3287.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 3288.** Напечатано очень неисправно на стр. 143—144 кн. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 3289.** Напечатано неполно и неисправно во II т. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
- 3290.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 3291.** Напечатано неполно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
- 3292.** Напечатано очень неисправно, стр. 144—146 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 3293.** Напечатано неполно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
- 3294.** Напечатано во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
- 3295.** Напечатано вполнину и неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
- 3296.** Напечатано очень неисправно на стр. 146—148 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 3297.** Напечатано неполно и неисправно въ I кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
- 3298.** Напечатано очень неисправно на стр. 148—150 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; первая половина свѣрена съ неполнымъ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ; остальное—съ копией, снятой Пассекъ, хранящейся въ Пушк. д.
- 3299.** Напечатано очень неисправно на стр. 150—151 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 3300.** Напечатано неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
- 3301.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
- 3302.** Напечатано очень неисправно на стр. 141—142 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 3303.** Напечатано неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
- 3304.** Напечатано въ № 8 «Kol.» (15 мая 1868 г., фактически вышелъ 18 мая); подпись «I - г»; подлинникъ не найденъ.
- 3305.** Напечатано въ № 8 «Kol.»; подлинникъ не найденъ.
- 3306.** Напечатано въ № 8 «Kol.»; принадлежность ясна съ № 3297; подлинникъ не найденъ.
- 3307.** Напечатано въ № 5—6 «Kol.» (русское прибавленіе) (15 мая 1868 г.); принадлежность ясна изъ № 3291; подлинникъ не найденъ.
- 3308.** Напечатано во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3309. Напечатано на стр. 152—153 т. III «Воспоминаний» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

3310. Напечатано неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3311. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3312. Напечатано неполно и неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3313. Напечатано очень неисправно на стр. 153—155 т. III «Воспоминаний» Пассекъ; кромѣ конца, свѣрено съ неполнымъ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3314. Напечатано на стр. 154 т. III «Воспоминаний» Пассекъ, подлинникъ не найденъ; послѣднія иностранныя буквы явно неразобранны.

3315. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3316. Напечатано неполно и неисправно на стр. 155 т. III «Воспоминаний» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3317. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3318. Тоже.

3319. Напечатано на стр. 155—156 т. III «Воспоминаний» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

3320. Напечатано неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3321. Напечатано неисправно на стр. 138—140 т. III «Воспоминаний» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3322. Напечатано во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3323. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3324. Напечатано неисправно на стр. 138—140 т. III «Воспоминаний» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3325. Напечатано въ № 9 «Kol.» (15 июня 1868 г.), подпись «I—г»; подлинникъ не найденъ.

3326. Напечатано въ №№ 9 и 10 «Kol.»

3327. Напечатано въ № 9 «Kol.»; принадлежность ясна съ №№ 3309 и 3319; подлинникъ не найденъ.

3328. Напечатано въ № 9 «Kol.», принадлежность ясна изъ записки Огарева; хранящейся въ АСГ.

3329. Тоже.

3330. Напечатано въ № 9 «Kol.», принадлежность ясна изъ указамя въ № 3301.

3331. Напечатано въ № 9 «Kol.»; подлинникъ не найденъ.

3332. Напечатано неисправно на стр. 156—157 т. III «Воспоминаний» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3333. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3334. Тоже.

3335. Тоже.

3336. Напечатано неполно и неисправно на стр. 157—158 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ неполнымъ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3337. Напечатано неполно и неисправно на стр. 159 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3338. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3339. Напечатано неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3340. Напечатано неполно и неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3341. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3342. Напечатано неполно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3343. Напечатано неполно и неисправно на стр. 160 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

